

2019 – № 4

СИБИРСКИЙ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

Барнаул – Иркутск – Кемерово – Новосибирск – Томск

СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Основан в 2002 г. Выходит 4 раза в год

Сибирское отделение РАН
Институт филологии Сибирского отделения РАН
Алтайский государственный университет
Иркутский государственный университет
Кемеровский государственный университет
Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирский государственный университет
Томский государственный педагогический университет
Томский государственный университет

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Д-р филол. наук, проф. И. В. Силантьев (ИФЛ СО РАН) – главный редактор; д-р филол. наук, доц. И. Е. Ким (ИФЛ СО РАН) – зам. главного редактора; канд. филол. наук, доц. Д. А. Катунин (ТГУ) – зам. главного редактора; д-р филол. наук, проф. А. А. Чувакин (АлтГУ) – зам. главного редактора; канд. филол. наук А. А. Озонова (ИФЛ СО РАН) – ответственный секретарь

Д-р филол. наук, проф. Л. А. Араева (КемГУ); д-р филол. наук, проф. Н. С. Болотнова (ТГПУ); д-р филол. наук, проф. Э. Вайда (Западно-Вашингтонский университет, США); д-р филол. наук, проф. Л. И. Горбунова (ИГУ); д-р филол. наук, проф. В. З. Демьянков (ИЯ РАН); канд. филол. наук, проф. Е. А. Добренко (Университет Шеффилда, Великобритания); д-р филол. наук, проф. М. Я. Дымарский (РГПУ им. А. И. Герцена); д-р филол. наук, доц. О. Д. Журавель (ИИ СО РАН); д-р филол. наук, проф. Л. Г. Ким (КемГУ); д-р филол. наук В. Л. Кляус (ИМЛИ РАН); д-р филол. наук, проф. А. В. Курьянович (ТГПУ); канд. филол. наук А. М. Лаврентьев (Лионский университет, Франция); д-р филол. наук, проф. М. Н. Липовецкий (Университет Колорадо в Боулдере, США); д-р филол. наук, проф. Э. Малэк (Лодзинский университет, Польша); д-р филол. наук, проф. Т. И. Печерская (НГПУ); д-р филол. наук, проф. Дж. Руйе-Уиллоуби (Университет Кентукки, США); д-р филол. наук, проф. Е. К. Скрибник (Мюнхенский университет, Германия); канд. ист. наук, доц. С. Г. Суляк (Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко, Республика Молдова); д-р филол. наук, проф. Т. А. Трипольская (НГПУ); д-р философии по антропологии, проф. С. А. Ушакин (Принстонский университет, США); д-р филол. наук, проф. Л. Харвилаhti (Финское литературное общество, Финляндия); д-р филол. наук, проф. М. А. Черняк (РГПУ им. А. И. Герцена)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Д-р филол. наук, проф. Т. Е. Автухович (Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Республика Беларусь); акад. РАН А. Е. Аникин (ИФЛ СО РАН); д-р филол. наук, проф. Т. Бакчиев (КИЦА, Кыргызская Республика); д-р филол. наук, проф. Т. А. Демешкина (ТГУ); д-р филол. наук, проф. Л. И. Журова (ИИ СО РАН); чл.-корр. РАН, проф. Н. В. Корниенко (ИМЛИ РАН); канд. филол. наук, доц. С. А. Мансков (АлтГУ); д-р филол. наук, проф. М. А. Осадчий (Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина); д-р филол. наук, проф. Л. Г. Панин (НГУ); д-р филол. наук, проф. С. Ж. Тажибаева (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Республика Казахстан); канд. филол. наук, доц. М. Б. Ташлыкова (ИГУ); канд. филол. наук, доц. О. Г. Щеглова (НГУ)

Институт филологии СО РАН, ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090
sibphilology@mail.ru
Официальный сайт журнала: <http://www.philology.nsc.ru/journals/spj/index.php>

СОДЕРЖАНИЕ

Фольклористика

- Варламов А. Н., Варламова Г. И.** (Якутск, ИГиИПМНС СО РАН)
Образ небесного стрелка в солярных мифах тунгусо-маньчжурских народов 9
- Исмаилова Е. И.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Сюжетно-мотивный состав текстов постовых песен о святом Егории и Цмоке, записанных от белорусов Новосибирской области 14
- Сагалаев К. А.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
В гости к Обскому старику: обряд почитания *Ас тый ики* 26
- Ойноткинова Н. Р.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Концепты *ЖАРГЫ* 'суд, решение', 'благодать, благо' и *БЫЙАН* 'благословение', 'благо, благодать' в шаманских текстах алтайцев 33

Литературоведение

- Соболева Л. С., Голендухина М. А.** (Екатеринбург, УрФУ)
Полифония самоидентичности в «Житии» протопопа Аввакума 46
- Тюпа В. И.** (Москва, РГГУ)
Кризис социокультурной идентичности в русской литературной классике 61
- Печерская Т. И.** (Новосибирск, НГПУ)
Игра в Гоголя: центон как повествовательный код (повесть Ф. М. Достоевского «Двойник») 74
- Синякова Л. Н.** (Новосибирск, НГУ)
«Метельный» текст в прозе А. П. Чехова: поэтика и функции 88
- Вахненко Е. Е.** (Иркутск, ИГУ)
Редакционная политика газеты «Биржевые ведомости» в контексте исторического слома (июль 1914 – октябрь 1917 года) 101
- Проскурина Е. Н.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Литература восточной эмиграции в журнале «Русские записки»: к проблеме несостоявшегося диалога 116
- Филатов А. В.** (Москва, МГУ, ИМЛИ РАН)
Аксиология в теории литературы: основные направления ценностного анализа 130
- Ковтун Н. В.** (Красноярск, КГПУ)
Образ Афона в позднем творчестве В. Распутина: традиция и новаторство 141
- Карпухина В. Н.** (Барнаул, АлтГУ)
Современная детская литература в политически корректном дискурсе: лингвоаксиологический аспект 155
- Рогова Е. Н., Яницкий Л. С.** (Кемерово, КемГУ)
Особенности авторской интенции в «Метели» В. Сорокина 168
- Непомнящих Н. А.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Литература и вопросы этнокультурной идентичности: тема шаманизма и сюжеты о шаманах в творчестве писателей Сибири 180

Языкознание

- Будаев Э. В.** (Нижний Тагил, РГППУ)
Чудинов А. П. (Екатеринбург, УрГПУ)
Риторический анализ политической коммуникации в современной зарубежной лингвистике (2010–2018 годы) 187
- Селютина И. Я.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Артикуляторные характеристики шумных переднеязычных согласных в языке телеутов (по данным МРТ) 197
- Уртегешев Н. С.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Аффрикаты в шорском языке 210
- Аникин А. Е.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Из истории сибирских и других русских слов, связанных с водным транспортом 218
- Цыренов Б. Д.** (Улан-Удэ, ИМБТ)
Шинэбаяр О. (Улан-Батор, ИЯЛ АНМ)
Опыт составления русско-бурятского технического словаря: общий анализ 230
- Генералова Е. В.** (Санкт-Петербург, СПбГУ)
Устойчивые сочетания, связанные с понятийной оппозицией «прямое – кривое», в истории русского языка 241
- Тазранова А. Р.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
О статусе некоторых усложненных аналитических форм прошедшего времени (на материале алтайского языка) 253
- Кошкарёва Н. Б.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН, НГУ)
Акциональные предложения в хантыйском и ненецком языках: семантика и пути метафоризации 267
- ОзONOва А. А.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Заместительные конструкции в алтайском языке 281

Рецензии

- Осовский О. Е.** (Саранск, МГПИ)
Живопись в слове: экфразистические стратегии в романе Ф. М. Достоевского «Идиот». Рецензия на книгу: Перлина Н. М. Тексты-картины и экфразисы в романе Ф. М. Достоевского «Идиот». СПб.: Алетейя, 2017. 288 с. 290

Научная жизнь

- Фарафонова О. А.** (Новосибирск, НГПУ)
Всероссийская научная конференция «Вторые Чумаковские чтения. Текст – автор – писатель» (Новосибирск, 12–13 апреля 2019 года) 294

2019 – No. 4

SIBERIAN
JOURNAL
OF PHILOLOGY

Barnaul – Irkutsk – Kemerovo – Novosibirsk – Tomsk

SIBERIAN JOURNAL OF PHILOLOGY

Founded in 2002. Published quarterly.

Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Altai State University
Irkutsk State University
Kemerovo State University
Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk State University
Tomsk State Pedagogical University
Tomsk State University

EDITORIAL BOARD

Igor V. Silantsev, Doctor of Philology, Prof., Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation – *Editor-in-Chief*; Igor E. Kim, Doctor of Philology, Assistant Professor, Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation – *Deputy Editor-in-Chief*; Dmitriy A. Katunin, Candidate of Philology, Assistant Professor, Tomsk State University, Russian Federation – *Deputy Editor-in-Chief*; Aleksey A. Chuvakin, Doctor of Philology, Prof., Altai State University, Barnaul, Russian Federation – *Deputy Editor-in-Chief*; Ayana A. Ozonova, Candidate of Philology, Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation – *Executive Secretary*;

Ludmila A. Araeva, Doctor of Philology, Prof., Kemerovo State University, Russian Federation; Nina S. Bolotnova, Doctor of Philology, Prof., Tomsk State Pedagogical University, Russian Federation; Mariya A. Chernyak, Doctor of Philology, Prof., Herzen University, Saint-Petersburg, Russian Federation; Ludmila I. Gorbunova, Doctor of Philology, Prof., Irkutsk State University, Russian Federation; Valeriy Z. Demyankov, Doctor of Philology, Prof., Institute of Linguistics of the RAS, Moscow, Russian Federation; Evgeniy A. Dobrenko, Candidate of Philology, Prof., University of Sheffield, United Kingdom; Mikhail Y. Dymarskiy, Doctor of Philology, Prof., Herzen University, Saint-Petersburg, Russian Federation; Olga D. Zhuravel, Doctor of Philology, Institute of History of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation; Lidiya G. Kim, Doctor of Philology, Prof., Kemerovo State University, Russian Federation; Vladimir L. Klyaus, Doctor of Philology, A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS, Moscow, Russian Federation; Anna V. Kuryanovich, Doctor of Philology, Prof., Tomsk State Pedagogical University, Russian Federation; Aleksey M. Lavrentsev, Candidate of Philology, Lumiere University Lyon 2, France; Eliza Malek, Doctor of Philology, Prof., University of Lodz, Poland; Mark N. Lipovetskiy, Doctor of Philology, Prof., University of Colorado Boulder, USA; Sergey A. Oushakine, PhD in Anthropology, Prof., Princeton University, USA; Tatyana I. Pecherskaya, Doctor of Philology, Prof., Novosibirsk State Pedagogical University, Russian Federation; Jeanmarie Rouhier-Willoughby, Doctor of Philology, Prof., University of Kentucky, USA; Elena K. Skribnik, Doctor of Philology, Prof., Ludwig Maximilian University of Munich, Germany; Sergey G. Sulyak, Candidate of History, Assistant Professor, Pridnestrovian State University, Moldova; Tatyana A. Tripolskaya, Doctor of Philology, Prof., Novosibirsk State Pedagogical University, Russian Federation; Edward J. Vajda, PhD in Slavic Linguistics, Prof., Western Washington University, USA; Lauri Harvilahti, Doctor of Philology, Prof., Finnish Literature Society, Finland

EDITORIAL COUNCIL

Aleksandr E. Anikin, Academician of the RAS, Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation; Tatyana E. Avtukhovich, Doctor of Philology, Prof., Yanka Kupala State University of Grodno, Belarus; Talantaaly A. Bakchiev, Doctor of Philology, Prof., Korean Institute of Central Asia, Bishkek, Kyrgyz Republic; Tatyana A. Demeshkina, Doctor of Philology, Prof., Tomsk State University, Russian Federation; Ludmila I. Zhurova, Doctor of Philology, Institute of History of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation; Natalya V. Kornienko, Doctor of Philology, Corresponding member of the RAS, A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS, Moscow, Russian Federation; Sergey A. Mankov, Candidate of Philology, Assistant Professor, Altai State University, Barnaul, Russian Federation; Mikhail A. Osadchiy, Doctor of Philology, Prof., Pushkin State Russian Language University, Moscow, Russian Federation; Leonid G. Panin, Doctor of Philology, Prof., Novosibirsk State University, Russian Federation; Olga G. Scheglova, Candidate of Philology, Assistant Professor, Novosibirsk State University, Russian Federation; Saule Zh. Tazhibayeva, Doctor of Philology, Prof., L. N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan; Marina B. Tashlykova, Candidate of Philology, Assistant Professor, Irkutsk State University, Russian Federation

Institute of Philology
Nikolaeva St., 8, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
sibphilology@mail.ru
<http://www.philology.nsc.ru/journals/spj/index.php>

CONTENTS

Folklore

- Varlamov A. N., Varlamova G. I.*
The *Sky Shooter* image in solar myths of the Tungus-Manchu peoples 9
- Ismagilova E. I.*
Theme-motif content of the Fasting songs about Saint Yegorii and Tsmok (Dragon) recorded from the Belarusians of the Novosibirsk region 14
- Sagalaev K. A.*
Visiting the Ob old man: the rite of worship of *As tyi iki* 26
- Oinotkinova N. R.*
Concepts *JARGY* 'the court', 'thanks, thanks' and *BYIAN* 'blessing', 'thanks' in the shaman text of the Altaians 33

Literature

- Soboleva L. S., Golendukhina M. A.*
Polyphony of self-identity in the Life of Archpriest Avvakum 46
- Tyupa V. I.*
Crisis of sociocultural identity in the classical Russian literature 61
- Pecherskaya T. I.*
Playing Gogol: pastiche as a narrative code (Dostoevsky's novel "The Double") 74
- Sinyakova L. N.*
Snowstorm text in A. P. Chekhov's prose: poetics and functions 88
- Vakhnenko E. E.*
Editorial policy of the newspaper "Birzhevye Vedomosti" in the context of historical shift (July 1914 – October 1917) 101
- Proskurina E. N.*
Eastern emigration literature in the magazine "Russkiye zapiski (Annales Russes)": to the problem of a failed dialogue 116
- Filatov A. V.*
Axiology in literary criticism: main directions of value analysis 130
- Kovtun N. V.*
The image of Athos in the late works of V. Rasputin: tradition and innovation 141
- Karpukhina V. N.*
Contemporary children's literature in the politically correct discourse: axiological linguistic aspect 155
- Rogova E. N., Yanitskiy L. S.*
Specifics of the author's intention in V. Sorokin's "Metel" 168
- Nepomnyaschikh N. A.*
Literature and the issues of ethnocultural identification: the shamanism theme and plots about shamans in Siberian writers' works 180

Linguistics

- Budaev E. V., Chudinov A. P.**
Rhetorical analysis of political communication in contemporary foreign linguistics (2010–2018) 187
- Selyutina I. Ya.**
Articulatory characteristics of noisy frontlingual consonants of the Teleut language (according to MRI data) 197
- Urtegeshev N. S.**
Affricates in the Shor language 210
- Anikin A. E.**
From the history of Siberian and other Russian words related to water transport 218
- Tsyrenov B. D., Shinabayar O.**
The experience of compiling the Russian-Buryat dictionary of technical terms: a general analysis 230
- Generalova E. V.**
Fixed word combinations dealing with the mental opposition “straight – curved” in the history of the Russian language 241
- Tazranova A. R.**
On the status of certain complicated analytical forms of past tense (the Altai language data) 253
- Koshkareva N. B.**
Actional sentences in the Khanty and Nenets languages: semantics and metaphorization ways 267
- Ozonova A. A.**
Constructions denoting alternatives and preferences in the Altai language 281

Reviews

- Osovskiy O. E.**
Book review: Perlina N. M. *Teksty-kartiny i ekfrazisy v romane F. M. Dostoyevskogo “Idiot”* (Texts-pictures and ekphrasis in F. M. Dostoevsky’s “Idiot”). St. Petersburg, Aleteyya, 2017, 288 p. 290

Scientific life

- Farafonova O. A.**
All-Russian scientific conference with international participation “The Second Chumakov Readings. The Text – the Writer – the Reader” (Novosibirsk, April 12–13, 2019) 294

УДК 398.221=512.212
DOI 10.17223/18137083/69/1

А. Н. Варламов, Г. И. Варламова

*Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск*

Образ небесного стрелка в солярных мифах тунгусо-маньчжурских народов

Статья посвящена солярным мифам тунгусо-маньчжурских народов о небесном стрелке-спасителе. Рассматриваются ключевые образы и мотивы солярных мифов эвенков России, Китая, а также тунгусо-маньчжурских народов Приамурья. Эти мифы этиологического характера поясняют происхождение небесных тел и созвездий, а также причину смены времени суток. В результате анализа авторы приходят к выводу об эволюции образа небесного стрелка от «спасителя солнца» до «спасителя людей от солнечной жары». Трансформация образа небесного стрелка и мотивов в солярных мифах тунгусо-маньчжурских народов связывается авторами с этногенезом тунгусо-маньчжурских народов в среднем и нижнем течении Амура.

Ключевые слова: мифы тунгусо-маньчжурских народов, солярные мифы, образ небесного стрелка.

В фольклоре тунгусо-маньчжурских народов распространены мифы о небесном охотнике-стрелке. Небесный охотник является ключевой фигурой солярных мифов, сюжеты которых отличаются у разных народов тунгусо-маньчжурской группы. Небесный стрелок как фольклорный персонаж наиболее часто встречается в мифах эвенков.

Древняя мифологическая основа образа небесного стрелка обнаруживается в мифах эвенков о Манги. Образ Манги в мифологии эвенков распространен и разнопланов – это и предок-человек, и предок-медведь, и неземной великан, прилетающий на землю на своих блестящих летающих лыжах. В солярных мифах Манги выступает как охотник, сказочный богатырь, достигающий верхнего мира

Варламов Александр Николаевич – доктор филологических наук, старший научный сотрудник сектора северной филологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (ул. Петровского, 1, Якутск, 677007, Россия; ataki2006@yandex.ru)

Варламова Галина Ивановна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора северной филологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (ул. Петровского, 1, Якутск, 677007, Россия; keptuke@mail.ru)

на волшебных лыжах. В среде эвенков России наиболее распространен миф о Манги, спасающем солнце в погоне за лосями, похитившими небесное светило. Этот миф объясняет причину смены дня и ночи [Мазин, 1984, с. 9]. Мифы о Манги поясняют также происхождение созвездий – Большой, Малой Медведиц и Млечного пути. Детальный вариант космогонического мифа о Манги, записан В. С. Пежемским в 1920 г. от эвенков с. Ербогачен Иркутской обл. По сюжету мифа, Манги, совершив проступок (чуть не убив сестру на охоте), спасаясь от гнева отца, бежит на небо. Проникнув в верхний мир через отверстие Сангар (Полярная звезда), Манги встречает двух охотников, которые гонятся за лосихой с лосенком. Манги первым настигает и добывает лосиху, лосенок же, испугавшись, бежит через небесное отверстие Сангар на землю. Согласно мифу, именно таким образом на земле появляются лоси, а сцену той мифической охоты можно увидеть ясной ночью на небе в виде Млечного пути, который эвенки называют «Манги Кинглэн» (Лыжня Манги) [Материалы..., 1936, с. 273–275]. «Стабильное присутствие образа лося в эвенкийских мифах о Манги указывает на взаимосвязь мифа с неолитическим культом лося, сопровождавшим раннюю стадию этногенеза тунгусов, сохранившимся в мировоззренческих традициях современных эвенков» [Варламов, 2009, с. 151–152]. Наглядную демонстрацию взаимосвязи мифа о Манги и древнего культа лося мы можем наблюдать на наскальных рисунках древности. Так, на известной наскальной писанице на р. Мая изображена сцена, которую А. И. Мазин охарактеризовал как сцену мифа о Манги, преследующего лося, который похитил солнце [Мазин, 1986, с. 8].

В эвенкийских мифологических повествованиях, опубликованных в России, мы не находим образ манги-стрелка, поражающего солнечные светила, и мотив «множественности солнц» на небе в мифически далекие времена. Возможно, этот сюжет не был зафиксирован в записях немногочисленных собирателей и исследователей фольклора эвенков. Но, оказывается, в современном фольклоре эвенков, живущих на территории КНР, сохранились сюжеты о небесном стрелке по имени Манги, в которых стабильно присутствует мотив множественности солнц на небе. Фольклорный материал, содержащий мифы о Манги, любезно передан нам в дар в виде диска во время официального визита делегации эвенков Якутии в Хулунбуирский аймак Эвенкийского автономного округа Внутренней Монголии КНР в 2015 г. Диск содержит три фольклорных повествования о Манги. Приведем краткое содержание солярного мифа китайских эвенков.

В глубокой древности на небе было 13 солнц, которые своим жаром мешали жизни на земле. Богатырь Манги своими стрелами убивает 12 солнц из 13. Когда он начинает целиться в последнее солнце, то оно (именуемое Сигунто, от слова *сигун* – ‘солнце’, имеет женскую ипостась) выхватывает у него из рук лук и побеждает богатыря. Одолев Манги-стрелка, персонифицированное солнце по имени Сигунто обрекает Манги вместе с его женой открывать ей небесные двери на западной стороне неба, куда она уходит отдыхать. Этот миф также поясняет причину смены времени суток – рано утром Сигунто восходит на восточной стороне неба, возвращаясь к западным небесным вратам поздно вечером ¹.

Образ стрелка, а также мотив множества солнц присутствует в фольклоре южных тунгусов: нанайцев, орочей, ороков, ульчей, удэгейцев. В мифах этих народов имеется общий для всех культурный герой Хадау (Хадаву, Ходай, Хадо, Хаду), спасающий землю от невыносимой жары, убив из лука два лишних солнца, иногда этот герой выступает без имени [Лебедева, 1982, с. 9].

В сюжете нанайского мифа о небесном стрелке присутствует три солнца: «Давным-давно, когда люди на земле только стали появляться, было страшное пекло, потому что на небе было три солнца. Много людей в ту пору погибло.

¹ Архив Якутского научного центра. Ф. 5. Оп. 14. Ед. хр. 178.

И один отважный человек взял лук и стрелы и, едва три солнца закатились, побежал туда, откуда они должны были подняться утром. Храбрец убил одно солнце, затем второе. Оставил он только одно солнце. С той поры только одно солнце обходит землю. В морозные же дни появляются иногда отсветы двух погасших солнц» [Нанайский фольклор..., 1996, с. 339].

В схожих по сюжету мифах удэгейцев изначально присутствовали два солнца, которые высушивали воду и траву, изгоняя животных и обрекая людей на гибель. Чтобы спасти людей, богатырь Егдыга стреляет в одно из солнц, которое становится тусклым и затем превращается в луну. Миф поясняет существование Солнца и Луны [Фольклор удэгейцев..., 1998, с. 81].

Как видим, в мифах южных тунгусов о небесном стрелке отсутствует знаковый для эвенков образ лося. Вместе с тем взаимосвязь с более ранними мировоззренческими традициями, несомненно, присутствует. Главный персонаж космогонических мифов южных тунгусов Хадау является старшим сыном предков – лося и лягушки [Сем, 1998, с. 60–61].

Весьма схожий сюжет обнаруживается в мифологии еще более южных народов Юго-Восточной Азии, например племен, объединенных под названием «мяо»: «И народ мяо сохранил песню о стрельбе героя Ян Я в солнца, которые светят вместе с лунами. У мяо в песне подробно рассказывается о том, как были выкованы из золота солнца и из серебра луны, как оставшиеся одно солнце и одна луна испугались и не хотели больше выходить на небо, пока их не позвал петух. По другой, более поздней легенде мяо, этот подвиг совершил Чжан Го-лао (бессмертный, образ которого мяо заимствовали из даосской мифологии)» [Рифтин, 1965, с. 449–477].

Образ небесного стрелка весьма популярен в китайской мифологии. Мифологический герой-лучник по имени И совершает множество подвигов, подобных двенадцати подвигам Геракла. Одним из его выдающихся подвигов является спасение людей от жара десяти солнц. По просьбе верховного правителя И стреляет из лука и поражает 9 из 10 солнц на небе [Юань Кэ, 1987, с. 309–319].

В фольклоре северных (российских) эвенков мотив множественности солнц находит отражение лишь в эпическом жанре, например в эвенкийском героическом сказании о Торгандуне [Дулин буга Торгандунин..., 2013]. В этом сказании небесные персонажи представлены образами, связанными с Солнцем, Луной, рассветом и отдельными звездами. Небесные персонажи сказания являются жителями верхнего мира и живут как обычные люди (имея супругов, детей и хозяйство). Верхний мир имеет несколько ярусов, а каждый ярус – своих духов-хозяев, т. е. небесных героев-персонажей. Духами-хозяевами второго яруса верхнего мира является супружеская пара Сигурдэн и Геван, где Сигурдэн – это почтенная старуха, а Геван – почтенный старик. Имя собственное *Сигурдэн* образовано от слова *сигун* – ‘солнце’. Слово *сигун* является обще-тунгусским и в различных вариантах имеется у нанайцев, солонов, негидальцев, орочей, удэгейцев, ульчей, ороков [ССТМЯ, 1977, с. 78]. Имя духа-хозяина Гевана означает «рассвет» [ЭРС, 2004, с. 131]. Духом-хозяином третьего яруса верхнего мира является старец Дылачанкур. Имя образовано от слова *дылача* – ‘солнце’, *-нкур* – суффикс, обозначающий принадлежность к мужскому роду или группы людей к родовой организации [Там же, с. 179]. Как видим, духами-хозяевами двух верхних ярусов верхнего мира являются персонажи, имена которых образованы от двух эвенкийских слов, передающих одно понятие «солнце»: *Сигун* и *Дылача*. Вероятно, распространенные солярные образы в эпосе эвенков вошли в фольклорные традиции во взаимосвязи с длительным процессом этногенеза тунгусо-маньчжурских народов на востоке – в Приамурье.

Таким образом, солярные мифы тунгусо-маньчжурских народов являются этиологическими, поясняющими происхождение небесных светил, созвездий,

а также причину смены времени суток. В солярных мифах тунгусо-маньчжурских народов образ небесного стрелка различен в мотивах его героических подвигов. В мифах эвенков России он выступает «спасителем солнца», а в мифах народов Приамурья и эвенков Китая – «спасителем людей от жара множества небесных светил». Ключевой образ лося, характерный для мифов эвенков таежной зоны, в мифах приамурских народов проявляется косвенно – в происхождении образа культурного героя, и полностью отсутствует в мифологии эвенков Китая. На наш взгляд, различия в образе небесного стрелка и мотивах в солярных мифах обусловлены воздействием восточной мифологии и связаны с этногенезом тунгусо-маньчжурских народов в среднем и нижнем течении Амура.

Список литературы

- Варламов А. Н.* Женский образ прародительницы в фольклоре эвенков // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2009. № 117. С. 150–156.
- Дулин буга Торгандунин – Торгандун среднего мира. Новосибирск: Наука, 2013. 856 с. (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Т. 31)
- Лебедева Ж. К.* Эпические памятники народов Крайнего Севера. Новосибирск: Наука, 1982. 112 с.
- Мазин А. И.* Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1984. 201 с.
- Мазин А. И.* Таежные писаницы Приамурья. Новосибирск: Наука, 1986. 260 с.
- Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору / Сост. Г. М. Василевич. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР им. П. Г. Смидовича, 1936. 290 с.
- Нанайский фольклор: нингман, сиохор, тэлунгу / Сост. Н. Б. Киле. Новосибирск: Наука, 1996. 478 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 11).
- Сем Т. Ю.* Типология амурского космогонического мифа // Фольклор и этнография народов Севера: Сб. науч. тр. Якутск, 1998. С. 59–67.
- ССТМЯ – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / Отв. ред. В. И. Цинциус. Л.: Наука, 1977. Т. 2. 992 с.
- Рифтин Б. Л.* Изучение китайской мифологии и книга профессора Юань Кэ // Юань Кэ. Мифы Древнего Китая. М.: Наука, 1965. С. 449–477.
- Фольклор удэгейцев: ниманку, тэлунгу, ехэ / Сост. М. Д. Симонов, В. Т. Кялундзюга, М. М. Хасанова. Новосибирск: Наука, 1998. 561 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 18).
- ЭРС – Эвенкийско-русский словарь – Эвэды-лучады турэрук. Сост. А. Н. Мыреева. Новосибирск: Наука, 2004. 798 с. (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Т. 3).
- Юань Кэ.* Мифы Древнего Китая. 2-е изд. М., 1987. 527 с.

A. N. Varlamov ¹, G. I. Varlamova ²

*The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies
of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Yakutsk, Russian Federation*

¹ ataki2006@yandex.ru, ² keptuke@mail.ru

The Sky Shooter image in solar myths of the Tungus-Manchu peoples

The paper is devoted to the solar myths of the Tungus-Manchu peoples about the sky hunter-shooter. The most ancient mythological basis of the sky hunter is found in the Evenki myths about

Manga, where he appears as the fairy-tale hero reaching the upper world on his magical skis. The most famous Manga myth is about saving the sun in pursuit of moose. These myths tell about the reason for the change of day and night and also the origin of constellations. The main character in the Evenki solar myths is the moose figure which the authors believe to be connected with the cult of moose that existed in antiquity in the late Neolithic period.

The key motif in the solar myths of Chinese Evenki and the Tungus-Manchu peoples in the Amur region is the “plurality of suns.” Also, the nature of heroic deeds is seen to change – the sky shooter saves people from the heat of the suns. Herewith, the etiological basis of the myths remains unchanged, with the origin of celestial objects and constellations and the reason for the night and day change being explained. In the folklore of the Amur peoples, the image of cultural hero Khadau reveals the correlation with the Evenki mythology. The analysis made allows the authors to identify the evolution of the sky shooter image from “the sun’s savior” to “the people’s savior.” The authors believe the transformation of character and motives in solar myths to be influenced by eastern mythology and to be connected with ethnogenesis of the Manchu-Tungus peoples in the Amur region.

Keywords: myths of the Tungus-Manchu people, solar myths, image of a sky shooter, myths of Evenks.

DOI 10.17223/18137083/69/1

References

Dulin Buga Torgandunin – Torgandun srednego mira [Torgandun of average world]. Novosibirsk, Nauka, 2013, 856 p. (Pamyatniki etnicheskoy kul'tury korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of ethnic culture of indigenous peoples of the North, Siberia, and the Far East]. Vol. 31).

Evenkiysko-russkiy slovar [Evenki-Russian dictionary]. A. N. Myreyeva (Comp.). Novosibirsk, Nauka, 2004, 798 p. (Pamyatniki etnicheskoy kul'tury korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of ethnic culture of indigenous peoples of the North, Siberia, and the Far East]. Vol. 3).

Fol'klor udegeytsev: nimanku, telungu, ekhe [Folklore of Udege: nimanku, telungu, ehe]. M. D. Simonov, V. T. Kyalundzyuga, M. M. Khasanova (Comps). Novosibirsk, Nauka, 1998, 561 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]. Vol. 18).

Lebedeva Zh. K. *Epicheskie pamyatniki narodov krainego severa* [Epic monuments of the Far North people]. Novosibirsk, Nauka, 1982, 112 p.

Materialy po evenkiyskomu (tungusskomu) fol'kloru [Materials on the Evenki (Tungus) folklore]. G. M. Vasilevich (Comp.). Leningrad, Izd. Instituta narodov Severa TSIK SSSR im. P. G. Smidovicha, 1936, 290 p.

Mazin A. I. *Tradicionnye verovaniya i obryady evenkov-orochonov (konec 19 – nachalo 20 v.)* [Traditional beliefs and ceremonies of Evenks-orochon (the end of the 19th – the beginning of the 20th century)]. Novosibirsk, Nauka, 1984, 201 p.

Mazin A. I. *Tayezhnyye pisanitsy Priamur'ya* [Taiga rock paintings of Amur River region]. Novosibirsk, Nauka, 1986, 260 p.

Nanayskiy fol'klor: ningman, siokhor, telungu [Nanaian folklore: ningman, siokhor, telungu]. N. B. Kile (Comp.). Novosibirsk, Nauka, 1996, 478 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]. Vol. 11).

Sem T. Y. *Tipologiya amurskogo kosmogonicheskogo mifa* [Typology of the Amur cosmogonic myth]. In: *Fol'klor i etnografiya narodov Severa: Sb. nauch. tr.* [Folklore and ethnography of the peoples of the North: Coll. of sci. art.]. Yakutsk, 1998, pp. 59–67.

Sravnitel'nyy slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov [Comparative dictionary of Tungus-Manchurian languages]. V. I. Tsintsius (Ed.). Leningrad, Nauka, 1977, vol. 2, 992 p.

Riftin B. L. *Izucheniye kitayskoy mifologii i kniga professora Yuan' Ke* [Studying of the Chinese mythology and book by professor Yuan Ke]. In: Yuan' Ke. *Mify drevnego Kitaya* [Myths of ancient China]. Moscow, Nauka, 1965, pp. 449–477.

Varlamov A. N. *Zhenskiy obraz praroditel'nitsy v fol'kloru evenkov* [Female image of the progenitress in the folklore of Evenks]. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2009, no. 117, pp. 150–156.

Yuan Ke. *Mify drevnego Kitaya. 2-e izd.* [Myths of Ancient China. 2nd ed.]. Moscow, 1987, 527 p.

Е. И. Исмаилова

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

**Сюжетно-мотивный состав текстов
постовых песен о святом Егории и Цмоке, записанных
от белорусов Новосибирской области ***

Вводятся в исследовательскую практику и анализируются два ранее не известных текста постовых песен (духовных стихов) о Егории и Цмоке, зафиксированные в Новосибирской области от потомков белорусских переселенцев. Проведен сравнительный анализ сибирских текстов с образцами, бытовавшими в областях Белоруссии, откуда в Сибирь приехали родители исполнителей этих текстов. Тексты рассматривались по разделам и отдельным мотивам; исследовательское внимание привлекала также лексика сибирских вариантов. При имеющихся пропусках отдельных мотивов и разделов, неясных в смысловом отношении фрагментов и трансформациях некоторых слов сибирские варианты стихов о Егории и Цмоке сохранились достаточно полно. В одном из текстов присутствует мотив, не встречающийся в образцах, зафиксированных на метропольной территории традиции.

Ключевые слова: белорусские постовые песни, духовные стихи о Егории и змее, песенный фольклор сибирских белорусов, сюжетно-мотивный анализ эпических текстов.

Сюжет победы святого Георгия / Егория / Юрия над Цмоком (змеем) – один из наиболее древних и чрезвычайно популярных и любимых в народе. Это легендарное эпическое сказание о христианском герое-святом широко распространено в славянском фольклоре, в частности в белорусской фольклорной традиции.

Духовные стихи о святом Егории имеют богатую историю изучения. Существующая на эту тему литература посвящена рассмотрению возможных источников (книжных и фольклорных) разных версий этих текстов, выявлению устойчивых типов сюжетно-композиционной структуры произведений, анализу стилистического уровня народных текстов. Укажем на работы, положившие начало исследованию сюжета о святом Егории в славянской фольклористике. Это исследования А. И. Кирпичникова [1878], А. Н. Веселовского [1880] и А. В. Рыстенко [1909],

* Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

Исмаилова Екатерина Игоревна – кандидат искусствоведения, научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 690060, Россия; zhimul@ngs.ru)

в которых на объемном материале рассмотрены литературные источники стиха¹, житийная и мифологическая биография героя, охарактеризованы отдельные детали и мотивы, описано возникновение народного культа святого Георгия.

Отражению народной религиозности в текстах о Егории посвящены несколько страниц в известной книге Г. П. Федотова «Стихи духовные (русская народная вера по духовным стихам)» [1991, с. 21, 22, 99, 100]. Автор книги свидетельствует о том, что сюжет о победе Егория над змием, освобождении царевны и утверждении христианской веры более распространен в западных областях России (а также на русской иконе) – так называемый малый стих о Георгии, в сравнении с большим стихом о страданиях и смерти святого великомученика по повелению царя Диоклетиана [Там же, с. 21, 22].

Фольклорные тексты о святом Егории подробно рассмотрены в диссертационном исследовании Т. В. Хлыбовой [1994]. Сравнивая сюжетно-композиционные особенности русских (северных и поволжского) и смоленско-белорусских (западных) стихов, автор приходит к выводу о существовании разных сюжетных версий стиха: «западной» и «северно-поволжской» [Там же, с. 7–16]. Согласно первой версии, змей – символ язычества; победив его, святой Егорий спасает бывших идолопоклонников и несет им свет христианства. Эта западная, т. е. белорусская, версия более ориентирована на книжный первоисточник. В образцах второй, северо-поволжской сюжетной версии, более удаляющейся от письменного текста, говорится о спасительности истинного христианства и победе над различными ересями и вероотступничеством.

В начале XXI в. появляются новые работы, посвященные обозначенной теме. Среди них статья и глава монографического исследования белорусской исследовательницы духовных стихов, псалм и кантов Л. Ф. Костюковец. Статья содержит обстоятельный словесный и музыкальный анализ фольклорного образца, записанного в 2008 г. в Могилевской области Белоруссии [Костюковец, 2012]. В работе также присутствует краткое описание всех ранее зафиксированных в Белоруссии вариантов текста о святом Егории (Юрии) и Цмоке, начиная с конца XIX в. В книге «Фольклоризация канта» в разделе о кантах устной традиции, сформировавшихся в среде белорусских лирников [Костюковец, 2014, с. 47–70], предпринята подробная характеристика музыкально-поэтических структур целого ряда образцов с сюжетом о Святом Юрии и Цмоке.

Традиционная среда бытования белорусских духовных стихов, ситуации их исполнения, особенности национального менталитета, отраженные в этих текстах (и, в частности, в стихах о святом Егории) являются предметом рассмотрения в статье А. В. Морозова [2015]. Духовные стихи пелись каликами – бродячими, часто слепыми, народными певцами, зарабатывавшими себе на жизнь этим занятием, – своего рода носителями профессионализма устного типа.

Перечисленные работы свидетельствуют о неослабевающем исследовательском внимании к текстам со столь древним сюжетом, бытующим в устной практике вплоть до начала XXI в. Рассмотрение и введение в научный оборот подобных текстов не теряет своей актуальности и в настоящее время.

В Сибирь духовные стихи о Егории и Цмоке попадают вместе с белорусскими переселенцами, прибывшими на территорию современной Новосибирской области в начале XX в. [Белорусы в Сибири..., 2011, с. 24–26]. Так же, как и на своей родине – в Белоруссии, переселенцы называли их не только стихами, но и постовыми песнями, поскольку пение народных произведений религиозного содержания, как правило, было приурочено к периодам постов (Великого и Рождествен-

¹ По мнению А. В. Рыстенко, наиболее ранние тексты византийских и славянских легенд о победе Георгия над змеем зафиксированы в рукописях XII–XIV вв. [Рыстенко, 1909, с. 5].

ского). Вслед за носителями традиции это обозначение перешло в научный обиход собирателей и исследователей сибирско-белорусского фольклора, желающих подчеркнуть сезонную приуроченность и особый сакральный статус исполнения этих образцов [Ефремова, 1998, с. 124]².

В настоящей статье вводятся в научную исследовательскую практику два ранее не известных текста постовых песен (духовных стихов) о Егории и Цмоке, зафиксированных в Новосибирской области от потомков белорусских переселенцев, и предпринимается их сюжетно-мотивный анализ. Для выявления особенностей функционирования фольклорных произведений в условиях сибирской диаспоры проводится сравнение их с близкими им образцами, бытовавшими в тех областях (или расположенных рядом с ними) Белоруссии, откуда в Сибирь приехали родители исполнителей этих текстов.

Аудиозапись первого из сибирских текстов (С1) выполнила студентка Новосибирского государственного педагогического института В. Н. Березовская в 1976 г. в пос. Дивинка Болотнинского района Новосибирской области от потомков выходцев из Гродненской губернии Н. В. Березовской (1920 г. р.) либо Л. Ф. Ермаковой (1924 г. р.)³. Наиболее близким к сибирскому варианту в отношении текстовых особенностей и территории выхода является стих, зафиксированный известным белорусским хоровым дирижером и фольклористом Г. Р. Ширмой в 1929 г. в д. Харки Пружанского повета Польской республики (ныне Пружанский район Брестской области Республики Беларусь)⁴ от Зоси Карпюк (обозначим этот образец как Б1)⁵.

Второй сибирско-белорусский образец стиха о святом Егории (С2) записал в ходе работы экспедиции выдающийся сибирский фольклорист и писатель М. Н. Мельников в 1987 г. в д. Ивановка Кыштовского района Новосибирской области от сестер Мавры Тихоновны и Алены Тихоновны Терещенко (годы их рождения не указаны); известно, что их родители приехали из Могилевской губернии⁶. В настоящей работе этот текст сравнивается со стихом, записанным белорусским писателем, литературоведом и фольклористом М. И. Горецким в 1926 г. в с. Богатовка Мстиславского района Могилевской области от его матери Проси Горецкой, 1860 г. р. (Б2)⁷.

Согласно обозначенной в исследовательской литературе схеме [Хлыбова, 1994, с. 7; Костюковец, 2012, с. 121], тексты постовых песен с сюжетом о Егории и Цмоке состоят из трех разделов. Первый – вступительный, повествует о «неверных людях», поклоняющихся не Господу Богу, а адскому змею (Цмоку). По существующей очереди ему каждый день приносят человеческие жертвы. Второй раздел – центральный, самый развернутый, динамичный и драматичный. В нем говорится о том, что очередь дошла до царской семьи, и на съедение Цмоку царь отправляет свою дочь. Царевна наряжается в одежду для погребения либо как на свадьбу; она не знает, куда ее отправляют. Царская дочь приходит на берег,

² В настоящей статье будут использоваться оба термина, которые в данном случае тождественны (жанровое обозначение «духовный стих» относится к содержательному аспекту, «постовая песня» – к календарной приуроченности исполнения этих фольклорных произведений).

³ В паспортных данных к аудиозаписи указаны обе исполнительницы. В настоящее время нет возможности установить, кто из них поет этот образец, звучащий односторонне. Запись хранится в Государственном архиве Новосибирской области (ГАО. Ф. 2163. Оп. 1. № 512-13 (эксп. тетрадь); Оп. 2. № 2. МЛ-13 (аудио)).

⁴ Пружанский повет граничил с южными районами территории Гродненской губернии, в 1920-е гг. также относящейся к Польше.

⁵ Опубликовано в монографии Л. Ф. Костюковец «Фольклоризация канта» [2014, с. 60, 61].

⁶ Запись хранится в Архиве ИИЭФ БАН, оп. Сибирь, МК-2, № 2.

⁷ Опубликовано в монографии Л. Ф. Костюковец «Фольклоризация канта» [2014, с. 57, 58].

и из моря / озера внезапно возникает страшное чудовище. Царевна в ужасе начинает молиться Богу о спасении. Появляется спаситель царевны и всего царства – святой Егорий. Он побеждает змея ударом копья / показывая ему крест / произнося имя Бога; Цмок усмиряется, становится слабым и покорным. В третьем, заключительном разделе царевна связывает и ведет в город поверженное чудовище, царь и жители города при виде его пугаются, и, наблюдая чудо победы над ним, обращаются в христианскую веру.

Рассмотрим далее тексты сибирских и белорусских вариантов в сравнении между собой последовательно по разделам и отдельным мотивам⁸. Текстовые фрагменты записаны в два столбика, в левом – белорусский текст (Б), в правом – текст сибирского бытования (С).

Можно заметить, что образцы Б1 и С1 в целом очень близки. В первом разделе они во многом совпадают, различаясь только в деталях: в сибирском варианте Смок «пекельный», т. е. адский, в метропольном – «злой», очередь (*черга / чарга*) принесения жертвы происходит ежедневно (С1) и ежемесячно (Б1).

Былі людзі неверныя, Не веровалі ў Госпада Бога,	Были люди да няверныя, Да не верили Господу Богу.
Ано веровалі злomu смочыску,	Да поверили пекельному Смоку ⁹ .
Далі смоку па аброку, – Што месяца па чалавеку.	Да дали ему по оброку. Да на каждый день по человеку.

Во втором (центральном) разделе различий между текстами становится больше. Так, например, в С1 отсутствует мотив *Царь пожалел свою жену и высылал дочь вместо нее*. В свою очередь, в Б1 отсутствует информация о том, что дочь у царя была единственная. Отличается содержание мотива *Царь дает дочери наказания*. В С1 царь велит царевне наряжаться в красивые одежды (*золотые саты*¹⁰), брать золотой кубок и идти за водой, что указывает на появление в тексте свадебной символики (т. е. царевну как бы отправляют на встречу с женихом). В Б1 царь советует дочери не ходить посередине моря, а быть с краю, – таким образом, от чего-то предостерегает. Далее в Б1 достаточно подробно описывается состояние царевны при виде страшного чудовища, готовящегося ее поглотить: она испугалась, упала на землю и стала молить Бога о спасении. В С1 этот мотив пропущен. Затем в С1 следуют финальные строки, повествующие о том, что Бог послал «Юрья светого», спасая тем самым «весь свет» от страшного чудовища. Этим фрагментом сибирский вариант и оканчивается.

Прышла чарга да пана-цара:	Ой, шла <i>черга</i> ¹¹ по всему свету. Да пришла <i>черга</i> к самому царю
----------------------------	--

⁸ В настоящей работе мы придерживаемся определения термина «мотив», изложенного в статье Н. К. Козловой: «...под мотивом нужно понимать повествовательную предикативную единицу, имеющую структуру предложения (главное в которой предикат), но обязательно содержащую мифологему, историческое или бытовое наблюдение народа» [2016, с. 85].

⁹ В известных нам сибирских образцах слово «Цмок» произносится как «Смок».

¹⁰ *Саты* – очевидно, измененное слово *szata* – одежда, ризы (польск.), см.: Польско-русский словарь. URL: <http://slovariki.org/polsko-russkij-slovar/>.

¹¹ *Черга* – чарга – очередь (белорус.), см.: Белорусско-русский словарь. URL: <http://www.вокабула.рф/словари/>.

– Ой, ну, цару, выбірайся,
Ці сам ідзі, ці жану пашлі.

И самому йти, и царицу вести.

А цар жаны пажалаваў,
Выслаў дачку сямілетачку.

Да была у царя одна дочка.
Да(й) она была одиночка.

Высылае, навучае:
– Не йдзі, доньку, пасярод мора,
Ано йдзі, доньку, па край мора.

И дай, *сурка*¹², золотые *саты*
Да надейвай, сурка, *адла маты*¹³.
Бери, сурка, золотой кубок,
Да иди, сурка, к морю по воду.

Ідзе панна і чытае, –
Злое смочыско выплывае.

Сурка к морю прыбегает,
А Цмок из воды выплывае.

Стала панна, злякалася,
Ў сырую зямлю ўдзівілася,
Да пана Бога ручкі зносіць,
Ручкі зносіць, Бога просіць:
– Ой, Божа мой міласцівый,
Ой, змілуйся нада мною!

Выслаў пан Бог святога Юр'я,
Святога Юр'я на сівым каню.

Да не дал Пан Богу весь свет пажерсти,
Да прислал Пан Богу Юр'я святого.

В Б1 есть еще два мотива, относящиеся в заключительному разделу текста. Первый из них представляет собой речь святого Юрия к царевне, в которой он предписывает ей связать усмиренное чудовище и повести его «па ўсім свеце, па ўсіх селлах» до царя. Второй – заключительный мотив – Юрий отказывается от награды и предписывает веровать «в Господа Бога».

Ой, цыць, панно, не лякайся,
Выцягни шнурок са сваіх касок.
Возьмеш смочыска за зябрыска,
Павязеш яго па ўсім свеце,
Па ўсім свеце, па ўсіх селлах,
Па усіх селлах і касцелах,
Завядзеш яго да пана цара:
– Юр'я, Юр'я, што табе даці?
– Цару, цару, ніц не бяру,
Ано веруйце ў Господа Бога!

Можно заметить, что сибирский вариант сохранился достаточно полно, особенно начальный раздел текста. Второй раздел в белорусском варианте представлен более развернуто. В нем присутствует мотив моления царевны, пропущенный

¹² *Сурка* – сѳрка – дочка (польск), см.: Польско-русский словарь. Подчеркивание гласных здесь и далее обозначает ударение.

¹³ По мнению белорусской исследовательницы духовных стихов Л. Ф. Баранкевич, высказанному автору статьи, непонятное словосочетание *адла маты* может являться далеко отошедшими от оригинала польскими словами *едваб* (*jedwab*) *платы* – шелковое платье. Вероятно, в данном случае смысл слов уже утрачен из памяти исполнительницы.

в С1. Третий раздел в сибирском тексте вообще отсутствует¹⁴, в последних строках второго раздела звучит уверенность в победе над змеем, поскольку «прислал Пан Богу Юрья светого»¹⁵.

Обращает на себя внимание лексика сибирского варианта. В тексте нередко встречаются полонизмы: *сурка* (дочка), *саты* (одежда, ризы), *Пан Богу*. Подобные слова – *пан-царь*, *панна*, *касцел* (костёл) присутствуют и в Б1. Это закономерно, поскольку оба текста бытовали на территории, до Второй мировой войны относящейся к Польше. В некоторых случаях происходит искажение непонятных в Сибири польских слов. Среди них словосочетание *адла маты*, появляющееся на месте возможного *едваб платы* (шелковое платье). В целом же можно отметить связность изложения и достаточную (за исключением третьего раздела) сохранность сибирского варианта.

Рассмотрим далее второй сибирский вариант (С2), также представленный в сравнении с текстом, записанным на территории метрополии (Б2). Первый раздел, как и в первом случае, в обоих текстах представлен полностью и очень сходен в них.

Жылі-жылі людзі ды няверныя¹⁶,
Ня верылі яны Госпаду Богу,
Толька верілі пыганьму цмоку.

Люди Богу тай ня вере(я)ли,
Только верали поганому Смоку.

Пыганьму цмоку ўсяго многа нада,
Што ў Бога дзень – еў пы чалавеку,
Нядзеля ў нядзелю – пы малым
дзіцятку.

Поганому Смоку, да што ден(и)
року¹⁷,
Да што ден(и) збаку¹⁸ да
по человеку.

Во втором разделе в сибирском варианте отсутствуют следующие мотивы: *очередь дошла до царского дома, царь вынужден принести в жертву свою дочь, царевну наряжают и отправляют на берег моря*, развитые в белорусском варианте:

А ў нашага цара мала людзей-стала,
Прышла чырыда ды сымаго царя:
Хуць сам выхадзі, хуць жану вывадзі...
Сымаму пайсці - царства лішыцца,
А жану аддаць – дзяцей сіраціць,
Прыходзіцца царю царёўну аддаць ...
Слугі мае, слугі, слугі верныя,
Куды мяне, слугі, прібіраіца:
Ці да цэрькыўкі а Богу маліцца?
– Ні да цэрькыўкі а Богу маліцца,
Прыбіраім панну на сінія моря,
На сінія моря – пыганьму цмоку...

¹⁴ Отметим, что третий раздел в текстах о Егории и Цмоке присутствует, как правило, в сокращенном виде [Хлыбова, 1994, с. 10].

¹⁵ Судя по уверенности исполнения и хорошему качеству звучания всего стиха, возможно, носительница традиции могла бы спеть и более полный вариант текста, если бы автор записи убедил ее в необходимости этого.

¹⁶ Каждая строка текста повторяется дважды.

¹⁷ рок – год, от рік – год (укр.).

¹⁸ Вероятно, искаженное слово «оброку» (плохо прослушивается звук «р»).

Вероятно, этот текстовый фрагмент не сохранился в памяти у сибирских белорусов; вместо него звучит строфа с малопонятными словами о *шалковых* (шелковых) *шнурах*, действия с которыми появятся в тексте значительно позже.

Приход царевны на берег и появление Цмока в обоих сравниваемых текстах описаны достаточно развернуто и подробно, небольшие различия присутствуют лишь в характеристике чудовища (*а з роту ў яго іскрыр'я сыпліцца* (Б1) – *з вот у яго поломя шибает* (С1)).

Як ідзець-жа, йдзець ды пыганый цмок,	Подходя царевна к синему морю.
З вушэй у яго – дым трубою,	А Смок з моря вялязая.
З назьдзёр у яго полымя шыбаіць,	А з вот ¹⁹ у яго поломя шибая ²⁰ .
А з роту ў яго іскрыр'я сыпліцца...	З вуш, из ноздёр дыма идет.

В мотиве *моления царевны о спасении* отражено внутреннее состояние царевны. В этот, пожалуй, самый драматичный момент повествования она *влякнулася* или *спужалася*, *за ракітавы куст схывалася* (т. е. спряталась). Далее несчастная жертва обращается к Богу с мольбой об избавлении ее от чудовища. В сибирском варианте стиха этот момент изложения действия усилен прямой речью царевны:

Панна-цареўна спужалася, Зы ракітавы куст схывалася, А стала цареўна ды Богу маліцца, А Богу маліцца ды Бога прасіці.	Тая царев(ы)на вляк(ы)нулася ²¹ , Тая святая влякнулася. Влякнулася, на небо взглянула. На небо взглянула, на Бога вздумала. <...> – Ох, Божа мой, Сотворитель мой! Сотворих жа Ты мяне, хоть и душу мою.
--	---

Следующий эпизод центрального раздела – появление святого Егория и победа его над Цмоком. В Б2 на помощь царевне высылается *Юр'я-Ягор'я*, в С2 сначала посылается не Егорий, а другой, также очень известный и почитаемый святой – *Микола*.

Услышаў Бог просьбу, яе малення, Пыслаў Госпад Бог ды Юр'я Ягор'я:	Как почёл жа Божа да п(о)ро[сь]бу яё Как послал жа Божа святова Миколу.
	А святой Микола сади(л)ся на кони К синему морю да на прогуляння ²² . К пане царев(ы)ны да на <i>летованн</i> я ²³ . – Я сам старой, мой конь леной ²⁴ .

В вариантах текста, зафиксированных в Белоруссии, нам не встречался подобный фрагмент, содержащий мотив приезда на помощь к царевне не Егория, а другого, менее подходящего для этого героя. В образце, зафиксированном в XIX в.

¹⁹ *Вот* – нечетко произнесенное слово *рот*.

²⁰ *Поломя шибая* – пламенем полыхает (белорус.), см.: Белорусско-русский словарь.

²¹ *Влякнулася* – испугалась (белорус.), см.: Белорусско-русский словарь.

²² *На прогуляння* – на прогулку, в поездку.

²³ *Летованн* – измененное слово «фатавание» – «спасение», от слова *ратаваць* – спасать (белорус.), см.: Белорусско-русский словарь.

²⁴ *Конь леной* – конь ленивый.

в Толпечицкой волости Могилевского уезда, присутствует, однако, эпизод, в котором Бог выбирает, какой святой отправится спасать царевну:

Ой, услышав Господь ой молитву ие
Ой став жа Господь сих святых сыбирать
Ўсих святых сыбирать, сим святым гыворить:
«Ой кому ш ба, кому на тэй свет ехыть,
На тэй свет ехыть, кыролевну быронить?
Ой ехыт на тэй свет святому Ягорью,
Святому Ягорью кыролевну быронить!»²⁵
[Романов, 1891, с.315].

Имя святителя Николая нередко упоминается в других эпизодах духовных стихов о святом Егории. Как правило, это образцы, относящиеся к северно-русской фольклорной традиции. В этих текстах говорится, что царевна молится *Христу, Егорию и Миколу* [Стихи духовные, 1991, с. 95–97], царь обещает «веровать веру хрестыянскую» и поставить три церкви, в том числе *Миколу Святителю* [Там же, с. 99]²⁶. Имя этого святого также присутствуют в стихах из сборника Бессонова, предоставленных ему П. Н. Рыбниковым, записывавшим тексты былин и духовных стихов на Русском Севере и, в частности, в Олонецкой губернии [Бессонов, 1861, с. 506–507].

Вероятно, появление обозначенного мотива – *выбор более подходящего героя-змеборца* – свидетельствует о проникновении в текст белорусской постовой песни особенностей других жанров эпической природы – былины и сказки. О влиянии былин на духовные стихи или же об их типологическом сходстве свидетельствует известный исследователь русской эпической традиции Ф. М. Селиванов: «Эти произведения (имеются в виду духовные стихи о змеборцах. – *Е. И.*) испытали сильное влияние былин (или слагались одновременно, в одних условиях с ними), поэтому их композиция, лексика, стих сходны с былинными» [Стихи духовные, 1991, с. 308]. К выводу о воздействии жанра сказки на духовные стихи приходит и Т. В. Хлыбова: «Сказочно-мифологическая основа источника сюжета приводит к разрушению стиха, который сливается с активно бытующей змеборческой сказкой» [1994, с. 16].

Святой Егорий оказывается более подходящим для спасения царевны:

Я ж сам(ы) маладой, мой конь сильной,
Я сам(ы) кап(а)ём, мой конь копытом.

Появление святого воителя в обоих текстах описано очень сходно, только в С2 о нем говорится в третьем лице, в Б2 – во втором, как обращение к нему:

– А Юрі-Ягор’я, садзіся на коня. Садзіся на коня, едзь на сіня моря. Едзь на сіня моря к пыганьму цмоку.	А святой Ягорья сади(л)ся на коня, К синему морю да на прогуляння, К пане царевны да на летовання. Я ж сам(а) маладой, мой конь сильной, Я сам(а) кап(а)ём, мой конь копытом.
---	---

Описание самой битвы Егория и Цмока в обоих вариантах отсутствует. В С2 сохранились лишь слова: *Подъехал Ягорь* <...>, далее исполнение прерывается

²⁵ Текст приводится в современной орфографии.

²⁶ Записано Е. А. Ляцким в Олонецкой губернии [Стихи духовные, 1991, с. 308].

по причине исполнительской ошибки и утраты текста из памяти носительниц традиции. Затем следует повтор уже исполненного фрагмента, содержащего описание Смока и реакции на него царевны²⁷. В Б2 описание битвы также пропущено (как правило, этот эпизод лаконичен или же вообще отсутствует и в других белорусских образцах [Хлыбова, 1994, с. 9]).

В мотиве *пленения Смока* святой Егорий велит царевне опутать бессильное чудовище *шалковыми шнурами* (С2) или *шаўковым поясом* (Б2) и вести его *с-под леваго бока пад вакошко заглядая* или *ў новы горад*. При этом царевна характеризуется как *чадо, любимое у Бога*, что свидетельствует о ней как о последовательнице христианского вероучения. На этом метропольный вариант стиха и заканчивается.

<p>– Рызьвязвай, панна, свой шаўковый пояс, Зывязывай, панна, пыганому цмоку, Вядзі цмока ў новы горад...</p> <p>А знаць маё чада – любімыя ў Бога, Зычапіла цмока за крутыя рогі.</p>	<p>– Ой, царевна, не влякайся, Расшнуровай шнуры, шнуры шалковыя. Закидай шнуры за крутые роги.<...> А вяди-ка Смока с-под леваго бока. Пад вакошка заг(а)лидая.</p>
--	--

В сибирском же образце повествование продолжается. В обрывочном и не очень связанном между собой виде присутствуют еще три мотива: *испуг царя при виде чудовища*, *желание царя наградить неизвестного спасителя царевны* и концовка, в которой звучит мотив *утверждения истинной веры*. В первых двух из указанных мотивов можно, как и в мотиве *выбора подходящего героя-змеборца*, наблюдать влияние сказочного жанра, заключительные же строки возвращают повествование в смысловое пространство духовного стиха.

На двенадцать дварей затворяется.
На двенадцать замков замыкается.

Ох, кабы я знал, кто царевну лятовал,
Половину б свету тому я отдал.
Половина свету, половина царства.

Не надо нам свету, не надо нам царства.
Останутся церкавь, маленькай собор.

Полонизмы в этом стихе практически не встречаются (за исключением слов *пана*, *царевна*), поскольку этот текст бытовал в восточной части Белоруссии. В тексте, зафиксированном в Сибири, сохранилось довольно много белорусизмов, например: *влякнулася* – испугалась, *шибае* – извергает, *почёл* – услышал и др. Интересно значение слова *летованне* в С2. Изначально в белорусском тексте оно означало «спасение», от слова *ратаваць* – «спасать». В сибирской исполнительской практике смысл белорусского слова отчасти утрачивается и трансформируется в более понятный сибирякам: *летовать* – «проводить где-либо лето, госте-

²⁷ Вероятно, исполнительницы пытались вспомнить продолжение текста песни. Заметим, кстати, что запись второго сибирского образца проводилась опытейшим собирателем фольклора М. Н. Мельниковым и, в отличие от первого сибирского текста, второй образец был зафиксирован максимально полно и подробно.

вать»²⁸. Таким образом, под воздействием народной этимологии в условиях русскоязычного окружения происходит переосмысление белорусского слова, уже утратившего свое значение в памяти исполнителей, в более актуальное в условиях сибирских реалий. Частично сохранились и особенности белорусского произношения (*вылязая, з вуш* – из ушей), хотя по большей мере белорусский выговор в сибирском образце уже ниверлируется, «подчиняясь» окружающей его русскоязычной среде.

Проведенный анализ позволил оценить степень сохранности и особенности модификации текстов белорусских постовых песен, записанных в Сибири. В целом можно сказать, что эти эпические тексты выдержали испытание временем и иными условиями бытования и сохранились в достаточно полном виде. При имеющихся пропусках отдельных мотивов и разделов, «темных», не ясных самим исполнителям в смысловом отношении фрагментов, трансформациях некоторых слов сибирские варианты стихов о Егории и Цмоке вполне связные и узнаваемые. Несмотря на некоторые отличия, присутствующие в этих текстах, и они, и их варианты, зафиксированные на территории современной Белоруссии, относятся к одной – западной сюжетной версии. В отдельных случаях в них присутствуют мотивы, не встречающиеся в образцах, зафиксированных на метрополитанской территории в более ранний временной период (1920-е гг. по сравнению с 1970–1980 гг. в Сибири).

Приведенные в статье тексты являются ценными свидетельствами бытования белорусской эпической традиции в сибирском регионе. Как и в Белоруссии, они имели функцию возвышенного, духовного пения, исполняясь во время постов. В качестве общей для диаспорной и метрополитанской традиций тенденции [Баранкевич, 2009, с. 16] укажем на переход этих фольклорных произведений из мужского (лирического) репертуара в женский.

Среди возможных перспектив дальнейшей разработки этой темы назовем поиск, расшифровку и публикацию других, еще не введенных в научный оборот образцов постовых песен с этим же сюжетом, их анализ и сравнение с уже известными текстами, в том числе зафиксированными в Белоруссии. Требуют изучения так же вопросы влияния закономерностей жанра сказки на тексты белорусских духовных стихов.

Список литературы

- Баранкевич Л. Ф.* Духовный стих в белорусском музыкальном фольклоре: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Минск, 2009. 27 с.
- Белорусы в Сибири: сохранение и трансформации этнической культуры / Е. Ф. Фурсова, А. В. Титовец (руководители творческого коллектива), А. А. Люцидарская и др. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. 424 с.
- Бессонов П. А.* Калики перехожие. Сборник стихов и исследование. М.: Тип. А. Семена, 1861. 524 с.
- Веселовский А. Н.* Разыскания в области русских духовных стихов. СПб., 1880. Вып. 2, ч 2: Св. Георгий в легенде, песне и обряде. 228 с. (Приложение к XXXVII тому Записок Имп. Академии наук, № 3)
- Ефремова Е. М.* К вопросу о происхождении белорусских постовых песен // Народная культура Сибири: Материалы VII Науч.-практ. семинара Сибирского РВЦ по фольклору. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1998. С. 123–126.
- Кирпичников А. И.* Святой Георгий и Егорий Храбрый. Исследования литературной истории христианской легенды. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1878. 278 с.
- Козлова Н. К.* Что есть мотив (еще раз к вопросу о научной терминологии) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2016. № 2 (31). С. 82–87.

²⁸ <https://ru.wiktionary.org>

Костюковец Л. Ф. Вариант псалмы о святом Юрии и Цмоке, записанный в Белоруссии в 2008 году // *Фольклор: историческая традиция и современные полевые исследования: Материалы IV Междунар. науч. конф. памяти А. В. Рудневой / Ред.-сост. Н. Н. Гилярова, Е. В. Битерякова. М.: Московская консерватория, 2012. С. 118–127. (Науч. тр. Моск. гос. консерватории им. П. И. Чайковского; сб. 75)*

Костюковец Л. Ф. Фольклоризация канта. Минск: РИВШ, 2014. 178 с.

Морозов А. В. Социокультурный контекст функционирования духовных стихов в славянском мире // *Фалькларыстычныя даследаванні: Кантэкст. Тыпалогія. Сувязі: Зб. навук. арт. / Пад нав. рэд. Т. В. Лук'янавай, С. В. Шамякінай; уклад. В. В. Прыемка; БДУ. Мінск: Права і эканоміка, 2015. Вып. 12. С. 172–185.*

Романов Е.Р. Белорусский сборник. Вып. 5. Апокрифы, заговоры, духовные стихи. Витебск: Типо-литография Г.А. Малкина, 1891. 450 с.

Рыстенко А. В. Легенда о св. Георгии и драконе в византийской и славянорусской литературе. Одесса: «Экономическая» тип., улица Жуковского, № 43, 1909. 536 с.

Стихи духовные / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф. М. Селиванова. М.: Сов. Россия, 1991. 336 с.

Федотов Г. П. Стихи духовные (русская народная вера по духовным стихам) / Вступ. ст. Н. И. Толстого; послесл. С. Е. Никитиной; подгот. текста и коммент. А. Л. Топоркова. М.: Прогресс, Гнозис, 1991. 192 с. (Традиционная духовная культура славян / Из истории изучения)

Хлыбова Т. В. Стихи о святом Георгии-Егории (семантика, структура, тематическая детализация) и некоторые вопросы истории «текста»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1994. 27 с.

E. I. Ismagilova

*Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation, zhimul@ngs.ru*

**Theme-motif content of the Fasting songs about Saint Yegorii and Tsmok (Dragon)
recorded from the Belarusians of the Novosibirsk region**

The plot of the victory of Saint George (Yegorii) over Tsmok (Snake) is one of the most ancient and extremely popular in the Slavic folklore, particularly in the Belarusian folklore tradition. A. I. Kirpichnikov, A. N. Veselovskii, A. V. Rysteneko, G. P. Fedotov, T. V. Khlybova, L. F. Kostyukovets, and A. V. Morozov are to be noted among the researchers who studied similar texts in the middle of the 19th – beginning of the 21st centuries. In Siberia, the spiritual poems about Yegorii and Tsmok appeared with Belarusian migrants, who arrived at the territory of the modern Novosibirsk region at the beginning of the 20th century. Belarusians called the spiritual poems “fasting songs” because they were sang during the periods of fasting. The paper introduces into the research practice and analyses two previously unknown texts of fasting songs about Yegorii and Tsmok, recorded in the Novosibirsk region from the descendants of Belarusian migrants. These texts are compared with the samples from the Belarus regions where the parents of text performers came from. The texts were considered by analyzing sections and specific motifs; the research interest was also focused on the vocabulary of Siberian variants (Polonisms and Belarusianisms). The analysis allowed evaluating the degree of preservation and text modification features of the Belarusian fasting songs recorded in Siberia. These epic texts withstood the test of time and have almost retained their original form. Despite some separate motifs and sections being omitted and semantic ambiguities and some word transformations being present, the Siberian variants of poems about Yegorii and Tsmok are quite consistent and recognizable. In some cases, they include the motifs that are not encountered in the samples recorded in the metropolitan territory of the tradition. The texts concerned are valuable proofs of the existence of the Belarusian epic tradition in the Siberian region.

Keywords: Belarusian fasting songs, spiritual poems about Yegorii and Snake, song folklore of Siberian Belarusians, plot-motif analysis of epic texts.

References

- Barankevich L. F. *Dukhovnyy stikh v belorusskom muzykal'nom fol'klore* [Spiritual verse in Belarusian musical folklore]. Abstract of Cand. art diss. Minsk, 2009, 27 p.
- Belorusy v Sibiri: sokhraneniye i transformatsii etnicheskoy kul'tury* [Belarusians in Siberia: preservation and transformation of ethnic culture]. E. F. Fursova, A. V. Titovets, A. A. Lyutsidarskaya et al. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2011, 424 p.
- Bessonov P. A. *Kaliki perekhozhiye. Sbornik stikhov i issledovaniye* [Kaliki-passers. Collection of poems and a study]. Moscow, A. Semen Publ., 1861, 524 p.
- Efremova E. M. K voprosu o proiskhozhdenii belorusskikh postovykh pesen [On the origin of Belarusian fasting songs]. In: *Narodnaya kul'tura Sibiri: Materialy 7 Nauch.-prakt. seminar Sibirskogo RVTS po fol'kloru* [Folk culture of Siberia: Materials of the 7th scientific and practical seminar of the Siberian Regional University Center for Folklore]. Omsk, OSPU Publ., 1998, pp. 123–126.
- Fedotov G. P. *Stikhi dukhovnye (russkaya narodnaya vera po dukhovnym stikham)* [Spiritual verses (Russian folk faith in spiritual verses)]. Moscow, 1991, 192 p. (Traditsionnaya dukhovnaya kul'tura slavyan. Iz istorii izucheniya [Traditional spiritual culture of the Slavs. From the history of study])
- Khlybova T. V. *Stikhi o svyatom Georgii-Egorii (semantika, struktura, tematicheskaya detalizatsiya) i nekotoryye voprosy istorii "teksta"* [Poems about St. George-Egoria (semantics, structure, thematic detailing) and some questions of the history of the "text"]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Moscow, 1994, 27 p.
- Kirpichnikov A. I. *Svyatoy Georgiy i Egoriy Khrabryy. Issledovaniya literaturnoy istorii khristianskoy legendy* [St. George and Egorius the Brave. Studies of the literary history of the Christian legend]. St. Petersburg, V. S. Balashev Publ., 1878, 278 p.
- Kostyukovets L. F. Variant psal'my o svyatom Yurii i Tsmoke, zapisanny v Belorussii v 2008 godu [A variant of the psalm about St. George and Tsmok recorded in Belarus in 2008]. In: *Fol'klor: istoricheskaya traditsiya i sovremennyye polevyye issledovaniya: Materialy IV Mezhdunar. nauch. konf. pamyati A. V. Rudnevoy* [Folklore: historical tradition and modern field research. Materials of the Fourth International Scientific Conference in Memory of A. V. Rudneva]. N. N. Gilyarova, E. V. Biteryakova (Comps). Moscow Conservatory, Moscow, 2012, pp. 118–127. (Nauch. tr. Mosk. gos. konservatorii im. P. I. Chaykovskogo; sb. 75 [(Moscow State Tchaikovsky Conservatory; coll. 75)])
- Kostyukovets L. F. *Fol'klorizatsiya kanta* [Kant folklore]. Minsk, RIVSH, 2014, 178 p.
- Kozlova N. K. Chto est' motiv (eshche raz k voprosu o nauchnoy terminologii) [What is the motive (once again to the question of scientific terminology)]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri*. 2016, no. 2 (31), pp. 82–87.
- Morozov A. V. Sotsiokul'turnyy kontekst funktsionirovaniya dukhovnykh stikhov v slavyanskom mire [Sociocultural context of the functioning of spiritual verses in the Slavic world]. In: *Fal'klarystychnyya dasledavanni: Kantekst. Typologiya. Svyazi: Zb. navuk. art.* [Folkloristic research: context, typology, communication: coll. of sci. art.]. T. V. Luk'yanava, S. V. Shamyakina (Eds), V. V. Pryyemka (Comp.). Minsk, Prava i ekanomika, 2015, iss. 12, pp. 172–185.
- Romanov E. R. *Belorusskiy sbornik. Vyp. 5. Apokrify, zagovory, dukhovnyye stikhi* [Belarusian collection. Iss. 5. Apocrypha, conspiracy, spiritual poetry]. Vitebsk, Tipo-litografiya G. A. Malkina, 1891, 450 p.
- Rystenka A. V. *Legenda o sv. Georgii i drakone v vizantiyskoy i slavyanorusskoy literaturakh* [Legend of St. George and the dragon in the Byzantine and Slavic Russian literature]. Odessa, "Ekonomicheskaya" tip., ulitsa Zhukovskogo, no. 43, 1909, 536 p.
- Stikhi dukhovnyye* [Spiritual poems]. F. M. Selivanova (Comp., intr., texts and comment.). Moscow, 1991, 336 p.
- Veselovskiy A. N. *Razyskaniya v oblasti russkikh dukhovnykh stikhov* [Investigations in the field of Russian spiritual verses]. St. Petersburg, 1880, iss. 2, pt. 2: Sv. Georgiy v legende, pesne i obryade [St. George in legend, song and rite], 228 p. (Prilozheniye k 37 tomu Zapisok Imp. Akademii nauk [Supplement to the 37th volume of Notes by the Imperial Academy of Sciences], no. 3)

УДК 398.4(084.1) (571.122) (=511.142)
DOI 10.17223/18137083/69/3

К. А. Сагалаев

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

**В гости к Обскому старику:
обряд почитания *Ас тый ики* ***

Статья посвящена одной из центральных фигур в мифологии хантов и манси – *Ас тый ики* (Обскому старику). Описывается его место в обско-угорском пантеоне, раскрываются основные функции и перечисляются варианты имени, приводятся различные локальные представления о месте его проживания. Приводится детальное описание обряда почитания *Ас тый ики*, проведенного в 2014 г. на месте слияния Бии и Катуня и при участии автора полностью зафиксированного с помощью видео-, фото- и аудиоаппаратуры. Также в статью включены полевые материалы автора, полученные в экспедиции в Сургутский район в 2019 г. Делается вывод о сохранности культа *Ас тый ики* и соответствии описываемого обряда современному состоянию обрядовых традиций сургутских хантов.

Ключевые слова: Обские угры, пантеон, обряд почитания, современное состояние, обрядовые практики.

Богатство и сложность обско-угорского пантеона не нуждается в подтверждениях и обоснованиях. Смешение «местных» и «пришлых», «исконных» и «новых» элементов позволило создать неповторимый орнамент, ставший основой для мировоззрения хантов и манси, понимания ими структуры окружающего мира и своего места в нем.

Описания этой структуры известны с XVIII в. и продолжают до сих пор. К. Ф. Карьялайнен в классическом труде «Религия югорских народов» отмечает: «У современных остяков мир духов очень богат, настолько богат, что, наверно, никогда никому не удастся выявить число и имена всех этих духов» [1995, с. 6].

Сложность и кажущуюся «запутанность» мира богов и духов можно объяснить и существенными различиями между локальными традициями, и разным временем фиксации, и собственной научной точкой зрения каждого исследователя. В любом случае мы можем рассматривать хантыйский пантеон как целостную, сохранившуюся (в разной степени) до наших дней картину мира, определяющую

* Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

Сагалаев Константин Андреевич – младший научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; salagaev@ngs.ru)

жизненный уклад, поведенческие установки и просто возможность гармоничного сосуществования человека с окружающим миром.

Одной из центральных фигур, почитаемой всеми этнолокальными группами хантов, является *Ас тый ики* (букв. мужчина верховья Оби), в этнографической литературе его называют Обским стариком, Мужчиной истоков Оби. Это одно из божеств, «власть которых распространяется на всех обских угров, независимо от места их проживания и социального статуса» [Молданов, 2011, с. 138]. У него множество имен, функций и ипостасей: одна из них – *Мир-Сусне-Хум*, младший сын верховного божества *Тору́ма*. В разных местах его называют *Ас тый ики*, *Ас* (в материалах Н. В. Лукиной встречается вариант *Ась*) *ики* [Лукина, 2009, т. 3; 2010, т. 4]. На медвежьих игрищах актеру, выступающему в образе *Ас тый ики*, привязывают одну руку, так как «считается, если *Ас-тый-ики* будет танцевать двумя руками, разнесет всю вселенную, настолько сильное божество» [Молданов, 2011, с. 137]. В. Н. Топоров связывает *Мир-Сусне-Хума* с иранским Митрой [Топоров, 1981, с. 147]. Известен он и как *Вэрт*, *Урт-ики*, *Мир-вантты-хэ*, *Али-хум* и др.), «Мир озирающий человек», культурный герой, «младший сынок» [Бауло, 2009, с. 113]. Это он посылает людям рыбу и следит за тем, чтобы никто не утонул, это ему посвящают обряды и делают подношения в надежде на благосклонность могущественного божества.

Существуют разные версии относительно места его проживания. Часто «адресом» его называют Троицкие юрты неподалеку от места слияния Оби и Иртыша. Е. М. Главацкая приводит сообщение Н. Л. Гондатти о том, что «главное священное место бога “Мир-сусне-хума”, который мог принимать вид гуся, находилось около Троицких юрт на Оби, “куда обязательно каждый инородец в три года раз съездит, а если не может, то присылает дары”» [Главацкая, 2005, с. 156]; это место ханты считают «Верхом» мира [Молданов, 2002, с. 15]. Именно здесь в 2018 г. группой тром-аганских, пимских, угутских, белогорских и ямальских хантов, а также обских и сосвинских манси был проведен обряд кровавого жертвоприношения – *йир* – посвященный *Ас тый ики*¹. Еще ранее, в 2010 г., тром-аганские ханты также посетили это далекое от места своего проживания святилище в связи с накопившимися негативными изменениями в жизни, которые они связали с тем, что люди стали меньше внимания уделять своим традиционным верованиям: «В связи с этим в 2010 г. старейшины приняли решение о посещении одного из важнейших угорских святилищ с целью проведения большого обряда жертвоприношения. Значимость этого события для тромъеганских хантов заключается в том, что “...последний раз в устье Иртыша бывали только отцы и деды во время войны или перед войной”» [Рудь, 2016, с. 140].

По данным Н. В. Лукиной, Обской старик обитает на самом Севере; по-видимому, в районе Обской губы: «*Ась ики* – самый главный в воде. Он живет на севере, где Обь в море впадает» [Лукина, 2010, т. 4, с. 86]. У юганских хантов она же зафиксировала аналогичные сведения: «В самом устье Оби, говорят, место есть, где *Ась ики* живет» [Лукина, 2009, т. 3, с. 109]. Объяснить подобные расхождения можно естественными различиями локальных традиций. В 2019 г. на р. Малый Юган информант сообщил нам, что *Ас ики* живет в среднем течении Оби, где именно – он сказать затруднился. Есть и такая точка зрения, что дом *Ас тый ики* находится в верховьях Оби, на месте слияния Бии и Катуня, где ханты никогда не жили: «В верховьях Оби у него стоит елка. Сегодня Татьяна А. и Тимофей спрашивают меня, была ли я на месте слияния Бии и Катуня, т. е. вершине Оби» [Лукина, 2010, т. 5, с. 223]. Этот вопрос был задан Н. В. Лукиной на Казыме, но са-

¹ На слиянии Оби и Иртыша прошел священный для обских угров обряд АС ТЫЙ ИКИ. 28 марта 2018 г. URL: <http://spasenieugry.ucitizen.ru/news/na-sliyanii-obi-i-irtysha-proshel-svyashchennyu-obryad-as-tyuy-ik> (дата обращения 21.07.2019).

крализация верховьев Оби свойственна и другим хантыйским локальным группам, в том числе и сургутским хантам. Иллюстрацией этого может послужить обряд, описанию которого посвящена данная статья.

В сентябре 2014 г. в Институт филологии СО РАН (Новосибирск) для изучения звукового строя сургутского диалекта хантыйского языка были приглашены ханты из Сургутского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры: Семен Григорьевич и Тамара Алексеевна Рынковы, а также сотрудник Обско-угорского института прикладных исследований и разработок Аграфена Семеновна Сопочина. В процессе работы информанты заинтересовались, есть ли возможность попасть на слияние Бии и Катуня, чтобы провести там обряд поклонения *Ас тый ики*. Для проведения обряда сотрудниками и дирекцией ИФЛ СО РАН была организована поездка в район с. Одинцовка городского округа Бийск Алтайского края; ритуал был зафиксирован с помощью видео-, аудио и фотоаппаратуры. Выражаем глубокую признательность Аграфене Семеновне Сопочиной за уточнение деталей приведенного ниже обряда.

Сотрудники ИФЛ СО РАН Н. Б. Кошкарева, А. Г. Гомбожапов и К. А. Сагалаев, участвовавшие в мини-экспедиции, также принимали участие в ходе обряда, что не являлось чем-то необычным, поскольку аналогичные ситуации случаются повсеместно, в том числе и с другими исследователями: «Имея своей целью не принесение дара духам, а наблюдение, фото- и киносъемку обряда, авторы в определенной степени участвовали и в обрядовых действиях – делали вклад в угощение и подарки духу, приобщались к вкушению мяса жертвенного оленя и т. д. На нас распространялись и традиционные запреты гендерного плана (так, посетить духа Ягун ики его хранитель разрешил только мужчине-кинооператору)» [Лукина, 2013, с. 108].

Подготовка к обряду началась накануне: в магазине были куплены ткани, выбранные информантами, а также продукты и водка для подношений; из ткани были сшиты одеяния для божеств. Место проведения обряда находилось на правом берегу Бии, неподалеку от с. Одинцовка. На обзорной площадке Семен Григорьевич прочитал молитву благословения места; участники обряда бросили вниз монеты. Хороший обзор имел значение при выборе места для обряда: по словам информантов, лучше, чтобы были видны и Бия, и Катунь, и место их слияния (как это и было в месте проведения ритуала).

Как и в других подобных обрядах, связующим звеном с Верхним миром, «мостом» к нему служит дерево: «В урало-алтайской мифологии центральное место в “круговороте жизни” отводится дереву. Этот “инструмент” не только связывает между собой все сферы мира, но и вносит в картину мироздания момент движения, столь существенный для наглядности циркуляции жизни» [Сагалаев, 1991, с. 102]. Деревом, на котором будут развешаны подношения, должна быть береза; а поскольку непосредственно на месте проведения обряда подходящей березы не было, ее требовалось срубить, принести и вкопать. Сделать это должен был местный мужчина, живущий здесь. В этой роли выступил один из участников поездки, который, впрочем, сам впервые в жизни был на этом месте.

Все вещи – пакеты с подношениями божествам – были поставлены на траву, а не на песок. Аграфена Семеновна объяснила это тем, что они уже принадлежат миру богов (т. е. Верхнему миру), а потому должны отделяться от земли. В случае если бы не было травы и листьев, обязательно надо было бы что-то подстелить. Возможно, этим же объясняется и тот факт, что огонь был разожжен не на земле, а в специально привезенном мангале. Перед основной частью обряда необходимо сжечь нитки и лоскуты, оставшиеся после изготовления подарков божествам. Для ритуального очищения дымом подношений и продуктов использовалась береста, снятая у корня старой березы с южной стороны (поскольку в данном случае поклонялись на юг, а не на север или восток, как обычно).

Халаты для подношения божествам достаются и вешаются на дерево в том порядке, в каком потом к этим божествам будет обращаться человек, проводящий обряд. Белый халат, посвященный *Ас тый ики*, сначала надрезают ножом и только после этого разрывают на две части; просто разорвать его, как объяснил Семен Григорьевич, нельзя. Две части предназначаются для женской и мужской ипостасей божества – *Ас тый ими* и *Ас тый ики*.

Ас тый ими был посвящен и зеленый халат. Выбор цвета обусловлен тем, что *Ас тый ими* – земная ипостась *Ас тый ики*. Аграфена Семеновна объяснила, что *Ас тый ими* «раздает то, чем питаются люди». Цвет земли, по словам Семена Григорьевича, зеленый либо синий. Из этой же зеленой ткани с растительным орнаментом была сделана и скатерть, которой покрыли стол с угощением для *Ас тый ики*. Отрезанную половину белой ткани для *Ас тый ими* привязали на вкопанную березу повыше с восточной стороны, такой же отрез для *Ас тый ики* – пониже с западной стороны.

На землю положили два отреза черной ткани – для Богини Земли и Владыки Корня Земли – так информанты перевели на русский язык имена божеств *Мэх аunki* и *Бый ики* (букв. Мужчина болезни). *Мэх аunki* (она же *Мэх ими* ‘Земли старуха’, на казымском диалекте – *Мув аunki* ‘Земли мать’) «живет в земле и с помощью котлов, которые специально приносятся ей в жертву (закапываются в землю), затыкает отверстия, ведущие из подземного мира на поверхность, и преграждает тем самым путь духам болезней» [Мифы..., с. 189].

Бый ики (*Бый лонь*, на казымском диалекте – *Хынь ики*) в некоторых вариантах мифов считается родным братом *Торума*, ушедшим под землю после ссоры с ним (сам *Торум* ушел на небо): «Следом ушедшего на небо брата считается Млечный путь, а Кынь-лунг уходит под землю сквозь отверстие, оставленное посохом *Торума*. В ином варианте Кынь-лунг свергается с неба» [Сагалаев, 1991, с. 38]. Это божество Нижнего мира, посылающее людям болезни (те самые, от которых их защищает *Мэх ими*). Черный цвет ткани «символизирует болезнь, смерть, подземный мир, тьму, страх. По представлениям хантов, “бог” подземного царства Кынь-ики (букв. ‘болезней старик’) – человекоподобное существо, одетое во все черное, откуда его другое название – *Пыхтэ сакын ики* (букв. черное платье старик). Считалось, что он любит все черное, поэтому жертвовались ему куски тканей, одежда черного цвета...» [Кулемзин, 1983, с. 127].

Для *Най ими* – божества огня – информантами был заранее изготовлен халат красного цвета, на нем завязывают узел, символизирующий голову, повязывают платочек. Красный цвет также связан с солнечной ипостасью *Ас тый ики*, кроме того, ткань красного цвета может являться заменителем кровавой жертвы, символизируя собой кровь [Черемисина, 2010, с. 12]. К зеленому халату *Ас тый ими* также привязывают платок. По словам информантов, зеленый цвет символизирует изобилие.

Синюю ткань, посвященную *Тылэс ики* ‘Месяцу старику’ – лунному божеству, также надрезают, потом разрывают на две части. Одна часть останется здесь, другую увезут с собой. Кроме ткани, на березу нужно привязать еще ленты белого, зеленого и темно-зеленого цвета. Ленты отмеряют по три метра, разрезают ножом, так как рвать нельзя, складывают вместе и повязывают на дерево. Оставшиеся ленты возьмут с собой и будут использовать в последующих обрядах. Считается, что они уже будут освящены на нынешнем обряде. Еще до основной части обряда женщины привязывают белые ленты на березы, растущие в лесу ниже по течению. Ткани, предназначенные для божеств, позже будут также повешены на березе, но выше по течению. После того как лента привязана, нужно обойти дерево посолонь один или три раза.

Помимо «верхнего» стола со скатертью, был накрыт также и «нижний» стол: на земле была постелена клеенка. Водка и другие угощения (хлеб, колбаса, сок,

печенье) на первом столе посвящены божествам верхней сферы, на втором – нижней. Во время обряда мужчина должен стоять на западе, женщины – на востоке. Хлеб был символически разрезан – на нем процарапали ножом крест. Кроме угощения из продуктов на стол положили и деньги, также их бросили потом и в огонь. Проводящий обряд снял с дерева ткань, обращаясь с молитвой к разным ипостасям *Ас тый ики*, после чего повесил ткань обратно: Солнцу – белая ткань, Месяцу (*Тылас ики*) – синяя ткань. Для земной ипостаси *Ас тый ики* зеленую ткань положили на стол, для водной – белую ткань позже бросили в воду.

Семен Григорьевич прочитал молитву, посвященную всем божествам вместе. В ней он перечислил всех богов притоков Оби, которых знает: Ваховскую богиню (*Ваганг-Ими*), Аганскую богиню (*Охнг ими*), Юганского бога (*Ягун ики*), Хранителя Гром-Агана (*Эвэт ики*), Хранителя Пима (*Пим лахэлты Ики*). К самому *Ас тый ики* он обратился так:

*Чи хот мэхэнэ, даят мэх тэйнэ
омэстэ йоу тэхэ ики сизунэхула,
вблэмтэхула.*

Этот бог (букв. мужчина) людей, живущих в верховьях этих шести земель, семи земель, сюда обернись, присутствуй.

*Өтэн-тасэн, вэйзэн-тасэн йәрмак-
тасэн ики зөли, най пәжи зөли йыси чи
вэлэн.*

Вещами богатый, деньгами богатый, шелком богатый качающийся бог, ты ведь бог, исстари качающийся человечество (букв. огненных кукол).

*Чийат тэм сәккэнү өв вутау зөнэ, сәй-
пәжү вутау зөнэ, тэм чэвэр сөвөп йәнк
ләванат, нүнү төв сорњи ләв лэка, тэм
донэс саңки мэхулипанат, нүнү өлән нөл
төмпи төм төй вычи ылэ әсэллэн. <...>*

Таким мужчиной с косами на голове, мужчиной в красивой одежде, на ослепительной белой, как шкура зайца, лошади, ты бы туда по дороге золотого коня, по кругу небесной сферы, ты бы еще стрелу до высоты верхушек травы выпустил бы. <...>

*Нүнү тэт пә ләлкипэхэллэн,
зөвдидлэллэн].*

Ты бы здесь покружился, побегал.

*Тәл чу эчә йәрмак өлпинтахат, йәрмак
лентахат тэхэ ариалө.*

Отсюда тоже шелковая ткань, шелковая лента здесь для тебя предназначены.

(Пер. Н. Б. Кошкаревой)

Посвященные *Най-Ими* деньги завязали в ее халат, после этого каждый должен был подержать *Най-Ими* в руках, чтобы она унесла с собой все плохое. Потом *Най-Ими* сожгли, при этом трижды полив ее водкой. Проводящий обряд снял с дерева все ткани, унес их в лес и там повесил на растущую березу, каждый раз обращаясь с молитвой к очередному божеству. Черная ткань для *Мэх ими* и *Җынь ики* была здесь же положена на землю. Для водной ипостаси *Ас тый ики* в воду опустили белую ткань, к углам ее привязали монеты. Семен Григорьевич зашел в воду по колено, расстелил ткань на воде, и она поплыла по течению. Хорошим знаком считается, если ткань повернулась по солнцу. Так и случилось; информанты были довольны тем, как прошел обряд.

Можно по-разному интерпретировать прошедший обряд: и само место, выбранное для его проведения, и структуру ритуала, и некоторые данные информан-

тами объяснения сути и причин происходящего. Видимо, имеют место и индивидуальное понимание своей локальной традиции конкретными информантами, и общие для различных хантыйских групп моменты. В любом случае описанный обряд был не реконструкцией, а живым отражением современного состояния обрядовых практик сургутских хантов.

Список литературы

Бауло А. В. Арлекин, остяцкий идол // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 3. С. 111–118.

Главацкая Е. М. Религиозные традиции хантов. XVII–XX вв. Екатеринбург; Салехард: Ра Артмедиа, 2005. 360 с.

Карьялайнен К. Ф. Религия угорских народов: В 3 т. / Пер. с нем. Н. В. Лукиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. Т. 2. 284 с.

Кулемзин В. М. Некоторые способы цветообозначения у хантов // Этнокультурные процессы в Западной Сибири: Сб. ст. / Отв. ред. В. И. Матющенко. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1983. С. 124–128.

Лукина Н. В. Ханты от Васюганья до Заполярья. Источники по этнографии. Томск, 2009. Т. 3: Юган; 2010. Т. 4: Аган. Пим; Т. 5: Конда. Тромъёган. Лямин. Казым.

Лукина Н. В. Хантыйский обряд жертвоприношения // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2013. № 2 (2). С. 106–114.

Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. М.: Рос. энциклопедия, 1994. Т. 2: К–Я. 719 с. с ил.

Молданов Т. А. Картина мира в медвежьих игрищах северных хантов: XIX–XXI вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Томск. гос. ун-т. Томск, 2002. 22 с.

Молданов Т. А. Хантыйские ритуальные халаты: символический аспект // Вестник угроведения. 2011. № 2 (5). С. 134–139.

Рудь А. А. Культурные объекты восточных хантов в начале XXI в. // Уральский исторический вестник. 2016. № 4 (53). С. 136–141.

Сагалаев А. М. Урало-алтайская мифология: символ и архетип. Новосибирск: Наука, 1991. 155 с.

Топоров В. Н. Об иранском влиянии в мифологии народов Сибири и Центральной Азии // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981. С. 146–162.

Черемисина К. П. Сферы сакрального и обыденного в традиционной хантыйской культуре: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Томск. гос. ун-т. Томск, 2010. 20 с.

K. A. Sagalaev

*Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation, salagaev@ngs.ru*

Visiting the Ob old man: the rite of worship of *As tyi iki*

The paper is devoted to one of the central figures in the mythology of Khanty and Mansi – *As tyi iki* (The Ob old man). His place in the Ob-Ugric pantheon is described, the main functions are revealed, variants of the name are listed, and various local ideas about his place of residence are given – the mouth of Ob river, its upper reaches and the fusion of Ob and Irtysh. The paper provides a detailed description of the rite of worship *As Tyi iki* that was performed in 2014 at the confluence of Biya and Katun (supposed to be one of the locations of the deity) and with the participation of the author that was fully recorded on video, photo, and audio equipment. The rite was performed by Surgut Khanty Semen and Tamara Rynkovs, as well as Agrafena Sopochna, invited to the Institute of Philology of the SB RAS as informants for phonetic research. In addi-

tion to As tyi iki, the offerings to other deities – Nai imi (spirit of fire), Tylas iki (Month-old man), Mykh anki (the Old woman of the Land), Kyn iki (Man of Disease) – were made during the rite. The conclusion is made about the preservation of the cult of As tyi iki and the correspondence of the ritual described with the modern state of the rite traditions of Surgut Khanty.

Keywords: Ob-Ugrians, pantheon, rite of worship, current state, ritual practice.

DOI 10.17223/18137083/69/3

References

- Baulo A. V. Arlekin, ostyatskiy idol [Arlekin, the idol of the Ostyaks]. *Archaeology, ethnography and anthropology of Eurasia*. 2009, no. 3, pp. 111–118.
- Cheremisina K. P. *Sfery sakral'nogo i obyden'nogo v traditsionnoy khantyyskoy kul'ture* [The sacred and secular spheres in the traditional culture of the Khanty]. Abstract of Hist. philol. sci. diss. Tomsk, 2010, 20 p.
- Glavatskaya E. M. *Religioznye traditsii khantov. 17–20 vv.* [Religious traditions of the Khanty. 17th–20th century]. Ekaterinburg, Salekhard, 2005, 360 p.
- Karjalainen K. F. *Religiya ugorskikh narodov: V 3 t.* [The religion of Ugric peoples: In 3 vols. Vol. 2]. Tomsk, TSU Publ., 1995, 284 p.
- Kulemzin V. M. Nekotoryye sposoby tsvetooboznacheniya u khantov [Some ways of color naming of Khanty]. In: *Etnokul'-turnyye protsessy v Zapadnoy Sibiri: Sb. st.* [Ethnocultural processes in Western Siberia: coll. of art.]. V. I. Matyushchenko (Ed.). Tomsk, TSU Publ., 1983, pp. 124–128.
- Lukina N. V. *Khanty ot Vasyugan'ya do Zapolyar'ya. Istochniki po etnografii* [Khanty from Vasyuganya to the Arctic. Sources on ethnography]. Tomsk, 2009, vol. 3: Yugan; 2010, vol. 4: Agan. Pim; vol. 5: Konda. Trom'yëgan. Lyamin. Kazym.
- Lukina N. V. Khantyyskiy obryad zhertvoprinosheniya [Sacrificial rite of the Khanty]. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2013, no. 2(2), pp. 106–114.
- Mify narodov mira. Entsiklopediya: V 2 t. T. 2: K–Я* [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia: In 2 vols. Vol. 2: K–Я]. S. A. Tokarev (Ed). Moscow, Ros. entsikl., 1994, 719 p.
- Moldanov T. A. *Kartina mira v medvezh'ikh igrishchakh severnykh khantov: 19–21 vv.* [View of the world in the bear fest of the northern Khanty: 19th–21st century]. Abstract of Hist. philol. sci. diss. Tomsk, 2002, 22 p.
- Moldanov T. A. Khantyyskiye ritual'nyye khalaty: simvolicheskiy aspekt [Khanty's ceremonial wrap dresses: symbolic aspect]. *Bulletin of Ugric Studies*. 2011, no. 2 (5), pp. 134–139.
- Rud' A. A. Kul'tovyye ob'yekty vostochnykh khantov v nachale 21 v. [Sacred objects of the eastern Khanty in the beginning of 21st century]. *Ural historical journal*. 2016, no. 4 (53), pp. 136–141.
- Sagalayev A. M. *Uralo-altayskaya mifologiya: simbol i arkhetyip* [Ural and Altai mythology: Symbol and archetype]. Novosibirsk, Nauka, 1991, 155 p.
- Toporov V. N. Ob iranskom vliyaniy v mifologii narodov Sibiri i Tsen-tral'noy Azii [About the Iranian influence on the mythologies of Caucasus and the Middle Asia]. In: *Kavkaz i Srednyaya Aziya v drevnosti i srednevekov'ye*. [Caucasus and the Middle Asia in the Ancient and Middle ages.] Moscow, 1981, pp. 146–162.

Н. Р. Ойноткинова

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

**Концепты *JARҒЫ* ‘суд, решение’, ‘благодать, благо’
и *БЫЙАН* ‘благословение’, ‘благо, благодать’
в шаманских текстах алтайцев***

Статья посвящена анализу слов-концептов *JARҒЫ* ‘суд, решение’, ‘благодать, благо’ и *БЫЙАН* ‘благословение’, ‘благо, благодать’ в шаманских текстах, записанных у алтайцев в начале XX в. Эти понятия отражают архаические представления шаманистов о небесном суде и благодати, даруемой человеку в виде божественной энергии, золотого блеска, света. Шаманское понятие золотой благодати имеет сходство с понятием золотого сияния (*алтын жарык*), отраженным в древней буддийской «Сутре золотого блеска» («Алтын яруг»).

Ключевые слова: алтайцы, шаманский текст, многозначность слова, концепт, шаманизм, буддизм.

Шаманизм как социальное явление имеет огромное влияние на современную культуру тюрков Южной Сибири, и концептуальное содержание шаманских текстов заслуживает тщательного изучения. Концепты-слова *JARҒЫ* ‘суд, решение’, ‘благодать, благо’ и *БЫЙАН* / *ПЫЙАН* ‘благословение’, ‘благо’ в шаманских текстах алтайцев ключевые и содержат национально-культурный компонент. Цель данной статьи – выявить лингвокультурную семантику этих слов-концептов в шаманских текстах алтайцев. Изучение фольклорных концептов на материале таких специфических дискурсов, как шаманский, способствует определению исторически сложившихся духовно-культурных ценностей, архетипов и мифологем в культуре сибирских тюркских этносов.

В данной работе мы придерживаемся лингвокультурологического определения термина «концепт». По определению Ю. С. Степанова, концепт – это культурно-ментально-языковое образование, сгусток культуры в человеческом сознании, «пучок» представлений, понятий, знаний и воображений, которым сопровождается слово [Степанов, 1997, с. 14]. Концепт включает в себя следующие компоненты: основной, актуальный признак – значимый для всех носителей языка и культуры, который, выражаясь вербально, является средством общения представите-

* Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

Ойноткинова Надежда Романовна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 6300090, Россия; sibfolklore@mail.ru)

лей определенного народа; дополнительный, пассивный признак – доступный для определенной социальной группы; этимологический признак или внутреннюю форму – происхождение слова не осознается во внешней форме, поэтому и является наименее важным для носителей культуры, однако, как отмечает ученый, на этом признаке возникают и существуют остальные значения [Степанов, 1997, с. 44–45].

Исследуемые слова-концепты в алтайской традиционной культуре исторически связаны с буддизмом. Как отмечают историки, первые факты проникновения и распространения буддизма на Алтае прослеживаются уже в пазырыкской культуре [Боковенко, 1992]. Существуют исторические сведения о распространении буддизма и в Первом Тюркском каганате, во времена правления кагана Таспара (553–581 гг.). По данным С. Г. Кляшторного, В. А. Лившиц, при правлении кагана Таспара была создана буддийская община, стали воздвигаться буддийские храмы и монастыри, где лично каган принимал участие в обрядах [Кляшторный, Лившиц, 1971, с. 132]. Буддизм в Центральной Азии широкое распространение получил в древнеуйгурском каганате.

Уйгуры к середине VIII в. в значительной степени находились под влиянием центральноазиатской версии буддизма, который после завоевания Турфана в 604 г. был провозглашен государственной религией. В 762 г. Бегю-каган провозгласил манихейство государственной религией Уйгурского каганата. Новое учение распространилось среди знати, а большинство простолюдинов оставались буддистами и шаманистами. Принятие манихейства вызывало вооруженное сопротивление: в 780 г. Бегю-каган был убит из-за слишком резких мер по внедрению новой религии, его преемник обратился в несторианство, которое, впрочем, не было широко распространено [Берзин, 1996]. В середине VIII в. уйгуры завоевали северных тюрков и правили на территории современной Монголии, Саяно-Алтая и прилегающих к ним районов до конца IX в. Благодаря тому что они стали переводить буддийские тексты с согдийского, китайского и тибетского языков, тюркские народы, являвшиеся частью каганата, заимствовали буддийскую лексику. Как считают историки, следующая волна буддийского влияния приходится на время существования Джунгарского ханства, когда шаманы подвергались гонениям и преследованиям [Потапов, 1991, с. 130–131].

Отголоски хождения буддийских сутр (по-алтайски судур) в народной среде сохранились в сказаниях алтайцев. Из книг «Ай-Судур» или «Судур-Бичик» эпический герой узнает свою судьбу. О проникновении буддизма к южносибирским тюркам свидетельствуют и другие буддийские концепты, теонимы и топонимы (Мангдышире, Майтура, Япкара, Сумеру и др.), легендарные сюжеты и мотивы из буддийского фольклора.

Материалом нашего исследования послужили опубликованные и неопубликованные шаманские тексты, записанные в начале XX в. А. В. Анохиным у алтайцев (см. список источников). В камланиях (12 текстов) божествам Верхнего мира и духам-хозяевам священных гор лексема *jarгы* ‘суд, решение’, ‘благодать (свет)’ имеет 85 употреблений, а лексема *бийан / пыйан* ‘благословение’, ‘благо’ – 35 употреблений. Максимально высокая частотность употребления слова *jarгы* наблюдается в двух текстах: в мистерии шамана Баланди лексема *jarгы* ‘суд, решение’, ‘благодать, свет’ имеет 32 употребления, из них понятие *алтын jarгы* – 19 ед. [8]¹, в мистерии шаманки Мыза – 31 употребление (ТОКМ², ф. 16, д. 15).

1. **Концепт *JАРГЫ* ‘суд, решение’, ‘благодать, благо’.** Перед тем как анализировать семантику данного слова-концепта в текстах, обратимся к различным лексикографическим источникам для установления его происхождения.

¹ Здесь и далее обозначено количество употреблений слова в 12 текстах.

² Архив Томского областного краеведческого музея.

В Алтайско-русском словаре выделены значения *jarгы*: 1) суд; *jarгыга берер* подавать в суд; 2) *рел.* суд; *кудайдын jarгызына турар* предстать пред божьим судом; 3) *миф.* суд (на который идет душа умершего) [АРС, 2018, с. 189]. Данное слово встречается в сибирских тюркских языках, например, в хакасском – *чаргы* [ХРС, 2006, с. 945], в казахском – *жаргы* ‘устав’ [КРС, 2002, с. 89].

В. И. Рассадин считал слово *jarгы* монгольским заимствованием [Рассадин, 2008, с. 159]. В Этимологическом словаре монгольского языка указаны следующие значения: *jarγu* (*jar-γu*, *jaru-γu*) халх., бур. *зарга*, калм. *zaph* ‘тяжба’; ‘судебный процесс, суд’; ‘иск, жалоба’ [Санжеев и др., 2015, с. 61].

Йар ~ *жар* ~ *чар* относится к классу древнейших общетюркских (и, вероятно, тюркско-монгольских) лексических основ. Это позволяет исключить версию о монгольском происхождении слова (например, Meng. Gl.716: уйг. диал. *džarla-* < монг. *dzarla-*, монг. *dzar*), так как нет доказательств, тем более что на базе *жар* ~ *чар* ~ *йар* образовались в древнейшие периоды большое гнездо первичных и вторичных производных форм [Левитская, 1989, с. 19]. В Древнетюркском словаре слово *jarγu* не зафиксировано, хотя однокоренные слова имеются, например: I. ЖАР / ЙАР / ЧАР со значениями ‘клич’, ‘призыв’, ‘зов’, ‘сбор’, ‘клик’; II. ЙАРЛЫГ – *jarlyg* / йарлык / *žarlyu* / *čarlyu* ‘извещение, объявление, оповещение, приказание’; III. ЧАРЛА – клич, извещение, крик, приказ, приказание, опасность, просьба, помощь и т. д. [Там же, с. 18–19].

Судя по словообразовательному форманту *-γu* / *-γы*, слово *jarгы* является тюркским по происхождению. В древнетюркском языке формант *-γы* имел многофункциональную семантику: он наряду с употреблением в назывном и качественном значении выражал выполнение действия, а также желательность, пожелание, долженствование [Тектигул, 2013]. Имя на *-γu* (*-γü*) в древнетюркском языке было довольно популярно. Г. Рамstedт отмечал, что «в языках же более позднего происхождения его можно обнаружить главным образом в словах, унаследованных из древнего языка, например: *ölgü* ‘умирать’, *ölgülik*, *ölgülük* ‘смерть’, *ölgülik*, *ölgülük* ‘смертный’; *tutγu* ‘держат, хватать’, *tutγuγa* ‘для того, чтобы схватить, для схватывания’, *tutγuda* ‘в схватывании, взятая’, *qutadγu bilig* ‘знание (умение) быть счастливым, наука стать счастливым’; *ičkü* ‘питье, напиток’...» [Рамstedт, 1957, с. 89–90]. Э. В. Севортян подчеркивал, что в азербайджанском языке формант *-γы* занимал важное место среди словообразовательных формантов. Наряду с самыми разнообразными значениями в современных огузских языках, в узбекском, уйгурском языках семантика у этого аффикса ограничена, а в хакасском, тувинском языках он имеет ограничения с точки зрения количества [Севортян, 1966, с. 227–228]. В современных тюркских языках (кроме уйгурского) аффикс сохранился в виде реликтового образования в составе слов, обозначающих процесс и состояние, орудие, признак и др. Например, каз. *шапқы* ‘резак’, *бұрғы* ‘сверло’, *тепкі* ‘пинок’, *күлкі* ‘смех’, азерб. *бөлгі* ‘делить’, *біткі* ‘растение’, алт. *чаккы* ‘капкан’, гагауз. *бычкы* ‘пчела’, уйку ‘гаснуть’, кирг. *көчку* ‘лави́на, обвал’, *шытыркы* ‘веник’ [Тектигул, 2013]. На основе рассмотренного можно заключить, что слово *jarгы* по происхождению тюркское, оно восходит к древнейшей общетюркской (и, вероятно, тюрко-монгольской) лексической основе *йар* ~ *жар* ~ *чар*.

Лингвокультурную специфику слова *jarгы* в шаманских текстах алтайцев определяет архаичный контекст употребления его лексических значений: 1. суд, решение; 2. благодать, благо. *Јалагалу Пай Тенсен*, / *Јалбыракту Пай кайын куу сүргек*; / *Ас кижинин пажын бычаттан*, / *Ас үр мал айтан (?)* / *Кунгурчыдын jarгызы оо келетен* [Анохин, 1924, с. 74]. – ‘Священная поляна с лентой, / Священная берёза с листьями – серое место с препятствиями. / Решение Кунгурчы, головы немногих людей создающего, / Головы немногочисленного скота создающего, / Туда приходит’. Последнее предложение правильное было бы перевести:

‘Благодать Кунгурчы к ней снизойдет’. А. В. Анохин давал подстрочный перевод к своим текстам, уточняя неясные слова и понятия у самих шаманов, которые в переводе на русский язык не всегда могли точно передать значения алтайских слов.

Функция судьи у божества Тенгери фиксировалась уже в древнетюркских памятниках [Малов, 1951, с. 62, 66, 99; Стеблева, 1972, с. 214]. Алтайцы, как и другие тюркские народы, называли Тенгери Кудаем, иносказательно – Айас-Кааном: *Тенгередин жаргызы* ‘Небесное предопределение’ (‘Небесный суд’. – перевод мой. – Н. О.) [Анохин, 1924, с. 103], *Айас-Кааннын жаргызы* ‘Айас-Каана суд’ [Там же, с. 101]; *Кудайдын жаргызы* ‘суд, решение, благодать Кудая’, *агару (ару) тӧзимнин жаргызы* ‘решение, благодать чистого духа’. В шаманских текстах в роли судьи выступают, кроме божеств, родовые духи (*тӧс*), духи – хозяева гор.

Ач жобол Лезим-тӧстӧн болгон болзо – / Кажы жерден болотон? / Айдын пергей не, сурап турум. / Кажы жерден болгон: / Јаткан Алтаинан болотон бо? / Јаан јеринин тенгеризинин жаргызы болтон ба? (ТОКМ, ф. 16, д. 19).

‘Если алчная болезнь от Дъезим-духа не исходит, / То откуда она? / Не подскажет ли [Дъезим-дух], я прошу. / Из какого места явилась [болезнь] / Не из Алтая ли, где мы живем? / Не суд ли неба, [этой] большой земли?’.

Уктан-тӧстӧн јайнаган / Агар тӧзим жаргызы. / Ас бажыма табышсын, / Уюктазам, тӱжӱм кубулбазын, / Уюку аразына аза алдырбазын, / Кудаим жаргызы јетсин (МАЭ, ф. 11, д. 22).

‘У рода, у духов[-предков] выпрошенная / Чистого духа моего благодать. / Пусть малой голове моей вручится, / Когда усну, сон мой пусть не изменится, / Во сне аза пусть не схватит, / Благодать Кудая моего пусть дойдет’.

Језим паскан, Тискинек! / Кӱн эбирбес Кӱлер-Туу, / Ай эбирбес Алтын-Туу, / Сӱт-кӧлгӧ јунунган, / Сӱмӧр-тайкадан јаргы алган.

‘Опирающийся на Дъезим (букв. ‘Медный’), Тискинек! / Кюлер-Туу (букв. ‘на Бронзовую гору’), которую солнце не обходит, / Алтын-Туу (букв. ‘Золотую гору’), которую месяц не обходит. / Омывающийся в Сют-Кӧле (Молочном Озере). / Получивший решение от Сюмер-горы’ [Анохин, 1924, с. 67].

В алтайских камланиях под благодатью имеются в виду различные блага: души скота, детей, здоровье, счастье.

В русском языке слова *благо* и *благодать* также синонимичны, но значение слова *благодать* больше определяется религиозным контекстом. БЛАГО – 1. Добро, счастье. *Стремление к общему благу. Желаю вам всяких благ; 2. чаще мн.* То, что служит к удовлетворению потребностей, материальные утехи жизни (книжн.). *Поеду на юг: там все земные блага* [ТСРЯ, 1994, с. 146]. В философии с понятием «благо» связано понятие ценности, в более узком смысле благо в этике – синоним добра. БЛАГОДАТЬ – 1. Полнота благ, довольство (разг.). *Какая у вас тут благодать!; 2. Свыше ниспосланная сила, помощь. Нет ни в чём вам благодати* [Там же, с. 147]. В религиозном контексте благодать – это снисхождение Бога к человеку, божественная сила, исходящая от Бога к человеку для его спасения. В понимании православных христиан божественную благодать получают те, кто живет по божьим заповедям. Для христианина Бог свет есть; и те, которые не приняли света Его, не приняли еще благодати, потому что приемлющие благодать приемлют свет Божий и Бога.

В основе любой религии, в том числе и в шаманизме, лежат морально-этические догмы. В сознании алтайцев благодать, полученная у божеств и духов, также является высшей духовной ценностью. Благодать, благо получают те, кто

соблюдает морально-этические правила жития, является добродетельным. Блага могут даровать лишь добрые божества и духи Верхнего или Среднего мира. Так, в камлании шаманка Мыза спрашивает у своего духа-покровителя, будет ли жить счастливо и благополучно та семья, для которой совершается обряд. В своих наставлениях шаманка просит, чтобы хозяин юрты жил благочестиво, соблюдал морально-этические правила жития (не пил алкоголь, был гостеприимным, не слушал сплетников и клеветников, был добродетельным и сострадательным по отношению к бедным) (ТОКМ, ф. 16, д. 15).

Подземные божества не являются подателями благ, поэтому их лишь умиловляли, задабривали жертвами, но взамен просили полного невмешательства в жизнь людей (например, чтобы не было падежа скота, чтобы не было преждевременной смерти) (ТОКМ, ф. 16, д. 18). В большинстве случаев шаманы за помощью обращались к духам – хозяевам почитаемых гор. Об этом А. В. Анохин писал: «В названии известной горы, скалы, тайги, озера, реки шаманист-алтаец всегда соединяет личного духа, которому он молится, и просит о даровании вещественных благ. Духи гор в категории добрых духов занимают первое место после верховного божества Ульгена³ и его сыновей, а также почитаемого Тенери ‘Неба’, небесных светил – Күн ‘Солнце’, Ай ‘Луна’, излучающих свет, тепло...» (МАЭ, ф. 11, д. 17, л. 33).

Благодать, дарованную светлыми божествами, алтайские шаманы образно представляли золотым светом – *алтын жаргы*, нисходящим с небесных сфер к духам – посредникам между людьми и божеством – Дьайык’у (*Жайык*) и духу домашнего огня (*От-эне*). Поскольку дух – хозяин огня выступал посредником между миром божеств и миром человека, то многие обряды, устраиваемые во благо людей, начинались с ритуального освящения и угощения огня. Как отмечала Н. П. Дыренкова, «ни одна жертва не пойдет к Ульгеню прежде, чем ее не примет огонь. Огонь поедает жертву, передавая ее божествам» [Дыренкова, 1927, с. 71].

Сүт-Көлим, Сүмер-тайкам! Алтын жаргы берзин!
‘Сют-Кёл, Сюмер-гора моя! Золотую благодать пусть дадут!’.

Жаргы жерден алтын жаргы нурултуп, / Жалыр отко пириктирзин [Анохин, 1924, с. 73].

‘С судного места золотую благодать возвращая, / К пламенному огню пусть присоединит’.

Некоторые шаманы у божеств просили благословения и различных, материальных и нематериальных, благ: богатства, прироста скота, деторождения, здоровья, счастья, удачи.

Айлдан чыкпас – / Ач жобол болды, / Ыйден чыкпас / Ызүлбес жобол болды. / Лезим-төстөн / Алтын жаргы сурап турум? (ТОКМ, ф. 16, д. 19).

‘Из *аила* не выйти – / Алчная болезнь была. / Из жилища не выйти – / Непрекращающаяся болезнь была. / У Дьезима-духа / Золотого суда (т. е. благодать) прошу’.

Алтын жаргы алгандый мин, / Алкыжын жетсин үсүне Ыльгенге, / ... / Беш катта Энем – Күн-эне кайракан эде, / Алтын жаргы сурай барыгар (МАЭ, ф. 11, д. 163).

³ Существует мнение, что *Ульген* не являлся божеством, скорее, он был *тёс* – обоженственным предком ряда тюркских этносов или родов. Исследовательница ссылалась на тот факт, что камлания Ульгеню были записаны лишь у некоторых групп алтайцев, в основном от телеутских, шорских, хакасских шаманов. В одном из преданий представители сеока *өлүн* считают себя потомками *Ульгена* [Муйтуева, 2004, с. 17]. Это также объясняется разнородным составом алтайского этноса, сложившегося из разных тюркских племен.

‘Будто золотую благодать получил я, / Твое благопожелание до Ульгена
пусть дойдет. / ... / В пятом слое почитаемая нами Мать – Мать-Солнце, /
Золотую благодать у нее попросите’.

У божества шаман также просил души детей и скота. Л. П. Потапов о душе ребенка (*сус* или *кут*) писал, что это как благо, дарованное божеством, представляющееся в виде солнечного луча, как средство передачи зародыша, посылаемого божеством, человеку. *Сус* или *кут* спускают по золотой нитке к священной березе, установленной в юрте, а оттуда – в колыбель, которая всегда находится у очага под охраной огня [Потапов, 1991, с. 62]. Представления о луче как средстве передачи души-зародыша ребенка легли в основу некоторых древнетюркских и монгольских генеалогических легенд, а также шаманских образов луча как блестящей, золотой нити, связывающей небеса с землей [Там же]. Свое убеждение о том, что представление о солнечном луче как средстве передачи души человеку, посылаемого божеством, было известно и древним тюркам, Потапов подтверждал фольклорными примерами. Этот образ имеется и в телеутском эпосе в виде сияющей, как солнце, нитки, тянущейся к небу, связывая с ним «душу» богатыря [Там же]. Одним из ярких примеров стала генеалогическая легенда, обнаруженная в Египте в XIV в., в которой отмечается, что «в горах Каратаг, на границе с Китаем, воды затопили одну из пещер и замыли в ней глиной яму, имевшую форму человека. В течение девяти месяцев под воздействием солнечных лучей эта глиняная модель ожила. Так появился в прародительской пещере предок тюрков по имени Ай-Атам, который женился на женщине, появившейся в этой пещере также в результате затопления. У них родилось 40 детей» [Там же, с. 63]. Тюркские легенды в Египет могли быть занесены мамлюками-кыпчаками. Одним из ярких примеров является шаманская сцена раздачи душ зверей, скота и детей в «Камлании Ульгену». Присутствующие по очереди подходят к шаману, кладут к его ногам шапки «алча», для того чтобы принять от божества Эрмен-Каана души-кут зверей (МАЭ РАН⁴, ф. 11, оп. 1, д. 163). Шаман, преодолевая каждый небесный слой, просит благословения:

Алкыжым јетсин, калын черү. / Ёсүне Ёлгенге, алдынгы улуска. / Төрт катта Энем-Јайучы, / Он көзимынан көрөдиде, / Он алкыжын бергедиде, / Алтын јаргы алгандый мин, / Алкыжын јетсин үстүне Ёлгенге (МАЭ РАН, ф. 11, оп. 1, д. 163).

‘Благословение мое пусть дойдет, многочисленное войско, / Наверху Ульгену, внизу народу. / В четвертом слое Мать-Дьайучы (букв. Мать-Творец), / Краем правого глаза пусть смотрит, / Правое благословение свое пусть даст, / Как будто золотую благодать я получил, / Благословение твое до верхнего Ульгена пусть дойдет’.

Благодать (как результат решения божества) образно представляется нитью, которую можно развязать и спустить вниз – *јаргы чечер* ‘благодать развязать’.

Төрт катта Энем-Јайучы, / Алтын-ба јаргы чечкей-бе биде? / Төрт катта Энем-Јайучы, / Алтын ба јаргы чече бе салзан (МАЭ РАН, ф. 11, д. 163).

‘В четвертом слое Мать-Создательница, / Золотую благодать развяжет ли? / В четвертом слое Мать-Создательница / Золотую благодать развяжи, спусти’.

Шаманское понятие *алтын јаргы* ‘золотой суд, золотое решение (божества)’, возможно, появилось от слова *јарык* (или *јаркын*) ‘свет, сияние, блеск’, лежащего

⁴ Архив Музея антропологии и этнографии Российской академии наук.

в основе буддийского понятия *алтын жар[ы]гы* ‘его золотое сияние, блеск’. Могло ли появиться слово *жаргы* в результате употребления в притяжательной форме *жарыгы* ‘его свет, блеск, луч’? Имело ли оно какое-нибудь отношение к буддийским понятиям, в частности к понятию золотого блеска, отраженному в буддийской сутре «Алтун яруг»? Понятие золотого блеска было популярно в домусульманской, шаманской и буддийской культуре тюрков, а также монголов. На монгольском и бурятском языках эта сутра известна как «Алтан Гэрэл». В монгольских языках заимствование буддийских религиозных терминов, в том числе из санскрита, первоначально шло через уйгурский язык, позднее – через тибетский. Буддийские трактаты широко стали переводиться на монгольский язык именно с тибетского [Яхонтова, 1996, с. 34]. Поэтому, скорее всего, монгольскими языками слово *жаргы* было заимствовано из тюркских языков.

В «Сутре золотого блеска» источником золотого света является Будда:

Как только рождается [Будда], его тело испускает свет, который заполняет всю вселенную, унимает бесконечные страдания в Трех Мирах, удовлетворяет существ всевозможным счастьем; наделяет счастьем существ ада, животных, голодных духов, богов, людей – всех тех существ; и все существа дурных уделов обретают покой. Его тело светится прекрасным золотистым светом, сверкает, словно чистое золото...⁵

Вера в исцеляющую силу сутры делала ее очень популярной в народной среде. Одним из ключевых понятий этого произведения является понятие греха и очищения через исповедь.

В Древнетюркском словаре у слова JARUG II зафиксированы следующие значения: 1. Свет, сияние, блеск, луч: *köktün bir kök jarug tüšti* с неба упал голубой луч [Наделяев и др., 1969, с. 244]. JARUQLUҮ светлый, сияющий: *altun öñlüg jaruqluу* пот сияющая золотым блеском учение [Там же]. В алтайском языке JAPЫK I 1. 1) светлый; 2. в знач. сказ. светло; 3. свет, сияние. JAPЫK II свет, мир, земля; JAPЫK III 1. Треснутый [Там же, с. 191].

В лексическом составе «*Altun Yaruk*» на древнеуйгурском встречается слово *yarlıg, yarlıkla- YRLYGY* (y(ar)lıgı) [Savaşçı, 2006, s. 31], *YRLYQ’P* (y(ar)lıkap) [Ibid., s. 46]. JARLIQ: 1. повеление, предписание, приказ (*iđimiz jarlıyü* повеление нашего господина (МК I 87)⁶; 2. Свод религиозных предписаний, сутра (*iki jегirmi bölük jarlıyü*), состоящая из двенадцати отделов (ТТ VI₂₀)⁷ [Наделяев и др., 1969, с. 242]. Возможно, в древнетюркском языке обе лексемы YARLIG и JARUG существовали параллельно. Могло произойти наложение понятия *алтын жарык* ‘золотой свет, блеск, луч’ на шаманское понятие суда – *жаргы*. Замещение одного понятия другим возможно в результате конкуренции понятий разных культур. При адаптации понятий из чужого языка к своему языку, как правило, происходит соотношение этого понятия с понятиями уже существующими, отбор определенных смыслов. В свою очередь, вопрос о том, испытывало ли шаманское понятие *жаргы* влияние христианского понятия посмертного суда, также требует доказательства.

Таким образом, в шаманской картине мира небесный суд, суд богов (*жаргы*), считается высшей инстанцией определения жизненного пути человека. Концепт *жаргы* ‘благодать’ имеет образные составляющие, связанные с мифологическими

⁵ Сутра золотистого блеска. Глава 1: Благородная сутра золотого света. URL: <http://abhidharma.ru/A/Vedalla/Content/TK/Syvarnaprabhasottama/0001.pdf> (дата обращения 07.08.2019).

⁶ Словарь Махмуда Кашкарского (Дивану лугат-ит-турк, 1072–1072 гг.; QV (QVN, QVK, QVN – Кудатгу Билиг (Наука о том, как становится счастливым, поэма этико-дидактического содержания, сочинение Юсуфа Баласагунского, 1069–1070 гг.).

⁷ ТТ VI – буддийская сутра *Sekiz jükmaк*, написанная уйгурским письмом.

представлениями шаманистов. В понимании шаманов небесный суд богов считался высшей инстанцией определения жизненного пути человека. Благодать, дарованную светлыми божествами, алтайские шаманисты образно представляли золотым светом, сиянием, нисходящим с неба к духу – покровителю дома и домашнему огню. В шаманском сознании алтайцев золотая благодать является высшей ценностью, удовлетворяющей материальные и духовные потребности человека. Ее получают те, кто соблюдает морально-этические правила жития, совершает благодетельные поступки. В историческом аспекте образный компонент рассмотренного концепта указывает на связь с буддийским понятием золотого блеска (*алтын жарык*) как божественной благодати, нисходящей свыше добродетели.

2. **Концепт БЫЙАН ‘благословение’, ‘благодать, благо’.** В буддийском происхождении этого слова в культуре алтайцев не приходится сомневаться. По мнению В. И. Рассадина, слово *бийан / пыйан* ‘благословение’, ‘благо’, ‘богатство, счастье’, ‘благодарность’ заимствовано из монгольского языка (*буян* ‘добродетель, благодетель < санскр. puna’) [Рассадин, 2008, с. 46]. Если учесть тот факт, что в монгольских языках заимствование буддийских религиозных терминов, в том числе из санскрита, первоначально шло через уйгурский язык, лишь позднее – через тибетский, то оно вряд ли было заимствовано из монгольского.

BUJAN I [санскр. p’uṇa чистый, священный] благодатный поступок, благодетель; заслуга [Наделяев и др., 1969, с. 120]. Слово встречается в Турфанских текстах⁸: qamaṅ täñgriär bujanları [ijin] qamaṅliṅ ašlarınta adirtı bar – все боги соответственно своим добрым делам имеют различие во всех своих кушаньях; bujan edgü qilinč – благочестивый, благодатный поступок [Там же, с. 120, 121].

BUJANLIṬ благодатный, благочестивый, имеющий отношение к благим поступкам: bujanlıṅ sumir taṅıṅ turṅurtuṅuz – Ты воздвиг благодатную гору Sumegu (ТТ III 163)⁹; bujanlıṅ bilgä biliglig jeväklärım bütsünlär пусть мое снаряжение будет полным благодатью и мудростью (Suv 354)¹⁰ [Там же, с. 121].

В Словаре монгольского языка слово *буян* ‘благо’ зафиксировано в следующем контексте: *буян ögbe tengri tündü dušmanāsa* – тенгри дал ему благо от врага [Поппе, 1938, с. 126]. В монгольском языке *буян* имеет несколько значений, связанных с буддийскими понятиями: 1) добро, благо, добродетельный, нравственно-религиозные заслуги; 2) благотворительность, счастье; *арван цагаан буян* десять священных белых добродетелей (не воровать, не красть, соблюдать моральную чистоту, говорить истину, говорить вежливо, не нарушать обещаний, не клеветать, не завидовать, не вредить другим, держаться истинного учения); *буян арвидхах* умножать добродетели [БАМРС, 2001, с. 298].

В Алтайско-русском словаре у слова *бийан* выделены другие значения: 1) благодарность, спасибо; *бийан айдар* говорить спасибо; *бийанын жетирер* благодарить; *Ол сыган эмеген туштаган болзо, ого бийан айдар эдим* (Д. Каинчин). Если бы встретила та женщина цыганка, высказал бы ей благодарность; 2) милость; *салымнын бийаны* милость судьбы; 3) благодать; *Кудайдын бийаны* Божья бла-

⁸ Bang W. und A. von Gabain. Türkische Turfan-Texte. I. Bruchstücke eines Wahrsagebuches. SPAW, 1929, XV, S. 241–268; Turfan-Texte. III. Der große Humnus auf Mani. SPAW, 1930, XIII, S. 183–211.

⁹ Большой гимн в честь Мани; список берлинской коллекции, написан четким манихейским письмом, в плохой сохранности.

¹⁰ Suvarṅaprabhāsa – Altun jarug (сутра «Золотой блеск»), перевод с китайского; петербургский список найден С. Е. Маловым в 1910 г. возле г. Сучжоу (Северо-Западный Китай) и издан В. В. Радловым и С. Е. Маловым, является поздним (1687 г.) списком перевода, выполненного Сынгку Сели-Тудунгом из Беш-Балыка, предположительно X в.; десять книг (всего 675 страниц по 22–25 строк на странице) уйгурским письмом, хранится в Санкт-Петербурге.

годать [АРС, 2018, с. 142]. Следует также указать значения ‘благословение, благопожелание’ (*Слердин быяныр жетсин* ‘Пусть ваше благословение исполнится’); *бийанду* ‘благодатный, благой’ (*бийанду иш* ‘благое дело’).

В шаманских текстах слово *бийан* чаще передает значение ‘благословение’ (*бийаны жетсин* ‘пусть его благословение дойдет’). Благословения и благодати просят у доброго божества Кудая, а также у духа – хозяина Алтая.

Агар пажына пыйан полор? (ТОКМ, ф. 16, д. 15).
‘Невинной голове его благословение будет?’

Бу јаткан Алтайымнан быйан сурадым! (ТОКМ, ф. 16, д. 15).
‘У этого Алтая своего благословения прошу!’

Дезим-адам алкыш перди бе? / Је, Кудайым, пыйан перди бе? / Конгон јуртым амыр полор бо? / Азраган палам энчү полор бо? (ТОКМ, ф. 16, д. 15).

‘Дезим-отец мой благословение свое дал ли? / Ну, Кудай мой свою благодать дал ли? / Живущий мой род в мире будет ли жить? / Выкормленные мною дети будут ли жить спокойно’.

Агар төскө, агар башка биян бер, / Азраган малына, / Јуртаган јуртына, / Алтын јаргы бергей не? (МАЭ, ф. 11, д. 22).

‘Чистому духу-тёсу, светлой голове благословение дай, / Выкормленному скоту его, / Семье, которую он создал, / Золотую благодать (свет) даст ли?’.

В некоторых контекстах оно выражает значение ‘благодать’ и может вступать в синонимичные отношения со словом *јаргы*. Слово *бийан* передает лексическое значение ‘благодать’ в сочетании с прилагательным *ак* ‘белый’. Как и золотая благодать, белая (священная) благодать, по представлениям шаманов, может быть спущена божествами с неба на домашний огонь.

Алтын кырлу ак јайк! / Агар төстин јаргызын, / Ак биянын үзү отко тарт! / Үзү күйген ак јалгын, / Үч талалу таш очок, / Одус башту от-эне! (МАЭ, ф. 11, д. 22).

‘С золотой каймой белый *джаик*! / Решение чистого духа-тёса, / Белую благодать к горячему огню притяни! / Жарко горящее белое пламя, / С тремя гранями каменный очаг, / С тридцатью головами огонь-эне!’.

Таким образом, слово *бийан* в шаманских текстах передает два значения: ‘благословение’ и ‘благодать, благо’. В сочетании с эпитетом *ак* ‘белый’ – *ак биян* – оно выражает значение ‘священная (букв. белая) благодать’. Белая благодать, как и золотая благодать, представляется светом, лучом, нисходящим с неба на домашний огонь.

Заключение

Ключевые концепты шаманских текстов *ЈАРГЫ* ‘суд’, ‘благодать, благо’ и *БЫЯН / ПЫЯН* ‘благословение’, ‘благодать, благо’ представляют собой культурно значимые и ценностные понятия, отражающие представления шаманистов-алтайцев. Этимологический анализ показал, что в историческом слое этих концептов-слов содержатся представления, имеющие общие основы с буддизмом.

Лексические значения слова *јаргы* и его культурная семантика сформировались в результате сложных культурно-языковых процессов. Понятие *алтын јаргы* ‘золотая благодать (свет)’, отраженное в шаманских текстах алтайцев, возможно, появилось под влиянием буддийской сутры «Алтун яруг» («Сутра золотого

блеска»), популярной у тюркских и монгольских народов в Средневековье. На этимологическую связь этих слов-концептов указывают устойчивые концептуальные признаки. Концепт *АЛТЫН ЖАРГЫ* имеет концептуальные признаки 'нечто золотое', 'нечто сияющее и опускающее с неба в домашний огонь'. Можно предположить, что произошло наложение понятия золотого блеска (*алтын жарык* 'золотой свет, блеск, луч') на шаманское понятие небесного суда (*жаргы*). Такое замещение вполне возможно в результате конкуренции понятий разных культур.

Другое слово *бийан / пыйан* могло быть заимствовано из санскрита в тюркские языки через буддизм. В алтайском языке у этого слова сформировались свои устойчивые лексические значения. В рассмотренных шаманских текстах у слова *бийан / пыйан* реализуются значения – 'благословение', 'благодать, благо'. Священная (букв. белая) благодать, как и золотая благодать (*алтын жаргы*), понимается как божественный белый свет, спущенный с неба на домашний огонь.

Список литературы

Анохин А. В. Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествий по Алтаю в 1910–1912 гг. по поручению Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Л.: Изд-во РАН, 1924. 152 с. (Сборник МАЭ при Российской академии наук. Т. 4, ч. 2).

АРС – Алтайско-русский словарь / Ред.: А. Э. Чумакаев (отв. ред.), Н. В. Екеев, А. Н. Майзина, К. К. Пиантинова, Н. Н. Тыдыкова, Е. В. Тюнтешева; БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». Горно-Алтайск, 2018. 936 с.

БАМРС – Большой академический монгольско-русский словарь: В 4 т. / Отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. Т. 2: Д–О.

Берзин А. Смена религий уйгурами. Историческое взаимодействие буддийской и исламской культур до возникновения Монгольской империи. Библиотека Берзина (1996). URL https://studybuddhism.com/web/ru/archives/e-books/unpublished_manuscripts/historical_interaction/pt2/history_cultures_09.html (дата обращения 07.08.2019).

Бокоренко Н. А. К проблеме реконструкции конских уборов скифской эпохи Южной Сибири // Северная Евразия от древности до средневековья. СПб.: ИИМК РАН, 1992. С. 123–125.

Дыренкова Н. П. Культ огня у алтайцев и телеут // Сборник МАЭ. Л., 1927. Т. 6. С. 63–78.

КРС – Казахско-русский словарь / Под ред. Р. Г. Сыздыковой, К. Ш. Хусаин. Алматы: Дайк-пресс, 2002. 1008 с.

Кляшторный С. Г., Лившиц В. А. Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы востока. М.: Наука, 1971. Т. 10. С. 121–146.

Левитская Л. С. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на буквы Ж, Ж, Й / Авт. слов. ст. Э. В. Севортян, Л. С. Левитская. М., 1989. 292 с.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности: тексты и исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 452 с.

Муйтуева В. А. Традиционная религиозно-мифологическая картина мира алтайцев. Горно-Алтайск, 2004. 166 с.

Наделяев В. М., Насилов Д. М., Тенишев Э. Р., Щербак А. М. Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1979. 677 с.

Поппе Н. Н. Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. Ч. 1–2. 452 с.

Потапов Л. П. Алтайский шаманизм. Л.: Наука, 1991. 320 с.

Рамstedт Г. И. Введение в алтайское языкознание. М.: Изд-во Иностран. лит., 1957. 254 с.

Рассадин В. И. Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Часть II. Монгольское влияние на лексику тюркских языков. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2008. 243 с.

Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: В 3 т. / Ин-т востоковедения РАН; гл. ред. Г. Д. Санжеев; ред. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадина, Я. Д. Леман. М.: ИВ РАН, 2015. Т. 1: А–Е, 224 с.

Севортян Э. В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М.: Наука, 1966. 437 с.

Стеблева И. В. К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы // Тюркологический сборник 1971. М.: Наука, 1972. С. 213–226.

Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.

Тектигул Ж. О. Эволюция общетюркских аффиксов в казахском языке. Астана: Академия естествознания, 2013. URL: <https://monographies.ru/ru/book/section?id=6681>.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Русские словари, 1994. Т. 1.

ХРС – Хакасско-русский словарь / Под общ. ред. О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

Яхонтова Н. С. Ойратский литературный язык XVII в. М.: Вост. лит., 1996. 152 с. (Языки народов Азии и Африки)

Savaşçı Yu. Uygurca Altun Yaruk'a ait belgeler (401–450): Yüksek lisans tezi. İstanbul, 2006. 212 s.

Архивные источники

МАЭ РАН – Архив Музея антропологии и этнографии Российской академии наук. Ф. 11. Оп. 1. Д. 17. Мистерия кама Чодор. Алтай, 1910; Д. 22. Мистерии кама Баланди, зап. А. В. Анохиным 29 авг. 1910 г., с. Анос; Д. 163. А. В. Анохин. Камлание Ульгену.

ТОКМ – Архив Томского областного краеведческого музея. Ф. 16. Оп. 8. Д. 15. Призывание шаманки Мыза, зап. А. В. Анохиным 30 июля 1914 г. у р. Мукур-Чаргы; Д. 16. Мистерии кама Тартык, зап. А. В. Анохиным в 1914 г. на Алтае, на 18 л.; Д. 18. Материалы о музыкальном творчестве народов Алтая и др., собранные А. Анохиным. Мистерии камов Тектий и Мазай. Алтай 1914 г. на 11 л.; Д. 19. Материалы о музыкальном творчестве народов Алтая, собранные А. Анохиным. Призывание духов кама Моштой. Алтай 1910 г., на 26 л.;

N. R. Oinotkinova

*Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation, sibfolklore@mail.ru*

Concepts *JARGY* ‘the court’, ‘thanks, thanks’ and *BYIAN* ‘blessing’, ‘thanks’ in the shaman text of the Altaians

The paper is devoted to the concepts of *jargy* ‘court’, ‘grace, mercy’ and *byian* ‘grace,’ ‘blessing’ in Altaic shamanic texts. The material for the study was taken from published and archival texts recorded at the beginning of the twentieth century by researcher A. V. Anokhin from different ethnic groups of the Altaians. The author has found that the historical layer of the concepts concerned is associated with the Buddhist religious tradition. An etymological analysis showed

that the word *jargy* is of Turkic origin. On the one hand, it reflected the archaic representations of Turkic shamans about a heavenly (divine) court. According to the ideas of shamans, the heavenly court, the court of the gods is considered the highest instance of determining the life path of man. In the mythopoetic consciousness of Altai shamans, grace granted by deities or mountain spirits was figuratively represented by a golden or white light, a sparkle (*altyn jargy* ‘golden grace’, ‘golden sparkle,’ *ak byian* ‘white grace’) descending from the heavenly spheres to the home to the fire. The soul of a newborn (*sus* or *kut*) was considered a blessing bestowed by a deity. It was presented in the form of a sunbeam, as a means of transmitting the embryo sent by the deity to a person. On the other hand, the concept of *altyn jargy* ‘the golden court, the golden decision (deities)’ has much in common with the concept of light, radiance (*jaryk*), which underlies the Buddhist “Sutra of Golden Glitter” (“*Altyn Yarug*”). The appearance of the concept of court in shamanistic culture under the influence of the Christian concept of the posthumous court has not been studied. Another keyword *byian* / *pyian* was most likely borrowed into the Turkic languages from Sanskrit (*p’unya* ‘pure, sacred’), while Buddhist monuments were translated. In shamanic texts, the word *byian* / *pyian* realizes the meanings ‘blessing’ and ‘grace.’

Keywords: Altai, shamanistic text, polysemy of the word, concept, shamanism, Buddhism.

DOI 10.17223/18137083/69/4

References

- Altaysko-russkiy slovar'* [Altai-Russian Dictionary]. A. E. Chumakaev (Ed. in ch.), N. V. Ekeev, A. N. Maizina, K. K. Piyantinova, N. N. Tydykova, E. V. Tyuntesheva (Eds), BNU RA “S. S. Surazakov Research Institute of Altaistics”. Gorno-Altaysk, 2018, 936 p.
- Anokhin A. V. *Materialy po shamanstvu u altaytsev, sobrannyye vo vremya putesthestviy po Altayu v 1910–1912 gg. po porucheniyu Russkogo Komiteta dlya izucheniya Sredney i Vostochnoy Azii* [Materials on the shamanism of the Altaians collected during travels in Altai in 1910–1912 on behalf of the Russian Committee for the Study of Central and East Asia]. Leningrad, RAN Publ., 1924, 152 p. (Sbornik MAE pri Rossiyskoy akademii nauk [Collection of MAE RAS, vol. 4, pt. 2]).
- Berzin A. *Smena religiy uygurami. Istoricheskoye vzaimodeystviye buddiyskoy i islamskoy kul'tur do vozniknoveniya Mongol'skoy imperii. Biblioteka Berzina (1996)* [Change of religions by the Uighurs. The historical interaction of Buddhist and Islamic cultures before the emergence of the Mongol Empire. Berzin Library (1996)]. URL: https://studybuddhism.com/web/ru/archives/e-books/unpublished_manuscripts/historical_interaction/pt2/history_cultures_09.html (accessed 07.08.2019).
- Bokovenko N. A. K probleme rekonstruktsii konskikh uborov skifskoy epokhi Yuzhnoy Sibiri [To the problem of the reconstruction of horse harnesses of the Scythian epoch of Southern Siberia]. In: *Severnaya Yevraziya ot drevnosti do srednevekov'ya* [Northern Eurasia from Antiquity to the Middle Ages]. St. Petersburg, IIMK RAN, 1992, pp. 123–125.
- Bol'shoy akademicheskiy mongol'sko-russkiy slovar': V 4 t. T. 2: D–O*. [Big academic Mongolian-Russian dictionary: In 4 vols. Vol. 2: D–O]. G. Ts. Pyurbeyev (Ed. in ch.). Moscow, Academia, 2001.
- Dyrenkova N. P. Kul't ognya u altaytsev i teleut [The cult of fire in the Altaians and Teleut]. In: *Sbornik MAE* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Leningrad, 1927, vol.6 pp. 63–78.
- Khakassko-russkiy slovar'* [Khakass-Russian dictionary]. R. G. Syzdykova, K. Sh. Khusain (Eds). Almaty, Dayk-press, 2002, 1008 p.
- Klyashtornyy S. G., Livshits V. A. Sogdiyskaya nadpis' iz Buguta [Sogdian inscription from Bugut]. In: *Strany i narody vostoka. T. 10* [Countries and peoples of the East. vol. 10]. Moscow, Nauka, 1971, pp. 121–146.
- Levitskaya L. S. *Etimologicheskiy slovar' tyurkskikh yazykov: obshchetyurkskiye i mezhtyurkskiye osnovy na bukvy Ж, Ж, Ы* [Etymological dictionary of Turkic languages: All-Turkic and Inter-Turkic fundamentals on the letters Ж, Ж, Ы]. E. V. Sevortyan, L. S. Levitskaya (Authors of lexical entry). Moscow, 1989, 292 p.
- Malov S. E. *Pamyatniki drevnetyurkskoy pis'mennosti: teksty i issledovaniya* [Monuments of ancient Turkic writing: texts and studies]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1951, 452 p.
- Muytuyeva V. A. *Traditsionnaya religiozno-mifologicheskaya kartina mira altaytsev* [Traditional religious-mythological picture of the Altai world]. Gorno-Altaysk, 2004, 166 p.

- Nadelyayev V. M., Nasilov D. M., Tenishev E. R., Shcherbak A. M. *Drevnetyurkskiy slovar'* [Ancient Turkic dictionary]. Leningrad, Nauka, 1979, 677 p.
- Poppe N. N. *Mongol'skiy slovar' Mukaddimat al-Adab. Ch. 1–2* [Mongolian Dictionary of Muqaddimat al-Adab. Pt. 1–2]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1938, 452 p.
- Potapov L. P. *Altayskiy shamanism* [Altai shamanism]. Leningrad, Nauka, 1991, 320 p.
- Ramstedt G. I. *Vvedeniye v altayskoye yazykoznanie* [Introduction to Altai linguistics]. Moscow, Izd. Inostr. lit., 1957, 254 p.
- Rassadin V. I. *Ocherki po istorii slozheniya tyurko-mongol'skoy yazykovoy obshchnosti. Chast' 2. Mongol'skoye vliyaniye na leksiku tyurkskikh yazykov* [Essays on the history of the addition of the Turkic-Mongolian language community. Pt. 2. Mongolian influence on the vocabulary of the Turkic languages]. Elista, Kalm. Univ. Publ., 2008, 243 p.
- Sanzheyev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V. *Etimologicheskii slovar' mongol'skikh yazykov: v 3 t.* [Etymological dictionary of Mongolian languages: in 3 vols. Vol. 1: A–E]. Institut vostokovedeniya RAN; G. D. Sanzheyev (Ed. in ch.), L. R. Kontsevich, V. I. Rassadin, Ya. D. Leman (Eds). Moscow, IV RAN, 2015, 224 p.
- Savaşçi Yu. *Uygurca Altun Yaruk'a ait belgeler (401–450): Yüksek lisans tezi* [Documents of Altun Yaruk in Uighur (401–450): Master's thesis]. Istanbul, 2006, 212 p.
- Sevortyan E. V. *Affiksy imennogo slovoobrazovaniya v azerbaydzhanskom yazyke* [Affixes of nominal word formation in Azerbaijani language]. Moscow, Nauka, 1966, 437 p.
- Stebleva I. V. K rekonstruktsii drevnetyurkskoy religiozno-mifologicheskoy sistemy [To the reconstruction of the ancient Turkic religious and mythological system]. In: *Tyurkologicheskii sbornik 1971* [Turkologic Collection 1971]. Moscow, Nauka, 1972, pp. 213–226.
- Stepanov Yu. S. *Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury* [Constants. Dictionary of the Russian culture]. Moscow, LRC Publishing House, 1997, 824 p.
- Tektigul Zh. O. *Evolyuetsiya obshchetyurkskikh affiksov v kazakhskom yazyke* [The evolution of common Turkic affixes in the Kazakh language]. Astana, Akademiya yestestvoznaniya, 2013. URL: <https://monographies.ru/ru/book/section?id=6681> (accessed 07.08.2019).
- Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: V 4 t. T. 1* [Dictionary of the Russian language: In 4 vols. Vol. 1]. D. N. Ushakov (Ed.). Moscow, Russkiye slovari, 1994.
- Yakhontova N. S. *Oyratskiy literaturnyy yazyk 17 v.* [Oirat literary language of the 17th century]. Moscow, Vost. lit., 1996, 152 p. (Yazyki narodov Azii i Afriki [Languages of Asian and African peoples]).

List of sources

- Arkhiv Muzeya antropologii i etnografii Rossiyskoy akademii nauk. F. 11. Op. 1. D. 17. Misteriya kama Chodor. Altay, 1910; D. 22. Misterii kama Balandi, zap. A. V. Anokhinym 29 avg. 1910 g., s. Anos; D. 163. A. V. Anokhin. Kamlaniye Ul'genu* [Archive of the Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences. F.11. Op. 1. D. 17. Mystery of the Kama Chaudor. Altai, 1910; D. 22. Mysteries of Kama Balandi, A. V. Anokhin, 29 August. 1910, Anos village; D. 163. A. V. Anokhin. Cameling to Ulgen].
- Arkhiv Tomskogo oblastnogo krayevedcheskogo muzeya. F. 16. Op. 8. D. 15. Prizyvaniye shamanki Myza, zap. A. V. Anokhinym 30 iyulya 1914 g. u r. Mukur- Chargy; D. 16. Misterii kama Tartyk, zap. A. V. Anokhinym v 1914 g. na Altaye, na 18 l.; D. 18. Materialy o muzykal'nom tvorchestve narodov Altaya i dr., sobrannyye A. Anokhinym. Misterii kamov Tektii i Mazay. Altay 1914 g. na 11 l.; D. 19. Materialy o muzykal'nom tvorchestve narodov Altaya, sobrannyye A. Anokhinym. Prizyvaniye dukhov kama Moshtoya. Altay 1910 g., na 26 l.* [Archive of the Tomsk Regional Museum of Local Lore. F. 16. Op. 8. D. 15. Calling of the shamaness of the Myz, recorded by A. V. Anokhin, on July 30, 1914 at the river Mukur-Chargy; D. 16. Mystery of the Kama Tartyk, A. V. Anokhin, in 1914 in Altai, 18 l.; D. 18. Materials on the musical creativity of the peoples of the Altai and others, collected by A. Anokhin. Mysteries of Kamov Tektii and Mazai. Altai, 1914, 11 years old; D. 19. Materials about musical creativity of the Altai peoples, collected by A. Anokhin. Call of spirits of Kama Moshtoy. Altai, 1910, 26 l].

Литературоведение

УДК 82-94, 2-38
DOI 10.17223/18137083/69/5

Л. С. Соболева, М. А. Голендухина

Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина, Екатеринбург

Полифония самоидентичности в «Житии» протопопа Аввакума *

Рассматривается важный аспект литературного процесса XVII в. – утверждение ценности личности автора в литературе. Самобытно и талантливо этот момент проявляется в «Житии» протопопа Аввакум Петрова. Обращаясь к принятому в средневековой поэтике при изображении человека принципу уподобления и сопоставления, автор показывает многогранную личность, добиваясь тем самым индивидуализации персонажа. При этом Аввакум не избегает сочетания праведности и греховности, высокого и бытового. Главным приемом становится драматизация рассказа и обращение к ролевой системе воплощения персонажа. Этот прием, выполняя коммуникативную функцию, позволяет детерминировать читательские переживания, углубляет смысл текста и увеличивает масштаб фигуры автора. В контексте этого подхода Аввакум-писатель сближает своего персонажа с наиболее признаваемыми в данном времени и социальном контексте ролями, каждая из которых должна была оказывать значительное влияние на восприятие Аввакума-героя, формируя у читателя высокосignификационную аксиологическую систему и детерминируя поведение сторонников автора в религиозном противостоянии. Преобразуя происходящее с героем в божественный замысел спасения мира, автор видит возможность преодоления распада через равновеликость Аввакума библейским борцам с отступничеством и ересью.

Ключевые слова: протопоп Аввакум, Житие, ролевой образ, драматизация, русская литература XVII в.

Исследовательская перспектива изучения переходного периода в литературном процессе – XVII века – видится в обращении к авторскому началу, а именно в векторах репрезентации авторской идентичности, соотнесенной с появлением многогранного литературного героя в Новое время. Это предопределило упрочен-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00186 «“Культура Духа” vs “Культура Разума”: интеллектуалы и власть в Британии и России в эпоху перемен (XVII–XVIII вв.)»).

Соболева Лариса Степановна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина» (ул. Ленина, 51, Екатеринбург, 620000, Россия; l.s.soboleva@mail.ru)

Голендухина Мария Алексеевна – студентка IV курса ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина» (ул. Ленина, 51, Екатеринбург, 620000, Россия; m.golendukhina@yandex.ru)

ние важнейшего сегмента литературного поля – автобиографического модуса, в рамках которого начинают формироваться новые черты в поэтике, причем в разных жанрах, предполагающих открытое внесение в текст авторского мнения, ведущие к осознанию читателем образа автора (эпидейктические: послания, проповеди, толкования; нарратологические: жития в разных модификациях, повести и др.)¹. Однако общее признание данной потребности развития литературы не означает, что до конца понятен исторический механизм, сделавший авторский голос необходимым элементом читательского интереса к произведению. Средневековое понятие личности в ее связи с Богом перерастает в установку запечатлеть самобытность индивида, «осознание им самооценности собственного ego», признание его своеобразия социальной средой [Гуревич, 2003, с. 261].

Протопоп Аввакум (1621/2–1682) – яркая историческая личность, противник церковных реформ патриарха Никона, идеолог старообрядчества и талантливый русский писатель. Одно было неотделимо от другого: талант, воспламеняемый глубинным процессом народного возмущения, находил выражение в художественной реальности, и созданные тексты способствовали вербализации и укреплению протестных настроений. На первом месте по значимости не только у соратников, но и у широкого круга читателей в последующие времена после публикации рукописного текста (1861) стоит «Житие», обусловленное агиографической традицией, но созданное вопреки канону героем повествования. Востребованный в средневековой литературе идеализирующий жанр, описывающий жизнь святого, преобразован Аввакумом в напряженное повествование, в котором знаменательные для автора биографические события, переживания и поступки оказывались связаны с конфликтами времени, предвещая появление романа. Выявляя свойственное литературе этого времени «открытие ценности человеческой личности самой по себе, независимо от ее официального положения на лестнице феодальных отношений», Д. С. Лихачев видел в этом «отдельные предчувствия открытий, к которым придет литература XIX века» [Лихачев, 1962, с. 36]. Житийный текст, сохраняя средневековые представления о святости как «причастности человека Богу, его обоженности, в его преображении под действием благодати Божией» [Живов, 1994, с. 90], начинает формировать перспективу понимания человека в его динамической многогранности. Аввакум транслирует свою концепцию мира на грани его гибели и спасения: гибели от предавших «древнее благочестие» никониан и спасения от хранящих традиционную, истинную веру старообрядцев.

В определенном смысле Аввакум, противостоя, в его оценке, несправедливой власти и несправедливой церкви, ощущает связи с раннехристианским временем, когда апостолы и «апостольские мужи» подвергались преследованиям и казням. Протопоп и его сторонники после 1666 г. в одночасье оказались в кольце «противников веры» (в их трактовке), имеющих власть, что вызвало к жизни своеобразную тактику поведения и особенности творчества. Автор и его сторонники находились в сложной ситуации: неприятие церковной реформы привело к отказу от компромисса с церковной и светской властью в этот период. Ощущение конца «истинного» православия вызвала в писательском самосознании небывалый масштаб фигуры спасителя не только русского, но всего православия. Убедительные доводы, которые должны были придать энергию вектору движения к спасению, Аввакум находил как в историко-биографических событиях, так и в традиционных сочинениях патристики и Священном писании. Преодоление противоречия бытового

¹ Длительный процесс формирования в русской средневековой словесности этого качества отмечался исследователями, начиная с произведений XII в. Но это было скорее не общепринятое качество текста, а проявление необычности и высокой талантливости авторов (ср.: Вл. Мономах, Елифаний Премудрый, Иван Грозный, ряд анонимных авторов).

материала и высокой всеобъемлющей цели спасения православного мира автор нашел в обращении к ролевой поэтической системе. Создание ролевой оптики, в которой картина мира конструируется в зависимости от ряда параметров, связано как с христианской иеротопией, так и с образами, функционирующими в национальной культуре². Выявить смысл обращения к наиболее концептуальным ролям, осветить генезис и привлечь внимание к их художественной функции – цели, определяющие стремление авторов вписать еще одну страницу в осмысленное ключевое текста русской литературы.

Историография «Жития» огромна, здесь мы затрагиваем только те исследования, в которых хоть в какой-то степени открывались грани представленной проблемы. Так, А. Н. Робинсон выделяет две «ипостаси» автора: грешный человек и пророк. Соответственно жанр «Жития» определяется им как «исповедь-проповедь» ввиду того, что проповедническое начало уравнивается в Аввакуме «покаянной исповедью» [Робинсон, 1967].

Своеобразное «режиссерство» Аввакума выявлено Д. С. Лихачевым, который отметил, что во многих комичных эпизодах «Жития» автор как бы разыгрывает своего рода спектакли, перекладывая события в комедийные и фарсовые сценки с использованием элементов скоморошьей буффонады; помимо обрисовки собственной роли комментирует слова и действия других персонажей [Лихачев, 1984].

Наиболее близка по постановке проблемы статья Н. С. Демковой, где исследователь указывает, что на протяжении одного текста Аввакум обращается к нескольким ролям: богослова, пророка, сострадальца, «простеца-горемыки», духовного отца, наставника, соединяя задачи рассказчика и героя [Демкова, 1988]. Причины, побудившие автора драматизировать «Житие», видятся во влиянии поэтики устной народной прозы и художественных принципов народного театра – предельного оглушения отрицательного персонажа [Там же, с. 314]. Особенности обращения Аввакума к образу автора, выделение в нем апостольского начала и поведения по типу юродства прослежена в работе Н. М. Герасимовой [1993, с. 56–87].

С идеей присутствия «авторской маски» в поэтике Аввакума выступила в докторской диссертации, а следом в монографии О. Ю. Осьмухина. Основной объект ее исследований – русская литература XX в. и массовая литература, но при этом она видит истоки обращения к приему литературной маски в древнерусской литературе и, в частности, в творчестве Аввакума [Осьмухина, 2008]. Следует заметить, что ролевой прием и авторская маска не равны по сути. Авторская маска, давая простор писательской фантазии, в то же время заранее предполагает ее семантику, не совпадающую с авторской личностью. Роль же позволяет воплотить собственную интерпретацию, внести особенности личного отношения и не скрывать лицо, а очертить «профиль» как можно ярче, используя общественно значимые ролевые установки. Фактически это путь к включению индивидуальности в систему оценок социума и выбор человеком тех моделей самопрезентации, которые помогают ему в поисках идентичности.

Драматизация «Жития» под влиянием народной зрелищной культуры сопрягается с трагическим неприятием реформы. Следствием негативного резонанса существенной части русского общества стало формирование убеждения в необходимости собственного мира, отделенного от мира Никона – Антихриста (по возможности, географически отдаленного, социально замкнутого, культурно имманентного), выработавшего в итоге собственный уклад жизни и стратегию

² Под ролевым образом (ролью) мы понимаем модель поведения героя, реализуемую в конкретной ситуации для выполнения им какой-либо функции, признаваемую социумом общезначимой.

поведения по отношению внешнему миру. Фигура Аввакума стоит в начале этой полной драматических коллизий истории борьбы за сохранение религиозной идентичности и отстаивания пути спасения в страдании за свои убеждения.

Созревая в движение, староверие сформировало требования к функциональности его лидеров и рядовых членов; развитие структуры вызвало утверждение типических функций³, что повлекло обращение к ролевой стратегии, обязывающей людей к определенной модели поведения. Есть смысл обратиться к высказыванию Й. Хейзинга об особенностях игрового характера «отверженных» членов общества: «...узники совести [игроки, нарушающие правила игры] не мешкая образуют новое сообщество с новыми собственными правилами. Именно изгой, революционер, член тайного клуба, еретик – все они необычайно подвержены сплочению в группы и одновременно всегда почти обладают сильно выраженным игровым характером» [Хейзинга, 1992, с. 27].

Стремление повлиять на умы и сердца соратников вызывает многовариантное поведение Аввакума – от крайнего самоуничужения и эпатажного юродства до декларации пророческого дара.

На наш взгляд, авторская концепция Аввакума в использовании ролевого подхода в «Житии», помимо влияния зрелищности народной культуры, была вызвана эстетикой зарождающегося искусства барокко, для которого существенны театральность и игровое начало [Рогов, 1979]. Если в народной культуре зрелищность ярко выражена в различных перевоплощениях, переодеваниях (ряженье) и связана с обрядовой сферой, а театральность выражается в распределении ролей участников драматизованного действия (подробнее об этом см.: [Ивлева, 1998]), то игровое начало и театральность в барокко часто не предполагают напрямую драматизации действия, а присутствуют в произведении имплицитно, на уровне поэтики текста. В творчестве Аввакума уникально сочетание генетически различных, но важных для него элементов как в архитектонике произведения, так и в поведении и поступках протопопа.

Желание человека выйти за границы средневекового поведения требует особого самовыражения, что усиливает интерес к драматическим постановкам [Кузьмина, 1954], «театральность» проникает в повседневную жизнь, влечет к открытой публичности действий, приводящей к экстравагантности и крайней экзальтации в выражении эмоций⁴.

Автор выступает в двойкой ипостаси – как актер и как режиссер, в создании ролевого образа им задана не только определенная модель сюжетного поведения, но и другие уровни поэтики: стиль речи, цитаты, тип отношений между героем

³ Тема требует дополнительных изысканий, назовем здесь некоторые принятые в староверии: наставник, благодетель, скитник, учитель / «мастерица», чтец / чища, странник, блаженный, молитвенник, нищий и т. п. Эти функции, будучи частично общими для иеротопии, присущи старообрядческому движению.

⁴ Принадлежность «Жития» к поэтике барокко вызвала активную полемику в филологических и культурологических работах. Относящий «Житие» к произведениям барокко А. А. Морозов указывает общие черты «Жития» и произведений западноевропейского барокко (риторические средства художественной выразительности, аллегоризацию жизненных отношений, использование будничных и натуралистических подробностей в сочетании с фантастикой и др.) [Морозов, 1967, с. 121]. Признавая наличие ряда качеств барокко в «Житии» (полистилистика – «свободное» сочетание церковнославянской и русской («просторечной») лексики, характерные символы (корабль в видении Аввакума); визионерство (явление ангелов), экспрессивность (повышенная эмоциональность текста, связанная с напряженным переживанием эсхатологического смысла в событиях жизни автора), А. М. Ранчин [1999], тем не менее, выступает против отнесения «Жития» к поэтике барокко. Не относит окончательно «Житие» к барокко и Д. С. Лихачев. Он рассматривает противостояние Аввакума с государством и церковью как новый этап борьбы за освобождение человеческой индивидуальности, носящий барочные формы [Лихачев, 1998, с. 192].

и обществом и т. д. Аввакум осуществляет выбор включаемых в повествование событий и лексики в зависимости от особенностей того ролевого поворота образа, в котором он презентует себя. Прихотливость стилового плана «Жития» также определяется конкретной смысловой «нагрузкой» эпизода, гранью обличительного пафоса и тем, какие эмоции автору необходимо вызвать у читателя. Этот момент поэтики отмечает Д. Менделеева: «Аввакум, как бы постоянно играя на хорошем знакомстве своих искушенных читателей с церковной книжностью, стилизует рассказы о многих случаях из своей жизни по житийным образцам» [2008, с. 417]⁵.

В начале повествования Аввакум описывает сон, в котором видит корабль, направляющийся прямо на него: «яко пожрати мя хочет» [Пустозерский сборник..., 1975, с. 19]⁶. Спрашивая себя: «“Что се видимое? И что будет плавание?”» (с. 19), Аввакум расшифровывает сон как предуготованный ему путь постоянных мытарств, странствий и ссылок вместе с женой и детьми. Читатель убеждается, что герой был избран Господом для совершения великих дел и мучительных испытаний за христианскую веру. В тексте выявляются следующие роли, узнаваемые читателем Жития.

Законы подобия, важные для средневекового сознания, подталкивают его к прямому сопоставлению своего жизненного пути и выбора поведения с подвигом пророка Аввакума. Отождествление человека с «неким прототипом, будь то предок или патронирующий святой», присутствовало в сознании человека средневековой культуры и накладывало отпечаток на выбор поведения самой личности [Успенский, Литвина, 2005, с. 27] и на дальнейшую его оценку биографами [Михайлова, 2003].

Центральная роль, разыгранная писателем на сцене своей жизни – *пророк*. К этому его подталкивает носимое имя – Аввакум (из 12 малых ветхозаветных пророков⁷). Семантика имени трактуется как «объятие» (Бога) [Суперанская, 2005, с. 20], что могло трактоваться как особая близость к Богу. Протопоп явно ощущает в себе пророческое начало: Аввакум обвиняет предавших «чистую веру» никониан по тому праву, что ему открыта божественная истина. С отступничеством Никона протопоп связывает бушевавший на Руси мор: «Богъ излиял фиял гнѣва ярости Свояе на Русскую землю» (с. 14). Цитируя 16 главу Апокалипсиса, Аввакум помнит о диалоге, который состоялся между пророком и Богом о выборе наказания народу.

В ветхозаветной Книге Пророка Аввакума предсказаны приход Мессии и пленение Иерусалима. Пророку в видении является Господь и возвещает о грядущем наказании за всеобщее нечестие, и по Божьему повелению он должен возвестить о разрушении Иерусалима халдеями – свирепым и необузданным народом (Авв. 1: 5–17)⁸. Он оплакивает участь неправедных народов и получает ответ от Господа: все насилие врагов будет уничтожено, спасен же будет тот, кто верен Богу («праведник же от веры жив будет») (Авв. 2: 4). В текстах церковной службы ветхозаветный Аввакум представлен как ревнитель закона и обличитель неправедных судей: «судь неправедный зря, негодуеть» (см.: [Православная энциклопедия, 2006, т. 12]).

⁵ Ср. с высказыванием А. Я. Гуревича о подражании: «...это не просто литературные заимствования или сравнения, это метод самоидентификации» [2003, с. 266].

⁶ Здесь и далее цитаты из «Жития» приводятся этому изданию с указанием страниц в круглых скобках. Жанр статьи ограничивает обращение к текстам различных редакций Жития и к другим произведениям писателя.

⁷ Память пророка Аввакума падает на 2 декабря, день рождения протопопа – 25 ноября (по ст. стилю) 1620 г. Это соответствовало традиции наречения имени в честь святого на 8-й день от рождения.

⁸ Здесь и далее цит по: [Библия..., 1997].

Также символом кары Господней являются и два затмения. Первое, случившееся перед мором, связывается с Божьим гневом на проведение в то время «Никоном-отступником» церковных реформ. Другое, в 1666 г., – с лишением «протопопа Аввакума, бѣднаго горемыки» духовного сана и последующим заключением в Никольский монастырь.

Аввакум-пророк Нового времени проецирует на себя образ одноименного библейского персонажа и интерпретирует современные ему события как аналогичные библейским: халдейский народ – Никон и его последователи, ветхозаветный пророк – сам протопоп Аввакум, разрушение Иерусалима трактуется им как наказание реформаторов церкви за прегрешения (отступление от истинной веры). Этот разработанный в Средневековье прием поэтики расширяет содержание произведения. Автор, безусловно, рассчитывал на знание читателем подвигов и обличительного пафоса сочинений одноименного героя Ветхого Завета и других пророков, твердость в отстаивании веры, смелость и бесстрашие которых были их главными характеристиками. Из проклятий халдеям, которым предсказывалось наказание за жестокость, жадность, бесчеловечность (Авв 2: 6–20), Аввакум и его сподвижники могли извлечь пафос исторического оптимизма: преследователи и мучители подвергались беспощадному суду Божию.

Ощущая себя в роли пророка, Аввакум как протагонист выводит героя-антипода – лжепророка и лжеучителя Никона, фарисейство которого разоблачается на протяжении всего текста памятника.

Противостояние пророка и лжепророка выражено не столько вербально, сколько в символическом поле произведения, обнажающем мировосприятие Аввакума («Богъ отверзь уста мое грѣшныя, и посрамил ихъ Христос устами моими» – с. 52). Топос «отверзнутых уст» присутствует во многих книгах Библии, знаменуя собой приобщенность пророка к истине. Кроме аллюзий к пророку Аввакуму, пафос разоблачения соотносит героя с жизнью Иеремии, проповедь которого «сделала его врагом в глазах всего народа, предметом злобы и насмешки. В родном городе против него составляют заговор и ему говорят: «...да не пророчествуй во имя Господа, чтобы не умереть тебе от рук наших» (Иер 11: 22). В Иерусалиме Иеремия терпит побои и преследуется как богохульник и изменник, за то что предсказывает падение царства и разрушение храма» [Рыбинский 1907, с. 605]. Центральный в творчестве пророка лирический плач о погибшем Израиле соединял в себе обличения и надежду на возрождение (см.: [Православная энциклопедия, 2009, т. 21, с. 253–258]), т. е. те переживания, которые явственны во вступлении к своему читателям Аввакум.

Аввакум не ограничивается только сюжетным сопоставлением своего подвига с эпизодами ветхозаветной истории, но и прямо именуется пророком. Вспоминая, как дочь помогла ему, когда он подавился, Аввакум восклицает: «...приказал Богъ робенку, и онъ, Богомъ подвизаем, *пророка* от смерти избавил!» (здесь и далее курсив наш. – Л. С., М. Г.) (с. 75).

Входя в роль пророка, Аввакум включает в «Житие» эпизоды, в которых он как посредник между Богом и людьми предрекает исход земных событий, предсказывая, например, неудачу похода сына Пашкова: «Иные, приходя ко мнѣ, прощаются, а я говорю имъ: “Погибнете тамъ!”» (с. 39).

Аввакум идентифицирует себя с новозаветными *апостолом*, в его поведении усматриваются черты апостольского служения. Апостолы, как известно, несли «благую весть», распространяли христианское учение среди язычников. Аввакум так же пишет о себе: «И взад и вперед едучи... слово Божие проповедал и, не обинуясь, обличал никониянскую ересь, свидѣтельствуя истину и правую веру о Христе Иисусе» (с. 51).

Модель апостольского поведения включает в себя не только функцию благовестника, учителя и наставника, но и борца с вероотступниками. Аввакум реали-

зует эту функцию, отстаивая «чистоту веры»: «До Никона-отступника у наших князей и царей все было православие чисто и непорочно, и церковь была немая-тежна» (с. 52–53). Патриарх Никон представлен как обладатель ложной мудрости – лжепророк. Во втором послании коринфянам апостол Петр остерегает людей от влияния лжепророков, так как их предсказания произносятся не по Божьему призванию, а по собственной воле. Лжеучителей ожидает скорая погибель за искажение божественной истины и отвержение «искупившего их Господа» (2 Пет. 1–21; 2: 1). Аввакум, видя в Никоне лжепророка, предрекает ему и последователям его учения муки после смерти: «Послушай их, кому охота жупела и огня, соединишь с ними в преисподний адь!» (с. 48). Обличая лжеучение Никона, Аввакум разрушает «кромешный мир» антихриста, тем самым спасая православный мир.

Писателем выдвигается необычайно смелая концепция, в которой он называет патриарха православной церкви Никона *отступником*, приравнивает его религиозное учение к католическому, а реформы связывает с проявлением «папской гордыни». Таким образом Аввакум находит выход из непростой ситуации противостояния православному церковному институту, заставляя читателя вспомнить времена римского императора IV в. Юлиана-отступника и его попытку отвергнуть христианство и вернуться к поклонению языческим богам [Поснов 1964, с. 273–276; Православная энциклопедия, 2006, т. 12, с. 50–69]. В современной действительности Аввакум видит повторение ситуации: до вступления Никона в патриарший сан православие было «чистой верой», теперь же подверглось еретическому влиянию.

Наказания, которым подвергается автор, переводятся писателем в ранг *мученика* за веру, отсылая читателя к раннехристианскому времени и времени отступничества. Первые века христианства были временем гонений на прозелитов, которые подвергались множественным жестоким пыткам со стороны римских императоров и заканчивали жизнь, оставшись верны христианской религии. Подробно разрабатывается Аввакумом тема несправедливой власти. Пребывая в условиях ссылки, писатель находится под надзором различных «начальников», которые не только осуществляют контроль, но и активно вмешиваются в жизнь Аввакума, усугубляя и без того непростое существование протопопа и его семьи. Аввакум отмечает бесчеловечность издевательств, совершаемых над ним воеводами, несправедливость их упреков. Мученический путь Аввакума начинается еще до его ссылки, когда он претерпевает побои за то, что защищает слабых. Заступившись за дочь вдовы, Аввакум испытывает на себе гнев «начальника»: «...пришед во церковь, бил и волочил меня за ноги по землѣ в ризах, а я молитву говорю въ то время» (с. 19). Не отвечая на нанесенную ему обиду, соблюдая заповедь христианской терпимости, Аввакум перекодирует обиду и боль в мученичество, которому он подвергается и со стороны толпы, подобно Христу («Дьяволъ научил попов, и мужиков, и бабь... челоуѣкъ с тысящу и с полторы их было, – среди улицы били батожемъ и топтали» – с. 22).

Мученичеству подвергается семья протопопа, что также напоминает о жизни ранних христианских общин, страдавших семейным кругом: «...что у волка осталось, то мы глодали... Два у меня сына в тѣхъ умерли нуждах» (с. 34).

Аввакум, помимо предназначенной для него роли мученика, прописывает и роль главного мучителя – Пашкова, описание которого сопровождается глагольным рядом: «...и ударил меня по шокѣ и паки по другой, и в голову еще; и збилъ меня с ногъ, ухватил у слуги своево чеканъ и трижды по спинѣ *лежачева зашибъ*» (с. 29). Протопоп вспоминает, что во время наказания от Пашкова ему «на умъ взбрело» укорять Господа этими незаслуженными страданиями: «За что Ты, Сыне Божий, попустил таково больно убить-тово меня? Я вѣть за вдовы Твои

сталь! Кто даст судию между мною и Тобою? Когда вороваль, и Ты меня такъ не оскорбляль, а нынѣ не вѣмъ, что согрѣшилъ!» (с. 30).

Аввакум выражает глубокое недоумение, ведь, совершая тяжкие грехи («вороваль»), он не получал от Господа таких страданий («Ты меня такъ не оскорбляль»⁹), которые испытывает сейчас, являя пример богоугодного поведения. Воскликание Аввакума является реминисценцией библейского текста (Иов 31: 16–20). Сам Аввакум не претендует на первенство мысли, он ссылается на ветхозаветный рассказ об Иове, который возроптал на Бога из-за своих страданий. Бог сходит к Иову и упрекает его в том, что Иов пытается состязаться с Вседержителем и обличает Его, тогда как человеческая природа не сопоставима с божественной. Аввакум, сопоставляя себя с Иовом, проводит разграничение между «непорочным Иовом» и греховным собой, ослепшим духовно – данное различие подчеркивается бытовой деталью в тексте: «А я таковая же дерзнухъ от коего разума? ... самъ ослѣп извнутри; какъ дощеник-отъ не погряз со мною?» (с. 30).

Один из приемов, используемых Аввакумом для изображения себя в роли мученика, – контрастное изображение себя и «мучителей». Описание «начальника» напоминает описание расщипанного зверя. Для характеристики своего противника Аввакум использует «животную» лексику: «яко пес, огрыз персты», «испустил из зубов своих моих руку», «он меня лает». Если поведение гонителей сравнивается Аввакумом с поведением неразумных животных, то его поведение истинно человеческое. Глаголы, характеризующие поведение начальника и Аввакума, противоположны как «быстро – медленно»: «прибежав» (о начальнике) – «прилежно идучи» (о себе), «наскочил» – «поклонился», «лает» – «говорю».

Создавая образ смиренного, не смеющего роптать заключенного Пустозерского острога, автор «Жития» использует особую лексику и уменьшительные суффиксы. Кормят его «хлебцем», «ветчинкой»; смотрит он в «щелку» (а не в щель) и видит «собачку» (а не собаку). Таким способом он не только вызывает жалость читателя, но и объясняет участие к нему других людей, проявленное во время его мученического подвига. То «воеводина сноха», Фекла Симеоновна, тайно пришлет им продукты; то «Терентьюшко з братьею... всего надавали много»; даже мучитель Пашков, сжалившись, «коровку-ту было дал, кормила с робяты год-другой» (с. 75). Стиль Аввакума выдает эпический настрой его повествования («год-другой»), придание страданиям семьи масштаб общей трагедии. Таким образом, приверженность староверию его соратников становится результатом его личной стойкости и христианского терпения.

Как идеолог староверия Аввакум берет на себя роль *вероучителя*. В начале Жития следуют пространные рассуждения протопопа на тему религии, значения православия и последствий церковной реформы. Отстаивая истинность дореформенного православия, Аввакум продумывает логику аргументации: сначала обращается за благословением к старцу Елифанию; далее обращается с молитвой о помощи к Богу. Рассуждая об истинной и ложной вере, Аввакум опирается на авторитет Дионисия Ареопагита. В конце «Жития» приводится фрагмент «О сложении перъст». На протяжении всего «Жития» роль вероучителя проявлена в небольших наставлениях Аввакума, завершающих какой-либо эпизод из его жизни (структура притчи). Так, после излечения заболевшего «начальника» и его просьбы о прощении за несправедливое обращение Аввакум произнес в назидание читателю библейскую цитату: «Так-то Господь гордымъ противится, смиренным же дасть благодать» (Иак 4: 6) (с. 21).

⁹ Слово «воровал» используется в значении совершения греха и преступления. То же смысловое расхождение присутствует и в слове «оскорблять», т. е. вводит в скорбь и страдание.

Своего рода «извинение» за более чем смелую попытку написать автоагиографический текст воплощается в роли Аввакума как *кающегося грешника*: «Простите же и молитесь о мнѣ, а я о вас, чтущихъ сие и послушающихъ» (с. 59). Часто после грозных и ругательных обличений никониан в монологах Аввакума следуют «оговорки», извинения за грех сквернословия: «Простите мя, аз согрѣшилъ паче всѣхъ человѣкъ» (с. 42).

Но роль кающегося не только гибкая авторская «уловка», не позволяющая обвинить автора в грехе гордыни. Во вступлении к «Житию», перед началом собственно автобиографической части, Аввакум пишет: «Сице аз, протопоп Аввакумъ, вѣрую, сице исповѣдую, с симъ живу и умираю» (с. 17). Подобная «формула» напоминает прижизненный манифест, своеобразное завещание в предчувствии смерти, исповедь. Это глубокое воплощение самосознания протопопа как спасителя и избавителя. Аввакум как будто кается от имени всех предавших «древлее благочестие» и готов искупить их вину собственным мученическим подвигом ради спасения мира, ибо никониане «не ведают, что творят»: «Богъ их простит в сий вѣкъ и в будущий, не ихъ то дѣло, но дьявольское» (с. 21).

Демонстрируя благочестие героя, писатель использует прием лексически обратного именования, называясь грешником, «треокаянным врачом». Соответственно, и тип событий, избираемый автором «Жития», – самоистязание за богопротивные помыслы и действия. Усиливая покаяние, Аввакум предается воспоминаниям о грехе блудного помысла: во время наставления им «духовной дочери» в нем вспыхивает страсть, от которой он «внутри жгом огнем блудным». Аввакум осознает нечестивость своего состояния и истязает себя, держа руку в огне до тех пор, пока в нем «угасло злое разжжение»¹⁰.

Аввакум соединяет высоту подвига мученика и человеческие страдания «горемыки» от невыносимых условий в тюрьмах и острогах. Помещения, в которых проводит заключение протопоп, описываются им как совершенно не пригодные для жилья; а равнодушие и жестокое обращение надзирателей еще более усугубляют нелегкую жизнь заключенного, толкая его к проявлению человеческой слабости. В Братском остроге уже изнемогающий от холода и постоянного недоедания Аввакум, находясь в пограничном между жизнью и смертью состоянии, готов просить, чтобы его отпустили: «Хотѣл на Пашкова кричать “Прости!”», да сила божия возбранила, велено терпѣть» (с. 32). Номинацию «горемыка» использует по отношению к себе сам Аввакум: «Протопопа Аввакума, бѣднаго горемыку, в то время с прочими в соборной церкви власти остригли и на Угрѣше в темницу, проклинавъ бросили» (с. 14).

Аввакумовский образ схож с образом героя демократической повести XVII в. «Азбука о голом и небогатом человеке». Герой «Азбуки», вынужденный скитаться и горевать о своей судьбе, пишет от первого лица: «Аз есмь голоден и холоден и наг и бос, и всем своим богатством недостаточен» [Адрианова-Перетц, 1937, с. 21]. Образ, как показало исследование В. П. Адриановой-Перетц, близок реальным судьбам читателей XVII в. [Там же, с. 15–21], что явно учитывал Аввакум.

Следуя агиографическому канону, Аввакум открывает в себе возможности чудесного исцеления людей по своей великой вере. Вводя функцию *целителя и спасителя* – «врачевания душ и телес», писатель имплицитно приближает читателя к убеждению в особой силе своего героя. В интерпретации автора «Жития» Бог карает людей болезнями за то, что они ссорятся с Аввакумом. На Иргень-озерах боярыня Евдокия Кирилловна, не найдя Аввакума, обратилась к «шептуну», чтобы тот исцелил ее больного младенца. Узнав об этом, Аввакум рассердился на малодушную, после ухудшения состояния ребенка боярыня просит прощения,

¹⁰ Известный эпизод, читаемый, например, в Прологе на 27 декабря (см.: Пролог. Первая половина (сентябрь – февраль). М.: Печатный двор, 1696. Л. 529 об. – 530 об.).

и Аввакум исцеляет больного помазанием маслом и молитвой. Еще более невероятные чудеса происходят, когда Аввакум является во снах как святой целитель келарю Никодиму, не разрешившему ранее Аввакуму посидеть на пороге монастырской кельи в праздник. Господь наказывает Никодима болезнью, и его исцеляет явивший ему во сне «муж» в образе Аввакума. Помогает Аввакум Еремею (которому изначально предрекал неудачу в походе), указывая ему путь: «...моимъ образом человекъ ему явился во снѣ, и благословил, и путь указал, в которую сторону идти» (с. 40).

Функция исцеления продолжается и в другой роли Аввакума – *борца с бесами*. В конце «Жития» Аввакум приводит восемь поучительных повестей о борьбе с бесами и совершаемых чудесах. Изгоняя бесов, Аввакум исцеляет не столько тело, сколько дух человека, согрешившего в своих помыслах и действиях. Во время пребывания Аввакума в Тобольске чудесное исцеление получает одержимый бесами Федор. Явившись к Аввакуму «целоумен», Федор поведал о чудесном избавлении от мучавших его бесов: «Бѣжалъ-де я по пустыни третьева дни, а ты-де мнѣ явился и благословилъ меня крестом; бѣси-де и отбѣжали от меня» (с. 66).

«Научением и кознями бесовскими» напал на Аввакума дьяк Иван Струна, решивший побить дьяка Антония. Не останавливает Струну даже то, что он находится в храме Божьем – «Один онъ, Струна, вертится, что бѣсь, во церквѣ» (с. 26). Исцеление от бесов происходит, когда Аввакум добивается от Струны покаяния за «церковный мятеж».

Наказание за грехи получает и сам Аввакум, когда бесы входят в окружающих. Автор вспоминает, как, будучи молодым, обменял книгу Ефрема Сирина на лошадь, за что его брат был неотступно терзаем бесами. Вселился бес и в немощного Филиппа, жившего в доме Аввакума, после того как тот побранился на жену и прислужницу. Бесы часто «запугивают» Аввакума: то шевелят на мертвом саване, то играют в «гутки и в домры». Но протопоп не страшится нечистых, а, напротив, помолясь, продолжает путь. Тем самым нашествие бесов является проверкой Аввакума на веру в силу Бога: «Господь же ево, бѣднава, и простил, бѣсов отгналъ» (с. 25) ¹¹.

Основная цель земного пути протопопы Аввакума как служителя церкви и глубоко верующего человека – борьба с церковными реформами, сохранение «истинной веры», которым следовали почитаемые «отцы церкви» и предки. Но общественное служение соединяется с темой индивидуального спасения, ключом к которому является *праведность* героя. Есть смысл напомнить, что мы не считаем, что Аввакум, выполняя функции определенных жизненных ролей, играет, скрывая свое естество. Но соотношение себя с ними позволяет ему ввести самооценку и позволить читателю «увидеть» те грани его жизнедеятельности, которые оправдывают его лидерство. Праведность многогранно понимается уже в древней Руси, включая приравнивание к святости, и в то же время стремление человека к добру, справедливости, истине (см.: [Срезневский, 1895, т. 2, стлб. 1360–1361]).

Второй аспект актуализируется с приближением Нового времени: праведным считается человек, живущий по христианским законам, но не канонизированный в ранге святого. Аввакум утверждает возможность праведности в мирской жизни, что соответствует вниманию к обыденности, свойственной литературе XVII в.

¹¹ Образ раннехристианского святого, физически противостоящего бесам, Никиты Бесогона, известен с середины XI в., в XVII в. оживляется обращение к демоническим образам в народной культуре. О популярности темы сражения с бесами свидетельствуют изображения на иконах, включая литье, великомученика Никиты [Антонов, Майзульс, 2011, с. 13, 56, 75].

Аввакум использует целый комплекс средств, позволяющих одновременно выразить восхищение своим героем (собой) и при этом не преступить границу скромности и не впасть в гордыню. К подобного рода «стратегии» поведения героя-праведника можно отнести внутренние монологи героя, где высказана преданность истинному дореформенному православию: «...вскочил во ужасъ велице и паль предъ иконою: <...> “Господи, не стану ходить, гдѣ по новому поють!”» (с. 44).

Участвует в создании образа праведника восхищение других персонажей подвигом Аввакума. Дьякон Козьма, приехавший агитировать протопопа за новую веру, втайне подкрепляет его: «Протопопъ, не отступай ты старова тово благочестия! Велик ты будешь у Христа человекъ, какъ до конца претерпишь!» (с. 46).

Мысль о значимости героя преподносится читателю намеком, из уст очевидца событий, следовательно, читатель не может обвинить автора в самохвальстве, ведь он выступает всего лишь пересказчиком. О правильности учения Аввакума свидетельствуют сами верующие, получившие, по рассказу Жития, божественный знак. Во сне Анне являются ангелы, ведущие девушку мимо богатой палаты, которая принадлежит ее духовному отцу Аввакуму. Ангелы наказывают Анне: «Слушай ево, так-де и ты будешь с ним. Крестися, слагая перьсты так, и кланяйся Богу, какъ тебѣ он наказываетъ» (с. 68).

Имплицитным доказательством правильного пути героя Жития становятся эпизоды, где проявляются его характеристики как *чудотворца*, по молитве которого происходят чудеса. Переходя через замерзшее озеро, Аввакум, «гараздо от жажды томим», молит Господа о том, чтобы Он послал ему воды: «Затрѣшал лед, яко громъ, предо мною... и разступилъся сюду и сюду... А мнѣ оставил Бог пролубку» (с. 44). И здесь Аввакум ставит себя в один ряд с праведниками и пророками, по своей великой вере живущими с божественным благословением и чудесной помощью, начиная с Моисея. Возможность такой «коммуникации» с Высшими силами становится маркером избранности героя для совершения миссии.

Помимо общественно-политических отношений, Аввакум включен в отношения семейные и здесь проявляет себя как любящий *глава семьи*, который заботится не только о бытовом положении семьи, но и о ее душевном здоровье. Оставляя семью в Юрьевце, он эмоционально высказывает по этому поводу слова сожаления: «А жена и дѣти, и домочадцы, человекъ з дватцеть, въ Юрьевце остались, невѣдомо – живы, невѣдомо – прибиты. Тут паки горе!» (с. 22).

Религиозные ценности Аввакум ставит выше семейных. Поэтому нередко он называет свою супругу протопопицей, подчеркивая тем самым ее социальный статус [Зарецкий, 2013, с. 15–16]. Кроме того, Аввакум, хоть и жалеет своих домочадцев, но, подобно первомученикам, понимает необходимость их подвига. Классический пример: когда протопоп и его семейство возвращаются с реки Нерчи по льду, Настасья Марковна, изнемогая, падает. Происходит следующий разговор с мужем: «“Долго ль-де, протопопъ, сего мучения будет?”. И я ей сказал: “Марковна, до самыя до смерти”. Она же противъ того: “Добро, Петрович. И мы еще побредем вперед”» (с. 36). Этот эпизод из «Жития» соединяет обыденное и глубоко символическое. В диалоге Аввакума и его жены, возникает тема дороги (столь характерная для русской литературы), которая осмысливается как тернистый путь испытаний, необходимый героям в стремлении спасения души.

Аввакум преподносит себя не только как *служу государя* (в соответствии с социальной иерархией), но включает в систему отношений преданность и дружеское расположение к царской семье. Это поведение протопопа обусловлено пониманием сакрального статуса государя, неподчинение которому равносильно поруганию божественной власти: «Аще и мучит мя, но царь бо то есть» (с. 55).

При встрече с Аввакумом царь осведомляется о здоровье только что вернувшегося из ссылки протопопа, на что Аввакум ему отвечает: «“Дай господи, ты, царь-государь, здрав был на многа лѣта”... Он же вздохнул и иное говорил кое-што» (с. 43).

Психологически нагруженным в высказывании является слово «вздохнул»: царь словно вынужден наказывать Аввакума за буйное поведение и противодействие реформам Никона по требованию окружающей свиты, но не испытывает личной неприязни к протопопу. В мировоззренческой системе Аввакума государь представлен как мудрый правитель, «опутанный сетями» учения Никона, отягченный долгом исполнять решение советников против своей воли. В отношениях с царем Аввакум исполняет не только роль государева раба, но и роль духовного наставника. Долг Аввакума: вразумить государя, уберечь от «лживых» советников, вернуть его к старой вере и тем самым спасти все «царство». Повторяя слова апостола Петра (ср.: (1 Петр 4: 7)), Аввакум призывает: «...бодрствуй, государь, а не дремли, понеж супостатъ дьяволъ хошетъ царство твое проглотить» (с. 45).

Выстраивая «Житие» по ролевому принципу, Аввакум при этом протестует против театральности в повседневной жизни, ведь церковь традиционно с порицанием относится к актерам и лицедеям. Считалось, что актер, надевающий на себя маску, примеряет «дьявольскую личину» [Ивлева, 1990]. Именно поэтому Аввакум, «по Христе ревнуя» (с. 20), прогоняет актеров и плясовых медведей, пришедших в его село. Аввакум не противоречит сам себе, борясь с актерством в реальной жизни и становясь актером в литературе. Вхождение его в вышеперечисленные роли не направлено на сокрытие настоящего лица и потому не является переменной «личин». Тесно переплетаясь, все роли Аввакума способствуют раскрытию сущности героя, являясь новаторской формой самовыражения автора в традиционном литературном жанре.

Изображая своего героя в системе ролей, Аввакум постепенно приближает его к образу святого, жизнь и деяния которого достойны жития. Уникальность памятника и живой интерес к нему исследователей вызваны смелостью концепции и новыми горизонтами презентации личности, которые открывались в произведении. Использование Аввакумом ролевого подхода является не чем иным, как попыткой представить себя в современном ему хронотопе (довольно враждебном) сильной и неординарной личностью, способной к противостоянию. Свою смелость и новаторство самоописания автор компенсировал сочетанием личностных переживаний и поступков с моделями поведения и эмоциями иеротопических образов, представленных в святоотеческой словесной традиции.

Список литературы

- Адрианова-Перетц В. П.* Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 261 с.
- Антонов Д. И., Майзульс М. Р.* Демоны и грешники в древнерусской иконографии: Семиотика образа. М.: Индрик, 2011. 384 с., ил.
- Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета на церковнославянском языке с параллельными местами. Репринт. изд. М.: Российское Библейское общество, 1997. 1658 с.
- Герасимова Н. М.* Поэтика «Жития» протопопа Аввакума: Учеб. пособие. СПб.: Ред.-изд. отд. Санкт-Петербург. гос. ун-та, 1993. 87 с.
- Гуревич А. Я.* Личность // Словарь средневековой культуры / Под ред. А. Я. Гуревича. М.: РОССПЭН, 2003. С. 260–270. (Серия «Summa culturologiae»)
- Демкова Н. С.* Драматизация повествования в сочинениях протопопа Аввакума // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1988. Т. 41. С. 302–316.
- Живов В. М.* Святость. Краткий словарь агиографических терминов. М.: Гнозис, 1994. 110 с.

- Зарецкий Ю. П.* Автобиография и правда: Аввакум Петрович о Настасье Марковне // *AutobiografiЯ*. 2013. Т. 2, № 2. С. 13–23.
- Ивлева Л. М.* Маска в системе ряженья: игровой и мифологический аспекты (к вопросу о маске в традиционном русском быту) // *Зрелищно-игровые формы народной культуры: Сб. науч. ст. / Отв. ред. Л. М. Ивлева. Л.: ЛГИТМиК, 1990. С. 34–45.*
- Ивлева Л. М.* Дотеатрально-игровой язык русского фольклора. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. 196 с.
- Кузьмина В. П.* Из истории русского демократического театра XVIII века // *ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во Академии наук, 1954. Т. 10. С. 408–426.*
- Лихачев Д. С.* Юмор протопопа Аввакума // *Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984. С. 402–416.*
- Лихачев Д. С.* Развитие русской литературы X–XVII веков: эпохи и стили. СПб.: Наука, 1998. 254 с.
- Лихачев Д. С.* Предпосылки возникновения жанра романа в русской литературе // *История русского романа: В 2 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 26–39.*
- Менделеева Д. С.* «Житие» протопопа Аввакума // *История древнерусской литературы: Аналитическое пособие / Отв. ред. А. С. Демин. М.: Языки славянской культуры, 2008. С. 409–420.*
- Михайлова Т. А.* Королева Горм(ф)лат – имя как микротекст // *Именослов: Заметки по исторической семантике имени / Сост. Ф. Б. Успенский. М.: Индрик, 2003. С. 184–200.*
- Морозов А. А.* Национальное своеобразие и проблема стилей // *Русская литература. 1967. Т. 9, № 3. С. 102–123.*
- Осьмухина О. Ю.* Авторская маска в русской прозе XIII – первой трети XIX в. (генезис, становление традиции, специфика функционирования). Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2008. 189 с.
- Православная энциклопедия / Под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М.: Православная энциклопедия, 2006. Т. 12. 729 с.; 2009. Т. 21. 752 с.*
- Поснов М. Э.* История христианской церкви (до разделения церквей – 1054 г.) Брюссель: Изд-во «Жизнь с Богом», 1964. 614 с.
- Пустозерский сборник: Автографы сочинений Аввакума и Епифания / Под ред. В. И. Малышева, Н. С. Демковой, Л. А. Дмитриева. Л.: Наука, 1975. 263 с.*
- Ранчин А. М.* Проблемы барокко и сочинения Аввакума // *Статьи о древнерусской литературе. М.: Диалог-МГУ, 1999. С. 188–193.*
- Робинсон А. Н.* Исповедь-проповедь (о художественности «Жития» Аввакума) // *Историко-филологические исследования: Сб. ст. к 75-летию акад. Н. И. Конрада. М.: Наука, 1967. С. 358–369.*
- Рогов А. И.* Проблемы славянского барокко // *Славянское барокко: историко-культурные проблемы эпохи. М.: Наука, 1979. С. 3–12.*
- Рыбинский В. П.* Ветхозаветные пророки // *Тр. Киевской духовной академии. 1907. Т. 3, № 12. С. 603–619.*
- Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб.: Отд-ние рус. яз. и словесн. Имп. акад. наук, 1895. Т. 2. 1802 стб.
- Суперанская А. В.* Современный словарь личных имен: Сравнение. Происхождение. Написание. М.: Айрис-пресс, 2005. 384 с.
- Успенский Ф. Б., Литвина А. Ф.* Агиография и выбор имени в Древней Руси // *Славяноведение. 2005. № 4. С. 25–42.*
- Хейзинга Й.* Homo ludens. В тени завтрашнего дня: Пер. с нидерл. / Общ. ред. и послесл. Г. М. Тавризян. М.: Изд. группа «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992. 464 с.

L. S. Soboleva¹, M. A. Golendukhina²

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
Ekaterinburg, Russian Federation

¹ l.s.soboleva@mail.ru; ² m.golendukhina@yandex.ru

Polyphony of self-identity in the Life of Archpriest Avvakum

The value of the author's personality is an important aspect of the literary process in the 17th century in Russia. This aspect is manifested, in a unique and talented manner, in the work of the Archpriest Avvakum Petrov (1621/2–1682), "Zhitiye" ["The Life" of the Archpriest Avvakum, by Himself]. The author shows his multifaceted personality, referring to the principles of mimesis and comparison, typical for the medieval poetics in the depiction of a human being. The versatility of the description leads to the idea of the character's individuality. However, Avvakum does not avoid the controversy between the righteous and the sinful, or the sacred and the mundane. The main objective is to dramatize the narrative and to introduce the role system for the characters. This method, while performing a communicative function, allows the author to determine the reader's experience, deepens the meaning of the text, and increases the caliber of the author himself. Avvakum, in his "Life", transforms the hero's mundane journey into a divine plan of salvation, causing immediate reader's allusions with the Christian exploits and deeds of a wide variety. Thus, the righteousness of the author's figure is absolutized, and the highest assessment of his work by contemporaries and the subsequent readership alike is explained.

Keywords: the Archpriest Avvakum, the Life, role image, dramatization, Russian literature of the 17th century.

DOI 10.17223/18137083/69/5

References

- Adrianova-Peretz V. P. *Ocherki po istorii russkoy satiricheskoy literatury* 17 v. [Essays on the history of Russian satirical literature of the 17th century]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1937, 261 p.
- Antonov D. I., Mayzul's M. R. *Demony i greshniki v drevnerusskoy ikonografii: Semiotika obraza* [Demons and sinners in Old Russian iconography: Semiotics of the image]. Moscow, Indrik, 2011, 384 p., illustrated.
- Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta na tserkovnoslavianskom yazyke s parallel'nymi mestami* [Bible. Books of the Holy Scripture of the Old and New Testaments in Church Slavonic language with parallel places]. Reprint ed. Moscow, The Bible Society in Russia, 1997, 1658 p.
- Gerasimova N. M. *Poetika "Zhitiya" protopopa Avvakuma: Ucheb. posobiye* [The poetics of "Life" of the Archpriest Avvakum: a tutorial]. St. Petersburg, SPbU Publ., 1993, 87 p.
- Gurevich A. Ya. *Lichnost'* [Personality]. In: *Slovar' srednevekovoy kul'tury* [Dictionary of medieval culture]. A. Ya. Gurevich (Ed.). Moscow, ROSSPEN, 2003, pp. 260–270. ("Summa culturologiae" series)
- Demkova N. S. *Dramatizatsiya povestvovaniya v sochineniyakh protopopa Avvakuma* [Dramatization of the narration in the writings of Archpriest Avvakum]. In: *TODRL* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Leningrad, Nauka, 1988, vol. 41, pp. 302–316.
- Huizinga J. *Homo Ludens. V teni zavtrashnego dnya* [Homo ludens. In the shadow of tomorrow]. G. M. Tavrizyan (Transl. from Netherland, ed., afterword). Moscow, Publ. group "Progress", "Progress-Akademia", 1992, 464 p.
- Ivleva L. M. *Doteatral'no-igrovoy yazyk russkogo fol'klora* [Pre-theatrical and acting language of Russian folklore]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin, 1998, 196 p.
- Ivleva L. M. *Maska v sisteme ryazhen'ya: igrovoy i mifologicheskii aspekty (k voprosu o maske v traditsionnom russkom bytu)* [Mask in the system of mummery: game and mythological aspects (to the question of the mask in the traditional Russian way of life)]. In: *Zrelishchno-igrovyye formy narodnoy kul'tury: Sb. nauch. st.* [Entertainment and game forms of folk culture: Coll. of sci. art.]. L. M. Ivleva (Ed. in ch.). Leningrad, LGITMiK, 1990, pp. 34–45.
- Kuz'mina V. P. *Iz istorii russkogo demokraticeskogo teatra 18 veka* [From the history of the Russian democratic theatre of the 18th century]. In: *TODRL* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences Publ., 1954, vol. 10, pp. 408–426.

- Likhachev D. S. Predposylki vzniknoveniya zhanra romana v russkoy literature [Prerequisites for the emergence of the novel genre in Russian literature]. In: *Istoriya russkogo romana: V 2 t.* [History of the Russian novel: in 2 vols]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1962, pp. 26–39.
- Likhachev D. S. *Razvitiye russkoy literatury 10–17 vekov: epokhi i stili* [The development of Russian literature of the 10th–17th centuries: epochs and styles]. St. Petersburg, Nauka, 1998, 254 p.
- Likhachev D. S. Yumor protopopa Avvakuma [Humor of Archpriest Avvakum]. In: *Smekh v Drevney Rusi* [Laughter in Old Russia]. Leningrad, Nauka, 1984, pp. 402–416.
- Mendeleyeva D. S. “Zhitiye” protopopa Avvakuma [The Life of the Archpriest Avvakum]. In: *Istoriya drevnerusskoy literatury: Analiticheskoye posobiye* [History of Old Russian literature: Analytical manual]. A. S. Demin (Ed.). Moscow, LRC Publishing House, 2008, pp. 409–420.
- Mikhaylova T. A. Koroleva Gorm(f)lat – imya kak mikrotekst [Queen Gorm(f)lat – name as microtext]. In: *Imenoslov: Zametki po istoricheskoy semantike imeni* [Imenoslov: Notes on the historical semantics of the name]. F. B. Uspenskiy (Comp.). Moscow, Indrik, 2003, pp. 184–200.
- Morozov A. A. Natsional’noye svoyeobraziye i problema stiley [National identity and the problem of styles]. *Russkaya literatura*. 1967, vol. 9, no. 3, pp. 102–123.
- Os’mukhina O. Yu. *Avtorskaya maska v russkoy proze 13 – pervoy treti 19 v. (genезis, stanovleniye traditsii, spetsifika funktsionirovaniya)* [Author’s mask in Russian prose of the 13th – the first third of the 19th century. (genesis, formation of tradition, specifics of functioning)]. Saransk, MRSU Publ., 2008, 189 p.
- Posnov M. E. *Istoriya khristianskoy tserkvi (do razdeleniya tserkvey – 1054 g.)* [History of the Christian Church (before the separation of the churches – the 1054 year)]. Brussels, “Zhizn’ s Bogom” Publ., 1964, 614 p.
- Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox encyclopedia]. Patriarch Alexy II of Moscow and All Russia (Ed.). Moscow, Pravoslavnaya Entsiklopediya, 2006, vol. 12, 752 p.; 2009, vol. 21, 752 p.
- Pustozerskiy sbornik: Avtografy sochineniy Avvakuma i Epifaniya* [Pustozersky collection: Autographs of the works of Avvakum and Epiphanius]. V. I. Malyshev, N. S. Demkova, L. A. Dmitriev (Eds.). Leningrad, Nauka, 1975, 263 p.
- Ranchin A. M. Problemy barokko i sochineniya Avvakuma [Problems of Baroque and the works of Avvakum]. In: *Stat’i o drevnerusskoy literature* [Articles about Old Russian literature]. Moscow, Dialog-MSU, 1999, pp. 188–193.
- Robinson A. N. Ispoved’-propoved’ (o khudozhestvennosti “Zhitiya” Avvakuma) [Confession-sermon (on the artistic value of the Life of Avvakum)]. In: *Istoriko-filologicheskiye issledovaniya: Sb. st. k 75-letiyu akad. N. I. Konrada* [Historical and philological studies: Collection of articles on the 75th anniversary of academician N. I. Konrad]. Moscow, Nauka, 1967, pp. 358–369.
- Rogov A. I. Problemy slavyanskogo barokko [Problems of Slavic Baroque]. In: *Slavyanskoye barokko: istoriko-kul’turnyye problemy epokhi* [Slavic Baroque: historical and cultural problems of the era]. Moscow, Nauka, 1979, pp. 3–12.
- Rybinskiy V. P. Vetkhovozavetnyye proroki [Old Testament Prophets]. In: *Trudy Kiyevskoy dukhovnoy akademii* [Proceedings of the Kiev Theological Academy]. 1907, vol. 3, no. 12, pp. 603–619.
- Sreznevskiy I. I. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis’mennym pamyatnikam* [Materials for the dictionary of the Old Russian language on written monuments]. St. Petersburg, Department of the Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences, 1902, vol. 2, 1802 col.
- Superanskaya A. V. *Sovremennyy slovar’ lichnykh imen: Sravneniye. Proiskhozhdeniye. Napisaniye* [Modern dictionary of personal names: Comparison. Origin. Spelling]. Moscow, Ayris-press, 2005, 384 p.
- Uspenskiy F. B. Litvina A. F. Agiografiya i vybor imeni v Drevney Rusi [Hagiography and choice of name in Ancient Russia]. *Slavyanovedeniye*. 2005, no. 4, pp. 25–42.
- Zaretskiy Yu. P. Avtobiografiya i pravda: Avvakum Petrovich o Nastas’е Markovne [Autobiography and truth: Avvakum Petrovich about Nastasya Markovna]. *Avtobiografiya*. 2013, vol. 2, no. 2, pp. 13–23.
- Zhivov V. M. *Svyatost’. Kratkiy slovar’ agiograficheskikh terminov* [Holiness. Brief dictionary of hagiographic terms]. Moscow, Gnozis, 1994, 110 p.

В. И. Тюпа

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Кризис социокультурной идентичности в русской литературной классике *

Отправляясь от пушкинской речи Достоевского, в статье рассматривается ряд персонажей «скитальческого» типа русской классической литературы с точки зрения их нарративной идентичности. Использование разработанной Эриком Эриксоном категории идентичности, а также предложенного Полем Рикёром размежевания идентичности на узнаваемую извне тождественность характера и сокровенную «самость» личности позволило выявить в русской литературе XIX в. некоторую магистральную тенденцию. Идентичность центрального персонажа проблематизируется, нередко становясь сюжетообразующим фактором. При этом формируется такая система ценностей, где во главу угла ставится не стабильность и сила характера, а самобытность личности, которая выступает аналогом национальной самобытности, мотивируется национальной идентичностью героя.

Ключевые слова: социокультурная идентичность, нарративная идентичность персонажа, пушкинская речь Достоевского, Онегин, Татьяна, Базаров, Болконский, Чичиков, чеховские герои.

Со всей возможной остротой проблема социокультурной идентичности русского человека была заявлена Ф. М. Достоевским в его знаменитой пушкинской речи (1880).

Напомню: на взгляд Достоевского, Пушкин в фигурах Алеко и особенно Онегина раскрыл характер «исторического русского страдальца», сформировавшийся в «оторванном от народа обществе нашем». Такой человек «в своей земле сам не свой [...] оторванная, носящаяся по воздуху былинка». В противоположность Татьяне, у которой «есть нечто твердое и незыблемое, на что опирается ее душа», Онегин – душа безопорная. «Надобно же понимать всю суть этого характера»: он – «вечный скиталец», который даже в своем родовом гнезде, «в сердце своей родины, он конечно не у себя, он не дома».

Достоевский небезосновательно видит в таких характерах великую опасность безгладной революционности. Неукорененный в народной почве скиталец легко становится «искателем мировой гармонии», способным безответственно «обогреть свои руки кровью». Предотвращение подобной угрозы Достоевский видит в обретении социокультурной идентичности: «Стать настоящим русским, стать вполне русским». «Русское решение вопроса», по Достоевскому, состоит в следующем: «Смирись, гордый человек [...] найди себя в себе [...] усмиришь

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 17-78-30029).

Тюпа Валерий Игоревич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и исторической поэтики Российского государственного гуманитарного университета (Миусская пл., 6, Москва, 125047, Россия; v.tiupa@gmail.com)

себя – и [...] поймешь, наконец, народ свой и святую правду его» [Достоевский, 1984, с. 139].

Не станем ввязываться в неразрешимый исторический спор между революционностью и смирением, сосредоточимся на исходной проблеме – проблеме субъектной *идентичности*. Многоаспектная психологическая категория идентичности была основательно разработана Эриком Эриксоном [Erikson, 1959; Эриксон, 1996; 2008] и в настоящее время широко распространилась в гуманитарных науках. Обратимся к нарратологическому аспекту данной проблематики.

В нарратологию вопрос об идентичности был привнесен Полем Рикёром. Развивая «идею сосредоточения жизни в форме повествования» [Рикёр, 2008, с. 192], Рикёр разрабатывает категорию *нарративной идентичности* и утверждает, что именно «повествование созидает идентичность» [Там же, с. 180], поскольку «о единстве конкретной жизни» мы способны судить лишь «под знаком повествований, которые учат с помощью рассказа соединять прошлое и будущее» [Там же, с. 197–198].

Пораженный амнезией спрашивает у окружающих: кто я? – поскольку не владеет своим прошлым нарративно. Возвращение «к себе» (очнуться, прийти в себя), восстановление и поддержание самоидентичности реализуется не предъяснением документа, но актуализацией состава моего личного событийного опыта, т. е. мысленным квазирассказыванием многочисленных историй моего пребывания в мире, а в пределе – разворачиванием мегаистории всей моей жизни (автомета-жизнеописанием).

Однако без купюр предел этот принципиально недостижим: слишком велико множество трансформаций, ответвлений и разветвлений изложения целой жизни, в состав которой входят ведь и иные жизни, сопричастные моей, и нереализованные мною возможности. Из этой несводимости проживаемого существования к простому и однозначному его изложению и возникает проблема субъектной идентичности.

Идентичность личного бытия формируется не только изнутри, но также извне: рассказами обо мне других. Опыт этих рассказов частично усваивается человеком как свой собственный, частично отбрасывается: игнорируется или оспаривается. Вслед за Рикёром можно сказать, что нарративная идентичность субъекта представляет собой своего рода напряжение между двумя полюсами: полюсом узнаваемой извне *тождественности характера*, по которой его идентифицируют окружающие, и полюсом сокровенной *самости личности*, сохранностью которой он сам себя идентифицирует.

Характером Рикёр называет «совокупность отличительных признаков, позволяющих повторно идентифицировать человеческого индивида как самоидентифицированного» [Там же, с. 148]. Личность же проявляется как «обнажение самости посредством утраты опоры со стороны тождественности» [Там же, с. 182].

В литературе открытие личности как самости самобытного «я» осуществляют романтики. Кто может поведать «историю души человеческой», которая, как говорится в «Герое нашего времени», «любопытнее [...] истории целого народа»? Для Лермонтова несомненно: «Я – или Бог – или никто!» Это, по слову Рикёра, иная «модальность идентичности» [Там же, с. 181] – самость личностного существования.

Личностная идентичность «я» столь же нарративна по своей природе, как и постоянство «моего» характера. Характер – внешняя сторона личности: нарративная идентичность для других. Личность – внутренняя сторона характера: нарративная идентичность для себя. В большинстве своем такого рода рассказывания (себе о себе самом) не звучат, не записываются, остаются потенциально возможными *имплицитными автонарративами*. В герое имплицитного автонарратива («пра-

вильного», на мой взгляд, рассказа обо мне) я вижу себя со стороны именно таким, каков я кажусь себе изнутри, чем и достигается чаемая самоидентичность.

Утрата субъектной идентичности состоит в рассогласованности гетеронарративной истории присутствия в мире (я-для-других) и автонарративной (я-для-себя). Отсутствие внутренней связи с жизнью других (для Достоевского – с народной жизнью) ведет к аутизму. Последний принято рассматривать как индивидуальную патологию, но, следуя Достоевскому, можно вести речь о феномене социокультурного аутизма некоторой части российского общества.

Обратившись к роману «Евгений Онегин», мы действительно обнаруживаем указанное выше рассогласование. Однако, с нарратологической точки зрения, оно несколько сложнее, чем это выглядит в идеологически пристрастной интерпретации Достоевского.

«Княгиня» заключительной главы и «невинная дева» начальных глав суть два различных персонажа, объединяемых общим именем. Неотождественность их становится ключевым сюжетобразующим фактором всего произведения. «Как твердо в роль свою вошла! [...] Кто б смел искать девчонки нежной / В сей величавой, в сей небрежной / Законодательнице зал?» [Пушкин, 1960, с. 166].

Нельзя сказать при этом, что в начальных главах перед нами вполне была развернута не скрытая характером личностная и национальная самобытность героини, которая «предается безусловно / Любви, как милое дитя» [Там же, с. 64]. Хотя Татьяна и «русская душою», но в формировании ее характера значительную роль сыграли иноязычные романы, которые «ей заменяли всё». Как и множество ее современниц дворянского воспитания, Татьяна «по-русски плохо знала [...] И выражалася с трудом / На языке своем родном» [Там же, с. 65]. Письмо к Онегину – вопреки неумеренному восхищению иронического повествователя – изобилует литературными штампами. Это и не удивительно, поскольку она, «себе присвоя / Чужой восторг, чужую грусть, / В забвеньи шепчет наизусть / Письмо для милого героя» [Там же, с. 58].

В этом отношении герой и героиня вполне подобны. Характер пушкинского Онегина, прежде всего, подражательный, сформированный модными тенденциями столичной жизни. И Татьяна об этом догадывается после своих посещений его кабинета: «Что ж он? Ужели подражанье [...] Чужих причуд истолкованье [...] Уж не пародия ли он?» [Там же, с. 141]. Вся первая глава, как известно, посвящена жизненному укладу, сформировавшему «молодого повесу», «мод воспитанника примерного», который по характеру своему «забав и роскоши дитя». Доминанта этого характера – скука («русская хандра», аналогичная «английскому сплину»), от которой герой нигде не может освободиться.

Таким же Онегин предстает и в начале заключительной главы: в душе «холодный и ленивый», способный «маской щегольнуть» любой, он по-прежнему «ничем заняться не умел». Зато Татьяна преображена неузнаваемо. «Законодательница зал» проживает теперь свою жизнь «без подражательных затей». Но и это не личность, а характерная тождественность в глазах окружающих.

Личность же героини оказывается прежней. Это «простая дева», которая «опять воскресла в ней». Ее самоидентичность питается отнюдь не книжным и не светским опытом – *имплицитным автонарративом*, легко угадываемым за словами нарратора: «Она его не подымает / И, не сводя с него очей, / От жадных уст не отымает / Бесчувственной руки своей... / О чем теперь ее мечтанье?» [Там же, с. 174], – а также за ее собственными словами о «тех местах, где в первый раз, / Онегин, видела я вас» [Там же, с. 176]. Автонарративная идентичность Татьяны – это, как говорил Достоевский, «ее воспоминания детства, воспоминания родины, деревенской глуши, в которой началась ее смиренная, чистая жизнь» [Достоевский, 1984, с. 143].

Но при этом, внутренне оставаясь «прежней Таней», героиня видит и в Онегине лишь прежний характер, не веря в его преображение.

Между тем для читателя автором открывается личностное измерение Онегина, который теперь тоже, «как дитя влюблен» (влюбленность Татьяны в третьей главе характеризуется теми же словами); который теперь «читал духовными глазами» то самое, что читала и Татьяна (помимо романов): «тайные преданья / Сердечной, темной старины». Очарованность Татьяной пробуждает самобытную личность героя, разрушая внешнюю узнаваемость его подражательного характера, и погружая в автонарративную «тоску безумных сожалений».

Это вполне соответствует мысли Достоевского об *укорененности* личностной идентичности человека в его национальной культуре. Однако публицистически резкое размежевание героя и героини в качестве фигур «отрицательной» и «положительной», как мы видели, не отвечает художественной реальности пушкинского романа.

Личность Татьяны не деградирует, но «обрастает» жестким характером, делающим ее нечувствительной к пробуждению личностного «я» Онегина, претерпевающего лиминальную фазу инициации¹ («Идет, на мертвеца похожий»). Личность Онегина, напротив, в заключительной части впервые дает о себе знать и разрушает скорлупу своего характерного «сплина».

Подавленность же личности со стороны характера раскрывается, например, в ситуации дуэльного вызова: «Он мог бы чувства обнаружить, / А не щетиниться, как зверь» [Достоевский, 1984, с. 143], однако «пружина чести» (забота о своей внешней тождественности для «общественного мнения») не позволяет Онегину разрешить конфликт на личностном уровне.

Знаменательно раздвоение категории «чести» в устах Татьяны. С одной стороны, она говорит Онегину о «соблазнительной чести» любовника светской женщины и героя слухов о ее «позоре», с другой – уповает, как и прежде в письме своем, на его «прямую честь» (личностную самоидентичность перед самим собой).

Всем своим романом Пушкин обнаруживает проблему неопределенной субъектной идентичности людей образованного общественного слоя России и связывает ее с социокультурной идентичностью национальной. В «Объяснительном слове» к публикации своей речи Достоевский пронизательно продолжил ряд персонажей онегинского типа: «Печорины, Чичиковы, Рудины и Лаврецкие, Болконские [...] и множество других» [Достоевский, 1984, с. 143]. Впрочем, с однозначной его оценкой – «отрицательный тип наш» – согласиться трудно.

Данный тип действительно несет в себе социокультурную угрозу *кризиса идентичности* (по терминологии Э. Эриксона). Но одновременно он вызывает повышенный читательский интерес сравнительно с так называемыми «цельными натурами». Это свидетельствует, по-видимому, об особой актуальности кризиса субъектной идентичности в XIX столетии.

В качестве характерного примера углубления онегинской тенденции социокультурной неукорененности рассмотрим фигуру Базарова. Яркость ее, как показал Ю. В. Манн, не столько в открытии Тургеневым нового социального типа, сколько в концептуально значимой «неопределенности» персонажа, вступившего в «полосу кризиса» и несущего в себе «тревожащую тайну» [Манн, 2008, с. 59, 53].

Едва ли не наиболее существенной гранью этой «тайны» оказывается драматическое несоответствие личности героя своему характеру. В отношениях с окружающими он по большей части остается последовательным «нигилистом» – не только мировоззренчески, но и поведенчески: манкируя многими социально-психологическими условностями, высказываясь откровенно, прямолинейно и резко.

¹ Подробнее об этом см.: [Тюпа, 1996; 1997].

Однако в первый же день приезда в усадьбу Одинцовой Базаров начинает утрачивать свою внутреннюю самоидентичность. «“Какой я смиренный стал” – думал он про себя» [Тургенев, 1981, с. 77]. С этой мыслью соседствует другая, привычно «нигилистическая», о престарелой тетке-княжне: «“Для ради важности держат, потому что княжеское отродье”, – подумал Базаров» [Там же, с. 80].

Первый симптом неожиданной смиренности развивается впоследствии в душевную драму. Своего рода увертюрой к этой драме звучит последняя часть сонаты, исполненной Катей, где «посреди пленительной веселости беспечного напева внезапно возникают порывы такой горестной, почти трагической скорби» [Там же, с. 82].

На протяжении XVI и XVII глав романа в душе Базарова нарастает кризисная напряженность между полюсами «я-для-себя» и «я-для-других». У него «стала проявляться небывалая прежде тревога, он легко раздражался, говорил нехотя, глядел сердито и не мог усидеть на месте» [Там же, с. 86]. Уже после первой прогулки с Анной Сергеевной Базаров начинает утрачивать внутреннее самообладание: «Базаров шел сзади ее, самоуверенно и небрежно, как всегда, но выражение его лица, хотя веселое и даже ласковое, не понравилось Аркадию» [Там же, с. 85]. При этом Базаров неожиданно здоровается с ним, хотя они какой-то час назад вместе завтракали.

Что касается Одинцовой, то никакого диссонанса между характером (я-для-других) и личностной самостью (я-для-себя) у нее на всем протяжении романа не наблюдается. Разумеется, она также на некоторое время утрачивает душевное равновесие и несколько даже нарушает заведенный ею строгий распорядок жизни, удерживая Базарова в своей комнате дольше обычного. Однако все, что происходит с Одинцовой в XVII–XIX главах романа, в точности соответствует ее характеру, каким его представляет нам повествователь после слов: «Анна Сергеевна была довольно странное существо» [Там же, с. 83]. Противоречивость ее жизненной позиции и последовательно вытекающего из такой позиции поведения не состоит в разладе между личностью и характером. По воле автора антиномичность известного рода, собственно, и составляет природу ее характера: «она ни перед чем не отступала и никуда не шла»; ум у нее «пытлив и равнодушен в одно и то же время: ее сомнения не утихали никогда до забывчивости и никогда не дорастали до тревоги» [Там же].

Итоговая характеристика вполне исчерпывает сотворенный автором характер: «Как все женщины, которым не удалось полюбить, она хотела чего-то, сама не зная, чего именно. Собственно, ей ничего не хотелось, хотя ей казалось, что ей хочется всего» [Там же, с. 84].

Иное дело – Базаров, терзаемый настоящей внутренней коллизией, поскольку достигнутый кризисом самоидентичности перестает узнавать себя в себе. Надежный (подобно Печорину, например) яркой личностной самобытностью и соответствующим ей самолюбием, он при этом надежно «упакован» в резкую характерность нигилиста. Тогда как характер Печорина не был жестко очерчен, для окружающих он малопонятен, плохо узнаваем в непоследовательности его поступков: слабая оболочка сильной личности. В случае же Базарова равновесие этих сил создает драматическое напряжение, которое, обостряясь, приводит к утрате тождества самому себе, к ослаблению идентичности. Личностное «я» Базарова охвачено мучительным чувством, «от которого он тотчас отказался бы с презрительным хохотом и циническою бранью, если бы кто-нибудь хотя отдаленно намекнул ему на возможность того, что в нем происходило» [Там же, с. 87]. Это не что иное, как разрушение самоидентичности, следствием чего оказывается утрата сильной личностью былого самообладания.

Стремясь сохранить внутреннюю самоидентичность, герой пытается бороться против самой возможности разлада в своей душе. В ответ на слова Один-

цовой: «то, что в вас теперь происходит», – Базаров первоначально отрицает применимость такого выражения к себе («точно я государство какое»), но далее ставит риторический вопрос: «разве человек всегда может громко сказать всё, что в нем “происходит”?» [Тургенев, 1981, с. 97]. На это Анна Сергеевна возражает: «А я не вижу, почему нельзя высказать всё, что имеешь на душе», – демонстрируя свою нечувствительность к коллизиям внутренней раздвоенности. «Спокойствие все-таки лучше всего на свете», – говорит себе она. И повествователь прибавляет: «Ее спокойствие не было потрясено» [Там же, с. 87].

Тогда как Базаров поистине потрясен внутренним кризисом, приводящим его к диффузии идентичности, феномен которой полтора века спустя был описан Э. Эриксоном. «В разговорах с Анной Сергеевной он еще более прежнего высказывал свое равнодушное презрение ко всему романтическому; а оставшись наедине, он с негодованием сознавал романтика в самом себе» [Там же].

Кризис такого рода вынуждает Базарова пересматривать некоторые аксиомы своего миропонимания. В первый день пребывания в Никольском нигилист утверждал, что «изучать отдельные личности не стоит труда [...] так называемые нравственные качества одни и те же у всех: небольшие видоизменения ничего не значат» [Там же, с. 78]. Однако опыт кризиса собственной идентичности приводит его к мысли о самобытности человеческих «я»: «Может быть, вы правы; может быть, точно, всякий человек – загадка» [Там же, с. 91].

«Происходящее» с Базаровым, начиная от переломной XVII главы, можно обобщить актуальными в данном случае словами Поля Рикёра: «обнажение самости посредством утраты опоры со стороны тождественности» [2008, с. 182] (у Печорина такой «опоры» не было изначально). Кризисное состояние подобного рода открывает перед нами, по мысли Рикёра, личность как «идентичность этическую» [Там же, с. 184]. Последняя отнюдь не измеряется нормативно-моралистическими категориями добра и зла. Категория «этической идентичности» предполагает бахтинское понимание личностной жизни как *поступка*.

Феномен Базарова состоит именно в том, что этот неоднозначный герой не просто совершает в жизни ряд поступков, как прочие персонажи, но проживает свою жизнь как поступок, чего лишены другие, и прежде всего Одинцова. Однако поступок этот, придающий яркость нарративной траектории существования, оказывается, как констатирует сам Базаров, «не нужен России».

Кризисное существование Базарова явилось литературным следствием того, что «в “Отцах и детях”, – по мысли Ю. В. Манна, – схвачен самый *момент перелома*» (в российской общественной жизни); при этом «перспектива развития не оборвана, оставлены в силе различные возможности» [Манн, 2008, с. 64, 65]. Индивидуальная идентичность и национальная уподобляются, как это вообще свойственно российской классике.

При этом демонстрируемая Одинцовой стабильность характера явно не может претендовать на значимость позитивной перспективы. В качестве таковой Тургенев указывает на иного рода цельность – личностную, укорененную в природной и тем самым национальной жизни: это цельность смиренной (как пушкинская Татьяна) Кати. В системе персонажей пара сестер создает ценностное напряжение: сохранность идентичности характера (чего добивается Одинцова строжайшей упорядоченностью своей жизни) или сохранность личностной идентичности (позиция Кати)?

Не в судьбе Базарова, но в единстве романного сюжета появление Кати оказывается одним из наиболее значимых событий. Ее появление ознаменовано весьма существенным, как позднее окажется, психологическим жестом: «Катя, которая, не спеша, подбирала цветок к цветку, с недоумением подняла глаза на Базарова» [Тургенев, 1981, с. 79] после его слов об одинаковости людей, как деревьев в лесу. В этом персонаже также очевидно несовпадение характера, сформированного

зависимостью от старшей сестры, и самобытного «я»: «она *спряталась*, ушла в себя. Когда это с ней случалось, она нескоро выходила наружу: самое ее лицо принимало тогда выражение упрямое, почти тупое» [Тургенев, 1981, с. 82]. Однако впоследствии в отношениях с Аркадием вполне раскрывается сила внутренней цельности этой личности – сила, охранившая слабохарактерного Аркадия от «базаровского» кризиса.

Проницательный Базаров называет Катю «чудом», отдавая дань ее глубокой личности, но полагаясь при этом на формирование ее характера: «Из этой еще, что вздумаешь, то и сделаешь» [Там же, с. 83]. И счастливо (для Аркадия) ошибается в этом предвидении.

Сам же Базаров с отъездом из Никольского ожесточенно приступает к восстановлению своей утраченной цельности, следуя собственному «медицинскому» убеждению: «кто злится на свою боль – тот непременно ее победит» [Там же, с. 104]. Для этого пришлось бы подавить «романтизм» личностной самости жесткостью своего «нигилистического» характера. Однако ему это не удается. Кризис идентичности, состоящий в разъединении ее сторон, в «отслаивании» характера от личности, к концу романа трансформируется в медицинский, физический кризис умирающего тела. А душевный разлад героя волею автора сублимируется на духовный, «метафизический» уровень человеческого бытия.

Речь о том, что в последнем разговоре с Одинцовой Базаров именуется «червяком полураздавленным». Тогда как, уезжая от нее вместе с Аркадием, невзначай назвал себя «богом»: «...мне нужны подобные олухи. Не богам же, в самом деле, горшки обжигать» (при этом Аркадию открылась «вся бездонная пропасть базаровского самолюбия») [Там же, с. 102]. Визит Одинцовой Базаров при этом оценивает как «царский», и возникает достаточно очевидная аллюзия к державинской строке «Я царь – я раб – я червь – я бог» из метафизической оды «Бог». Знаменательная аллюзия усиливается ситуацией соборования: «когда святое миро коснулось его груди, один глаз его раскрылся», но «при виде священника в облачении, дымящегося кадила, свеч перед образом что-то похожее на содрогание ужаса мгновенно отразилось на помертвелом лице» [Там же, с. 184].

Нарративный итог личностного существования, проживаемого как поступок, но в кризисном разладе с самим собою, с душевно-духовным ядром личностного бытия, предстает перед нами сугубо негативным. И вполне аналогичным в этом отношении нарративному итогу онегинской траектории существования с ее ослабленной, едва лишь пробуждающейся в заключительной главе личностностью.

Иное дело – жизненный путь Болконского, отнесенного Достоевским к этому же ряду духовных «скитальцев», не укорененных в русской жизни. В существовании данного героя также доминирует сильный характер, обеспечивающий ему полную идентичность в глазах окружающих и скрывающий от них его внутреннюю кризисность. Однако смертельное ранение разрушает не только тело, но и характерную жесткость этого человека. В результате потери сознания очнувшийся герой осуществляет резкий скачок от ролевой самоидентичности к самостной автонарративности:

После перенесенного страдания князь Андрей чувствовал блаженство, давно не испытанное им. Все лучшие, счастливейшие минуты в его жизни, в особенности самое дальнее детство, когда его раздевали и клали в кроватку, когда няня, убаюкивая, пела над ним, когда, зарывшись головой в подушки, он чувствовал себя счастливым одним сознанием жизни, – представлялись его воображению даже не как прошедшее, а как действительность [Толстой, 1940, с. 263].

Знаменательны не только пробуждающиеся в этот момент «любовь и нежность» к Наташе, «восторженная жалость и любовь» к Анатолию Курагину, которые «наполнили его счастливое сердце». Знаменательно предсмертное обращение гордого человека к Богу, о котором ему говорила, как он вспоминает, сестра его Марья.

Весьма любопытно, что в ряду героев «наполеоновского» типа (напомню строку из «Евгения Онегина»: «Мы все глядим в Наполеоны») Достоевский упоминает и предприимчивого Чичикова, которому столь чужда онегинская скука. Чичиков обладает по-своему цельным, живучим, гибким характером, легко приспособляющимся к окружающим условиям существования. Кризис идентичности с ним случается всего лишь однажды – на губернаторском балу. Но при этом он оказывается ключевым сюжетным событием.

Тщательно готовясь к балу перед зеркалом, где «я смотрю на себя глазами мира, чужими глазами» [Бахтин, 1996, с. 71], любовно лелея свою внешнюю тождественность для других, Чичиков намеревался окончательно очаровать губернских дам, формирующих общественное мнение. Вместо этого загляделся на юную блондинку с личиком, «какое художник взял бы в образец для мадонны», чем разрушил всеобщую дамскую симпатию к себе. Данное происшествие, столь неожиданное для самого героя и даже для нарратора, обнаруживает наличие и у Чичикова личностной глубины:

Нельзя сказать наверно, точно ли пробудилось в нашем герое чувство любви, – даже сомнительно, чтобы господа такого рода [...] способны были к любви; но при всем при том здесь было что-то такое странное, что-то в таком роде, чего он сам не мог себе объяснить: [...] весь бал, со всем своим говором и шумом, стал на несколько минут как будто где-то вдали [...] она только одна белела и выходила прозрачною и светлую из мутной и непрозрачной толпы [Гоголь, 1994, с. 94].

Эту ситуацию легко рассмотреть как пародийную по отношению к ситуации Онегина, залюбовавшегося Татьяной на балу. Однако в контексте романной интриги событие кратковременного кризиса идентичности героя приобретает самое серьезное и решающее значение: разрушает его авантюрную «негоцию» и при этом, обещая преобразование героя в последующих томах, позволяет нарратору заговорить о «русскости» Чичикова и о грядущем историческом величии России.

И все же у классиков русского реализма характер и личность выступают по преимуществу двумя неразъемными сторонами типической индивидуальности. Это составляет основное достижение реалистического художественного мышления на фоне романтического периода, а несхождение между личностной самостью и внешней характеристикой мыслится аномалией, которую Достоевский собственноручно и назвал «отрицательным типом нашим» [Достоевский, 1984, с. 134].

Чехов в зрелых своих рассказах радикально расходится с классической нарративной идентичностью. Разрыв между внешней тождественностью характера и внутренней самостью личности оказывается своего рода нормой для чеховских героев, поскольку кризис идентичности становится жанрообразующим моментом созданного Чеховым жанра (см.: [Тюпа, 2017]). Две жизни Гурова в «Даме с собачкой» – «явная» и «тайная» – тем именно и различаются, что в первой он функционирует в качестве весьма определенного характера, легко идентифицируемого «всеми, кому это нужно было», тогда как во второй существует в качестве самобытного «я» (метонимией которого в тексте служит «сердцебиение»). «Личная тайна» Гурова и составляет основание его идентичности (см.: [Тюпа, 2018, с. 50–89]).

На одном полюсе множества персонажей позднего чеховского творчества – «футлярный» характер Беликова, не только не знающего «личной тайны» в себе,

но и нетерпимого к ней в других; на противоположном – безумие Коврина, чье уединенное сознание углубляется в «личную тайну» настолько, что порывает с действительной жизнью, уходя в свою автонарративную иллюзию. Мера личности чеховского человека есть мера напряжения между внешней («гетеронарративной») и внутренней («автонарративной») сторонами его существования.

В жизни учителя словесности Никитина такого рода напряжение возникает и обостряется, поскольку крепнет его самость («ему казалось, что голова у него громадная и пустая, как амбар, и что в ней бродят новые, какие-то особенные мысли» [Чехов, 1977, с. 310]). Поначалу он не наделен «личной тайной», любовь к младшей Шелестовой составляет его мнимую тайну («Уж пронюхали, подлецы... – подумал Никитин. – И откуда они все знают?») [Там же, с. 312]). Первоначально Никитин самодовольно исповедует тождество внешней данности и внутренней заданности своей жизни: «...на это своё счастье я не смотрю как на нечто такое, что свалилось на меня случайно [...] Я верю в то, что человек есть творец своего счастья, и теперь я беру именно то, что я сам создал» [Там же, с. 317]. Но последующее зарождение «личной тайны» побуждает его к автонарративному пересматриванию своего существования («счастье, рассуждал он, досталось ему даром, понапрасну» [Там же, с. 321] и т. д.). Исподволь завязывающийся имплицитный автонарратив героя вступает в диссонанс с очевидным для окружающих внешним нарративом его жизни («– Так значит, если я ходил к вам в дом, то непременно должен был жениться на тебе? – Конечно» [Там же, с. 329]). В концовке нарративная иллюзия закономерно достигаемого покоя и счастья «иссякла, и уже начиналась новая, нервная, сознательная жизнь, которая не в ладу с покоем и личным счастьем» [Там же, с. 332].

В жизни Ионыча, напротив, первоначальное напряжение между характером и самостью слабеет и исчезает. Когда в душе Старцева зарождается томящая его любовь, ему становится внятной и чужая тайна личного бытия: на кладбище он первый раз в жизни видит особенный мир, где «в каждой могиле чувствуется присутствие тайны» [Там же, с. 25]. Когда же огонек «личной тайны» в нем угасает, оставляя после себя пепел одинокого накопительства, то и в жизни других эту тайну герой перестает предполагать и уважать: в чужой дом, назначаемый к торгам, он входит «без церемонии», «не обращая внимания на неодетых женщин и детей, которые глядят на него с изумлением и страхом, тычет во все двери палкой» [Там же, с. 30]. Полная овнешненность, исчерпанность персонажа инерцией карикатурно застывающего характера подчеркнута фразой повествователя, завершающего разговор о герое прежде, чем закончить рассказ, названный его именем: «Вот и все, что можно сказать про него» [Там же, с. 41].

Оленька Племянникова («Душечка»), обладая вполне определенным характером, в то же время являет собой яркий образчик дефицита личности. Кризисы идентичности случаются с нею после каждой утраты очередного объекта ее привязанности. При этом внутренняя бесследность, с какою одно увлечение Оленьки сменяется другим, свидетельствует об отсутствии у нее «памяти сердца», как выражалась современная писателю критика, и – вследствие этого – об отсутствии собственного «я» (автонарративной самости). Если звуки музыки и треск ракет, доносившиеся из сада «Тиволи», казались супруге Кукина отголосками его «борьбы со своей судьбой», то у овдовевшей героини «это уже не вызывало никаких мыслей» и т. п. В ее душе, когда она оказывается предоставленной самой себе, не отыскивается следов прежнего, якобы «настоящего, глубокого чувства»: теперь «и среди мыслей, и в сердце у нее была такая же пустота, как на дворе» [Там же, с. 110]. Внутренняя жизнь Душечки оказывается анарративным воспроизведением актуальной жизненной ситуации: «Глядела она безучастно на свой пустой двор, [...] а потом, когда наступала ночь, шла спать и видела во сне свой пустой двор» [Там же]. Однако при сближении с чужой индивидуальностью

героиня немедленно начинала ей внутренне подражать, якобы обретая себя (автонарративная иллюзия).

История «Невесты» (диаметрально противоположная истории «Душечки») порождается душевным кризисом, взрывающим инерцию существования, о которой говорит ее мать: «Давно ли ты была ребенком, девочкой, а теперь уже невеста [...] И не заметишь, как сама станешь матерью и старухой» [Чехов, 1977, с. 203]. Надя же, утрачивая самоидентичность, восклицает: «Как я могла жить здесь раньше, не понимаю, не постигаю! Жениха я презираю, себя презираю, презираю всю эту праздную, бессмысленную жизнь» [Там же, с. 208]. Траектория ее незавершенного жизненного путешествия – динамика последовательного освобождения самобытности от внутренних зависимостей, от оглядки на «других», чьи воззрения на нее формировали внешнюю узнаваемость, характерность героини.

Кризисный раскол между «моя жизнь» (нарративное образование) и автонарративным «я» приводит, например, Веру Кардину («В родном углу») к тому, что внешнее ее поведение выходит из-под контроля ее личности, становясь в стычке с безответной Анной «характерным», наследственным поведением помещицы, а не изящной и образованной барышни, каковой героиня мыслит себя изнутри. Для воссоединения распавшегося единства героине необходимо уединение, «чтобы никого не видеть и ее бы не видели». Только избавление от гетеронарративного взгляда со стороны, от оглядки на свое окружение дает личности независимость от ее социально-психологической характерности. Однако внутренняя суверенность героини – состояние преходящее и весьма относительное, поскольку внешнее, нарративизированное инобытие «я» – это то, чего «нельзя забыть и простить себе в течение всей жизни» [Там же, с. 320].

Экзистенциальная значимость автонарратива в качестве основания личностного бытия актуализирована в «Архиерее», где параллельно сообщаемой нарратором событийной истории последних дней жизни героя разворачивается его автонаррация. Нарратор акцентирует невербальную природу автонарративности, актуализируемой одновременно со словами молитвы: «Он внимательно читал эти старые, давно знакомые молитвы и в то же время думал о своей матери [...] молитвы мешались с воспоминаниями, которые разгорались всё ярче, как пламя, и молитвы не мешали думать о матери» [Там же, с. 187].

После молитвы «представились ему его покойный отец, мать, родное село Лесополье... Скрип колес, бляенье овец, церковный звон в ясные, летние утра, цыгане под окном, – о, как сладко думать об этом!» [Там же, с. 188]. На другой день преосвященному «медленно, вяло вспоминалась семинария, академия». Далее вспомнилась «белая церковь, совершенно новая, в которой он служил, живя за границей; вспомнился шум теплого моря» [Там же]. Так на протяжении рассказа перед нами фрагментарно-эпизодически (а иначе наррация и не может разворачиваться) промелькивает целая жизнь героя – его личностный автонарратив. Впрочем, мы его не слышим и не могли бы услышать, поскольку это феномен недискурсивной внутренней речи («ему представилось»), о котором нарратор сообщает нам в композиционной форме интроспективного повествования.

В дочеховской литературе нарратор обычно рассказывал читателю биографию героя ради того, чтобы мотивировать и объяснить его характер. Автонарратив преосвященного Петра ровным счетом ничего не объясняет. Он лишь свидетельствует о личности героя, о наличии у него собственной, внутренней, уникальной истории, продолжением которой является его актуальное существование: хотя «всё прошлое ушло куда-то далеко, в туман, как будто снилось», однако его «и в настоящем волнует всё та же надежда на будущее, какая была и в детстве, и в академии, и за границей» [Там же, с. 190].

Более того, личность героя благодаря присутствию матери и племянницы, актуализирующим его автонарративную память, оказывается живым продолжением

духовно-национальной истории: «Отец его был дьякон, дед – священник, прадед – дьякон, и весь род его, быть может, со времен принятия на Руси христианства, принадлежал к духовенству, и любовь его к церковным службам, духовенству, к звону колоколов была у него врожденной, глубокой, неискоренимой» [Чехов, 1977, с. 199]. Можно вспомнить, что еще Онегину в его новом, личном состоянии становятся вняты импульсы «Сердечной, темной старины».

В автонарративной идентичности и состоит принципиальное отличие личного персонажа от персонажа «характерного» – Сисоя, которому «самому было непонятно, почему он монах, да и не думал он об этом, и уже давно стерлось в памяти время, когда его постригли; похоже было, как будто он прямо родился монахом» [Там же, с. 187]. Такой персонаж сводится к своей социальной роли и потому не обладает автонарративом. Все его прошлое исчерпывается фразой, удостоверяющей его функциональную идентичность: «Сисой был когда-то экономом у епархиального архиерея, а теперь его зовут “бывший отец эконом”» [Там же].

В отличие от нарративной идентичности закрытого, неизменного, как в литературе классицизма, исчерпавшего свое становление, характера нарративная идентичность самости остается потенциально открытой в будущее, динамичной: «Он думал о том, что вот он достиг всего, что было доступно человеку в его положении, он веровал, но всё же не всё было ясно, чего-то еще недоставало, не хотелось умирать; и всё еще казалось, что нет у него чего-то самого важного» [Там же, с. 200]. Это самоощущение живого «я», не омертвевшего (как у Сисоя), но податливо готового к новизне жизни (в тексте неоднократно отмечается внутренняя близость преосвященного и девочки Кати). Нарративная логика «Архиерея» такова, что именно внутренняя идентичность самости, не извращенная социальной характерностью, обещает торжество над смертью, провозглашенное и явленное Христом.

Подводя итоги, можно отметить некоторую магистральную тенденцию, проиллюстрированную здесь лишь на немногих примерах.

В русской литературе XIX в. нарративная идентичность персонажа проблематизируется, нередко становясь сюжетообразующим фактором. При этом формируется такая система ценностей, где во главу угла ставится не стабильность и сила характера², а самобытность личности, которая выступает аналогом национальной самобытности, мотивируется национальной (отчасти религиозной) идентичностью героя.

Список литературы

- Бахтин М. М.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1996. Т. 5.
Гоголь Н. В. Мертвые души // Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 9 т. М.: Русская книга, 1994. Т. 5.
Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1984. Т. 26. С. 129–149.
Мани Ю. В. Тургенев и другие. М.: РГГУ, 2008.
Пушкин А. С. Евгений Онегин // Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1960. Т. 4.
Рикёр П. Я-сам как другой / Пер. с фр. М., 2008.
Толстой Л. Н. Война и мир // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М.: Худож. лит., 1940. Т. 11.
Тургенев И. С. Отцы и дети // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М.: Наука, 1981. Т. 7.

² Среди немногочисленных исключений обращает на себя внимание Рахметов Чернышевского. Однако роман «Что делать» ошибочно было бы относить к русской классике.

Тюпа В. И. Фазы мирового археосюжета как историческое ядро словаря мотивов // От сюжета к мотиву. Новосибирск, 1996.

Тюпа В. И. Парадигмальный археосюжет в текстах Пушкина // *Ars interpretandi*. Новосибирск, 1997.

Тюпа В. И. Кризис как инвариантный конструктивный фактор жанра рассказа // Кризисные ситуации и жанровые стратегии. М., 2017. С. 56–62.

Тюпа В. И. Художественность чеховского рассказа. 2-е изд., перераб. М., 2018.

Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1977. Т. 10.

Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Пер. с англ. М., 1996.

Эриксон Э. Трагедия личности / Пер. с англ. М., 2008.

Erikson E. H. *Identity and the Life Cycle*. New York, 1959.

V. I. Tyupa

Russian State University for Humanities
Moscow, Russian Federation, v.tiupa@gmail.com

Crisis of sociocultural identity in the classical Russian literature

The paper considers several “wanderer” type characters of Russian classical literature in terms of their narrative identity, starting from Pushkin’s speech by Dostoevsky. Using the category of subjective identity developed by Eric Erickson, as well as the identity separation on the outside recognizable identity of the character and the inner “self” of the person proposed by Paul Rikkyer, allowed revealing one of the main trends in the Russian literature of the 19th century. The identity of the central character is problematized, with the internal splitting, non-identity to oneself becoming a plot-forming factor. In particular, Onegin, Bazarov, some of Chekhov’s heroes are shown as personalities in a crisis state suffering from “sociocultural autism.” Also, Chichikov and Andrei Bolkonsky, mentioned by Dostoevsky among the “baseless” heroes, are considered from this perspective. At the same time, in line with Dostoevsky’s interpretation of the image of Tatiana Larina, the author reveals the manifestations of inner integrity, motivated by the personality being rooted in the national culture. Not only Pushkin’s woman character is examined but also the figures of Kate (“Fathers and children”) and Peter (“The Bishop”). However, the extra-crisis integrity of Odintsova by Turgenev or Olenka Plemyannikova by Chekhov is artistically discredited. In later works, the crisis split between character and personality becomes the key innovative factor in Chekhov’s narrative. At the same time, the Russian classic creates such a system of values where it is not stability and strength of character that is of central concern, but the identity of a person – an analogue of national identity, motivated by the national identity of the character.

Keywords: sociocultural identity, narrative identity of the character, Dostoevsky’s Pushkin Speech, Onegin, Tatyana, Bazarov, Bolkonsky, Chichikov, Chekhov’s characters.

DOI 10.17223/18137083/69/6

References

Bakhtin M. M. *Sobr. soch.: V 7 t. T. 5* [Collected works: In 7 vols. Vol. 5]. Moscow, 1996.

Chekhov A. P. *Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t. T. 10* [Complete collection of compositions and letters: in 30 vols. Vol. 10]. Moscow, 1977.

Dostoyevskiy F. M. *Poln. sobr. soch.: V 30 t. T. 26* [Complete coll. of works: In 30 vols. Vol. 26]. Leningrad, 1984, pp. 129–149.

Erikson E. *Identichnost’: yunost’ i krizis* [Identity: Youth and Crisis]. Transl. from Engl. Moscow, 1996.

Erikson E. H. *Identity and the Life Cycle*. New York, 1959.

Erikson E. *Tragediya lichnosti* [Tragedy of personality]. Transl. from Engl. Moscow, 2008.

Gogol’ N. V. *Mertvyye dushi* [Dead Souls]. In: Gogol’ N. V. *Sobr. soch.: V 9 t. T. 5* [Collected works: In 9 vols. Vol. 5]. Moscow, Russkaya kniga, 1994.

Mann Yu. V. *Turgenev i drugiyе* [Turgenev and others]. Moscow, RSHU, 2008.

- Pushkin A. S. Evgeniy Onegin [Eugene Onegin]. In: Pushkin A. S. *Sobr. soch.: V 10 t. T. 4* [Collected works: In 10 vols. Vol. 4]. Moscow, 1960.
- Rikër P. *Ya-sam kak drugoy* [Oneself as another]. Transl. from French. Moscow, 2008.
- Tolstoy L. N. Voyna i mir [War and peace]. In: Tolstoy L. N. *Poln. sobr. soch.: V 90 t. T. 11* [Complete coll. of works: In 90 vols. Vol. 11]. Moscow, Khudozh. lit., 1940.
- Turgenev I. S. Ottsy i deti [Fathers and children]. In: Turgenev I. S. *Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t. T. 7* [Complete coll. of works and letters: In 30 vols. Vol. 7]. Moscow, Nauka, 1981.
- Tyupa V. I. Fazy mirovogo arkheosyuzheta kak istoricheskoye yadro slovarya motivov [Phases of the archeoplot as the historical core of the dictionary of motifs]. In: *Ot syuzheta k motivu* [From the plot to motive]. Novosibirsk, 1996.
- Tyupa V. I. Paradigmal'nyy arkheosyuzhet v tekstakh Pushkina [Paradigmatic archeoplot in Pushkin's texts]. In: *Ars interpretandi*. Novosibirsk, 1997.
- Tyupa V. I. Krizis kak invariantnyy konstruktivnyy faktor zhanra rasskaza [Crisis as an invariant constructive factor of the genre of short story]. In: *Krizisnyye situatsii i zhanrovyye strategii* [Crisis situations and genre strategies]. Moscow, 2017, pp. 56–62.
- Tyupa V. I. *Khudozhestvennost' chekhovskogo rasskaza* [Artistic features of Chekhov's Story]. 2nd ed., rev. Moscow, 2018.

Т. И. Печерская

Новосибирский государственный педагогический университет

**Игра в Гоголя: центон как повествовательный код
(повесть Ф. М. Достоевского «Двойник»)**

Рассматривается история восприятия (от современников до последующих исследователей, в частности формалистов) повести Достоевского «Двойник» как произведения, в котором наиболее ярко проявилось влияние Гоголя на молодого начинающего писателя. «Готальный» характер влияния Гоголя на раннего Достоевского является филологической аксиомой, однако исследователи по-разному интерпретируют данный факт: в аспекте стиля, сюжетики, типологии персонажей. Предметом исследования в статье является повествовательная модель. В основе предложенной гипотезы лежит идея о широком использовании анонимного цитирования гоголевских произведений («Нос», «Записки сумасшедшего», «Шинель», «Мертвые души»), которое образует повествовательную основу повести. Анонимное цитирование рассматривается в качестве определяющего по отношению к модели повествования в целом. Мотивировка такой модели повествования задана фигурой повествователя, alter ego начинающего автора. «Скромный повествователь», автор-дилетант подражает Гоголю, он «бессознательно» балансирует на грани пародии, но нигде не переходит стилевую черту. «Неумелое» копирование как результат чрезмерной старательности ученика воспроизводит образец с абсурдной избыточностью. Письмо, составленное из цитат гоголевских текстов, нигде не выделенных графически, часто искаженных, создает эффект простодушного переписывания «по памяти». В статье описаны различные единицы незакавыченного цитирования и способы их использования. В качестве основных приемов обработки гоголевских фрагментов рассмотрены инверсия, искажение, дополнение, комбинация и др.

Автор статьи приходит к заключению, что ключом к повествовательному коду является центон, образованный из комбинации фрагментов гоголевских текстов. В данном случае понятие «центон» используется в расширенном понимании. Базовый прием центона – «сшивание», составление повествовательной основы произведения из чужих текстовых фрагментов – сохраняется, но с поправкой на другой, не линейный, композиционный принцип. Суть приема можно обозначить как многократное и многослойное структурное наложение различных «чужих» текстовых фрагментов в пределах одного сегмента повествовательного поля. В заключение актуализируется вопрос о необходимости особого типа комментария к тексту, построенному указанным способом.

Ключевые слова: Достоевский, повесть «Двойник», Гоголь, повествовательный код, анонимное цитирование, центон.

Повесть Достоевского «Двойник» считается наиболее гоголевской по стилю и сюжетике. От прижизненной критики и до современных исследований в поле

Печерская Татьяна Ивановна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (ул. Вилюйская, 28, Новосибирск, 630019, Россия; ptatiana9@gmail.com)

зрения попадают в основном четыре произведения Гоголя: «Нос», «Шинель», «Записки сумасшедшего» и «Мертвые души»¹. В качестве базовой сопоставительной работы следует назвать статью В. В. Виноградова, опубликованную в 1922 г. [Виноградов, 1922, с. 211–256]. «Реестр» стилистических сопоставлений, классификация общих с Гоголем приемов фразового построения представлены исследователем в «анатомо-морфологической» методологии ОПОЯЗА, где впервые и был прочитан доклад, легший в основу статьи². Формальная школа, и в лингвистическом, и в теоретическом планах, положила начало научному исследованию языковой игры Гоголя и ее развитию у Достоевского. Схожий ракурс относительно повествовательной манеры Гоголя – стилистические параллели, вариации – устанавливается в известных работах Б. М. Эйхенбаума «Как сделана “Шинель” Гоголя» (1919) и Ю. Н. Тынянова «Достоевский и Гоголь (к теории пародии)» (1921), в близкой манере рассматривает «игру в Гоголя» в «Двойнике» А. Белый [1934, с. 304]³.

«Тотальный» характер влияния Гоголя на раннего Достоевского давно признан филологической аксиомой. Показателен научный ареал современного понятия «гоголевский текст» русской литературы, в частности «гоголевский текст» Достоевского [Константинова, 2006]. Понятие «гоголевский текст» сформировалось, с одной стороны, с помощью аккумуляции понятий «гоголевская школа», «гоголевская традиция», «гоголевский мир», «гоголевский материал», с другой – по аналогии с понятием *сверхтекст* [Топоров, 2003]. Соответственно интерпретационный код сверхтекста определяет и задает «стратегию выстраивания и восприятия элементов», находящихся «в пределах устойчивого художественного поля» [Меднис, 2003, с. 130]. «Гоголевский текст» рассматривается как единая художественная система, как основа поэтики, в частности сюжетики, раннего Достоевского, где «Двойник» является едва ли не главным произведением⁴.

¹ Внушительный объем исследований по теме «ранний Достоевский и Гоголь в аспекте влияния» не позволяет представить его здесь сколько-нибудь полно; ограничимся ссылкой на обстоятельные и концептуальные обзоры В. А. Викторovichа [1997, с. 216–218] и О. Г. Дилакторской [1999]. Обширный библиографический список работ, включающих как прижизненную критику, так и исследования конца XIX – начала XX в. см. в комментарии А. П. Чудакова к статье Ю. Н. Тынянова «Достоевский и Гоголь (К теории пародии)»: [Тынянов, 1977, с. 486–487].

² В комментарии к статье В. В. Виноградова «К морфологии натурального стиля (Опыт лингвистического анализа петербургской поэмы “Двойник”»)» А. П. Чудаков отмечает, что, говоря о системности как методе выявления гоголевского материала, Виноградов понимает под системой «соотношение элементов, находящихся в одной плоскости». «Система» методологически противопоставляется им структуре как «объемному образованию» («уровневому» в позднейшей терминологии. – Т. П.) [Виноградов, 1976, с. 491].

³ Как известно, концепция художественного языка Гоголя развивалась А. Белым намного раньше выхода книги. В издании 1934 г. Белый использует примеры В. В. Виноградова в качестве перечня стилевых соответствий, дополняя их своими наблюдениями.

⁴ В качестве знаковых сюжетных ситуаций и мотивов, т. е. «общих мест», позволяющих идентифицировать сюжет «Двойника» как чиновничий, причем в гоголевском изводе, следует назвать *поиск места, боязнь потерять место, идея чина, ошибка как провинность, любовь чиновника к дочери начальника, неудачное сватовство, поражение бедного чиновника в неравной борьбе за руку и сердце любимой девушки с более состоятельным соперником, козни недоброжелателей, безумие*. Другими словами, перед нами значительная часть сюжетного репертуара, инкорпорированного в единый сюжет «Двойника». На первый взгляд сюжетная структура повести отсылает нас не столько к повестям Гоголя, сколько к чиновничьей повести как таковой. Как давно выявлено, уже гоголевская «Шинель» аккумулялировала едва ли не весь мотивный репертуар чиновничьей повести, то же можно сказать и о других гоголевских повестях (см.: [Цейтлин, 1923]). Как это ни парадоксально (в плане хронологической инверсии), но гоголевская сюжетная матрица стала восприниматься как инвариант, относительно которого все остальные разработки воспринимались

Следует указать на особый характер связи Достоевского с Гоголем, отмеченный сразу после выхода повести. Как в отрицательном (неудачное заимствование), так и в положительном (творческое отталкивание) смыслах, суть этой связи, по замечанию О. Г. Дилакторской, обобщившей отзывы современников, состоит в «вызывающе открытом» взаимодействии «Двойника» с произведениями Гоголя [Дилакторская, 1999, с. 188]. Может быть, наиболее точно передал впечатление современников К. С. Аксаков, рассуждая о еще большем, нежели в «Бедных людях», проявлении гоголевского «присутствия» во втором произведении Достоевского, повести «Двойник»: «...в ней г. Достоевский постоянно передразнивает Гоголя, подражает часто до такой степени, что это выходит уже не подражание, а заимствование. – Мы даже просто не понимаем, как могла явиться эта повесть. Вся Россия знает Гоголя, знает его чуть не наизусть; – и тут, перед лицом всех, г. Достоевский переиначивает и целиком повторяет фразы Гоголя. <...> Г. Достоевский из лоскутков блестящей одежды художника сшил себе платье и явился храбро перед публикой» [Аксаков, 1847, с. 34].

Словом, начинающий писатель в определенном смысле воплотил мечту гоголевской невесты из «Женитьбы»: «Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазарыча, да, пожалуй, прибавить к этому еще дородности Ивана Павловича...» [Гоголь, 1949, т. 5, с. 37]. А. Белый, словно повторяя метафору К. С. Аксакова, закрепил «лоскутность» как принцип устройства художественного языка раннего Достоевского. Резюмируя, можно без большого преувеличения сказать, что повесть Достоевского, напоминающая «лоскутное одеяло, сшитое из сюжетных, жестовых и слоговых ходов Гоголя» [Белый, 1934, с. 304], в последующей исследовательской судьбе была подвергнута обратной процедуре: ее многократно «распарывали» на различные гоголевские «лоскуты» и каждый подвергали тщательному анализу. Все исследователи, кроме В. В. Виноградова⁵, решавшего лингвистическую задачу, задавались вопросом о функциональном назначении этой игры в Гоголя. Опираясь на существующую базу наблюдений относительно «параллельных мест» и отчасти дополняя наблюдения (странным образом «реестр» до сих пор нельзя назвать исчерпывающим), рассмотрим повесть с точки зрения формирования повествовательной манеры Достоевского, в метафоре А. Белого – технику «сшивания» гоголевских «лоскутов».

Выработка «слога», как известно, становится центральной задачей писателя в 1840-е гг. «Двойник» следует сразу за «Бедными людьми», произведением, в котором вырабатывается не только «слог» Макара Деушкина, но и «слог» автора⁶. С этой точки зрения рефлексивное обращение Достоевского к произведениям Гоголя, в каких бы направлениях оно ни проявлялось, стилистических или сюжетных, может быть рассмотрено в плане самопредъявления автора через повествовательную структуру. Ее отличительной особенностью является тотальное «растворение» героя, его способа мыслить и говорить, в повествовательном

как варианты. В «чиновничьей» сюжетной матрице Гоголя был заложен большой потенциал сюжетогенных возможностей, связанных с комбинаторикой сюжетных ситуаций и мотивов. К одному из видов комбинаторики следует отнести додумывание «пропущенных мест», или развитие «пропущенных идей» [Бем, 1936; 2001, с. 35–57].

⁵ «Стиль “Двойника” в предлагаемом исследовании, – отмечает В. В. Виноградов в примечании, – описывается мною только в проекционной плоскости. Я рассматриваю “Двойник” как окаменелый памятник прошлой жизни литературного языка и стараюсь пояснить лишь его внешнюю, грамматическую, так сказать, структуру» [Виноградов, 1976, с. 101] (курсив автора. – Т. II).

⁶ Чрезвычайно интересными представляются наблюдения С. Г. Бочарова, формирующего зону наблюдения за возникновением авторского «слога» в «Бедных людях» на тонкой вибрирующей границе, разделяющей автора и героя [Бочаров, 1985, с. 161–211].

слое рассказчика. В терминологии Б. Успенского, точки зрения⁷ автора, повествователя, героя в планах идеологии, психологии, фразеологии, пространственно-временного континуума в пределе стремятся к полному слиянию. Фигура повествователя формируется как фигура скриптора: в центре «гоголевского текста», созданного Достоевским, находится пишущий персонаж. «Шинель» и «Записки сумасшедшего» в поэтике раннего Достоевского – это два зеркально взаимообращенных текста. На гоголевской шкале герой и повествователь «Двойника» располагаются между Башмачкиным-переписчиком и Поприциным-сочинителем. Но ведь и Башмачкин является своего рода сочинителем, а Поприцин – переписчиком. Копирование, переписывание, подражание, сочинительство как проявления повествовательной авторской проекции выражаются в «Двойнике» не только в форме сюжетных и персонажных «реплик», но и в форме активного внедрения в повествование незакавыченных цитат различных произведений Гоголя – от крупных блоков, до микроскопических вставок, от слегка искаженных до существенно «дополненных» конструкций.

Как выглядит повествование с этой точки зрения? По нашим наблюдениям, фрагменты гоголевских текстов являются конституирующими по отношению к модели повествования. Повествователь производит своего рода «перезапись» Гоголя. Еще по поводу «Бедных людей» Достоевский писал: «Во всем они привыкли видеть рожу сочинителя; я же моей не показывал» [Достоевский, 1972, т. 1, с. 469]⁸. Самое убедительное опровержение содержится уже в самом слове «рожка» – характерном слове гоголевского словаря, как точно было замечено С. Г. Бочаровым [1985, с. 198]. То, что обычно приписывается автору, является сферой его «компетенции» при использовании чужого текста (цитирование, стилизация, заимствование, пародирование, аллюзия), по сути дела, равно реализуется в рефлексивной сфере повествователя и героя. Сфере, как уже говорилось, где трудно различить точки зрения и по составу, и по функции. Сфера самосознания героя, в бахтинском смысле, растворяющая весь доступный автору материал, особым образом определяет характер взаимодействия автора и героя, также героя и повествователя, чьи зоны проявления тоже совмещены. В бахтинской концепции это означало бы размещение в кругозоре героя кругозора повествователя, но главное – наделение их кругозором автора.

Значит ли это, что только в сфере повествователя и героя автор может быть обнаружен? И да, и нет. Да, потому что он по определению не может миновать ее. Нет, потому что авторская сфера, тоже по определению, шире сферы героя и повествователя в структурном и смысловом планах. Своего рода эстетический парадокс Ахиллеса и черепахи.

Только в отдельных случаях сферы героя и повествователя отчетливо отграничены. Наиболее показательным началом четвертой главы «Двойника», описание званого обеда. Близкое по характеру к авторским «отступлениям» Гоголя в «Мертвых душах», оно существенно отличается в повествовательном отношении от манеры, в которой написана большая часть повести. Повествователь в первый и последний раз обнаруживает свое присутствие явным риторическим образом, при этом заявляет о себе как об авторе. Это единственное место, где много его прямых обращений к читателю, своего рода признаний в авторском бессилии: «О, если бы я был поэт! – разумеется, по крайней мере такой, как Гомер или Пушкин; с меньшим талантом соваться нельзя <...> я бы бесприменно изобразил вам <...> я бы начал свою поэму»; «...о! для чего я не обладаю тайною слога вы-

⁷ Подразумевается точка зрения, с которой ведется повествование [Успенский, 2000, с. 9]. В нарративном смысле в качестве условного аналога можно рассматривать *повествовательную инстанцию* как близкую номинацию.

⁸ Далее ссылки на это издание делаются в круглых скобках с указанием страниц.

сокого, сильного...»; «Да и как, спрошу я, как могу я, *скромный повествователь*⁹ <...> как могу я изобразить...»; «Нечего уже и говорить, что перо мое слабо, вяло и тупо для приличного изображения бала»; «На всё это, как уже выше имел я честь объяснить вам, о читатели! недостает пера моего, и потому я молчу» [Достоевский, 1972, т. 1, с. 128–130].

Именно тотальная и гипертрофированная, на грани пародии, стилизация создает впечатление «аграмматичности» текста. Здесь ощущается явное нарушение меры, своего рода показательный крен общего повествовательного стиля. Самообнаружение и самопредъявление повествователя демонстрируют непосредственность и простодушие его как автора рассказа о злключениях героя. Скажем, во фразе по поводу гостей, собравшихся в день рождения Клары Олсуфьевны – «Я изобразил бы вам гостей и счастливых родителей царицы праздника, поднявших тоже свои бокалы вслед за Андреем Филипповичем и *устремивших на него полные ожидания очи*» [Там же, с. 129] – легко узнается усеченная и слегка искаженная цитата из «Мертвых душ» – «Русь! чего же ты хочешь от меня? какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты так, и зачем всё, *что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?*...» [Гоголь, 1956, т. 6 (I), с. 221]. Повествователь, что очевидно, не имеет намерений пародировать пафос Гоголя, он «подбирает» фрагмент, подходящий по лирическому регистру и выражает свое, а вместе с тем и общее, эмоциональное состояние. Здесь по сути та же грань простодушия, что и у Макара Деушкина¹⁰, но вместе с тем повышенный градус авторского самоуничижения свидетельствует и о поприщенско-голядкинском потенциале самолюбия, вовсе не чуждого повествователю. А вот далее, и это гораздо существеннее для понимания повествовательного хода, он буквально не может остановиться, варьируя до абсурдности эти самые «очи», дополняя их разнообразными определениями: «...укажу вам на <...> племянника Андрея Филипповича, <...> на которого устремлены *слезящиеся очи* родителей царицы праздника, *гордые очи* Андрея Филипповича, *стыдливые очи* самой царицы праздника, *восторженные очи* гостей и даже *прилично завистливые очи* некоторых молодых сослуживцев этого блестящего юноши» (с. 129). Позже, в XIII главе, появится сходная и вполне опознаваемая гибридная конструкция с грамматическим перераспределением носителей цитаты: «*устремивших на него полные ожидания очи*» (с. 129) – «...оба торжественно свели двух совершенно подобных среди обставшей их кругом и *устремившейся в ожидании толпы*» (с. 227).

Еще раз вернемся к исходному фрагменту. Предшествующий сегмент этой гогаевской фразы – «что ни есть» – здесь опущен («...и зачем всё, *что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?*...» – «...*устремивших на него полные ожидания очи*»), зато он многократно варьируется чуть позже, в самом драматичном для Голядкина эпизоде, где ему все-таки удается проникнуть в залу на именины Клары Олсуфьевны. В этом случае повествователь транслирует восприятие героя, в зрительной картине которого гости сливаются в одно целое¹¹.

⁹ Здесь и далее везде курсив мой, кроме специально оговоренных случаев.

¹⁰ Как, например, в наивном признании списывания: «А вот теперь весна, так и мысли всё такие приятные, острые, затейливые, и мечтания приходят нежные; всё в розовом цвете. Я к тому и написал это всё; а впрочем, я это всё взял из книжки. Там сочинитель обнаруживает такое же желание в стихах и пишет – Зачем я не птица, не хищная птица! – Ну и т. д.» (с. 14).

¹¹ В рассказе «Поцелуй» Чехов вводит физиологическое описание состояния героя, также переживающего большое волнение: «Лица, платья, граненые графинчики с коньяком, пар от стаканов, лепные карнизы – всё это сливалось в одно общее, громадное впечатление, вселявшее в Рябовича тревогу и желание спрятать свою голову. Подобно чтецу, впервые выступающему перед публикой, он видел всё, что было у него перед глазами, но

Мы видим чередование двух конструкций – *что ни есть*; *всё, что ни есть*, – частотных у Гоголя в «Мертвых душах», при этом используется еще дополнительная, усеченная, со словом «всё» по аналогии с двумя первыми. Сравним.

В «Мертвых душах»: «Долго бы стоял он бесчувственно на одном месте <...> позабыв и себя, и службу, и мир, и *всё, что ни есть в мире*» [Гоголь, 1956, т. 6 (I), с. 92]; «*Всё, что ни есть ненужного*, что Акулька у нас бросает, с позволения сказать, в помойную лохань, они его в суп! да в суп! туда его!» [Там же, с. 98]; «Есть случаи, где женщина, как ни слаба и бессильна характером в сравнении с мужчиною, но становится вдруг тверже не только мужчины, но и *всего, что ни есть на свете*» [Там же, с. 170]; «Теперь у нас все чины и сословия так раздражены, что *всё, что ни есть* в печатной книге, уже кажется им личностью: таково уж, видно, расположение в воздухе» [Там же, с. 179]; «...летит мимо *всё, что ни есть на земле*, и косясь постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства» [Там же, с. 247]. Как видно, эта конструкция как таковая не прикреплена к какому-то одному эмоционально-стилевому регистру¹².

В «Двойнике»: «*Всё, что ходило, шумело, говорило, смеялось*, вдруг, как бы по мановению какому, *затихло* и мало-помалу *столпилось* около господина Голядкина» (с. 133); «*Всё стояло, всё молчало, всё выжидало*; немного подальше *зашептало*; немного поближе *захохотало*» (с. 134); «*Всё, что ни было в зале, все так и устремились* на него взором и слухом в каком-то торжественном ожидании» (здесь аграмматичность особенно показательна в контексте совмещения разных гоголевских конструкций в пределах одной фразы) (с. 136); «...*всё, что ни было в зале, заволновалось, как море...*» (с. 136); «*всё заволновалось, замешалось, засуетилось*» (с. 137); «Смятение было ужасное; *всё спрашивало, всё кричало, всё рассуждало*» (с. 137)¹³.

В. В. Виноградов пишет, что маска *скромного повествователя* (как самоназвание), позволяет Достоевскому «применить способ рисовки, сходный с тем, которым пользовался Гоголь» [Виноградов, 1976, с. 106]. Можно сказать, что скромный дилетант не только в отмеченном фрагменте, но и на всем повествовательном поле пользуется гоголевским «способом рисовки». «Неумелое» копирование в результате производит обратный эффект: вещь, созданная по признанным литературным «образцам», производит впечатление довольно неуклюжей. К излишней старательности повествователя можно отнести и отмеченный В. В. Виноградовым, по аналогии с Гоголем, прием точной и детальной регистрации мельчайших движений¹⁴. Исследователь указывает на чрезмерную увлеченность

видимое как-то плохо понималось (у физиологов такое состояние, когда субъект видит, но не понимает, называется «психической слепотой»)» [Чехов, 1985, т. 6, с. 409].

¹² Единично Гоголь использует такие конструкции и в других произведениях. Например, в «Носе»: «Дорогою он подумал: “если и майор (так. – *Т. П.*) не треснет со смеху, увидевши меня, тогда уж верный знак, что всё, что ни есть, сидит на своем месте”» [Гоголь, 1938, т. 3, с. 74]; в «Записках сумасшедшего»: «Через несколько минут всё засуетилось» [Там же, с. 208].

¹³ В последней, XIII главе, в эпизоде, где Голядкин снова оказывается в зале дома Олсуфия Ивановича, но уже против своей воли, использованы те же конструкции: «... *всё это теснилось* около господина Голядкина, *всё это стремилось* к господину Голядкину» (с. 225); «*Всё заволновалось, всё зашумело, все ринулись* к дверям первой залы» (с. 226); «*Всё затихло и присмирело, все наблюдали торжественное молчание...*» (с. 227) (с тем же совмещением *всё* и *все*); «*Все, кто ни были в комнате, все уселись...*» (с. 226).

¹⁴ В. В. Виноградов отмечает: «Например, у Гоголя во второй главе повести “Нос”: “Коллежский ассессор Ковалев *проснулся...* и *сделал губами “брр...”*, что всегда он делал, когда просыпался... Ковалев *потянулся, приказал себе подать небольшое*, стоящее на столе *зеркало*. Он *хотел взглянуть* на прыщик... но, к величайшему изумлению, *увидел*, что у него вместо носа совершенно гладкое место! *Испугавшись...* *велел подать воды и протер полотенцем глаза...* Он *начал щупать рукою...* *вскочил с кровати, встряхнулся...* *велел*

детализаций и следование этому принципу на протяжении всей повести, в то время как Гоголь легко отклоняется от этого приема и не придерживается его с такой неуклонной последовательностью. Другими словами, мы видим один из многочисленных приемов чрезмерной старательности ученика, воспроизводящего образец с абсурдной избыточностью¹⁵. Отсюда и возникает ощущение неуклюжести «слога», бесконечные повторы, в которых Достоевского часто упрекали.

Надо отметить одно парадоксальное свойство письма, объединяющее автора с повествователем и героем. Письма, составленного из цитат гоголевских текстов, нигде не выделенных графически, которые к тому же часто искажаются, что и создает эффект простодушного переписывания «по памяти». Свойство особенно интересно в аспекте авторского самопредъявления: гоголевский текст со всеми его стилевыми фигурами, тщательно классифицированными В. В. Виноградовым, искаженными и не очень цитатами, стилевыми параллелями и прочим, именно «по памяти» и возникал в сознании Достоевского-автора по ходу сочинительства (вспомним аксаковское «*Вся Россия знает Гоголя, знает его чуть не наизусть*»). Какая бы пропасть ни разделяла автора и его повествователя, ход воспроизведения «гоголевского текста» здесь совпадает. И вот именно это совпадение «технического письма» особенно примечательно. Вряд ли мы можем представить себе Достоевского, обложившего книгами Гоголя. В этом, уже литературоведческом, смысле Гоголь буквально генерировал повествовательную форму, созданную Достоевским.

Следует оговорить, что в ряде случаев повествователь, который по видимости привычно следует избранной тактике заимствования и повтора, производит некоторые смещения и делает при повторах замены гоголевских словесных деталей вовсе не так буквально, как может показаться.

Рассмотрим подробнее детализацию, связанную с обрисовкой фигуры доктора медицины и хирургии, Крестьяна Ивановича Рутеншпица. Его сближает с доктором майора Ковалева общая статья, основательность, но главное – бакенбарды. Сравним.

В «Носе»: «Он кликнул Ивана и послал его за *доктором*, который занимал в том же самом доме лучшую квартиру в бельэтаже. Доктор этот был видный из себя мужчина, *имел прекрасные смолистые бакенбарды*, свежую, здоровую докторшу» [Гоголь, 1938, т. 3, с. 68].

В «Двойнике» портрет доктора повторяется несколько раз, он переходит из зоны повествователя в зону восприятия героя, и при этом каждый раз в нем происходят заметные перемены с сохранением детали «бакенбарды».

1. Первый визит: «Доктор медицины и хирургии, Крестьян Иванович Рутеншпиц, весьма здоровый, хотя уже и *пожилой человек, одаренный густыми седеющими бровями и бакенбардами, выразительным, сверкающим взглядом*, которым одним, по-видимому, прогонял все болезни, и, наконец, *значительным орденом*, сидел в это утро у себя в кабинете, в покойных креслах своих,пил кофе,

тотчас подать себе одеться и полетел...». С той же отчетливой подробностью воспроизводятся и действия Голядкина: «Голядкин очнулся... *зевнул, потянулся и открыл, наконец, совершенно глаза свои. Минуты с две, впрочем, лежал он неподвижно...* Господин Голядкин *судорожно закрыл глаза... через минуту он одним скачком выпрыгнул из постели... тотчас же подбежал... к зеркальцу... поставил зеркало на прежнее место, а сам... побежал к окошку и... начал что-то отыскивать глазами...* Потом, *заглянув сначала за перегородку... на цыпочках подошел к столу, отпер в нем один ящик, пошарил... вынул, наконец... бумажник, открыл... и с наслаждением заглянул...*» [Виноградов, 1976, с. 106–107].

¹⁵ К примеру: «Так и вышло – запнулся и завяз... завяз и покраснел; покраснел и потерялся; потерялся и поднял глаза; поднял глаза и обвел их кругом; обвел их кругом и – и обмер...» (с. 134–135).

принесенный ему собственноручно его докторшей, *курил сигару* и прописывал от времени до времени рецепты своим пациентам» (с. 114).

2. Голядкин не вполне узнает доктора, оказавшись среди гостей в кабинете его превосходительства: «...лицо было как будто тоже знакомое, – высокая, плотная фигура, *лет пожилых, одаренная весьма густыми бровями и бакенбардами и выразительным, резким взглядом. На шее незнакомца был орден, а во рту сигарка*» (с. 216); «Тут генерал *взглянул на незнакомца с густыми бакенбардами. Тот, в знак согласия, кивнул головою*» (с. 216).

3. В XIII главе, у Олсуфия Ивановича: «Незнакомец был высокий, плотный человек, в черном фраке, с значительным крестом на шее и *одаренный густыми, весьма черными бакенбардами*; недоставало только сигарки во рту для дальнейшего сходства... Зато взгляд незнакомца, как уже сказано было, оледенил ужасом господина Голядкина» (с. 227).

4. Финальный эпизод, в котором Голядкина увозят «на казенный квартир»: «Вдруг он обмер: два огненные глаза смотрели на него в темноте, и зловещею, адскою радостью блестели эти два глаза. Это не Крестьян Иванович! Кто это? Или это он? Он! Это Крестьян Иванович, но только не прежний, это другой Крестьян Иванович! Это ужасный Крестьян Иванович!...» (с. 229).

Дьявольская природа доктора не вызывает сомнений, в этом смысле он находится в одной немецкой компании с «ведьмой» Каролиной Ивановной. В череде портретов очевидно усиление выразительности взгляда – от резкого до зловещего и адского¹⁶. Мы же хотели обратить внимание на гоголевскую деталь – бакенбарды. Бакенбарды упоминаются неизменно, но с усилением дьявольского в облике они изменяют цвет – сначала седеющие, а потом «весьма черные», т. е. «смоляные», как у доктора майора Ковалева. Кратное обыгрывание гоголевской детали в этом случае нельзя отнести к тому же типу повтора, о котором шла речь выше.

Как уже отмечалось, гоголевские фрагменты в равной степени размещаются в повествовательных зонах и героя, и рассказчика. Выделим случай, когда повествование, оставаясь по виду однородным, позволяет разделить / расщепить взгляд рассказчика на героя и взгляд героя на самого себя за счет использования разных фрагментов гоголевских текстов, одновременно (в рамках одного описания) отсылающих нас и к Башмачкину, и к Ковалеву. Рассмотрим эпизод повести, где Голядкин, проснувшись, смотрится в зеркало. Незакавыченная цитата балансирует на грани аллюзии: она эксплицирована, но не буквальна, отсылает к гоголевскому тексту, но не передает его дословно, текст деформируется за счет перефразировки. Внешность Голядкина отчасти срисована повествователем с Башмачкина, но зеркало, поставленное между ними, дает некоторое искажение.

В «Двойнике»: «Хотя отразившаяся в зеркале заспанная, *подслеповатая и довольно оплешивевшая фигура* была именно такого *незначительного свойства*, что с первого взгляда не останавливала на себе решительно ничьего исключительного внимания, но, по-видимому, обладатель ее остался совершенно доволен всем тем, что увидел в зеркале» (с. 109–110).

Изображение, отсылающее к внешности Башмачкина, воспроизводится повествователем, герой явно не воспринимает себя ничтожным и остается довольным тем, что увидел.

Сравним у Гоголя в «Шинели»: «...чиновник нельзя сказать чтобы очень замечательный, низенького роста, несколько рябоват, несколько рыжеват, несколько даже на-вид *подслеповат, с небольшой лысиной на лбу, с морщинами по обеим*

¹⁶ О. Г. Дилакторская, обращая внимание на эпизод визита Голядкина к Крестьяну Ивановичу, отмечает, в частности, что источником такой детали, как сигара у доктора, могли быть лубочные картинки, на которых дьявол часто изображался с сигаркой [Дилакторская, 1999, с. 230].

сторонам щек и цветом лица что называется геморроидальным [Гоголь, 1938, т. 3, с. 141].

При этом часть фразы – *фигура была именно такого незначительного свойства* – отсылает к другому фрагменту «Шинели», где обыгрывается выражение *значительное – незначительное лицо*: «Нужно знать, что одно значительное лицо недавно сделался значительным лицом, а до того времени он был незначительным лицом. Впрочем, место его и теперь не почиталось значительным в сравнении с другими еще значительнейшими. Но всегда найдется такой круг людей, для которых незначительное в глазах прочих есть уже значительное» [Гоголь, 1938, т. 3, с. 164] (курсив автора. – *Т. П.*).

А вот второй литературный двойник обнаруживается во внутренней речи Голядкина, где вполне очевидны маркеры другого героя:

«Вот бы штука была, – сказал господин Голядкин вполголоса, – вот бы штука была, если б я сегодня манкировал в чем-нибудь, если б вышло, например, что-нибудь не так, – *прыщик там какой-нибудь вскочил посторонний* или произошла бы другая какая-нибудь неприятность; впрочем, покамест недурно; покамест всё идет хорошо» (с. 109–110) – «Ковалев потянулся, приказал себе подать небольшое, стоявшее на столе, зеркало. Он хотел взглянуть на *прыщик*, который вчерашнего вечера вскочил у него на носу» [Гоголь, 1938, т. 3, с. 52]¹⁷.

Повествователь оперирует всем массивом прозы Гоголя, при этом фактура повествования почти нигде не деформируется, «стыков» и «швов» не ощущается. Единицы незакавыченного цитирования часто настолько малы, что не могут обеспечить фразового или даже минимально синтагматического тождества. Но и при ничтожно малом объеме исходная цитата слегка искажается за счет инверсии, замены того или иного слова, добавления. Вот только некоторые примеры.

«Я человек простой, незатейливый, и *блеска наружного* нет во мне» (с. 116) – «*Наружного блеска* они не любят (толстые. – *Т. П.*); на них фрак не так ловко скроен, как у тоненьких, зато в шкатулках благодать божия» [Гоголь, 1956, т. 6 (I), с. 51].

Голядкин после разговора с «известным лицом» в близкой ситуации с гоголевским героем: «...он был вынесен... был так убит, что не помнил, как его посадили в карету» (с. 186) – Башмачкин после разговора с его превосходительством: обмер и не мог стоять, «его вынесли почти без движения» [Гоголь, 1938, т. 3, с. 167].

То же касается и повтора гоголевских конструкций фразы типа «Наконец он слегка трепнул себя по подбородку, сказавши: “*Ах ты, мордашка эдакой!*”, и стал одеваться» («Мертвые души») [Гоголь, 1956, т. 6 (I), с. 161] – «*Эх ты, фигурант ты эдакой!* – сказал господин Голядкин, ущипнув себя окоченевшею рукою за окоченевшую щеку, – *дурашка ты эдакой, Голядка ты эдакой*, – фамилия твоя такова!..» (с. 132). Или: «Здесь учитель обратил всё внимание на Фемистоклюса и, казалось, *хотел ему вскочить в глаза*, но наконец совершенно успокоился и кивнул головою, когда Фемистоклюс сказал: “Париж!”» [Гоголь, 1956, т. 6 (I), с. 30] (Мертвые души) – «Господин Голядкин, который доселе, разговаривая с низу лестницы с Андреем Филипповичем, смотрел так, что, казалось, *готов был ему прыгнуть прямо в глаза*, – видя, что начальник отделения немного смешался, сделал, почти неведомо себе, шаг вперед» (с. 127).

Как и в случае с «очами», повествователь, зацепившись за какое-нибудь гоголевское слово, начинает использовать его иногда на протяжении всего текста,

¹⁷ В конце прыщик для Ковалева становится свидетельством, теперь желанным, наличия носа, в каком-то смысле удостоверением его самого: «“А посмотри, Иван, кажется, у меня на носу, как будто прыщик”, сказал он и между тем думал: “вот беда, как Иван скажет: да нет, судырь, не только прыщика, и самого носа нет!” Но Иван сказал: “ничего-с, никакого прыщика: нос чистый!”» (так. – *Т. П.*) [Гоголь, 1938, т. 3, с. 73].

добавляя различные обрамляющие конфигурации. Так, например, происходит с выражением «семенить ножками», которое вводится как характеристика манеры Чичикова и помещается в развернутом косвенном сопоставлении, характерном для Гоголя: «Он непринужденно и ловко разменялся с некоторыми из дам приятными словами, подходил к той и другой дробным, мелким шагом, или, *как говорят, семенил ножками*, как обыкновенно делают маленькие старички-щеголи на высоких каблуках, называемые мышинными жеребчиками, забегающие весьма проворно около дам» [Гоголь, 1956, т. 6 (I), с. 165].

Повествователь «Двойника», уже в единственном числе, снабжает «ножкой» обоих Голядиных и бесконечно варьирует производимые «ножкой» движения: «лягнул своей коротенькой ножкой»; «пришаркнул по полу ножкой»; «шаркнул ножкой»; «легко на язычок и на ножку»; «потом поднял ножку, потом как-то пришаркнул, потом как-то притопнул, потом споткнулся...»; «лягнет своей коротенькой, кругленькой, довольно, впрочем, дубоватенькой ножкой». Слово же «семенял» как характеристика походки Голядкина-младшего встречается в «Двойнике» совершенно в другом ряду, оно никак не связано с «исходным» выражением Гоголя, слегка изменено и словосочетание *мелким шагом – мелким шажком* относительно манеры Чичикова. Речь идет о походке «незнакомца», двойника, впервые увиденного Голядиным ночью: «Он тоже шел торопливо, тоже, как и господин Голядкин, был одет и укутан с головы до ног и, так же как и он, дробил и *семенял* по тротуару Фонтанки частым, *мелким шажком*, немного с притрусочкой» (с. 140). Как видим, «заимствование» раздробилось и рассредоточилось в разных фразовых конструкциях.

В сходных сюжетных ситуациях дублирование текста никак нельзя отнести на счет приращения смысла или пересемантизации. Это удвоение как таковое, перенос (например, объяснение майора Ковалева с Носом и объяснение Голядкина с двойником или сцена распекания в «Шинели» и «Двойнике»).

Следует отметить, что таким же образом, но, в отличие от гоголевских текстов, лишь единично, повествователь «поглощает» тексты и других авторов. При этом используемые фрагменты все равно попадают в оправу гоголевских конструкций. В качестве примера укажем на фрагмент V главы, в котором Голядкину в первый раз является двойник. Переводя стих «Медного всадника» в прозу, повествователь достраивает гоголевское петербургское пространство пушкинским: «Ночь была ужасная, ноябрьская, – мокрая, туманная, дождливая, снежливая, чреватая флюсами, насморками, лихорадками, жабами, горячками всех возможных родов и сортов – одним словом, всеми дарами петербургского ноября. Ветер выл в опустелых улицах, вздымая выше колец черную воду Фонтанки и задорно потрогивая тощие фонари набережной, которые в свою очередь вторили его завываниям тоненьким, пронзительным скрипом, что составляло бесконечный, пискливый, дребезжащий концерт, весьма знакомый каждому петербургскому жителю» (с. 138).

В «гоголевскую» гирлянду перечисления помещены знаки губительного наводнения: «Над омраченным Петроградом // Дышал ноябрь осенним хладом» – «Ветер выл в опустелых улицах, вздымая выше колец черную воду Фонтанки...» – «Уж было поздно и темно; // Сердито бился дождь в окно, // И ветер дул, печально воя» – «Эка погодка, – подумал герой наш, – чу! не будет ли наводнения? видно, вода поднялась слишком сильно» – «Он также думал, что погода // Не унималась; что река // Все прибывала; что едва ли // С Невы мостов уже не сняли» [Пушкин, 1975, т. 3, с. 258, 259].

Именно «Медный всадник», добавив, как и «Пиковая дама», транслирует «Двойнику» метафизическую тему хаоса и разрушения. «Неподвижная идея», мучающая героя, едва ли не цитатно наводит на пушкинское суждение, выраженное в «Пиковой даме»: «Две неподвижные идеи не могут вместе существовать

в нравственной природе, так же, как два тела не могут в физическом мире занимать одно и то же место» [Пушкин, 1975, т. 5, с. 216]. В «Двойнике» «неподвижной идеей» становится идея места, которое человек занимает в мире: «... странная претензия их и неблагородное фантастическое желание вытеснить других из пределов, занимаемых ими другими своим бытием в этом мире, и занять их место, заслуживают изумления, презрения, сожаления и, сверх того, сумасшедшего дома» (с. 184).

Заключая, хотелось бы привести одно «попутное» и косвенное соображение. Можно предположить, что именно за счет «навязчивых» и многократных повторов Достоевский создал обширный кластер гоголевских приемов, чем во многом «облегчил» изучение Гоголя с «технологической стороны». Эта мысль не покажется странной или спорной, если мы продолжим ее по аналогии с известным соотношением «классики – беллетристы». Как известно, произведения «второго ряда» ярче проявляют системность художественного языка того или иного направления. Отмечалось, например, что приемы поэтики романтизма «надежнее» изучать по произведениям подражательным или пародиям, поскольку большие художники никогда до конца не придерживаются «правил». В данном случае парадокс заключается в том, что эти «правила» языка Гоголя воспроизвел не менее крупный художник, пусть и начинающий. Поместив их в другую синтактику, если воспользоваться семиотическими категориями, в сороковые годы Достоевский именно так сформировал свой особый повествовательный язык, от которого, заметим, позже совершенно отказался. Может быть только «Господин Прохарчин» близок к «Двойнику» по той повествовательной манере, о которой шла речь.

Итак, попробуем сформулировать намеченные здесь подходы к выявлению повествовательного кода «Двойника», позволяющего «опознавать» технику письма Достоевского по элементам, находящимся как в пределах отрезка текста, так и в текстовом целом. Несколько заостряя мысль, выскажем гипотезу: ключом к повествовательному коду является своего рода центон, образованный из комбинации фрагментов гоголевских текстов. В данном случае понятие «центон»¹⁸ используется нами в расширенном понимании: с сохранением принципа тотальной составленности произведения из чужих текстовых фрагментов, но с поправкой на другой, не линейный, композиционный принцип. Его суть предварительно можно обозначить как многократное и многослойное структурное наложение различных «чужих» текстовых фрагментов в пределах одного сегмента повествовательного поля. Такое понимание повествовательной модели, реализованной Достоевским в «Двойнике», актуализирует вопрос об особом типе комментария к тексту.

В свое время большой интерес вызвала идея тотального комментария, изложенная А. П. Чудаковым в статье «К проблеме тотального комментария “Евгения Онегина”» [Чудаков, 2005, с. 210–237]. Концепция тотального комментария включает движение «от объяснения реалий к рассмотрению словесного плана романа, от него – к изучению в рамках стиха и строфы структурного взаимодействия словесных единиц» (в тыняновском смысле). Такой подход предполагает медленное невыборочное чтение-анализ, сплошное чтение, без пропусков, слово за словом, стих за стихом, строфа за строфой. В рецензии на эту статью В. Н. Базылев, поддерживая мысль А. П. Чудакова о необходимости комментария нового типа, выразил идею понимания комментария как метатекста, т. е. текста, который берет на себя задачу описания и истолкования текста как целого (в противовес коммен-

¹⁸ Слово, кстати сказать, отражающее «лоскутность» текста в буквальном смысле: от лат. *cento* – одежда или одеяло, сшитое из разнородных, разноцветных лоскутов.

тарию как толкованию «отдельных мест») ¹⁹. В нашем случае задача комментария только на уровне описания повествовательной структуры повести представляется трудноосуществимым делом, невозможным без выработки специальной методики научного описания. В настоящий момент этот вопрос может быть только поставлен.

Список литературы

<Аксаков К. С.> Три критические статьи господина Имярек. III. Петербургский сборник, изданный Некрасовым // Московский литературный и ученый сборник на 1847 год. М., 1847. Отд. критики.

Базылев В. Н. Три источника и три составных части комментария (доклад) // Семинар «Проблемы поэтического языка» / Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН. М., 2012. 23 окт. URL: http://www.ruslang.ru/?id=seminar_fateeva_chro-nicle (дата обращения 12.10.2018).

Белый А. Мастерство Гоголя. М.; Л., 1934.

Бем А. Л. У истоков творчества Достоевского. Грибоедов. Пушкин. Гоголь. Толстой и Достоевский. Прага, 1936.

Бем А. Л. Достоевский – гениальный читатель // Бем А. Л. Исследования. Письма о литературе. М., 2001.

Бочаров С. Г. Переход от Гоголя к Достоевскому // Бочаров С. Г. О художественных мирах. М., 1985.

Виноградов В. В. Стиль петербургской поэмы «Двойник» (Опыт лингвистического анализа) // Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы. Пг., 1922. Сб. 1.

Виноградов В. В. К морфологии натурального стиля (Опыт лингвистического анализа петербургской поэмы «Двойник») // Виноградов В. В. Поэтика русской литературы. М., 1976.

Викторович В. А. Гоголь в творческом сознании Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 1997. Т. 14.

Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 т. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 3; 1949. Т. 5; 1956. Т. 6 (I).

Диакторская О. Г. Петербургская повесть Достоевского. СПб., 1999.

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972. Т. 1.

Константинова Н. В. «Гоголевский текст» в ранних произведениях Ф. М. Достоевского: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006.

Меднис Н. Е. Сверхтексты русской литературы. Новосибирск, 2003.

Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1975.

Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы. Избранные труды. СПб., 2003.

Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.

Цейтлин А. Г. Повести о бедном чиновнике Достоевского (К истории одного сюжета). М., 1923.

Успенский Б. А. Поэтика композиции. СПб., 2000.

Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1985.

Чудаков А. П. Комментарий // Виноградов В. В. Поэтика русской литературы. М., 1976.

¹⁹ Исследователь поясняет эту мысль так: «Внешне фрагментарный, состоящий из отдельных статей, каждая из которых связана с другими лишь постольку, поскольку связаны комментируемые отрезки текста, не обладающий собственной структурой, но полностью заданный последовательностью развертывания комментируемого текста, комментарий в то же время должен прочитываться как целостная интерпретация некоторого единого, пусть чрезвычайно сложного содержания этого текста» [Базылев, 2012].

Чудаков А. П. К проблеме тотального комментария «Евгения Онегина» // Пушкинский сборник. М., 2005.

T. I. Pecherskaya

*Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation, ptatiana9@gmail.com*

**Playing Gogol: pastiche as a narrative code
(Dostoevsky's novel "The Double")**

The paper examines the history of reception (from contemporary to later researchers, in particular, formalists) of the novel "The Double" by Dostoevsky. In this novel, Gogol's influence on the young aspiring writer is clearly pronounced. The "total" character of Gogol's influence on early Dostoevsky is a philological axiom, with scholars interpreting it in different ways: in terms of style, plot, and character typology. The paper considers the narrative model of the novel. The proposed hypothesis is based on the idea of Gogol's texts ("The Nose", "Diary of a Madman", "The Overcoat", "Dead Souls") being extensively used in the novel, forming the narrative model of the story. Anonymous citation is considered to be a determining factor for the narrative model as a whole. The motivation for such a narrative model is given by the figure of the narrator, alter ego of the aspiring writer. The "humble narrator", author-dilettante, imitates Gogol, "unconsciously" balancing on the brink of parody, but never crossing the style line. Unskilled copying, being a result of excessive diligence of the follower, reproduces the model with absurd superfluity. The writing, composed of quotations from Gogol's texts and not marked out anywhere graphically, often distorted, creates the effect of a simple and ingenuous rewriting "from memory". The paper describes various units of unquoted citation and methods of their use. The inversion, distortion, addition, combination and others are considered as main methods of "processing" Gogol's fragments. A conclusion is drawn that pastiche, involving the fragments of Gogol texts, is key to the narrative code. The author uses the concept "pastiche" in a broad sense. The basic method of pastiche is retained: "seaming" or creating the narrative model from other text's fragments is saved but subject to another nonlinear compositional principle. The key point of the method can be defined as multiple and multilayered structural impositions of different other text's fragments within one segment of the narrative field. In conclusion, the question of the need for a special type of commentary on the text constructed in this way is actualized

Keywords: Dostoevsky, the novel "The Double", Gogol, narrative code, anonymous citation, pastiche.

DOI 10.17223/18137083/69/7

References

Aksakov K. S. *Tri kriticheskiye stat'i gospodina Imyarek. III. Peterburgskiy sbornik, izdannyy Nekrasovym* [Three critical articles by Mr. Name. III. St. Petersburg collection, published by Nekrasov]. In: *Moskovskiy literaturnyy i uchenyy sbornik na 1847 god* [Moscow literary and scientific collection in 1847]. Moscow, 1847. Otd. kritiki

Bazylev V. N. *Tri istochnika i tri sostavnykh chasti kommentariya (doklad)* [Three sources and three components of the commentary (report)]. In: *Seminar "Problemy poeticheskogo yazyka". In-t russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN. 23 oktyabrya 2012 g.* [Seminar "Problems of poetic language". V. V. Vinogradov Russian Language Institute RAS, October 23, 2012]. URL: http://www.ruslang.ru/?id=seminar_fateeva_chronicle (accessed 12.10.2018).

Belyy A. *Masterstvo Gogolya* [Creative writing of Gogol]. Moscow, Leningrad, 1934

Bem A. L. *U istokov tvorchestva Dostoevskogo. Griboedov. Pushkin. Gogol'. Tolstoy i Dostoevskiy* [At the origins of Dostoevsky's work. Griboedov. Pushkin. Gogol. Tolstoy and Dostoevsky]. Prague, 1936.

Bem A. L. *Dostoevskiy – genial'nyy chitatel'* [Dostoevsky is a brilliant reader]. In: Bem A. L. *Issledovaniya. Pis'ma o literature* [Researches. Letters about literature]. Moscow, 2001.

- Bocharov S. G. Perekhod ot Gogolya k Dostoevskomu [Transition from Gogol to Dostoevsky]. In: Bocharov S. G. *O khudozhestvennykh mirakh* [About art worlds]. Moscow, 1985.
- Chekhov A. P. *Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t.* [Complete works: in 30 vols]. Moscow, 1985.
- Chudakov A. P. Kommentariy [Commentary]. In: Vinogradov V. V. *Poetika russkoy literatury* [Poetics of Russian literature]. Moscow, 1976.
- Chudakov A. P. K probleme total'nogo kommentariya "Evgeniya Onegina" [To the problem of the total commentary on "Eugene Onegin"]. In: *Pushkinskiy sbornik* [Pushkin collection]. Moscow, 2005.
- Gogol' N. V. *Poln. sobr. soch. V 14 t.* [Complete works: in 14 vols]. AN SSSR, In-t rus. lit. (Pushkinskiy Dom). Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1938, vol. 3; 1949, vol. 5; 1956, vol. 6 (I).
- Dilaktorskaya O. G. *Peterburgskaya povest' Dostoevskogo* [Dostoevsky's novel about St. Petersburg]. St. Petersburg, 1999.
- Dostoyevskiy F. M. *Poln. sobr. soch.: V 30 t.* [Complete works: in 30 vols]. Leningrad, Nauka, 1972, vol. 1.
- Konstantinova N. V. "Gogolevskiy tekst" v rannikh proizvedeniyakh F. M. Dostoevskogo ["Gogol's text" in the early works of F. M. Dostoevsky]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Novosibirsk, 2006.
- Mednis N. E. *Sverkhsteksty russkoy literatury* [Super-texts of Russian literature]. Novosibirsk, 2003.
- Pushkin A. S. *Sobr. soch.: V 10 t.* [Collected works: in 10 vols]. Moscow, 1975.
- Toporov V. N. *Peterburgskiy tekst russkoy literatury. Izbrannye Trudy* [Petersburg text of Russian literature. Selected works]. Petersburg, 2003.
- Tynyanov Yu. N. *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. History of literature. Cinema]. Moscow, 1977.
- Tseytlin A. G. *Povesti o bednom chinovnike Dostoevskogo: (K istorii odnogo syuzheta)* [The story of the poor official Dostoevsky: (to the story of a plot)]. Moscow, 1923.
- Uspenskiy B. A. *Poetika kompozitsii* [Poetics of composition]. Petersburg, 2000.
- Vinogradov V. V. K morfologii natural'nogo stilya (Opyt lingvisticheskogo analiza peterburgskoy poemy "Dvoynik") [On the morphology of natural style (the Experience of linguistic analysis of the Petersburg poem "Double")]. In: Vinogradov V. V. *Poetika russkoy literatury* [Poetics of Russian literature]. Moscow, 1976.
- Vinogradov V. V. *Stil' peterburgskoy poemy "Dvoynik" (Opyt lingvisticheskogo analiza)* [The style of the Petersburg poem "Double" (Experience of linguistic analysis)]. In: F. M. Dostoyevskiy. *Stat'i i materialy* [Articles and materials]. Petrograd, 1922, coll. 1.
- Viktorovich V. A. Gogol' v tvorchestvom soznanii Dostoevskogo [Gogol in the creative consciousness of Dostoevsky]. In: *Dostoyevskiy: Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky: Materials and research]. Petersburg, 1997, vol. 14.

Л. Н. Синякова

Новосибирский государственный университет

**«Метельный» текст в прозе А. П. Чехова:
поэтика и функции**

«Метельный» текст представляет собой систему архетипических, мифопоэтических, сюжетных, мотивных и образных (символических) компонентов поэтики литературного явления. В статье исследуются репрезентации «метельного» текста в прозе А. П. Чехова. Предлагается прочтение «метельного» текста в его антропологической («Ведьма»), ценностной («На пути»), социально-моделирующей («Воры»), онтологической («Убийство») и жанровой («По делам службы») актуализациях.

Метель / буря как вариант архетипического хаоса представлена в предикативной (мотив) и актантной (смысловые структуры метаобраза) функциях. Метель индуцирует эмоции страха, тревоги и состояние сомнения в целесообразности жизни. Однако определяющим в сюжетной динамике произведений становится этическое самоопределение персонажа.

Ключевые слова: «метельный» текст, хаос, порядок, метаобраз, функции.

Введение

Начало изучению теоретической проблемы текста-концепта в русской литературе было положено в недрах московско-гартуской школы в 1970–1980-х гг. Выход в 1984 г. «Трудов по знаковым системам» с тематическим заголовком «Семиотика города и городской культуры» одновременно заявлял проблему и подводил ее первые итоги (см. [Топоров, 1984; Лотман, 1984] и др.; ср. существенно расширенную версию работы В. Н. Топорова [1995]). Наряду с понятием локальных или культурных текстов в литературоведении выдвинулось понятие архетипических текстов [Литературные архетипы..., 2001].

«Метельный» текст, входящий в блок текстов, реализующих семантику хаоса и его вариантов: бури, шторма, степи, моря и пр., – является одним из наиболее частотных в русской литературе. Разработка проблемы «метельного» текста русской литературы ведется в трех направлениях: в связи с литературными универсалиями (см. [Нагина, 2010; 2011; 2016] и др.), в соотношении с архетипическим метаобразом и архетипическим мотивом хаоса (см. [Мелетинский, 1994, Доманский, 1996; 2001] и др.) и в исследовании мотивной или образной репрезентации в повествовательных структурах, в частности в чеховском повествовании (см. [Собенников, 1998; Ларионова, 2013] и др.).

Синякова Людмила Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории и теории литературы Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия; scholast@ngs.ru)

В настоящей статье в той или иной степени привлекаются все три подхода; ведущим остается поэтологический подход, предусматривающий изучение поэтики произведения как системной целостности. Исследовательские процедуры в основном проводятся в соответствии с герменевтическими целями третьего подхода, однако аналитические выводы неизбежно выводят интерпретацию текста на уровень метатекстовых обобщений – таковые представлены в парадигматике архетипических образов и мотивов.

Материал статьи составили рассказы и повести А. П. Чехова разных лет: «Ведьма» (1886), «На пути» (1886), «Воры» (1890), «Убийство» (1895) и «По делам службы» (1899).

Стихия и антропология
«Метельный» текст в антропологическом прочтении:
«Ведьма»

В рассказе «Ведьма» описание зимней бури пропозиционально по отношению к сюжетному действию. Указывается, что «время шло к ночи» и «в поле была суцая война». «Трудно было понять, кто кого сживал со света и ради чьей гибели заварилась в природе каша, но, судя по неумолкаемому, зловещему гулу, кому-то приходилось очень круто. Какая-то победительная сила гонялась за кем-то по полю, бушевала в лесу и на церковной крыше, злобно стучала кулаками по окну, метала и рвала, а что-то побежденное выло и плакало...» [Чехов, 1984, т. 4, с. 375]¹. В завывании метели «звучал не призыв на помощь, а тоска, сознание, что уже поздно, нет спасения» (т. 4, с. 375). Семантика «конца» экстраполирует хаос в «человеческое» пространство – в одинокую сторожку дьячка Савелия Гыкина.

Старый и безобразный дьячок обвиняет жену в том, что она насылает непогоду и приваживает гостей, чтобы их оболстать. Временным референтом служит церковный календарь: канун пророка Даниила и трех отроков, память Алексея, человека Божия, на Спаса, перед Рождеством, точнее, «на десять мучеников в Крите». По мнению дьячка, эти совпадения изобличают «ведьму», ведь под праздник бесы особенно любят «кружить» путников. Неожиданно в сторожку дьячка стучатся заблудившиеся почтальон и ямщик. «Недаром дьяволила!» – изводится от ревности дьячок (т. 4, с. 379). Почтальон молод и красив; ямщик вносит его «почтальонную саблю», «похожую фасоном на тот длинный плоский меч, с каким рисуется на лубочных картинках Юдифь у ложа Олоферна» (т. 4, с. 380). Сюжет о Юдифи и умерщвленном ею ассирийском военачальнике иронически подсвечивает актуальную историю. Молодая дьячиха Раиса Ниловна с ее широкими плечами и «красивыми, аппетитными рельефами тела», толстой длинной косой, белой шеей и «жирными губами» – «Юдифь» – весьма соблазнительна (т. 4, с. 376).

Глядя на уснувшего почтальона, хозяйка непостижимо преображается: «Щеки ее побледнели, и взгляд загорелся каким-то странным огнем» (т. 4, с. 382). Ее привлек здоровый и сильный вид случайного гостя: «Ничего, что лицо было закрыто. <...> Грудь у него была широкая, могучая, руки красивые, тонкие, а мускулистые, стройные ноги были гораздо красивее и мужественнее, чем две “кулдышки” Савелия» (т. 4, с. 383). Плотское желание овладевает обоими – Раисой Ниловной и проснувшимся почтальоном, которому «было тепло стоять около дьячихи». Та же, пытливо заглядывала в глаза гостю, «словно собиралась залезть ему в душу» (т. 4, с. 384).

¹ В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием в круглых скобках тома и страницы.

Проводив почтальона, дьячиха вновь меняется: «Лицо ее исказилось ненавистью, дыхание задрожало, глаза заблестели дикой, свирепой злобой, и, шагая как в клетке, она походила на тигрицу, которую пугают раскаленным железом» (т. 4, с. 385). Ее ненависть вызвана неисполнимостью желаний, в том числе плотских, убогой обстановкой, презрением к дьячку и избытком телесных сил. Поэтому, когда последний возвращается, проводив путников до тракта, он торжествует, что «ворожба» не удалась: «Что жена его при помощи нечистой силы распорядилась ветрами и почтовыми тройками, в этом он уж больше не сомневался». Однако «эта таинственность, эта сверхъестественная, дикая сила придавали лежавшей около него женщине особую, непонятную прелесть <...> Оттого, что он по глупости, сам того не замечая, опозитизировал ее, она стала как будто белее, глаже, неприступнее...» (т. 4, с. 386). Последний раз обозвав Раису Ниловну ведьмой, он тем не менее не может справиться с ее телесным обаянием и любит ее спящей. Между тем «за окном все еще злилась вьюга. В печке, в трубе, за всеми стенами что-то плакало, а Савелию казалось, что это у него внутри и в ушах плачет» (т. 4, с. 385). Заметим, что, по наблюдению Г. П. Козубовской и М. Бузмаковой, сам Савелий – персонаж амбивалентный: дьячок, согласно ряду примет, «сам причастен к хтоническому миру» [Козубовская, Бузмакова, 2008, с. 289].

Двойная оптика, касающаяся обоих персонажей, определяет мифопоэтическую валентность их природы, что, в свою очередь, связано с главным метаобразом в поэтике рассказа – метелью. О мифопоэтической составляющей в рассказе писали многие исследователи (см, например: [Сендерович, 1994; Козубовская, Бузмакова, 2008; Нагина, 2010; Ларионова, 2013]). Нас же интересует антропологический аспект поэтики произведения.

В «Ведьме» метель / буря выстроена в мифопоэтическую параллель по отношению к телесной стихии персонажей. И гостем, и дьячихой, и хозяином овладевает разрушительная страсть, а поистине «ведьмовское» обаяние дьячихи стягивает вокруг «метельного» ядра соответствующий миробраз – «власть тьмы».

В поисках новой «веры» Метель как фактор смены ценностей: «На пути»

В рассказе «На пути» «метельная» семантика усложняется. Становится важным не телесный хаос, а душевное состояние героев. Застигнутые бушующей метелью на постоялом дворе в канун Рождества, случайные путники – Лихарев и барышня Иловайская – всю ночь беседуют о «способности веровать», заложенной в природе русского человека. Причем вера понимается как способность к самоотдаче, неважно чему – религии, идее, обществу или другому человеку. «Я так понимаю, что вера есть способность духа. Она все равно что талант: с нею надо родиться. <...> эта способность присуща людям в высочайшей степени. Русская жизнь представляет из себя непрерывный ряд верований и увлечений <...>. Если русский человек не верит в Бога, то это значит, что он верует во что-нибудь другое», – убежден Лихарев (т. 5, с. 468). Такого рода бесконечно меняющим «верью» человеком является сам собеседник Иловайской.

Лихарев признается, что на протяжении своей сорокадвухлетней жизни сменил множество «вер»: был увлечен наукой, нигилизмом, славянофильством, затем женщинами – сорагницами по очередной «вере», и было понятно, что именно «они были предметом его нового увлечения или, как сам он говорил, новой веры!» (т. 5, с. 473). Лихарев обладает в восприятии Иловайской такой же необоримой привлекательностью, которой обладала Раиса Ниловна в предыдущем анализированном нами рассказе, – однако эта привлекательность не телесная, а духовная, основанная на потребности жертвовать собой ради великого дела.

Буря предстает в рассказе «агрессивной» и мощной: «Что-то бешеное, злобное, но глубоко несчастное с яростью зверя металось вокруг трактира и старалось врываться вовнутрь. <...> оно то грозило, то умоляло, а то утихало ненадолго <...> Во всем этом слышались и злобствующая тоска, и неудовлетворенная ненависть, и оскорбленное бессилие того, кто когда-то привык к победам...» (т. 5, с. 463). Такая непогода покоряет себе все обитаемое пространство: «Очарованная этой дикой, нечеловеческой музыкой, “проезжающая” (комната для гостей. – Л. С.), казалось, оцепенела навеки» (т. 5, с. 463). Подобное подчинение хаосу индуцирует и Лихарев. «Если б я был только несчастлив, то я возблагодарил бы Бога <...> как часто в своих увлечениях я был нелеп, далек от правды, несправедлив, жесток, опасен! Как часто я всей душой ненавидел и презирал тех, кого следовало бы любить, и – наоборот», – признается герой (т. 5, с. 471). Ломая судьбы (монашеники, которая стала нигилисткой и стреляла в жандарма; жены, следовавшей за ним повсюду и менявшей, «как флюгер», «веры»; матери, отдающей последние деньги несчастному сыну), Лихарев вносит в человеческий мир такой же хаос, какой метель вносит в покорную ей природу.

Увлечкаясь красноречием и энергичностью путника Иловайская была почти готова следовать за ним и тоже, видимо, менять объекты поклонения. Ее реакция на исповедь Лихарева восторженная и изобличает почти влюбленность в идеолога разных «вер». «Иловайская медленно поднялась, сделала шаг к Лихареву и впиалась глазами в его лицо. Первый раз в жизни Иловайская видела перед собой человека увлеченного, горячо верующего. <...> он казался ей безумным, иступленным, но в огне его глаз, в речи, в движениях всего большого тела чувствовалось столько красоты, что она, сама того не замечая, стояла перед ним, как вкопанная <...>» (т. 5, с. 473). Когда Лихарев спрашивает, готова ли его слушательница пойти на северный полюс за человеком, которого полюбит, Иловайская признается: «Да, если... полюблю» (т. 5, с. 473). Учитывая обстоятельства рождественской ночи, случайная встреча в «проезжающей» представляется Иловайской знаком судьбы. Напомним: время от Рождества до Крещения в культурной практике подавляющего большинства русской нации отводилось святочным обрядам и считалось временем сосуществования и взаимодействия в быту профанного и сакрального начал. Рождественский и святочный сюжеты взаимопроницаемы, поскольку период святок вбирает в себя элементы нескольких календарных систем, в том числе наложившегося на языческий праздник Коляды православного Рождества [Капинос и др., 2006, с. 7–8]. «Исконный святочный сюжет организован вокруг матримониальной ситуации, ибо Святки в народном сознании – время устройства личной судьбы <...> центром святочного сюжета является поиск жениха <...>», – утверждают исследователи [Там же, с. 8].

Иловайская ожидает положенного в рождественскую ночь чуда: «Потемки, колокольный звон, рев метели, <...> несчастный Лихарев и его речи – все это <...> выростало в одно громадное впечатление, и мир Божий казался ей <...> полным чудес и чарующим» (т. 5, с. 474). Проснувшись наутро, Иловайская обнаруживает вполне обыкновенный, а не героический облик человека, вдохновенно излагавшего накануне свои «символы веры», и собирается ехать дальше, в имение к отцу и брату. «После ночных разговоров он уж казался ей не высоким, не широкоплечим, а маленьким, подобно тому, как нам кажется маленьким самый большой пароход, про который говорят, что он переплыл океан» (т. 5, с. 475). Сверхчеловеческий масштаб личности и сама фигура собеседника деформируются при свете дня и становится «слишком человеческим». Иловайская покидает постоянный двор, втягиваясь в обычную жизнь, а встреча с Лихаревым остается для нее лишь рождественским эпизодом. Присущего «метельному» тексту симбиоза стихии-метели и судьбы не произошло.

Таким образом, в рассказе «На пути» «метельный» текст сюжетно стянут к событию перемены мироощущения, произошедшей в витальном существе героини. Но оттого, что базовая эмоция этого персонажа была эмоцией восторга и радостного приятия «истины» и ее носителя, перемена оказалась кратковременной. Несомненно, она повлияла на личность героини, но не явилась фатальной, частотной для «метельных» сюжетов. Действительно, герои следуют дальше своему пути и своей судьбе. Они разъезжаются, и Лихареву кажется, что «еще бы два-три хороших, сильных штриха, и эта девушка простила бы ему неудачи, старость, безделье и пошла бы за ним, не спрашивая, не рассуждая» (т. 5, с. 477). Метель же становится, наряду с обоими персонажами, актором в действии убеждения – приятия – осмысления нового опыта, составившем сюжет рассказа.

Смена социальной роли: «метельный» текст в рассказе «Воры»

В рассказе «Воры» реализован основной для русской литературы «метельный» комплекс – метель-судьба (см., например, [Собенников, 1998; Нагина, 2016]). Сюжетное время в рассказе – святки, соответственно усиливается провиденциальное значение событий в человеческой жизни. Ведущий персонаж рассказа – фельдшер Ергунов, «человек пустой, известный в уезде за большого хвастуна и пьяницу», – возвращаясь вместе с товаром для больницы на лучшей казенной лошади, был застигнут метелью и пристал к постоялому двору Чирикова, про которого сообщается, что он был недавно убит ямщиками. «Двор пользовался дурной славой, и заехать в него поздно вечером, да еще с чужой лошадей, было небезопасно» (т. 7, с. 311). Экспозиция, по сути, задает сюжетную логику рассказа. Ергунов будет ограблен, лошадь у него уведет лихой человек Мерик. Последний – известный конокрад, пришлый, смуглый; Ергунов решает, что он цыган. Мерик – чужой, функционально близкий к святочному черту. Он исчезает под утро вместе с лошадей, на которой приехал Ергунов. Фельдшер изо всех сил старается в компании темных людей «показать, что он тоже ничего не боится», однако на него не обращают внимания. Слишком тщедушна фигура проезжего, и слишком ничтожен его характер.

Солидный Калашников, «вор, бессердечный вор, обирающий мужиков, который уже два раза сидел в остроге» (т. 7, с. 318), Мерик и хозяйская дочка Любка создают вокруг себя тот праздничный хаос, которого так не хватало Ергунову. Похожая на состязание пляска нарядной Любки и Мерика, во время которой «вместо Любки мелькало только одно красное облако, да сверкали темные глаза, а у Мерика, того и гляди, сейчас оторвутся руки и ноги» (т. 7, с. 320), вдохновляет Ергунова на такое же нарушение всех социальных норм и предписаний, которое свойственно этим вольным людям. ««Ах, что за огонь-девка! <...> Что за жар! Отдай все, да и мало...» И он жалел: зачем он фельдшер, а не простой мужик? Зачем на нем пиджак и цепочка с позолоченным ключиком, а не синяя рубаха с веревочным пояском? Тогда бы он мог смело петь, плясать, пить, обхватывать руками Любку, как это делал Мерик...» (т. 7, с. 319–320).

Хаос, творимый внутри избы, выстраивается в смысловую эквивалентность с вихревым движением метели вне ее: «Белые облака, цепляясь своими длинными хвостами за бурьян и кусты, носились по двору, а <...> в поле великаны в белых саванах <...> кружились и падали, и опять поднимались, чтобы махать руками и драться. А ветер-то, ветер!» (т. 7, с. 320). Именно в эту белую мглу уходит Мерик с больничной лошадей, а Любка заканчивает его дело – ворует сумку с лекарствами и деньгами. Кружение стихии захватывает всех фигурантов этой рождественской истории. Недаром фельдшер не может разобраться, бороться ему со злобной Любкой, удерживающей его, пока Мерик крадет его лошадь и седло,

или обнять ее: «Фельдшер схватил ее за сорочку около шеи и рванул; и тут же не выдержал и изо всех сил обнял девку. А она, шипя от злости, <...> ударила его кулаком по темени» (т. 7, с. 324). Вьюга стихает к утру, когда действительно все оказывается позади.

Ограбленный Ергунов плетется назад в больницу и размышляет о том, что, по сути, он жил ненастоящей жизнью – в ней ценятся социальные роли, символические знаки присутствия человека в мире, и она аннигилирует природу человека: «...к чему на этом свете доктора, фельдшера, купцы, писаря, мужики, а не просто вольные люди? Есть же вольные птицы, вольные звери, вольный Мерик, и никого они не боятся, и никто им не нужен! И кто это выдумал, <...> что вставать нужно утром, обедать в полдень, ложиться вечером, что доктор старше фельдшера, что надо жить в комнате и можно любить только жену свою?» (т. 7, с. 324–325). «И про себя он теперь думал так, что если сам он до сих пор не стал вором, мошенником или даже разбойником, то потому только, что не умеет или не встречал еще подходящего случая» (т. 7, с. 325).

Отменив для себя социальные директивы и регламенты, изгнанный из больницы фельдшер становится вольным человеком. Полтора года спустя опустившийся Ергунов, только что пропивший краденый самовар, думает все о том же разделении людей на правильных и неправильных: «Почему трезвый и сытый покойно спит у себя дома, а пьяный и голодный должен бродить по полю, не зная приюта? Почему тот, кто не служит и не получает жалованья, тот непременно должен быть голоден, раздет, не обут? <...> Почему же птицы и лесные звери не служат и не получают жалованья, а живут в свое удовольствие?» (т. 7, с. 325). Хаос давнишней рождественской ночи продолжается в пожаре, который уничтожает постоянный двор Чирикова. Вспомнив угрозу Мерика убить Любку и ее старуху-мать, разыскать их деньги и поджечь двор, Ергунов завидует Мерика. Того ждет вольная жизнь на Кубани, где, в представлении бывшего фельдшера, отменены все условности и ограничения. И позавидовавший чужой воле Ергунов думает: «...хорошо бы забраться к кому побогаче!» (т. 7, с. 326).

«Метельный» текст в этом рассказе организует не только святочный сюжет, но и сюжет элиминации социальности в жизнестроении героя. Модель социально нормального как системы запретов опровергается практикой вольного существования, в котором воровство и убийство так же естественны, как служба и устройство семейного дома. Так метель становится одним из поводов к социальному краху персонажа: хаос природный, распространившись в рождественскую ночь в «человеческую» сферу, «перенаправил» его судьбу. Асоциальность «воров» с постоянного двора экстраполируется на мир «благополучных» людей. Ергунов маргинализируется, выбрав для себя иную, «хаотическую» модель жизни.

Онтология жизни-стихии в повести «Убийство» Метель как символ страха жизни

В исследуемой повести «метельный» текст интерпретируется нами в качестве катализатора основного действия. Разлад в доме Тереховых – Матвея и его двоюродных брата и сестры, стариков Якова и Аглаи, – объясняется константой всеобщей ненависти друг к другу, однако метель создает, в числе других факторов, имперсональное настроение неопределенности, зыбкости существования. Задержавшаяся зима удерживает людей в «сумеречной», переходной / пограничной экзистенции: «...Несмотря на то, что уже был конец марта, шел снег и лес шумел по-зимнему <...>. Погода располагала и к скуке, и к ссорам, и к ненависти <...>» (т. 9, с. 146).

Метель в повести не является жанровым маркером святочного текста. Достаточно необычна координация «метельного» текста и времени Великого поста.

Между тем оно настойчиво фиксируется: начало сюжетного времени относится к кануну Благовещения, в самый праздник Благовещения Матвей рассказывает о своей давнишней ереси – в этом метадиегезисе отречение от ереси происходит в чистый понедельник; убийство Матвея братом и сестрой случается в Страстной понедельник. Заданная в темпоральной структуре сюжета семантика покаяния и смирения онтологически первична по отношению к воссозданному в фиктивной реальности «кромешному миру» зла и разрушения.

Тереховы впадают в грех самости в форме богоискательства – это родовое проклятие всей фамилии: «Тереховы вообще всегда отличались религиозностью, так что им даже дали прозвище – Богомолы. Но <...> оттого, что они жили особняком <...> и до всего доходили своим умом, они были склонны к мечтаньям и колебаниям в вере, и почти каждое поколение верило как-нибудь особенно» (т. 9, с. 143). Бабка Авдотья держалась старой веры; ее внуки, отцы Матвея и Якова, «понимали Писание не просто, а все искали в нем скрытого смысла»; правнуки также отклонились от канонической веры: Матвей создал секту и «едва не погиб», а Яков с Аглаей в церковь не ходили, не доверяя попам, и отправляли все церковные службы дома (т. 9, с. 143–144). «Якова Иваныча не любили, потому что когда кто-нибудь верует не так, как все, то это неприятно волнует даже людей равнодушных к вере», – сообщает повествователь (т. 9, с. 142). И неприязнь окружающих к «Богомолы», и ненависть Якова и Аглаи к Матвею, и «учительные» воззвания Матвея к брату – покаяться и «образумиться» – представляют собой флуктуации хаоса, одной из форм которого является буря / метель, «вдохновительница» человеческого нестроения в повести.

Метель, как природное явление, в повести не так сильна, как «классические» святочные или в целом зимние бури. Однако рассказ начинается с «метельного» контекста церковного праздника: «На станции Прогонной служили всенощную. <...> Все стояли в безмолвии, очарованные блеском огней и воем метели, которая ни с того ни с сего разыгралась на дворе, несмотря на канун Благовещения» (т. 9, с. 133).

Однако редуцированный образ метели пунктирно пронизывает повествование. Отмечается валящий снег, который пугает Якова возникающими в это время мыслями: «...жизнь стала казаться ему странною, безумною и беспросветною, как у собаки; <...> что-то давило ему голову и плечи, будто сидели на них бесы, и ему казалось, что это ходит не он, а какой-то зверь, громадный, страшный зверь, и что если он закричит, то голос его пронесется ревом по всему полю и лесу и испугает всех...» (т. 9, с. 150–151). «Бестиарность» образа Якова в этом фрагменте соответствует тревожному ожиданию весны в природе, «когда чувствуется вся эта пустота кругом, вся тоска медленно текущей жизни» (т. 9, с. 133). Природа индуцирует хаос как бытийное состояние борьбы («бесы») и раздвоения («...ходит не он, а какой-то зверь...»). Именно в этот мрачный вечер Яков с Аглаей убивают брата в стремлении восстановить утраченный его «обличениями» покой: «...Яков перестал чувствовать злобу и понял, что произошло» (т. 9, с. 153).

Мотив страха в повести связывает самоощущение Матвея и Якова, который сначала, под влиянием впечатлений от проповеднического пафоса Матвея, боялся не удостоиться царства небесного, а потом пугался злорадства толпы, когда настанет момент и его поведут на суд. Матвей же испытывает страх по отношению к буре: «...шел крупный снег; он быстро кружился в воздухе <...>. А дубовый лес <...> издавал суровый, протяжный шум. Когда сильная буря качает деревья, то как они страшны!» (т. 9, с. 136). Матвей, подобно Якову, теряет чувство реальности и «раздваивается»: «Вдруг показалась небольшая лошаденка, облепленная снегом, <...> и мужик с окутанною головой, тоже весь белый <...>. Матвей оглянулся, но уже не было ни саней, ни мужика, как будто все это ему только примерщилось, и он ускорил шаги, вдруг испугавшись, сам не зная чего» (т. 9, с. 136).

Кружение снега и неистовство ветра актуализируют присущее символике метели «бесовское» значение: «Шлагбаум поднят, и около намело целые горы, и, как ведьмы на шабаше, кружатся целые облака снега», – а поодаль из трактира Якова Терехова «брезжит огонек» (т. 9, с. 136). Возникает один из святочных мотивов одинокого огонька, на который прибываются путники; чаще всего это постоялый двор, – дом Якова тоже бывший постоялый двор, построенный еще прабабкой Авдотьей. Мотив метели стягивает в пучок мотивы-координаторы: одинокое пристанище, чреватое страшными происшествиями, бесовское кружение, образы-фантомы, двойная оптика – раздвоение либо сознания персонажа, либо самой действительности.

В последней, седьмой главе повести Яков на каторге, на Сахалине, нагледевшись на страдания людей, «опять стал возноситься к Богу, и ему казалось, что он, наконец, узнал настоящую веру» (т. 9, с. 160). Он недоумевает, «почему эта простая вера, которую другие получают от Бога даром вместе с жизнью, досталась ему так дорого <...>» (т. 9, с. 160). Обстоятельным мотивом для финальных размышлений персонажа является буря – стонущее море, мгла и свирепый ветер. Последняя синтагма в повествовании «Вероятно, начинался шторм» – возвращает к «метельной» семантике бури, беспокойствия и нестроения. Вместе с тем обретенная вера Якова потенцирует дуализм жизни. Метель, несмотря на ослабленность ее варианта в повествовательной структуре произведения, сохраняет свои родовые качества мотива испытания, искушения и диффузного / миражного видения мира. В качестве образа-символа метель здесь предстает субстанцией страха жизни – всех ее неожиданных и трагических поворотов.

Метель как жанровый конструкт «рассказа открытия»: «По делам службы»

В рассказе «По делам службы» следователь Лыжин вместе с доктором Старченко едут на вскрытие тела самоубийцы. «По дороге их захватила метель, они долго кружили и приехали к месту не в полдень, как хотели, а только к вечеру, когда уже было темно» (т. 10, с. 86). Мотив метели вводится в повествование как мотив помехи, препятствия. Именно задержавшая Лыжина на месте проведения следствия метель и явилась жанровым условием «рассказа открытия» – не будь метели, должностные лица вернулись бы в тот же вечер, и не состоялось бы «переворота» в мировоззрении Лыжина. Напомним: чеховский «рассказ открытия» требует внезапного, вызванного часто незначительным «толчком», переосмысления прежнего – «наивного, или прекраснородушного, или шаблонного, или привычного, или беспечного, или устоявшегося» представления о жизни – и «открытия» ее сложности и запутанности [Катаев, 1979, с. 11].

Лыжин, вынужденный задержаться в избе, в которой лежит покойный земский агент, поначалу недовольно размышляет о предстоящей скуке и неудобстве ночлега в холодном помещении, затем поневоле начинает присматриваться к окружающей его обстановке. Слушая рассказ сотского Лошадина, Лыжин узнает прежде неведомые ему стороны мужичьей жизни. Сотский рассказывает про то, что он ходит с казенными бумагами уже тридцать лет, и то его по его недомыслию привлекают к суду за мошенничество, а потом оправдывают, то его бьет по шее арестант, которого он сопровождал в город; затем передает историю застрелившегося Лесницкого, ради которого собрались в черной избе доктор, следователь и сотский; последняя рассказанная сотским история – история падения его, некогда зажиточного и хозяйственного мужика, на самое дно крестьянской социальной иерархии – в сотские, – оттого что сыновья его горькие пьяницы.

Еще недавно мечтавший о столицах, где люди счастливы и «ходят по освещенным улицам, не замечая непогоды», Лыжин невольно сравнивает свое, еще

недавно казавшееся таким безысходным, положение с положением таких «низовых» людей, как Лошадин. Он понимает, что его несчастье прозябания в провинции – временное, ненастоящее, и что рядом находится огромное множество подлинно несчастных людей: «Лыжин слушал и думал о том, что вот он, Лыжин, уедет рано или поздно в Москву, а этот старик останется здесь навсегда и будет все ходить и ходить; и сколько еще в жизни придется встречать таких <...> “нестоящих” стариков, у которых в душе каким-то образом крепко сжились пятиалтынничек, стаканчик и глубокая вера в то, что на этом свете неправдой не проживешь» (т. 10, с. 92).

Метель в событиях рассказа является и жанровым условием, при котором «открытия» бы не состоялось, и детерминантой психологического состояния Лыжина. Подавленный убогой обстановкой избы и удрученный своей незадавшейся судьбой, молодой следователь демонстрирует то, что в драматургическом творчестве автора называется «эффектом отсутствия» (Н. И. Фадеева). Он мечтает о Москве и ментально пребывает там (отметим, что в первом фрагменте о воображаемой жизни в столице субъектами разочарования-мечтания становятся и Лыжин, и уездный врач: «...они оба думали о том, как все это непохоже на жизнь, которой они хотели бы для себя и о которой когда-то мечтали <...> О, как дорого они дали бы теперь, чтобы только пройтись по Невскому или по Петровке в Москве <...>» (т. 10, с. 88). Этим мечтам вторит завывание бури: «У-у-у-у! – пела метель на чердаке, и что-то снаружи хлопало злобно, должно быть, вывеска на земской избе. – У-у-у-у!» (т. 10, с. 88). Неистовство вьюги вновь вызывает в существе Лыжина подобный «эффект отсутствия» после беседы с сотским: «У-у-у-у! – пела метель. – Ба-а-а-тюшки! – провыла баба на чердаке, или так только послышалось. – Ба-а-а-тюшки мои! – Ббух! – ударило что-то снаружи о стену. – Трах! Следователь прислушался: никакой бабы не было, выл ветер» (т. 10, с. 92). Затем описывается настроение Лыжина. Он ассоциативно связывает событие «плачущей» метели и состояние своего недовольства жизнью: «...как все это было далеко от той жизни, какой он хотел для себя <...> и как все это было чуждо для него, мелко, неинтересно. Если бы этот человек убил себя в Москве или где-нибудь под Москвой и пришлось бы вести следствие, то там это было бы интересно, важно <...> тут же, за тысячу верст от Москвы, все это как будто иначе освещено, все это не жизнь, не люди, а что-то существующее только “по форме”, как говорит Лошадин» (т. 10, с. 92).

Буря снова вмешивается в размышления Лыжина, и он неожиданно припоминает самоубийцу; а затем доктор Старченко увозит его к своему знакомому фон Тауницу. Дорога, согласно конвенциям «метельного» текста, запутана; кучер два раза сбился с пути, но наконец путники достигли усадьбы. Отметим эмоцию страха, вызванную шумом деревьев – в повести «Убийство» буря в лесу также испугала Матвея Терехова: «Здесь деревья шумели гулко, страшно, и не было видно ни зги, точно неслись куда-то в пропасть <...>» (т. 10, с. 96). И в доме помещика Лыжин не может избавиться от тревожного чувства: «И скучные мысли мешали ему веселиться, и он все думал о том, что это кругом не жизнь, а клочки жизни, <...> что все здесь случайно, никакого вывода сделать нельзя», а в столице, в «культурной среде» «ничто не случайно, все осмысленно, законно и <...> всякое самоубийство понятно, и можно объяснить, какое оно имеет значение в общем круговороте жизни» (т. 10, с. 97).

Но вьюга выла в барском доме точно так же, как в крестьянской избе, – «У-у-у-у!», – и Лыжин начинает подсознательно связывать воедино разрозненные сегменты жизни («клочки жизни»). Во сне, причудливо преломившем впечатления вечера, к Лыжину приходит ответ о целесообразности жизни, о связи «всего со всем». Он видит самоубийцу Лесницкого и сотского Лошадина, и, преодолевая метель (которая сопутствует Лыжину и во сне), они идут и повторяют: «Мы идем,

мы идем, мы идем... Вы в тепле, вам светло, а мы идем в мороз, в метель <...> Мы несем на себе всю тяжесть этой жизни, и своей, и вашей <...>» (т. 10, с. 99). Происходит событие «открытия»: проснувшийся Лыжин осознает, что «ничто не случайно, все полно одной общей мысли, все имеет одну душу», и чтобы понимать связь между всеми, «надо <...> иметь дар проникновения в жизнь, дар, который, очевидно, дается не всем» (т. 10, с. 99). Сон повторяется несколько раз. На следующий день, слушая разговоры доктора с хозяином о характере русских людей, которые стеснены долгими зимами, Лыжин досадует, потому что он уже почувствовал связь с теми людьми, о которых они снисходительно беседовали. «Ну, какую тут можно вывести мораль? Метель и больше ничего...» – заключает Лыжин (т. 10, с. 100).

Можно констатировать внутреннее преображение персонажа, обнаружившего логику жизни в связи всех отдельных существований. «Метельный» текст, как мы уже отметили, выполняет в рассказе функцию жанрового импульса, обуславливающего, в числе других факторов, жанровое содержание «рассказа открытия».

Выводы

«Метельный» текст является одним из значимых элементов поэтики А. П. Чехова. Архетипически соотносимый с универсалией хаоса, этот вид текстов-концептов занимает сильные позиции в архитектонике чеховских повестей и рассказов, являясь одновременно мотивом и компонентом авторской модели мира. В силу своей знаковости «метельный» текст организует, в той или иной степени, разные уровни названной модели: от антропологического («Ведьма») до онтологического («Убийство»). Функционально метель в рассмотренном нами корпусе текстов является жанровой составляющей («По делам службы»), «инициатором» изменения социальной роли («Воры») или ценностных воззрений персонажа («На пути»). Конструктивной функцией «метельного» текста в прозе А. П. Чехова, объединяющей все проанализированные произведения в системно-ценностное единство, является функция активизации этического самоопределения персонажа. Автор соотносит этическую позицию героев с событиями «живой жизни», и «метельный» текст становится одним из весомых аргументов в пользу стихийного и амбивалентного характера жизни. Герой проходит испытание духовным или эмоциональным опытом, становясь другим («На пути», «Воры», «Убийство», «По делам службы») или останавливаясь в поиске иной жизни («Ведьма»).

Список литературы

Доманский Ю. В. Архетипический мотив зимней вьюги в прозе А. С. Пушкина и рассказе А. П. Чехова «Ведьма» // Материалы междунар. пушкинской конференции. Псков: Псков. гос. ун-т, 1996. С. 200–205.

Доманский Ю. В. Смыслообразующая роль архетипических значений в литературном тексте: Пособие по спецкурсу. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. 94 с.

Капинос Е. В., Проскурина Е. Н., Ромодановская Е. К. Предисловие // Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы. Экспериментальное издание. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. Вып. 2. С. 3–17.

Катаев В. Б. Проза Чехова: Проблемы интерпретации. М.: Изд-во МГУ, 1979. 326 с.

Козубовская Г. П., Бузмакова М. Рассказ А. П. Чехова «Ведьма»: жанровый архетип // Культура и текст. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2008. С. 287–298.

Ларионова М. Ч. «Я стала ведьмой от горя и бедствий, поразивших меня»: рассказ А. П. Чехова «Ведьма» // Творчество А. П. Чехова: Рецепции и интерпрета-

ции: Сб. материалов Междунар. науч. конф. Ростов н/Д: Изд-во «Foundation», 2013. С. 97–106.

Литературные архетипы и универсалии. М.: РГГУ, 2001. 433 с.

Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Труды по знаковым системам. Тарту: Тартуский ун-т, 1984. Вып. 18. С. 30–45.

Мелетинский Е. М. Трансформации архетипов в русской литературе (Космос и Хаос, герой и антигерой) // Литературные архетипы и универсалии. М.: РГГУ, 2001. С. 150–224.

Нагина К. А. Метель // Русские литературные универсалии (типология, семантика, динамика): Коллект. моногр. / Отв. ред. А. А. Фаустов. Воронеж: Науч. кн., 2011. С. 130–192.

Нагина К. А. Семантика метели в рассказе А. П. Чехова «Ведьма» (пушкинский и толстовский коды в авторском преломлении) // Вестник Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 6 (12). С. 131–138.

Нагина К. А. Универсалии русской литературы (метель, горы, сад, дом): Учеб. пособие. Воронеж: ИД ВГУ, 2016. 162 с.

Сендерович С. Я. Чехов – с глазу на глаз. История одной одержимости: Опыт феноменологии творчества. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994. 287 с.

Собенников А. С. Судьба и случай в русской литературе: от «Метели» А. С. Пушкина к рассказу А. П. Чехова «На пути» // Чеховиана. Чехов и Пушкин. М.: Наука, 1998. С. 137–144.

Топоров В. Н. Петербург и петербургский текст русской литературы (Введение в тему) // Труды по знаковым системам. Тарту: Тартуский ун-т, 1984. Вып. 18. С. 4–29.

Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М.: Изд. группа «Прогресс» – «Культура», 1995. С. 259–367.

Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. М.: Наука, 1984. Т. 4. 544 с.; Т. 5. 703 с.; 1985. Т. 7. 733 с.; Т. 9. 543 с.; 1986. Т. 10. 495 с.

L. N. Sinyakova

*Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation
scholast@ngs.ru*

Snowstorm text in A. P. Chekhov's prose: poetics and functions

The paper regards the phenomenon of the so-called snowstorm text in Chekhov's prose. A snowstorm text is based on the archetypal meanings of chaos. The range of snowstorm valency is undoubtedly wide: snowstorm as one of the major archetypal concepts in Russian literature is related to the concepts of doom, choice, miracle, etc. The remarkable potential of snowstorm texts is manifested in Yuletide-themed plots. A representative number of Chekhov's texts has been studied to prove their functional and semantic significance in his creative work: "The Witch," "On the Road" (both written in 1886), "The Thieves" (1890), "The Murder" (1895) and "On Official Business" (1899). In the first short story, a snowstorm is connected with the anthropological features of the main character. The deacon's wife seems to possess incredible feminine attractiveness, and winter snowstorm gives her a chance to lure her guests. In the short story "On the Road," snowstorm follows Christmas Eve, and some kind of miracle happens when the female protagonist comprehends the outlook of another character named Licharev. The short story "Thieves" reveals a certain social complex in the main hero's inner world. Snowstorm constructs the circumstance context in the narrative. If the snowstorm had never happened, nothing would have mattered to Ergunov, and he would have never known his real social (asocial in his case)

role. “The Murder” and “On Business” represent the character’s turn to religious belief (“The Murder”) or need for social responsibility. Summing up, a snowstorm text induces existential doubts and other basic emotions in characters. It helps them to understand the deepest meanings of life.

Keywords: snowstorm text, chaos, order, symbolic image, functions.

DOI 10.17223/18137083/69/8

References

- Chekhov A. P. *Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t. Sochineniya: V 18 t.* [Complete works and Letters: in 30 vols. Works: in 18 vols]. Moscow, Nauka, 1984, vol. 4, 544 p., vol. 5, 703 p., 1985, vol. 7, 733 p., vol. 9, 543 p., 1986, vol. 10, 495 p.
- Domanskiy Yu. V. Arkhetipicheskiy motiv zimney v’yugi v proze A. S. Pushkina i rasskaze A. P. Chekhova “Ved’ma” [The archetypical motif of winter snowdrift in A.S. Pushkin’s prose and A. P. Chekhov’s short story “The Witch”]. In: *Materialy mezhdunar. pushkinskoy konferentsii* [Proceedings of the International Pushkin Conference]. Pskov, 1996, pp. 200–205.
- Domanskiy Yu. V. *Smysloobrazuyushchaya rol’ arkhetipicheskikh znacheniy v literaturnom tekste: Posobiye po spetskursu* [Sense-making role of archetypical meanings in literary text]. Tver’, TverSU, 2001, 94 p.
- Kapinos E. V., Proskurina E. N., Romodanovskaya E. K. Predisloviye [Preface]. In: *Slovar’ ukazatel’ syuzhetov i motivov russkoy literatury* [Glossary of the plots and motifs Russian literature]. Novosibirsk, SB RAS Publ., 2006, iss. 2, pp. 3–17.
- Katayev V. B. *Proza Chekhova: Problemy i interpretatsii* [Chekhov’s prose. Problems and interpretations]. Moscow, MSU Publ., 1979, 326 p.
- Kozubovskaya G. P., Buzmakova M. Rasskaz A. P. Chekhova “Ved’ma”: Zhanrovyy arkhetyip [A. P. Chekhov’s short story “The Witch”. Archetype of genre]. In: *Kul’tura i tekst* [Culture and text]. Barnaul, BSPU Publ., 2008, pp. 287–298.
- Larionova M. Ch. “Ya stala ved’moy ot gorya i bedstviy, porazivshikh menya”: rasskaz A. P. Chekhova “Ved’ma” [“I became a witch because of sorrow and troubles which shook me. A. P. Chekhov’s short story “The Witch”]. In: *Tvorchestvo A. P. Chekhova. Retseptsiy i interpretatsii. Sb. materialov Mezhdunar. nauch. konf.* [Creativity of A. P. Chekhov. Receptions and interpretations. Materials of intern. sci. conf.]. Rostov-on-Don, “Foundation” Publ., 2013, pp. 97–106.
- Literaturnyy arkhetyipy i universalii* [Literary archetypes and universals]. Moscow, RSHU, 2001, 433 p.
- Lotman Yu. M. Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda [The symbol system of Petersburg and problems of urban semiotics]. In: *Trudy po znakovym sistemam* [Works on semiotic systems]. Tartu, Tartu Uni. Press, 1984, iss. 18, pp. 30–45.
- Meletinskiy E. M. Transformatsii arkhetyipov v russkoy literature (Kosmos i Khaos, geroi i antigheroi) [Transformation of archetypes in Russian Literature. Cosmos and Chaos, hero and antihero]. In: *Literaturnyye arkhetyipy i universalii* [Literary archetypes and universals]. Moscow, RSHU, 2001, pp. 150–224.
- Nagina K. A. Metel’ [Blizzard]. In: *Russkiye literaturnyye universalii (tipologiya, semantika, dinamika): Kollekt. monogr.* [Russian literary universals (typology, semantics, dynamics): collective monograph]. A. A. Faustov (Ed. in ch.). Voronezh, Nauchnaya kniga Publ., 2011, pp. 130–192.
- Nagina K. A. Semantika meteli v rasskaze A. P. Chekhova “Ved’ma” (pushkinskiy i tolstovskiy kody v avtorskom prelomlenii) [Snowdrift semantics in A. P. Chekhov’s short story “The Witch” (Pushkin’s and Leo Tolstoy’s codes in author’s vision)]. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology.* 2010, iss. 6 (12), pp. 131–138.
- Nagina K. A. *Universalii russkoy literatury (metel’, gory, sad, dom)* [Universals of Russian literature (snowdrift, mountains, garden, home)]. Voronezh, VSU Publ., 2016, 162 p.
- Senderovich S. Ya. *Chekhov – s glazu na glaz. Istoriya odnoy ocherzhimosti: Opyt fenomenologii tvorchestva* [Chekhov in private. A story of one obsession. Experience in phenomenology of creativity]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin, 1994, 287 p.

Sobennikov A. S. Sud'ba i sluchay v russkoy literature: Ot "Meteli" A. S. Pushkina k rasskazu A. P. Chekhova "Na puti" [Doom and occasion in Russian literature. From A. S. Pushkin's "Snowdrift" to Chekhov's "On a Way"]. In: *Chekhoviana. Chekhov and Pushkin*. Moscow, Nauka, 1998, pp. 137–144.

Toporov V. N. Peterburg i peterburgskiy tekst russkoy literatury (Vvedeniye v temu) [Petersburg and Petersburg text of Russian literature (introduction into subject matter)]. In: *Trudy po znakovym sistemam* [Works on semiotic systems]. Tartu, Univ. of Tartu, 1984, iss. 18, pp. 4–29.

Toporov V. N. Peterburg i "Peterburgskiy tekst russkoy literatury" (Vvedeniye v temu) [Petersburg and Petersburg text of Russian literature (introduction to the theme)]. In: Toporov V. N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo* [Myth. Ritual. Symbol. Image. Study on mythopoetics]. Moscow, "Progress" – "Kul'tura" Publ. group, 1995, pp. 259–367.

Е. Е. Вахненко

Иркутский государственный университет

**Редакционная политика газеты «Биржевые ведомости»
в контексте исторического слома
(июль 1914 – октябрь 1917 года)**

Статья посвящена специфике редакционной политики популярной петербургской газеты «Биржевые ведомости» в условиях Первой мировой войны, Февральской и Октябрьской революций 1917 г. Обозначены основные тенденции, характеризующие преобразования как в содержательном плане, так и в идеологическом аспекте. Основное внимание сосредоточено на изменении редакционной коллегией художественно-эстетической программы в области литературы и публицистики, дается общая характеристика репортерских практик известных писателей и литературных деятелей, обозначаются идеологические установки и тематический потенциал их повременных выступлений, а также гражданская позиция, которая отразилась не только в тематике и содержании художественных и публицистических произведений, но и в выступлениях в рамках анкет и интервью. Также подробно освещаются причины краха издания в контексте революционных событий и смены идеологии в стране.

Ключевые слова: периодика, «Биржевые ведомости», С. М. Проппер, А. А. Измайлов, редакционная политика.

Период с июля 1914 по октябрь 1917 г. оказался для отечественной журналистики эпохой перемен как в содержательном плане, так и в идеологическом аспекте. Газета «Биржевые ведомости» стала одним из ведущих периодических проектов; с ней сотрудничали видные писатели, ученые, философы, журналисты, а редакционная коллегия отличалась профессионализмом, оперативностью работы, интересом к событиям истории и развитию литературного процесса. А. Кауфман отмечал: ««Биржевые ведомости» в некоторые трудные периоды русской жизни служили делу прогресса, и своим успехом издание было обязано энергии, предприимчивости, чуткости их издателя и нескольким поколениям писателей и журналистов» [Кауфман, 1912, с. 1077].

Военная кампания заставила редакторов повременных изданий пересмотреть подход к наполнению разделов и тематике, а также изменить художественно-эстетическую программу. Первое сообщение о войне было опубликовано на титульной странице утреннего выпуска «Биржевых ведомостей» от 20 июля: под заголовком «Война объявлена» размещены правительственные сообщения, статьи

Вахненко Екатерина Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета (ул. К. Маркса, 1, Иркутск, 664003, Россия; katy250579@mail.ru)

о численности немецкой армии, о положении России в мире. С этого момента в структуре и в содержании газеты произошли значительные перемены: появились разделы, отражающие ход истории (традиционными остались рубрики, освещающие события на мировой экономико-политической арене): «Письма в редакцию», «Отклики», «Письма из действующей армии», «Сведения о ходе боевых действий», «На западно-европейском театре войны», «Елка в окопах», «Мелочи войны», «Дневник войны», «Летопись войны»; «Лазареты», «Срочная почта», «Герои», «Оторванные от Отечества».

Страницы газеты наводнились очерками известных литераторов, которые способствовали формированию антинемецких настроений¹: тему о жестоком поведении немцев открывает 6 августа Анчар (В. Боцяновский) заметкой «Немцы о самих себе», которую 21 августа продолжает С. Маковский статьей «Стратегия вандалов». 29 августа В. Кузьмин-Караваев публикует статью «Кичливые дикари», в которой приводит примеры жестокости врагов по отношению к русским воинам, опровергающую представления об интеллигентности, высоком интеллектуальном развитии представителей немецкой нации. 9 сентября Н. Рерих размещает письмо о вандализме германцев, 10 сентября с возмущением по поводу разрушения Реймского собора выступил С. Маковский, 30 октября вышла статья Ф. Сологуба «Мира не будет» с упреками правительству за недостаточную жестокость по отношению к пленным врагам, в номере от 2 декабря С. Городецкий призывал нещадно «бить немцев», отказаться от проявлений немецкой культуры. Заметки о зверствах германских солдат и командования публиковались в течение 1915 г.² Тенденция к открытому антагонизму была отчасти продиктована требованиями цензуры, о которых упоминал А. Измайлов в июне 1915 г. в письме к Ф. Сологубу: «Цензура требует, чтобы писали о Германии, как враги» [Федор Сологуб..., 1999, с. 63]. Вместе с тем в сложившейся обстановке цензурные предписания совпадали с позицией издателя С. М. Проппера. Как вспоминал член редакции И. И. Кольшко, «с 1914 г. в России не было более воинственного патриота, как Проппер. Даже суворинское “Вечернее время”, устроившее немецкий погром, склонилось перед усердием “венгерца”³. Для “Биржевки” вновь наступили золотые дни» [Кольшко, 2009, с. 219].

Еженедельно сотрудники газеты размещали аналитические материалы на военную тему, делились армейским опытом. И. Ясинский, в 1915 г. вернувшийся из действующей армии в Галиции, разместил в газете серию статей о событиях на передовой. Как представитель редакционной коллегии и участник благотворительного проекта «Елка в окопах» по доставке подарков солдатам, купленных редакцией на пожертвования народа, Ясинский вместе с сотрудниками издания (С. Проппером, А. Агеевым, С. Животовским, проф. М. Чубинским) отправился на кавказский фронт. Эта поездка была освещена им в серии путевых очерков, повествующих о жизни людей в Батуме, Тифлисе, Хопе, о событиях в разоренных городах, о состоянии войск и положении мирного населения⁴. Внимание публи-

¹ Свободы печати лишились все издания с августа 1914 г. В 1915 г. в прессе отмечался разгул цензуры (Лукиан. «О печати» (№ 15011), «А. А. Катенин о цензуре и о ближайших задачах печати» (№ 14915); «Еще о цензуре. (Беседа с А. А. Катениным (№ 14921))»; Струве П. «Свобода печати» (№ 15003)).

² Немецкие зверства (№ 14716); Неопровержимые доказательства немецких зверств (№ 14766). За эти публикации редактора Д. А. Розанова судили, обвинив в диффамации, но вскоре оправдали («Дело “Биржевых Ведомостей”» (№ 14773)). Но серия статей и заметок продолжилась и после инцидента: Год немецких зверств (№ 14972); Германские зверства (№ 14949); Немецкие зверства (№ 15100).

³ В 1880 г. «Биржевые ведомости» приобрел австрийский подданный статский советник Станислав Максимилианович Проппер (1855–1931).

⁴ См. публикации Ясинского в ежедневных утренних январских выпусках 1915 г.

циста сосредоточено на реалиях быта, на специфике культурно-исторического бытия и национального сознания жителей. Философ-публицист и экономист П. Б. Струве делился впечатлениями о происходящем на восточном фронте, описал положение галичан, их чувство национального подъема и сплочения с русским народом. Обозреватель К. Шумский (К. Соломонов) в утренних выпусках освещал события на германском, австрийском, кавказском фронтах, анализировал действия врага, итоги сражений, а в вечерних номерах («Дневник войны») представил обзор событий с линии фронта⁵.

Документальный и художественный интерес представляют свидетельства свидетелей, которые в разное время выступили с материалами о событиях с передовой. В. Муйжель с ноября 1914 г. считался собкором газеты в Польше, Литве, Галиции и до середины 1915 г. опубликовал более шестидесяти художественно-публицистических очерков, которые частично были включены в книгу «С железом в руках, с крестом в сердце. (На восточно-прусском фронте)». Внимание автора сосредоточено на описании эмоционального состояния русских и австрийских военных, пленных немцев, мирного населения, беженцев в моменты сражений, на изменении мировоззрения и осознании каждым человеком трагической сути войны. Ход боевых действий, победы и поражения армии для Муйжеля не являются предметом описания, он акцентирует внимание на психологии войны, в традиции Л. Н. Толстого отмечает ее стихийность, утверждает, что война уничтожает социальные барьеры; победа русского народа возможна только в единстве, «когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся» (№ 14334). Тон авторского повествования лирическо-восторженный; эмоциональный накал в изображении судеб людей, манера субъективной оценки реалий войны, образный строй в описании картин местности – все это отличает очерки Муйжеля от свидетельств с передовой, наполненных фактами и призывами «бороться до победного конца».

Похожей манерой повествования отличались публикации И. Эренбурга, который жил в Париже и с апреля 1916 г. вплоть до закрытия газеты присылал корреспонденции, основанные на впечатлениях, полученных в Лионе, Марселе, Ницце, Тулоне, Генуе, Гавре. В его заметках и путевых очерках героями становятся солдаты, проявляющие на войне высокие моральные принципы: они руководствуются не идеей героизма, а чувством сострадания и помощи ближним, находящимся на пороге жизни и смерти. Войну Эренбург воспринимает как трагедию, пишет о жестокости немцев, чудовищном военном быте и бессмысленном уничтожении людей.

Недолгое время в 1915 г. с газетой сотрудничал М. М. Пришвин: в середине февраля он отправился на фронт в Галицию⁶, некоторое время находился в резерве Красного креста в Вильно и Гродно. В апрельских публикациях «Отзвуки войны» он делится опытом помощника врача в госпитале, в художественной манере передает впечатления от событий на линии фронта, рассуждает о чувстве страха и ответственности на войне. В этом ряду следует отметить цикл очерков спецкора газеты Н. С. Гумилева «Записки кавалериста» (с февраля 1915 по январь 1916 г. прошло 17 публикаций). Их можно назвать документально-художественным ис-

⁵ Состав военкоров в течение 1914–1916 гг. менялся: Сувойкин, М. Первухин, А. Троповский, Ф. Купчинский, Л. Ган, Ф. Пуже, В. Самойлов; Я. Окунев, Н. Брешко-Брешковский, П. Боборыкин, Л. Пасынков, В. Ропшин (Б. Савинков); В. Унковский; Тан (В. Богораз); П. Анненский.

⁶ Это была вторая поездка Пришвина в армию, впервые он отправился на фронт 28 сентября и пробыл во Львовской, Тернопольской, Ивано-Франковской областях и в Польше до 18 октября 1914 г. Официально он выступал как военкор «Русских ведомостей», публикации в «Биржевке» появились после описанных событий, происходивших весной 1915 г.

точником сведений о событиях, в которых автор участвовал, когда состоял на службе в лейб-гвардии Уланского полка (осень 1914 – весна 1916 г.).

Особого внимания заслуживают корреспонденции А. Тырковой, которая была в газете Проппера единственным публицистом с женским взглядом на события войны⁷. В конце декабря 1914 г. с санитарным отрядом она отправилась на фронт под Варшаву, а после краткого перерыва в марте – в Галицию. В февральских номерах 1915 г. появились ее первые очерки, наполненные психологическими зарисовками и рассуждениями о смысле войны: в них автор обращается к внутреннему миру простых людей, описывает их поведение, переживания, страдания и отношение к смерти. А. Тыркова показывает, как война способствует проявлению новых качеств в людях (открытости, простодушия, умения радоваться пустякам), определяет характер и заставляет ценить жизнь; повествует не только о чувстве духовного единства и сплочения людей на войне, но и о проявлениях нравственности по отношению к ближним как о неизбежном и необходимом условии остаться человеком в условиях жестокости и насилия. Пристальное внимание автора к внутреннему миру человека, тип эмоционального-чувственного повествования, наблюдения за изменениями поведения раненых солдат, прапорщиков, офицеров, медицинских сестер и фельдшеров, простых крестьян и горожан, портретные зарисовки и картины жизни мирного населения в разоренной Галиции, описание мелочей походной жизни, восхищение красотой природы Карпат – все это задает читателю субъективно-психологический вектор понимания смысла войны.

Литературный отдел газеты интенсивно наполнялся антигерманскими рассказами, произведениями на патриотические темы. В 1915 г. эта тенденция укрепилась: не только в содержании, но и в названиях появились тематические акценты, связанные с событиями на передовой и с отражением петроградской действительности⁸. Поэты и прозаики активно откликались на переломные в ходе войны события. Например, стихотворения Р. Ивнева «Дорога к Кракову свободна...» – поэтический отклик на победу русских над австрийцами при освобождении Перемышля; Ф. Сологуба «У Босфора»; художественные зарисовки П. Гнедича «На Босфоре (Из записной книжки)», рассказы А. Коринфского «К великой годовщине (1914 – 19 июля – 1915)», Г. Галина «Последние дни Сербии».

Заведующий литературным отделом А. А. Измайлов со страниц газеты и в личных письмах обратился к писателям с просьбой прислать в редакцию фельетон об отношении к войне, а также рождественские рассказы, в которых прямо или косвенно отразились бы события истории. Призыв редактора не остался без внимания потенциальных авторов. Л. Андреев в письмах от 12 августа и 19 сентября 1915 г. отмечал: «...утренние “Биржевые <ведомости>” очень похорошели, и я читаю их неуклонно от доски до доски. Очень рад буду, когда случится, давать статейки <...> Успех “Биржевых ведомостей” мне дорог – газету ещё ждут славные дни, – и я знаю, насколько и Вы дорожите ею, сколько сил и стараний уже вложили и ещё вложите, чтобы поднять её от неизвестности на степень серьёзного и необходимого органа» [Измайлов, 2017, с. 97, 110]. Уже 18 октября была напечатана статья «Пусть не молчат поэты», в которой Андреев акцентирует вни-

⁷ Также были опубликованы страницы из дневника Н. Плевацкой «Шесть месяцев на передовых позициях» (1915. № 14665). Певича с начала войны находилась в лазарете как сестра милосердия, а после – на линии боев, но с газетой на постоянной основе не трудничала.

⁸ Мазуркевич В. «Якорный пен-экспеллер» (Тоже антинемецкий рассказ) (№ 14599), Белов В. Под личиной... (Рассказ офицера) (№ 14656), Л. Мягкое сердце (Рассказ солдата) (№ 14594); Байкова В. Последний экзамен. Весенняя картинка петроградской институтской жизни (№ 14796, 14798); Грин А. Игрок. Петроградский рассказ (№ 15278, 15280); Арбров Т. Все условно... Картинка петроградских нравов. (С натуры) (№ 15286).

мание на сознательном отказе от актуализации темы войны: «Факт почти повального отвращения к литературе “о войне” достаточно известен, а в настоящее время, благодаря давности и отсутствию возражений, это отвращение стало чуть ли не каким-то неписанным законом <...> Я вовсе не преувеличиваю значение писательского слова и не думаю, что как только сядут поэты за темы “о войне”, так сейчас же получится нечто вечное, бессмертное и вещее <...> Главное же заключается в том, чтобы заставить услышать войну, сосредоточить на ней и её вопросах не только чисто внешнее внимание, но и внутренне глубоко ею заинтересовать, потрясти и взволновать <...> Нет – пусть не молчат поэты!» [Андреев, 1915]. С Л. Андреевым был солидарен критик и журналист С. Изгоев, который откликнулся статьей «На перевале» (Русская мысль. 1915. Кн. 11. С. 140). Следует отметить, что на страницах «Биржевки» Измайлов уже публиковал обзоры об осмыслении войны писателями: статья о беллетристах Я. Окунева и В. Белове (№ 14674), работа «Литература и драма» (№ 14972), в которой были названы неудачные произведения на тему войны (Б. Лазаревского, В. Ленского, М. Кузмина, М. Арцыбашева, Л. Андреева). Автор обвиняет писателей в стремлении угодить читателю в понимании патриотизма, в истеричности произведений, в неправдоподобности рассказов. Его позицию опротестовал Ф. Сологуб: в письме критику он выразил негодование по поводу обвинения писателей в ложном патриотизме и спекулировании темой войны [Федор Сологуб, 1999, с. 255–256]. Л. Андреев промолчал, вероятно, по причине перерыва в сотрудничестве с газетой с мая по октябрь 1915 г.

Вопрос о специфике женского взгляда на войну был поднят А. Чумаченко в статье «Война в женской лирике» (№ 14676), в которой отмечалась особенность лирического начала стихотворений Л. Столицы, М. Моравской, П. Соловьевой, М. Шагинян, З. Гиппиус: эта поэзия отражает чувственное понимание войны, стихи наполнены эмоциональными порывами, мотивами ожидания, веры в будущее. Стремление к аналитическому осмыслению литературной ситуации прочитывается в статье А. Чеботаревской, в которой был дан ответ критикам на обвинение писателей в антиобщественности, пошлости и национализме, отмечены недостатки «военной» литературы: несвоевременность, запаздывание произведений в печати по отношению к событиям истории, скудость изображения, отсутствие точности в передаче особенностей движения коллективной души [Чеботаревская, 1915a]⁹. В этом же ключе в июне 1915 г. рассуждал и М. Волошин: «Все, что пока пишется о войне (кроме солдатских писем) в прозе и стихах – это еще не настоящая поэзия, не художественная литература. Каждый пишущий сейчас не имеет возможности (а быть может, и права) не считаться ни с гражданскими, ни с публицистическими задачами момента. В искусстве война начнет приносить свои плоды только тогда, когда она будет кончена и еще много лет спустя» [Волошин, 1915]. М. Волошин с мая 1915 г. был парижским корреспондентом «Биржевых ведомостей», и с этого времени по май 1916 г. он разместил в газете цикл из 9 статей «Париж и война» и несколько отдельных публикаций [Волошин, 2007]. Автор рассуждал о различном понимании и ощущении смерти на войне, об условной правде Германии, которую приняли большинство европейских держав, о психологии молодого поколения воинов на передовой. Он писал о состоянии литературы в контексте переломных событий, о французских поэтах и памятнике в честь погибших поэтов Жозе де Шармуа, дал обзор книг на военную тему. Аналитиче-

⁹ С критикой позиции Чеботаревской выступил публицист Nomunculus (Н. И. Радин), входивший в состав редакционной коллегии газеты. Его заметка вызвала гневный протест Чеботаревской, а также необходимость акцентировать внимание на ключевых положениях статьи, оставшейся непонятой оппонентом и породившей в его сознании ложные представления о сути рассматриваемой проблемы [Чеботаревская, 1915b].

ские корреспонденции Волошина позволили читателю составить представление о войне в культурном контексте, оценить события не с точки зрения их документальной фиксации, а в процессе длительного осознания сути и последствий войны.

Активным публицистом газеты был Ф. Сологуб, опубликовавший до ее закрытия более 30 работ (часть была написана в соавторстве с А. Н. Чеботаревской): они посвящены не только батальным реалиям, но и социально-политическим проблемам в стране¹⁰. После буржуазно-демократической революции 1917 г. он разместил ряд критических статей, художественно-публицистических очерков, в которых описал последствия становления Временного правительства, отметил торжество анархии, народной жестокости, варварское отношение представителей новой власти к культурно-историческим ценностям, обозначил проблемы социального неравенства, развала народного хозяйства¹¹. В 1916 г. взгляд на войну высказал в серии очерков А. Белый, тематически продолжив художественно-публицистическую линию Андреева и Сологуба: в художественной форме с элементами описательности и лирических размышлений он дал оценку настроениям народа и событиям, свидетелем которых являлся¹². Несомненно, прозаические, драматические и публицистические очерки Андреева, Сологуба, Чеботаревской, А. Белого способствовали укреплению в читательской среде репутации газеты как патриотически ориентированного издания.

Следует отметить, что в определенных интеллектуальных кругах (преимущественно в среде писателей, художников, философов) к газете Проппера относились недоверчиво и скептически. Это было связано с долговременной репутацией газеты как образца желтой прессы, несмотря на активную деятельность А. А. Измайлова по реформированию издания¹³. Например, ее сотрудник М. Волошин

¹⁰ Подробнее см.: *Павлова М. М.* Первая мировая война в публицистике Федора Сологуба // *Политика и поэтика: русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны. Публикации, исследования и материалы.* М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 5–29. Публикации содержат тексты с примечаниями и комментариями, по автографам РО ИРЛИ воспроизводятся опубликованные и не появившиеся в печати статьи по цензурным соображениям или иным причинам.

¹¹ Самоожжение зла (№ 11161); Охрана искусства (№ 16180); Без хозяев (№ 16326); С двух сторон (№ 16340); Над классами (№ 16376); Бунт (№ 16447); Революция – смерть (№ 16471); Дружная и недружная (№ 16483).

¹² См.: *Глухова Е. В., Торишлов Д. О.* Андрей Белый в Первую мировую войну // *Политика и поэтика: русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны. Публикации, исследования и материалы.* М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 165–242.

¹³ А. А. Измайлов по приглашению редактора И. Ясинского был введен в основной коллегийный состав редакции, после чего в структуру и основное направление газеты (подзаголовок: «политическая, общественная и литературная газета») был введен литературный компонент – еженедельный раздел «Литературное обозрение», а также ряд мелких рубрик: «Литературные заметки» / «Литература», «Литературные мелочи», «Литературный календарь», «Литературные странички», «В литературном обществе», «Библиография», «Маленький фельетон», «Калейдоскоп», в которых давался обзор современной словесности и печатались фельетоны и небольшие юмористические рассказы Евг. Венского (Е. И. Пяткина), д. Актыля (А. А. Френкеля), освещались события литературной жизни столицы (выступления футуристов, символистов и акмеистов, литературные чтения и диспуты). В 1910-х гг. по инициативе Измайлова в газете стали появляться сообщения о жизни и творческих планах авторов, составленные на основе интервью или сведений из личной корреспонденции критика. Эти публикации давали читателю возможность составить представление о жизни литературной богемы, о творческих планах, художественных практиках и исканиях писателей. В начале 1914 г. А. А. Измайлов ввел авторскую рубрику «Темы и парадоксы», в которой до весны 1916 г. размещал пространные аналитические статьи о творчестве писателей-современников в контексте историко-литературного процесса 1900–1910-х гг. К тому же Измайлов привлек к участию в издании многих известных лите-

в письме Е. О. Кириенко-Волошиной от 9 июня 1915 г. замечал, что «это, по-видимому, газета, от которой можно ждать всяких неожиданностей» [Волошин, 2011, с. 362]. Иванов-Разумник категорически не признавал возможности публикации в издании и в письме от 26 марта 1916 г. отговаривал А. Белого (который жил за границей и газеты не читал) от сотрудничества с «Биржевкой», олицетворяющей желтую прессу, сожалел об участии в газете Н. А. Бердяева и М. О. Гершензона [Андрей Белый..., 1998, с. 66–67]¹⁴. Работа редакции, в частности, усилия А. А. Измайлова по привлечению к сотрудничеству философов, ученых, писателей, искусствоведов, музыкантов, способствовала укреплению ее репутации как серьезного информационного издания, далеко не бульварного характера, а также популярности в интеллектуальной среде. Сам критик в письме к А. Амфитеатрову от 14 ноября 1914 г. отмечал: «“Биржевые Ведомости” с наступлением войны подверглись большой реформе. Сейчас нет почти ни одного большого литературного имени, которое отказывало бы нам в участии <...> В газете пишет прогрессивная профессура. Словом, в ней уже не зазорно печататься» [Измайлов, 2017, с. 282]. Стараниями Измайлова газета отличалась от других изданий («Речи», «Нового времени», «Русского слова», «Русских ведомостей», «Петроградского голоса», «Утра России»). В одном ряду с «Биржевкой» оказались общественно-политические и литературные журналы «Война» и «Отечество», созданные для освещения реалий войны и укрепления патриотических чувств народа.

В военное время газета избавилась от репутации органа либерально-буржуазной направленности и стала восприниматься как авторитетное массовое издание, в котором печатались именитые авторы, рядовые солдаты, прапорщики, офицеры, священники, военные врачи и все, кто мог художественным словом отразить реальность. Сотрудники издания (А. Измайлов, А. Чеботаревская, И. Ясинский и др.) осуществляли отбор материала к печати.

Одним из нововведений, указывающим на изменение редакционной политики газеты, является выпуск в 1915 г. тематических номеров, посвященных переломным моментам истории: «Сербский день – 24 января» о военных событиях в Сербии и помощи братскому народу (№ 14630, 14631); выпуск, посвященный смерти С. Ю. Витте (№ 14700, 14701); о падении крепости Перемышль «День русской славы» (№ 14718, 14719); о войне Италии с Австрией «Evviva l'Italia» (№ 14837, 14838); «Годовщина великой Отечественной войны» (№ 14972). Такие выпуски давали читателю возможность ознакомиться с событиями и составить представление о них на основе авторитетных позиций журналистов, ученых, писателей, чиновников. В довоенное время редакция придерживалась традиции выпуска подобных номеров, приуроченных к Рождеству и Пасхе, но они наполнялись преимущественно литературным материалом. В условиях нового социально-политического режима возникла необходимость выпускать дополнительные тематические номера, их содержание способствовало формированию общественного сознания и гражданской позиции населения. Также стал популярным принцип анкетирования деятелей политики, литературы, искусства. Тема войны превалирует в опросах интеллектуальной аудитории: в ноябре 1914 г. опубликована первая анкета «Война до конца» (№ 14470), в 1914–1915 гг. проводились опросы на темы, связанные с событиями и традициями: «Что читать во время войны» (№ 14544), «Следует ли авторам отвечать критике?» (№ 15252, 15254, 15256,

раторов, критиков (Вл. Боцяновского, А. Волинского) и активно размещал на страницах издания как собственные художественные опыты, так и новинки современной поэзии и прозы, а также основал традицию выпуска тематических номеров, посвященных памяти классиков мировой и отечественной словесности.

¹⁴ Н. Бердяев в 1914–1916 гг. опубликовал более тридцати очерков, статей и заметок о современных событиях. М. Гершензон с июля 1915 г. опубликовал двенадцать работ на социально-исторические и литературные темы.

15258)¹⁵. В середине декабря 1914 г. редакция провела опрос среди представителей духовной, научной и художественной элиты на предмет уместности использования елки в праздничные дни с позиции традиций и истории обычая, пришедшего на русскую землю из Германии («Отказаться ли от елки?» (№ 14556)). В последнем годовом выпуске редакция уведомляет читателей о том, что «поход против рождественской елки потерпел неудачу», в связи с чем предлагает анкету о немецких традициях на Руси («Отказаться ли от встречи Нового Года?» (№ 14584)). Ответы показали, что иностранная традиция встречать Новый год прочно укоренилась в русской культуре и даже в условиях исторического слома отказаться от нее не представляется возможным. Так, А. Ремизов пишет: «А встретить его звездой, как Рождество Христово, т. е. взять обряд добрый, но совсем уж нерусский <...> лишь бы встретить с желанием, чистым сердцем, совестью и любовью к родимой земле», К. Маковский заключает: «Встреча Нового Года с повышенным настроением, с пожеланиями, надеждами – обычай прекрасный и нельзя его отменять» (Там же).

Тематика анкет распространялась и на злободневные события. Так, в письмах А. Измайлов обращается к писателям с просьбой не отказать с ответом на вопрос о необходимости союза России и Англии. Отклики в виде статей прислали: Ф. Сологуб, П. Виноградов, проф. В. Сперанский, гр. И. Толстой, кн. Е. Трубецкой, Л. Андреев [Федор Сологуб, 1999, с. 252; Измайлов, 2017, с. 101–102]. Ответы публиковались в течение месяца; в конце марта тема продолжилась в опросе общественно-политических и церковных деятелей (№ 14747) и была завершена статьей Л. Пасынкова «Руку – союзникам...» (№ 14749). Нередко тема анкеты в силу актуальности проблемы продолжалась в серии статей и заметок¹⁶. В течение 1915 г. тему русско-английских отношений развивали сотрудники газеты (З. Гиппиус, А. Чеботаревская, Вяч. Иванов, П. Струве, М. Ковалевский), они рассматривали Англию как необходимого союзника и как дружественную страну, чья социально-экономическая и культурная жизнь может быть воспринята «как плодотворный фактор дальнейшего развития нашей культуры» [Струве, 1915а], а сближение народов принесет «большие выгоды и для роста наших производительных сил, и для дальнейшего развития нашего социального законодательства» [Ковалевский, 1915].

Инициатива анкетирования исходила не только от Измайлова, этот принцип был подхвачен и участниками издания: в начале февраля была опубликована анкета о евреях, в которой Л. Андреев, Ф. Сологуб и М. Горький высказали позицию против развивающихся в обществе антисемитских настроений и обратились к читателям с просьбой дать ответы на вопросы, поставленные в письме¹⁷. Однако авторитетным мнением авторы считали позицию сотрудников газеты, к которым они обратились за ответом в личных письмах. П. Струве выразил отношение к проблеме в статье «По поводу одной анкеты», в которой отметил необходимость решения еврейского вопроса не личными протестами и манифестациями, а только юридическим путем [Струве, 1915б]. Андреев, Сологуб и Горький с этой же просьбой обратились к А. Измайлову, однако ответа не получили ни в личной переписке, ни в официальной публикации [Измайлов, 2017, с. 103]¹⁸. Сотруд-

¹⁵ Тему продолжил Л. Андреев в статьях «В защиту критики», «Ответ художника критику» (№ 15275, 15276).

¹⁶ В редких случаях результаты социальных опросов обобщались и публиковались в виде аналитических статей (Кауфман А., проф. «Хлеб духовный и хлеб насущный. (Из анкеты на высших женских курсах)» (1915. № 15261, 15269)).

¹⁷ Анкета об евреях (Открытое письмо к публике трех русских писателей) // Биржевые ведомости. 1915. 3 февр. № 14648, утр. вып. С. 4.

¹⁸ Призыв к читателям остался почти без внимания (неизвестный автор заметки в 7-м выпуске «Журнала журналов» за 1916 г. утверждал то, что анкета в газете Проппера была

ники газеты регулярно интервьюировали представителей театральной, музыкальной, литературной элиты; социальные опросы проводил журналист Арно (А. И. Гессен); редакцией собирались отклики общественности на события 1915 г.: «Общие прения по бюджету» (№ 14610); «Полгода войны. Отзывы членов г. Думы» (№ 14619), «Депутаты о парижской конференции и миссии П. Л. Барка» (№ 14639); «А. И. Гучков о положении дел» (№ 14724); «† Граф С. Ю. Витте. Отзывы государственных и общественных деятелей и дипломатов» (№ 14699); «Грозит ли Петрограду полное отсутствие угля?» (№ 14727); «О русской женщине – сестре милосердия» (№ 14758).

В целом анкетирование и интервьюирование представителей власти, художественной и чиновничьей элиты отражало настроения в обществе, состояние искусства, литературы и позволяло в рубежный период истории, когда переоценка традиций и устоев неизбежна, передать отношение современников к наследию классиков, к новым художественным решениям, обозначить приоритеты и искания, высказать взгляд на реалии действительности, который для читателя являлся ориентиром в понимании и интерпретации событий.

Еженедельно в издании размещалась информация о жизненных и творческих планах писателей, художников, артистов, политиков. Активная социально-политическая позиция, военный опыт, авторитет личности в интеллектуальных кругах и в массовой аудитории стали ориентиром для редакции в выборе объекта беседы и его представления читателю. Огромной популярностью пользовались Ф. Шаляпин, Л. Андреев, К. Бальмонт, Ф. Сологуб, К. Маковский, их профессиональная деятельность не оставалась без внимания в течение военного периода. Однако наибольший публицистический резонанс получила фигура писателя на войне. Объектом внимания редакторов «Биржевых ведомостей» с августа 1914 г. стал А. И. Куприн. Он долгое время поддерживал профессиональные отношения с А. Измайловым и до осени 1916 г. активно участвовал в жизни издания¹⁹. В ноябре 1914 г. Куприн ушел в армию в звании поручика после 20 лет, проведенных в отставке, и прослужил в Гельсингфорсе до начала мая 1915 г.: изучал полевые и стрелковые уставы, обучал солдат и командовал ротой. Сотрудничая с несколькими изданиями («Биржевые ведомости», «Огонек», «Новое слово», «Русское слово», «Аргус», «Нива» и «Журнал журналов»), он регулярно делился с читателями военным опытом. В этот период отношение Куприна к литературе было однозначным: «Писать военные рассказы я не считаю возможным, не побывав на позициях» [Из интервью..., 2007, с. 346]. Рассуждая о военной беллетристике и поэзии, Куприн находил их далекими от истинной литературы, неверно отражающими события на передовой. Кроме того, он сомневался в возможности достоверно передать впечатления о войне и правдоподобно их отразить: «Воспроизведение истинных событий войны не давалось даже гениям <...> а описать войну, битву, схватку с врагом и доподлинно художественно передать все это, – невозможно, как и немисливо в точности описать сны»; «Писать об этой войне я не могу, ибо происходящее огромнее и неизмеримее всяких творческих вымыслов, и никакая писательская фантазия не сможет преодолеть той правды боевой, которая происходит там» [Фрид, 1915]. Читателей газеты личность Куприна привлекала творческим переживанием событий, гражданской позицией, равнодушием к судьбам людей на передовой (в октябре 1914 г. на даче писателя в Гатчине был организован лазарет для воинов; находясь на службе, Куприн со страниц газеты

напечатана по недоразумению), но общественная деятельность авторов продолжилась в других изданиях и завершилась третьей судом. Кульминация этой скандальной истории была освещена в апрельских номерах газеты Проппера за 1916 г. (№ 15505, 15509).

¹⁹ Сотрудничество с газетой Проппера писатель прервал, заключив контракт с «Русской волей» с условием не печататься в других петроградских газетах (Письмо А. Куприна А. Измайлову, 1916).

обращался к читателям с просьбой о пожертвовании для армии). В рассуждениях о войне он руководствовался опытом и в беседах с сотрудниками «Биржевых ведомостей» вспоминал о дружеских отношениях с солдатами и офицерами, но о психологии человека на войне никогда не размышлял, считая свой военный опыт недостаточным. Тем не менее отношение к Германии он обозначил в редакционном интервью: «Германцы наших дней представляют исключение по своему самодовольству, самоуверенности и грубости <...> Читая же теперь о зверствах, насилиях и всевозможных гнусностях германской армии, я вижу в этом начало ее распада» (№ 14919). После демобилизации Куприн регулярно получал письма из армии, вел переписку с воинами на передовой и собирался в конце 1915 г. отправиться на фронт корреспондентом, однако состояние здоровья писателя не позволило это сделать, и он остался на гражданской службе.

В целом газета Проппера в военные годы заявляла о себе как о демократическом издании, которое было ориентировано на столичную и провинциальную аудиторию. Приоритетом в политике редакции стало отражение хода истории, установка на укрепление патриотического духа, морально-нравственных ориентиров народа на социально-политическом и художественно-эстетическом уровнях. В 1918 г. Ясинский писал Измайлову: «Вы были долгое время сотрудником “Б<иржевых> В<едомостей>”, когда я был их редактором. Поэтому вы помните, в каком истинно демократическом духе велась газета и каким страшным гонением она тогда подвергалась. То было время расцвета газеты, и защита в ней насущных интересов рабочих, крестьян и вообще всей русской и еврейской бедноты сделала ее чрезвычайно популярной в провинции, а г. Пропперу принесла миллионы» (Письма И. Ясинского, л. 9).

Весной 1916 г. в составе редакции произошли изменения, неблагоприятное финансовое положение издания давало повод журналистам и писателям думать о скором его прекращении. А. Измайлов в апреле ушел из газеты на должность главного редактора «Петроградского листка» и потерял возможность работать в качестве штатного корреспондента в иных изданиях. 4 мая редакторские обязанности сложил М. М. Горелов, 24 мая заявил об уходе из редакции С. А. Адрианов, к ним присоединился управляющий конторой М. М. Сыров. Право на выпуск газеты перешло Товариществу на паях в лице С. М. Проппера, В. А. Бонди, М. М. Горелова и М. М. Серова; было основано акционерное общество с неравными долями, каждый из совладельцев газеты имел право продать или купить пай. Бывший владелец газеты с мая 1916 г. наряду с В. Бонди, П. Васильевым, Р. Висмонтом, Д. Розановым и М. Гореловым приступил к обязанностям редактора. Однако в заявлении Проппер назвал перемены слухами и утверждал, что «пая товарищества “Биржевых Ведомостей” никому не проданы», что «никакие сделки с этими паями ни с кем не заключены и что все пай, за исключением данных в дар некоторым сотрудникам и служащим, остаются исключительно в руках С. М. Проппера и его семьи» [Проппер, 1916]. И. Ясинский отмечает, что Проппер намеренно разделил право владения газетой, чтобы сохранить влияние и не потерять власть над изданием: «<...> он в качестве человека предприимчивого и предусмотрительно-расчетливого решил преобразовать своё издательское предприятие в акционерное общество, большинство акций записать на себя, с тем чтобы оставаться господином положения, положить предел ропоту эксплуатируемых им работников и в то же время приобрести репутацию в высшей степени современного, прогрессивного, великодушного и благородного издателя» [Ясинский, 2010, с. 680–681].

В это же время произошел конфликт между Проппером и М. М. Гаккебушем в борьбе за управление газетой, что способствовало созданию в читательских кругах атмосферы краха издания. Новый коллегиальный состав вынужден был скорректировать тематическую линию литературно-художественного отдела в связи

с требованиями пролетариата и цензуры. На имя издателей стали приходить письма рабочих с требованием отказаться от печатания «Очерков Выборгской стороны» Ясинского по причине того, что им «надоела эта заводиловка, где одна канитель и нет настоящей сути» (Письмо И. Ясинского А. Измайлову, 1916).

После февраля 1917 г. в политике газеты произошли изменения: на страницах появились статьи о новой власти, об организации Временного правительства, звучали призывы к его поддержке. Появилась рубрика «Искусство в дни революции», которую вел И. Ясинский. В ней он опубликовал поэтические циклы: «Из отблесков Ницше», «18-го июня», «Вне закона». Наиболее интересным экспериментом является цикл о Ницше, поэтическое переложение афоризмов немецкого мыслителя, образ которого в сознании писателя ассоциируется с большевиком. В письме к Измайлову он отмечал: «Знакомство с сочинениями Ницше бросило свет на мой замысел о сверхчеловеке <...> И вдруг революция. И вдруг русская действительность выдвинула большевика! <...> Но тип большевика определенный, яркий и мощный тип сильного физически и морально русского богатыря» (Письма И. Ясинского, л. 91). Однако приветствие власти было скрыто за художественной образностью текстов и не воспринималось в контексте идеологии большевиков. Газета «Речь» отмечала, что вся отечественная печать «горячо и единодушно приветствует свершившийся великий переворот. Не менее единодушно вся пресса указывает на то, что теперь важнее всего единение. Оно послужит залогом укрепления нового порядка <...> “Бирж<евые> Вед<омости>” находят, что в Таврическом дворце закладываются камни нового строя» (Печать, 1917, 7 марта, № 56, с. 2). Газета «видит опасность в двоевластии, стремление к коему начинает обозначаться. Газета признаёт значение Совета рабочих и солдатских депутатов» (Печать, 1917, 10 марта, № 59, с. 1).

Это единодушие было недолгим: через два месяца в издании Проппера звучали критические ноты в адрес власти и проводимой ею политики в культурной и социально-экономической сферах. В современных социально-политических условиях остро прозвучал вопрос о языковой реформе, вызвав прецедент в интеллектуальной среде. Так, композитор С. Прокофьев выступил против законопроектов в области преобразования русского языка, обвинив Министерство народного просвещения в произволе по отношению к языку: «Прикрываясь флагом упрощения правописания, министерство вносит изменения, имя которым – нелепость и произвол <...> Я спрашиваю: имеет ли право министерство народного просвещения, никаких литературных ценностей не создавшее, самолично накладывать руку на всю русскую литературу в то время, как мы имеем таких больших признанных творцов, как Бальмонт, Горький, Брюсов, Андреев? <...> Я не литератор, я композитор, но я не могу равнодушно относиться к этому. Где же наши писатели? Почему они молчат? Они должны заговорить!» [Прокофьев, 1917]. Ответом на призыв стало сообщение редакции: «Сегодня появилось приятное известие, что министр безграмотности г. Мануилов и его достойный сподвижник по превращению русского языка в эсперанто, г. Герасимов, покидают свои посты. Ну, а циркуляры их об обращении малограмотной России в совсем неграмотную останутся в силе или нет?» (№ 16301). Но наиболее острой заметкой, которая вводит газету в ряд оппозиционных изданий, является редакционная публикация «Большевистская демагогия» (№ 16299), в которой власть обвиняется в бездействии, славословии, дезориентации малограмотного народа, превращенного в толпу и стадо.

Эта тема, а также призывы противостояния власти прозвучат в статьях вечерних выпусков (август 1917 г.): «Большевики против Родины и Революции. Открытое предательство и открытый подлог», «Преступление большевиков», статья проф. М. Сиринова «Глупость или предательство?» (№ 16379, 16381, 16383). Заявления, обозначившие позицию редакции, привели к тому, что газета попала в ряд контрреволюционных изданий («Речь», «Современное слово», «Петроград-

ский Листок», «Петроградская газета», «Русская Воля», «Вечернее Время», «Копейка») и была запрещена к распространению в Выборгском и Лесном районах Петрограда, а также в г. Колпине постановлением Совета рабочих и солдатских депутатов Выборгского района. В статье редакции «Свобода слова» прозвучало обращение к правительству разобраться с «самозванными цензорами», которые не имеют законного права «воспрещать к обращению в городе те или иные газеты, “конфисковать” и закрывать» (№ 16423). В заметке С. Любошица отмечалось: «Большевики и их “попутчики” вообще высказываются в том смысле, что всю инакомыслящую, а по их терминологии, “буржуазную” печать надо уничтожить и там, где в их руки попадает какая-нибудь возможность, они не стесняются в этом направлении эту возможность использовать» [Лукиан, 1917]. В своей следующей оппозиционной статье журналист акцентировал внимание на попытке большевиков ограничить свободу печати: «Никакая любовь к революции, никакое преклонение перед ее достижениями не может примирить с ущемлениями свободы печати <...> И те, которые путем насилия борются с печатью под видом борьбы с контрреволюцией, только обнаруживают, что они сами и есть настоящие контрреволюционеры и творят подлинную контрреволюцию» [Любош, 1917]. 1 октября Ф. Сологуб в статье «Революция – смерть» отразил взгляд на революцию как на процесс, ограниченный во времени, косвенно упрекая новую власть в сложившейся перманентной революционной ситуации в стране. Последующие публикации: «Большевистский анархизм» и статья А. Вершинина «Роковой путь» (№ 16495), С. Любоша «Пятачковая демагогия» (№ 16505) продолжили цикл антибольшевистских выступлений. В них прозвучал откровенный призыв к борьбе с большевиками как анархистами и погромщиками, от которых отрекается не только буржуазная, но и социалистическая печать. В последнем номере в статье редакции «Начало восстания» (№ 16509) большевики названы авантюристами и демагогами: от их анархической диктатуры страну может защитить только революционная демократия.

После таких заявлений о репутации газеты как либерально-демократического издания, сочувствующего власти, не могло быть и речи. Бывший сотрудник «Биржевки» И. Ясинский отмечал, что с начала 1917 г. коллектив газеты отличался буржуазным взглядом на революцию [Ясинский, 2010, с. 169]. В конце октября за содержание и оппозицию советской власти постановлением Петроградского военно-революционного комитета газета была закрыта. 24 октября полным тиражом вышел последний выпуск, завершив 37-летний период ее существования; типография Проппера, имущество которой большевики описали и конфисковали, была передана Балтийскому флоту. Первый пункт декрета Президиума ВЦИК за подписью Я. М. Свердлова от 14 декабря гласил: «Конфисковать типографию товарищества Проппер со всем принадлежащим к ней имуществом: домами (по Галерной ул., д. 40 и по Адмиралтейскому каналу, д. 15 и 17) и находящейся в них движимостью, машинами, бумагой, типографскими материалами и прочими средствами печатания, а равно и средствами обслуживания ее, и объявить ее достоянием Российской Социалистической Федеративной Советской Республики»²⁰. 26 октября газета «Современное слово» сообщила, что в бывшей типографии Проппера печатается издание «Центрофлот». А. Измайлов в заметке высказал надежду, что газета после десятидневного молчания возобновит работу: «Поневоле молчат и “Биржевые Ведомости”, в помещении которых до сих пор находится вооруженная стража, несмотря на предписание снять караулы. В редакции поговаривали о перемене названия, так как большевистским декретом газета закрыта

²⁰ Декрет Президиума ВЦИК о конфискации типографии товарищества Проппер // Декреты Советской власти. М.: Политиздат, 1957. Т. 1: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. С. 496.

“навсегда” <...> Весьма возможно, газета выйдет все-таки в начале будущей недели» (Петроградский листок, 1917, 5 нояб., № 257, с. 2). В прежнем редакторском составе и с тем же названием газета не вышла.

Список литературы

- Андреев Л.* Пусть не молчат поэты // Биржевые ведомости. 1915. 18 окт. № 15155, утр. вып. С. 2–3.
- Андрей Белый и Иванов-Разумник: Переписка / Публ., вступ. ст., коммент. А. В. Лаврова, Дж. Мальмстада. СПб.: Atheneum; Феникс, 1998. 736 с.
- Волошин М.* Париж и война. Жертвы // Биржевые ведомости. 1915. 26 июня. № 14927, утр. вып. С. 3.
- Волошин М. А.* Собр. соч. М.: Эллис Лак, 2007. Т. 6, кн. 1: Проза 1906–1916. Очерки, статьи, рецензии. 896 с.
- Волошин М. А.* Собр. соч. / Сост. А. В. Лавров, подгот. текста и коммент. К. М. Азадовского, В. П. Купченко и др. М.: Эллис Лак, 2011. Т. 10: Письма 1913–1917. 832 с.
- Из интервью, лекций и бесед А. И. Куприна (1905–1927 гг.) // Куприн А. И. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.: Воскресенье, 2007. Т. 11, доп. 560 с.
- Измайлов А. А.* Переписка с современниками / Сост., вступ. ст. А. С. Александрова; предисл., подгот. текстов и примеч. А. С. Александрова, Э. К. Александровой, Н. Ю. Грякаловой. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2017. 728 с.
- Кауфман А. Е.* Из журнальных воспоминаний // Исторический вестник. 1912. № 12. С. 1067–1078.
- Ковалевский М.* Чему учит нас Англия? // Биржевые ведомости. 1915. 9 дек. № 15259, утр. вып. С. 2.
- Кольшко И. И.* Великий распад. Воспоминания. СПб.: Нестор-История, 2009. 463 с.
- Лукиан <С. Любошиц>.* Дела печатные // Биржевые ведомости. 1917. 6 сент. № 16427, утр. вып. С. 3.
- Любошиц <Любошиц> С.* «Свобода слова» // Биржевые ведомости. 1917. 29 сент. № 16467, утр. вып. С. 3.
- Прокофьев С.* Министерство безграмотности // Биржевые ведомости. 1917. 24 июня. № 16301, веч. вып. С. 3.
- Проппер С.* Письмо в редакцию // Речь. 1916. 29 мая. № 146. С. 5.
- Струве П.* По поводу одной анкеты // Биржевые ведомости. 1915б. 16 февр. № 14674, утр. вып. С. 3.
- Струве П.* Россия и английская культура // Биржевые ведомости. 1915а. 27 нояб. № 15235, утр. вып. С. 3.
- Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская: Переписка с А. А. Измайловым / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник РО Пушкинского Дома. 1995. СПб., 1999. С. 194–293.
- Чеботаревская А.* В защиту “военной” литературы // Биржевые ведомости. 1915а. 4 дек. № 15249, утр. вып. С. 2.
- Чеботаревская А.* Газетное антука. (Письмо в редакцию) // Биржевые ведомости. 1915б. 9 дек. № 15259, утр. вып. С. 6.
- Фрид С. У А. И. Куприна* // Биржевые ведомости. 1915. 17 авг. № 15032, веч. вып. С. 2.
- Ясинский И. И.* Роман моей жизни: Книга воспоминаний. М.: Новое литературное обозрение, 2010. Т. 2. 720 с.

Список источников

- <Письма И. Ясинского> // РО ИРЛИ. Ф. 115. А. И. Измайлов. Оп. 3. Ед. хр. 392.
<Письмо А. Куприна А. Измайлову. 20 нояб. 1916 г.> // РО ИРЛИ. Ф. 115. А. И. Измайлов. Оп. 3. Ед. хр. 171.
<Письмо И. Ясинского А. Измайлову. 1916> // ОР РНБ. Ф. 901. И. И. Ясинский. Оп. 1. Ед. хр. 93.

Список сокращений

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.
РО ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы.

E. E. Vakhnenko

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, katy250579@mail.ru

Editorial policy of the newspaper “Birzheve Vedomosti” in the context of historical shift (July 1914 – October 1917)

The paper is devoted to the specifics of the editorial policy of the popular St. Petersburg newspaper “Birzheve Vedomosti” during World War I and the February and October revolutions of 1917. The author discerns some tendencies characteristic for the reforms in content and ideology of the newspaper. Thus, this edition can be considered as a special project of the media, reflecting the course of history and the level of the public consciousness. The newspaper was a social, political and cultural voice in the intellectual and mass readers’ audiences. The main attention is paid to the changes in the esthetic program of the editorial board in literature and political journalism. General characteristic of the reporters’ practices of well-known writers is given. The ideological positions and thematic potential of their publications, as well as their civic position, reflected in their journalistic works, questionnaires and interviews, are revealed. The author highlights the key role played by critic and writer Alexandre Izmailov in the newspaper’s reform and its popularization in the intellectual milieu. Due to the efforts of its leading writers and journalists, and with the help of influential scientists and civil servants, the “Birzheve Vedomosti” during the war got rid of the reputation of liberal newspaper and became known as influential mass edition. The paper also provides a detailed account of the reasons for the newspaper’s crash after the revolution.

Keywords: periodicals, “Birzheve Vedomosti”, politics of the editorial board, S. M. Propper, A. A. Izmailov.

DOI 10.17223/18137083/69/9

References

- Andreev L. Pust’ ne molchat poety [Let the poets not be silent]. *Birzheve vedomosti*. 18 October 1915, no. 15155, pp. 2–3.
Andrey Belyy i Ivanov-Razumnik: Perepiska [Andrey Bely and Ivanov-Razumnik: Correspondence]. A. V. Lavrov, Dzh. Mal’mstad (Intr. art., comment.). St. Petersburg, Atheneum, Feniks, 1998, 736 p.
Chebotarevskaya A. Gazetnoe antuka. (Pis’mo v redaktsiyu) [Newspaper antuka. (Letter to the editor)]. *Birzheve vedomosti*. 9 December 1915, no. 15259, p. 6.
Chebotarevskaya A. V zashchitu “voennoy” literatury [In defense of “military” literature]. *Birzheve vedomosti*. 4 December 1915, no. 15249, p. 2.
Fedor Sologub i Anastasiya Chebotarevskaya: Perepiska s A. A. Izmaylovym [Fedor Sologub and Anastasia Chebotarevskaya: Correspondence with A. A. Izmaylov]. M. M. Pavlova (Publ.). *Ezhegodnik RO Pushkinskogo Doma. 1995*. St. Petersburg, 1999, p. 194–293.
Frid S. U A. I. Kuprina [Visiting A. I. Kuprin]. *Birzheve vedomosti*. 17 August 1915, no. 15032, p. 2.

- Iz interv'yuu, lektсий i besed A. I. Kuprina (1905–1927 gg.) [From interviews, lectures and conversations of A. I. Kuprin (1905–1927)]. In: Kuprin A. I. *Poln. sobr. soch.: V 10 t. T. 11, dop.* [Complete works: in 10 vols. Vol. 11, add.]. Moscow, Voskresen'ye, 2007, 560 p.
- Izmaylov A. A. Perepiska s sovremennikami [Correspondence with contemporaries]. Aleksandrova A. S. (Comp.), Aleksandrova A. S., Aleksandrova E. K., Gryakalova N. Y. (pref., prep. texts and examples), St. Petersburg, "Pushkinskiy Dom" Publ., 2017, 728 p.
- Kaufman A. E. Iz zhurnal'nykh vospominaniy [From journal memories]. *Istoricheskiy vestnik*. 1912, no. 12, p. 1067–1078.
- Kolyshko I. I. *Velikiy raspad. Vospominaniya* [Great decay. Memories]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2009, 463 p.
- Kovalevskiy M. Chemu uchit nas Angliya? [What does England teach us?]. *Birzhevye vedomosti*. 9 December 1915, no. 15259, p. 2.
- Lukian (S. Lyuboshits). Dela pechatnye [Printing Affairs]. *Birzhevye vedomosti*. 6 September 1917, no. 16427, p. 3.
- Lyubosh (Lyuboshits) S. "Svoboda slova" ["Freedom of speech"]. *Birzhevye vedomosti*. 29 September 1917, no. 16467, p. 3.
- Prokof'ev S. Ministerstvo bezgramotnosti [Ministry of Illiteracy]. *Birzhevye vedomosti*. 24 June 1917, no. 16301, p. 3.
- Propper S. Pis'mo v redaktsiyu [Letter to the editor]. *Rech'*. 29 May 1916, no. 146, p. 5.
- Struve P. Po povodu odnoy ankety [About one questionnaire]. *Birzhevye vedomosti*. 16 February 1915b, no. 14674, p. 3.
- Struve P. Rossiya i angliyskaya kul'tura [Russia and English culture]. *Birzhevye vedomosti*. 27 November 1915a, no. 15235, p. 3.
- Voloshin M. A. *Sobranie sochineniy. T. 6, kn. 1. Proza 1906–1916. Ocherki, stat'i, retsenzii* [Collected works. Vol. 6, bk. 1. Prose 1906–1916. Essays, articles, reviews]. Moscow, Ellis Lak, 2007, 896 p.
- Voloshin M. A. *Sobranie sochineniy. T. 10. Pis'ma 1913–1917* [Collected works. Vol. 10, Letters of 1913–1917]. Moscow, Ellis Lak, 2011, 832 p.
- Voloshin M. Parizh i vojna. Zhertvy [Paris and the war. The victims]. *Birzhevye vedomosti*. 26 June 1915, no. 14927, p. 3.
- Yasinskiy I. I. *Roman moey zhizni: Kniga vospominaniy* [The affair of my life: A book of memories]. Moscow, New Literary Observer, 2010, vol. 2, 720 p.

List of sources

- Pis'mo A. Kuprina A. Izmaylovu. 20 noyab. 1916 g. [A letter of A. Kuprin to A. Izmailov. 20 November 1916]. In: *RO IRLI. F. 115. A. I. Izmaylov. Op. 3. Ed. khr.*
- Pis'ma I. Yasinskogo [Letters of I. Yasinsky]. In: *RO IRLI. F. 115. A. I. Izmaylov. Op. 3. Ed. khr. 392.*
- Pis'mo I. Yasinskogo A. Izmaylovu. 1916 [Letter from I. Yasinsky to A. Izmailov. 1916]. In: *OR RNB. F. 901. I. I. Yasinskiy. Op. 1. Ed. khr. 93.*

Е. Н. Проскурина

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

**Литература восточной эмиграции в журнале «Русские записки»:
к проблеме несостоявшегося диалога***

Исследуются произведения авторов восточной эмиграции в журнале «Русские записки» (1937–1939), представленные в их литературном окружении. Проанализирована история журнала, выявлены причины отказа его парижской редакции от первоначальных намерений стать «культурным мостом» между двумя полюсами первой эмиграции: восточным и западным. За время существования «Русских записок» на их страницах были представлены произведения только трех харбинских авторов: «Песни об Уленспигеле» А. Несмелова, рассказ «Степной Ворон» Б. Волкова и «Стихи одного дня» А. Ачаира. Исчез со страниц журнала и раздел «Дальневосточное обозрение», представлявший картину социально-экономической и культурной жизни края в первых трех номерах. Причиной отказа от совместного проекта парижская редакция выдвинула «отсутствие художественного вкуса и чутка» у восточных авторов. Однако анализ опубликованных произведений показал, что их качество не уступает качеству произведений парижских литераторов.

Ключевые слова: культурный диалог, литература первой эмиграции, журнал «Русские записки», восточная эмиграция, Арс. Несмелов, А. Ачаир, Б. Волков, «парижская нота».

Журнал «Русские записки» (1937–1939) был единственной совместной инициативой издательского «культурного моста», предпринятой литераторами западной и восточной ветвей первой эмиграции. С первого по третий номер местами издания значились Париж и Шанхай, а в подзаголовке уточнялось направление журнала: «Общественно-политический и литературный журнал». На последней странице первого номера дана информация: «Выходит в Шанхае каждые два месяца» (Русские записки, 1937, № 1, с. 331)¹. Здесь же указаны подписные цены для жителей Китая, Японии, Европы и других стран, а также парижский и шанхайский адреса издания. Однако уже с четвертого по последний, двадцать первый номер местом издания указан только Париж и удалена информация о направлении журнала. «Русские записки» стали выходить с нейтральным подзаголовком: «Ежемесячный журнал».

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-18-00127 «Сибирь и Дальний Восток первой половины XX века как пространство литературного трансфера»

¹ Тексты из журнала приводятся в соответствии с правилами современной орфографии. – Е. П.

Проскурина Елена Николаевна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; proskurina_elena@mail.ru)

В первом номере в редакционной статье дано разъяснение концепции издания и его задач. Идея его возникновения принадлежала представителям восточной эмиграции, которые обеспечили материальную возможность выхода журнала: «Если редакция “Русских Записок” находится в Париже, то почин и средства нового предприятия исходят от Шанхайской группы русских эмигрантов, и это накладывает на журнал особый отпечаток» (Русские записки, 1937, № 1, с. 5). «Отпечаток» заключался в условиях, поставленном Шанхайской группой: во «внимании к Дальнему Востоку и освещении его проблем» (Там же). Радостные надежды выражают члены парижской редакции: «...в состав парижских работников вливаются свежие силы. Мы приветствуем это обновление и рассматриваем его лишь как первый шаг. Не один Китай, но и другие центры эмиграции должны найти свой дом на страницах наших журналов. В этом отношении “Русские Записки” уже предприняли необходимые шаги. Первый номер журнала не отражает достаточно этой существенной стороны его жизни. В дальнейшем, мы надеемся, число сотрудников и тем “провинциального” – лучше было бы сказать, планетарного – круга будет все возрастать» (Там же). Однако этим амбициозным планам не суждено было осуществиться, что наглядно показывают и изменения в структуре журнала, и малое количество привлеченных в него авторов восточной ветви первой эмиграции.

Самыми объемными были первые три номера «Русских записок» – именно те, что объединяли две первоэмигрантские ветви: 330, 319 и 308 страниц соответственно. После того как совместная деятельность с Китаем прекратилась, их объем резко уменьшился и колебался между 205 и 208 страницами. В первых трех номерах существовал особый раздел «Дальневосточное обозрение», где представлена информация о событиях в Китае, дан общий обзор дальневосточной литературы. Причем если в первом номере помещены три статьи (о событиях в Северном Китае, эмиграции на Дальнем Востоке и писателях Дальнего Востока), во втором – две (о развитии национальной мощи Китая и писателях Шанхая), то в третьем – только одна, касающаяся экономической ситуации в Китае. Начиная с четвертого номера, редакция упраздняет этот раздел. Исчез с последней страницы и шанхайский адрес издания, а также указание на подписную цену журнала в Китае. Таким образом, заявленная в первом номере «Русских записок» цель сближения двух эмигрантских ветвей на страницах журнала своей реализации не получила. Неудачу этого совместного проекта уже после выхода первого номера предрек Л. Гомолицкий, опубликовавший в газете «Меч» за подписью «Г. Николаев» заметку под названием «Русские записки», где обосновал на примерах из данного номера концептуальное положение статьи «Эмигрантские писатели на Дальнем Востоке», автор которой скрылся за инициалами И. Ф. [И. Ф., 1937]. «Тут подробно на примерах объяснено, что никаких русских писателей на Дальнем Востоке (кроме разве одного Арсения Несмелова) нет. Несмотря на более легкую жизнь, чем в Европе, несмотря на русский воздух дальневосточных городов, несмотря даже на большое количество книг, там выходящих, – настоящая литература на Дальнем Востоке отсутствует. Автор статьи объясняет это явление тем, что литературная эмиграция устремилась на Запад, что на Востоке не оказалось ни одного большого писателя старого поколения, который бы имел влияние на подрастающие таланты, а также отсутствием настоящей литературной критики и духовного общения с европейскими литературными центрами. Как бы то ни было, участие Дальнего Востока в новом журнале, по-видимому, останется, как и в первой книге “Русских Записок”, платоническим. В предисловии редакция не объясняет, какие именно круги дальневост[очной] эмиграции дают средства на издание. Но если предположить, что круги эти литературные, то едва ли у них хватит надолго великодушия издавать парижан. Парижская же редакция никогда не пойдет на компромисс и не станет печатать образцы “местной” дальневосточной литера-

туры, отличительные признаки которой (цитирую статью из “Русских Записок”): “отсутствие художественного вкуса и чутья, небрежность отношения к своей работе и к своему читателю”» [Николаев, 1937].

На наш взгляд, эти две публикации (И. Ф. и Гомолицкого) отразили общее восприятие творчества авторов восточной эмиграции русскими парижанами, которыми «русский Харбин и Шанхай воспринимались как провинция, от которой в культурном плане многого ожидать не приходится. ... Нельзя сказать, чтобы творчество русского Китая в Европе не замечали – замечали недостаточно, вспоминали мало, любознательности не проявляли» [Крейд, 2001]. Показательно, что за все время существования «Русских записок» на их страницах были представлены произведения только трех авторов-харбинцев: «Песни об Уленспигеле»² А. Несмелова в первом номере, рассказ «Степной Ворон» Б. Волкова во втором и «Стихи одного дня» А. Ачаира в восемнадцатом. По поводу «Песен об Уленспигеле» Г. Николаев (Л. Гомолицкий) пишет в цитированной выше заметке: «Арс. Несмелов напечатал “Песни об Уленспигеле”. Рядом со стихами парижан от этих “песен” веет каким-то старомодным холодком, и кажутся они не оригинальным произведением, а переводом» [Николаев, 1937]. На наш взгляд, эта краткая реплика носит явно тенденциозный характер. У «старомодности» «Песен» довольно богатая литературная традиция. И здесь хотелось бы подробнее остановиться на этом произведении. Но начать следует с его поэтического окружения.

Поэтический раздел номера открывает «Поэма о дубе» Ант. Ладинского, следом опубликован диптих Д. Кнута «Разлука», далее стихотворения Л. Кельберина и Ю. Софиева. «Песни об Уленспигеле» завершают «поэтическую страничку» журнала.

Стихи русских парижан объединены одним общим настроением, единым мироощущением, характерным для парижской поэзии в целом, которое кратко выразил в одной из своих статей Б. Поплавский: «... существует только одна парижская школа, одна метафизическая нота, все время растущая – торжественная, светлая и безнадежная» [2009, с. 49]. В «Комментариях», объясняя принципы «парижской школы», Г. Адамович писал: «Какие должны быть стихи? Чтобы как аэроплан, тянулись, тянулись по земле, и вдруг взлетали... если и не высоко, то со всей тяжестью груза. Чтобы все было понятно, и только в щели смысла врывался пронизывающий трансцендентальный ветерок. ... Чтобы нечего было добавить, некуда было уйти, чтобы “ах!” , чтобы “зачем ты меня оставил?” , и вообще, чтобы человек как будто пил горький, черный, ледяной напиток, “последний ключ”, от которого он уже не оторвется» [1930, с. 141].

В «Поэме о дубе» ведущими являются мотивы смерти, гибели, тлена, слез, смирения перед неумолимостью судьбы и пр. «Ладинского преследовала тема гибели Европы, гибели культуры, и он обращался к переломным эпохам в истории», – писал о поэте Г. Струве [1983, с. 314]. В строках «Поэмы» эта тема выражена комплексом традиционной романтической образности, центральным в которой является образ погибающего дуба, на смену которому должны прийти новые насаждения: «Предпочитаю гибель дуба // Средь молний и орлиных сил, // Прекрасный голос, громы, трубы, // Трезубец бури, шум ветрил! // <...> // И в электрическом биении // Пшеница будет пить озон, // Взойдут сады над нашим тленьем, // Наполнит их пчелиный звон» (Русские записки, 1937, № 1, с. 130–131). Дуб – один из излюбленных мотивных образов в поэзии Ладинского. Ему посвящено не одно стихотворение поэта: «Дуб», «В дубах» (1934). В последнем дуб именуется «древом героев» [Ладинский, 1937, с. 42]. Образ гибнущего дуба соот-

² Огласовка имени героя «Песен» – Уленспигель – более приближена к оригинальной нидерландской, в отличие от традиционного в русских переводах «Уленшпигель», как и имя его спутника: Ламме Гоодзак вместо привычного Гудзак.

носится также с образом поколения Ладинского, что выражено в «Поэме о дубе» местоимением «наш»: «Взойдут сады над нашим тленьем». Этой аналогией поэт утверждает героический статус поколения первоэмигрантов, романтизирует его трагическую судьбу. На мотивном уровне в финальной строфе слышится отзвук пушкинского стихотворения «Вновь я посетил...», где поворот от грусти уходящей жизни к приветствию нового «племени» происходит в последних строках.

Минорными интонациями пронизана «Разлука» Д. Кнута. Ведущими в ней являются мотивы разлуки, памяти, забвения, смерти: «Ты забудешь родных и знакомых», «Ты забудешь, зачем ты жила»... В сфере памяти остаются лишь «Ветры гибели и пустоты» (Русские записки, 1937, № 1, с. 134). Трехстопный анапест, которым написана «Разлука», – тот же размер, что, например, в некрасовских стихах «Что ни год – уменьшаются силы», «Я сегодня так грустно настроен» с их «плачущей» напевностью. Тот же размер и в блоковском стихотворении «К Музе» («Есть в напевах твоих сокровенных // Роковая о гибели весть»), с которым «Разлука» сближена мотивами гибели, иллюзорности счастья. Но если образ блоковской Музы содержит множество проекций и при этом сохраняет ореол тайны («Зла, добра ли? – // Ты вся – не отсюда. // Мудрено про тебя говорят: // Для иных ты и Муза, и чудо. // Для меня ты – мученье и ад» [Блок, 1960, с. 7]), то «Ты» лирических переживаний героя в «Разлуке» семантически одномерно и укладывается в тему утраченной любви.

Мотивы пути, вечера, памяти, утраты, смерти – основные в трех стихотворениях Л. Кельберина. Особенно интересно занимающее среднюю часть стихотворение «Смерть на дудочке играет»:

Смерть на дудочке играет,
Ветер песенку поет.
Белый парус выплывает,
Тихо к берегу плывет.

Море солнце поглотило,
День сгорел, но мир глубок.
Стадо сонное застыло,
Замечтался пастушок. –

Дорогая, дорогая,
Если нет на свете рая
В страхе, в нежности, в стыде,
Значит, рая нет нигде –

Ветер с моря прилетает,
Прилетает, улетает.
Всходит белая звезда.
Смерть приходит навсегда

(Русские записки, 1937, № 1, с. 135).

Ритмом и мелодикой две первые строки создают ощущение легкости и простоты, которая, однако, контрастирует с содержанием. При анализе семантики четырехстопного хоря М. Л. Гаспаров отмечал его многогранность, способную «обслуживать различную поэтическую тематику», а также его песенность, напевность [Гаспаров, 2012, с. 270]. В плане семантической многогранности стихотворного размера всего стихотворения сразу возникают аналогии с противоположными по тематике, но объединенными одним размером пушкинскими стихами: «Бесы (Мчатся тучи, выются тучи)», «Буря мглою небо кроет», фрагмент из поэмы «Цыганы» («Птичка божия не знает // ни заботы, ни труда»), а так-

же «Сказкой о царе Салтане»³. Аллюзия на пушкинскую «Сказку» отчетлива в строках: «Белый парус выплывает, // Тихо к берегу плывет» и «Ветер с моря прилетает, // Прилетает, улетает». Ср. в пушкинском тексте: «Ветер на море гуляет // И кораблик подгоняет; // Он бежит себе в волнах // На раздутых парусах» [Пушкин, 1977, с. 318]. В реминисцентное поле стихотворения попадают также русские сказки про дудочку: «Волшебная дудочка», где травяная дудочка при игре на ней поет голосом девушки, утопленной своей завистливой сестрой; «Пастушья дудочка» про веселого и сметливого пастушка, «обыгравшего» игрой на дудочке своих скаредных хозяев. Однако в стихотворении Кельберина пастушком оказывается не находчивый сказочный герой, а смерть. Здесь можно указать еще один реминисцентный отзвук: известную легенду о Крысолове, где центральным мотивом является игра на дудочке (флейте), звуки которой оказываются заворачивающими, зовущими в смерть.

Исповедальность, «лирический биографизм» – основные художественные «приметы» представленных в «Русских записках» стихов Ю. Софиева. Главные темы его поэзии связаны с участием в Гражданской войне, с покинутой Россией. При этом отличительной чертой его поэтического высказывания можно назвать эмоциональную сдержанность, отсутствие ярких выразительных средств: «В этой жизни падшей и глупой // Разучились мы плакать навзрыд. // И все-таки – неизменно – Я сберег и восторг и стыд» (Русские записки, 1937, № 1, с. 138).

Все сказанное выше в отношении поэзии парижских авторов, представленной на страницах первого номера «Русских записок», служит для нас фоном к «Песням об Уленспигеле» Арс. Несмелова. Напомним приведенное выше отношение к ним Г. Николаева: «рядом со стихами парижан от этих “песен” веет каким-то старомодным холодком, и кажутся они не оригинальным произведением, а переводом». Однако и тематически, и ритмически, и эмоционально произведение Несмелова кардинально отличается от «стихов парижан». В его «Песнях» можно увидеть характерные для творчества представителей восточной эмиграции отличительные признаки. Как отметил В. Агеносов, «несмотря на то, что в Харбине хорошо знали и ценили поэзию В. Ходасевича, Г. Адамовича, Г. Иванова, Д. Кнута, Б. Поплавского, А. Штейгера, весьма интересовались творчеством Сирина (Набокова), поэты Харбина не принимали парижской меланхолии, полемизировали с парижской “нотой”» [Агеносов, 1998, с. 56]. Это была не столько теоретическая полемика – в восточной эмиграции не было сильных теоретиков литературы, в отличие от западной, – сколько противостояние в самом творчестве, в котором больше стоического, жизнеутверждающего пафоса, чем у представителей «парижской ноты». Как пример жизненного стоицизма можно привести строчки из стихотворения А. Ачаира «Эмигранты»: «Не согнула судьба нас, не выгнула, // Хоть пригнула до самой земли, // А за то, что нас Родина выгнала, // Мы по свету ее разнесли» [Русская поэзия Китая, 2001].

«Песни об Уленспигеле» – яркий контрапункт представленному выше корпусу парижской поэзии, что видно уже по их начальным строкам:

По затихшим фландрским селам,
Полон юношеских сил,
Пересмешником веселым
Уленспигель проходил.

А в стране веселья мало,
Слышен только лязг оков,

³ В работе М. Гаспарова приведен практически весь, довольно обширный, перечень стихов Пушкина, написанных четырехстопным хореем. В своем выборе мы руководствовались принципом семантического контраста.

Инквизиция сжигала
На кострах еретиков.

И, склонясь на подоконник, –
Есть и трапезе предел, –
Подозрительно каноник
На прохожего глядел.

– Почему ты, парень, весел,
Если всюду только плач?
Как бы парня не повесил
На столбах своих палач!

Пышет. Смотрит исподлобья.
Пальцем строго покачал.
– Полно, ваше преподобье! –
Уленспигель отвечал.

Простачок я, щебет птичий,
Песня сел и деревень.
Для такой ничтожной дичи
Не тревожьте вашу лень...

(Русские записки, 1937, № 1, с. 139–140)

Образ Уленспигеля в «Песнях» Несмелова исполнен радости жизни, света, биения молодой крови. Легкостью, напевностью интонации четырехстопного хорей автору удалось поэтически воплотить характер героя «Легенды об Уленспигеле и Ламме Гудзаке» Ш. де Костера. Текст произведения – «словно веселый выкрик самого озорного Уленспигеля, душу которого так верно понял поэт»⁴. Мотивом птичьего щебета эта маленькая поэма перекликается с фрагментом из поэмы «Цыганы» Пушкина «Птичка», написанном тем же стихотворным размером: «Птичка гласу Бога внемлет, // Встрепенется и поет...» [Пушкин, 1977, с. 154]. Как было показано выше, тот же четырехстопный хорей в стихотворении Л. Кельберина «Смерть на дудочке играет» заряжен обратным смыслом.

По силе романтической патетики, «по духу» исследователь В. Коростов сравнивает «Песни» с «Птицеловом» Э. Багрицкого⁵, опубликованным в 1927 г. Соотносятся они с этим стихотворением как одинаковым стихотворным метром, так и уже знакомым мотивом птичьего пения:

Трудно дело птицелова:
Заучи повадки птичьи,
Помни время перелетов,
Разным посвистом свисти.

Но, шатаясь по дорогам,
Под заборами ночуя,
Дидель весел, Дидель может
Песни петь и птиц ловить
[Багрицкий, 1938, с. 447].

Образ весельчака Уленспигеля действительно во многом близок образу веселого Птицелова – так же, как близка интонация «Песни» романтической настроенности стихотворения Багрицкого. Думается, и «Птичка» Пушкина, и «Птице-

⁴ Коростов В. Одиссея Арсения Несмелова. URL: <https://www.neizvestniy-geniy.ru/cat/literature/stati/83978.html> (дата обращения 01.05. 2019).

⁵ Там же.

лов» были в сфере творческой рецепции Несмелова при создании его поэтического шедевра. В выборе стихотворного размера ощутим шлейф культурной памяти, а именно пушкинской традиции. Как отмечает в цитированной выше работе М. Гаспаров, с конца 1820-х гг. четырехстопный хорей «для Пушкина становится носителем экзотики (русской простонародной – или иноземной), носителем “чужого голоса”» [Гаспаров, 2012, с. 283]. Как раз «вторжение народно-бытовой тематики» придает «Песням» Арс. Несмелова «размашистую яркость и пафос», что М. Гаспаров определяет в качестве дальнейшего развития четырехстопного хорей [Там же, с. 304].

Следует отметить активный интерес к роману Ш. де Костера в русской литературе первых послереволюционных десятилетий. В 1928 г. он вышел в осуществленной О. Мандельштамом контаминации двух переводов: В. Корякина и А. Горнфельда, в 1935 г. опубликован перевод А. Горнфельда, в 1936 – переложение для детей Н. Заболоцкого, в 1921–1928 гг. создает «Фламандский цикл» Э. Багрицкий, посвященный герою «Легенды». Его образ – веселого бродяги, плута, балагура – притягивал отечественных авторов своим свободолобием в лишенное свободы время. «Песни об Уленспигеле» Несмелова дополняют этот литературный ряд. Свое светлое по тональности и приподнято-романтическое по духу творение поэт также создает в отнюдь не романтических обстоятельствах вынужденной эмиграции, осложнившихся японской оккупацией Маньчжурии⁶, что придает ему особое значение и место в истории литературы ушедшего столетия и эмигрантской поэзии, в частности.

У «Стихов одного дня» А. Ачаира нет такого плотного поэтического фона, как у «Песен об Уленспигеле». Из поэзии здесь представлено лишь еще одно произведение: «День» Вл. Пиотровского, посвященное воспоминанию о его военной биографии. В начальных строфах ведущими являются мотивы проигранной битвы и неминуемой смерти: «В разбитой хижине к утру // Совет составил случайный, // И не было уж больше тайной, // Что с первым солнцем я умру» (Русские записки, 1939, № 18, с. 61). В последних двух строфах мотив смерти, проходящий через весь текст, сменяется радостным ликованием жизни. Лирический герой, таким образом, переживает собственное чудо воскресения: «Тогда, в минуты роковые, // Как будто гибели назло, // Тогда, клянусь, меня впервые, // Такое счастье обожгло, – // К такой свободе полноводной // Душа прильнула наяву, – // Что новый день, как смерть свободный, // Стал днем живых. И я – живу» (Там же). Переполюющаяся героя эмоция выражена в последних двух строфах тремя тире, словно перекидывающими мост от отчаяния к радости, из смерти в жизнь. Мужское окончание в последней строке утверждает охватившую героя радость возрождения.

Четыре стихотворения Ачаира: «Стихи без слов», «Золотая прядь», «Птичка» и «Черный лебедь», объединены мотивами памяти, утраты, разлуки, несостоявшихся надежд. Три стихотворения: «Стихи без слов», «Золотая прядь», «Птичка», близки романсному жанру. В них можно обнаружить все основные слова-сигналы, характеризующие состояние лирического героя, присущие романсной поэзии. Это глаголы *любить, разлюбить, ждать, помнить, забыть, потерять*; ассоциативно связанные с ними существительные *встреча, свидание, разлука* и т. п. При этом образы выстраиваются в романсе по принципу оппозиции *любить / разлюбить, сейчас / давно* (см.: [Поэтический словарь, 2008]), которая также прослеживается в стихотворениях Ачаира. Сентиментальная окраска лирическим переживаниям героя придается воспоминаниями о бессонных ночах, впалых веках и розовых щеках возлюбленной, а также образами хранимой золотистой пряди

⁶ Подробно о жизни русского Харбина «под японцами» см., например, в воспоминаниях: [Гончаренко, 2009; Николаева, 2016].

и любви как «прекрасного плена» и др. Весь используемый поэтом образно-мотивный ряд уже приобрел ко времени написания стихов характер литературных штампов. При этом своей меланхолической интонацией они в полной мере соответствуют лирической атмосфере «парижской ноты».

Выделяется из приведенного корпуса последнее, четвертое стихотворение – «Черный лебедь»:

Черный лебедь, черный лебедь
силуэтом на закате
проплывал по плавным волнам
затененного пруда.

А на небе, а на небе,
на крутом лимонном скате
встала точкою безмолвной
серебристая звезда.

Лебедь – это крылья ночи,
это – траурное платье,
это – темный свод костела,
черный мрак тяжелых плит.

Счастье, будешь ли короче
светлой искры на закате,
чей серебряно-веселый
луч со мною говорит?..

В темном небе светом бледным
на пустом, потухшем скате
вспыхнет вновь в тоске безмолвной,
чтоб уснуть навек, звезда.

И серебряные ленты –
память счастья на закате –
разорвав, потопит в волнах
черный лебедь навсегда
(Русские записки, 1939, № 18, с. 88).

В этом поистине поэтическом шедевре интересно все: и образный ряд, и яркие метафоры, и строфика, и особенности рифмовки внутри четырехстопного хорея.

Образ черного лебедя приобрел ко времени написания стихотворения уже характер культурного штампа. В отечественной культуре это и персонаж балета П. И. Чайковского «Лебединое озеро», и знаменитая вилла Н. П. Рябушинского, известного московского мецената – покровителя русских модернистов, получившая название «Черный лебедь»: «Стилизованное изображение черного лебедя украшало все – изготовленную по специальному заказу мебель, фарфоровые сервизы, хрусталь, заказанные в Италии рюмки из тончайшего венецианского стекла. Черный лебедь украшал и фронтон виллы»⁷. Также Г. Газданов написал в 1930 г. рассказ «Черные лебеди», опубликованный в девятом номере журнала «Воля России». Вполне возможно, что Ачаир был знаком с этим произведением. Обращение к казалось бы клишированному образу должно повлечь за собой столь же мало-оригинальное развитие лирического сюжета стихотворения. Однако поэту удалось избежать качества вторичности своего произведения, сохранив при этом трагический ореол центрального образа.

⁷ *Малысова Г.* Вилла «Черный лебедь». URL: https://um.mos.ru/houses/villa_chernyy_lebed/ (дата обращения 02.05.2019).

Лексический повтор в первой строке двух четверостиший: «Черный лебедь, черный лебедь», «А на небе, а на небе», графическая выделенность всех первых строк из шести строф придают стихотворению песенный характер. Любопытна и рифмовка стихотворения, сделанная не по распространенным параллельному, перекрестному или кольцевому принципам. У Ачаира первый стих первой строфы рифмуется с первым стихом второй, второй стих первой строфы – со вторым из второй, третий стих из первой строфы – с третьим из второй, четвертый стих первой строфы – с четвертым из второй. Этот порядок сохраняется по всему тексту, как бы сцепляя предыдущую строфу с последующей, прокладывая мост от одной к другой. При этом короткая мужская клаузула на концах строф дает твердое ощущение конца, усиливающееся последним словом стихотворения: «навсегда».

В стихотворении Ачаира образ черного лебедя – аллегория сгущающейся ночи, навсегда потопившей исходящий от вечерней звезды закатный луч надежды / счастья. Произведение продолжает традицию «грустных стихов», тревожных, медитативно сентенционных, написанных тем же размером четырехстопного хорей: «Если жизнь тебя обманет», «Дар напрасный, дар случайный», «Снова тучи надо мною» Пушкина, «Время сердцу быть в покое», «Два сокола» Лермонтова, а также баллад Жуковского и мн. др. На образном уровне элегическая тональность стихотворения поддерживается ассоциативным метафорическим рядом: «Лебедь – это крылья ночи, // это – траурное платье, // это – темный свод костела, // черный мрак тяжелых плит». В последней строке «черный мрак тяжелых плит» наделяется двойной семантикой: с одной стороны, это могут быть плиты костела, которыми покрыт его пол, с другой, могильные плиты – как в самом костеле, так и на расположенном рядом с ним кладбище. Таким образом, траурные крыла черного лебедя покрывают собой всю образную систему стихотворения, все его сюжетное пространство.

Вызывает некоторое недоумение то, что ни Несмелов, ни Ачаир не включили в подборку своих стихов произведения, в которых художественно отражен мир Китая. Г. Гребенщиков в письме к Ачаиру давал совет: «Когда будете писать, думайте о простоте и четкости русского языка, но дайте аромат и китайского. Ведь этого в литературе ещё не было показано»⁸. Ко времени выхода «Русских записок» таких стихов было немало в творчестве обоих поэтов. Возможно, на страницах этого журнала они хотели предстать продолжателями отечественной поэтической традиции, соответствуя названию издания.

Восточная экзотика стала темой рассказа Б. Волкова «Степной Ворон». Этого автора можно лишь отчасти причислить к восточной эмиграции: после нескольких лет жизни в Китае он в 1923 г. переезжает в США, где печатается в русских зарубежных журналах, становится одним из основателей Русского Центра в Сан-Франциско. Именно из Америки Волков посылает в «Русские записки» свой небольшой рассказ, связанный с тем периодом его биографии, когда он в Гражданскую войну служил агентом Сибирского правительства в Монголии, а после падения армии Колчака перебрался в Китай. Возможно, этот эпизод перехода воспроизведен в «Степном Вороне». Рассказ является фрагментом неопубликованного автобиографического романа писателя «Царство золотых будд», посвященного периоду Гражданской войны в Сибири и Монголии. Эта же тема проходит сквозь поэтический сборник Волкова «В пыли чужих дорог» [1934], опубликованный в Берлине.

Тематически «Степной Ворон» относится к корпусу произведений, развивающих инациональную тему в русской литературе. Рассказ относится к этногра-

⁸ См.: Эстезис. URL: <https://aesthesis.ru/magazine/april17/russian-kharbin> (дата обращения 20.04.2019).

фической прозе. Начало его написано в куперовской традиции (не случайно рассказ создавался в американский период жизни автора):

Тот, кто бывал в Монголии, знает о прелестных горных лощинах, которые встречаешь неожиданно – «за поворотом», подвезжая из степи к лесистым хребтам.

Эти лощины в Сибири называют «падью», они выходят «устьем» в степь, верховьем теряются в лесистых хребтах.

В них встречаешь сочную, высокую траву, деревья, прохладный дующий с хребта ветерок. В эти пади уходит летом кочевник от степного зноя, от выгорающей в степи травы.

В такую падь мы со Степным Вороном неожиданно попали после двухчасовой верховой езды. ... Это и была «Уединенная долина», о которой Степной Ворон говорил. Действительно – без проводников ее трудно было бы отыскать. Посередине долины, падая с вышины, пробегал ручей, а вдоль ручья, по склону, разбросались под кедрами семь серых войлочных юрт. У некоторых из них виднелись срубленные наскоро из свежих деревьев загоны для скота. Из юрт вились дымки (Русские записки, 1937, № 2, с. 99–100).

Сюжет рассказа строится вокруг быта и обычаев монголов, с которыми русский я-повествователь знакомится в пути «на Селенгу», куда его ведет проводник-монгол по прозвищу Степной Ворон. Из некоторых деталей сюжета можно установить, что в нем воспроизведен этап перехода я-повествователя через Монголию в Китай, изображенного как опасный поход:

Степной Ворон... заговорил по-русски, обращаясь ко мне. Его план был ясен и прост. Он брал с собой на Селенгу Далая, Дамдына и еще семь вооруженных, конных людей. Решил он идти тайгою, высылая в бурятские улусы по пути разведку, которая должна была изображать иногда охотников, иногда богомольцев, идущих на богомолье или возвращающихся с богомолья, в зависимости от расположения очередного бурятского дацана-монастыря (Там же, с. 103).

Однако больше к теме похода герой-повествователь не возвращается. Его внимание сосредоточено на «чужом» для него мире: деталях быта, особенностях обычаев, культуры. Героя удивляет опрятность и чистота юрты, в которой он останавливается на ночлег, отсутствие лишних вещей и предметов и при этом царящие в ней уют и тепло:

Мне очень понравилась юрта, куда я попал. И я думал о том, что, если привыкнешь, нет более приятного дома, чем юрта в лесу или степи.

Мое плечо согрел огонь жаровни. В юрте не было углов – пол ее представлял почти правильный круг. В ней не было стен, потолка, пола наших комнат. Все это заменял войлок (как рождественская игрушка, завернутая в вату).

Фактически не было и мебели. Кроме божницы и жаровни справа я видел лишь один красного лака ящик для одежды, да у двери, по обеим сторонам ее, несложную утварь для сбивания масла, кроме того, если напрячь зрение, можно было увидеть седло, уздечку, капкан да старинное кремневое ружье (Там же, с. 106).

Герой любит красоту и силу молодого монгола Далая, напоминающего всем своим обликом сильного зверя. В этом сопоставлении автор использует традиционный для этнографической прозы художественный прием. Однако совсем

иное впечатление возникает у повествователя от другого монгола, Дамдына – выросшего ребенка-Маугли:

Дамдын – плотник и кузнец – был полной противоположностью Далаю. Он был грязен и запылен. На нем была темная, неопределенного цвета рубаха, заправленная в такие же темные, неопределенного цвета порты. За красным кушаком сзади был заткнут топор. Был он бос. И давно небритая голова его была повязана куском лохматого и грязного полотенца.

Дамдын был исключительно массивен и тяжел. И поражали: его громадное плоское лицо, скошенный лоб, глаза-щелки, синеватые губы в палец толщиной. Это был звереподобный человек. Он сидел, выворотив босые ступни ног. Глядел исподлобья. Степной Ворон нашел его где-то в тайге полуумирающим ребенком лет тридцать тому назад. С тех пор Дамдын стал полурабом, слепо идущим за своим господином, по собачьи преданным ему (Русские записки, 1937, № 2, с. 102–103).

Но больше всего поразила героя юная дочь Степного Ворона по имени Мюсень-гюрель:

У пылающей жаровни необыкновенно красивая дикая девушка в бусах и кольцах пила мелкими глотками водку из чашки и закусывала, хрустя на крепких белых зубах леденцами.

Затем, обняв руками колена, она стала, слегка покачиваясь из стороны в сторону, петь. Девушка полузакрыла глаза. Яркий румянец исчез. Лицо побледнело. Под глазами легли большие черные тени. Горлом она выводила странный мотив.

Зная, что большинство песен в степи составляется певцом на случай, я попросил старика переводить (Там же, с. 106–107).

Песня о незнакомом всаднике, которому девушка вынесла напиток кислого молока, заканчивалась словами: «И я знала, что буду кричать и биться // Под его сильной рукой // На его седле» (Там же, с. 107). Известный русский песенный сюжет о путнике, которому девушка выносит воды напиток (например, стихотворение Евг. Гребенки «Молода еще девица я была», ставшее известной песней), здесь приобрел национальное звучание.

Правильная песня, – одобрительно качал головой Степной Ворон, – правильная песня... Говорит Великий Хан: «Если свободный всадник нагонит в степи свободную девушку и, схватив узду ее коня, заставит слезть ее в траву, – она считается его женой. Дело родителей взыскать калым»... (Там же, с. 107).

Ночью в знак дружбы Степной Ворон посылает к герою свою дочь, которую он, проснувшись, видит сидящей обнаженной рядом со своим ложем.

Ее удивила моя непонятливость. На своем ломаном языке она старалась разъяснить мне, как ребенку, этот странный обычай степного гостеприимства. Затем движением плеч просто скинула шубу и, обнаженная, поблескивая и смеясь узкими глазами, стала многозначительно расплетать одну черную косу за другой. Наш старинный русский обряд расплетания девичьей косы перед свадьбой промелькнул передо мной... Несомненно, со стороны Степного Ворона это был акт настоящего степного внимания, и я понимал, что это не был вопрос денег: такую девушку нельзя так просто купить... но мне ничего не оставалось, как закричать, призывая на помощь старика (Там же, с. 111).

Путаясь и подыскивая слова, герой пытается объяснить Степному Ворону «основные принципы морали», не позволившие ему воспользоваться экзотичными законами степного гостеприимства, на что старый монгол, не понимая, лишь поворчал: «Недостаточно толста Мюсель-гюрель».

Старый отец, – продолжал с достоинством Степной Ворон, лишь заметил: наену – лучшему другу нужна женщина... Послушная, хорошая дочь встала и пошла... –

У жаровни, не обращая внимания на свою наготу, сидела девушка и плакала, прикрывая временами, как это делают плачущие дети, лицо локтем руки. Старик грозно прикрикнул на нее, и она выскочила из юрты, всхлипывая и натягивая шубу в рукава. Мне было чрезвычайно неловко (Там же, с. 112), –

заканчивает свой рассказ о ночном происшествии герой.

Однако коммуникативный конфликт в рассказе так и остается неразрешенным. То, что для русского человека является одним из основных моральных устоев, для старого монгола – признак дури:

Почто хочешь быть дураком, наен? ... Великий хан говорит: «Из взятых табунов лучших коней отберите для себя»... Вот почему, хотя не заботится о своем коне монгол, не найти крепче монгольского коня... Великий хан говорит: «Из взятых пленниц лучших женщин заставьте лечь с вами»... Вот почему и сейчас у бурятских девок груди... Видел грудь Мюсень-гюрель?.. –

Степной Ворон говорил долго и выкурил много трубок. И выходило, по его словам, что нет любви, но есть стройная система – Завет Великих Ханов, подбором пленниц думавших выковать для Мирового Государства новую расу, прекрасней и сильней которой не знал мир. И если это так, то в целях отбора, почему не уступить достойному чужестранцу на время – свою жену или дочь? (Там же, с. 113).

Националистический по своей сути «Завет Великих Ханов», который так неудачно попытался осуществить Степной Ворон, вполне вписывался в рамки реализации проекта реставрации империи Чингисхана от Тихого океана до Каспия барона Унгерна. Таким образом, в контексте истории Гражданской войны на Дальнем Востоке у иронического финала рассказа Б. Волкова вполне серьезный подтекст.

Яркая по своим краскам и лаконичная по языку повествования художественность произведения может быть соотнесена с лучшими творениями отечественной прозы. Искусно воспроизведенный в «Степном Вороне» национальный колорит, образы героев дополняют традицию отечественной литературы, посвященной инонациональной теме, притягивают к себе такие ее образцы, как кавказские поэмы Пушкина, Лермонтова, повести Л. Толстого, произведения В. Арсеньева и мн. др. Эта тема, лишь намеченная в данной статье, может составить проблематику не одной научной работы.

Подводя итог нашим далеко не исчерпывающим наблюдениям, следует отметить, что несостоявшийся на страницах «Русских записок» мост между двумя эмигрантскими ветвями, как и оборванность самого журнала через год после его первого выпуска, могут быть отнесены к разряду творческих неудач, которых было немало среди издательских инициатив не только в русском зарубежье, но и в Советской России в первые послереволюционные десятилетия⁹. Однако неудавшаяся реализация концепции журнала обеспечить «свой дом» авторам вос-

⁹ О разных направлениях творческих неудач см.: [Proskurina, Silantsev, 2018].

точной эмиграции на его страницах в определенной мере искупается самим материалом, предложенным в издание представителями этой отрасли русского зарубежья.

Список литературы

- Агеносов В. В.* Литература русского зарубежья. М.: Изд. Terra-Спорт, 1998. 543 с.
- Адамович Г.* Комментарии // Числа. 1930. № 1. С. 136–143.
- Багрицкий Э. Г.* Собр. соч.: В 2 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1938. Т. 1. 702 с.
- Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. М.: ГИХЛ, 1960. Т. 3. 720 с.
- Волков Б.* В пыли чужих дорог. Берлин: Парабола, 1934. 176 с.
- Гаспаров М. Л.* Метр и смысл. Об одном из механизмов культурной памяти. М.: Фортуна ЭЛ, 2012. 416 с.
- Гончаренко О.* Русский Харбин. М.: Вече, 2009. 256 с.
- И. Ф.* Эмигрантские писатели на Дальнем Востоке // Русские записки. № 1. 1937. С. 322–330.
- Коростов В.* Одиссея Арсения Несмелова. URL: <https://www.neizvestniy-geny.ru/cat/literature/stati/83978.html> (дата обращения 01.05. 2019).
- Крейд В.* Все звезды повидав чужие // Русская поэзия Китая. Антология. М., 2001. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%90/all-nikolaj-nikolaevich/russkaya-poeziya-kitaya-antologiya#> (дата обращения 04.05. 2019).
- Ладинский Ант.* Стихи о Европе. Париж, МСМXXXVII [1937]. 61 с.
- Малясова Г.* Вилла «Черный лебедь». URL: https://um.mos.ru/houses/villa_chernyy_lebed/ (дата обращения 02.05.2019).
- Николаев Г.* Русские записки // Меч, 1937. № 32, 22 авг. С. 6.
- Николаева Н.* Японцы. Огре, 2016. 349 с.
- Поплавский Б.* О мистической атмосфере молодой литературы в эмиграции // Поплавский Б. Собр. соч.: В 3 т. М.: Книжница, Русский путь, Согласие, 2009. Т. 3. С. 45–50.
- Поэтический словарь. М.: Луч, 2008.
- Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Л.: Наука, 1977. Т. 4: Поэмы и сказки. 444 с.
- Русская поэзия Китая. Антология. М.: Время, 2001. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%90/all-nikolaj-nikolaevich/russkaya-poeziya-kitaya-antologiya> (дата обращения 04.05. 2019).
- Струве Г.* Русская литература в изгнании. Париж, 1983.
- Proskurina E., Silantyev I.* «I Studied Crisis...»: the Phenomenon of the Unfinished as a Literary Trilogy (*Проскурина Е., Силантьев И.* «Я кризис изучил...»: монографические труды о творческой неудаче / кризисе / феномене незавершенного как литературоведческая трилогия) // *Quaestio Rossica*. 2018. Vol. 6, no. 3. P. 891–903.

E. N. Proskurina

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation, proskurina_elen@mail.ru*

Eastern emigration literature in the magazine “Russkiye zapiski (Annales Russes)”: to the problem of a failed dialogue

The paper considers the works of the authors of Eastern emigration published in the magazine “Russkiye zapiski (Annales Russes)” (1937–1939) in their literary environment. The analysis of

the magazine's history allowed revealing the reasons why the Paris editors gave up the original intentions to become a "cultural bridge" between the two poles of the first emigration. During the existence of "Russkiye zapiski (Annales Russes)", the works of only three Harbin authors: "Songs about Uhlenpiegel" by A. Nesmelov, the story "Steppe Crow" by B. Volkov and "Poems of One Day" by A. Achair were published in the magazine. The rejection of the joint project was explained by the Paris editors by the "lack of artistic taste and flair" of the Eastern authors. However, the analysis of their published works shows that their quality is not inferior to the quality of works by Parisian writers. "Songs about Uhlenpiegel" by Nesmelov is distinguished by its optimism and love of life. Among the published verses of Achair, the poem "The Black Swan" stands out with its poetic refinement. The autobiographical story "Steppe Crow" by Volkov is devoted to the Eastern theme. The fate of the writer during the Civil War was associated with Mongolia. The work is distinguished by an interest in the world of Eastern culture, its exotic traditions for Europeans.

Keywords: cultural dialogue, literature of the first emigration, "Russkiye zapiski (Annales Russes)" magazine, eastern emigration, Ars. Nesmelov, A. Achair, B. Volkov, "Parizhskaya nota (Note parisienne)".

DOI 10.17223/18137083/69/10

References

- Agenosov V. V. *Literatura russkogo zarubezh'ya* [Literature of the Russian Diaspora]. Moscow, Terra-Sport 1998, 543 p.
- Adamovich G. Kommentarii [Comments]. *Chisla*. 1930, no. 1, pp. 136–143.
- Bagritskiy E. G. *Sobr. soch.: V 2 t. T. 1* [Collected works: In 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Leningrad, GIKHL, 1938, 702 p.
- Block A. *Sobr. soch.: V 8 t. T. 3* [Collected works: In 8 vols. Vol. 3]. Moscow, GIHL, 1960, 720 p.
- Gasparov M. L. *Metri i smysl. Ob odnom iz mekhanizmov kul'turnoy pamyati*. [Meter and meaning. About one of the mechanisms of cultural memory]. Moscow, Fortuna EL, 2012, 416 p.
- Goncharenko O. *Russkiy Kharbin* [Russian Harbin]. Moscow, Veche, 2009, 256 p.
- I. F. Emigrantskiye pisateli na Dal'nem Vostoke [Emigrant writers in the Far East]. *Russkiye zapiski*. 1937, no. 1, pp. 322–330.
- Korostov V. *Odisseya Arseniya Nesmelova* [Odyssey of Arseny Nesmelov]. URL: <https://www.neizvestniy-geiniy.ru/cat/literature/stati/83978.html> (accessed: 01.05.2019).
- Kreyd V. Vse zvezdy povidav chuzhiye [Having seen all the alien stars]. In: *Russkaya poeziya Kitaya. Antologiya* [Russian poetry of China. Anthology]. Moscow, 2001. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%90/all-nikolaj-nikolaevich/russkaya-poeziya-kitaya-antologiya#> (accessed: 04.05.2019).
- Ladinskiy Ant. *Stikhi o Yevrope* [Poems about Europe]. Paris, MCMXXXVII (1937), 61 p.
- Malyasova G. *Villa "Chernyy lebed'"* [Villa "Black Swan"]. URL: https://um.mos.ru/houses/villa_chernyy_lebed/ (accessed: 02.05.2019).
- Nikolayev G. Russkiye zapiski [Russian notes]. *Mech*, 1937, no. 32, 22 August, p. 6.
- Nikolayeva N. *Yapontsy* [Japanese]. OGRE, 2016, 349 p.
- Poeticheskiy slovar'* [Poetic dictionary]. Moscow, Luch, 2008.
- Poplavskiy B. O misticheskoy atmosfere molodoy literatury v emigratsii [On the mystical atmosphere of young literature in emigration]. In: Poplavskiy B. *Sobr. soch.: V 3 t. T. 3* [Collected works: In 3 vols. Vol. 3]. Moscow, Knizhitsa, Russkiy put', Soglasie, 2009, pp. 45–50.
- Proskurina E., Silantyev I. "I Studied Crisis...": the phenomenon of the unfinished as a literary trilogy. *Quaestio Rossica*. 2018, vol. 6, no. 3, pp. 891–903.
- Pushkin A. S. *Poln. sobr. soch.: V 10 t. T. 4: Poemy i skazki* [Complete works: In 10 vols. Vol. 4: Poems and fairy tales]. Leningrad, Nauka, 1977, 444 p.
- Russkaya poeziya Kitaya. Antologiya* [Russian poetry of China. Anthology]. Moscow, Vremya, 2001. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%90/all-nikolaj-nikolaevich/russkaya-poeziya-kitaya-antologiya> (accessed: 04.05.2019).
- Struve G. *Russkaya literatura v izgnanii* [Russian literature in exile]. Paris, 1983.
- Volkov B. *V pyli chuzhikh dorog* [In the dust of foreign roads]. Berlin, Parabola, 1934, 176 p.

А. В. Филатов

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Москва*

**Аксиология в теории литературы:
основные направления ценностного анализа ***

Рассматривается методология аксиологического подхода в литературоведении, направленного на исследование феномена ценности в художественном творчестве и сочетающего в себе достижения теории литературы и философии ценностей. На основании определений терминов «подход» и «метод» устанавливаются уровни методологии, обращенные, с одной стороны, к теоретико-философским принципам, а с другой – к различным этапам аналитико-интерпретационной работы с литературным произведением. Автор выделяет семь характеристик категории «ценность», важных для ее анализа в литературе, и подробно рассматривает три направления аксиологических исследований, вкладывающих различное содержание в понятие ценности (отдельный элемент художественного мира; целостное произведение в контексте литературного процесса; единица системы ценностей писателя, воплощенная не только в его творчестве, но и в фактах биографии и нелитературных текстах).

Ключевые слова: аксиологический подход, аксиология, ценность, оценка, философия, теория литературы, ценностный анализ.

Аксиологический подход в литературоведении представляет собой междисциплинарное направление исследований, возникшее на пересечении философии ценностей и науки о литературе [Попова, 2004, с. 92, 308]. Перспективность его развития определяется не только тем, что «наиболее напряженная и продуктивная жизнь культуры проходит на границах отдельных областей ее» [Бахтин, 2002, с. 452], но и тем, что данная методология учитывает ценностный характер искусства, который ввиду своей тривиальности зачастую недостаточно осмысливается теоретически. По словам Л. Ю. Фуксона, следствием этого факта в современных исследованиях является «своего рода вакуум между аксиологией и литературоведением, между философско-эстетической трактовкой понятия ценности и изучением ценностной структуры конкретного литературного произведения» [2000, с. 13]. Именно отбрасывание теоретико-философского компонента приводит

* Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01432).

Филатов Антон Владимирович – аспирант кафедры теории литературы филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, научный сотрудник отдела русской литературы конца XIX – начала XX века Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН (ул. Поварская, 25а, Москва, 121069, Россия; avphilatov@yandex.ru)

к ложному пониманию аксиологического изучения литературы как субъективно-оценочного, не опирающегося на анализ. Между тем в философии эти два способа постижения объекта четко разграничены. Согласно Л. Н. Столовичу, «ценностный подход осуществляется в искусстве, в морали и т. п. вненаучными средствами. Аксиологический¹ же, или теоретико-ценностный, подход предполагает возможность научного познания практики ценностных отношений» [1972, с. 15]. В связи с этим обращение к научному изучению ценностного аспекта художественного творчества требует соблюдения четкой иерархии между сферами литературоведения и философии.

Объяснение этой иерархии, на наш взгляд, заложено в терминологическом разграничении подхода и метода, часто нивелируемом из-за использования данных понятий как синонимов. Если под методом понимается «способ достижения какой-либо *цели*, решения конкретной задачи», представляющий собой «совокупность приемов или *операций* практического или теоретического освоения действительности», то подход – это «некоторый исходный *принцип*, исходная позиция, основное положение или убеждение» [Новиков А. М., Новиков Д. А., 2013, с. 63, 117]. Данные определения указывают на тесную взаимосвязь обоих понятий, находящихся в отношении дополнительности: *подход включается в метод на правах общетеоретической установки.*

Именно так рассматривает структуру любого метода Ю. Б. Боров, выделяя в нем четыре последовательных мыслительных действия, направленных на постижение предмета: 1) «определение принципов, установок и направления анализа. Этот мировоззренческий этап дает видение объекта общим планом»; 2) «осуществление подходов и анализов, приводящих к видению предмета средним и крупным планом», что в случае литературоведения представляет собой рассмотрение внешних связей художественного произведения с историко-культурным, социальным, биографическим и литературным и иными контекстами; 3) «осуществление приемов и операционной техники, позволяющих войти внутрь исследуемого предмета» – имманентный анализ художественной структуры и связей между ее элементами; 4) синтез и обобщение результатов анализа, благодаря которым осуществляется целостный взгляд на произведение [Боров, 1981, с. 35]. Как видим, первый, теоретический уровень метода соответствует сфере подхода, тогда как все остальные являются различными степенями методической (операционной) аналитико-интерпретационной работы.

Какие же теоретические положения включает аксиологический подход? Обращение к истории развития аксиологии как философской дисциплины [Столович, 1994; Каган, 1997], позволяет выделить наиболее общие характеристики категории «ценность», которые обосновываются в различных ценностных концепциях.

1. *Субъектно-объектная природа.* Ценность понимается как род особых отношений между личностью и идеальным или материальным объектом в широком смысле (идеей, предметом, качеством, поступком, событием и т. д.). О связи ценности с категорией значимости, также представляющей вид субъектно-объектных отношений, писал Г. Риккерт [1998, с. 23, 55]. Он же указывал, что в субъекте ценность реализуется в «акте оценки», а наделенный ценностью объект становится «благом» [Там же, с. 22–23]. Таким образом, оценка и благо (т. е. предметная ценность) представляют собой субъектный и объектный аспекты ценностных отношений.

2. *Связь между типом ценности и ее носителем.* Многообразие ценностных отношений (этических, эстетических, религиозных, витальных и т. д.) накладыва-

¹ Подобное разграничение синонимичных понятий «аксиологический» и «ценностный» представляется терминологически неудачным, хотя и оправданным в методологическом отношении.

ет ограничение на круг материальных и духовных явлений, которые могут выступать в функции их объекта. В частности, «эстетические ценности могут быть при-сущи всему, что только существует, этические – только человеку» [Гартман, 2004, с. 458].

3. *Иерархичность*. Миру ценностей свойственна вертикальная упорядоченность. Это отражено в различении относительных (актуальных для некоторых субъектов) и абсолютных (вечных, всеобщих) ценностей [Лосский, 1931, с. 82–83], последние из которых занимают главенствующее положение в аксиологической системе. При этом философы могут выдвигать на роль главных различные группы ценностей, например витальные [Ницше, 2005] или религиозные [Шелер, 1994].

4. *Полярность*. «Все ценности (этические, эстетические и т. д.) распадаются на *позитивные* и *негативные*» [Там же, с. 300], при этом каждой ценности соответствует своя антиценность, на фоне которой полнее раскрывается ее значимость.

5. *Факультативность*. Признание ценности является актом свободного волеизъявления субъекта: «Свобода есть единственное основание ценностей» [Сартр, 2000, с. 74]. Долженствованием ценность наделяется уже в сознании личности. В противном случае она совпала бы с законом как нормой внешнего долженствования. Соответственно, построение иерархии ценностей также зависит от воли субъекта.

6. *Телеологичность*. «Ценностное отношение телеологично по своей природе, ибо любая ценность есть ценность *для чего-то* или *для кого-то*» [Столович, 1994, с. 30], а значит, она является мотивом любой деятельности, направленной на достижение цели.

7. *Онтологичность*. Тезис о том, что «любое содержание бытия есть положительная или отрицательная ценность не в каком-либо отдельном качестве, а насквозь всем своим бытийственным содержанием» [Лосский, 1931, с. 31], является дискуссионным в аксиологии, однако существенен для сферы искусства, в которой все созданное автором несет на себе его оценку.

Заметим, что данные характеристики ценности определяют состав терминологического аппарата аксиологического подхода. Как уже было сказано, понятие «оценка» актуализирует ценность в аспекте субъекта, в функции которого могут выступать автор, читатель, персонажи и т. д. Предметной ценностью («благом») как объектом оценивания может являться любой элемент художественного мира произведения (образ, вещь, деталь и т. д.). Иерархичность имплицитно присутствует в понятии «система ценностей», тогда как с полярностью связаны термин «отрицательная ценность» и методика выстраивания ценностных оппозиций [Фуксон, 2000, с. 219–220]. Категория «цели», подразумевающая некоторый деятельностный и ментальный потенциал личности, входит в понятие «ценностная ориентация», разработанное в социологии, но актуальное и для теории литературы [Филатов, 2018; Хализев, 1999, с. 160]. Онтологичность ценности подчеркивается в понятии «эстетизация» (включение явления в сферу искусства), представляющем собой начальную ступень авторской оценки и, таким образом, утверждающем невозможность аксиологически нейтрального эстетического бытия [Свительский, 2005, с. 56].

Выдвижение на первый план того или иного принципа при ослаблении или игнорировании других может привести к значительной трансформации всей ценностной методологии. Это происходит в концепции И. А. Есаулова. В ней аксиологический подход, «вытекающий из постулата существования различных типов культур, типов ментальностей, которые оказывают глубинное воздействие на создание и функционирование того или иного произведения искусства» [Есаулов, 1994, с. 378], рассматривается наряду с историко-литературным и мифопоэтическим как один из магистральных способов познания художественного произведе-

ния. Культура, по Есаулову, выполняет функцию масштабной системы ценностей, служащей тем общим контекстом, на фоне которого необходимо изучать художественное произведение для наиболее адекватного его постижения. По сути, здесь под аксиологическим подразумевается культурологический подход, дающий исследователю уже готовую ценностную систему и не предполагающий, что «произведение объясняется с помощью самого произведения. Иначе говоря – путем установления внутренних связей» [Фуксон, 2000, с. 31]. Исследователь отмечает эффективность описанного подхода при изучении русской литературы, духовная основа которой, по его мнению, исходит «из своеобразия *православного образа мира, православного менталитета*» [Есаулов, 1994, с. 380]. Другими словами, Есаулов кладет в основу русской культуры религиозные ценности, что, на наш взгляд, несколько упрощает и сужает ее содержание, хотя данное направление показало свою эффективность при анализе творчества писателей, система ценностей которых имела религиозную основу, что подтверждается биографическими фактами [Воропаев, 1994; Зобнин, 2000].

Иную позицию занимает К. К. Султанов, справедливо полагая, что «смысл религиозности как одной из ценностных форм сознания не может быть распространен на объяснение всего и вся» [2001, с. 4], и необходимо учитывать специфику национального менталитета в его целостности и многообразии форм, среди которых важное место занимают наднациональные, общечеловеческие факторы. Также литературовед предлагает не противопоставлять, а сочетать аксиологический и исторический подходы, видя в этом «условие целостной, системной характеристики и произведения, и национальной литературы» [Там же, с. 36]. С этой позицией солидарен В. А. Недзвецкий, полемизирующий с Есауловым и считающий неправомерным подчинять в искусстве эстетические ценности религиозным. По его мысли, «в творении даже глубоко верующего художника-христианина <...> его религиозное начало должно <...> преломиться через начало эстетическое» [Недзвецкий, 2011, с. 536]. Такая позиция отвечает сущности искусства как явления в первую очередь эстетического, а не идеологического.

Отметим, что расхождения исследователей здесь затрагивают сферу подхода как набора исходных теоретико-методологических принципов изучения художественного текста, предваряющего непосредственный практический анализ. В то же время единство теоретических установок не препятствует разработке различных аксиологических методов [Столович, 1972, с. 16], поскольку вариативным остается ситуация ценностных отношений (позиции субъекта и объекта), а также конкретный аспект содержания или формы, на который будет направлен анализ. Различные исследования ценностной природы литературы посвящены аспектам проблематики [Кожин, 1990, с. 155–177], тематики [Султанов, 2018], мотивики [Филатов, 2016], мифопоэтики [Филатов, 2017], вещного мира [Кихней, Меркель, 2015], персонажей [Хализев, 1999, с. 160–169] и т. д. На наш взгляд, можно выделить три уровня аксиологического изучения литературы, каждый из которых предлагает свое понимание ценности.

1. *Микроуровень* отдельного произведения. Это основная сфера применения аксиологического подхода, в которой функцию ценности выполняет любой элемент эстетической реальности, взятый в своем формально-содержательном единстве. Субъектами ценностных отношений при этом выступают различные нарративные инстанции: автор-творец, рассказчик, герой, а также читатель-адресат.

Данное направление художественной аксиологии берет начало в работах М. М. Бахтина 1920-х гг., в которых, по словам Е. В. Поповой, «категория “ценность” является стержневой и имеет методологический статус» [Попова, 2004, с. 9]. Интерес к этой области исследований объясняется многогранной личностью Бахтина, не столько литературоведа, сколько философа, считавшего необходимым исходить в искусствоведческих исследованиях из положений философской

эстетики. Ученый ссылается на работы многих аксиологов (Г. Лотце, Ф. Ницше, Г. Риккерт, М. Шелер, Н. О. Лосский и др.), по сути, создавая свою теорию ценностей (подробнее о ее своеобразии см.: [Бахтин, 2003, с. 524–525]).

Система ценностей личности («ценностного центра» – в бахтинской терминологии) обозначается в его работах близкими по смыслу понятиями «ценностный контекст», «ценностный кругозор», «ценностная установка», «ценностное окружение», «эмоционально-волевая установка», «эмоционально-волевой тон», «социальная оценка» (диффузность этих «ключевых слов» затрудняет их использование в качестве терминов). Все феномены, с которыми личность вступает во взаимодействие, неминуемо приобретают ценностную окраску, поскольку «предмет, абсолютно индифферентный, сплошь готовый не может действительно осознаваться, переживаться» [Бахтин, 2003, с. 32]. Человек как бы «ценностно уплотняет» мир вокруг себя, становясь его центром. Событие такого взаимодействия создает ситуацию, в которой «неразделимы моменты заданности и данности, бытия и долженствования, бытия и ценности» [Там же, с. 32].

Отталкиваясь от этого положения, Бахтин анализирует эстетическую реальность произведения как взаимодействие ценностных контекстов. Визуально мотивировку героев можно представить в виде кругов (так получают образную мотивировку понятия ценностного центра и кругозора), которые могут частично или полностью накладываться друг на друга (явление ценностной интерференции). Именно так Бахтин анализирует художественный мир стихотворения А. С. Пушкина «Разлука», находя в нем ценностные контексты лирического героя и героини и показывая, как одни и те же образы, входя в контексты героев, приобретают различные значения: «Один и тот же предмет (Италия), с точки зрения содержательно-смысловой, различен как событийный момент различных ценностных контекстов: для нее – родина, для него – чужбина, факт ее отбытия для нее – возвращение, для него – покидание и т. д.» [Там же, с. 64]. Разумеется, в ценностные контексты входит предметный мир произведения в широком смысле, включающий также поступки, мысли, чувства героев, пространственные и временные параметры. Напряжение, возникающее между двумя контекстами в пушкинском стихотворении (и шире – в любом художественном произведении), снимается благодаря тому, что они «объемлются единым ценностно-утверждающим эстетическим контекстом автора-художника <...> и созерцателя» [Там же, с. 60]. Таким образом, автор и читатель, занимая позицию «внеаходимости», должны ценностно завершить эстетический объект, примирив различные точки зрения героев. Это становится возможным, потому что они одновременно занимают позицию этической сопричастности героям: «Мы размыкаем границы, вживаясь в героя изнутри, и мы снова замыкаем их, завершая его эстетически извне» [Там же, с. 166]. Авторский / читательский контекст, по сути, всегда совпадает с границами художественной реальности и оказывается наиболее масштабным, включающим в себя контексты героев. Поэтому «каждая конкретная ценность художественного целого осмысливается в двух ценностных контекстах: в контексте героя – познавательно-этическом, жизненном, – и в завершающем контексте автора – познавательно-этическом и формально-эстетическом, причем эти два ценностных контекста взаимопроницают друг друга, но контекст автора стремится обнять и закрыть контекст героя» [Там же, с. 88].

Именно интерференция контекстов автора и героя является необходимым условием эстетического события, которое может совершаться при двух несовпадающих между собой субъектах сознания – «я» и «другом». По Бахтину, это инвариантные участники любой аксиологической ситуации – «основные *ценностные категории*, впервые делающие возможной какую бы то ни было *действительную оценку*» [Там же, с. 245]. Здесь субъектно-объектная модель ценностных отношений как бы удваивается, поскольку каждый участник одновременно явля-

ется и личностью со своим ценностным кругозором, и объектом для оценки другого.

Бахтинскую традицию литературоведческой аксиологии продолжает Фуксон, обосновавший эффект ценностной поляризации, «благодаря которому никаких “нейтральных” образов в мире произведения не существует: все они как бы стремятся к одному из полюсов» [Фуксон, 2000, с. 131–132]. Данный эффект порождает ценностное напряжение текста – некий конфликт, понятый в широком, не сюжетном смысле. Образы каждого полюса взаимно репрезентативны, благодаря чему они получают функцию символов, в то время как отношения между этими полярными группами формируют ценностные оппозиции. «Репрезентативность» и «полярность», понятые как со- и противопоставления элементов произведения в парадигматическом и синтагматическом аспектах соответственно, становятся универсальными параметрами ценностно-смысловой структуры.

Исследователь также уточняет различие оценок автора и героя, основываясь на их позициях в тексте. Погруженность героя в событие художественного мира позволяет назвать его оценку *этической*, в то время как опосредованное формой положение «внеаходимого» автора, ценностный горизонт которого обнимает собой весь мир произведения, определяет его оценку как *эстетическую*: «Эстетическая оценка объективна, онтологична, в отличие от субъективных этических оценок, содержащихся в тексте» [Там же, с. 183]. Каждая из оценок имеет свои специфические средства выражения: автор, внеположенный произведению, оценивает его посредством образов, тогда как оценки персонажей проявляются непосредственно, прямо – в их поступках, эмоциях, мыслях и высказываниях. В. А. Свительский замечает, что по способам выражения оценки к персонажам близок и повествователь, точку зрения которого не следует отождествлять с позицией автора-творца: если «герой осужден авторской (имеется в виду автор-повествователь. – А. Ф.) оценкой, это не значит, что произведение в целом будет вершить над ним категорический приговор» [Свительский, 2005, с. 20].

2. *Макроуровень* литературного процесса. Здесь в функции ценности выступает целостное художественное произведение, занимающее определенное место в литературной иерархии конкретной культуры. Ценностные отношения в данном случае возникают между реальным читателем (как массовым, так и профессиональным) и литературным произведением как субъектом и объектом художественной коммуникации. На данном уровне исследуются проблемы формирования и изменения писательских репутаций, читательской рецепции и литературного канона, связанные с областью социологии искусства.

Традиционно эти вопросы находились в ведении литературной критики, выполняющей интерпретационно-оценивающую функцию. Для научного же изучения литературной иерархии главным становится вопрос определения критериев ценности. Различным точкам зрения на этот счет А. Компаньон посвятил главу монографии, заканчивающуюся неутешительным выводом: «Литературная ценность не поддается теоретическому обоснованию – это предел теории, но не литературы» [Компаньон, 2001, с. 296]. Тем не менее в литературоведении, вслед за философской аксиологией, можно выделить две крайних позиции – субъективистскую и объективистскую, каждая из которых имеет своих сторонников. Так, Р. Ингарден полагал, что «с момента, когда предмет возник, эстетическая ценность в нем присутствует независимо от различного отношения этого предмета к зрителю. Ее присутствие в данном эстетическом предмете не зависит от субъективной оценки ценности этого предмета» [1962, с. 394]. Х. Р. Яусс, напротив, считал, что «критерий для определения эстетической ценности литературного произведения заключается в том, каким образом, какими средствами оно в конкретный исторический момент своего появления оправдывает, превосходит, обманывает или опровергает ожидания своей первой публики» [1995, с. 62].

Историческую изменчивость эстетических ценностей отмечал Я. Мукаржовский, поскольку в развитии литературы «очень часто можно наблюдать, как некое произведение превращается со временем из положительной ценности в отрицательную, из высокой, исключительной ценности в посредственную или наоборот» [1975, с. 275]. Исследователь приходит к выводу, что объективные эстетические ценности могут существовать только в материальном артефакте ввиду его стабильности, тогда как «эстетический объект изменчив, поскольку он определяется не только организацией и свойствами материального артефакта, но одновременно и соответствующей стадией развития нематериальной художественной структуры» [Там же, с. 290]. Ценность самого произведения при этом определяется всей его художественной конструкцией, а не только содержательными или формальными характеристиками. Отметим, что динамичность эстетической оценки не отменяет возможность ее научного изучения. Напротив, она показывает, что на уровне литературного процесса исследование ценностей должно учитывать такие аксиологические факторы, как вкусы и идеалы эпохи, репутации литературных школ и направлений, национальные и ментальные характеристики и т. д.).

3. *Мезоуровень* системы ценностей писателя. Обращение к аксиосфере реального автора связывает теорию литературы с проблемой творческой биографии. Получить представление о ценностных принципах писателя можно на основе анализа корпуса его текстов, в особенности их идейного содержания, а также обратившись к его публицистике, критике, мемуарам, эпистолярному наследию и фактам биографии. При этом необходимо учитывать эволюцию мировоззрения писателя, а также то, что строгая корреляция между системой ценностей реального человека и аксиологией его художественного творчества не является обязательной. Известно, например, что «резкое отличие житейского Фета, каким его знали, видели и слышали окружающие, от его лирических стихов давило многих, даже очень близких ему людей» [Благой, 1983, с. 17]. Лефовская концепция «социального заказа» описывала подобную ситуацию несовпадения как нормальную, отрицая историческую и культурную значимость идеалов и ценностей писателя и превращая его в отстраненного исполнителя, удовлетворяющего потребность «заказчика».

Однако представляется, что в большинстве случаев ценностная ориентация художественного текста все же оказывается мотивирована писательской аксиосферой. Так, Свительский вполне обоснованно обращается к дневниковым и публицистическим текстам Л. Н. Толстого и Ф. Д. Достоевского для подтверждения ценностной направленности их литературных произведений [Свительский, 2005, с. 92, 120]. Анализируя жизненную аксиоматику А. П. Чехова, А. Б. Есин обнаруживает ее сжатую формулировку в письме писателя к брату, а затем находит ее отражение и в чеховских произведениях. Основываясь на этих данных, исследователь делает вывод: «Стабильность простых, укорененных в повседневности жизненных ориентиров – главный культурологический смысл чеховской системы ценностей»² [Есин, 1994, с. 6].

В. Е. Хализев, помимо обращения к дневникам и письмам, апеллирует к личным качествам писателя как источнику художественных ценностей: «<...> мы имеем дело с глубочайшим – для самого Пушкина и потому так часто проявляющимся в его героях – *чувством верности*, т. е. сильным, захватывающим ощущением кровной связи с отдельным ли человеком, с людьми ли, или лишь с кратковременной ситуацией» [Хализев, 2005, с. 137]. Схожим образом поступает Л. А. Колобаева, в работе которой тезис, что «острейшее чувство смерти у Бунина – факт биографический и творческий», в равной степени доказывается его лич-

² Свою методику анализа Есин также применил для анализа системы ценностей А. Т. Твардовского (см.: [Есин, 1995]).

ными записями, воспоминаниями жены и способностью ценить жизнь, названной «главным ценностным критерием» творчества писателя [Колобаева, 2013, с. 181]. Литературовед не отождествляет биографического автора с творческим субъектом, но настаивает на общности их мировоззрения, ценностей и идей.

Рассмотренные области применения аксиологического подхода взаимосвязаны. Они не являются изолированными, а, скорее, призваны дополнить друг друга в рамках целостного анализа художественного произведения. При этом на каждом уровне происходит процесс интерференции систем ценностей различных субъектов: 1) автора-творца, читателя-адресата и персонажей; 2) биографического автора и реального читателя (текст на этом уровне художественной коммуникации выступает в роли посредника, поскольку читатель оценивает в итоге мастерство и значение писателя для своего времени), 3) автора-творца и биографического автора. Таким образом, исходная теоретическая схема, предложенная Бахтиным, оказывается актуальна для всех направлений ценностного анализа. Пересечение аксиологической методологии с такими традиционными для теории литературы проблемами, как соотношение формы и содержания, науки и критики, творчества и биографии, доказывает, что она «естественно вписывается в утвердившуюся методологию литературоведения, обновляя ее, вытесняя устаревшие позиции, заполняя осознаваемые сегодня пробелы» [Попова, 2004, с. 308].

Список литературы

- Бахтин М. М.* Собр. соч.: В 7 т. М.: Рус. словари, Языки славянской культуры, 2003. Т. 1: Философская эстетика 1920-х годов. 955 с.; 2002. Т. 6: «Проблемы поэтики Достоевского», 1963. Работы 1960-х – 1970-х гг. 799 с.
- Благой Д. Д.* Афанасий Фет – поэт и человек // Фет А. А. Воспоминания. М.: Правда, 1983. С. 3–26.
- Борев Ю. Б.* Искусство интерпретации и оценки. Опыт прочтения «Медного всадника». М.: Сов. писатель, 1981. 399 с.
- Воропаев В. А.* Духом схимник сокрушенный...: жизнь и творчество Н. В. Гоголя в свете Православия. М.: Моск. рабочий, 1994. 159 с.
- Гартман Н.* Эстетика. Киев: Ника-Центр, 2004. 640 с.
- Есаулов И. А.* Литературоведческая аксиология: опыт обоснования понятия // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр / Под ред. В. Н. Захарова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. Вып. 1. С. 378–383.
- Есин А. Б.* О ценностной системе А. Т. Твардовского («Василий Теркин») // Русская словесность. 1995. № 5. С. 34–38.
- Есин А. Б.* О чеховской системе ценностей // Русская словесность. 1994. № 6. С. 3–8.
- Зобнин Ю. В.* Николай Гумилев – поэт Православия. СПб.: СПбГУП, 2000. 384 с.
- Ингарден Р.* Исследования по эстетике. М.: Изд-во иностр. лит., 1962. 572 с.
- Каган М. С.* Философская теория ценностей. СПб.: Петрополис, 1997. 205 с.
- Кихней Л. Г., Меркель Е. В.* Аксиология повседневных вещей в поэтике акмеизма // Вестник Томск. гос. ун-та. Филология. 2015. № 1. С. 129–138.
- Кожин В. В.* Статьи о современной литературе. М.: Сов. Россия, 1990. 542 с.
- Колобаева Л. А.* Философия и литература: параллели, переклички и отзвуки (Русская литература XX века). М.: Русский импульс, 2013. 224 с.
- Компаньон А.* Демон теории. Литература и здравый смысл. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2001. 336 с.
- Лосский Н. О.* Ценность и бытие. Бог и Царство Божие как основа ценностей. Paris: YMCA PRESS, 1931. 136 с.

- Мукаржовский Я.* Эстетическая функция, норма и ценность как социальные факты // Труды по знаковым системам. Тарту, 1975. Вып. 7. С. 243–295.
- Недзвецкий В. А.* Статьи о русской литературе XIX–XX веков. Научная публикация. Воспоминания. Нальчик: Тетраграф, 2011. 628 с.
- Ницше Ф.* Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М.: Культурная Революция, 2005. 880 с.
- Новиков А. М., Новиков Д. А.* Методология: словарь системы основных понятий. М.: Либроком, 2013. 208 с.
- Попова Е. В.* Ценностный подход в исследовании литературного творчества: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. 326 с.
- Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. 413 с.
- Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000. 639 с.
- Свительский В. А.* Личность в мире ценностей (аксиология русской психологической прозы 1860–1870-х годов). Воронеж: Изд-во ВГУ, 2005. 232 с.
- Столович Л. Н.* Красота. Добро. Истина: Очерки истории эстетической аксиологии. М.: Республика, 1994. 464 с.
- Столович Л. Н.* Природа эстетической ценности. М.: Политиздат, 1972. 272 с.
- Султанов К. К.* Национальная самобытность и художественная ценность: к вопросу о взаимодополняемости этнокультурного дискурса и аксиологического подхода // *Studia Litterarum*. 2018. Т. 3, № 2. С. 230–251.
- Султанов К. К.* Национальное самосознание и ценностные ориентации литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2001. 200 с.
- Филатов А. В.* Аксиологический подход в трудах В. Е. Хализева: ценностные ориентации в литературе и науке о ней // *Новый филологический вестник*. 2018. № 2. С. 16–26.
- Филатов А. В.* Аксиологический подход к изучению книги стихов: онтологические ценности в «Чужом небе» Н. С. Гумилева // *Новый филологический вестник*. 2016. № 1. С. 119–128.
- Филатов А. В.* Аксиологический подход к изучению мифопоэтики: адамический миф в лирике Н. С. Гумилева // *Новый филологический вестник*. 2017. № 4. С. 141–149.
- Фуксон Л. Ю.* Проблемы интерпретации и ценностная природа литературного произведения: Дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2000. 282 с.
- Хализев В. Е.* Теория литературы. М.: Высш. шк., 1999. 398 с.
- Хализев В. Е.* Ценностные ориентации русской классики. М.: Гнозис, 2005. 432 с.
- Шелер М.* Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. 490 с.
- Яусс Х. Р.* История литературы как провокация литературоведения // *Новое литературное обозрение*. 1995. № 12. С. 34–84.

A. V. Filatov

*Moscow State University, Moscow, Russian Federation,
A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation, avphilatov@yandex.ru*

Axiology in literary criticism: main directions of value analysis

The paper is devoted to the methodology of axiological approach in literary criticism. This approach, known to many humanities (sociology, psychology, cultural studies, etc.), is aimed at studying the phenomenon of value in art and combines the achievements of the theory of literature and axiology – philosophy of values. Based on the definitions of the terms “approach” and “method”, the author describes two fundamentally different levels of any methodology. The first

one represents theoretical and philosophical principles, and the second one – the various stages of analytical and interpretative work with the text. In other words, the approach is included in the method as a theoretical setting. Therefore, several methods can be developed based, for example, on the axiological approach since the situation of value relations (the position of a subject and an object), as well as the specific aspect of artistic content or form to be analyzed, remains variable.

Referring to the history of axiology as a philosophical discipline, the author identifies seven characteristics of the “value” category that are important for this category to be analyzed in the literature. These characteristics include the subject-object nature of value; the relationship between the type of value and its medium; hierarchy; optional character; teleologicity and ontologicity. Then, three levels of axiological research, contributing diverse meaning to the concept of value, are examined in detail. At the level of a literary work, value is understood as a separate element of the artistic world. The subjects of value relations are various narrative instances: implied author, narrator, character and implied reader. At the level of a literary process, the value is a complete literary work, occupying a specific place in the literary hierarchy of a particular culture. The subject of value relations, in this case, is a real reader, including a literary critic and literary scholar. At the level of the writer’s biography, value is a component of his value system, an ideal that is reflected not only in his artistic work but also in non-literary texts (memoirs, journalism, letters) and biographical facts.

Keywords: axiology, value, evaluation, philosophy, literary criticism, value analysis.

DOI 10.17223/18137083/69/11

References

- Bakhtin M. M. *Sobranie sochineniy: V 7 t.* [Collected works: in 7 vols]. Moscow, LRC Publishing House, 2003, vol. 1: *Filosofskaya estetika 1920-kh godov* [Philosophical aesthetics of the 1920s], 955 p.; 2002, vol. 6: “Problemy poetiki Dostoyevskogo”, 1963. *Raboty 1960-kh – 1970-kh gg.* [“Problems of Dostoevsky’s poetics”, 1963. Works of the 1960s – 1970s], 799 p.
- Blagoy D. D. Afanasiy Fet – poet i chelovek [Afanasy Fet – a poet and a man]. In: Fet A. A. *Vospominaniya* [Memoirs]. Moscow, Pravda, 1983, pp. 3–26.
- Borev Yu. B. *Iskusstvo interpretatsii i otsenki. Opyt prochteniya “Mednogo vsadnika”* [The art of interpretation and evaluation. The experience of reading “The Bronze Horseman”]. Moscow, Sov. pisatel’, 1981, 399 p.
- Compagnon A. *Demon teorii. Literatura i zdravyy smysl* [The demon of theory. Literature and common sense]. Moscow, Sabashnikovy Publ., 2001, 336 p.
- Esaulov I. A. *Literaturovedcheskaya aksiologiya: opyt obosnovaniya ponyatiya* [Literary axiology: an attempt at substantiating the phenomenon]. In: *Evangel’skiy tekst v russkoy literature 18–20 vekov: tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr* [Gospel text in Russian literature of the 18th–20th centuries: quotation, reminiscence, motif, plot, genre]. V. N. Zakharov (Ed.). Petrozavodsk, PetrSU Publ., 1994, iss. 1, pp. 378–383.
- Esin A. B. O chekhovskoy sisteme tsennostey [On the value system of A. P. Chechov]. *Russkaya slovesnost’*. 1994, no. 6, pp. 3–8.
- Esin A. B. O tsennostnoy sisteme A. T. Tvardovskogo (“Vasiliy Terkin”) [On the value system of A. T. Tvardovsky (“Vasily Terkin”)]. *Russkaya slovesnost’*. 1995, no. 5, pp. 34–38.
- Filatov A. V. Aksiologicheskiy podkhod k izucheniyu knigi stikhov: ontologicheskiye tsennosti v “Chuzhom nebe” N. S. Gumileva [Axiological approach to the study of poetry book: ontological values in book “The Alien Sky” by Nikolay Gumilev]. *The New Philological Bulletin*. 2016, no. 3, pp. 119–128.
- Filatov A. V. Aksiologicheskiy podkhod k izucheniyu mifopoetiki: adamicheskiy mif v lirike N. S. Gumileva [The axiological approach to the study of mythopoetics: the Adamic Myth in Nikolay Gumilev’s lyrics]. *The New Philological Bulletin*. 2017, no. 4, pp. 141–149.
- Filatov A. V. Aksiologicheskiy podkhod v trudakh V.E. Khalizeva: tsennostnyye oriyentatsii v literature i nauke o ney [The axiological approach in V. E. Khalizev’s works: value orientations in literature and literary criticism]. *The New Philological Bulletin*. 2018, no. 3, pp. 16–26.
- Fukson L. Yu. *Problemy interpretatsii i tsemnostnaya priroda literaturnogo proizvedeniya* [Problems of interpretation and axiological nature of a literary work]. Dr. philol. sci. diss. Kemerovo, 2000, 282 p.
- Hartmann N. *Estetika* [Aesthetics]. Kiev, Nika-Tsentr, 2004, 640 p.

- Ingarden R. *Issledovaniya po estetike* [Studies on aesthetics]. Moscow, Inostr. lit. Publ, 1962. 572 p.
- Jauss H. R. Istoriya literatury kak provokatsiya literaturovedeniya [Literary history as provocation of literary theory]. *New Literary Observer*. 1995, no. 12, pp. 34–84.
- Kagan M. S. *Filosofskaya teoriya tsennostey* [Philosophical theory of values]. St. Petersburg, Petropolis, 1997, 205 p.
- Khalizev V. E. *Teoriya literatury* [The theory of literature]. Moscow, Vyssh. shk., 1999, 398 p.
- Khalizev V. E. *Tsennostnye orientatsii russkoy klassiki* [The value system of Russian classics]. Moscow, Gnozis, 2005, 432 p.
- Kikhney L. G., Merkel' E. V. Aksiologiya povsednevnykh veshchey v poetike akmeizma [The axiology of everyday things in the poetics of akmeism]. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2015, no. 1, pp. 129–138.
- Kolobayeva L. A. *Filosofiya i literatura: paralleli, pereklichki i otzvuki (Russkaya literatura 20 veka)* [Philosophy and literature: parallels, echoes and reminiscences (Russian literature of the 20th century)]. Moscow, Russkiy impul's, 2013, 224 s.
- Kozhinov V. V. *Stat'i o sovremennoy literature* [Articles about modern literature]. Moscow, Sov. Rossiya, 1990, 542 p.
- Losskiy N. O. *Tsennost' i bytiye. Bog i Tsarstvo Bozhiye kak osnova tsennostey* [Value and existence. God and the Kingdom of God as the basis of values]. Paris, YMCA PRESS, 1931, 136 p.
- Mukařovský J. Esteticheskaya funktsiya, norma i tsennost' kak sotsial'nyye fakty [Aesthetic function, norm and value as social facts]. In: *Trudy po znakovym sistemam* [Sign systems studies]. Tartu, 1975, iss. 7, pp. 243–295.
- Nedzvetskiy V. A. *Stat'i o russkoy literature 19–20 vekov. Nauchnaya publitsistika. Vospominaniya* [Articles about Russian literature of 19th – 20th centuries. Scientific journalism. Memoirs]. Nal'chik, Tetragraf, 2011, 628 p.
- Nietzsche F. *Volya k vlasti. Opyt pereotsenki vsekh tsennostey* [The will to power. The experience of revaluation of all values]. Moscow, Kul'turnaya Revolyutsiya, 2005, 880 p.
- Novikov A. M., Novikov D. A. *Metodologiya: slovar' sistemy osnovnykh ponyatiy* [Methodology: the dictionary of the system of basic concepts]. Moscow, Librokom, 2013, 208 p.
- Popova E. V. *Tsennostnyy podkhod v issledovanii literaturnogo tvorchestva* [Axiological approach to the study of literature]. Dr. philol. sci. diss. Moscow, 2004, 326 p.
- Rickert H. *Nauki o prirode i nauki o kul'ture* [Science of nature and science of spirit]. Moscow, Respublika, 1998, 413 p.
- Sartre J.-P. *Bytiye i nichto. Opyt fenomenologicheskoy ontologii* [Being and nothingness: An essay on phenomenological ontology]. Moscow, Respublika, 2000, 639 p.
- Scheler M. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow, Gnozis, 1994, 490 p.
- Stolovich L. N. *Krasota. Dobro. Istina: Ocherki istorii esteticheskoy aksiologii* [Beauty. Good. Truth: Essays on the history of aesthetic axiology]. Moscow, Respublika, 1994, 464 p.
- Stolovich L. N. *Priroda esteticheskoy tsennosti* [Nature of aesthetic value]. Moscow, Politizdat, 1972, 272 p.
- Sultanov K. K. Natsional'naya samobytnost' i khudozhestvennaya tsennost': k voprosu o vzaimodopolnyayemosti etnokul'turnogo diskursa i aksiologicheskogo podkhoda [National identity and artistic value: to the question of complementarity of ethno-cultural discourse and axiological approach]. *Studia Litterarum*. 2018, vol. 3, no. 2, pp. 230–251.
- Sultanov K. K. *Natsional'noye samosoznaniye i tsennostnyye oriyentatsii literatury* [National consciousness and value orientations of literature]. Moscow, IWL RAS, 2001, 200 p.
- Svitel'skiy V. A. *Lichnost' v mire tsennostey (aksiologiya russkoy psikhologicheskoy prozy 1860–1870-kh godov)* [Personality in the world of values (axiology of Russian psychological prose 1860–1870s)]. Voronezh, VSU Publ., 2005, 232 p.
- Voropayev V. A. *Dukhom skhimmnik sokrushenny...: zhizn' i tvorchestvo N. V. Gogolya v svete Pravoslaviya* [The Monk saddened by Spirit: N. V. Gogol's life and work in the light of Orthodoxy]. Moscow, Mosk. rabochiy, 1994, 159 p.
- Zobnin Yu. V. *Nikolay Gumilev – poet Pravoslaviya* [Nikolay Gumilev – the poet of Orthodoxy]. St. Petersburg, SPbUHSS, 2000, 384 p.

Н. В. Ковтун

Красноярский государственный педагогический университет

Образ Афона в позднем творчестве В. Распутина: традиция и новаторство

Анализируется ключевая для творчества В. Распутина проблема веры, праведничества, идеалом чего и выступает Афон. Показано, как очерк «На Афоне» (в сборнике «В поисках берега») соотносится с литературной традицией описания Святой Горы (учитывая тексты К. Леонтьева «Письма с Афона» и В. Зайцева «Афон») и в чем принципиальная новизна произведения (открытость, диалогизм, понимание русского Афона как Книги, вбирающие сюжеты отечественной истории и культуры, своеобразие образа рассказчика, судьба которого коррелирует с национальными архетипами). Рассматриваются основные темы и образы очерка «На Афоне»: Богородицы, молитвы, аскезы, храма, искушения, пути, дома, отечества, Вечности и смерти. Впервые показано значение очерка для творчества В. Распутина в целом.

Ключевые слова: Распутин, поздняя проза, очерк «На Афоне», аскеза, паломничество.

В творческой перспективе художественное мировоззрение В. Распутина все более устремлено к *православной системе ценностей*. В поздних текстах писатель осознает себя не просто защитником отечественной традиции, уходящей патриархальной культуры, как это было в 1970-е гг. с их «почвеннической» доминантой, но глубоко религиозным автором, жестко критикующим современную бездуховную цивилизацию. С данной, хорошо известной, не раз проговоренной позицией, сложно соотносится тот факт, что собственно *развернутых* описаний православных храмов, героев, для которых ортодоксальная вера является жизненным ориентиром, в текстах писателя совсем немного, храм не становится *местом действия*, что в целом соответствует классической традиции: «Чаще всего храм в русской литературе является частью пейзажа. И лишь у редких представителей, будь то славянофилы или почвенники, храм представлен местом действия» [Галиев, 2010, с. 356].

В означенной парадигме особое место занимает очерк «На Афоне» (2005)¹, он, с одной стороны, вписывается в традицию паломнической литературы, с другой – интонационно, структурно заметно отличается от нее, ему свойственна философская объемность, пафос интеллектуальной дискуссии. Образ храма в тексте

¹ В. Распутин посетил Афон в 2004 г., первая публикация очерка состоялась в 2005 г.

Ковтун Наталья Владимовна – доктор филологических наук, профессор кафедры мировой литературы и методики ее преподавания Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева (ул. Ады Лебедевой, 89, Красноярск, 660049, Россия; nkovtun@mail.ru)

усложняется, приобретает динамику, символизм. Здесь дана подробная картина русских монастырей, чудотворных икон и келий, представлено авторское понимание идеального, праведного мира – «Аскетического рая» [Распутин, 2007а, с. 387].

Образ храма в поздней прозе В. Распутина

Образы *деревенских церквушек*, вновь отстроенных городских храмов в прозе мастера упоминаются. Так, в повести «Прощание с Матерой» (1976) *разрушенная церковь* воспринимается центром островного пейзажа, она хорошо видна отовсюду, выполняя функции оберега праведной земли. В колхозную пору церковь «приспособили под склад. Правда, службу за неимением батюшки она потеряла еще раньше, но крест на возгавии оставался, и старухи по утрам слали ему поклоны. Потом и крест сбили» [Распутин, 2007б, с. 10]. Уничтожение святыни – креста – предопределяет тяжелые времена для судьбы острова, русской земли в целом. Падающий крест символизирует распад целой эпохи, наступление нового варварства, тема получает развитие в знаковых текстах мастера: повестях «Пожар» (1985), «Дочь Ивана, мать Ивана» (2003). Позиция позднего В. Распутина диссоциирует с идеей «шестидесятника» В. Шукшина, который видит в разрушении храмов черту времени, довольно сдержан в комментариях происходящего. Процесс профанации сакрального отражает смену картины мироздания, глобальную смыслоутрату, жертвами которой становятся и те, кто рушит церковные кресты (Яша Горячий из романа «Любовины»; Ефим Бедарев из рассказа «Заревой дождь», «крепкий мужик» Шурыгин), и те, кто в ужасе наблюдает (Семка Рысь из рассказа «Мастер»).

В произведениях В. Распутина 1990-х гг. («В ту же землю...», «В больнице...», «Нежданно-негаданно») образ храма выполняет отнюдь не только пейзажную функцию, усиливается его символическое значение, связанное с авторским пониманием «русского пути», когда революционный переворот, идеи цивилизационного ускорения воспринимаются как отступничество от своей земли, веры, требующее *покаяния*. Изображение храма в текстах финализирует повествование. В рассказе «Нежданно-негаданно» (1997) появляется образ девочки Кати, подсвеченный чертами Богородицы. Окрест ангелоподобной героини подчеркнута профанная обстановка (рынок, балаган) и соответствующее окружение: новый скорморох-фотограф с медведем, цыганята и нищие, увечные старики, «один совсем безногий, на каталке». Число три, отсылающее к идее Троицы, признаки потерянности, дряхлости – свидетельства несостоятельности патриархов, которые не способны к покаянию (молчат, безъязыки), а значит, и к перспективе пути (безногие) [Ковтун, 2010].

В итоговой повести В. Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана» появляется и перспектива *будущего храма*, который собирается строить в родовой деревне богатырь Иван. Герой, описание которого выдержано в сказочных, былинных тонах, возвращается из армии, отказывается от «образованщины» (словами А. Солженицына), едет в русскую глубинку, к деду, возводить храм. Строительство церкви вынесено за рамки текста, становится символом собирания, восстановления будущей Руси, подобно граду Китежу или легендарному Беловодью, отступившей «за пелену», ждущей своего часа-подвига. В этом контексте образ полемически развернут в сторону рассказа В. Шукшина «Мастер» (1971). Семка Рысь мечтает восстановить Талицкую церковь – «светлую каменную сказку», по отдельным ее чертам, деталям прочитав сокровенную историю Руси. Мешает постижению тайны образованный архитектор, объясняющий крестьянину вторичную, подражательную природу постройки, ее ущербность: «Церковь, если вы заметили, слегка покосилась на один бок» [Шукшин, 1994, с. 431]. И если исчерпывающий ответ

специалиста логичен, легко доказуем, то мифологическая версия Семки не подлежит верификации, сродни вере в чудо. Не только герои, но и «сам автор не обладает пониманием конечного смысла текста храма» [Дмитриева и др., 2014, с. 172]. Повествователь и не пытается разрешить противоречие, усложняет сюжет, выводит его к знаменитой, столь важной и в творчестве В. Распутина, идее поруганной Красоты: «Как если бы случилось так: по деревне вели невиданной красоты девку... Все на нее показывали пальцем и кричали несуразное. А он, Семка, вступился за нее, и обиженная красавица посмотрела на него с благодарностью» [Шукшин, 1994, с. 432].

Помимо образа храма, в творчестве В. Распутина появляются отдельные *храмовые атрибуты* и соответствующая утварь: *иконы, церковные свечи, лампы, колокольный звон*, указывающий на выход в метафизическое. Однако свечи, лампы, колокола чаще всего изображены вне сакрального пространства, оставлены или волей случая оказываются в inferнальных пределах: в баньке, где собирается пьяная компания и куда переносят лампаду от образов («Последний срок», 1970), в зимовье дезертира, куда Настена отдает приобретенные по случаю церковные свечи («Живи и помни», 1974). Здесь автор совпадает с А. Солженицыным, убежденным в необходимости покаяния и обновления нации, которая должна обрести свой путь, пройдя через «сжимающийся фильтр», связанный не столько с новым знанием, сколько с духовным самостоянием. Продолжая эту идею, В. Распутин настаивает: «Через фильтр, который, слава Богу, не надо ни маскировать, ни искать для него обтекаемые формы, ибо расположился он в храме – там, где ему и следует быть» [Распутин, 2005, с. 343–344].

Отметим и еще один аспект в воплощении идеи храма – его тесную связанность с образом *дома*. В раннем творчестве В. Распутина образная дихотомия объясняется осознанием внутреннего единства деревенской общины как *паствы*, когда *храм* выступает *метафорой*, раскрывающей внутреннее состояние личности. Свою роль сыграло и то обстоятельство, что в отечественной духовной традиции образ храма коррелирует с образом *дома* как «*малой церкви*» [Радомская, 2006, с. 3–8]. Названный символический ряд может быть расширен понятиями *обители, жилища, «святого двора», пристанища, отечества* [Кошемчук, 2009, с. 14–15]. Категория дома небесного «внедрялась» в земную сферу жизни и придавала феномену Дома *трансцендентальные* качества, которые до конца в земном бытии не постигаются. Эта парадигма восходит к древнерусской словесности, развернута в «Домострое», находит опору в отечественной религиозной философии начала XX в., подтверждена творчеством авторов-традиционалистов: от «Матренина двора» (1959) А. Солженицына до «Дома» (1978) Ф. Абрамова, «Холошина подворья» (1979) Б. Екимова, «Избы» (1989) В. Распутина, «Ледодода» М. Тарковского...

Описывая феномен дома как объекта художественного осмысления, Ю. Лотман подчеркивает: «Его географические координаты и связанные с ним пространственные понятия становятся материалом для построения культурных моделей с не только пространственным, но и религиозно-моральным содержанием» [2005, с. 112]. Современный исследователь Г. Башляр относит Дом к так называемым «*счастливым пространствам*», «*пространствам восхваления*», обороняемым от враждебных сил, любимых, куда воображение человека возвращается на протяжении всей жизни, придавая дому мифологические свойства, которые вскоре получают статус *главных ценностей*: «Дом дает приют нашей грезе, дом защищает мечтателя, дом позволяет нам грезить в тишине и покое» [2014, с. 43]. В этом контексте в литературоведении представлены усадебные образы русской классики («дворянские гнезда») и имения русских крестьянок: от Матрениного *двора* до Холошина *подворья*, *избы* старухи Агафьи, ставшей перекрестком миров (рассказ «Изба») и самого *острова Матера*, подсвеченного авторитетом Нового

Иерусалима. Подчеркнем, для В. Распутина, как и для многих писателей-традиционалистов, принципиальное значение имеет *старообрядческая культура*, с чем связан интерес к образам града Китежа и Беловодья, символизирующих подлинную, чистую Русь, существующую где-то рядом с реальной, в пределах неназываемого. Вопрос обретения сокровенной мудрости, праведности решается писателем с учетом как традиций *народной культуры*, так и *религиозно-мистического опыта*, символом которого для него становится Афон.

Картина Афона в творчестве предшественников

В очерке В. Распутин обращается к истории освоения Святыни отечественной мыслью, описанию знаменитых монастырей, свидетельствующих славу России или ее беды. Рассказчик – alter ego автора – к поездке на Афон готовился давно, движимый как неким внутренним порывом, «зовом», так и традицией: русские писатели отправлялись на Афон в поисках Слова как Бога (*истины*): «Читали же мы и Гоголя, и Тургенева, и Лескова, и Достоевского, и Толстого... Никто из них не обошелся без этого слова. Среди подобных ему, таких как Оптина Пустынь, Балаам, Соловки, оно было первой и выше, где-то как бы на полпути к небесам» [Распутин, 2007а, с. 387]².

Уже первая фраза очерка: «На Афон я зван был давно» – заставляет вспомнить библейское выражение: «Много званых, а мало избранных» (Мтф. 22: 1–14), связанное с духовным статусом личности (зван или избран?). Поездка становится самопроверкой для рассказчика, который сверяет личные впечатления с записями, воспоминаниями тех, кто совершал паломничество до него. Особенно выделен опыт К. Леонтьева и Б. Зайцева, с которыми повествователь совпадает идеологически (идеи консерватизма, защиты традиционной культуры, служения, аскезы) и статусно (паломники).

Цикл путевых очерков «Афон» (1928) Б. Зайцев пишет в эмиграции и, по тонкому замечанию В. Распутина, словно специально затягивает повествование как возможность общения с Русью, которую утратил: «Никак не хотелось русскому человеку, потерявшему Родину и словно бы обретшему здесь ее предшествование, – никак не хотелось Зайцеву заканчивать его» (с. 387). Оба писателя сохраняют доверительность интонации, повествование ведется от первого лица «как прямая апелляция к читателю» [Кубасов, 2014, с. 159]. В важности для себя опыта предшественника В. Распутин открыто признается: «А потом я прочел дивный очерк об Афоне Бориса Зайцева, приезжавшего туда из Франции в 1927 году. Очерк художественный и возвышенный, мягкий и нежный...» (с. 387).

В свою очередь, Б. Зайцев не мог не учитывать написанного об Афоне до него, прежде всего, «яростный» текст К. Леонтьева, хотя и отнесся к нему весьма скептически, найдя впечатления автора «схематичными и односторонними». В. Распутин гораздо более внимателен к интеллектуальным построениям К. Леонтьева, к его особому восприятию Святыни, которое складывается из понимания миссии Руси в целом. Определенную роль сыграл и статус пишущего, бывшего на Афоне *послушником*, и его приверженность консерватизму, который В. Распутину оказывается близок: «Афон под пером Константина Леонтьева, суровый и многоликий, разбитый на многие десятки монастырей, скитов, келий и калив <...>, – этот “приземленный” Афон не отрезвил меня. Ну да, это, может быть, не совсем рай, но из того, что можно создать на грешной земле, это к раю ближе всего» (с. 388). Ряд наблюдений, идеологием К. Леонтьева подтвердило время, В. Распутин на протяжении всего текста ведет своеобразный «диалог» с автором.

² Далее очерк В. Распутина «На Афоне» цитируется по этому изданию, ссылки даны в круглых скобках с указанием страниц.

Подчеркивая значимость Руссика, современный художник видит силу Афона в единстве его монастырей и келий, что оттеняет *идею национального*. Его предшественники, напротив, подчеркивают своеобразие Руссика. К. Леонтьев, сравнивая убранство отечественных и греческих монастырей, пишет о «благолепии», изяществе внутренней обстановки русских построек, проникновенности монашеского пения. Греки же выигрывают в строгости и чистоте архитектурных линий, свободных от всякой казенщины, свойственной отечественной традиции. Автор считает, что монашеская аскеза не отменяет важности красоты и величественности монастырей, если у них есть на то средства. Одновременно он указывает на исключительное трудолюбие нашего духовенства, получившего от греков полуразрушенные имения и отстроившего их в кратчайшие сроки, отчего во всем угадывается спешка, незавершенность замысла, оправданные малостью доходов, долгами. Отметим, что некая несоразмерность архитектурного облика православного храма имеет в том числе историческое объяснение – близость природному, естественному пространству, не знающему жесткой геометрии. На фоне торжественных соборов очевидна нищета личного пространства монаха, скудость его рациона («травка и травка»), указывающие на приоритеты здешней жизни.

Учитывая идеи К. Леонтьева, готовящегося к постригу, прожившему на Афоне достаточное время, радостно покоряющегося монастырскому уставу, В. Распутин дорожит и мягкостью художественной манеры, восторженностью описания Б. Зайцева, подчеркивающего: «Я был на Афоне православным человеком и русским художником. И только» [Зайцев, 2000, с. 76]. Писатель провел на Святой Горе чуть более двух недель, его взгляд скорее внешний, манера тяготеет к описательности, что соотносится с поставленной задачей – открыть Афон миру, приобщить к культуре православного монашества, сохраняя отдельность ей. Отсюда некоторая эстетическая избыточность повествования, отмеченная современниками (Г. Федотовым, В. Зеньковским). Определяя собственную миссию на Афоне, В. Распутин почти дословно цитирует Б. Зайцева: «Мы были паломниками, не более того» (с. 404).

Отметим, современный автор не только благодарно ссылается на работы предшественников, но актуализирует в тексте и собственный художественный опыт. Так, сюжет о крещении Руси, судьбе княгини Ольги – один из ключевых в рассказе «Новая профессия» (1998), образ монастырской кельи отсылают к идее таинственной комнаты-домовины из рассказа «Видение» (1997), а образ Валаама финализирует рассказ «В больнице», построенный на идее испытания души. Измученный, переживший операцию герой наблюдает влюбленную пару, молодые люди слушают духовные песнопения и собираются посетить Валаамский монастырь. Так повествование, сфокусированное на описании критического, переходного пространства больницы, открывается в вечность.

В одном ряду с Афоном и в очерке В. Распутин называет *Оптину Пустынь, Соловки, Валаам*, но и среди них Афон выделяется древностью, отдельностью миру, крепостью устава: «Думаю, многие живут с этим упованием: есть такая крепость, против которой бурлящий в грехе мир бессилен» (с. 388). Святая Гора олицетворяет как *путь* («где-то как бы на полпути к небесам»), так и достигнутый на земле *рай*. В отечественной духовной традиции, живописи, литературе образы *дороги, часовни и храма* не только рассматриваются органичной частью пейзажа, дополняя природу, но существуют самостийно, «храм осознается как мистическая основа мироздания» [Галиев, 2010, с. 356]. В. Распутин подчеркивает: все, кто посетил Афон, «возвращались со Святой Горы в радости; есть там, среди ее насельников, крепость такой духовной кладки, что ничем ее – ни грубой силой, ни сладкой “прелестью” – не взять» (с. 388). Афон выступает залогом устойчивости бытия, эталоном *верности традиции, почитания закона*: «Беспрекословное

подчинение древним законам невольно даже и возвышает, обдает дыханием вечности» (с. 390).

Идея Афона в контексте прозы В. Распутина

С этой же нравственной высоты, с которой рассказчик подходит к описанию Святыни, он характеризует историю и современной России. Подчеркнем, описание острова Матера из повести «Прощание с Матерой» (Матера как Мать / Матрона, Русь изначальная) коррелирует с описанием Афона, что связано как с общей для них соотносительностью с образом *земного рая*, так и с той духовной связью, что осуществляется через рассказчика (русского паломника). Как Афон, так и Матера, представлены в парадигме Вечности, время над ними не властно. Вещи, предметы, заполняющие пространство Матеры, одухотворены, наделены субстанциональным статусом, они «не подвержены порче, гниению и уничтожению – они не невещественны, а вечно вещественны» [Лотман, 2009, с. 407]. «В Матере были постройки, которые простояли двести и больше лет и не потеряли вида и духа», «чай живой» (по аналогии с «живой водой»), с чудесными вещами можно разговаривать. Останки предков не разлагаются, но сохраняют благодать и целостность подобно мощам святых (Дарья: «Откопали сбоку мамкин гроб, а он даже капельки не почернел, будто вчерась клали»), что преодолевает разобщенность мертвых и живых, сиюминутного и вечного. Жизнь в деревне ритуализирована, соотносена с законами природы и заветами предков. Матера выступает в повести аналогом *христианского алтаря*, точкой притяжения лежащих вокруг острова сфер, что соответствует важнейшей идее автора о собирании воедино «народа Божия». Описывая Афон, рассказчик восторженно отмечает: «Тут от молитв все кажется живым, молвящим, и воздух сладостно насыщен молитвами, как запахами весеннего цветения» (с. 391).

В очерке важна аналогия Афона и с *Мировым деревом* как осью, окрест которой наращивается бытие – не случайна параллель Святой Горы с образом могучего «царского лиственя» в центре острова Матера, корнями которого, по вере крестьян, земля крепится к дну реки, а крона дерева уходит в Небеса. В основе идеи православного храма – *вертикаль* (отсюда аналогия с деревом), что отличатся от католических базилик, рассчитанных на горизонтальное устройство. И даже готическая вертикаль, как считают специалисты, «скорее выражает эстетику, чем определенную символику. Функцию основы в готических храмах по-прежнему играет горизонтальная ось креста плана, которая при этом никак не связана с готической вертикалью. Католический символизм лежит в горизонтальной плоскости» [Галиев, 2010, с. 357].

В. Распутин усматривает глубинное духовное родство Святой Горы и Руси в целом – покровительствует этим землям *Богородица*. С древнейших времен Богоматерь «стала просветительницей и защитницей Афона» (с. 390), Русь же в отечественной религиозной традиции постигается как хранимая Ею. Отсюда и особая роль в национальной культуре женского возрождающего начала, о чем В. Распутин, вслед К. Леонтьеву и А. Солженицыну, напишет в статье «Cherchez la femme. Вечный женский вопрос» (1989). Причем, если у предшественников это обстоятельство получает неоднозначную трактовку (тезис о «зыбкости русской почвы», на которой ничто не устоит: ни государство, ни храм), то автор очерка выдвигает идею *женского самостояния*, отменяющую неудачный исторический опыт мужчин [Ковтун, 2015, с. 58–75].

Само Крещение Руси в очерке описано как глубоко естественное, радостное, долгожданное событие, инициируемое женщиной – княгиней Ольгой. Исторический контекст, полный драматизма, феномен двоеверия игнорируются: «Тесные связи с Царьградом не могли не убеждать, что под размер плавной русской души

ничто другое и подойти не может, кроме “радостной”, уносящей на небеса византийской веры» (с. 391).

Образ Афона в очерке: история, устав, пространственно-временные координаты

В тексте автор стремится к возможно полному описанию «монашеской республики»: от истории возникновения Афона (прежде всего, русского), картин природы, монастырского устава до убранства кельи и пищи насельников. Рассказчик подробно описывает путь к острову, который удален и отделен горами от мира современной цивилизации. Путешественники долго обдумывают поездку, оформляют документы, и всегда находят друзья, коллеги, дальние и близкие, готовые оказать помощь. От Большой земли до скалистых берегов Афона добываются на корабле со знаковым названием «*Достойно есть*», отсылающим одновременно к началу хвалебной молитвы Богородице («Достойно есть, яко воистину блажити Тя Богородице...») и к названию чудотворной иконы Божией Матери (Милующая) – образ на Святой Горе Афон, перед которым, по преданию, в X в. явился архангел Гавриил [Кондаков, 1902, с. 176, 178].

Историю Руссика автор начинает с 1030 г., когда в актах управления впервые упоминается скит Успения Богородицы (Ксилургу), принадлежащий русским инокам: «По акту выходило, что это одна из самых крепких обителей» (с. 392). И монастырь св. Пантелеймона, некогда обезлюдевший, передается русским для сохранения и укрепления. Вослед Б. Зайцеву и В. Маевскому (автору «Афонских рассказов», 1950), В. Распутин подчеркивает строгость бытия *русских* иноков, благолепие отечественных монастырей, особенно Свято-Пантелеймоновского – «самого красивого и величественного на Афоне». На знаменитой звоннице по сей день самый звучный на Святой Горе колокол, хотя и не тот, о котором с восторгом писал Б. Зайцев (в 818 пудов, в войну фашисты отправили его на переплавку).

В очерке В. Распутина выделены те исторические периоды, которые связаны с расцветом Руссика и его царственных покровителей: от Ивана Грозного до династии Романовых, при которых Русский Афон пережил свой «золотой век». Особое место в тексте занимают истории «тружеников молитвы», аскетов, чьими подвигами, молитвами росла слава Святой Горы. В одном ряду упомянуты Нил Сорский – основатель русского скитского жития, легендарный святой Растко и те, кто приняли постриг (или ждут его) сегодня: участники войны, знаменитый академик, которые «быстро и естественно смыкаются в один путь, по которому направила душа, к одному служению, и уже не разобрать, кто откуда» (с. 417). И для К. Леонтьева важно удержаться от гордости подвижничества, от чувства, «что я почти святой». Особый статус философ оставляет за аскетом, который нужен, «как путеводная звезда, как *крайнее* выражение православного отречения», пример подлинной свободы от мира (сюжет, связанный с житием о. Пахомия). И В. Распутин выделяет среди насельников тех, чей подвиг сверхсуров даже по меркам Афона: *монахи-пустынники*, живущие в норах-пещерах, землянках, в дуплах вековых дубов и платанов. Они, «вымолившие Россию», ушли в вечность.

Для писателя важно показать *преемственность* в бытии Руссика, пережившего Голгофу – Революцию – и оставшегося духовной опорой, надеждой для всех страждущих сегодня. Рассказчик старается никак не выделять собственный путь и удел, радостно слиться с другими паломниками. В роли поводырей по «монашеской республике», обязательных для *искателя истины*, выступают русские классики, святые, монахи, авторы текстов об Афоне – хранители его тайны и славы –

гении места, что придает очерку диалогический характер, открытость, современное звучание.

Жесткая регламентированность жизни насельников, следующих тысячелетним установлениям, объясняется необходимостью сохранения веры в чистоте и строгости, нарушение устава оборачивается трагедией (гибель девушки, рискнувшей попасть на Афон вопреки запрету, красочностью описания напоминает сюжет из «Челюстей»). Для традиционалиста В. Распутина консерватизм здешнего бытия осознается как защита от изменчивого социума, где идеалы сиюминутны и ничего не значат для следующих поколений, обрекая личность на отчаяние или шутство. Труднодоступность полуострова, закрытость его жизни связаны с пониманием греховности, слабости человеческой природы, только самые стойкие в вере, прошедшие послушание, остаются здесь навсегда. Афон представлен как *пуповина мира*, что подчеркнуто и описанием стихий, лежащих в основании Творения: неба, воды, падающего снега (аналога благодати), близких звезд, Горы. Бедность здешнего бытования сакрализована, становится, согласно традиции, одним из признаков благодати: «Бедность бедностью, но зато какая благодать!» (с. 397). Эту черту афонской жизни подчеркивал и Б. Зайцев, утверждая приоритетность «духовного хозяйства» (служб, послушаний, молитв).

В очерке В. Распутина исключительность бытия на Афоне подчеркнута описанием особого – византийского – *времени*, «древнего, при котором жили еще отцы церкви» (с. 396). С заходом солнца стрелки часов переводятся на полночь, и начинаются новые сутки. Причем европейское и византийское время разграничиваются как «торгашеское» и время Вечности, подчиненное Богу, что меняет не только привычный распорядок бытия паломников, но их мироощущение, самоощущение, человек сосредоточен на внутренней жизни. Сохранение древнего времени – «форма проявления все того же консерватизма, который основан на крепости веры, на следовании единожды избранным образцам и правилам» [Кубасов, 2012, с. 365]. Историческое время напоминает о себе скорбными приметами: в июле 1918 г. в Соборе Покрова Богородицы почернел образ Спаса. В те дни была расстреляна царская семья, и скорбный Спас так и остается «угольным» по сей день.

Византийскому времени отвечает прием сакрализации пространства. Рассказчик поражен тишиной на острове, благоуханием земли, чудесами, которые происходят постоянно (от исцеления плоти и духа до явления чудотворных икон), здесь и смерть «бесскорбна», подобна отдохновению. Как и во всем творчестве художника, откровению чуда предшествует «захлебывающийся звон колокольца», сияние звезды и мерцание света в конце «длинного-длинного коридора», откуда открывается выход на службу – *к истине*: «Шел снег. Снова валко ударил на монастырском дворе колокол, сбивая с нас остатки сна, и мы заторопились. Чуть больше двух часов отпущено было пастве на отдых, и вот снова служба, снова подготовка себя к освобождению от всего ненужного, мирского, отяжеляющего – словно бы вход в невесомость» (с. 400).

Образы русских церквей и скитов на Афоне впрямую отсылают к граду Китежу, Небесному Иерусалиму: «Вся низина, застенная бело-голубым снежным покровом, искрила, пыхала под солнечными стрелами, вся она колыхалась-дышала, кружилась, и огромный красавец собор, тоже белый и тоже искрящийся, казалось, повис в воздухе – в таком все вокруг было волшебстве» (с. 405). Аналогичная картина дана в эссе «Байкал передо мною...» (2003), где автор-визионер рисует явление мистического Китежа, путь к которому прочерчивает лунная дорожка: «Я перевел взгляд на Байкал, в его водную толщу, где расплуснуто трепетали, как бабочки, отражения звезд, и вдруг увидел нечто такое, что заставило меня приподняться и в изумлении уставиться туда, где качающейся золотистой лесенкой спускалась в бездну лунная дорожка. Там, переливаясь огнями, волнуясь сквозь

призму воды, сиял сказочный город» [Распутин, 2007в, с. 524]. *Лунная дорожка, золотая лестница* – указание на выход из сиюминутного в вечность, открывающуюся за пределами эмпирического. Для *визионерского* текста определение жанра как эссе нетипично, выдает попытку автора включиться в дискуссию о статусе идеала именно на интеллектуальных основаниях.

Важнейшая составляющая жизни на Афоне – *молитва*. Рассказчик описывает службу подчеркнуто лично: «Монахи рядом соскальзывали со стасидий, бросались на колени и распластывались на полу. Я повторял их движения слепо и неловко, опаздывая, громко стуча коленками. Но это продолжалось недолго, служба как бы отыскала меня, подхватила, помогая узнавать и понимать все ее движения, стало легко и радостно» (с. 399). Сам характер службы отличается спокойствием, строгостью и глубиной: «Монах на службе старается быть незаметным, невидимым, у него все внутри, ничего внешнего». Оттого и исповеди здесь длятся долго: «И чем дальше инок в своей аскезе уходит от мира, тем требовательней он к себе становится» (с. 401).

Автор, погруженный в веру, ощущает себя прикоснувшимся к тайне, постигает чудо *благодати, премудрости*: «Идеал искреннего, честного монаха – это приблизительная бесплотность на земле», «Бесстрастие – вот идеал» (с. 403). «Только Бог да исчезновение в Боге», – цитирует рассказчик Феофана Затворника. Исключение из правил являют «бунташные эпохи», когда монах становится «воином и строителем, мудрым наставником братии и бесстрашным воеводой в отношениях с властью» (с. 406). В этом В. Распутин следует логике Н. Лескова. Исключительность насельников Афона подчеркивается на протяжении всего очерка, бытие монахов описывается через призму *жития*, соответствует строжайшей *аскезе*: «Святая Гора, как твердыня Православия, века и века притягивала к себе воинов Христовых. Их жития поражают сверхчеловеческой силой воли и духа». В своеобразной духовной иерархии особое место занимают *пустынники*, чьи претерпения уподоблены «великомученичеству первохристиан» (с. 418–419). Афон, вослед житийной традиции, напоминает жужжащий улей, насельники – мудрых пчел, что собирают плоды духовные. Отсюда и мотив исключительности «афонского меда», лишённого ненужных примесей, чистого, вобравшего в себя «молитвенный дух этой земли».

Тема искушения, диалог сакрального и мирского

Особое место в очерке занимает *тема искушения*. Афон, в понимании В. Распутина, искушаем *современной цивилизацией*, буквально находится в осаде, причем даже минувшие войны и революции, опустошающие Святую Гору, были духовно менее разрушительны, чем всемирный город – «скопище зла», «ломающий любую традицию». Принципиально, что для писателя-традиционалиста в разрушительном статусе уравниваются *глобализм, демократические ценности и свободы* как диктующие отступление от тысячелетнего Устава, на котором стоит Афон. «Для мира-богоборца эта маленькая монашеская республика – что бельмо на глазу или кость в горле. Афонские монастыри живут в бедности; Европейский Союз предлагает миллионы и миллиарды... в обмен на “права человека” и международную зону туризма. Вовсю усердствуют феминистические организации, раздувающие кадило “дискриминации женщин”. Монахи в голос заявляют: ежели это дьявольское попущение допустится, они покинут Афон» (с. 420–421).

В этом контексте отметим, что поздний В. Распутин, утверждающий приоритетность духовного воспитания перед светским знанием, вынужден решать и проблему соотносительности *церкви и школы*. В годы советской власти церкви разрушались или превращались в клубы, склады, реже – школы, которые были призваны стать центрами пролетарского миропорядка. Гибельность современной цивилиза-

ции для души человека писатель склонен объяснять в том числе узостью школьного образования, развернутого в сторону прагматических ценностей. В рассказе «Женский разговор» (1995), в повести «Дочь Ивана, мать Ивана» избранные герои отказываются от светской книжности в целом, их самостановление проходит помимо или вопреки официальной образовательной сфере. Тамара Ивановна в школе «отбывала повинность, которая чем дальше, тем становилась тяжелей», ее дочь «мало читала в детстве и развивалась какими-то собственными вызревавшими в ней впечатлениями», отказывается от книжных штудий повзрослевший Иван. Ссылаясь на авторитет патриарха – Ивана Савельевича, автор подводит итог ситуации: «Наманят, наманят книги, насулят с три короба, а жизнь, она другая. И вот я думаю: человек от рождения, от родителей направлен по одной дорожке, по родословной сказать, а книжки его выгибают на другую» [Распутин, 2007г, с. 278].

В очерке проблема светского и духовного с особой яркостью показана через судьбу о. Олимпия, чья красота, словоохотливость, эрудированность еще слишком близки миру. В недалеком прошлом герой был известным академиком, автором учебников и научных статей по компьютерной технике, и оставил все звания, славу, побывав на Афоне паломником, а затем принял постриг. В этом же ряду названы И. Павлов, Д. Менделеев, В. Вернадский, признававшие, что «нет знания выше Святого писания и нет пути в сторону от Создателя» (с. 417).

Рассуждения В. Распутина восходят к идеям протопопа Аввакума, видевшего в светском знании одну из причин поругания духовного. «Внешняя мудрость» осуждалась «огненным протопопом», иноком Епифанием [Робинсон, 1963, с. 406]. К «разумным» в этой концепции относятся те, «которые познали Бога внешнею хитростью» или поклонились дьяволу: как дьявол хотел уподобиться Богу, так и «мудрии» [Житие протопопа Аввакума..., 1960]. Результат отношения «разумных» к Богу – свобода вне нравственных норм. Отрицая «внешнюю мудрость», в основном проникающую с Запада, учителя старообрядчества подчеркивают важность духовного просвещения, связанную с этим книжность на родном языке. Антитезой «внешней мудрости» в посланиях Аввакума выступают «смиренно-мудрие» – *проповедь, молитва*.

«Чужое» слово, глобальная цивилизация воспринимаются В. Распутиным как соблазн, искушение, преодолением которого и стало сознательное обращение к национальным святыням, жанрам древнерусской литературы, активное включение их в собственное творчество. Под влиянием этой струи тексты мастера обретают ощутимую весомость и монументальность традиционной христианской идеологии.

Подведение итогов. Афон как Книга бытия

Завершается очерк «На Афоне» символической картиной: «На невысоком откосе подле монастырской стены долго и неподвижно стоит монах и, прикрываясь ладонью от солнца, смотрит в море. В той ли стороне Россия, куда с надеждой и терпением он взглядывается, я не знаю, не могу сориентироваться. Но куда еще через море может заглядывать русский монах? Или в ожидании пришествия Того, Кто ходит по воде, аки посуху?..» (с. 422). Фигура неподвижного монаха, замыкающая границу чудесного, принадлежит тому же ряду *вестников инобытия*, усилиями которых осуществляется связь времен и пространств, живых и мертвых: «Идеальный герой (героиня) писателя – носитель онтологической истины, посредник между здешним и запредельным» [Плеханова, 2015, с. 447]. Сходным значением в творчестве писателя наделены и образы *юродов*: Богодула из повести «Прощание с Матерой», дяди Миши Хампо из «Пожара». С образом юродивых связана идея вины всех перед всеми, покаяния и прощения / искупления, объеди-

няющая человечество, открывающая, по Ф. Достоевскому, перспективу рая [Касаткина, 1996, с. 322].

Сам русский Афон прочитывается рассказчиком как *Книга*, говорящая на языке символов, до конца ее понять никому из смертных не дано, ее история уходит в незапамятные времена. Цивилизованные паломники, жаждущие попасть на Афон любой ценой, движимы любопытством, утилитарными целями, что заведомо делает их желание бессмысленным, символические послания превращаются в банальные сообщения (как в случае девушки, пробравшейся обманом на Афон и позирующей под телекамерами, или молодой четы, выбравшей скалистые берега Святыни для пляжного отдыха). То, что открывается паломнику на Афоне, принципиально не верифицируемо (красноречивое молчание монахов), рассказчик прислушивается к себе, переживает огромную внутреннюю радость и успокоение, но и он не обладает полнотой смысла текста Святой Горы. Афон предстает как свернутая *мнемоническая программа* образов, сюжетов отечественной истории и культуры, находящихся меж двух полюсов, в бесконечном колебании между которыми и протекает бытие Руси: деструктивные, разрушительные периоды (татарское иго, Смута, Революция 1917 г., глобализация) сменяются непродолжительными периодами благочестия и процветания, залогом которых и выступает Русик – «непоколебимая ступень к Богу».

Взгляд В. Распутина на традиционную культуру, христианские ценности как оберегающие и внутренний мир личности, отражает проблемы времени. Современное глобальное общество, отрицающее важность национального, гуманистического, ориентирует человека во внешнее пространство, заставляет ценить достижения, результат, порой не слишком заботясь о средствах. Эта идеология нивелирует личное пространство, не оставляет места «тишине, времени и пространству для размышлений», нет сил противостоять «иммунологически чужому», что и позволяет называть социум симулятивным, «уставшим» [Хан, 2012, с. 15]. Своеобразной реакцией на происходящее и становится интерес к патриархальной культуре, древнерусской книжности, отразившейся в текстах *неопочвенников* и *«новых реалистов»*, утверждающих необходимость цельного, сильного героя, способного возродить Русь.

Список литературы

- Баиляр Г.* Поэтика пространства. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 352 с.
- Галиев С. С.* Образ храма в русской литературе рубежа XX–XXI столетий // Андреевские чтения. Литература XX века: Итоги и перспективы изучения. М.: Экон, 2010. С. 356–364.
- Дмитриева Л. М., Куляпин А. И., Халина Н. В.* Семиотика русского мира в культуре трансграничного региона. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2014. 228 с.
- Касаткина Т. А.* Характерология Достоевского: Типология эмоционально-ценностных ориентаций. М.: Наследие, 1996. 336 с.
- Ковтун Н. В.* «Женский вопрос» в творчестве В. Распутина // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2015. № 1.
- Ковтун Н. В.* Старуха, ангел, богатырка: генекратический миф современной традиционалистской прозы // Литературная учеба. 2010. № 4. С. 80–93.
- Кондаков Н. П.* Памятники христианского искусства на Афоне. СПб.: Имп. Акад. наук, 1902. 312 с.
- Кошемчук Т. А.* Русская литература в православном контексте. СПб.: Наука, 2009. 278 с.
- Кубасов А. В.* «На Афоне» В. Г. Распутина и «Афон» Б. К. Зайцева: два варианта дискурса ответственности // Творчество В. Распутина: ответы и вопросы: Монография. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. С. 157–169.

Кубасов А. В. Интерференция жанров в очерке В. Г. Распутина «На Афоне» // *Время и творчество В. Распутина: история, контекст, перспективы. Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию со дня рождения В. Г. Распутина: Материалы.* Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. С. 359–368.

Лотман Ю. М. О понятии географического пространства в средневековых текстах // *Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Таллин: Александра, 2009. Т. 1. С. 407–413.*

Лотман Ю. М. О русской литературе. Статьи и исследования: история русской прозы, теория литературы. СПб.: Искусство СПб., 2005. 464 с.

Плеханова И. И. Художественное воображение В. Распутина // *Творческая личность В. Распутина: живопись – чувство – мысль – воображение – откровение: Сб. науч. тр.* Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. С. 447–475.

Радомская Т. И. Дом и Отечество в русской классической литературе первой трети XIX века. М.: Совпадение, 2006. 239 с.

Распутин В. Тридцать лет спустя (публицистика А. И. Солженицына начала 1970-х годов, до высылки на Запад) // *Между двумя юбилеями. 1998–2003. Писатели, критики, литературоведы о творчестве А. И. Солженицына: Альманах / Сост. Н. А. Струве, В. А. Москвин. М.: Русский путь, 2005. С. 343–344.*

Робинсон А. Н. Жизнеописание Аввакума и Епифания: Исследования и тексты / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; отв. ред. Н. К. Гудзий. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 314 с.

Хан Б. Ч. Уставшее общество. Сеул, 2012.

Список источников

Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / Под ред. Н. К. Гудзия. М.: Гослитиздат, 1960. 480 с.

Зайцев Б. Афон // *Зайцев Б. Собр. соч.: В 5 т. М., 2000. Т. 7: Святая Русь: Избранная духовная проза. Книги странствий. Повести и рассказы. Дневник писателя.*

Распутин В. Байкал передо мною... // *Распутин В. В поисках берега: Повесть, очерки, статьи, выступления, эссе.* Иркутск: Издатель Сапронов, 2007в. С. 515–525.

Распутин В. Дочь Ивана, мать Ивана // *Распутин В. Собр. соч.: В 4 т. Иркутск: Издатель Сапронов, 2007г. Т. 1. С. 131–360.*

Распутин В. На Афоне // *Распутин В. В поисках берега: Повесть, очерки, статьи, выступления, эссе.* Иркутск: Издатель Сапронов, 2007а. 528 с.

Распутин В. Прощание с Матерой // *Распутин В. Собр. соч.: В 4 т. Иркутск: Издатель Сапронов, 2007б. Т. 4.*

Шукишин В. М. Собр. соч.: В 5 т. Екатеринбург: Посылторг, 1994. Т. 4. 480 с.

N. V. Kovtun

*Krasnoyarsk State Pedagogical University
Krasnoyarsk, Russian Federation, nkovtun@mail.ru*

The image of Athos in the late works of V. Rasputin: tradition and innovation

The paper is devoted to a problem of belief, service to the Fatherland, which is important for Rasputin's creativity. The text "On Mount Athos" is devoted to this problem. The work deals with the literary tradition of a pilgrimage to the Sacred Mountain (with experience of K. Leontyev and

B. Zaytsev taken into account). The novelty of the Rasputin's work is revealed: the openness of the text, a dialogism, the interpretation of the Russian Athos as a Book, the originality of the author's image. The main themes and images of the essay "On Mount Athos" are considered: the image of Virgin, the themes of prayer, austerity, temple, temptation, wandering, hearth, Fatherland, eternity and death. The text includes the important author's ideas expressed in his stories. The Athos appears as the close-up program of images, plots of national history and culture, staying between two poles, where the life of Russia proceeds in constant fluctuation. The destructive periods (the Tatar yoke, the Distemper, the Revolution of 1917, the globalization) are replaced by the short periods of piety and prosperity, their pledge – Athos – "an unshakable step to God." The concept of Athos allows specifying the ideological content and artistic originality of modern traditionalism in general.

Keywords: Rasputin, late prose, essay "On Mount Athos," penance, pilgrimage.

DOI 10.17223/18137083/69/12

References

- Bashlyar G. *Poetika prostranstva* [Poetics of Space]. Moscow, Ad Marginem Press, 2014, 352 p.
- Galiyev S. S. *Obraz khrama v russkoy literature rubezha 20–21 stoletiy* [Image of the Church in Russian literature at the turn of the 20th–21st centuries]. In: *Andreyevskiy chteniye. Literatura 20 veka: Itogi i perspektivy izucheniya* [Andreev Readings. Literature of the 20th century: Results and prospects of study]. Moscow, Ekon, 2010, pp. 356–364.
- Dmitriyeva L. M., Kulyapin A. I., Khalina N. V. *Semiotika russkogo mira v kul'ture transgranichnogo regiona* [Semiotics of the Russian world in the culture of the transboundary region]. Barnaul, ASU Publ., 2014, 228 p.
- Kasatkina T. A. *Kharakterologiya Dostoyevskogo: Tipologiya emotsional'notsen nostnykh orientatsiy* [Characterology of Dostoevsky: Typology of emotional and value orientations]. Moscow, Naslediye, 1996, 336 p.
- Khan B. Ch. *Ustavshye obshchestvo* [Tired society]. Seul, 2012.
- Kovtun N. V. "Zhenskiy vopros" v tvorchestve V. Rasputina ["Women's Question" in the work of V. Rasputin]. *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*. 2015, no. 1, pp. 58–74.
- Kovtun N. V. *Starukha, angel, bogatyrka: genekraticheskii mif sovremennoy traditsionalist-skoy prozy* [Old woman, angel, bogatyrka: geneocratic myth of modern traditionalist prose]. *Literaturnaya ucheba*. 2010, no. 4, pp. 80–93.
- Kondakov N. P. *Pamyatniki khristianskogo iskusstva na Afone* [Monuments of Christian art on Mount Athos]. St. Petersburg, Imp. Akad. nauk, 1902, 312 p.
- Koshemchuk T. A. *Russkaya literatura v pravoslavnom kontekste* [Russian literature in the Orthodox context]. St. Petersburg, Nauka, 2009, 278 p.
- Kubasov A. V. "Na Afone" V. G. Rasputina i "Afon" B. K. Zaytseva: dva varianta diskursa otvetstvennosti ["On Mount Athos" by V.G. Rasputin and "Mount Athos" B. K. Zaitsev: two variants of the discourse of responsibility]. In: *Tvorchestvo V. Rasputina: otvety i voprosy: Monografiya* [Creative work of V. Rasputin: answers and questions: Monograph]. Irkutsk, ISU Publ., 2014, pp. 157–169.
- Kubasov A. V. *Interferentsiya zhanrov v ocherke V. G. Rasputina "Na Afone"* [Interference of genres in an essay by V. G. Rasputin "On Mount Athos"]. In: *Vremya i tvorchestvo V. Rasputina: istoriya, kontekst, perspektivy. Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 75-letiyu so dnya rozhdeniya V. G. Rasputina: Materialy* [V. Rasputin's time and work: history, context, prospects. International scientific conf. devoted to the 75th anniversary of V. G. Rasputin: Proceeding]. Irkutsk, ISU Publ., 2012, pp. 359–368.
- Lotman Yu. M. *O ponyatii geograficheskogo prostranstva v srednevekovykh tekstakh* [On the concept of geographical space in medieval texts]. In: Lotman Yu. M. *Izbrannyye stat'i: V 3 t. T. 1* [Selected articles: In 3 vols. Vol. 1]. Tallin, Aleksandra, 2009, pp. 407–413.
- Lotman Yu. M. *O russkoy literature. Stat'i i issledovaniya: istoriya russkoy prozy, teoriya literatury* [On Russian literature. Articles and studies: history of Russian prose, theory of literature]. St. Petersburg, Iskustvo, 2005, 464 p.
- Plekhanova I. I. *Khudozhestvennoye voobrazheniye V. Rasputina* [Artistic imagination of V. Rasputin]. In: *Tvorcheskaya lichnost' V. Rasputina: zhivopis' – chuvstvo – mysl' – voobra-*

zheniye – otkroveniye: Sb. nauch. tr. [Creative personality of V. Rasputin: painting – feeling – thought – imagination – revelation: Coll. of sci. art.]. Irkutsk, ISU Publ., 2015, pp. 447–475.

Radomskaya T. I. *Dom i Otechestvo v russkoy klassicheskoy literature pervoy trety 19 veka* [House and Fatherland in Russian classical literature of the first third of the 19th century]. Moscow, Sovpadeniye, 2006, 239 p.

Rasputin V. Tridsat' let spustya (publitsistika A. I. Solzhenitsyna nachala 1970-kh godov, do vysylki na Zapad) [Thirty years later (published by A. I. Solzhenitsyn in the early 1970s, before being exiled to the West)]. In: *Mezhdru dvumya yubileyami. 1998–2003. Pisateli, kritiki, literaturovedy o tvorchestve A. I. Solzhenitsyna: Al'manakh* [Between two anniversaries. 1998–2003. Writers, critics, literary critics about the work of A.I. Solzhenitsyn: Almanac]. N. A. Struve, V. A. Moskvina (Comps). Moscow, Russkiy put', 2005, pp. 343–344.

Robinson A. N. *Zhizneopisaniya Avvakuma i Epifaniya: Issledovaniya i teksty* [Acts of Avvakum and Epiphany: Studies and Texts]. A. M. Gorky Institute of World Literature. N. K. Gudziy (Ed.). Moscow, Izd. AN SSSR, 1963, 314 p.

List of sources

Rasputin V. Baykal peredo mnoyu... [Baikal is in front of me...]. In: Rasputin V. *V poiskakh berega: Povest', ocherki, stat'i, vystupleniya, esse* [In search of the margent: Story, essays, articles, speeches, essays]. Irkutsk, Saponov Publ., 2007.

Rasputin V. Doch' Ivana, mat' Ivana [Ivan's daughter, Ivan's mother]. In: Rasputin V. *Sobr. soch.: V 4 t. T. 1* [Collected works: in 4 vols. Vol. 1]. Irkutsk, Saponov Publ., 2007, pp. 131–360.

Rasputin V. Na Afone [On Mount Athos]. In: Rasputin V. *V poiskakh berega: Povest', ocherki, stat'i, vystupleniya, esse* [In search of the margent: Story, essays, articles, speeches, essays]. Irkutsk, Saponov Publ., 2007.

Rasputin V. Proshchaniye s Materoy [Farewell to Matera]. In: Rasputin V. *Sobr. soch.: V 4 t. T. 4* [Collected works: in 4 vols. Vol. 4]. Irkutsk, Saponov Publ., 2007.

Shukshin V. M. *Sobr. soch.: V 5 t. T. 4* [Collected works: in 5 vols. Vol. 4]. Ekaterinburg, Posyltorg, 1994, 480 p.

Zaytsev B. Afon [Mount Athos]. In: Zaytsev B. *Sobr. soch.: V 11 t. T. 7 (dop.): Svyataya Rus': Izbrannaya dukhovnaya proza. Knigi stranstviy. Povesti i rasskazy. Dnevnik pisatelya* [Collected works: In 11 vols. Vol 7 (add.): Holy Russia: Selected spiritual prose. Books of wanderings. Stories and stories. Writer's diary]. Moscow, 2000.

Zhitiye protopopa Avvakuma, im samim napisannoye, i drugiye ego sochineniya [The life of the Archpriest Avvakum, written by him himself, and his other works]. N. K. Gudziy (Ed.). Moscow, Goslitizdat, 1960, 480 p.

В. Н. Карпухина

Алтайский государственный университет, Барнаул

**Современная детская литература
в политически корректном дискурсе:
лингвоаксиологический аспект**

Основная цель статьи – рассмотреть тексты новейшей детской литературы, зачастую выступающие в качестве успешного коммерческого проекта в массовой культуре и формирующие релятивные аксиологические установки мультикультурного общества у целевой аудитории. Объектом исследования служат тексты русскоязычной и англоязычной детской литературы, предмет исследования – лингвоаксиологические изменения данных текстов в рамках политически корректного дискурса. Исследование показало, что современная русскоязычная детская литература пока только входит в политически корректный дискурс, тогда как англоязычная детская литература активно функционирует в рамках данного дискурса. В результате исследования было выявлено, что такие современные авторы детской литературы на русском языке, как Борис Акунин и Глория Му, в текстах «Детской книги» и «Детской книги для девочек» используют нарративные стратегии, выявляющие непрямую ироническую оценку по отношению к ситуациям, дискурсивным формулам и правилам их функционирования в политически корректном дискурсе современного многополярного общества. В классических традициях русскоязычной детской литературы, обновленных в игровых ситуациях постмодернизма, Борис Акунин и Глория Му показывают релятивность аксиологической шкалы современного поликультурного социума, иронически представляя феномен политкорректности с критической точки зрения персонажей-подростков.

Ключевые слова: политически корректный дискурс, современная детская литература, лингвоаксиология.

Новые аксиологические установки политически корректного дискурса в современном мультикультурном обществе существенно влияют на лингвоаксиологические характеристики современной детской литературы и, в частности, на ее язык. Статья посвящена функционированию текстов новейшей детской литературы в политически корректном дискурсе современного общества. Объектом исследования служат тексты русскоязычной и англоязычной детской литературы, предмет исследования – лингвоаксиологические изменения данных текстов в рамках политически корректного дискурса. Основная цель статьи – рассмотреть тексты новейшей детской литературы, зачастую выступающие сегодня в качестве

Карпухина Виктория Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры германского языкознания и иностранных языков факультета массовых коммуникаций, филологии и политологии Алтайского государственного университета (ул. Димитрова, 66, Барнаул, 656049, Россия; vkarpuhina@yandex.ru)

успешного коммерческого проекта в массовой культуре и формирующие релятивные аксиологические установки мультикультурного общества у целевой аудитории. В качестве материала исследования выступают «Politically Correct Bedtime Stories: Modern Tales for Our Life and Times» Дж. Ф. Гарнера [Garner, 1994] и несколько переводов данных сказок на русский язык, выполненные С. Сивко (под ред. А. Олексенко), С. Г. Тер-Минасовой, А. Г. Гурочкиной; «The Tales of Uncle Remus: The Adventures of Brer Rabbit», заново пересказанные Дж. Лестером [The Tales of Uncle Remus, 2014]; «Детская книга» и «Детская книга для девочек» Бориса Акунина и Глории Му [Акунин, 2007; Му, 2012].

С. Г. Тер-Минасова, определяя возможности использования языка в рамках политически корректного дискурса, считает, что зарождение тенденции к политкорректному функционированию языка в многонациональном и поликультурном американском обществе было неслучайным: «Политическая корректность языка выражается в стремлении найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинства индивидуума, ущемляют его человеческие права привычной языковой бестактностью и / или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т. п.» [Тер-Минасова, 2000, с. 215]¹. Именно в британской и американской лингвокультурах в 1970–1980-х гг. наблюдается наиболее активный интерес к использованию того идеологического инструмента манипулирования целевой аудиторией, который позднее назовут «политически корректным языком» (ср.: [Lakoff, 1975; Butler, 1990; Segel, 2006; Moller, 2016²; Wikström, 2016; Karpukhina, Kuznetsova, 2017; Леонтович, 2007; Гришаева, Цурикова, 2008; Гурочкина, 2009; Гендер..., 2011]).

Политически корректный дискурс изначально в качестве жанровых разновидностей включал подтипы медийного дискурса и был ориентирован, скорее, на публицистические тексты. Однако в конце XX – начале XXI в. его специфический язык (так называемые дискурсивные формулы) и его сюжеты начинают проникать в смежные по семиотическим функциям с медийными текстами кинематографические тексты (см.: [Гендер..., 2011, с. 139–169; Карасик, 2019]) и в тексты художественной литературы. Далее рассмотрим некоторые из основных (конститутивных) компонентов политически корректного дискурса, формирующих новую аксиологическую шкалу в текстах современной детской литературы. К таким компонентам относятся участники, хронотоп, цели, ценности, стратегии и дискурсивные формулы политически корректного дискурса (подробнее о данных компонентах и признаках институционального дискурса см.: [Карасик, 1999; 2019]). Исследователи справедливо полагают, что в русской лингвокультуре политкорректный дискурс пока практически не функционирует: «В результате постоянного интереса к человеческой личности как центру западной идеологии, на который направлены усилия и политики, и экономики, и культуры, английский язык и добрее, и гуманнее, и вежливее к человеку, чем – увы! – русский язык. С нашей идеологией коллективизма и игнорирования индивидуализма (само это слово имеет в русском языке негативные коннотации) трудно ожидать чего-то другого. Русский язык, как правило, не обременяет себя соображениями гуманности и чуткости по отношению к отдельному человеку» [Тер-Минасова, 2000, с. 223]. Функционирование же политически корректного дискурса в англоязычном мире на сегодняшний день чаще предстает объектом иронических или саркастических пародий на использование его дискурсивных формул или манипулятивных стратегий: «Политическая корректность как направление развития языка вызвала много вопросов, критики, сомнений. Бесспорно, что в живом языке все

¹ Также: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Ter/_Index.php

² Также: <https://philarchive.org/archive/MOLDOP>

попытки создать стилистически нейтральные “заповедники” разбиваются о способность слов приобретать в новых условиях новые коннотации, часто негативные» [Тер-Минасова, 2000, с. 222].

Подобной блестящей пародией на медийные тексты феминистской, антирасистской и пр. направленности стали «Политкорректные сказки на сон грядущий» Дж. Ф. Гарнера [Garner, 1994]. Пересказывая знаменитые детские сказки всех времен и народов с использованием ключевых дискурсивных формул политкорректного дискурса и порой меняя привычные сюжетные схемы в саркастически представляемых «манипулятивных» целях политкорректного дискурса, Гарнер доводит до абсурда новую аксиологическую шкалу современного мультикультурного общества.

Например, одна из основных стратегий феминистского дискурса, направленная на нарочитое избегание в речи / тексте лексем *мужчина*, *женщина*, *девочка*, *мальчик*, пародируется Гарнером в зачине сказки «Little Red Riding Hood» («Красная Шапочка»):

There was once **a young person** named Red Riding Hood who lived with her mother on the edge of a large wood [Garner, 1994].

Ср. данный фрагмент в переводе на русский язык:

Давным-давно существовала **юная личность** по имени Красная Шапочка, которая жила со своей матерью на самом краю большого леса (пер. С. Сивко)³.

В данном случае феминистская формула *a young person* ‘юная личность’, адекватно переданная на русский язык, показывает иронию по отношению к аксиологической толерантности политкорректного дискурса (ср. изменения, происходящие в английском языке на уровне обращений к женщине и намеренного феминистского «изыятия» из английского языка «сексистских» морфем, указывающих на половую принадлежность человека: *chairman* ‘председатель’ > *chairperson*; *spokesman* ‘делегат’ > *spokesperson*; *cameraman* ‘оператор’ > *camera operator* [Тер-Минасова, 2000, с. 216]). Подобная же формула в следующем фрагменте «Красной Шапочки», описывающем действия Волка после того, как он проглотил бабушку, отсылает к аксиологическим приоритетам феминистского дискурса:

Then, **unhampered by rigid, traditionalist notions of what was masculine or feminine, he put on Grandma’s nightclothes** and crawled into bed [Garner, 1994].

И затем, **явно не стесненный традиционалистским подходом к тому, что такое мужское, а что такое женское, Серый Волк натянул бабушкину ночную сорочку** и забрался в кровать (пер. С. Сивко).

Якобы присутствующее во фрагменте нарратива «осуждение» Волка за его трансгендерное переодевание (cross-dressing) работает на создание комического эффекта.

Еще более саркастическим оказывается введение в традиционный текст сказки дискурсивных формул из «экологически ориентированного» политкорректного дискурса. Подобная пародийная ситуация наблюдается в зачине сказки «Three Little Pigs» («Три поросенка»):

³ Здесь и далее перевод С. Сивко (под ред. А. Олексенко) цитируется по: Гарнер Дж. Ф. Политически корректные сказки на ночь. URL: <https://q-lab.livejournal.com/1464.html#cutid1> (дата обращения 07.08.2018).

Once there were three little pigs who lived together **in mutual respect and in harmony with their environment. Using materials that were indigenous to the area**, they each built a beautiful house [Garner, 1994].

Ср. данный фрагмент в переводах на русский язык:

Жили-были когда-то три поросенка. Они **совместно проживали во взаимном уважении и в гармонии с окружающей средой. Используя экологически чистые материалы, характерные для той местности**, каждый из них построил себе по красивому домику (пер. С. Сивко);

Жили-были однажды три поросенка, **которые жили в атмосфере взаимоуважения и гармонии с окружающим миром** (пер. А. Г. Гурочкиной)⁴;

Жили-были три поросенка, **во взаимном понимании и полной гармонии с окружающей средой. Используя природные материалы своего края**, каждый из них построил себе по чудному домику (пер. С. Г. Тер-Минасовой)⁵.

При этом лишь в первом из переводов, выполненном С. Сивко, и отчасти в переводе С. Г. Тер-Минасовой наблюдается абсолютно адекватная передача дискурсивных формул «экологически ориентированного» русскоязычного политкорректного дискурса (*окружающая среда, экологически чистые материалы*). В переводах А. Г. Гурочкиной и С. Г. Тер-Минасовой представлены лишь приблизительные эквиваленты дискурсивных формул (*окружающий мир, природные материалы своего края*), что существенно уменьшает комический эффект зачина сказки Гарнера. Релятивность аксиологической шкалы экологически ориентированного политкорректного дискурса пародируется в новой версии сказки: жить в гармонии с окружающей средой – хорошо, так же как и правильно и хорошо строить жилище из местных экологически чистых материалов. Ирония Гарнера, однако, сводит данное утверждение к «пустой» политкорректной дискурсивной формуле. В качестве незыблемых ценностей экологически ориентированного политкорректного дискурса признаются не только экологически чистые материалы, но и полезные для здоровья продукты:

Red Riding Hood entered the cottage and said, “Grandma, **I have brought you some fat-free, sodium-free snacks** to salute you in your role of a wise and nurturing matriarch” [Garner, 1994].

Войдя в дом бабушки, Красная Шапочка обратилась к ней: «Бабушка, **я принесла тебе не содержащие жиров и карбоната натрия бутерброды**, дабы приветствовать тебя в качестве мудрой и образованной главы рода» (пер. С. Сивко);

Красная Шапочка вошла в дом и сказала: «Бабушка, **я принесла тебе обезжиренные гостинцы, не содержащие нитратов**» (пер. С. Г. Тер-Минасовой).

Комический эффект возникает в данном случае за счет подмены объектов, составляющих содержимое корзинки Красной Шапочки: вместо присутствующих в ситуативном фрейме сказки Шарля Перро *пирожков* там оказываются некие «полезные для здоровья» *бутерброды / гостинцы*. Однако трижды упоминаемые в речи матери и Красной Шапочки экологически правильные для употребления продукты не только не приносят пользы, но и не используются по назначению, что также усиливает комический эффект при их упоминании.

⁴ Здесь и далее перевод А. Г. Гурочкиной цитируется по: [Гурочкина, 2009].

⁵ Здесь и далее перевод С. Г. Тер-Минасовой цитируется по: [Тер-Минасова, 2000].

Введение в ситуативный фрейм сказки новых объектов и новых действующих лиц и событий, происходящих с ними, позволяет Гарнеру одновременно использовать две ключевые лингвоаксиологические стратегии – модернизации и острашения текста (о действии данных стратегий при переводе текстов см.: [Карпухина, 2013; 2015]). Например, в традиционную последовательность событий, происходящих с домиками трех поросят, включается дополнительный событийный фрагмент с новыми действующими лицами, соплеменниками волка-разрушителя:

Where the house of sticks had stood, other wolves built a time-share condo resort complex for vacationing wolves, with each unit a fiberglass reconstruction of the house of sticks, as well as native curio shops, snorkeling, and dolphin shows [Garner, 1994].

На месте же валежного домика другие волки организовали таймшер – оздоровительный комплекс для отдыхающих волков, где каждое бунгало воспроизводило погибший домик, но выполнено было из стеклопластика, – и понатыкали вокруг лавчонки туземных диковин, бассейны для дайвинга и дельфинарии (пер. С. Сивко).

Реалии новейшего времени (*таймшер, оздоровительный комплекс, стеклопластик, дайвинг, дельфинарий*) пересоздают хронотопическую отнесенность ситуативного фрейма сказки о трех поросятах, работая на эффект острашения текста и одновременно создавая комический эффект модернизации при его восприятии. «Безусловные» ценности прогресса в мультикультурном обществе (сам волк, сдвывая один из домиков поросят, рассуждает: *They are so childlike in their ways. It will be a shame to see them go, but progress cannot be stopped* [Garner, 1994]. – *Ну прямо как дети, ей-богу! Хотя и будет капельку неловко наблюдать их уход, но ведь прогресс неумолим, и остановить его нельзя!* (пер. С. Сивко)) в ироническом нарративе рассказчика переосмысляются и оказываются фальшивыми.

Однако возможна и иная ситуация перефокусировки ценностей при вписывании старых сказок в новый формат политкорректного дискурса. Сборник «Сказки дядюшки Римуса» Дж. Ч. Харриса [1980], в 1936 г. адаптированный для русскоязычной детской аудитории М. А. Гершензоном, появился в США в новой версии (в пересказе Дж. Лестера) в 1987 г., в разгар борьбы за политкорректность. В предисловии к новому изданию Августа Бейкер, бывший координатор Детской службы Нью-Йоркской публичной библиотеки, работавшая в Университете Южной Каролины, дает идеологически «корректное» объяснение тем стратегиям, которые использовали Маргарет Уайз Браун, а затем и Джулиус Лестер при новейшем пересказе негритянских фольклорных сюжетов в аболиционистской терминологии [Baker, 2014, p. 6–7]. И Браун, и Лестер элиминируют из текста фигуру чернокожего рассказчика, дядюшки Римуса, причем Маргарет Браун производит данную «политкорректную» элиминацию и в отношении заглавия сказок, называя свой проект «Breg Rabbit» («Братец Кролик») [Ibid., p. 6]. Джулиус Лестер, сохраняя название сборника Джоэля Харриса («Сказки дядюшки Римуса»), полностью элиминирует из текста главного нарратора, рассказывающего негритянские сказки маленькому белому мальчику-плантатору. Ср., например, кольцевую композицию сказки «Смоляное Чучелко» («Breg Rabbit and the Tar Baby») в сборнике Дж. Ч. Харриса:

– Что же, Лис никогда-никогда не поймал Кролика? А, дядюшка Римус? – спросил Джоэль на другой вечер.

– Было и так, дружок, чуть-чуть не поймал. Помнишь, как Братец Кролик надул его с укропом? [Харрис, 1980, с. 8];

...Тут дядюшка Римус замолчал и стал вынимать из золы картошку.
– Старый Лис съел Братца Кролика? – спросил мальчик дядюшку Римуса.
– А кто их знает, – ответил старик. – Сказка-то кончена. Кто говорит – Братец Медведь пришел, его выручил, а кто говорит – нет. Слышишь, мама зовет тебя. Беги, дружок [Харрис, 1980, с. 11–12].

В политкорректном варианте негритянской сказки, пересказанной Дж. Лестером, фреймовая рамка с действующим лицом-рассказчиком, дядюшкой Римусом, отсутствует, и актуальным остается только внутренний ситуационный фрейм взаимодействия Братца Кролика и Братца Лиса, пытающегося поймать его с помощью Смоляного Чучелка [The Tales of Uncle Remus, 2014, p. 23–29].

В данном случае стратегии политкорректного дискурса, в отличие от ситуации с пересказом волшебных сказок Дж. Гарнером, используются автором предисловия и автором новой версии сказок из негритянского фольклора не в ироническом переосмыслении, а для прямого воздействия на целевую аудиторию. Августа Бейкер, делясь в предисловии своей «идеологически выдержанной» радостью по поводу выхода антирасистской версии «Сказок дядюшки Римуса», пишет не только о том, как она впервые сама ребенком познакомилась с данными сказками (сначала – в пересказе бабушки, затем – пытаюсь сама их прочитать (и замечая, что читательский опыт был максимально неудачным)) [Baker, 2014, p. 3–5]. Более интересными представляются ее аксиологически ориентированные воспоминания о работе в филиале Нью-Йоркской публичной библиотеки, находившемся в Гарлеме, когда она пересказывала негритянским детям традиционную версию «Сказок дядюшки Римуса»: «Я вскоре поняла, что эти чернокожие мальчики и девочки должны узнать о юморе и скрытой философии Братца Кролика и его друзей... Многие из этих детей остро реагировали (*were sensitive*) на моменты, связанные с рабовладельческой системой, например на то, что дядюшка Римус рассказывал свои сказки маленькому белому мальчику, и я элиминировала повествовательную рамку»⁶ [Ibid., p. 5]. Без какой бы то ни было иронии Августа Бейкер в качестве одной из бесспорных ценностей нового мультикультурного общества называет унификацию английского языка, признавая одним из важнейших достоинств нового пересказа более простую современную разговорную речь персонажей негритянских сказок и модернизацию реалий, с которыми персонажи взаимодействуют [Ibid., p. 7–8]. Например, забрасывая Братца Кролика в терновый куст в сказке о Смоляном Чучелке, Братец Лис размахивается, как *Хэнк Аарон* – знаменитый американский бейсболист второй половины XX в. [The Tales of Uncle Remus, 2014, p. 29]; в сказке о том, как Братец Черепаха обогнал Братца Кролика на беговой дорожке, Братец Кролик надевает для тренировок *желтые кроссовки «Адидас»* и на старте срывается с места, как «*Боинг-747*» [Ibid., p. 51, 53]; в сказке «Загадка Братца Кролика» главный персонаж переживает *кризис среднего возраста* (*a midlife change*) [Ibid., p. 127]. Эти и подобные им примеры модернизации текстов сказок, как нам представляется, тоже свидетельствуют об актуализации контекста политкорректного дискурса: ценностями-эталоном являются типично американские персонажи и реалии (знаменитый американский бейсболист, самый известный американский самолет), хронотопические рамки жизни вневременных персонажей традиционных негритянских сказок приравниваются к ограниченным хронотопическим рамкам жизни среднестатистического американца (*кризис среднего возраста*). Необходимо также отметить, что в данном случае использование аксиологических стратегий политкорректного дискурса, его дискурсивных формул и актуализация его ценностей в текстах новых «Сказок дядюшки Римуса»

⁶ Перевод наш.

происходит без иронического или саркастического переосмысления, в отличие от «Политически корректных сказок на сон грядущий» Гарнера.

Для русской детской литературы вхождение в дискурс политкорректного мультикультурного общества, как нам представляется, еще впереди. Принимая во внимание замечания исследователей о том, что в русской лингвокультуре политкорректный дискурс практически не актуален, стоит отметить еще и то, что на сегодняшний день под вопросом находится само существование детской литературы в России: «Детской литературы в России вообще-то нет. Ее нет ни как свода текстов, входящих в круг детского чтения, и ни как плеяды авторов, представляющих национальную литературу миру, и уж точно ни как ниши на книжном рынке. Ее нет как института, включающего в себя писательский, читательский и профессиональный исследовательский цеха, находящиеся в постоянном, желательном – плодотворном, взаимодействии» [Скаф, 2012, с. 148]. Есть, однако, и более оптимистичный взгляд на существование и функционирование русской детской литературы: «Процесс установления канона для русской детской литературы и поиск точек соприкосновения с сегодняшними юными читателями не закончены. Серьезных имен в новом поколении писателей пока мало, но готовность к эксперименту и обновлению сулит яркое будущее литературе с четырехсотлетней историей» [Хеллман, 2016, с. 530]⁷. Бен Хеллман, к сожалению, не рассматривает тексты «Детской книги» Бориса Акунина и Глории Му в ряду текстов современной русской детской литературы, но мы полагаем, что именно в данных текстах сочетается «готовность к эксперименту и обновлению» детской литературы, с одной стороны, и предпосылки для активного диалога с подростковой читательской аудиторией, с другой стороны. Более того, в текстах «Детской книги» и «Детской книги для девочек» наблюдаются и первые признаки вхождения русскоязычной детской литературы в политически корректный дискурс. Первая из книг данной дилогии вышла в 2005 г. под названием «Детская книга» и несколько раз переиздавалась под данным названием (ср., например, переиздание [Акунин, 2007]). Однако, когда появилась вторая книга дилогии – «Детская книга для девочек» [Му, 2012], созданная совместно Борисом Акуниным и Глорией Му, первую книгу стали переиздавать под названием «Детская книга для мальчиков» [Акунин, 2012]. Рекурсивное «выравнивание» гендерного баланса, свойственное феминистской разновидности политкорректного дискурса, в данном случае совершенно очевидно. Две книги, повествующие о приключениях младшего поколения Фандориных (двойняшек Эраста (Ластика) и Гели) в разновременных вариантах московского хронотопа, дают возможность разного представления одних и тех же аксиогенных ситуаций с гендерно-ориентированной точки зрения.

Ключевая аксиогенная ситуация в «Детской книге для девочек» задается основным персонажем-феминисткой, Люсиндой Грэй, *очень красивой брюнеткой с короткой стрижкой и огромными зелеными глазами* [Му, 2012, с. 10], внешность и обстоятельства появления которой иронически отсылают к одной из самых известных феминисток Голливуда (*Сопровождаю главную гостью фестиваля Анджелину Круз* [Там же, с. 13]). Люсинда Грэй яростно защищает права женщин (*Любовь выше справедливости и всего на свете. Мы, женщины, знаем это по праву рождения* [Там же, с. 43]), обвиняет мужчин во всех проблемах (*О-у, да! Тео де Дорн – воплощение худших качеств мужчины. Они вечно выдумают себе какую-нибудь дребедень, обзовут «идеей», свято в нее уверуют и потом ради этой «идеи» готовы разрушить и залить кровью полмира!*). Люсинда говорила так зло, что Геле даже стало немножко жалко бедных мужчин [Там же, с. 46]). Более того, она демонстративно ведет себя вызывающе по отношению к мужчинам в проблемной ситуации: *Люсинда вывернула руль и сделала неприличный*

⁷ См. также: [Черняк, 2013; Петрова, 2018].

жест в сторону толстого дядьки на «лексусе», который пытался их подрезать [Му, 2012, с. 45]. По мере осмысления аксиогенной ситуации, в которой оказывается Геля Фандорина, поведение и мотивы действий Люсинды Грэй начинают осознаваться Гелей как корыстные и далекие от аксиологического идеала. От восхищения врачом-феминисткой и копирования ее речевых привычек Геля приходит к пониманию того, что истинные цели профессора Ван Дорна и Люсинды Грэй, прибывших из будущего, неизвестны, и те, как все взрослые, слишком много врут «для пользы дела» [Там же, с. 408–409]. Таким образом, иронически развенчиваются и ценности феминистского варианта политкорректного дискурса, которые в начале романа выступают для юной героини, Гели Фандориной, в качестве аксиологического образца для подражания.

Представляет интерес и аксиогенная ситуация объединения Гели с братом Ластиком в финале «Детской книги для девочек» в процессе поиска алмаза «Райское яблоко». У героини-подростка происходит переоценка ценностей, и важность семейных связей осознается Гелей заново, хотя в ходе действия романа статус «семейного чувства» на аксиологической шкале колеблется. В аксиогенной ситуации острой нехватки информации в мире прошлого Геля готова жертвовать встречей с матерью ради возможности воспользоваться привычными гаджетами и Интернетом (подробнее об этом см.: [Карпухина, 2017, с. 215]). Аксиологические приоритеты политкорректного дискурса современного техногенного многополярного общества в данном случае оказываются более релевантными по сравнению с гуманитарными ценностями – человеческими и, в частности, семейными отношениями. Переоценка подобной ситуации в финале романа, заново актуализирующая для Гели Фандориной ее социальные роли дочери и сестры, дает возможность осознать релятивность и гибкость аксиологической шкалы современного подростка.

Гораздо более ироническими в тексте диалогии предстают ценности политически корректного дискурса, связанные с отношением к окружающему миру и домашним питомцам человека. В современном политкорректном дискурсе предпочтительнее указывать на равноправное существование всех живых существ на планете: «Для того, чтобы избежать антропоцентризма по отношению к живому миру и подчеркнуть наше биологически равноправное сосуществование на одной планете с представителями этого мира, слово *pets* [домашние животные], предполагающее человека как хозяина или владельца, заменяется словосочетанием *animal companions* [компаньоны-животные], *house plants > botanical companions* [домашние растения > компаньоны-растения], а предметы неодушевленного мира – *mineral companions* [компаньоны-минералы]» [Тер-Минасова, 2000, с. 218]. Геля, попав в прошлое, пытается приручить кошку, однако в ее свободном косвенном дискурсе повествовательной структуры «Детской книги для девочек» данный процесс представлен с помощью оценочной терминологии политкорректного дискурса:

Это было как... Как подружиться с марсианином! Некто, совершенно отличный от тебя и видом, и разумом, непонятный и таинственный; некто, не способный изъясниться ни на одном из человеческих языков, но не лишенный речи – своей собственной, непонятной, в свою очередь, тебе; некто, способный, как никто из хомосапиенсов, читать мысли и чувствовать настроение. Понимать. Некто, кого можно любить и кто будет любить тебя, несмотря на то, что вы – такие ужасно разные, чужие и у вас нет никакого повода быть вместе, и легче было бы найти друзей среди своих [Му, 2012, с. 201–202].

Противопоставление двух разных субъектов – девочки и кошки – идет по классическому принципу «свой – чужой», и суверенные границы субъектов обозначают-

ся по их внешним признакам, по внутреннему устройству, по особенностям мыслительной и речевой деятельности. Представление кошки с иронической кличкой Силы Зла как самостоятельного субъекта, *animal companion*, существующего отдельно и в то же время рядом с Гелей в московском хронотопе начала XX в., позволяет оценить привычную ситуацию «приручения» как аксиологически значимую в терминах политически корректного дискурса. Однако ирония подобного представления *animal companion* проявляется во введении в основной нарратив романа фрагмента свободного косвенного дискурса героини-подростка, весьма экспрессивно окрашенного по сравнению с тональностью основного повествования (*Это было как... Как подружиться с марсианином!*).

Наиболее иронической с точки зрения представления дискурсивных формул и аксиологических приоритетов политкорректного дискурса в текстах Бориса Акунина и Глории Му является часть «Завтра» «Детской книги», действие в которой происходит в Москве 20 мая «в никаком году» [Акунин, 2007, т. 2, с. 283]. Антиутопический фрагмент «Детской книги» с явными отсылками к текстам антиутопий Е. И. Замятина и М. А. Булгакова (подробнее см.: [Карпухина, 2015, с. 44–57]) полемически направлен на использование дискурсивных стратегий и формул политкорректного дискурса. Основной персонаж части «Завтра» «Детской книги», с которым вынужден общаться Ластик Фандорин, *Магдаитиро Ямададженкинс*, «собранный» из профессора *Магды Дженкинс*, микробиолога, и доктора *Итиро Ямады*, специалиста по электронике [Акунин, 2007, т. 2, с. 293], – существо «третьего пола». Гендерная неопределенность существа из будущего пародирует дискурсивную стратегию современного феминистского дискурса, связанную с использованием местоимений (например, *s/he* ‘он / она’) и разных окончаний глагольных форм в русском языке (например, *сделал(а)*):

– Так вы тут **не один, то есть не одно?** – встрепнулся Ластик. – Есть и другие люди?;

Женщино-мужчина направился к большой травянистой кочке, и та вдруг отъехала в сторону;

– Я **построил** себе дом поближе к природе, – **объяснила хозяйника**;

– Это **я обдумывало** твой вопрос... [Там же, с. 287, 295, 296, 297].

На аксиологической шкале Ластика Фандорина, подростка из XXI в., подобная гендерная немаркированность биологического существа явно занимает полюс со знаком «минус»:

...Ластик боязливо покосился на гибрида. Значит, это одновременно и женщина, и мужчина? Какой кошмар [Там же, с. 293].

Начиная адаптироваться к системе речевых маркеров существа из будущего, Ластик пытается использовать категорию среднего рода при обращении к нему, и, тем не менее, постоянно сбивается на «устаревшую» систему координат «мужское – женское». Саркастическое изображение новой гендерной системы координат, к которой стремятся современные сторонники феминистской разновидности политкорректного дискурса, дается в тексте «Детской книги» с помощью оценок мира будущего с его неопределенными гендерными категориями и «образцовой правильностью», данных подростком из нашего времени. Аксиологические установки политически корректного мира эпохи «Завтра» декларируются Магдаитиро Ямададженкинс с большой долей гордости:

Мы все – Очень Уважаемые Люди. Мнение каждого драгоценно. Невозможно себе представить, чтобы наши приняли какое-то решение, если оно не устраивает кого-то одного. Правда, никаких коллективных решений

нам принимать давно уже не приходится. Мир функционирует в абсолютном порядке [Акунин, 2007, т. 2, с. 297–298].

Пародийность дискурсивных формул (*Очень Уважаемые Люди*) и правил функционирования мультикультурного, многополюсного современного западного общества реализуется в разрешении аксиогенной ситуации, в которую попадает Ластик Фандорин: он сбегает из «идеального Завтра» в первый же подходящий момент, испытывая ужас от того, что ему предложили остаться в подобном будущем. Антиутопический конфликт ребенка, верификатора ценностей «идеального будущего», и гендерно немаркированного бессмертного существа из этого будущего компрометирует саму систему ценностей подобного социума и его дискурсивные стратегии.

Однако необходимо отметить, что Борис Акунин и Глория Му в текстах «Детской книги» и «Детской книги для девочек» используют нарративные стратегии, выявляющие непрямую ироническую оценку по отношению к ситуациям, дискурсивным формулам и правилам их функционирования в политически корректном дискурсе современного многополярного общества. В отличие от прямой иронии, зачастую переходящей в сарказм, «Политически корректных сказок на сон грядущий» Джеймса Финна Гарнера или от полного принятия манипулятивных правил политкорректного дискурса в новой редакции «Сказок дядюшки Римуса» Джулиуса Лестера, тексты детских романов Бориса Акунина и Глории Му не дают прямых оценок в аксиогенных ситуациях, связанных с политкорректностью. В классических традициях русскоязычной детской литературы, обновленных в игровых ситуациях постмодернизма, Борис Акунин и Глория Му показывают релятивность аксиологической шкалы современного поликультурного социума, иронически представляя феномен политкорректности с критической точки зрения персонажей-подростков.

Список литературы

Гендер в британской и американской лингвокультурах: Монография / Под общ. ред. Е. С. Гриценко. М., 2011.

Грицаева Л. И., Цурикова Л. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации: Учеб. пособие для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений. М., 2008.

Гурочкина А. Г. Политкорректная сказка как трансформированный комический текст // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: Сб. в честь Е. С. Кубряковой. М., 2009. С. 777–786.

Карасик В. И. Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: Сб. науч. тр. / Под ред. В. И. Карасика. Волгоград, 1999. С. 5–19.

Карасик В. И. Языковые мосты понимания: Монография. М., 2019.

Карпухина В. Н. Аксиологические характеристики дискурсов персонажей современной детской литературы: иноязычная речь на страницах диалогии Бориса Акунина и Глории Му // Проблемы онтолингвистики-2017. Освоение и функционирование языка в ситуации многоязычия / Ред. Т. А. Круглякова, М. А. Еливанова, Т. А. Ушакова. Иваново, 2017. С. 213–218.

Карпухина В. Н. Конструирование лингвистической реальности при смене семиотического кода культуры: Монография. Барнаул, 2013.

Карпухина В. Н. Литературные хронотопы: поэтика, семиотика, перевод: Монография. Барнаул, 2015.

Леонтович О. А. Введение в межкультурную коммуникацию. М., 2007.

Петрова С. А. Современная русская детская литература: миф или реальность? // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2018. Т. 23, № 1. С. 66–78.

- Скаф М.* Новая детская литература // Октябрь. 2012. № 12. С. 148–154.
- Тер-Минасова С. Г.* Политическая корректность, или языковой такт // Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.
- Хеллман Б.* Сказка и быль: История русской детской литературы / Авториз. пер. с англ. О. Бухиной. М., 2016.
- Черняк М.* Эффект узнавания реальности в современной прозе для переходного возраста // Детские чтения. 2013. № 2. С. 136–151.
- Baker A.* Introduction // *The Tales of Uncle Remus: The Adventures of Brer Rabbit / As told by Julius Lester.* СПб., 2014. P. 3–8.
- Butler J.* *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity.* New York, London, 1990.
- Karpukhina T. P., Kuznetsova N. V.* The Basis of the Politically Correct Modern Political Discourse in the French Language // *Bulletin of Kemerovo State University.* 2017. № 3. P. 180–186. DOI 10.21603/2078-8975-2017-3-180-186
- Lakoff R.* *Language and Women's Place.* N. Y., 1975.
- Moller D.* Dilemmas of Political Correctness // *Journal of Practical Ethics.* 2016. Vol. 4, iss. 1.
- Segel E.* “As the Twig Is Bent...”: Gender and Childhood Reading // *Children's Literature: Critical Concepts in Literary and Cultural Studies / Ed. by P. Hunt.* London, New York, 2006. Vol. 3: Cultural Contexts. P. 187–207.
- Wikström P.* No one is “pro-politically correct”: Positive construals of political correctness in Twitter conversations // *Nordic Journal of English Studies.* 2016. № 15 (2). P. 159–170.

Список источников

- Акунин Б.* Детская книга. М., 2007. Т. 1, 2.
- Акунин Б.* Детская книга для мальчиков. М., 2012.
- Гарнер Дж. Ф.* Политически корректные сказки на ночь. URL: <https://q-lab.livejournal.com/1464.html#cutid1> (дата обращения 07.08.2018).
- Му Глория.* Детская книга для девочек. М., 2012.
- Харрис Дж.* Сказки дядюшки Римуса. Улан-Удэ, 1980.
- Garner J. F.* *Politically Correct Bedtime Stories: Modern Tales for Our Life and Times.* New Jersey, 1994. URL: <https://bbs.pku.edu.cn/attach/85/31/8531ff112a962431/politically%20correct%20bedtime%20stories.pdf> (accessed 07.08.2018).
- The Tales of Uncle Remus: The Adventures of Brer Rabbit / As told by Julius Lester.* СПб., 2014.

V. N. Karpukhina

Altai State University, Barnaul, Russian Federation, vkarpukhina@yandex.ru

Contemporary children's literature in the politically correct discourse: axiological linguistic aspect

The paper aims at revealing the basic features of contemporary children's literature texts as a successful commercial project in mass culture, forming relative axiological principles of the multicultural society in the target audience. The author considers some of the constitutive components of the politically correct discourse, which form a new axiological scale in the texts of contemporary children's literature. Such components include participants, chronotope, aims, values, strategies, and discursive formulas of the politically correct discourse. The hypothesis is put forward that the politically correct discourse is not acute yet for the Russian linguistic culture. However, it is obvious that in the English culture, the politically correct discourse is being parodied

nowadays while it deals with its discursive formulas and manipulative strategies. The contemporary Russian children's literature is found to be just coming into the frame of the politically correct discourse, whilst English children's literature is actively functioning in this type of discourse, as in *The Tales of Uncle Remus: The Adventures of Brer Rabbit* retold by Julius Lester or acquires parody of postmodernist features, as *Politically Correct Bedtime Stories: Modern Tales for Our Life and Times* by James Finn Garner did. The research results reveal that Boris Akunin and Gloria Mu, the contemporary Russian children's literature writers, use narrative strategies in their texts of *Children's Book* and *Children's Book for Girls*, suggesting the implicit ironical assessment for the situations, discursive formulas, and the rules of their usage of the politically correct discourse in the contemporary multipolar society. On the contrary to the directly used irony, often turning into sarcasm of *Politically Correct Bedtime Stories: Modern Tales for Our Life and Times* by James Finn Garner or to the politically correct discourse manipulative rules usage in the new version of *The Tales of Uncle Remus: The Adventures of Brer Rabbit* retold by Julius Lester, the texts of children's books by Boris Akunin and Gloria Mu do not provide directly expressed assessments in the axiogenic situations of the politically correct discourse.

Keywords: politically correct discourse, contemporary children's literature, axiological linguistics.

DOI 10.17223/18137083/69/13

References

- Baker A. Introduction. In: *The Tales of Uncle Remus: The Adventures of Brer Rabbit*. As told by Julius Lester. St. Petersburg, 2014, pp. 3–8.
- Butler J. *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. New York, London, 1990, 256 p.
- Chernyak M. Effekt uznvaniya real'nosti v sovremennoi proze dlya perekhodnogo vozrasta [The effect of recognition in contemporary prose for teenagers]. *Detskie chteniya*. 2013, no. 2, pp. 136–151.
- Gender v britanskoi i amerikanskoi lingvokul'turakh: monografiya* [Gender in British and American linguistic cultures: a monograph]. Gritsenko E. S. (Ed). Moscow, 2011, 220 p.
- Grishaeva L. I., Tsurikova L. V. *Vvedenie v teoriyu mezhkul'turnoi kommunikatsii: Ucheb. posobiye dlya stud. lingv. fak. vyssh. ucheb. zavedeniy* [Introduction into the theory of cross-cultural communication: a manual for students of linguistic faculties of higher education institutions]. Moscow, 2008.
- Gurochkina A. G. Politkorreknaya skazka kak transformirovannyi komicheskii tekst [Politically correct story as a transformed comic text]. In: *Gorizonty sovremennoi lingvistiki: Traditsii i novatorstvo: Sbornik v chest' E. S. Kubryakovoi* [Horizons of contemporary linguistics: Traditions and novelty: The collection of academic works dedicated to E. S. Kubryakova]. Moscow, 2009, pp. 777–786.
- Hellman B. *Skazka i byl': Istoriya russkoi detskoi literatury* [Tale and true story: History of Russian children's literature]. Tr. from English by O. Bukhina. Moscow, 2016, 560 p.
- Karasik V. I. Religiozniy diskurs [Religious discourse]. In: Karasik V. I. (Ed.). *Yazykovaya lichnost': problemy lingvokul'turologii i funktsional'noi semantiki: Sbornik nauchnykh trudov* [Linguistic identity: problems of cultural linguistic and functional semantics: The collection of academic works]. Volgograd, 1999, pp. 5–19.
- Karasik V. I. *Yazykovyye mosty ponimaniya: Monografiya* [Language bridges of understanding: Monograph]. Moscow, 2019.
- Karpukhina V. N. Aksiologicheskie kharakteristiki diskursov personazhei sovremennoi detskoi literatury: inoyazychnaya rech' na stranitsakh dilogii Borisa Akunina i Glorii Mu [Axiological characteristics of contemporary children's literature characters' discourses: foreign languages in the dilogy by Boris Akunin and Gloria Mu]. In: Kruglyakova T. A., Elivanova M. A., Ushakova T. A. (Eds). *Problemy ontolingvistiki-2017. Osvoenie i funktsionirovanie yazyka v situatsii mnogoyazychiya* [Problems of ontolinguistics-2017. Language acquisition and functioning in the situation of multilingualism]. Ivanovo, 2017, pp. 213–218.
- Karpukhina V. N. *Konstruirovanie lingvisticheskoi real'nosti pri smene semioticheskogo koda kul'tury: monografiya* [Construing of linguistic reality through the semiotic code of culture change: a monograph]. Barnaul, 2013, 232 p.

- Karpukhina V. N. *Literaturnye khronotopy: poetika, semiotika, perevod: monografiya* [Literary chronotopes: poetics, semiotics, translation: a monograph]. Barnaul, 2015, 171 p.
- Karpukhina T. P., Kuznetsova N. V. The Basis of the Politically Correct Modern Political Discourse in the French Language. *Bulletin of Kemerovo State University*. 2017, no. 3, pp. 180–186. DOI 10.21603/2078-8975-2017-3-180-186 (accessed 08.03.2019)
- Lakoff R. *Language and Woman's Place*. New York, 1975, 328 p.
- Leontovich O. A. *Vvedenie v mezhkul'turnuyu kommunikatsiyu* [Introduction into cross-cultural communication]. Moscow, 2007.
- Moller D. Dilemmas of Political Correctness. *Journal of Practical Ethics*. 2016, vol. 4, iss. 1.
- Petrova S. A. Sovremennaya russkaya detskaya literatura: mif ili real'nost'? [Contemporary Russian children's literature: myth or reality?]. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. 2018, vol. 23, no. 1, pp. 66–78.
- Skaf M. Novaya detskaya literatura [New children's literature]. *Oktyabr'*. 2012, no. 12, pp. 148–154.
- Segel E. "As the Twig Is Bent...": Gender and Childhood Reading. In: Hunt P. (ed.). *Children's Literature: Critical Concepts in Literary and Cultural Studies*. Vol. 3: Cultural Contexts. London, New York, 2006, pp. 187–207.
- Ter-Minasova S. G. Politicheskaya korrektnost', ili yazykovoi takt [Political correctness, or language tact]. In: Ter-Minasova S. G. *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Language and cross-cultural communication]. Moscow, 2000.
- Wikström P. No one is "pro-politically correct": Positive construals of political correctness in Twitter conversations. *Nordic Journal of English Studies*, 2016, no. 15 (2), pp. 159–170.

List of sources

- Akunin B. *Detskaya kniga* [Children's book]. Moscow, 2007, vols. 1, 2.
- Akunin B. *Detskaya kniga dlya mal'chikov* [Children's book for boys]. Moscow, 2012, 544 p.
- Garner J. F. *Politically Correct Bedtime Stories: Modern Tales for Our Life and Times*. New Jersey, 1994. URL: <https://bbs.pku.edu.cn/attach/85/31/8531ff112a962431/politically%20correct%20bedtime%20stories.pdf> (accessed 07.08.2018).
- Garner J. F. *Politicheski korrektnye skazki na noch'* [Politically correct bedtime stories]. URL: <https://q-lab.livejournal.com/1464.html#cutid1> (accessed 07.08.2018).
- Harris J. *Skazki dyadyushki Rimusa* [The tales of Uncle Remus]. Ulan-Ude, 1980, 112 p.
- Mu Gloria. *Detskaya kniga dlya devochek* [Children's book for girls]. Moscow, 2012, 412 p.
- The Tales of Uncle Remus: The Adventures of Brer Rabbit*. As told by Julius Lester. St. Petersburg, 2014, 224 p.

Е. Н. Рогова, Л. С. Яницкий

Кемеровский государственный университет

Особенности авторской интенции в «Метели» В. Сорокина

Анализируется повесть В. Сорокина «Метель», определяются особенности интенции автора, выражающиеся в использовании культурного кода, связанного с традициями русской и мировой литератур, в двойном кодировании, проявляющемся в наличии уровня, предназначенного для массового читателя, и игрового уровня, улавливаемого искушенным реципиентом. Для повести характерна интертекстуальность, направленная на активизацию читательской рефлексии и формирующая широкое ассоциативное поле.

Ключевые слова: В. Сорокин, интенция, повесть, культурный код, двойное кодирование, интертекстуальность.

В. Сорокин в своих произведениях обращается к разным авторским стилям, жанрам, выявляя основы их конструирующих механизмов, формируя игровую языковую реальность. «Метель» писатель связывает с традицией классической повести, с «метафизикой русской жизни и русского пространства»: «Мне в большей степени хотелось написать не про государственное устройство, а про стихию. От чего здесь люди зависели, по-прежнему зависят и будут зависеть. И главный персонаж, порождаемый этим пространством, – Метель... В повести бунт вещей – это, безусловно, бытовая неустроенность русской жизни... Это и есть наша русская жизнь и другой она не будет. Это неучтенность человека... что касается деконструкции, то тут другая задача поставлена – это герметическая вещь. Как пирамидка...»¹.

«Метель» В. Сорокина является очень важным текстом с точки зрения развития стиля автора, но на фоне других его произведений, получивших более широкую известность, данная повесть остается не достаточно оцененной. В «Метели» в полной мере реализуется особенность постмодернистского текста и творчества В. Сорокина в целом, проявляющаяся в двойном кодировании, наличии уровня, предназначенного для массового читателя (сюжет о докторе Гарине, отправив-

¹ *Сорокин В.* Обнять метель. Интервью Н. Кочетковой // Известия. 02.04.2010. URL: <https://iz.ru/news/360256> (дата обращения 15.08.2018).

Рогова Евгения Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры психологических наук Кемеровского государственного университета (ул. Красная, 6, Кемерово, 650000, Россия; evgeniarogova4505@gmail.com)

Яницкий Леонид Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры социологических наук Кемеровского государственного университета (ул. Красная, 6, Кемерово, 650000, Россия; leonid@kemsu.ru)

шемся на карликовых лошадках с ямщиком Перхушей в Долгое для вакцинации от чернухи, боливийской чумы, грозящей зомби-апокалипсисом), и игрового уровня (со стилями, жанрами, темами, мотивами русской, мировой литературы и фольклора), улавливаемого искушенным реципиентом.

Предпримем анализ целостности повести В. Сорокина «Метель» с целью определения авторской интенции. Под термином «интенция» мы понимаем «...намерение, цель» автора [ФЭС, 1989, с. 218], раскрывающиеся в коммуникативном развертывании текста как смыслового целого, его конструирующих механизмах. Разделяя представление сторонников герменевтического подхода в понимании интенции, полагаем, что «это художественная идея, она выявляется с помощью герменевтического и композиционного анализа» [Колосова, 2009, с. 30], «поддается реконструкции и имеет решающее значение при истолковании текста» [Сололова, 2004, с. 163].

Обратимся к культурному коду повести В. Сорокина. Обращение к термину «код» обусловлено именно метаязыковым характером предмета исследования – авторской интенции, проявляющейся в формировании текстового конгломерата, основанного на игре с традициями мировой культуры. С. Н. Зенкин о метаязыковой природе кода говорит следующее: «Функция, нацеленная на код, называется метаязыковой... Это функция проверки, установления, обогащения кода, которым пользуются собеседники. Она преобладает в тех высказываниях, где собеседники пытаются договориться о более точном понимании (например, “что это значит?”)... реальность интересна лишь постольку, поскольку помогает объяснить слова» [2000, с. 22]. Характеризуя постмодернистскую игру со смыслами, В. В. Бычков пишет о бессистемной системе иронически-игровых отношений, утверждающих всеразрушающий релятивизм «при постоянной тихой ностальгии по разрушаемому миру... Отсюда бережное, почти ритуальное перенесение обломков сознательно и планомерно разрушаемого храма Культуры в новое смысловое арт-пространство и сборка из них... утонченных смысловых и энергетических структур...» [2003, с. 290]. Выбор «обломков», композиционных, стилевых элементов определяется интенцией автора, его намерением в отношении конструируемого целого.

В «Метели» автор обращается к национальному культурному коду, сформированному литературой, и не только русской классической повестью (как отмечает сам В. Сорокин), и к характерным для нее темам и проблематике. Читательские аллюзии направляются к поэтике произведений XVIII–XX вв.: А. Н. Радищева, Н. М. Карамзина, А. С. Пушкина, Н. С. Лескова, И. С. Тургенева, Н. А. Некрасова, Л. Н. Толстого, А. А. Блока, И. А. Бунина, А. П. Чехова, М. А. Булгакова и др. В «Метели» В. Сорокина читатель сталкивается с такой разновидностью «неявной» интертекстуальности, которая направлена на активизацию работы реципиента «со структурно необъяснимым сегментом – такой сегмент позволяет подозревать интертекстуальность, хотя ее может и не быть... Этот сегмент разъясняется как цитата или реминисценция, через сопоставление одного текста с другим; читательская работа над таким сегментом состоит в редукции немотивированности, в подыскании ей объяснения – если не в рамках данного текста, то в пространстве интертекстуальности. Привилегированным является здесь не авторское, а читательское отношение к тексту, интертекстуальность реализуется в рецепции, в работе редуцирования» [Зенкин, 2000, с. 73]. «Неявная интертекстуальность» в «Метели» В. Сорокина способствует активизации работы читателя по обретению смысла, поиски которого предполагают включение нового высказывания в контекст уже известных ему произведений, обладающих сходными характеристиками.

В. Сорокин объединяет в «Метели» черты разных жанров. В тексте можно обнаружить аллюзии на мировую литературу, мифологию и фольклор: мифы о тво-

рени мира, гибели великанов; авантюрно-приключенческий хронотоп; элементы антиутопии; мистического триллера; волшебной сказки; фантастического произведения; мотивы зомби-апокалипсиса и постапокалиптики современной массовой культуры. Культурный код повести связан с темами, являющимися ключевыми для мировой культуры: вечная борьба между смертью и жизнью, хаосом и упорядоченностью, движением и статикой. В традициях русской литературы в «Метели» В. Сорокина затрагиваются мотивы: исторической судьбы России, неизменной беспросветности жизни; народной мудрости; неразвитости народного сознания; близости народа к природе; неустроенности крестьянской жизни; неприхотливости, трудолюбия, выносливости, умения приспособиться к любым обстоятельствам, жертвенности, кротости, христианской веры народа; преданности барину; взаимоотношений крестьянина с представителями высших социальных слоев; чувства вины русского интеллигента за происходящее с народом; развращенности, слабости, эгоизма представителей русской интеллигенции.

Для того чтобы читатель смог заметить наличие аллюзий на классическую русскую литературу, автор использует тематические и стилистические клише, а также принцип контрастности восприятия: фоном для пародируемых стилистических элементов являются современные жанры массовой культуры: постапокалиптика и зомби-апокалипсис. Сталкивая события и реалии разных временных пластов, жанры, автор выделяет опорные для восприятия образы и детали текста, выступающие попеременно то предметом, то фоном.

Наличие достаточно сложного культурного микса в постмодернистском тексте В. Сорокина объясняется отбором и систематизацией материала, способствующего на разных уровнях произведения формированию сходных символических значений, предназначенных для читательского восприятия: обращение к традициям повести, современным литературным жанрам, мифу и фольклору независимо от национальной традиции связано с мотивами смерти, жизненного цикла. Для избежания эпистемологического провала автор использует архетипические образы (метель, хозяин и слуга, конь, корабль (сани)), выступающие существенными признаками на фоне «несущественных», обеспечивающие понимание любой читательской аудитории. Архетипические образы играют в тексте роль модальных слов, направляющих восприятие текста, являющихся смысловыми узлами своего рода фрактального нарратива, представляющего собою повторение на разных уровнях основной идеи, своего рода «самоподобие», когда целое имеет форму своих частей. Понятие фрактала в изобразительном искусстве последовательно изучает Е. В. Николаева. Исследовательница отмечает, что фрактальность все чаще рассматривается как семантическая, эстетическая составляющая произведения искусства независимо от времени и способов его создания. О самоподобии фрактальной системы Е. В. Николаева пишет следующее: «...подсистемы нижних уровней фрактальной системы повторяют конфигурацию целой системы и в пределах общей формы заключен точно или с некоторыми изменениями “тиражируемый (в предельном случае – бесконечно тиражируемый) паттерн”, “ген формообразования”, как называет его российский математик и философ А. В. Волошинов... Главным содержанием фрактала как парадигмального концепта является бесконечное развертывание на каждом новом уровне погружения в упорядоченную или “хаотическую” структуру *все тех же* смыслов, заданных в “начале начал” – при неизменном фундаментальном подобии частей целому»². Применительно к «Метели» В. Сорокина развертывание фрактального нарратива проявляется в повторяющихся сюжетах-симулякрах на тему завершения жизненного цик-

² Николаева Е. В. Исследования фракталов в изобразительном искусстве // Художественная культура. 2012. № 3 (4). URL: <http://sias.ru/publications/magazines/kultura/2012-3/istoriya-i-sovremennost/512.html> с. 73 (дата обращения 23.04 2018).

ла, таких как: зомби-апокалипсис; конец света, мира, жизни, России, народа, истории. Воспринимающий субъект выступает в роли активного создателя смыслов, конструирующего модель художественной целостности в зависимости от уровня читательской культурной компетенции. Автор предоставляет читателю конгломерат симулятивных смысловых ходов, «расставляя» знаки-символы, «зарубки», модальные слова-вехи, сигнализирующие о наличии аллюзии на тот или иной культурный код. Читатель движется в игровой нелинейной стихии текста, создавая свой текст. При кажущейся последовательности событий в тексте В. Сорокина происходит постоянное «выпадение» в контрастирующие стили, жанры, микстовость текста становится для воспринимающего очевидной и единственно животворящей в рамках осуществляемой игровой стратегии, мистерии формируемого самим читателем мира смыслов: «Новые телесные артефакты, новые “бриколяжи” могут лишать очевидности “само собой разумеющуюся” линию, создавая новые миры. Например, фрактальные... человек устал от гладкой линии. От ее примитивных телесно-визуальных практик. Для описания сложного, бурлящего мира нужны такие же миры-артефакты – бесконечные, сложно организованные, нелокальные»³.

В. Сорокин опирается на установленные традицией застывшие формы, темы (социальные противоречия; национальный характер; идеализация духовных качеств простого народа; противопоставление нравственного здоровья моральной деградации дворянского сословия; цикличность истории), являющиеся предметом изображения и рефлексии уже в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева и в дальнейшем во многих других произведениях отечественного искусства. По этой причине аллюзиями на «Хозяина и работника» Л. Н. Толстого и на произведения, содержащие образ метели, семантико-композиционные связи повести В. Сорокина не исчерпываются. Неявная интертекстуальность повести В. Сорокина ведет к формированию у читателя широкого ассоциативного поля с классической русской литературой и мировой культурой. Проследим за осуществляемой авторской стратегией в рамках целостного текста «Метели».

«Метель» В. Сорокина способствует формированию у читателя ассоциаций с многочисленными произведениями, круг которых строго не очерчен, но вместе с тем, что принципиально важно, не случаен. Узнаются, например, сюжет повести Л. Н. Толстого «Хозяин и работник», проблематика «Анны Карениной», отсылающая к взаимоотношениям Левина и крестьян; композиционные особенности произведений Л. Н. Толстого (диалог помещика с мужиками; внутренний монолог героя о Боге, смысле жизни; психологизм, связанный с рефлексией героев Л. Н. Толстого). Образ человека из народа в произведениях Л. Н. Толстого часто выступает мерилем моральных устоев, жизненной стойкости, мудрости. В романе «Анна Каренина» образ крестьян соотносится с мотивами близости к природе, духовного здоровья, идеализацией физического труда. Перхуша и его характеристики в «Метели» В. Сорокина формируют у читателя ассоциации с Платоном Каратаевым из романа Л. Н. Толстого «Война и мир»: «Он живет для всех. В нем есть поэзия труда и поэзия мысли – мудрой, народной, не случайно выговариваемой им в пословицах, поговорках. Конечно, в этом образе наиболее резко подчеркнуты покорность, смирение, непротивленчество, имеющие свои социально-исторические корни в русской действительности... В то же время он олицетворяет элементарно простое, обычно-житейское и поучительное, животворящее» [Краснов, 1981, с. 395–396]. В повести В. Сорокина Перхуша «обречен» литературной традицией, изначальной символикой метели и интенцией автора, направляющего симулятив-

³ Тарасенко В. В. Человек кликающий: фрактальные метаморфозы. URL: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/81ab34a63ee862c3c32568b100402341> (дата обращения 24.04.2018).

ную фабулу к завершению и началу цикла, жизненного пути героев, исторического пути России.

Главными героями «Метели» В. Сорокина являются Перхуша и доктор Гарин. В. Сорокин, опираясь на традицию, использует характеристики, закрепленные за образом человека из народа, ставшие стереотипными, штампами, утрируя их, делает очевидными для читателя, превращая их в знаки стиля. Перхуша неприятелен, бессребреник, простоват и вместе с тем сметлив, добр, сострадателен. Неприхотливый в быту, неспособный к рефлексии, Перхуша близок к природе и Богу. Косвенной характеристикой Перхуши в повести является контрастное изображение неустроенного быта героя и содержащейся в идеальном порядке конюшни. Полнота внутреннего мира героя, его тонкость чувств раскрывается через отношение к лошадям. Легко сносящий зуботычины Гарина, Перхуша не дает в обиду своих карликовых лошадок, проявляет упорство в своем стремлении защитить их. Перхуша одинок: «С бабьим телом не совладаю» [Сорокин, 2010, с. 30], – говорит он о себе. Жизнь бобыля не тяготит Перхушу, забота его направлена на карликовых лошадок. Перхуша для доктора Гарина, как Платон Каратаев для Пьера Безухова, является, как и полагается, воплощением гармонической вписанности в окружающий мир: «С Перхушей стало ему как-то хорошо и спокойно... это лицо, казалось, было всем совершенно довольно: и самокатом, и легким морозцем, и своими ладными, ровно бегущими коньками, и этим доктором в пенсне и лисьем малахае... и этой белесой, бесконечной снежной равниной, раскинувшейся впереди и тонущей в крутящейся поземке» [Сорокин, 2010, с. 32].

Через воспоминания Перхуши В. Сорокин вводит в повесть тему трагической крестьянской судьбы, используя гротеск, смешение лексики, относящейся к разным историческим эпохам, нанизывая одно за другим несчастные события, подвергает ее деконструкции. В детстве, оставленный родителями дома, Перхуша устраивает пожар, запуская петарду, сгорает все, в том числе и украденная отцом «из государева инкубатора» куколка редкой бабочки, находящаяся в подвале, – надежда на процветание родителя. Вспоминает Перхуша и то, как его обманули на ярмарке (предсказуемые чистота и доверчивость, вызывающие сострадание у читателя), как появились у него карликовые лошадки, являющиеся «двойниками» героя. Здесь размер лошадок может быть связан как с сатирической составляющей аллюзии (измельчала Тройка Русь), так и с сентиментальной традицией (ценностный мир маленького человека состоит из малостей, греющих душу и противопоставленных вечности). Смерть Перхуши сопровождается видением синей бабочки «Мертвая голова», с которой сливается умирающий герой, вылетая в окно огня, исполняя песню новой жизни и великой радости. Причиной смерти Перхуши становится случайность: старая дырка в тулупе (знакомая уже тема бессмысленности, случайности жизни и смерти маленького человека в русской литературе).

В. Сорокин использует в «Метели» устойчивый тематический комплекс, связанный с образом человека из народа, формируемый в XVIII в., развитый литературой XIX–XX вв. Перхуша «любить умеет», чем напоминает читателю не только героев Н. М. Карамзина, Н. С. Лескова, И. С. Тургенева, Н. А. Некрасова, Л. Н. Толстого, но и чудиков В. М. Шукшина (своей одержимостью, бескорыстием, а также противопоставленностью крепкому мужику). Мотив неустроенного быта, неумение за себя постоять, отсутствие рефлексии, смиренность героя «Метели» В. Сорокина рождает у читателя и ассоциации с рассказом «Матренин двор» А. И. Солженицына.

Образ Гарина формируется с помощью клишированных характеристик, связанных с образом интеллигента в русской литературе. Гарин, доктор (аллюзивный образ, направляющий к творчеству А. П. Чехова, М. А. Булгакова, А. Н. Толстого), едет в отдаленное селение для того, чтобы сделать прививку от боливийской

чумы еще не зараженным людям, рассуждает о добре, но причиняет зло конкретному человеку. Он губит Перхушу, с опозданием понимая, что в непогоду не стоило ехать, что ситуация позволяла переждать непогоду. Слабости Гарина (взаимоотношения с женой мельника, принятие наркотика) являются причиной замедления в пути, но герой склонен винить во всем Перхушу, его беспросветную «тупость». Та же иронически воссозданная тема беспросветности пути России и ее осмысления «интеллигенцией», оторванной от народа, присутствует в постмодернистском тексте С. Соколова «Палисандрия», в словах рассказчика, приведем для сравнения: «Шагал там народ-проходимец, пройдоха. Шел народ забулдыга, народ-инвалид. Шел ветер. Всмотревшись, мне сделалось по преимуществу больно: “Россия, родная, когда же придет настоящий день твой! Доколе, терзаема неотесанным мужичьем, ты будешь влачить крест своей незлобивости и долготерпения. Чрез непогоды”...» [Соколов, 2011, с. 320]. В «Метели» В. Сорокина Перхуша умирает, в сюжет повести автор вводит образ китайцев, в руки которых попадает Гарин. Образ обмороженных ног в «Метели» символичен: Перхуша был ямщиком Гарина, после его смерти Гарин теряет способность передвигаться, прежнюю родину, будущее, самого себя. Сверхочевидная аллегоричность финала о значимости простого мужика в истории России способствует не столько формированию сатиры, сколько последовательно осуществляемой деконструкции тем и мотивов русской прозы.

В. Сорокин использует в «Метели» мифопоэтические образы и мотивы, направляющие понимание читателя в русло заданного игрового дискурса. Между Гариным и Перхушей в повести устанавливается на уровне детализации и символических смыслов тесная связь, формируя мотив двойничества. Герои наделяются схожими чертами: внешность (отекающие глаза), связь с животным миром (Перхуша сравнивается с птицей, а у Гарина лисий малахай). Гарин и Перхуша объединяются совместным следованием по единому пути. Персонажи представляют собою двойников, хозяина и слугу. В символическом ключе вся повесть В. Сорокина движется к осуществлению авторской идеи на уровне осуществляемого двойного кодирования: симулятивности смысла, стереотипности художественного мышления и одновременно сатиричности изображаемого. Использованный автором культурный код национальной жизни предполагает на фабульном уровне наличие предсказуемой трагической развязки, а в рамках проводимой деконструкции предсказуемость стилистических клише, питаемых цикличностью и повторяемостью истории. В этом смысле «Метель» является, по выражению автора, «вещью герметичной»⁴, основанной на идее смерти и замкнутости реального и виртуального миров.

Тема смерти присутствует в символике заглавия, эпиграфе повести, проходит лейтмотивом через все произведение, достигает гротескного воплощения в использовании сюжета о зомби-апокалипсисе. Автор формирует для читателя текстовые сигналы, направляет внимание искушенного, рефлексирующего читателя к литературным претекстам, использует стилистические ассоциации, доводит до абсурда составляющие элементы культурного кода. Эпиграф «Метели» представляет собою первую строфу стихотворения А. Блока «Покойник спать ложится»: «Покойник спать ложится / На белую постель, / в окне легко кружится / Спокойная метель...» [1989, с. 5]. Эпиграф содержит центральную характеристику разворачивающегося текстового конгломерата, которая может быть соотнесена с последним стихом второй строфы стихотворения А. Блока: «Настало никогда». Тема смерти, заявленная в эпиграфе, развивается от начала к концу текста, создавая кольцевую композицию. Мир, в котором пребывают персонажи, является (что вполне соответствует литературной традиции, подвергаемой деконструкции) ми-

⁴ Сорокин В. Обнять метель. Интервью Н. Кочетковой.

ром смерти, а сами они напоминают мертвецов. Перхуша выполняет в повести роль перевозчика (подобно Харону), он отмечен болезнью (Перхуша «перхает», за что и получает свое прозвище), что также связывает его со смертью. В описании героев, хронотопе повести изобилуют образы, символизирующие смерть, чтобы читатель наверняка заметил их навязчивую повторяемость (застывшие глаза у мельничихи, оплывшие глаза у Перхуши и большой посиневший нос у Гарина и т. д.). Укрывая собою замерзающего доктора, думает о нем: «Большой человек...», – тут же вспоминая «труп большого и его твердый лоб, который ему пришлось разрубить» [Сорокин, 2010, с. 287]. Для формирования подобной символики в «Метели» используются фольклорные мотивы, аллюзии на волшебную сказку (ходики в виде избушки Бабы-яги; путь героев идет через пространство чистого поля в другой мир; для построения стены используется живая и мертвая вода; образы карлика и великанов). На фабульном уровне используется мотив о грядущем апокалипсисе, вспышке эпидемии, превращающей людей в зомби. Художественная достоверность повести разрушается вплетением фантастических, сказочных образов, смешением натуралистического и мифического, наличием лексики, относящейся к разным эпохам.

Образ метели, как и полагается в рамках подвергаемой деконструкции традиции, формирует лейтмотив произведения, – это, как и заведено в русской литературе, и фон, и герой, и символ судьбы. Образ метели соотносится с культурным кодом, создаваемым литературой, набором трюизмов, темами неясности пути российской истории, драматичности судеб народа, рока. В. Сорокин опирается на существующие у искушенного читателя аллюзии на «Метель», «Бесов», «Капитанскую дочку» А. С. Пушкина, поэму «Двенадцать» и поэзию А. Блока. Тема метели сопрягается в повести с мотивом движения, связанным с образом мчащихся лошадей (птицей-тройкой Н. В. Гоголя), который в русской литературе символизирует потенциальные силы России. Тема движения и образ лошадей, символизирующих свободу, присуща и произведению А. Блока «На поле Куликовом» («Умчались. Пропали без вести Степных кобылиц табуны...» [Блок, 1989, с. 285]) и т. д. Перхуша на протяжении всей повести сравнивается с птицей («птичий рот» [Сорокин, 2010, с. 225], «в лице возницы... было что-то птичье» [Там же, с. 31], «в этом мертвом лице еще больше проступило птичье» [Там же, с. 298]), у своих лошадей Перхуша, словно они птицы, спрашивает: «Что, у мельника зоб наели?» [Там же, с. 127]. Гибель Перхуши-птицы, как и то, что лошади переходят в повести к китайцам, становится знаковым в развитии символики пути, движения. Параллели с произведениями Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого указывают на намерение автора «Метели» изобразить на уровне мира персонажей деградацию происходящего: не Русь-тройка, но пятьдесят карликовых лошадок предстают перед читателем; Гарин не прозревает, спасая работника, но губит Перхушу, так и не открывая для себя Бога и смысл жизни. В повести Л. Н. Толстого «Хозяин и работник» хозяин Бог является Василию Андреевичу Бреухову в последние мгновения жизни через христианскую, жертвенную любовь, когда он, замерзая, думает: «Жив Никита, значит, жив и я» [Толстой, 1982, с. 339]. В «Метели» В. Сорокина Перхуша, замерзая, во сне видит бабочку с ангельским ликом на спине, с которой он самоотжествляется, перед смертью исполняя песнь счастья и великой радости. Свободу Перхуша в произведении В. Сорокина обретает только ценой смерти. Избыточность словесных повторов в эпизоде, посвященном гибели Перхуши, способствует формированию эффекта обнажения приема письма, идея о вознесении души героя звучит нарочито патетичной, авторская ирония становится зримой для читателя.

Метаморфозы, происходящие с героем на фабульном уровне, связаны в повести В. Сорокина с символикой метели. Образ метели в русской литературе соотносится с устойчивым инвариантным конструктом. К. А. Нагина [2010], в частности,

исследуя семантику метели в творчестве П. А. Вяземского, В. А. Жуковского, М. Ю. Лермонтова, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, выделяет комплекс «метельных значений»: метель-судьба, палач и жертва одновременно; ипостась амбивалентной природы; квинтэссенция зимнего испытания, связанного с мотивом смерти, потерей пути, инфернальным сюжетом; историческая неразрешимость бытийных проблем; расплата за грехи, страсть и радость. В лирике Н. М. Языкова К. А. Нагина в оценке лирического субъекта метели находит отражение специфики национального характера: «...вьюга не только страшит северного человека, но успокаивает душу, поэтому символизирует крепость духа... и широту русской души» [2010, с. 13]. В романе В. Кюхельбеккера «Последний Колонна» К. А. Нагина обнаруживает соотношение между вьюгой и склонностью к мечтательности, являющейся одной из национальных черт. По мнению К. А. Нагиной, начиная с А. С. Пушкина, с образом метели-судьбы «...связана историческая проблема соотношения случайного и закономерного» [Там же, с. 14]: «...метель сопровождает переломный момент персонажей... участвует в самоопределении героев» [Там же, с. 16]. И. А. Юртаева говорит о «доархаической символике метели» [2000, с. 199], возрождающей сюжетную схему (исходный порядок, его нарушение, восстановление), а также об этико-религиозном значении стихии «в синтезе природного и исторического» [Там же, с. 201]. Для искущенного читателя, таким образом, комплекс значений, круг литературных ассоциаций, связанных с образом метели, широк, понятен. В «Метели» В. Сорокин вводит своеобразный инвариант сюжета об угрожающей стихии – элементы сюжета о зомби-апокалипсисе для создания гротеска (на первый взгляд соединение несоединимого), на самом деле для умножения уже существующего «гена формообразования».

Метель как архетипический образ в повести В. Сорокина служит объединению полижанрового текстового конгломерата, выполняя скрепляющую функцию. В повести В. Сорокина мир до начала метели, как полагается в рамках традиции, характеризуется как мертвый, а стихия, уничтожая, сметая все на своем пути, обновляет его, «освобождает» Перхушу. Автор «Метели» обращается в рамках обыгрываемого культурного кода к характерным для литературы идейно-эстетическим комплексам: о судьбе народа говорится с помощью символики стихии, связанной с темами предопределенности, истинного и ложного, цикличности, единства природного и исторического начал.

На протяжении всего текста В. Сорокин ведет двойную игру: формирует симулятивный сюжет, используя предсказуемые ходы, мотивы, символику, параллельно осуществляя деконструкцию жанра и стилей. Например, при всей трагичности финала «Метели» нельзя не отметить наличие в последнем эпизоде знаковой детали: в повести В. Сорокина остается в живых чалый, любимый конек Перхуши («И лишь неугомонный чалый пронзительно заржал, навсегда прощаясь со своим хозяином» [Сорокин, 2010, с. 302]). Сопоставление повестей Л. Н. Толстого и В. Сорокина позволяет читателю увидеть символическое значение: в смерти хозяина лошадей Перхуши – смерть архетипического хозяина природного мира. Чалый особенно любим Перхушей за цвет: «...чалый был рыжим, как и сам Перхуша» [Там же, с. 286]. Во внешности и характеристиках героев присутствуют черты, подчеркивающие их амбивалентную природу, они не только связаны со смертью, но обладают способностью спасения, продления жизни: Перхуша возит хлеб, а у Гарина есть вакцина, побеждающая смерть. Перхуша является хозяином карликовых лошадок, а образ коня на мифотектоническом уровне соотносится с «обрядом хтонических культов» [Керлот, 1994, с. 256]. Конь является «древним символом циклического развития мира явлений» [Там же], таким образом, заключительная часть повести формирует мотив цикла, повторяемости. Судьба России, метафизика национального бытия, как и должно в соответствии

с сюжетом, подвергающимся деконструкции, открыты вечному движению и обновлению. Проверкой на «жизненность» в повести В. Сорокина проходит природа: остается в живых чалый, символическая ипостась неразумного, чистого Перхуши. Л. С. Яницкий, рассуждая об общих чертах современной литературы, пишет следующее: «Картина мира... характеризуется рядом особенностей, сближающих ее с мифоритуальным мировосприятием» [2004, с. 256]. Мифологическому мышлению свойственно отождествление природного и человеческого миров, проходящих годовой ритуал, в котором В. Н. Топоров выделяет основные этапы: гибель мира, принесение его в жертву – составление из распавшихся частей нового мира – соединение частей тела [1983, с. 239]. Повесть завершается гибелью-жертвой Перхуши, образом его лошадок, помещенных в мешок – объединенных в символическом смысле в «утробе» для нового рождения, как объединяются в постмодернистском тексте жанры и стили для обновления литературных форм.

Образ России в рамках культурного национального кода, как заведено, связан в «Метели» В. Сорокина с мистическим началом. Перхуша не раз упоминает нечистого, насылающего вьюгу и сбивающего с пути. Читательские ассоциации направлены к целому ряду произведений русской литературы, в частности к творчеству А. Блока, в котором образ России развивается как двойственный, преисполненный тайны, путь которой не дано предсказать никому. Например, в стихотворении «Русь» тема таинственности Руси звучит следующим образом:

Где разноликие народы
Из края в край, из дола в дол
Ведут ночные хороводы
Под заревом горящих сел.
Где ведуны с ворожеями
Чаруют злаки на полях,
И ведьмы тешатся с чертями
В дорожных снеговых столбах.
Где буйно заметает вьюга
До крыши – углое жильё...
[Блок, 1989, с. 320].

Тема «разноликих народов» России В. Сорокиным представлена в гротескно-фантастическом ключе: в повести предстают великаны и карлик. С образами великанов в повести В. Сорокина соотносятся темы пьянства, физической силы, работоспособности, доверчивости, ограниченности. Великанов в «Метели» обманывают при расчете за работу, как великана в «Младшей Эдде». Эпизод встречи Перхуши и Гарина с трупом «большого» вызывает ассоциации со сказкой А. С. Пушкина «Руслан и Людмила», в которой изображено столкновение Руслана с головой великана. Мотив встречи богатыря с головой великана восходит к фольклорному сюжету о подвигах Еруслана Лазаревича, героя древнерусской книжной сказочной повести, и к иранскому эпосу о Рустаме [Мелетинский, 1990, с. 210]. Используется этот мотив не для героизации, но для сатиры: великан в повести В. Сорокина умирает от водки. Гарин трижды повторяет: «Вот она, дичь наша русская» [Сорокин, 2010, с. 244], «Напиться и рухнуть на дороге... Бред! Русский бред!» [Там же, с. 244], «Россия» [Там же, с. 250].

Образ пирамиды, символ движения к идеалу, духовности, вечности, в «Метели» является преградой, о которую в буквальном смысле ломается самокат Перхуши. В. Сорокин развивает характерную для литературы тему необъяснимого повторения в истории России сложных моментов. В повести В. Сорокина осуществляется сатиризация изображенного мира: камнем преткновения становится пирамидальный наркотический продукт, причина гибели героев, а в символическом

смысле и России. Пирамида символизирует и человеческое тело: «Четырьмя своими углами или сторонами пирамида символизирует руки и ноги, а своей вершиной – голову...» [Холл, 1992, с. 260]. Таким образом, причиной несчастий на уровне фабулы, в рамках одного из герменевтических ходов, становится пресловутая неучтенность человека в России.

Используя культурный код русской литературы, связанный с ключевыми для нее темами народа и интеллигенции, драматической судьбы и исторического пути России, В. Сорокин не только формирует узнаваемые стилистику и проблематику, но одновременно делает тематические клише заметными для читателя, сталкивая на сюжетном уровне реалии разных времен, установку на достоверность с использованием фантастики.

Герои «Метели» путешествуют по фантастическому миру, в котором временные координаты определяются лексикой и художественными образами, связанными с широким историческим периодом, включая будущее (телефон, голограмма, показывающее радио, живая открытка, живородящий войлок, суперантенна). Текст разворачивается в рамках двойного кодирования: искушенный читатель ощущает условность происходящего с первых строк «Метели». Каждое предложение в повести звучит как знакомое, где-то читанное, как вторичное, утрированное, ставшее знаковым и шаблонным в русской литературе XIX–XX вв. (если крестьянин, то незлобивый или работяга и пьяница; если доктор, то в пенсне и любитель женщин и наркотиков; если мельничиха, то непременно с полной, колышущейся грудью). В повести проявляется двойная стратегия автора: сформировать текст с установкой на достоверность и одновременно подчеркнуть, что происходящее может существовать только в игровой текстовой реальности. Движение героев по заснеженному пути в повести представляет собою в символическом ключе путь формирования и разрушения ставшего штампом культурного национального кода. Автор делает клише доступными для читательского восприятия с помощью сталкивания традиции классической повести с жанровыми чертами триллера, зомби-апокалипсиса. Темы, связанные с культурным национальным кодом (смиренность и отсутствие рефлексии простого народа, слабость и эгоизм, развращенность интеллигенции, мистическое начало, духовность, мессианство, вечность и неизбежность страдальческого пути нации), становятся очевидными для читателя, а осуществляемая игровая стратегия понятной. В. Сорокин применяет повторы, гротеск, прием контраста для указания на осуществляемую автором стилистическую игру. Карнавализация в мире культурных, литературных клише является той силой, которая открывает новый интерпретационный горизонт читателю.

В. Сорокин в «Метели», как и в произведениях «День опричника», «Сахарный кремль», «Теллурия», обращаясь к метафизике национальной жизни, использует культурный код, способствующий формированию наряду с иронией сатирического типа художественного оцельнения. Интенция автора заключается в использовании фрактального дискурса, позволяющего включать в текст многочисленные художественные элементы, не меняющие пусковой алгоритм встраивания сюжетных ходов, который можно символически предельно кратко обозначить как «смерть / обновление» традиции, культуры, жанра, авторитета стиля.

Список литературы

- Блок А.* Стихотворения. Поэмы. Воспоминания современников. М.: Правда, 1989. 692 с.
- Бычков В. В.* Эстетика. Краткий курс. М.: Проект, 2003. 384 с.
- Зенкин С. Н.* Введение в литературоведение. Теория литературы. М.: РГГУ, 2000. 81 с.
- Керлот Х. Э.* Словарь символов. М.: REEL-book, 1994. 608 с.

- Колосова Д. В.* Интенция как базовая категория текстовой деятельности // Мир русского слова. 2009. № 3. С. 28–31.
- Краснов Г. В.* Комментарии: Л. Н. Толстой. Война и мир // Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. М.: Худож. лит., 1981. Т. 7. С. 367–401.
- Мелетинский Е. М.* Еруслан Лазаревич // Мифологический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 672 с.
- Нагина К. А.* «Метель-страсть» и «метель-судьба» в русской литературе XIX столетия // Вестник Удмурт. ун-та. 2010. № 5–4. С. 12–20.
- Соколов С.* Школа для дураков. Между собакой и волком. Палисандрия. Эссе. СПб.: Азбука-Аттикус, 2011. 608 с.
- Соколова Е. В.* Интенция // Западное литературоведение XX века: Энциклопедия. М.: Intrada, 2004. 560 с.
- Сорокин В.* Метель. М.: Астрель: АСТ, 2010. 304 с.
- Толстой Л. Н.* Хозяин и работник // Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 12: Повести и рассказы 1885–1902 гг. 478 с.
- Топоров В. Н.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура М.: Наука, 1983 С. 227–284.
- ФЭС – Философский энциклопедический словарь / Редкол.: С. С. Аверинцев, Э. А. Араб-Оглы, Л. Ф. Иличев и др. М.: Сов. энциклопедия, 1989. 815 с.
- Холл М. П.* Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. Новосибирск: Наука, 1992. Т. 1. 368 с.
- Юртаева И. А.* Мотив метели и проблема выбора в повести Л. Н. Толстого «Хозяин и работник» // Литературный текст: Проблемы и методы исследования: Сб. науч. тр. М.; Тверь, 2000. Т. 6: Аспекты теоретической поэтики: к 60-летию Н. Д. Тамарченко. 244 с.
- Яницкий Л. С.* Лирика и миф (о некоторых особенностях лирического дискурса) // Филологические науки. 2004. № 3. С. 12–23.

E. N. Rogova, L. S. Yanitskiy

*Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation
leonid@kemsu.ru, evgeniarogova4505@gmail.com*

Specifics of the author's intention in V. Sorokin's "Metel"

The paper analyses "Metel" (The Blizzard) by V. Sorokin, defines the specifics of the author's intention expressed in the use of the cultural code associated with the traditions of Russian and world literature, in dual coding manifested in the level intended for the mass reader and the game level perceived by the sophisticated recipient. V. Sorokin's "Metel" is characterized by intertextuality, aimed at activating the reader's reflection and forming a wide associative field.

To activate the reader's perception, the author uses thematic and stylistic cliches, as well as the principle of perception contrast: modern genres of mass culture – post-apocalyptic and zombie apocalyptic serve the background for the parodied stylistic elements of classical literature. To avoid epistemological failure, the author uses archetypal images (blizzard, master and servant, horse, ship (sledge)), that act as substantial characteristics against the background of insubstantial ones, insuring understanding of any audience. The archetypal images play the role of modal words in the text, guiding the perception of the text and acting as semantic centers of a sort of fractal narrative, the essence of which is self-resemblance when the whole has the form of its parts. The author's intention is to use fractal discourse to include numerous artistic elements in the text without changing the triggering algorithm of building the plot devices, which can be symbolically referred to as "death / rebirth" of tradition, genre, the authority of style.

Keywords: V. Sorokin, intention, short novel, cultural code, dual coding, intertextuality.

DOI 10.17223/18137083/69/14

References

- Blok A. *Stikhotvoreniya. Poemy. Vospominaniya sovremennikov* [Poems. Memoirs of contemporaries]. Moscow, Pravda, 1989, 692 p.
- Bychkov V. V. *Estetika. Kratkiy kurs* [Aesthetics. Concise course]. Moscow, Proyekt, 2003, 384 p.
- Cirlot J. E. *Slovar simvolov* [Dictionary of symbols]. Moscow, REEL-book, 1994, 608 p.
- Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophical encyclopedical dictionary]. S. S. Averintsev, E. A. Arab-Ogly, L. F. Ilichev et al. (Eds). Moscow, Sov. entsiklopediya, 1989, 815 p.
- Hall M. P. *Entsiklopedicheskoye izlozheniye masonskoy, germeticheskoy, kabbalisticheskoy i rozenkreytserovskoy simvolicheskoy filosofii* [Encyclopedic presentation of Masonic, Hermetic, Kabbalistic and Rosenkreutzerian symbolic philosophy]. Novosibirsk, Nauka, 1992, vol. 1, 361 p.
- Kolosova D. V. Intentsiya kak bazovaya kategoriya tekstovoy deyatel'nosti [Intention as a basic category of textual activity]. *The world of Russian word*. 2009, no. 3, pp. 28–31.
- Krasnov G. V. Kommentarii. L. N. Tolstoy. Voyna i mir [Comments to L. N. Tolstoy. War and peace]. In: Tolstoy L. N. *Sobr. soch.: V 22 t. T. 7* [Collected works in 22 vols. Vol. 7]. Moscow, Khudozh. lit., 1981, pp. 367–401.
- Meletinskiy E. M. Eruslan Lazarevich. In: *Mifologicheskiy slovar'* [Mythological dictionary]. E. M. Meletinskiy (Ed. in ch.). Moscow, Sov. entsiklopedia, 1990, p. 672.
- Nagina K. A. "Metel'-strast'" i "metel'-sud'ba" v russkoy literature 19 stoletiya ["Blizzard-passion" and "blizzard-fate" in Russian literature of the 19th century]. *Bulletin of Udmurt University*. 2010, no. 5–4, pp. 12–20.
- Sokolov S. *Shkola dlya durakov. Mezhdub sobakoy i volkom. Palisandriya. Esse* [School for fools. Between a dog and a wolf. Palisandriya. Essays]. St. Petersburg, Azbuka-Attikus, 2011, 608 p.
- Sokolova E. V. Intentsiya [Intention]. In: *Zapadnoye literaturovedeniye 20 veka: Entsiklopediya* [Western literary studies of the 20th century: Encyclopedia]. Moscow, Intrada, 2014, 560 p.
- Sorokin V. *Metel'* [Blizzard]. Moscow, Astrel', AST, 2010, 304 p.
- Tolstoy L. N. Khozyain i rabotnik [Master and servant]. Tolstoy L. N. *Sobr. soch.: V 22 t. T. 12: Povesti i rasskazy 1885–1902 gg.* [Collected works: In 22 vols. Vol. 12: Novels and stories 1885–1902]. Moscow, Khudozh. lit., 1982, 478 p.
- Toporov V. N. *Prostranstvo i tekst. Tekst: semantika i struktura* [Space and text. Text: semantics and structure]. Moscow, Nauka, 1983, pp. 227–284.
- Yurtaeva I. A. Motiv meteli i problema vybora v povesti L. N. Tolstogo "Khozyain i rabotnik" [Motif of blizzard and problem of choice in L. N. Tolstoy's story "Master and Servant"]. In: *Literaturnyy tekst: Problemy i metody issledovaniya. Sb. nauch. tr. T. 6: Aspekty teoreticheskoy poetiki: k 60-letiyu N. D. Tamarchenko* [Literary text: problems and methods of study. Coll. of sci. art. Vol. 6: Aspects of theoretical poetics: to the 60th anniversary of N. D. Tamarchenko]. Moscow, Tver', 2000, 244 p.
- Yanitskiy L. S. Lirika i mif (o nekotorykh osobennostyakh liricheskogo diskursa) [Lyrics and myth (On some features of lyrical discourse)]. *Philological Sciences*. 2004, no. 3, pp. 12–23.
- Zenkin S. N. *Vvedenie v literaturovedenie. Teoriya literatury* [Introduction into literary studies. Literary theory]. Moscow, RSUH, 2000, 81 p.

Н. А. Непомнящих

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

**Литература и вопросы этнокультурной идентичности:
тема шаманизма и сюжеты о шаманах
в творчестве писателей Сибири***

Литературоведение пока в малой степени учитывает факт влияния шаманизма как определенной картины мира и как парадигмы мышления на формирование творческого сознания писателя, его национальную самоидентификацию, хотя именно мировоззрение автора во многом определяет тематику, проблематику, сюжетику художественных произведений. При изучении младописьменных литератур основной акцент обычно делается на связи этих литератур и фольклора, а влияние шаманизма, основы мировоззрения в традиционных культурах Сибири и одной из важнейших религиозных практик, остается по преимуществу предметом исследования фольклористов, этнографов, антропологов, историков, но не литературоведов. Воздействие шаманской традиции на творчество писателей, представителей разных национальных литератур Сибири отражается в особенностях поэтики художественных произведений.

Ключевые слова: авторы-билингвы, история литератур народов Сибири, шаманизм, сюжет.

Большинство исследований, посвященных шаманизму, – это работы этнографов, историков, антропологов, фольклористов. Они могут и должны быть дополнены материалами на основе анализа художественной литературы: многие произведения писателей Сибири посвящены шаманам, а мировоззрение самих авторов формировалось под воздействием традиционных воззрений народов Сибири на мироустройство, которые были когда-то свойственны и шаманизму, отражавшему их в обрядовой практике. Так сложилось, что литературоведение в недостаточной мере учитывает сам факт влияния шаманизма на мировосприятие и творческое сознание писателя, его национальную самоидентификацию, эстетическую рефлексию, традиционно уделяя основное внимание изучению связей с фольклором [Новик, 2004; Дувакин, 2001].

* Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

Непомнящих Наталья Алексеевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (ул. Николаева 8, Новосибирск, 630090, Россия; alkat@ngs.ru)

Однако для понимания поэтики литератур народов Сибири, особенностей эстетического миромоделирования в художественных произведениях понятие «шаманизм» не менее важно, чем фольклор, поскольку именно представления о Вселенной, мироустройстве, присущее шаманизму, может воздействовать на всю художественную систему писателя, включая авторские стратегии изображения шаманских камланий и самих шаманов. Шаманские практики как объект наблюдения и изображения, а также как одно из сильнейших переживаний часто становятся импульсом к появлению в тексте оригинальных средств художественной выразительности.

Помимо того тема шаманизма в национальных литературах народов Сибири значима сразу в двух аспектах.

1. *Писатель сравнивает художественное творчество и шаманские практики как два близких вида деятельности, приобщиться к которым может не каждый, а лишь тот, кто проходит своеобразное «избранничество» и посвящение. Кроме того, писатель, как и шаман, должен обладать особыми способностями и качествами, а также специфическими навыками.*

Свидетельством такого отношения к литературному творчеству можно найти у самых разных авторов. Так, например, современный юкагирский художник и писатель Николай Курилов, публиковавший фантастические рассказы под псевдонимом Окат Бэй в своих интервью постоянно подчеркивает, что он принадлежит к шаманскому роду, а само приобщение к творчеству сравнивает с шаманской болезнью, именно так он отвечает на вопрос известного исследователя Ю. Хазанкович: «Может быть, то, что мы не реализовались как шаманы – всё ушло в наше творчество. Потому что, если шаман не реализует себя, шаман либо болеет, либо умирает. И наше творчество – это отдушина»¹. Для него, юкагирского писателя, наряду с сохранением национального языка (он пишет по-юкагирски), не менее важным фактом, о котором он часто упоминает, является принадлежность к шаманскому роду. Писатель, ощущая себя голосом своего народа, чувствует себя и немного шаманом. Это одна из составляющих его национальной самоидентификации.

2. *Писатель включает в свои книги образы шаманов, сцены камланий, сюжеты, связанные с действиями шаманов, поскольку для него значимой задачей становится сохранение истории и культуры, традиций и быта своего народа. Он ощущает себя его частью, одновременно при этом испытывая вину, чувствуя себя лермонтовским листком, «оторвавшимся от ветки родимой».*

Часто эти авторы пишут по-русски, а потому для них особенно важно найти точки соприкосновения с родной культурой, позволяющие им ощутить себя не только описывающим жизнь своего народа сторонним наблюдателем, в которого они поневоле превращались по мере получения образования в Ленинграде и Москве. Им нужны образы, дающие ощущение кровной связи с народом, к которому они по-прежнему принадлежат по праву рождения. Вертикаль, ведущая к истокам, становится и не столько образом, сколько мироощущением, наверно, именно потому у многих писателей есть книги о детстве, в которых обязательно найдется эпизод камлания и ярких детских впечатлений от него. Тема шаманизма, образы шаманов-предков есть почти у каждого яркого автора.

Вопрос об изображении шаманов, их камланий в художественной литературе, специфике образов шаманов, сюжетах, с ними связанных, пока остается открытым. В советской литературе шаманы обычно изображались как отрицательные персонажи, враги, злобные, запугивающие своих сородичей при помощи различ-

¹ «Я – сын последнего юкагирского шамана» // Литературная Россия. 23.02.2015. № 2009/ 41. URL: <https://litrossia.ru/item/3839-oldarchive/> (дата обращения 14.10.2018).

ных фокусов и трюков, угроз, как правило, алчные, стремящиеся завладеть последним имуществом бедняков. Таковыми были, например, в 1960–1970-е гг. персонажи А. Пассара, Ж. Трошева. Однако есть и другие сюжеты, повторяющиеся у разных авторов: о бегстве шамана, об обманных трюках. Та же эпоха, но описанная уже много позже – в 1980–1990-е гг., предстает отнюдь не столь однозначной. Развернутая антирелигиозная кампания, в результате которой многие шаманы подверглись репрессиям, пришлось на начало 1930-х гг.², и в книгах А. Немтушкина, Е. Айпина, Г. Кэптукэ и других писателей появляются сюжеты об аресте шамана, о том, как чудесным образом спасаются принадлежности для камлания: так, бубен, изъятый у шамана при обыске и запертый в сейфе следователя, внезапно оттуда пропадает. Есть и сюжеты о том, как шаман возвращается из тюрьмы или ссылки, отыскивает свои поистине драгоценные предметы, тщательно сохраненные другими, и снова начинает камлать. Образ шамана является сквозным для всех периодов развития национальных литератур Сибири и встречается у самых разных писателей.

Подробно изучена тема шаманства и образы шаманов пока только в творчестве мансийского писателя Ювана Шесталова. Е. В. Чепкасов в книге «Художественное осмысление шаманства в творчестве Ювана Шесталова» (Ханты-Мансийск, 2007) пишет: «Шаманство в творчестве Ю. Н. Шесталова указанного периода бытует в трех вариантах: либо художественно изображается, либо тайнописно проявляется, либо используется как материал для создания художественных приемов, как элемент поэтики» [Чепкасов, 2007. С. 192]. Выказанная Е. В. Чепкасовым мысль относительно творчества Ю. Н. Шесталова будет справедлива и в отношении художественного осмысления темы шаманизма в литературах народов Сибири в целом, с той лишь оговоркой, что у отдельных авторов чаще проявляется какая-то одна из обозначенных возможностей.

В произведениях многих известных писателей часто встречается сюжетная ситуация, когда автор-ребенок впервые присутствует на камлании. Вспоминая детство, писатели словно возвращаются к истокам и воссоединяются со своими предками и народом. Авторские стратегии изображения камланий различны: камлание может быть описано информативно, с опорой на этнографические источники, а может быть художественно изображено как одно из важнейших событий детства, способствующих приобщению к родной культуре. Названные варианты изображения шаманских экстатических практик представлены, в частности, в трех сходных по жанру книгах: «Мне снятся небесные олени» (1987) Алитета Немтушкина, «Маленькая Америка» (1991) Галины Кэптукэ и «У гаснувшего очага» (1998) Еремея Айпина.

Важно, что все три книги написаны как воспоминания о детстве, о той поре, когда происходил слом и традиционный образ жизни коренных народов менялся. В основе каждой – воспоминания о том, как автор был ребенком, как жили, какие традиционные ценности были присущи, какова была обыденная жизнь в суровых условиях, какими людьми он был окружен. С точки зрения достоверности этно-

² Карлов С. В. Массовые репрессии в 1930-е гг.: на материалах Хакасии: Дис. ... канд. ист. наук: 07. 00. 02. Абакан, 2000; Мельникова Т. В. Преследование шаманов в годы советской власти // Государство и личность: политические репрессии на Дальнем Востоке в XX веке: Материалы регион. науч.-практ. конф. 21–22 октября 2004 г. Амурский областной краеведческий музей им. Г. С. Новикова-Даурского. Благовещенск, 2005; Она же. Шаманы под запретом власти // Словесница искусств: Дальний Восток в пространстве Мифа и Легенды. Журнал Хабаровского краевого благотворительного фонда культуры. 2006. № 1 (17). С. 73–76; То же: URL: <http://www.slovoart.ru/node/1522> (дата обращения 12.04.2015); Волкова М. Г. Поруганная вера (о репрессиях против священнослужителей) // Книга памяти Красноярского края. URL: <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/KP/1/08.htm> (дата обращения 12.04.2015).

графических реалий, фольклорных вкраплений в виде пересказов сказок, цитирований песен и др. эти книги очень точны. Недаром, например, книгу А. Немтушкина «Мне снятся небесные олени» используют в Эвенкии на уроках краеведения как источник разнообразных сведений о культуре эвенков. Но книги ценны не только этим. Написанные на русском языке, они являют собой интереснейший и пока малоизученный с точки зрения исторической поэтики феномен. В них доминирует бытовая основа сюжетики, однако там, где автор отходит от простого описания рутинных действий, обрядов, возникают новые литературные сюжеты.

Один из таких совершенно новых литературных сюжетов – изображение камланий глазами ребенка. Автор, будучи взрослым и компетентным, рассказывает о событиях далеких, обращаясь к воспоминаниям своего детства, и показывает камлание шамана глазами несмышленного ребенка, не понимающего до конца (или вообще не понимающего) сути происходящего. Показанное глазами ребенка, через детское восприятие, камлание оживает, позволяя читателю ощутить эффект присутствия и вовлеченности. Подобный прием (показ камлания глазами ребенка) также дает возможность представить сцены камланий «остраненно» – так, как это действо видится людям, не приобщенным к традиционной культуре и не посвященным в семантику обряда. В то же время это попытка вспомнить, воспроизвести те «чистые» детские, еще не замутненные плодами учения и жизни в цивилизации чувства, эмоции повествователя, попытка представить происходившее «как оно было на самом деле», когда культура коренных народов еще была живой, полнокровной и существовала в аутентичном, а не воспроизведенном, «музеефицированном» виде. Таким образом, сюжетная ситуация присутствия ребенка на камлании дает богатые возможности для литературного творчества.

Тем не менее в некоторых сценах камлания при ближайшем рассмотрении обнаруживаются прямые этнографические источники – тексты из архивов ученых, научных публикаций, поскольку авторы уже не застали живых шаманов и обрядов, но им важна память о них, важна связь с традицией своего народа. Тогда главной задачей становится рассказ о людях и быте, культуре, традициях своего народа. С этой целью в книгах подробно описываются шаманские предметы, принадлежности для камлания и даже то, как изготавливается бубен (Немтушкин, Айпин, Кэптукэ). Каждый из авторов с разной степенью полноты стремится дать представление о шамане, его атрибутах, предметах для камлания, порядке приготовления к нему и о самом ходе действия. В итоге получается рассказ для непосвященного, незнакомого с реалиями человека, для зрителя «извне», т. е. повествование адресуется не только читателю, для которого описанная культура родная, но и для читателя, который впервые с нею сталкивается. У такой «просветительской» стратегии есть оборотная сторона: произведение проигрывает в силе художественного воздействия, становясь подробным этнографическим комментарием, изложенным в популяризированной форме.

Так, А. Немтушкин в книге «Мне снятся небесные олени» использует этнографический источник, откуда сцена камлания (около двух страниц текста) заимствована целиком, почти без редакции и литературной обработки: это статья И. М. Сулова «Шаманизм как тормоз социалистического строительства» (1932) [Непомнящих, 2015, с. 78]. Наиболее далек от просветительских целей при описании камлания Еремей Айпин в книге «У гаснущего очага». Рассказ о камлании помещен в главу «Голос бубна» и постепенно превращается в созвучный его ритму текст. Характерные для камлания приемы ввода в трансное экстатическое состояние используются внутри рассказа не только как объект изображения, но и как элемент поэтики, как художественный прием. Повторы, имитирующие ритмичность, заданы анафорами и синтаксическим параллелизмом фраз, начинающихся с возгласов, сопровождающих удары в бубен. Ритм бубна повторяет-

ся в ритмике фраз, в графике текста. Г. Кэптукэ в книге «Маленькая Америка» в описании шамана и камлания (обряд укрепления души девочки) опирается на собственный исследовательский и жизненный опыт.

Время также накладывает отпечаток на характер сюжетов. Не секрет, что при всем желании сохранить традиционную культуру и языки народов Сибири, а иногда и национальную идентичность в эпоху глобализации становится все сложнее. Потому современные герои-носители традиций своих народов – это, как правило, старики. В рассказе «Последняя воля шаманки» А. Немтушкина описывается уход их жизни старой шаманки, у которой нет ученика и которой некому передать свои знания и умения, но перед самой смертью она просит свою дальнюю молодую родственницу по имени Вера помочь ей. Шаманка впадает в подобие летаргии на десять дней, чтобы совершить предварительное путешествие в Нижний мир. Не всем просьба шаманки не хоронить ее раньше времени, до появления характерного запаха, кажется разумной: «Не дай бог, ешкин клен, узнают в райкоме, что мы из-за своих первобытных пережитков не хороним человека, у-у, держись тогда, голову снимут!.. Сейчас строго, шевелитесь!..». Однако воля шаманки была выполнена благодаря Вере, которую та избрала своей преемницей за неимением родных детей. Символично имя девушки – русское, говорящее, именно Вера одна и поверит шаманке, расскажет о ее просьбе не хоронить сразу. Десять дней старуха пролежала в чуме, наконец, окружающие все же решаются. В клубе, куда принесли гроб с телом, старуха вдруг села и «оживла», немало напугав присутствующих. Оказывается, шаманка все десять дней путешествовала, побывала там, «откуда мы приходим». Сразу после рассказа о своем путешествии в Нижний мир она просит похоронить ее на деревьях по старинному обычаю эвенков, речь идет об уже никем не соблюдаемом традиционном захоронении, обещая исчезнуть с места захоронения через год: «...Только не зарывайте меня в землю, а похороните по-старинному, на деревьях. Я уйду в Угу Буга, там мой Маича... Через год приходите посмотреть – меня там не будет...»³. Шаманка просит племянницу помочь ей лечь, после чего сразу же уходит в мир иной, а ее лицо принимает умиротворенное благодное выражение.

Финал остается открытым: «Через сорок дней, перебирая свои вещи в чемодане, Вера неожиданно обнаружила красивый старинный платок, в котором было что-то завернуто. Развернула – шаманский серебряный пояс. Откуда он взялся? Это же вещи старушки Лолбикты. Как они попали Вере в чемодан?.. Уж не знаешь ли это, а может, и духи Лолбикты переселяются в Веру?..». Примечателен здесь сороковой день после смерти, который лишь по русскому поверью является значимым. Вера уже соединяет в себе две разные культуры, и какую именно выберет она, неизвестно: «Прошлым летом парни ради интереса сходили к гробу Лолбикты, висевшему на двух листовницах, отколотили нижнюю доску – пусто. Даже от одежды – ни одной тряпочки. Диво!..». Это последние строки рассказа. Читатель сам волен решать, что это за необъяснимое явление, о котором известно лишь посвященным шаманам, и придет ли на смену последней шаманке Лолбикте Вера, в которой течет эвенкийская кровь того же, что и у шаманки, рода дятлов.

Разумеется, сюжеты о шаманах и камланиях не исчерпываются перечисленными, и в дальнейшем исследование темы шаманизма и изображения шаманов в литературе должно развиваться по следующим направлениям. Во-первых, необходимо выделение того корпуса художественных произведений – как поэтических, так и прозаических, в которых шаманы являются главными действующими

³ Немтушкин А. Последняя воля шаманки. Сибирская жуть-2: Сб. рассказов / Сост. А. А. Бушков. Красноярск: БОНУС; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. Здесь и далее цит. по: http://books.rusf.ru/unzip/add-2003/xussr_mr/nemtua11.htm?1/2 (дата обращения 14.10.2018).

лицами, и сюжет выстраивается вокруг них, а также тех произведений, в которых значительное место занимают шаманские образы и мотивы, есть сцены камланий, и они играют важную роль в развитии действия. Во-вторых, изучение и описание самих сюжетов и шаманских образов: выявление их источников, поскольку, помимо жизненного, автобиографического опыта, писатели используют этнографические и иные материалы. В-третьих, в идеале составление словника, каталога, а в перспективе – указателя сходных типологически и генетически родственных сюжетов о шаманах в литературах народов Сибири. Следует при этом помнить, что воздействие шаманизма на литературу не исчерпывается сюжетами, оно гораздо шире, поскольку наряду с фольклором лежит в основе мировосприятия многих авторов, знакомо им с детства, иногда они используют модель мира, присущую шаманизму, в своих произведениях. Современные авторы также рассматривают некоторые шаманские приемы, используемые в камлании, как выразительные художественные средства и в преобразованном виде включают их в литературные тексты.

Исследование национальных литератур по намеченным направлениям позволяет лучше понять особенности этнокультурного самосознания, выраженного в литературных произведениях посредством обращения к национальным темам, обычаям, обрядам, мифологии и фольклору, а также осмыслить роль традиционного шаманизма как мировоззренческой основы, питающей творчество многих писателей, представителей разных национальных литератур, и формирующей отношение к писательству и творчеству в целом как к особой духовной практике.

Список литературы

Дувакин Е. Н. Шаманские легенды народов Сибири: сюжетно-мотивный состав и ареальное распределение: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011.

Непомнящих Н. А. Шаманские камлания в книгах А. Немтушкина, Г. Кэптукэ и Е. Айпина: соотношение «художественного» и «этнографического» в описаниях экстатического транса // Все восторги мира: экстаз в мировом искусстве и литературе. СПб.: ИРЛИ РАН, 2015. С. 75–85.

Новик Е. С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: Опыт сопоставления структур. 2-е изд., испр. и доп. М., 2004. 304 с.

Чепкасов Е. В. Художественное осмысление шаманства в творчестве Ювана Шесталова. Ханты-Мансийск, 2007. 184 с.

N. A. Nepomnyaschikh

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation, alkat@ngs.ru*

Literature and the issues of ethnocultural identification: the shamanism theme and plots about shamans in Siberian writers' works

In literary studies, little attention has been paid to the influence of shamanism, as the specific world view and mentality, on the formation of the writer's mind and writer's national identification. Nevertheless, it is the author's mentality and philosophy that determine the themes, topics, issues, and plots of his works. When studying the literature of Siberian peoples, scholars usually emphasize the connection between the folklore and the literature of these peoples, while the impact of shamanism, the basis of the traditional world view and one of the most important religious practices in the Siberian cultures, primarily remains the subject of ethnographic, anthropological, folklore, and historical studies. However, it is no doubt that the influence of the shamanic tradi-

tion on the creativity of writers, representatives of various national literatures of Siberia, is reflected in the specific poetics of literary works related to the shamanism theme.

Keywords: bilingual writers, history of Siberian people's literatures, shamanism, plot.

DOI 10.17223/18137083/69/15

References

Chepkasov E. V. *Khudozhestvennoye osmysleniye shamanstva v tvorchestve Yuvana Shestalova* [Artistic interpretation of shamanism in the works of Yuvan Shestalov]. Khanty-Mansiysk, 2007, 184p.

Duvakin E. N. *Shamanskiye legendy narodov Sibiri: syuzhetno-motivnyy sostav i areal'noye raspredeleniye* [Shamanic legends of the peoples of Siberia: plot-motif composition and areal distribution]. Cand. of art diss. Moscow, 2011.

Nepomnyashchikh N. A. Shamanskiye kamlaniya v knigakh A. Nemtushkina, G. Keptuke i E. Aypina: sootnosheniye "khudozhestvennogo" i "etnograficheskogo" v opisaniyakh ekstatičeskogo transa [Shamanic kamlania in the books of A. Nemtushkin, G. Kaptuke and E. Aipin: the ratio of "artistic" and "ethnographic" in the descriptions of ecstatic trance]. In: *Vse vostorgi mira: ekstaz v mirovom iskusstve i literature* [All the raptures of the world: ecstasy in world art and literature]. St. Petersburg, IRLI RAN, 2015, pp. 75–85.

Novik E. S. *Obryad i fol'klor v sibirskom shamanizme: Opyt sopostavleniya struktur* [*Ritual and folklore in Siberian shamanism: the experience of comparing structures*]. 2nd. ed. rev. and enl. Moscow, 2004, 304 p.

УДК 808.5
DOI 10.17223/18137083/69/16

Э. В. Будаев¹, А. П. Чудинов²

¹ *Российский государственный профессионально-педагогический университет
Нижний Тагил*

² *Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург*

**Риторический анализ политической коммуникации
в современной зарубежной лингвистике
(2010–2018 годы)**

Рассматриваются теоретические и методологические особенности риторического подхода к анализу политической коммуникации в зарубежной лингвистике (2010–2018 гг.). Выделяются основные направления риторического подхода (риторический критицизм, анализ рефрейминга, семиотический анализ, текстуальный анализ), а также основные тематические области, привлекающие внимание исследователей данного направления (теоретико-методологическая проблематика, исследование идиолектов политических лидеров, метафорологические изыскания, анализ институциональных дискурсов, изучение риторических стратегий, сопоставительные исследования).

Особенность современного риторического подхода заключается в том, что не всегда можно провести четкую границу между публикациями, выполненными в рамках традиционного риторического направления, и исследованиями, учитывающими особенности иных подходов. Риторические исследования характеризуются переплетением и филиацией идей, предложенных в рамках когнитивной лингвистики и дискурс-анализа.

Ключевые слова: риторический анализ, политическая коммуникация, политический дискурс, политическая лингвистика, методология лингвистики, риторический критицизм.

В начале XXI в. в серии отечественных монографий и публикаций был представлен анализ методологии и рассмотрены особенности риторического подхода к анализу политических метафор в контрасте с когнитивным подходом, дан обзор зарубежных риторических исследований (преимущественно в области политической метафорологии) [Будаев, Чудинов, 2006; 2008; 2012; Anikin et al., 2015]. В настоящем обзоре рассматривается состояние риторического анализа в совре-

Будаев Эдуард Владимирович – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, теории и методики обучения Российского государственного профессионально-педагогического университета (ул. Красногвардейская, 57, Нижний Тагил, 622031, Россия; aedw@mail.ru).

Чудинов Анатолий Прокопьевич – доктор филологических наук, заведующий кафедрой межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного Уральского государственного педагогического университета (пр. Космонавтов, 26, Екатеринбург, 620017, Россия; ap_chudinov@mail.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2019. № 4
© Э. В. Будаев, А. П. Чудинов, 2019

менной зарубежной политической лингвистике (2010–2018 гг.) на примере широкого спектра лингвистических проблем.

Несмотря на большую популярность когнитивного подхода к анализу политической коммуникации во всем мире, риторические эвристики по-прежнему востребованы в современном научном дискурсе, посвященном политической коммуникации. В центре внимания современных исследователей находятся проблемы анализа системы политических аргументов и стратегий речевого воздействия, разработки методологии риторического анализа и построения теоретических моделей аргументации, изучения практической реализации триады «пафос – логос – этос» в политической коммуникации. Ведущие исследования в данной области публикуются в журналах «Political Communication» и «American Communication Journal».

Центральное место в методологии риторических исследований занимает *риторическая критика* (*риторический критицизм*) (rhetorical criticism). Первоначально основным предметом риторических исследований считалось умение произносить публичные речи убедительно и действенно. Однако эта область анализа (часто именуемая «public address», т. е. «публичное выступление») впоследствии расширила свой предмет. Теперь в область интересов «public address» включаются исследования риторики на телевидении, радио, в кино и даже анализ убедительности в межличностной коммуникации. Риторическая теория и «public address» доминировали в политической риторике до тех пор, пока не произошел «идеологический поворот», связанный с появлением риторической критики.

Если аристотелевская методология была направлена на анализ того, насколько используемые риторические формы эффективны для достижения поставленной цели, то критическая методология призвана определить, как риторический текст формирует ожидания и нормы того, что считать приемлемым и неприемлемым для определенного общества.

Прежде считалось, что ученые должны давать объективные описания риторической практики, руководствуясь риторической теорией. «Критики» же считают, что необходимо показать скрывающуюся за риторикой идеологическую символику и интенции ораторов; выяснить, как риторика влияет на культурные стереотипы и как эти стереотипы отражаются в риторике. «Критики» допускают, что риторические факты часто содержат в себе много скрытой для поверхностного взгляда информации, поэтому их задача сводится не к деструктивному и враждебному отношению к риторике, а к тому, чтобы показать, что еще, кроме очевидного, есть в риторических фактах. Другими словами, задача критиков «сделать невидимое видимым», например показать, как в выступлении на определенную тему передаются культурные стереотипы, отображаются (или навязываются) ценности определенного сообщества.

Смена акцентов привела к расширению предмета риторических исследований за счет усиления внимания к вопросам идеологии, аксиологии, семиотики и, в меньшей степени, психологизма. «Идеологический поворот» в риторике и активизация критических исследований послужили одним из источников современной методологии политической лингвистики.

Изысканиям в области теории и методологии современного риторического анализа политической коммуникации посвящены монографии «Participatory Critical Rhetoric. Theoretical and Methodological Foundations for Studying Rhetoric in Situ» [Middleton et al., 2015], «Still Life in Rhetoric» [Gries, 2015], «Dialectical Rhetoric» [McComiskey, 2015], «Political Rhetoric» [Stuckey, 2015]. Эти исследования показывают, что в настоящее время сложилось несколько направлений риторической критики: критика метафоры, нарративный анализ, жанровая критика, критика пентагмы (pentadic critic), кластерный анализ, идеографическая критика.

Среди монографических работ, посвященных проблемам практического анализа, можно отметить книгу Й. Герайри «Persuasion durch Protest. Protest als Form erfolgsorientierter, strategischer Kommunikation» [Gherairi, 2015], в которой дается детальный риторический анализ протестного дискурса и его речевого воздействия на адресата. На современном этапе развития риторического направления сохраняется традиционный интерес исследователей к механизмам убеждения, реализуемым в предвыборных текстах и выступлениях глав государств. Среди последних работ в этом направлении выделяются монографии У. Бенуа «A functional analysis of presidential television advertisements» [Benoit, 2014a] и «Political election debates: Informing voters about policy and character» [Benoit, 2014b].

По-прежнему в фокусе исследователей риторика отдельных политиков, при этом большая часть работ посвящена анализу риторики президентов США (см. [Arthur, Woods, 2013; Baur et al., 2016; Coe, Schmidt, 2012; Mandziuk, 2016; Gries, 2015; Ritchie, Thomas, 2015; Trager, Vavreck, 2011] и др.).

Отдельный интерес ученых вызывают проблемы речевого взаимодействия в парламентских дискурсах. Обычно это взаимодействие характеризуется конфронтацией, что обусловлено особенностью парламента как института для обсуждения законодательных инициатив. Ведущие объекты подобных исследований – стратегии и тактики, коммуникативные ходы, приемы аргументации, способы репрезентации идентичности. С таких позиций рассмотрены особенности политической коммуникации в Европарламенте [Didriksen, Gjesdal, 2013], шведском риксдаге [Piie, 2004; Nilsson, Lundgren, 2015] и Ассамблее Республики Португалия [Marques, 2010], Генеральных Кортесах Испании [Inigo-Mora, 2010] и Генеральных штатах Нидерландов [Plug, 2010], Национальном собрании Франции [Lorda, 2010], парламентах Австрии [Zima et al., 2010], Италии [Antelmi, Santulli, 2010] и Великобритании [Kjeldsen, 2013]. По мере расширения Евросоюза все большее внимание исследователи уделяют парламентской риторике «молодых демократий»: Румынии [Piie, 2010], Польши [Ornatowski, 2010], Чехии [Bruteig, 2010].

В круг интересов политической риторики входят проблемы, которые в отечественной лингвистике рассматриваются с позиций теории прецедентных феноменов. Но, если отечественная теория прецедентных феноменов базируется на когнитивном подходе, аналогичные зарубежные исследования осуществляются преимущественно с позиций традиционной риторики и семантики. В немецкоязычных публикациях аналогом понятия прецедентных феноменов можно считать термин *Namenmetaphern* (буквально «имена-метафоры») с той лишь разницей, что *Namenmetaphern* описываются не в понятиях концептуальных структур и их лингвистических коррелятов, а как языковые метафоры.

В качестве примера можно привести исследование Петры Эвальд, посвященное исследованию «имен-метафор» в немецкой прессе [Ewald, 2014]. Примечательно, что большинство анализируемых «имен-метафор» мало что говорят отечественному читателю (*Katzenbergers dieser Welt – Katzenbergи этого мира; ein ukrainischer Jörg Haider – украинский Йорг Хайдер; Sie [Angela Merkel] ist in ihrer Koalition umgeben von Pofallas, Röslers, Röttgens. – В своей коалиции она [Ангела Меркель] окружена Пофаллами, Реслерами и Рёттгенами*), что подтверждает важную роль прецедентных имен в формировании лингвокультурологической специфики дискурса, обнаруживаемой независимо от априорных методологических предпочтений.

Отметим, что немецкий термин *Namenmetaphern* соотносится не только с прецедентными именами, но и с другими прецедентными феноменами (ПФ). К примеру, в контексте *Angst vor einem neuen Lichtenhagen – Страх перед новым Лихтенхагеном* урбоним апеллирует к массовым беспорядкам на почве ксенофобии, произошедшим в Лихтенхагене 1992 г. В отечественной терминологии данное

«имя-метафора» соотносится с прецедентной ситуацией (аналогом «имени-метафоры») *Лихтенхаген* может служить ПФ *Кондопога*).

В англоязычных публикациях аналогом *Namenmetaphern* являются так называемые *intertextual metaphors* (интертекстуальные метафоры). Анализ интертекстуальных метафор в зарубежной политической риторике соотносится с анализом коннотативного употребления прецедентных феноменов в отечественной лингвистике, в то время как денотативные случаи употребления прецедентных феноменов относятся в зарубежной политической лингвистике к изучению проявлений интертекстуальности в целом. Так, в работе К. Эрнандез-Гуэрра [Hernández-Guegga, 2013] рассматривается случай использования Б. Обамой антропонимов Гёте, Пастера и Гутенберга. Президент США, выступая в Страсбурге, использовал данные прецедентные имена в денотативном значении, чтобы подчеркнуть перед аудиторией, что им есть чем гордиться (все перечисленные персоналии жили в Страсбурге). Отметим, что в политической риторике вопрос об интертекстуальном употреблении антропонимов зачастую вообще никак не маркируется – случаи метафорического употребления антропонимов рассматриваются как обычные тропы, такие же как метафоры, выраженные именами нарицательными.

Значимое место в риторических исследованиях отводится исследованию стратегий и тактик, риторических приемов, а также анализу стилистических средств в политической аргументации. Так, Д. Зарефски [Zarefsky, 2014], ведущий североамериканский специалист по речевому воздействию в области политической коммуникации, считает, что особенностью политической аргументации является наличие в ней так называемого «стратегического маневрирования». К основным категориям стратегического маневрирования относятся 1) потенциал темы; 2) особенности аудитории; 3) стиль, структура, ясность и фигуральность речи. К видам стратегического маневрирования автор относит смену темы, модификацию релевантной аудитории, одновременную апелляцию к либеральным и консервативным ценностям, рефрейминг, использование «конденсирующих» символов (*condensation symbols*), использование тропов и фигур речи. Эти виды, характерные для политической коммуникации в целом, в разной степени востребованы конкретными политиками. В частности, смену темы особенно любил использовать Дж. Буш Младший, который на вопросы о ситуации в Ираке, заведомо для него проигрышные, отвечал рассуждениями об экономике.

Отмечается склонность к приему модификации релевантной аудитории у Дж. Кеннеди и А. Гора. Последний, к примеру, пытаясь привлечь внимание к проблеме глобального потепления, понимал, что широкая аудитория не очень интересуется этой узкоспециализированной и неоднозначной с научной точки зрения темой, поэтому смещал в своих выступлениях акцент на моральную ответственность каждого жителя Земли за будущее планеты.

Одновременная апелляция к либеральным и консервативным ценностям основывается на представлении о том, что в демократическом обществе нет жестких идеологических границ, поэтому избиратели нередко придерживаются взглядов, характерных для разных политических партий. Конкретный гражданин может в одних вопросах придерживаться консервативных взглядов, а в других – либеральных. Избиратель часто ожидает от кандидатов на политические посты реформ в будущем, но одновременно может испытывать ностальгию по прошлому. Политическая аргументация, в которой учитывается данный феномен, считается прагматически более успешной. Д. Зарефски отмечает удачное использование этого приема в выступлениях Ф. Рузвельта и В. Вильсона.

Понятие *рефрейминга* основывается на представлениях о том, что социальная реальность не дана нам непосредственно, а конструируется в политической коммуникации, поэтому одни и те же политические события можно интерпретировать

прямо противоположным образом. Вывод войск из Ирака можно рассматривать как провал политики Дж. Буша Младшего, а можно как ее успех.

Под «конденсирующими» символами в политической риторике понимаются такие вербальные и невербальные знаки, которые объединяют представителей разных политических взглядов. К таким символам относится национальный флаг, на который положительно реагирует подавляющее большинство граждан, несмотря на то что причины этой реакции могут варьироваться (патриотизм, воспоминания о славном прошлом, осознание гражданства и т. п.). Другой пример – фразы вроде «укрепление национальной безопасности», «инвестиции в будущее» могут привлечь на сторону оратора людей, которые на самом деле придерживаются диаметрально противоположных по отношению к говорящему политических взглядов.

В рамках риторического подхода предпринимаются попытки создать комплексный алгоритм *текстуального анализа* политических текстов. П. Симпсон и А. Мейр [Simpson, Maug, 2010] выделяют четыре параметра такого анализа: вокабуляр (формальный / неформальный, тропы и фигуры речи), грамматика (модальность, залог, времена, переходность глаголов и т. п.), когезия, интертекстуальность.

Примером практического применения такого подхода служит исследование выступления Б. Обамы в Страсбурге в 2003 г. [Hernández-Guerra, 2013]. На лексическом уровне автор проследил, как часто президент США использовал существительные и прилагательные (в том числе в степенях сравнения), какие именно существительные преобладали в его речи, с какими понятиями связывались пейоративные и мелиоративные смыслы, сколько использовалось антонимов, синонимов и гипонимов. Грамматический анализ включал в себя подсчет частотности использования форм глагола *to be*, примеров употребления действительного и страдательного залога, использования отдельных времен и местоимений. При анализе последних важно не только учитывать традиционное противопоставление *we – they*, но и принимать во внимание, насколько часто политик использует местоимения как субъект и как объект. Когезия была представлена в речи Б. Обамы анафорой, а интертекстуальность – ссылками на лозунги Французской революции, события Второй мировой войны и высказывания Джона и Роберта Кеннеди.

В сопоставительном аспекте исследователи политического дискурса изучают межкультурные особенности в речевом поведении. Примеры различий в речевом поведении приводит К. Бевитори [Bevitori, 2004]. В ее работе рассматриваются межкультурные различия между итальянскими и британскими парламентариями в использовании приема прерывания говорящего. Британцы предпочитают прерывать выступающего с помощью вопроса, в то время как итальянцы склонны перебивать выступающего с помощью восклицаний и императивов. Британцы прерывают выступающего, обращаясь к председателю, который выступает в роли посредника, что обуславливает использование парламентариями местоимений третьего лица. Итальянские депутаты обращаются к оппоненту напрямую.

Межжанровое сопоставление использовалось в публикации «Framing, metaphor and dialogue. A multimodal approach to party conference speeches», подготовленной французскими лингвистами. Исследователи провели анализ выступлений лидеров на конференциях британских политических партий [Debras, L'Hôte, 2015]. В Великобритании выступление лидера партии на партийной конференции имеет особое значение. Данный «институциональный ритуал» считается важнейшей речью в карьере политика. Французские лингвисты утверждают, что выступления лидеров на партийных конференциях относятся к особому поджанру политического дискурса, потому что резко отличаются от других жанров политического дискурса. Авторы видят эти отличия в том, что в текстах анализируемого

поджанра чаще, чем в текстах иных политических жанров, используются метафоры и фиксируется более высокая продуктивность метафор. При этом наиболее важные метафоры усиливаются мультимодальными средствами: жестами, выражением лица, позой и просодическими средствами. Еще одной методологической особенностью исследования стало совмещение текстового и мультимодального анализа. При анализе текстов учитывались самые разнообразные невербальные средства коммуникации (кивок головой, наклон головы, сжатые губы, поднятые брови, жест руками и т. п.).

По мере развития когнитивистики, психолингвистики и дискурсивных исследований в их различных вариантах риторические исследования политической коммуникации все больше обогащались новыми идеями. В современных условиях не всегда можно провести четкую границу между публикациями, выполненными в рамках традиционно-риторического направления, и исследованиями, учитывающими особенности иных подходов. Риторические исследования характеризуются переплетением и филиацией идей, кристаллизация которых проходила в несколько этапов и с использованием различных методологических теорий. Параллельное развитие различных направлений политической лингвистики приводит к их взаимному обогащению и конвергенции.

Список литературы

- Будаев Э. В., Чудинов А. П.* Зарубежная политическая лингвистика. М.: Флинта; Наука, 2008. 352 с.
- Будаев Э. В., Чудинов А. П.* Метафора в политической коммуникации. М.: Флинта; Наука, 2012. 248 с.
- Будаев Э. В., Чудинов А. П.* Риторическое направление в исследовании политической метафоры // *Respectus Philologicus*. 2006. № 9 (14). С. 10–19.
- Anikin E. E., Budaev E. V., Chudinov A. P.* Historical dynamics of metaphoric systems in Russian political communication // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2015. № 3. С. 26–32.
- Antelmi D., Santulli F.* The presentation of a new Government to Parliament from ritual to personalisation: A case study from Italy // *European Parliaments under Scrutiny. Discourse strategies and interaction practices*. Amsterdam: John Benjamins, 2010. P. 111–134.
- Arthur D., Woods J.* The Contextual Presidency: The Negative Shift in Presidential Immigration Rhetoric // *Presidential Studies Quarterly*. 2013. Vol. 43, issue 3. P. 468–489.
- Baur J. E., Parker E., Buckley M. R., Ferris G. R.* More than one way to articulate a vision: A configurations approach to leader charismatic rhetoric and influence // *The Leadership Quarterly*. 2016. Vol. 27, issue 1. P. 156–171.
- Benoit W.* A functional analysis of presidential television advertisements. Lanham: Lexington Books, 2014a. 284 p.
- Benoit W.* Political Election Debates: Informing Voters about Policy and Character. Lanham: Lexington Books, 2014b. 144 p.
- Bevitori C.* Negotiating conflict: Interruptions in British and Italian parliamentary debates // *Cross-Cultural Perspectives on Parliamentary Discourse* / Ed. by P. Bayley. Amsterdam: John Benjamins, 2004. P. 87–110.
- Bruteig Y. M.* Czech parliamentary discourse: Parliamentary interactions and the construction of the addressee // *European Parliaments under Scrutiny. Discourse strategies and interaction practices*. Amsterdam: John Benjamins, 2010. P. 265–302.
- Coe K., Schmidt A.* America in Black and White: Locating Race in the Modern Presidency, 1933–2011 // *Journal of Communication*. 2012. Vol. 62, issue 4. P. 609–627.

- Debras C., L'Hôte E.* Framing, metaphor and dialogue: A multimodal approach to party conference speeches // *Metaphor and the Social World*. 2015. Vol. 5 (2). P. 177–204.
- Didriksen A., Gjesdal A. M.* On what is not said and who said it: Argumentative connectives in Nicolas Sarkozy's speeches to the European Parliament // *Speaking of Europe. Approaches to complexity in European political discourse* / Ed. by K. Fløttum. Amsterdam: John Benjamins, 2013. P. 85–110.
- Ewald P.* Rostock, das Sydney der Ostsee – Zur Spezifik von Namenmetaphern // *Methoden der Metaphernforschung und –analyse* / M. Junge (Hrsg.). Wiesbaden: Springer, 2014. S. 197–213.
- Gherairi J.* Persuasion durch Protest. Protest als Form erfolgsorientierter, strategischer Kommunikation. Wiesbaden: Springer, 2015. 612 S.
- Gries L.* Still Life with Rhetoric: A New Materialist Approach for Visual Rhetorics. Logan: Utah State University Press, 2015. 336 p.
- Hernández-Guerra C.* Textual, intertextual and rhetorical features in political discourse: the case of President Obama in Europe // *Revista de Lingüística y Lenguas Aplicadas*. 2013. Vol. 8. P. 59–65.
- Ilie C.* Insulting as (un)parliamentary practice in the British and Swedish parliaments: A rhetorical approach // *Cross-Cultural Perspectives on Parliamentary Discourse* / Ed. by P. Bayley. Amsterdam: John Benjamins, 2004. P. 45–86.
- Ilie C.* Managing dissent and interpersonal relations in the Romanian parliamentary discourse // *European Parliaments under Scrutiny. Discourse strategies and interaction practices*. Amsterdam: John Benjamins, 2010. P. 193–222.
- Inigo-Mora I.* Rhetorical Strategies in the British and Spanish parliaments // *European Parliaments under Scrutiny. Discourse strategies and interaction practices*. Amsterdam: John Benjamins, 2010. P. 329–372.
- Kjeldsen J. E.* Speaking to Europe: A Rhetorical approach to Prime Minister Tony Blair's speech to the EU Parliament // *Speaking of Europe. Approaches to complexity in European political discourse* / Ed. by K. Fløttum. Amsterdam: John Benjamins, 2013. P. 19–42.
- Lorda C. U.* The Government control function of the French National Assembly in Questions au gouvernement // *European Parliaments under Scrutiny. Discourse strategies and interaction practices*. Amsterdam: John Benjamins, 2010. P. 165–190.
- Mandziuk R. M.* Whither the good wife? 2016 presidential candidate spouses in the gendered spaces of contemporary politics // *Quarterly Journal of Speech*. 2016. Vol. 4. P. 1–24.
- Marques M. A.* The public and private sphere in parliamentary debate: The construction of the addresser in the Portuguese Parliament // *European Parliaments under Scrutiny. Discourse strategies and interaction practices*. Amsterdam: John Benjamins, 2010. P. 79–108.
- McComiskey B.* *Dialectical Rhetoric*. Logan: Utah State University Press, 2015. 228 p.
- Middleton M., Hess A., Endres D., Senda-Cook S.* *Participatory Critical Rhetoric. Theoretical and Methodological Foundations for Studying Rhetoric in Situ*. Lanham, MD: Lexington Books, 2015. 240 p.
- Nilsson B., Lundgren A.* Logics of rurality: Political rhetoric about the Swedish North // *Journal of Rural Studies*. 2015. Vol. 37. P. 85–95.
- Ornatowski C. M.* Parliamentary discourse and political transition: Polish Parliament after 1989 // *European Parliaments under Scrutiny. Discourse strategies and interaction practices*. Amsterdam: John Benjamins, 2010. P. 223–264.
- Plug H. J.* Ad-hominem arguments in the Dutch and the European Parliaments: Strategic manoeuvring in an institutional context // *European Parliaments under Scrutiny. Discourse strategies and interaction practices*. Amsterdam: John Benjamins, 2010. P. 305–328.

Ritchie L. D., Thomas M. A “glowing marble”: “brushed with clouds” or “parched, scorched, and washed away”? Obama’s use of contrasting metaphors and stories in framing climate change // *Metaphor and the Social World*. 2015. Vol. 5. P. 1–19.

Simpson P., Mayr A. *Language and Power*. London; New York: Routledge, 2010. 272 p.

Stuckey M. *Political Rhetoric. A presidential briefings*. New Brunswick: Transaction Publishers, 2015. 125 p.

Trager R., Vavreck L. The Political Costs of Crisis Bargaining: Presidential Rhetoric and the Role of Party // *American Journal of Political Science*. 2011. Vol. 55, issue 3. P. 526–545.

Zarefsky D. *Rhetorical Perspectives on Argumentation*. New York: Springer, 2014. 265 p.

Zima E., Brône G., Feyaerts K. Patterns of interaction in Austrian parliamentary debates: On the pragmasemantics of unauthorized interruptive comments // *European Parliaments under Scrutiny. Discourse strategies and interaction practices*. Amsterdam: John Benjamins, 2010. P. 135–164.

E. V. Budaev ¹, A. P. Chudinov ²

¹ *Russian State Vocational Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russian Federation, aedw@mail.ru*

² *Ural State Pedagogical University
Yekaterinburg, Russian Federation, ap_chudinov@mail.ru*

Rhetorical analysis of political communication in contemporary foreign linguistics (2010–2018)

The new insights into studies of political communication that have been coming from the tradition of cognitive linguistics have rested mainly on the methodologies already standard in the field of political linguistics overall. However, scholars continue applying traditional rhetoric methods to political communication analysis. This paper reviews the methodology of rhetorical analysis of political communication in contemporary foreign linguistics within 2010–2018. The main trends of rhetorical researches are delineated, namely rhetorical criticism, reframing, semiotic analysis, and textual analysis. The widely spread topics of rhetorical studies are identified: theoretical and methodological investigations; studies of political leaders’ idiolects; metaphorological studies; researches into institutional discourses; analysis of rhetorical strategies; contrastive investigations. The distinctive feature of the contemporary rhetorical approach is that its methodological boundaries are diffusive. The contemporary rhetorical approach to political communication covers both traditional rhetoric methodology and heuristics of other approaches such as cognitive linguistics and discourse analysis.

Keywords: rhetorical analysis, political communication, political discourse, political linguistics, methodology of linguistics, rhetorical criticism.

DOI 10.17223/18137083/69/16

References

Anikin E. E., Budaev E. V., Chudinov A. P. Historical dynamics of metaphoric systems in Russian political communication. *Issues of Cognitive Linguistics*. 2015, no. 3, pp. 26–32.

Antelmi D., Santulli F. The presentation of a new Government to Parliament from ritual to personalisation: A case study from Italy. In: *European Parliaments under Scrutiny. Discourse strategies and interaction practices*. Amsterdam, John Benjamins, 2010, pp. 111–134.

Arthur D., Woods J. The Contextual Presidency: The Negative Shift in Presidential Immigration Rhetoric. *Presidential Studies Quarterly*. 2013, vol. 43, iss. 3, pp. 468–489.

- Baur J. E., Parker E., Buckley M. R., Ferris G. R. More than one way to articulate a vision: A configurations approach to leader charismatic rhetoric and influence. *The Leadership Quarterly*. 2016, vol. 27, iss. 1, pp. 156–171.
- Benoit W. *A functional analysis of presidential television advertisements*. Lanham, Lexington Books, 2014a, 284 p.
- Benoit W. *Political Election Debates: Informing Voters about Policy and Character*. Lanham, Lexington Books, 2014b, 144 p.
- Bevitori C. Negotiating conflict: Interruptions in British and Italian parliamentary debates. In: *Cross-Cultural Perspectives on Parliamentary Discourse*. P. Bayley (Ed.). Amsterdam, John Benjamins, 2004, pp. 87–110.
- Bruteig Y. M. Czech parliamentary discourse: Parliamentary interactions and the construction of the addressee. In: *European Parliaments under Scrutiny. Discourse strategies and interaction practices*. Amsterdam, John Benjamins, 2010, pp. 265–302.
- Budayev E. V., Chudinov A. P. *Zarubezhnaya politicheskaya lingvistika* [Foreign political linguistics]. Moscow, Flinta, Nauka, 2008, 352 p.
- Budayev E. V., Chudinov A. P. *Metafora v politicheskoy kommunikatsii* [Metaphor in political communication]. Moscow, Flinta, Nauka, 2012, 248 p.
- Budayev E. V., Chudinov A. P. Ritoricheskoye napravleniye v issledovanii politicheskoy metafory [Rhetorical direction in the study of political metaphors]. *Respectus Philologicus*. 2006, no. 9 (14), pp. 10–19.
- Coe K., Schmidt A. America in Black and White: Locating Race in the Modern Presidency, 1933–2011. *Journal of Communication*. 2012, vol. 62, iss. 4, pp. 609–627.
- Debras C., L'Hôte E. Framing, metaphor and dialogue: A multimodal approach to party conference speeches. *Metaphor and the Social World*. 2015, vol. 5 (2), pp. 177–204.
- Didriksen A., Gjesdal A. M. On what is not said and who said it: Argumentative connectives in Nicolas Sarkozy's speeches to the European Parliament. In: *Speaking of Europe. Approaches to complexity in European political discourse*. K. Fløttum (Ed.). Amsterdam, John Benjamins, 2013, pp. 85–110.
- Ewald P. Rostock, das Sydney der Ostsee – Zur Spezifik von Namenmetaphern. In: *Methoden der Metaphernforschung und analyse*. M. Junge (Hrsg.). Wiesbaden, Springer, 2014, pp. 197–213.
- Gherairi J. Persuasion durch Protest. Protest als Form erfolgsorientierter, strategischer Kommunikation. Wiesbaden, Springer, 2015, 612 p.
- Gries L. *Still Life with Rhetoric: A New Materialist Approach for Visual Rhetorics*. Logan, Utah State Univ. Press, 2015, 336 p.
- Hernández-Guerra C. Textual, intertextual and rhetorical features in political dis-course: the case of President Obama in Europe. *Revista de Lingüística y Lenguas Aplicadas*. 2013, vol. 8, pp. 59–65.
- Ilie C. Insulting as (un)parliamentary practice in the British and Swedish parliaments: A rhetorical approach. In: *Cross-Cultural Perspectives on Parliamentary Discourse*. P. Bayley (Ed.). Amsterdam, John Benjamins, 2004. P. 45–86.
- Ilie C. Managing dissent and interpersonal relations in the Romanian parliamentary discourse. In: *European Parliaments under Scrutiny. Discourse strategies and interaction practices*. Amsterdam, John Benjamins, 2010, pp. 193–222.
- Inigo-Mora I. Rhetorical Strategies in the British and Spanish parliaments. In: *European Parliaments under Scrutiny. Discourse strategies and interaction practices*. Amsterdam, John Benjamins, 2010, pp. 329–372.
- Kjeldsen J. E. Speaking to Europe: A Rhetorical approach to Prime Minister Tony Blair's speech to the EU Parliament. In: *Speaking of Europe. Approaches to complexity in European political discourse*. K. Fløttum (Ed.). Amsterdam, John Benjamins, 2013, pp. 19–42.
- Lorda C. U. The Government control function of the French National Assembly in Questions au gouvernement. In: *European Parliaments under Scrutiny. Discourse strategies and interaction practices*. Amsterdam, John Benjamins, 2010, pp. 165–190.
- Mandziuk R. M. Whither the good wife? 2016 presidential candidate spouses in the gendered spaces of contemporary politics. *Quarterly Journal of Speech*. 2016, vol. 4, pp. 1–24.
- Marques M. A. The public and private sphere in parliamentary debate: The construction of the addresser in the Portuguese Parliament. In: *European Parliaments under Scrutiny. Discourse strategies and interaction practices*. Amsterdam, John Benjamins, 2010, pp. 79–108.
- McComiskey B. *Dialectical Rhetoric*. Logan, Utah State Univ. Press, 2015, 228 p.

- Middleton M., Hess A., Endres D., Senda-Cook S. *Participatory Critical Rhetoric. Theoretical and Methodological Foundations for Studying Rhetoric in Situ*. Lanham, MD: Lexington Books, 2015, 240 p.
- Nilsson B., Lundgren A. Logics of rurality: Political rhetoric about the Swedish North. *Journal of Rural Studies*. 2015, vol. 37, pp. 85–95.
- Ornatowski C. M. Parliamentary discourse and political transition: Polish Parliament after 1989. In: *European Parliaments under Scrutiny. Discourse strategies and interaction practices*. Amsterdam, John Benjamins, 2010, pp. 223–264.
- Plug H. J. Ad-hominem arguments in the Dutch and the European Parliaments: Strategic manoeuvring in an institutional context. In: *European Parliaments under Scrutiny. Discourse strategies and interaction practices*. Amsterdam, John Benjamins, 2010, pp. 305–328.
- Ritchie L. D., Thomas M. A “glowing marble”: “brushed with clouds” or “parched, scorched, and washed away”? Obama’s use of contrasting metaphors and stories in framing climate change. *Metaphor and the Social World*. 2015, vol. 5, pp. 1–19.
- Simpson P., Mayr A. *Language and Power*. London, New York, Routledge, 2010, 272 p.
- Stuckey M. *Political Rhetoric. A presidential briefings*. New Brunswick, Transaction Publ., 2015, 125 p.
- Trager R., Vavreck L. The Political Costs of Crisis Bargaining: Presidential Rhetoric and the Role of Party. *American Journal of Political Science*. 2011, vol. 55, iss. 3, pp. 526–545.
- Zarefsky D. *Rhetorical Perspectives on Argumentation*. New York, Springer, 2014, 265 p.
- Zima E., Brône G., Feyaerts K. Patterns of interaction in Austrian parliamentary debates: On the pragmasemantics of unauthorized interruptive comments. In: *European Parliaments under Scrutiny. Discourse strategies and interaction practices*. Amsterdam, John Benjamins, 2010, pp. 135–164.

И. Я. Селютина

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

**Артикуляторные характеристики
шумных переднеязычных согласных в языке телеутов
(по данным МРТ) ***

Рассматриваются доминантные характеристики артикуляционно-акустической базы телеутов в области консонантизма. Исследование базируется на инструментальных данных, полученных методом магнитно-резонансного томографирования. Анализируются соматические параметры шумных переднеязычных консонантных артикуляций в языке современных телеутов, сопоставляются с описаниями соответствующих телеутских настроек, выполненными в 1970-е гг. по данным аппаратных методов статического рентгено-, дентопалато- и пневмоосциллографирования. Полученные результаты дают возможность проследить изменения в языке за прошедшие десятилетия и прогнозировать пути дальнейшего развития звуковой системы.

Ключевые слова: тюркские языки Южной Сибири, язык телеутов, артикуляционно-акустическая база, экспериментальная фонетика, магнитно-резонансное томографирование.

Введение

Статья посвящена выявлению доминантных характеристик артикуляционно-акустической базы (ААБ) телеутов в области консонантизма. Исследование базируется на инструментальных данных, полученных методом магнитно-резонансного томографирования (МРТ). Анализируются соматические параметры шумных переднеязычных консонантных артикуляций в составе звуковых оболочек мягкорядных и твердорядных словоформ в языке телеутов, сопоставляются с описаниями соответствующих телеутских настроек, выполненными в 1970-е гг. по данным аппаратных методов статического рентгено-, дентопалато- и пневмоосциллографирования [Меркурьев, 1971; 1974; 1975; 1976; 1977].

Телеуты – коренной малочисленный тюркоязычный этнос Южной Сибири с самоназванием *тадар-кижи*, *телеңит* ~ *телеңет* ~ *телеңут* ~ *телеут киж*

* Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

Селютина Ираида Яковлевна – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; siya_irina@mail.ru).

[Функ, 2006, с. 171; Худяков, 2009, с. 249]. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., свою принадлежность к национальности *телеуты* указали 2 643 чел., из них 2 520 чел. проживают в Кемеровской области по рекам Большой и Малый Бачат бассейна Оби, 37 чел. – в Республике Алтай, 19 чел. – в Алтайском крае¹.

Телеуты официально считались субэтносом алтайцев, а их язык вместе с языками алтай-кижи и теленгитским традиционно относили к южной группе алтайских диалектов. В 1991 г. телеуты, наряду с северными алтайцами – кумандинцами, чалканцами и тубаларами, вошли в перечень коренных малочисленных народов РФ, а их языки признаны самостоятельными языками, являющимися национальным достоянием и находящимися под защитой государства как историко-культурное наследие².

В настоящее время только телеуты, проживающие в Кемеровской области и называющие себя бачатскими телеутами (*байаттар*, *байат-кижи*), сохранили свою этническую идентичность [Тубукова, 2016, с. 423]. Небольшие группы телеутов, обитающие на территории Республики Алтай (села Улус-Черга, Мьюта Шибалинского р-на) вдоль реки Катунь и ее притока Семы – алтайская группа телеутов, и в Алтайском крае (г. Заринск, села Крутое, Улус, Тараба и Яшашное Кытмановского р-на) – чумышская группа, или караба, подверглись сильной ассимиляции со стороны соседних народов: в Республике Алтай со стороны алтай-кижи, в Алтайском крае со стороны русских, алтайцев, поволжских татар [Уртегешев, 2009; 2016, с. 483]. По мнению Д. А. Функа, некоторые группы телеутов, проживающих в Заринском и Кытмановском р-нах Алтайского края, а также в Республике Алтай, до сих пор заявляют о своей телеутской идентичности [Функ, 2006, с. 171].

Телеуты всегда рассматривались в трудах отечественных исследователей (В. И. Вербицкого, 1893; В. В. Радлова, 1989; Radloff, 1882; Н. А. Баскакова, 1958; Л. П. Потапова, 1969; А. П. Уманского, 1995; Н. В. Екеева, 2014, 2015, и др.) как одна из южных этнических групп алтайцев. Выделяются они как субэтнос алтайцев и в настоящее время: «К коренным жителям Горного Алтая относятся алтайцы и «новые» этносы (теленгиты, тубалары, чалканцы). Кроме того, проживают также кумандинцы и телеуты, но основная масса их сосредоточена соответственно в Алтайском крае (г. Бийск, Солтонский район) и Кемеровской области (Беловский район)» [Екеев, 2014, с. 423; 2015, с. 425].

Вместе с тем в этносоциологических исследованиях последнего времени телеуты как одна из составляющих алтайского консолидированного этноса не рассматриваются [Чемчиева, 2012, с. 144–146; Екеев, 2014, с. 425], по-видимому, в силу их малочисленности на территории Республики Алтай. Современные этнические процессы – как разделительные, так и объединительные – в среде алтайского этноса неразрывно связаны с процессом самоопределения алтайских народностей. В соответствии с развитием этнического и политического самоопределения, алтайские группы коренного населения считают себя частью как своего коренного малочисленного субэтноса, так и алтайского этноса в целом [Чемчиева, 2017, с. 135, 147].

Телеуты, как и другие этносы региона, формировались в результате тюркизации местных племен самодийского или кетского происхождения. Исследования топонимики свидетельствуют о том, что территория, где сейчас проживают телеуты, испытывала также сильное влияние монголоязычных народов [Молчанова,

¹ URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/vol11/pub-11-4-2.pdf

² Закон РСФСР «О языках народов РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 50.

1979]. Однако наибольший пласт топонимов восходит к тюркским языкам, причем основная их часть соотносится с древнетюркским, а также с киргизским, тувинским, казахским и другими соседними тюркскими языками [Черемисина, Тазранова, 2006, с. 34–35].

Язык телеутов был положен в основу алтайской письменности, разработанной представителями Алтайской духовной миссии на базе кириллицы. В 1869 г. была издана «Грамматика алтайского языка» [Грамматика..., 1869], сыгравшая важную роль в истории телеутского языка.

Звуковой строй языка телеутов получил краткое освещение в «Грамматике...». Авторы выделили 19 согласных звуков, поделив на «жесткие» и «мягкие» (т. е. глухие и звонкие) и приведя краткое описание их произношения [Там же, с. 1–6]. В. В. Радлов констатировал в телеутском 22 согласных звука: 8 глухих (Tonlose): q, k, t, j, č, s, š, p; 7 звонких (Tönende): y, g, d, b, z, ž, j; 6 сонантов (Sonore): ł, l, r, m, n, ñ; один гласно-согласный звук (Vocal-Consonant): j [Radloff, 1882, S. 129, 173, 201].

В 1970-е гг. в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований Института истории, филологии и философии СО АН СССР К. В. Меркурьевым под руководством В. М. Наделяева было выполнено исследование бачатско-телеутского консонантизма инструментальными методами; результаты изложены в серии статей (см. [Меркурьев, 1971; 1974; 1976; 1977] и др.). Состоялась также защита диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук [Меркурьев, 1975]. На основе аудитивного восприятия устной речи бачатских телеутов К. В. Меркурьев выделил 23 согласных звука: губные p, b, m; переднеязычные t, d, n, s, z, š, ʒ, l, r; среднеязычные h, j, hç, r; заднеязычные k, g, y, ŋ и язычковые q, o, n. В процессе функционального анализа выявленные звуки были отождествлены в качестве позиционно-комбинаторных и факультативных оттенков 16 фонем: губные [p]₁, [p]₂, [m]; переднеязычные [t]₁, [t]₂, [n], [s], [š], [l], [r]; среднеязычные [h (j)], [hç], [r]; заднеязычно-язычковые [k]₁, [k]₂, [ŋ]. Анализ инструментальных данных позволил определить артикуляционно-акустические параметры репрезентантов фонем и выявить принципы системно-структурной организации консонантизма. Установлено, что согласные фонемы в языке бачатских телеутов противопоставлены как шумные ([p], [p:], [t], [t:], [s], [š], [h (j)], [hç:], [k], [k:]) и малошумные ([m], [n], [l], [r], [r], [ŋ]); шумные подразделяются на краткие ([p], [t], [s], [š], [h (j)], [k]) и долгие ([p:], [t:], [hç:], [k:]) [Меркурьев, 1975, с. 9–12, 19].

На слуховом уровне фонетические особенности языка бачатских телеутов в области консонантизма в сравнении с алтайским литературным языком описаны Г. Г. Фисаковой [1978]. Дискуссионный характер фонематической долготы телеутских согласных отмечается в статье Д. М. Токмашева [2019]. К сожалению, приведенный автором инструментальный материал не является достаточным для однозначных выводов. Кроме того, автор, на наш взгляд, не всегда разграничивает долгие и удвоенные согласные (геминаты). Наряду с изучением сегментной фонетики проводятся и просодические экспериментально-фонетические исследования, в которых анализируется ритмико-интонационная система языка бачатских телеутов в сопоставительном аспекте [Шестера, 2018].

Данная статья посвящена изучению артикуляторных настроек реализаций телеутских шумных переднеязычных согласных фонем. Объективные инструментальные данные получены методом МРТ и в различной степени обработаны по трем информантам – носителям бачатско-телеутского языка. Иллюстративный томографический материал приводится в статье по диктору 1, родившемуся в Беловском районе Кемеровской области и хорошо владеющему родным языком. При этом за основу взят состав фонем, выявленный К. В. Меркурьевым с использованием комплекса лингвистических методов.

Сопоставление артикуляторных настроек, зафиксированных К. В. Меркурьевым в 1970-е гг., с материалами, полученными в 2011 г., позволит проследить изменения в ААБ телеутов за прошедшие десятилетия и прогнозировать пути дальнейшего развития звуковой системы.

Полученные объективными методами данные могут послужить в качестве информативного источника при изучении истории этнических и языковых контактов на территории Сибири [Наделяев, 1986; Зиндер, 1984; Селютина, 2006, с. 29–31].

1. Переднеязычные согласные

Переднеязычные согласные в зависимости от конфигурации активно работающей передней части спинки языка делятся на «четыре подгруппы: дорсальные, когда действует вся передняя часть языка с опущенным кончиком; апикальные, когда действует самый кончик языка; какуминальные, когда загнут вверх весь передний край языка; ретрофлексные, когда кончик языка загнут вверх и назад» [Зиндер, 1979, с. 148–149].

В ряде классификаций понятия какуминальности и ретрофлексности отождествляются, на наш взгляд, неправомерно; при этом «смычный согласный, образуемый прижиманием загнутого вверх кончика языка к твердому нёбу», номинируется как церебральный [Ахманова, 1966, с. 187, 384, 510] (см. также: [Трахтеров, 1962, с. 23, 40, 44, 245]). В «Словаре лингвистических терминов» Ж. Марузо в одном синонимическом ряду упоминаются не только термины «ретрофлексный» и «церебральный», но и «какуминальный» (надзубный, инвертированный) [1960, с. 129, 250, 334], и даже «апикальный» [Там же, с. 35], что ведет к полному смешению понятий и неразграничению различных типов переднеязычных консонантных настроек. Несколько иной подход предлагается составителями «Англо-русского словаря по лингвистике и семиотике», различающими апикальные настройки, продуцируемые не приподнятым над спинкой кончиком языка, с одной стороны, и отождествляющими какуминальные и ретрофлексные (церебральные) артикуляции, настраиваемые приподнятым над спинкой кончиком языка, с другой [АРС, 1996, с. 39, 77, 88, 502].

В классификации, разработанной Международной фонетической ассоциацией (МФА), систематизация согласных в которой осуществляется по месту образования их настроек, не нашли отражения характеристики по конфигурации передней части спинки языка [Ladefoged, Maddieson, 1996, p. xxi; Handbook..., 2007, p. 201; Ladefoged, Johnson, 2011; Esling, 2010, p. 682–683, 692–693]. Исключение составляет группа ретрофлексных согласных, номинированная – в нарушение заложенного разработчиками алфавита научного принципа последовательного классифицирования единиц по единому основанию – по локусу артикуляции [Уртегешев и др., 2009, с. 101–103]. Внесенные позднее уточнения – в характеристику согласных по месту образования были добавлены параметры настроек по активному артикулирующему органу наряду с уже принимаемыми во внимание пассивными – не носят принципиального характера³.

Сибирские фонетисты традиционно используют в своих трудах классификационную систему согласных, предложенную российскими лингвистами [Щерба, 1937, прилож., табл. 2; Наделяев, 1960, с. 64–65; Зиндер, 1979, с. 150], как наиболее адекватно отвечающую принципам универсальности и последовательности научных подходов при интерпретации данных по языкам мира. Переднеязычные согласные по конфигурации передней части спинки языка делятся на дорсальные (спинковые), апикальные (кончиковые), какуминальные (вершинковые) и ретрофлексные (отогнутовершинковые) [Наделяев, 1960, с. 64–65]. Как показывают

³ https://en.wikipedia.org/wiki/International_Phonetic_Alphabet

соматические исследования, в тюркских языках народов Сибири наиболее частотными являются дорсальные переднеязычные артикуляции, реже встречаются апикальные и какуминальные настройки; ретрофлексные же паттерны не свойственны артикуляционным базам южносибирских тюрков алтае-саянского региона.

Для передачи телеутских языковых материалов используется Универсальная унифицированная фонетическая транскрипция (УУФТ), разработанная В. М. Наделяевым [1960] и получившая дальнейшее развитие в работах сибирских фонетистов⁴. При дескрипции соматических данных используется методика точной формульной индексации артикуляторных настроек с помощью системы символов, обозначающих активные и пассивные органы речи. Латинскими графемами маркируются активные произносительные органы: индекс *a* – кончик языка, *b* – передняя часть спинки языка, *c* – средняя часть, *d* – межзубчатая часть, *e* – задняя часть спинки языка. Арабскими цифрами обозначаются пассивные органы артикуляции: индекс 1 – верхняя губа, 2 – режущая поверхность верхних резцов, 3 – лингвальная поверхность верхних резцов, 4 – дентальный склон альвеол, 5 – гребень альвеол, 6 – лингвальный склон альвеол, 7 и 8 – первая и вторая половина твердого нёба (соответственно), 9 и 0 – первая и вторая половина мягкого нёба (соответственно). Формула артикуляции включает последовательно следующие компоненты: транскрипционный знак звука, символы активного речевого органа и, через точку с запятой, символы пассивного артикулирующего органа. Единство методики и использование унифицированной системы обработки, интерпретации и описания экспериментальных данных обеспечивает сопоставимость полученных результатов.

1.1. Шумные смычные переднеязычные согласные *m* «*t*», *d* «*d*»

Телеутские шумные переднеязычные смычные глухие согласные типа *m* зафиксированы на томограммах в составе звуковых оболочек двух твердоядных словоформ: в финальной позиции в словоформе *am* ‘имя’, в медиально-интервокальной – в лексеме *қааты* ‘женщина=его’ (рис. 1). Звонкий смычный согласный *d* той же локализации отражен томографически в интервокале в словоформе *қаады* ‘бумага=его’ (рис. 2).

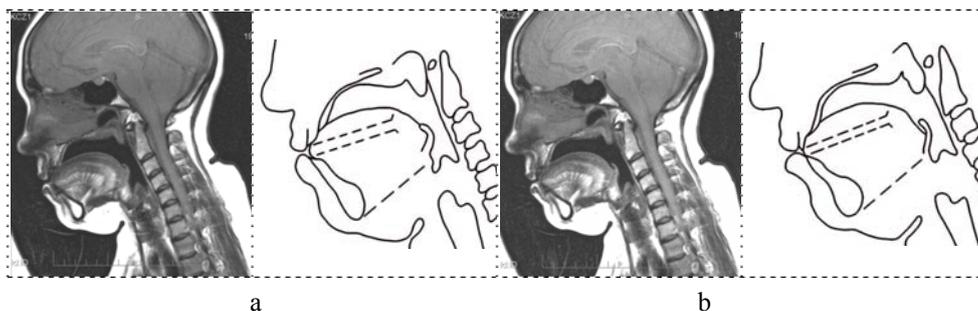

Рис. 1. Звук *m*:
a – в словоформе *am* ‘имя’; *b* – в словоформе *қааты* ‘женщина=его’

Fig. 1. Sound *m*:
a – in *am* ‘the name’; *b* – in *қааты* ‘his woman’

⁴ См.: <http://www.philology.nsc.ru/departments/lefi/books/index.php>

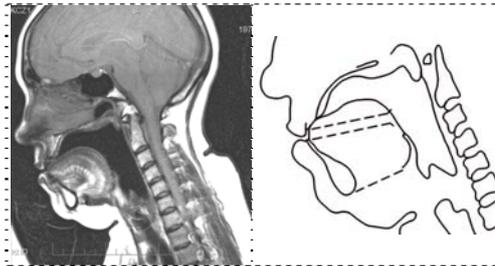

Рис. 2. Звук *d*
в словоформе *қаады* 'бумага=его'

Fig. 2. Sound *d*
in *қаады* 'his paper'

но-переднетвердонецким сильнонапряженным слабофарингализованным согласным. Все настройки – лабиализованные (губное отстояние меньше зубного), одноканально ртовые (увула плотно сомкнута с задней стенкой носоглотки), невуларизованные (кончик увулы не оттянут к корню языка); интервокальный *d* «d», кроме того, веларизованный (задняя часть спинки языка поднята ко второй половине твердого нёба). Характерной особенностью рассматриваемых телеутских артикуляций является неучастие кончика языка в формировании смычной преграды. Точная индексная характеристика звуков: *m* в словоформе *ам* 'имя' – « $t^{\circ} = (a^{1/4})^3/4bc^{1/7}; 35$ »; *m* в слове *қааты* 'женщина=его' – « $t^{\circ} = (a^{1/5})^4/5bc^{1/4}; 36^{1/9}$ »; *d* в лексеме *қаады* 'бумага=его' « $d^{\circ} = (a^{2/5})^3/5; (2^{1/8})^7/84^{1/6}$ ».

К. В. Меркурьев, исследовавший телеутский консонантизм с использованием комплекса соматических методов, определяет реализации согласных фонем [t] и [t:] как смычные ртовые слабые, артикулируемые передней частью спинки языка – апикальные или апикально-слабодорсальные по активному органу, альвеолярные или дентально-альвеолярные по пассивному. Материалы пневмоосциллографирования и дентопалатографирования позволили сделать вывод о релевантности оппозиции согласных по количеству: фонемы противопоставлены как краткая и долгая, в то время как параметры напряженности не являются системообразующими [Меркурьев, 1976, с. 72–74, 76, 80]. На наш взгляд, приведенная автором рентгенограмма настройки согласного *m* [Там же, с. 76, рис. 5] свидетельствует также о неогубленности артикуляции, выраженной увуларизации и слабой тенденции к фарингализации.

1.2. Шумный щелевой переднеязычный согласный *s* «s»

Телеутские шумные переднеязычные щелевые глухие свистящие согласные типа *s* зафиксированы на томограммах в финальной позиции двух словоформ: твердоярдной *ас* 'мало' и мягкорядной *кес* 'режь' (рис. 3).

Артикуляторные настройки репрезентантов фонемы [s] квалифицируются как переднеязычные сильнодорсальные по активному артикулирующему органу, дентально-альвеолярные – по пассивному, узкощелевые, одноканально ртовые, лабиализованные, невуларизованные. Артикуляция продуцируется с сильной напряженностью речевого аппарата при реализации твердоярдного варианта фонемы [s] и с умеренновыраженной – при произнесении мягкорядного аллофона. Дополнительное к основной настройке огубление в представленных оттенках осуществляется путем сближения губ (губное отстояние меньше зубного) без их выдвижения вперед. В отличие от твердоярдного непалатализованного коррелята, мягкорядный сингармонический вариант определяется как умереннопалатализо-

ванный. Подъем задней части спинки языка к границе твердого и мягкого нёба обуславливает слабую веларизованность твердоярдного репрезентанта. При произнесении твердоярдного *c* в словоформе *ac* ‘мало’ нижняя треть корня языка с прилегающим к нему надгортанником оттянута к задней стенке фаринкса, обуславливая дополнительный эффект слабо выраженной фарингализации настройки; в мягкорядной лексеме можно отметить тенденцию к фарингализации *s*. Точная индексная характеристика звука *c* в словоформе *ac* ‘мало’: « $\underline{s}^{\circ} = a^{1/3}; 34^{1/2}$ »; в лексеме *kes* ‘режь’: « $\underline{s}^{\circ} = a^{2/3}; 3/45^{1/3}$ ».

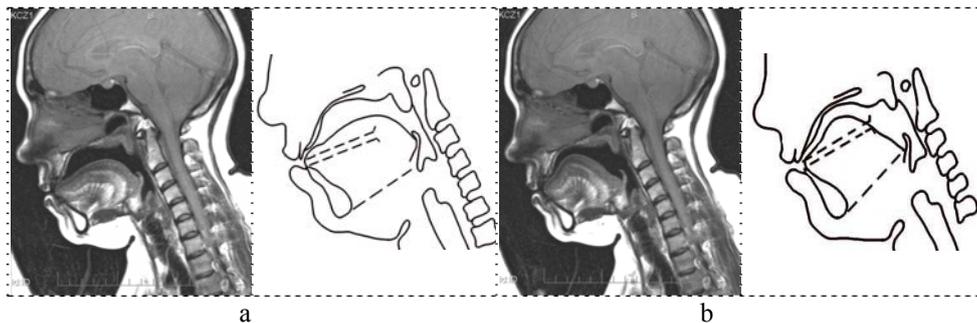

Рис. 3. Звук *c*:
a – в словоформе *ac* ‘мало’; *b* – в словоформе *kes* ‘режь!’
 Fig. 3. Sound *c*: *a* – in *ac* ‘a little’; *b* – in *kes* ‘cut!’

К. В. Меркурьев квалифицировал реализации фонемы [s] как переднеязычные альвеолярные (индекс 46) щелевые ртовые слабые; мягкорядный вариант – слабопалатализованный [Меркурьев, 1977, с. 38–40, 42–43]; приведенная автором рентгенограмма свидетельствует об апикально-слабодорсальной постановке языка. Наши томографические данные указывают на более высокую степень напряженности артикуляций, дентально-альвеолярную локализацию щелевой преграды, наличие облигаторной лабиализации, более выраженную палатализацию мягкорядного оттенка, наличие фарингализованной окраски при продуцировании твердоярдного оттенка. Интересно, что современные материалы свидетельствуют об отсутствии увуларизации как дополнительной работы увулы, в то время как на приведенной К. В. Меркурьевым рентгенограмме увуларизация отчетливо просматривается, но не констатируется исследователем.

1.3. Шумный щелевой переднеязычно-среднеязычный согласный *ш* «ʃ»

Глухие аллофоны *ш* «ʃ» телеутской шумной щелевой шипящей фонемы [ʃ] описываются по томограммам финально-поствокальных настроек, зафиксированных в твердоярдных словоформах *аш* ‘ячень’ и *паш* ‘голова’ и в мягкорядной *пеш* ‘пять’ (рис. 4, 5).

Артикуляторные настройки репрезентантов телеутской фонемы [ʃ] существенно отличаются от настроек соответствующих звуков в других южносибирских тюркских языках. Активным артикулирующим органом при их продуцировании является пограничный передне-средний участок спинки языка, формирующий относительно узкую шумообразующую щель сближением с альвеолами – с их гребнем в словоформе *паш* ‘голова’ (см. рис. 4, *b*), с их лингвальным склоном в слове *пеш* ‘пять’ (см. рис. 5), либо с лингвальным склоном альвеол и прилегающим участком передней части твердого нёба в лексеме *аш* ‘ячень’ (см. рис. 4, *a*).

При этом кончик языка локализуется у режущей поверхности нижних зубов, что является показателем среднеязычности настройки. Артикуляции квалифицируются как передне-среднеязычные, альвеолярно(-переднетвердонёбные) плоскощелевые одноканально ртовые сильнонапряженные лабиализованные. Передне-среднеязычность основной настройки, а также дополнительный подъем средней части спинки языка к середине твердого нёба обуславливают акустический эффект умеренной палатализации. Оттянутость нижней части корня языка к задней стенке фаринкса свидетельствует об умеренной фарингализации настроек *ш*. При артикулировании согласного в словоформе *аш* 'ячмень' намечается тенденция к слабой увуларизации. Точная индексная характеристика реализаций фонемы *ш* [ʃ]: в словоформе *аш* 'ячмень' – «ʃ^o = ¹/₃bc¹/₄; 6¹/₇»; в слове *паш* 'голова' – «ʃ^o = ¹/₇bc¹/₅; 5¹/₃»; в лексеме *пеш* 'пять' – «ʃ^o = ¹/₉bc¹/₇; 6».

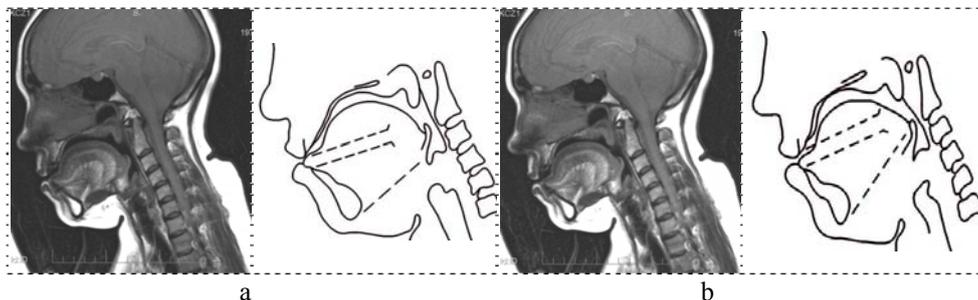

Рис. 4. Звук *ш*: *a* – в словоформе *аш* 'ячмень'; *b* – в словоформе *паш* 'голова'
Fig. 4. Sound *sh*: *a* – in *ash* 'a barley'; *b* – in *pash* 'a head'

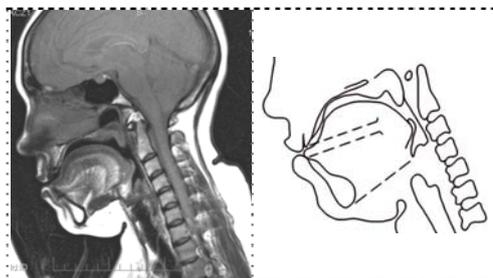

Рис. 5. Звук *ш*
в словоформе *пеш* 'пять'
Fig. 5. Sound *sh* in *pesh* 'five'

К. В. Меркурьев квалифицирует фонему *ш* [ʃ] как согласный ртовый шумный слабый переднеязычный плоскощелевой [1977, с. 40–42, 44]. Тем не менее при описании рентгенограммы автор отмечает: «Активный орган передняя часть языка с прилегающим участком средней части спинки языка (от одной трети до половины) приближается к нёбу...» [Там же, с. 41]. Таким образом, К. В. Меркурьев, указывая на активное участие средней части спинки языка в продуцировании артикуляции, определяет

ее, тем не менее, как чисто переднеязычную. Современные томографические данные не оставляют сомнений в переднеязычно-среднеязычном характере настройки, при этом среднеязычность артикуляции усиливается появлением на передней части спинки языка значительного по глубине поперечного прогиба, выключая соответствующий участок передней части спинки языка из активной работы по формированию основной шумообразующей преграды и передающей эту функцию пограничному передне-среднему участку спинки языка. Наши материалы свидетельствуют о сильной напряженности, лабиализованности и выраженной фарингализованности настроек.

Заключение

Сопоставление реализаций телеутских переднеязычных согласных фонем, артикуляторные параметры которых были выявлены объективными инструментальными методами в 1970-е гг., с данными, зафиксированными методом МРТ в произношении носителей современного языка, позволяет определить общие активно развивающиеся системные преобразования.

Разновременные репрезентанты шумных смычных переднеязычных фонем [t] и [t:] различаются как по основной артикуляции – по активному и пассивному преградообразующим органам, так и по дополнительным настройкам. Если для 1970-х гг. характерна апикальная или апикально-слабодорсальная постановка языка, то на данном этапе развития ААБ переднеязычные смычные консонанты реализуются с различной степенью дорсальности (от сильной до сверхсильной) без активного участия кончика языка. Расширение зоны активных действующих органов детерминирует увеличение площади локализации преграды – от альвеолярных ~ дентально-альвеолярных настроек в 70-е гг. до облигаторно дентально-альвеолярных (~ дентально-переднетвёрдонёбных) в настоящее время. Инструментальные данные позволяют констатировать также усиление параметра артикуляторной напряженности согласных типа t – от слабой в 1970-е гг. до умеренно- или сильновыраженной в современном языке телеутов. Системные изменения происходят и в сфере дополнительных артикуляций. Если в почти полувековой ретроспективе настройки реализовались как неогубленные, как правило, увуларизованные, со слабой тенденцией к фарингализации, то в языке современных телеутов констатируется облигаторная лабиализация (путем сближения губ без их выдвижения вперед), отсутствие увуларизации, у оттенков фонемы [t:] – слабая фарингализация.

Аналогичные трансформации демонстрируют и настройки реализаций щелевой переднеязычной свистящей фонемы [s]: можно констатировать переход от апикально-слабодорсальных альвеолярных паттернов к сильнодорсальным дентально-альвеолярным, увеличение напряженности (от слабой до умеренной и сильной), развитие тотальной лабиализации, более выраженную палатализацию, утрату увуларизации, развитие слабой фарингализации.

В классе щелевых переднеязычных шипящих реализаций фонемы [ʃ] в языке современных телеутов реализовалась тенденция, косвенно зафиксированная в 1970-е гг.: осуществился переход артикуляций из переднеязычных в передне-среднеязычные альвеолярные ~ альвеолярно-переднетвёрдонёбные. Параллельно этому процессу в соответствии с общей направленностью сдвига системы произошло усиление артикуляционной напряженности, подключились дополнительные настройки лабиализации и выраженной фарингализации одновременно с утратой увуларизации.

Выявленные системные модификации артикуляционно-акустической базы телеутов, и прежде всего усиление напряженности настроек, позволяют обнаружить сходство с теленгитским языком, для которого не свойственны слабые артикуляции. Как и в языке теленгитов, в телеутском переднеязычные согласные подвергаются тотальной лабиализации. Эта особенность выделяет данные идиомы на фоне других южносибирских тюркских языков, в которых огубление негубных согласных, не обусловленное исторически или позиционно-комбинаторно, реализуется эпизодически. Кроме того, активно формирующиеся параметры увуларизации и фарингализации также сближают языки телеутов и теленгитов, хотя в телеутском эти признаки выражены слабее. Объединяет эти идиомы и отсутствие назализации консонантных настроек, являющееся следствием относительно сильной напряженности как артикуляционно-базового признака.

Причины сходств и различий артикуляционных баз телеутов и теленгитов следует искать в историческом прошлом этих этносов, восходящих к древнетюркским племенам *теле* и составлявших единую тюркоязычную общность до начала XVII в.

Список литературы

- АРС – Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике / Под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. М.: Помовский и партнеры, 1996. Т. 1. 656 с.
- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1966. 608 с.
- Грамматика алтайского языка. Составлена членами Алтайской миссии. Казань: Университет. тип., 1869. 640 с.
- Екеев Н. В. Этническая идентичность алтайцев // Алтайцы: Этническая история. Традиционная культура. Современное развитие. Горно-Алтайск: Пермиков С. А., 2014. С. 422–431.
- Екеев Н. В. Алтайцы на рубеже XX–XXI веков (к проблеме современных этносоциальных процессов в Республике Алтай) // Екеев Н. В. Алтай: история и культура (Избранные труды). Горно-Алтайск: ООО «Горно-Алтайская типография», 2015. С. 425–438.
- Зиндер Л. П. Общая фонетика: Учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высш. шк., 1979. 312 с.
- Зиндер Л. П. К вопросу об артикуляторной базе // Экспериментально-фонетический анализ речи. Л., 1984. Вып. 1. С. 8–12.
- Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. 436 с.
- Меркурьев К. В. Шумные консонанты языка бачатских телеутов // Учен. зап. Кемеров. гос. пед. ин-та. Кемерово, 1971. Вып. 25. С. 42–46.
- Меркурьев К. В. Инвентарь согласных фонем и их дистрибуция в языке бачатских телеутов // Вопросы языка и литературы народов Сибири. Новосибирск, 1974. С. 49–64.
- Меркурьев К. В. Бачатско-телеутский консонантизм: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1975. 20 с.
- Меркурьев К. В. Переднеязычные фонемы [t] и [t:] в языке бачатских телеутов // Язык бачатских телеутов. Кемерово, 1976. С. 72–80.
- Меркурьев К. В. Шумные переднеязычные консонанты [s] и [ʃ] в языке бачатских телеутов // Языки народов Сибири. Кемерово, 1977. С. 38–44.
- Молчанова О. Т. Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отд-ние Алт. кн. изд-ва, 1979. 396 с.
- Наделяев В. М. Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ). М.; Л., 1960. 68 с.
- Наделяев В. М. К типологии артикуляционно-акустических баз (ААБ) // Фонетические структуры в сибирских языках. Новосибирск, 1986. С. 3–15.
- Селютин И. Я. Фонетические исследования языков Сибири: итоги и перспективы // Языковая ситуация и коммуникативные стратегии обучения: Материалы Всерос. науч.-метод. конф. (Новосибирск, 29–31 января 2006 г.). Новосибирск, 2006. С. 20–36.
- Токмашев Д. М. О фонологическом статусе долгих согласных в телеутском языке // Международная конференция «Лингвистический форум 2019: коренные языки России и мира». 4–6 апреля 2019 г. Тезисы докладов. М., 2019. С. 195–196.
- Трахтеров А. Л. Английская фонетическая терминология. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1962. 352 с.

- Уртегешев Н. С.* Телеутский язык // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: ИД «Историческое наследие Сибири», 2009. Т. 3. С. 248.
- Уртегешев Н. С.* Телеутский язык // Язык и общество: Энциклопедия. М.: Азбуковник, 2016. С. 483–487.
- Уртегешев Н. С., Селютин И. Я., Эсенбаева Г. А., Рыжикова Т. Р., Добринина А. А.* Фонетические транскрипционные стандарты УУФТ и МФА: система соответствий // Урало-алтайские исследования. М., 2009. № 1. С. 100–115.
- Фисакова Г. Г.* Согласные фонемы бачатско-телеутского языка // Языки народов Сибири. Кемерово, 1978. С. 160–169.
- Функ Д. А.* Телеуты. Глава 1. Общие сведения // Тюркские народы Сибири. М.: Наука, 2006. С. 171–176.
- Худяков Ю. С.* Телеуты // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: ИД «Историческое наследие Сибири», 2009. Т. 3. С. 249.
- Чемчиева А. П.* Алтайские субэтносы в поисках идентичности. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. 254 с.
- Чемчиева А. П.* Субэтнические группы алтайцев: противоречия и символы коллективной идентичности // Новые исследования Тувы. 2017. № 1. С. 134–150. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/701> (дата обращения 29.05.2019). DOI 10.25178/nit.2017.1.9
- Черемисина М. И., Тазранова А. Р.* Языки коренных народов Сибири: Учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2006. 149 с.
- Шестера Е. А.* Телеутская, хакасская и русская интонационные системы: сравнительно-сопоставительный анализ // Сибирский филологический журнал. 2018. № 2. С. 251–263.
- Щерба Л. В.* Фонетика французского языка. Л., 1937.
- Esling J. H.* Phonetic Notation // The Handbook of Phonetic Sciences. Second Edition / Eds. W. J. Hardcastle, J. Laver, F. E. Gibbon. The Handbook of Phonetic Sciences. Oxford: Wiley-Blackwell Publ., 2010. P. 678–702.
- Handbook of the International Phonetic Association: A Guide to the Use of the International Phonetic Alphabet. Eighth printing. Cambridge University Press, 2007. ix + 204 p.
- Ladefoged P., Johnson K.* A course in phonetics. Sixth Edition. Boston: Wadsworth, 2011. xiv + 323 p.
- Ladefoged P., Maddieson I.* The sounds of the world's languages. Oxford: Blackwell, 1996. xiv + 425 p.
- Radloff W.* Phonetik der nördlichen Türkssprachen. Leipzig: Weigel, 1882. XLV + 318 S.
- Tybykova L. N.* The Teleuts and Their Language // Endangered Turkic Languages. Ankara; Astana: International Turkic Academy, 2016. Vol. 3. P. 421–429.

I. Ya. Selyutina

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation, siya_irina@mail.ru*

Articulatory characteristics of noisy frontlingual consonants of the Teleut language (according to MRI data)

The paper deals with the dominant characteristics of the articulatory-acoustic base of the Teleuts in the field of consonantism. The study is based on instrumental data obtained by the Magnetic Resonance Imaging method. Somatic parameters of the frontlingual consonant articulations are analyzed in the word forms of the language of the modern Teleuts and then com-

pared with the respective descriptions of the Teleut settings made in the 1970s on the basis of data obtained by hardware methods (static Radiography, Dento-palatography, and Pneumo-oscillography). The results obtained allowed identifying actively developing systemic changes in the sound systems of languages Teleuts and Telengits: increased articulatory tension, the formation of additional settings of labialization and pharyngealization, no nasalization. The reasons for the similarities and differences between articulatory bases of Teleuts and Telengits should be found in the historical past of the ethnic groups descended from ancient Turkic tribes *tele* and forming a unified body of Turkic-speaking community until the beginning of the 17th century.

Keywords: Turkic Languages of Siberia, Teleut language, articulatory-acoustic base, experimental phonetics, Magnetic Resonance Imaging.

DOI 10.17223/18137083/69/17

References

Anglo-russkiy slovar' po lingvistike i semiotike [English-Russian dictionary of linguistics and semiotics]. A. N. Baranov, D. O. Dobrovol'sky (Eds.). Moscow, Pomovskiy i partnery, 1996, vol. 1, 656 p.

Akhmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, Sov. entsikl., 1966, 608 p.

Chemchieva A. P. *Altayskie subetnosy v poiskakh identichnosti* [Altai sub-ethnoses in search of identity]. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2012, 254 p.

Chemchieva A. P. Subetnicheskije gruppy altaytsev: protivorechiya i simvoly kollektivnoy identichnosti [Subethnic groups of Altaians: contradictions and symbols of collective identity]. *The New Research of Tuva*. 2017, no. 1, pp. 134–150. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/701> (accessed: 29.05.2019). DOI 10.25178/nit.2017.1.9

Cheremisina M. I., Tazranova A. R. *Yazyki korennykh narodov Sibiri: Ucheb. posobie. 2-e izd., pererab. i dop.* [Languages of indigenous peoples of Siberia: Study guide. 2nd ed., rev. and enl.]. Novosibirsk, NSU, 2006, 149 p.

Grammatika altayskogo yazyka [Altai grammar]. Compiled by members of Altai Orthodox Mission. Kazan, 1869.

Ekeyev N. V. Etnicheskaya identichnost' altaytsev [Ethnic identity of the Altai people]. In: *Altaysy: Etnicheskaya isto-riya. Traditsionnaya kul'tura. Sovremennoye razvitiye* [Altai: an Ethnic history. Traditional culture. Modern development]. Gorno-Altaysk, Permyakov S. A., 2014, pp. 422–431.

Ekeyev N. V. Altaysy na rubezhe 20–21 vekov (k probleme sovremennykh etno-sotsial'nykh protsessov v Respublike Altay) [Altai at the turn of 20th–21st centuries (the problem of modern ethno-social processes in the Republic of Altai)]. In: Ekeyev N. V. *Altay: istoriya i kul'tura (Izbrannyye trudy)* [Altai: history and culture (Selected works)]. Gorno-Altaysk, OOO "Gorno-Altayskaya tipografiya", 2015, pp. 425–438.

Esling J. H. Phonetic Notation. In: *The Handbook of Phonetic Sciences. 2nd. ed.* W. J. Hardcastle, J. Laver, F. E. Gibbon (Eds.). Oxford, Wiley-Blackwell Publ., 2010, pp. 678–702.

Fisakova G. G. Soglasnye fonemy bachatsko-teleutskogo yazyka [Consonants phonemes of Bachat-Teleut language]. In: *Yazyki narodov Sibiri* [Languages of the peoples of Siberia]. Kemerovo, 1978, pp. 160–169.

Funk D. A. Teleuty. Glava 1. Obschie svedeniya [Teleuts. Chapter 1. General information]. In: *Tyurkskie narody Sibiri* [Turkic peoples of Siberia]. Moscow, Nauka, 2006, pp. 171–176.

Handbook of the International Phonetic Association: A guide to the use of the International Phonetic Alphabet. Cambridge, Cambridge University Press, 2007, 204 p.

Khudyakov Yu. S. Teleuty [Teleuts]. In: *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [Historical encyclopedia of Siberia]. Novosibirsk, Publishing House "Historical Heritage of Siberia", 2009, vol. 3, p. 249.

Ladefoged P., Johnson K. *A course in phonetics*. 6th ed.. Boston, Wadsworth, 2011, 323 p.

Ladefoged P., Maddieson I. *The sounds of the world's languages*. Oxford, Blackwell, 1996, 425 p.

Maruzo Zh. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, Izd. inostr. lit., 1960, 436 p.

- Merkur'yev K. V. Shumnye konsonanty yazyka bachatskikh teleutov [Noisy consonants of the language of Bachat Teleuts]. *Uchen. zap. Kemerov. gos. ped. in-ta*. Kemerovo, 1971, iss. 25, 1971, pp. 42–46.
- Merkur'yev K. V. Inventar' soglasnykh fonem i ikh distributsiya v yazyke bachatskikh teleutov [Inventory of consonant phonemes and their distribution in the language of Bachat Teleuts]. In: *Voprosy yazyka i literatury narodov Sibiri* [Questions of language and literature of the peoples of Siberia]. Novosibirsk, 1974, pp. 49–64.
- Merkur'yev K. V. *Bachatsko-teleutskiy konsonantizm* [Bachat-Teleut consonants]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Novosibirsk, 1975, 20 p.
- Merkur'yev K. V. Peredneyazychnye fonemy [t] i [t:] v yazyke bachatskikh teleutov [Frontlingual phonemes [t] and [t:] in the language of Bachat Teleuts]. In: *Yazyk bachatskikh teleutov* [Language of Bachat Teleuts]. Kemerovo, 1976, pp. 72–80.
- Merkur'yev K. V. Shumnye peredneyazychnye konsonanty [s] i [S] v yazyke bachatskikh teleutov [Noisy frontlingual consonant [s] and [S] in the language of Bachat Teleuts]. In: *Yazyki narodov Sibiri* [Languages of the peoples of Siberia]. Kemerovo, 1977, pp. 38–44.
- Molchanova O. T. *Toponimicheskii slovar' Gornogo Altaya* [Toponymic dictionary of the Gorny Altai]. Gorno-Altaysk, Gorno-Altaysk Branch of Altai Book Publ., 1979, 396 p.
- Nadelyaev V. M. *Proekt universal'noy unifitsirovannoy foneticheskoy transkriptsii (UUFT)* [The project of a Universal Uniform Phonetic Transcription (UUPhT)]. Moscow, Leningrad, 1960, 68 p.
- Nadelyaev V. M. K tipologii artikulyatsionno-akusticheskikh baz (AAB) [To the typology of articulatory-acoustic bases (AAB)]. In: *Foneticheskie struktury v sibirskikh yazykakh* [Phonetic structures in Siberian languages]. Novosibirsk, 1986, pp. 3–15.
- Radloff W. *Phonetik der nördlichen Türksprachen*. Leipzig, Weigel, 1882, XLV +, 318 p.
- Selyutina I. Ya. Foneticheskie issledovaniya yazykov Sibiri: itogi i perspektivy [Phonetic studies of Siberian languages: results and prospects]. In: *Yazykovaya situatsiya i kommunikativnye strategii obucheniya. Materialy Vseros. nauch.-metod. konf. (Novosibirsk, 29–31 yanvarya 2006 g.)* [Language situation and communicative learning strategies: Materials of All-Russian scientific and methodical conf. (Novosibirsk, 29-31 January 2006)]. Novosibirsk, 2006, pp. 20–36.
- Shcherba L. V. *Fonetika frantsuzskogo yazyka* [Phonetics of the French language]. Leningrad, 1937.
- Shestera E. A. Teleutskaya, khakasskaya i russkaya intonatsionnye sistemy: sravnitel'no-sopostavitel'nyy analiz [Teleut, Khakas and Russian intonation systems: a comparative analysis]. *Siberian Journal of Philology*. 2018, no. 2, pp. 251–263.
- Tokmashev D. M. O fonologicheskom statuse dolgikh soglasnykh v teleutskom yazyke [On the phonological status of long consonants in Teleut language]. In: *Mezhdunarodnaya konferentsiya "Lingvisticheskiy forum 2019: korennyye yazyki Rossii i mira". 4–6 aprelya 2019 g. Tezisy dokladov* [International Conference "Linguistic Forum 2019: Indigenous Languages of Russia and the World". 4–6 April 2019. Abstracts]. Moscow, 2019, pp. 195–196.
- Trakhterov A. L. *Angliyskaya foneticheskaya terminologiya* [English phonetic terminology]. Moscow, Izd. lit. na inostr. yaz., 1962, 352 p.
- Tybykova L. N. The Teleuts and their language. In: *Endangered Turkic Languages*. Ankara, Astana, International Turkic Academy, 2016, vol. 3, pp. 421–429.
- Urteshev N. S. Teleutskiy yazyk [Teleut language]. In: *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [Historical encyclopedia of Siberia]. Novosibirsk, Publishing House "Historical Heritage of Siberia", 2009, vol. 3, p. 248.
- Urteshev N. S. Teleutskiy yazyk [Teleut language]. In: *Yazyk i obshchestvo. Entsiklopediya* [Language and Society. Encyclopedia]. Moscow, Azbukovnik, 2016, pp. 483–487.
- Urteshev N. S., Selyutina I. Ya., Esenbaeva G. A., Ryzhikova T. R., Dobrinina A. A. Foneticheskie transkriptsionnye standarty UUFT i MFA: sistema sootvetstviy [Phonetic transcription standards UUPhT and IPA: correspondences]. In: *Uralo-altayskie issledovaniya* [Ural-Altai studies]. Moscow, 2009, no. 1, pp. 100–115.
- Zinder L. R. K voprosu ob artikulyatornoy baze [On the question of articulatory base]. In: *Eksperimental'no-foneticheskii analiz rechi* [Experimental-phonetic speech analysis]. Leningrad, 1984, iss. 1, pp. 8–12.
- Zinder L. R. *Obshchaya fonetika: Ucheb. posobiye. 2-e izd., pererab. i dop.* [General phonetics: Study guide. 2nd ed., rev. and enl.]. Moscow, Vyssh. shk., 1979, 312 p.

Н. С. Уртегешев

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

Аффрикаты в шорском языке

В результате детального анализа сложных шумных смычно-щелевых согласных шорского языка было выявлено два вида аффрикат – истинные (настоящие) и ложные. Исследование показало, что ложные аффрикаты не имеют фонологического статуса, фиксируются чаще на стыке морфем, в редких случаях в корне слова при словообразовании. Истинные аффрикаты в шорском языке представлены тремя фонемами [tʃː]₁, [tʃʰː]₂, [ʃː]₃, которые различаются по работе гортани и языка (основной конститутивно-дифференциальный признак), а также (дополнительные конститутивно-дифференциальные признаки) – по месту образования фокуса и активному артикулирующему органу, наличию / отсутствию фарингализации, наличию / отсутствию аспирации, наличию / отсутствию в инициальной позиции глухого взрывного ларингала и по работе надсвязочной части. Проведенный нами сопоставительный анализ с другими тюркскими языками и с древнетюркским языком памятников позволил сделать следующие выводы: 1) каждая из перечисленных аффрикат имеет соответствие в тюркских языках; 2) фонемы [tʃː]₁, [tʃʰː]₂ соотносятся с древнетюркской шипящей аффрикатой *ч, а [ʃː]₃ – с древнетюркским согласным *й.

Ключевые слова: тюркские языки, шорский язык, экспериментальная фонетика, артикуляция, акустика, консонантизм, сложные звуки, аффрикаты, свистящие, шипящие, экспиремдунные, сопоставление.

Шорский язык – это язык шорского народа, шорцев (*Шор кижилер*), исконно проживающих в северных предгорьях Алтая, в Кузнецком Алатау, вдоль реки Томи и ее притоков Мрас-Су и Кондомы на территории Кемеровской области, а также в Республике Хакасия, Алтайском крае.

Согласно классификации Н. А. Баскакова, шорский язык относится к хакасской группе *уйгуро-огузской* группы тюркских языков [Баскаков, 1960, с. 205].

Шорский язык в отличие от соседних сибирских тюркских языков имеет богатую консонантную систему [Уртегешев, 2002; 2004; Байыр-оол и др., 2018, с. 21–27], единицы которой в разной степени соответствуют согласным звукам в родственных языках.

В настоящей работе проанализируем сложные, с точки зрения образования преграды, звуки речи – аффрикаты.

Классически под аффрикатой понимают «...смычно-щелевой согласный звук. Разновидность смычных шумных согласных, при произнесении которых смычное

Уртегешев Николай Сергеевич – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; urtegeshev@mail.ru)

начало постепенно переходит в узкую щель, дающую фрикативный признак в исходе выдержки» [Трахтеров, 1962, с. 16].

В. М. Надеяев у сложных согласных (аффрикат) по основному способу образования преграды выделял *смычнощелевость* (смычка во второй фазе артикуляции с переходом в узкую щель в начале третьей фазы артикуляции; смычнощелевые), *щелиносмычность* (узкая щель с переходом в кратковременную смычку во второй фазе артикуляции; щелиносмычные) и *щелиносмычнощелевость* (узкая щель с кратковременной смычкой во второй фазе, размыкающейся в узкую щель в начале третьей фазы; щелиносмычнощелевые) [Надеяев, 1960, с. 9].

Согласно определению сложных согласных по В. М. Надеяеву в шорском языке можно выделить только смычнощелевые аффрикаты. Эти аффрикаты в шорском языке двух типов – истинные (настоящие) и ложные (аффрикатизированные, или выглядящие как аффрикаты). Истинные аффрикаты – фонологически цельные единицы, ложные – сложные звуки вторичного происхождения, обычно возникающие на стыке морфем при агглютинации словоизменительных аффиксов, в редких случаях при неаффиксальном словообразовании в результате аффрикатизации – фонологически разложимые на самостоятельные звуки.

Аффрикатизация – явление в шорском языке крайне редкое, напрямую связанное с позицией в слове, а также с комбинаторным окружением. По субъективным впечатлениям, в какой-то мере зависит от просодики словоформы и слогоделения. Чтобы проверить, насколько верно последнее предположение, в дальнейшем необходимо провести специальные исследования.

Возникновение аффрикатизации в шорском языке напрямую зависит от принадлежности слова к определенной части речи, а именно к глаголу. Поэтому данный тип ассимиляции согласных появляется в том случае, когда основа глагола оканчивается на глухой смычный согласный типа « t^c » – краткий нефарингализованный слабонапряженный орально-аспирированный II класса, а формирующий аффикс начинается со щелевого согласного I класса типа « s » – полудолгого нефарингализованного умереннонапряженного неаспирированного. При этом аспирированный согласный теряет свою придыхательность, а щелевой согласный приобретает узкощелевое (близкое к смычке) или слабосмычное начало и оральную аспирацию. Смычное начало щелевого, сливаясь со смычным типа « t », чередуется с долгим фарингализованным сильнонапряженным согласным III класса типа « t^h », а всё сочетание смычного « t^h » и начально-слабосмычного орально-аспирированного « s^c » образует долгую фарингализованную орально-аспирированную аффрикату « $t^h s^c$ », которую лучше передать сочетанием « $t^h t s^c$ », где первый смычный согласный – имплозивный, например:

айт – $\lambda^c t^c$ – ‘говорить (основа глагола)’ + -саң – $s \lambda^c$ – ‘побудительное наклонение = ед. ч., 2 л.’ \Rightarrow айтсаң – $\lambda^c t^c s^c \lambda^c \sim \lambda^c t^h t s^c \lambda^c$ – ‘скажи = пожалуйста’ (в данном примере помимо перечисленных выше изменений отмечается долгота у малошумного согласного j);

эт – $\lambda^c t^c$ – ‘делать (основа глагола)’ + -сең – $s^c \varepsilon$ – ‘побудительное наклонение = ед. ч., 2 л.’ \Rightarrow этсең – $\lambda^c t^c s^c \varepsilon \sim \lambda^c t^h t s^c \varepsilon$ – ‘сделай = пожалуйста’ (в данном примере помимо выше перечисленных изменений отмечается долгота препозитивного гласного).

Если основа глагола оканчивается на согласный III класса типа « t^h », а аффикс, как и в предыдущем случае, начинается со щелевого согласного I класса типа « s », ярко выраженной аффрикатизации констатируется крайне нерегулярно, и то лишь в беглой речи. Происходит чередование: щелевой согласный I класса типа « s » заменяется узкощелевым фарингализованным долгим с сильной степенью напря-

женности согласным типа «'s:», слитного сочетания как в предыдущем случае не констатируется, согласный «'t:» имеет слабовыраженный взрыв, например:

эрт – ?'з'т'т: – ‘проходить = мимо (основа глагола)’ + -сең – -s'εη – ‘побудительное наклонение = ед. ч., 2 л.’ ⇒ эртсең – ?'з'т'т:s'εη – ‘проходи = пожалуйста’.
Формула образования свистящей ложной аффрикаты:

Основа глагола	Словоизменительный аффикс	Результат
***t	+ -sVη	=> ***tsVη

Другой случай аффрикатизации в шорском языке связан с именем существительным. Он возникает в результате образования нового слова путем сложения основ, был зафиксирован в единственном слове:

тлаас t'ɬ'æ:s'c 'новость' <= тил t'c'ɬ' 'язык' + ?'λ'λ's'c 'рот'.

В результате получилась экспримендумная аффриката типа «tɬ».

Хочу еще раз подчеркнуть, что вторичные (ложные) аффрикаты фонематического статуса в исследуемом языке не имеют.

Истинные смычнощелевные звуки в шорском языке представлены шумными согласными, встречающимися с различной характеристикой по активному артикулирующему органу:

переднеязычные – «tɬ'c» [3] (**атчак** ?'λ'tt'c'ac' 'лошадка', **этчек** ?'э'tt'c'ε'c' 'мяско', **этчең** ?'эт'tt'c'εη' 'обязательно будет делать'), «tɬ'vc» [4] (**пейичек** p'c'ε'i' t'vc'ε'c' 'кобылка', **сугычак** 's:ú:ǰ'ǰ'tt'vc'ac' 'водичка', **карычак** q'ǰ'c'ǰ'tt'vc'ac' 'снежок', **айычак** ?'λ'c' t'vc'ac' 'луночка'), «dʒ'c» [5] (**кӧлчек** k'c'ǰ:l'dʒ'c'ε'c' 'озерцо', **эмчек** ?'э:m'dʒ'c'ε'c' 'домик', **аңчак** ?'λ:ηdʒ'c'ac' 'зверек', **малчак** m'λ:l'dʒ'c'ac' 'скотинушка');

передне-среднеязычные – «hɬ'c» [1] (**чык** hɬ'c'iq' 'сырость', **кече** k'ε'hɬ'c'ε'?' 'вчера', **мен чи** m'ε:n' hɬ'c'ɬ' 'а я?'), «hʒ'c» [2] (**ачын** ?'λ:hʒ'c'ɪn' 'жалеть', **ача** ?'λ:hʒ'c'a' 'дядя', **кичиг** 'k:i:hʒ'c'iy' 'маленький', **кече** k'ε'hʒ'c'ε'?' 'вчера');

передне-средне-межуточнoязычные – «'hɕ:» [6] (**чол** 'hɕ:ɔl' 'дорога', **чел** 'hɕ:ε:l' 'воздух'), «'hʃ:» [7] (**парбаанчам** p'λ:λ'p'λ:n'hʃ:a:m 'не ухожу=я').

Консонанты, рассматриваемые в данной работе, можно условно объединить как согласные **переднеязычно-среднеязычной артикуляции**.

Анализ распределения и сочетаемости шумных переднеязычно-среднеязычных смычно-щелевых согласных звуков с применением правил выделения фонем Н. С. Трубецкого [1960] с опорой на функциональные критерии позволили выделить три смычно-щелевых согласных фонемы: [hɬ'c]₁, [tɬ'c]₂, [hɕ:]₃ [Уртегешев, 2002, с. 184–210].

На основании проведенного всестороннего экспериментально-фонетического (соматического (рис. 1–3) и электронно-акустического [Fant, 1960]) исследования шумным переднеязычно-среднеязычным смычно-щелевым фонемам можно дать следующие определения.

$[\text{h}\text{ʃ}'\text{ʌ}]_1$ (см. рис. 1) – согласный статичный, с акустическим эффектом среднего ровного резонирования, шумный переднеязычно-среднеязычный смычно-щелевой умереннопалатализованный (по щелевому компоненту) умереннонапряженный нефарингализованный орально-неаспирированный полудолгий со сжимающейся надсвязочной частью. Реализуется в следующих основных оттенках: глухой « $\text{h}\text{ʃ}'\text{ʌ}$ » [1] и звонкий « $\text{h}\text{ʒ}'\text{ʌ}$ » [2].

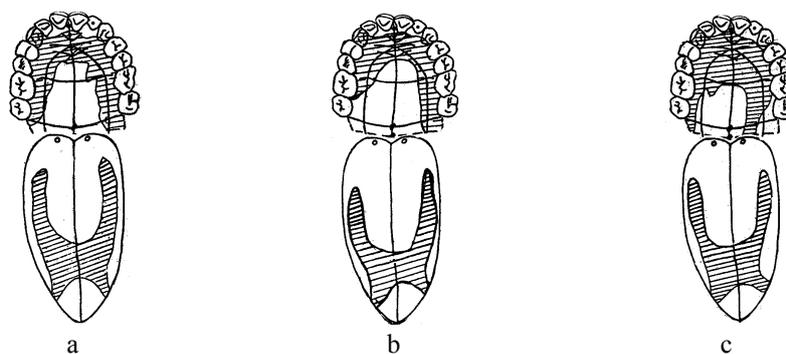

Рис. 1. Дентопалатограммы и лингвограммы звуков:

a – « $\text{h}\text{ʃ}'\text{ʌ}$ » в словоформе *chek* ‘вред’; *b* – « $\text{h}\text{ʃ}'\text{ʌ}$ » в слове *acha* ‘старший брат’;

c – « $\text{h}\text{ʒ}'\text{ʌ}$ » в словосочетании *po chi* ‘этот, что ли’

Fig. 1. Dentopalatograms and linguograms of sounds:

a – « $\text{h}\text{ʃ}'\text{ʌ}$ » in the word form *chek* ‘harm’; *b* – « $\text{h}\text{ʃ}'\text{ʌ}$ » in the word form *acha* ‘older brother’;

c – « $\text{h}\text{ʒ}'\text{ʌ}$ » in the word combination *po chi* ‘is that’

$[\text{t}\text{ʃ}'\text{ʌ}]_2$ (см. рис. 2) – согласный инъективно-эъективный, с акустическим эффектом высокого восходящего резонирования, шумный переднеязычный смычно-щелевой умереннопалатализованный слабонапряженный орально-аспирированный нефарингализованный краткий с разжимающейся надсвязочной частью. Реализуется в следующих основных оттенках: глухой « $\text{t}\text{ʃ}'\text{ʌ}$ » [3], полувзвонкий « $\text{t}\text{ʃ}'\text{ʌ}^{\text{c}}$ » [4] и звонкий « $\text{d}\text{ʒ}'\text{ʌ}$ » [5].

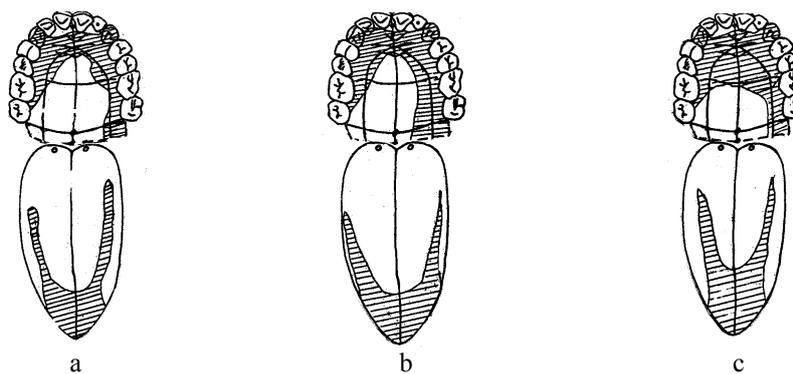

Рис. 2. Дентопалатограммы и лингвограммы звуков:

a – « $\text{t}\text{ʃ}'\text{ʌ}$ » в слове *erichек* ‘мужичок’; *b* – « $\text{t}\text{ʃ}'\text{ʌ}$ » в слове *atчақ* ‘лошадка’;

c – « $\text{d}\text{ʒ}'\text{ʌ}$ » в словоформе *emчек* ‘домик’

Fig. 2. Dentopalatograms and linguograms of sounds:

a – « $\text{t}\text{ʃ}'\text{ʌ}$ » in the word form *erichек* ‘little man’; *b* – « $\text{t}\text{ʃ}'\text{ʌ}$ » in the word form *atчақ* ‘horsie’;

c – « $\text{d}\text{ʒ}'\text{ʌ}$ » in the word form *emчек* ‘lodge’

[ʰɕ:]₃ (см. рис. 3) – согласный эйективно-инъективный, с акустическим эффектом низкого нисходящего резонирования, шумный переднеязычно-средне-межзубноязычный смычно-щелевой сильнонапряженный фарингализованный орально-неаспирированный долгий со сжимающейся надсвязочной частью с глухим смычным ларингалом в инициале. Реализуется в глухом и звонком оттенках: «ʰɕ» [6], «ʰj» [7].

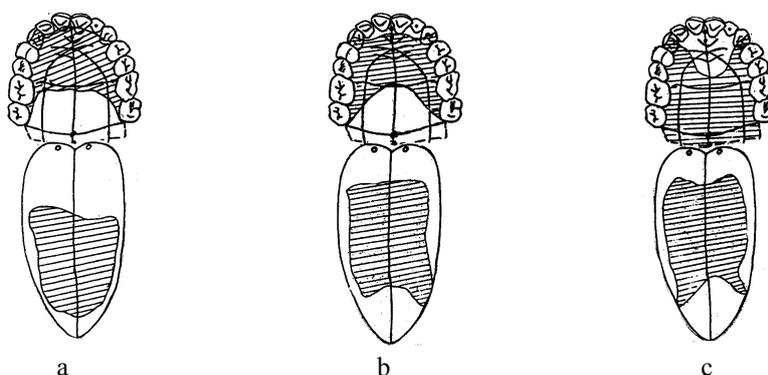

Рис. 3. Дентопалатограммы и лингвограммы звуков:

a – «ʰɕ» в словоформе *чан* ‘сторона’; b – «ʰɕ» в слове *чол* ‘дорога’;
c – «ʰj» в слове *келбеенча* ‘не идёт (сюда)’

Fig. 3. Dentopalatograms and linguograms of sounds:

a – «ʰɕ» in the word form *chan* ‘side’; b – «ʰɕ» in the word form *chol* ‘way’;
c – «ʰj» in the word form *kelbeencha* ‘not coming here’

Ниже приведены слова шорского языка, имеющие в своей звуковой оболочке смычно-щелевые переднеязычно-среднеязычные согласные в сравнении со словами других тюркских языков с той же семантикой:

[ʰɕʼ]₁ (см. рис. 1) – шор. *пичақ* (~ пычақ), тел., куман. *пычақ*, алт. *бычак* («пычақ»), хак. *пычах* («пыжах»), тур. *бычак*, т. е. соответствует древнетюркскому ч – **бычак* ‘нож’ [Серебренников, Гаджиева, 1986, с. 62–65]. Цепочка изменений для др.-т. *ч следующая: др.-т. *č* > *š* > *s* [Широбокова, 2005, с. 163]. В интервокальной позиции констатируется модификация в *ž*.

[ɕʼ]₂ (см. рис. 2) констатируется в нескольких наиболее частотных аффиксах, например: *-чақ* ~ *-чек* – уменьшительно-ласкательный аффикс [Чиспияков, 1992, 90-91]: шор., тел., куман. *палачақ*, кал. я. *балачақ*, алт. *балачак* («палачақ»), хак. *палачах* («палажах»). Фонема [ɕʼ]₂ – это древнетюркское ч [Серебренников, Гаджиева, 1986, с. 62–65], реализации которой в шорском языке в результате внутриязыковых фонетических процессов стали противопоставляться другим шипящим аффрикатам, таким образом приобретая статус самостоятельной единицы. Кроме того, ранее факультативный артикуляционно-акустический эффект аспирации стал второстепенным конститутивно-дифференциальным признаком [Уртегешев, 2002, с. 266]. Ослабление напряженности при артикулировании [ɕʼ]₂ привело к тому, что у этого класса аффрикат произошла смена активно артикулирующего органа: передне-средней части спинки языка на переднюю (ср. с [ʰɕʼ]₁ (см. рис. 1) и [ʰɕ:]₃ (см. рис. 3)).

[ʰɕ:]₃ (см. рис. 3) – шор. *чер*, алт., тел. *жер* («тьерь»), куман. *her* («тьерь»), кал. я. *ерь* ~ *йерь* ~ *дьерь* ~ *тьерь* ~ *черь* ~ *жьерь* ~ *джьерь*, башк. *ер* [Башкирско-русский словарь, 1996], т. е. соответствует древнетюркскому *j* – **jар* ‘земля’

[Серебренников, Гаджиева, 1986, с. 51–55], *jer* ‘земля’ [Древнетюркский словарь, 2016, с. 273]. Для данной аффрикаты предлагается следующая цепочка изменений: др.-т. $j > \check{z} > \check{c} > \check{s} > s$ [Широбокова, 2005, с. 163]. Исходя из наших наблюдений, сделанных на фонетическом материале современных тюркских языков, получается следующий ряд изменений: др.-т. $j > \check{h} > \check{h} > \check{c} > \check{z} > \check{s} > \check{z} > s$, параллельно – др.-т. $j > \check{h} > \check{h} > \check{c} > \check{s} > \check{z} > s$ и др.-т. $j > \check{h} > \check{h} > \check{c} > \check{z} > \check{z} > s$. Можно предположить, что в некоторых языках процесс трансформации пойдет дальше: $s > h > ?$.

Таким образом, в шорском языке можно выделить два вида аффрикат – истинные и ложные. Ложные аффрикаты не имеют фонологического статуса, фиксируются чаще на стыке морфем, в редких случаях в корне слова при словообразовании.

Истинные аффрикаты в шорском языке представлены тремя фонемами $[\check{h}\check{s}'^c]_1$, $[\check{t}\check{s}'^c]_2$, $[\check{h}\check{s}:]_3$, которые различаются по работе гортани и языка (основной конститутивно-дифференциальный признак), а также (дополнительные конститутивно-дифференциальные признаки) по месту образования фокуса и активному артикулирующему органу, наличию / отсутствию фарингализации, наличию / отсутствию аспирации, наличию / отсутствию в инициальной позиции глухого взрывного ларингала и по работе надсвязочной части.

Каждая из вышеперечисленных аффрикат имеет соответствие в других тюркских языках, а также в древнетюркском языке. Фонемы $[\check{h}\check{s}'^c]_1$, $[\check{t}\check{s}'^c]_2$ соответствуют древнетюркской шипящей аффрикате *ч, а $[\check{h}\check{s}:]_3$ – древнетюркскому *й.

Список литературы

- Байыр-оол А. В., Кошкарева Н. Б., Мальцева А. А., Невская И. А., Озонова А. А., Панин Е. С., Селютина И. Я., Уртегешев Н. С., Федина Н. Н., Шагдурова О. Ю., Шамина Л. А., Широбокова Н. Н.* Сложность языков сибирского ареала в диахронно-типологической перспективе / Отв. ред. А. А. Мальцева. Новосибирск: Академ. изд-во «Гео», 2018. 422 с.
- Баскаков Н. А.* Тюркские языки. М.: Изд-во вост. лит., 1960. 248 с.
- Башкирско-русский словарь* / Отв. ред. З. Г. Ураксин. М.: Дигора, 1996. 881 с.
- Древнетюркский словарь* / Под ред. Д. М. Насилова, И. В. Кормушина, А. В. Дыбо, У. К. Исабековой. 2-е изд., пересмотр. Астана: «Гылым» баспасы, 2016. 760 с.
- Наделяев В. М.* Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ). М.; Л., 1960. 64 с.
- Серебренников Б. А., Гаджиева Н. Э.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М., 1986. 304 с.
- Трахтеров А. Л.* Английская фонетическая терминология. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1962. 352 с.
- Трубецкой Н. С.* Основы фонологии. М., 1960.
- Уртегешев Н. С.* Шумный консонантизм шорского языка (на материале мрасского диалекта). Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2002. 304 с.
- Уртегешев Н. С.* Малошумный консонантизм шорского языка (на материале мрасского диалекта). Новосибирск: ИД «Сова», 2004. 240 с.
- Чистяков Э. Ф.* Учебник шорского языка. Кемерово: Кемеров. кн. изд-во, 1992. 318 с.
- Широбокова Н. Н.* Отношение якутского языка к тюркским языкам Южной Сибири. Новосибирск: Наука, 2005. 269 с.
- Fant G.* Acoustic Theory of Speech Production. The Hague: Mouton, 1960.

Список сокращений

Алт. – алтайский язык; **башк.** – башкирский язык; **др.-т.** – древнетюркский язык; **ед. ч.** – единственное число; **кал. я.** – калмаков язык; **куман.** – кумандинский язык; **л.** – лицо; **тел.** – телеутский язык; **хак.** – хакасский язык; **шор.** – шорский язык.

N. S. Urtegeshev

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation, urtegeshev@mail.ru*

Affricates in the Shor language

The Shor language, unlike the neighboring Siberian Turkic languages, has a well-developed consonant system, which has been revealed to be the result of the superimposition of the Turkic superstrate on the Ket substrate. In this paper, we consider the Shor consonants, which are complicated by their barrier formation, noise occlusive-fricative or affricates. A detailed analysis of this type of sounds made it possible to divide them into two groups – true (real) and false (affricated or looking like affricates). Some cases of the formation of false affricates and their functioning in the speech were shown. The analysis of the true noise affricates distribution and compatibility (in accordance with the N. S. Trubetskoj's rules of phoneme discrimination based on the functional criteria) allowed us to identify three occlusive-fricative consonant phonemes: [hʃ.ʹ]₁, [tʃ^c]₂, [ʰtʃ.ʹ]₃. Based on a comprehensive experimental-phonetic study, a detailed definition was given to each noise frontlingual-mediolingual affricate phoneme. Further research enabled comparing the words of the Shor language, which have in their sound form consonants under consideration, with the words of other Turkic languages with the same semantics. To summarize, each of the affricates concerned was found to have its correspondence in other Turkic languages, as well as in the old Turkic language. The phonemes [hʃ.ʹ]₁, [tʃ^c]₂ correspond to the old Turkic hissing affricate *h, and [ʰtʃ.ʹ]₃ – to the old Turkic *j.

Keywords: Turkic languages, Shor language, experimental phonetics, articulation, acoustics, consonants, complex sounds, affricates, whistling, hissing, experimentum, comparison.

DOI 10.17223/18137083/69/18

References

- Bayyr-ool A. V., Koshkareva N. B., Mal'tseva A. A., Nevskaya I. A., Ozonova A. A., Panin E. S., Selyutina I. Ya., Urtegeshev N. S., Fedina N. N., Shagdurova O. Yu., Shamina L. A., Shirobokova N. N. *Slozhnost' yazykov sibirskogo areala v diakhronno-tipologicheskoy perspective* [Complexity of languages of the Siberian area in diachronic-typological perspective]. A. A. Mal'tseva (Ed.). Novosibirsk, Akadem. Publ. "Geo", 2018, 422 p.
- Baskakov N. A. *Tyurkskie yazyki* [Turkic languages]. Moscow, Izd. vost. lit., 1960, 248 p.
- Bashkirsko-russkiy slovar'* [Bashkir-Russian dictionary]. Z. G. Uraksin. (Ed. in ch.). Moscow, Digora, 1996, 881 p.
- Chispiyakov E. F. *Uchebnik shorskogo yazyka* [Textbook of Shor language]. Kemerovo, Kemerovo Publ., 1992, 318 p.
- Drevnetyurkskiy slovar'. 2-e izd., peresmotr.* [Old Turkic dictionary. 2nd ed., rev.]. D. M. Nasilov, I. V. Kormushin, A.V. Dybo, U. K. Isabekova (Eds). Astana, Nauka, 2016, 760 p.
- Fant G. *Acoustic Theory of Speech Production*. The Hague, Mouton, 1960.
- Nadelyaev V. M. *Proekt universal'noy unifitsirovannoy foneticheskoy transkriptsii (UUFT)* [The project of a universal uniform phonetic transcription (UUPhT)]. Moscow, Leningrad, 1960, 64 p.
- Serebrennikov B. A., Gadzhieva N. E. *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov* [Comparative-historical grammar of Turkic languages]. Moscow, 1986, 304 p.

Shirobokova N. N. *Otnoshenie yakutskogo yazyka k tyurkskim yazykam Yuzhnoy Sibiri* [The relation of the Yakut language to the Turkic languages of southern Siberia]. Novosibirsk, Nauka, 2005, 269 p.

Trakhterov A. L. *Angliyskaya foneticheskaya terminologiya*. Moscow, Izd. lit. na inostr. yaz., 1962, 352 p.

Trubetsky N. S. *Osnovy fonologii* [Fundamentals of phonology]. Moscow, 1960.

Urtegeshev N. S. *Shumnyy konsonantizm shorskogo yazyka (na materiale mrasckogo dialekta)* [Noisy consonantism of the Shor language (on the material of the Mras dialect)]. Novosibirsk, NSU, 2002, 304 p.

Urtegeshev N. S. *Maloshumnyy konsonantizm shorskogo yazyka (na materiale mrasckogo dialekta)* [Low-noise consonantism of the Shor language (on the material of the Mras dialect)]. Novosibirsk, Sova Publ., 2004, 240 p.

А. Е. Аникин

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

Из истории сибирских и других русских слов, связанных с водным транспортом*

Выясняются или уточняются происхождение и основные эпизоды исторической географии русских диалектных слов *дбра* 'вид плоскодонной лодки', *бар* 'место в море, где останавливается пароход', *бинет* 'парусная пристежка', *бет* 'бревно, которое кладется поперек барки', *битис*, *битезь* 'вид ветра на Байкале', *матка* 'старинный компас', *дбня* 'ребро в дне лодки' и др. В частности, при рассмотрении слова *матка* предпочтение отдается финско-карельскому этимону *matka* 'путь, дорога, путешествие, направление'. Скорее всего, исходным значением рус. *матка* и было 'направление'.

Ключевые слова: русская лексика, названия лодок, судов и их частей, этимология, география слов.

Статья завершает серию публикаций [Аникин 2017; 2018], посвященных происхождению и истории русских, в том числе русско-сибирских, обозначений судов (морских и речных) и лодок. В настоящей статье критерии отбора материала несколько изменены: речь пойдет о некоторых названиях не только судов и лодок, но также отдельных их частей (паруса, компас), а также объектов, связанных с локализацией судна (стоянка), названия ветров (что особенно существенно для парусников). В целом в статье при отборе материала сохраняется сибирский вектор, но привлекаются и диалектные, а также старорусские слова, которые в Сибири не засвидетельствованы. При этом следует учесть ранее уже высказывавшееся соображение, что в лексикон русских первопроходцев и ранних русских насельников Сибири могли входить великорусские слова, некоторое время бытовавшие в Сибири, но по разным причинам не закрепившиеся там и не оставившие следов своего существования ни в памятниках письменности, ни в говорах.

Рассматриваются слова, относящиеся к разным периодам истории водного транспорта в России, особенно важно разделение допетровской и (после)петровской эпох.

* Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

Аникин Александр Евгеньевич – академик РАН, заведующий сектором русского языка в Сибири Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; alexandr_anikin@mail.ru)

Таким образом, статья содержит наблюдения по исторической лексикологии, точнее, по истории нескольких русских слов, принадлежащих к определенной тематической группе, а именно к лексике, относящейся к водному транспорту, а также к связанной с ним географической терминологии. Эти наблюдения посвящены главным образом происхождению слов, устанавливаемому на фоне сведений об истории использования плавательных средств при колонизации обширных пространств Севера и Сибири. Часть наблюдений связана с этой тематикой лишь косвенно, но может представлять интерес для истории русской лексики. В статье используются сведения о литературной истории слов.

Предваряя конкретные лексикологические наблюдения, следует также учесть важное соображение общего характера, высказанное в свое время П. Авери и нередко используемое в Русском этимологическом словаре [РЭС, 2007–]. В пору становления русского флота в Петровскую эпоху (конец XVII – начало XVIII в.) из голландского и английского языков русским усваивались термины корабельного флота, терминология же галерного (гребного, шхерного) флота складывалась в основном на итальянской основе [Avery, 1981, p. 72–93], что видно уже по слову *галера* < итал. *galera*. Относящаяся к указанной эпохе (и более раннему времени) русская терминология итальянского происхождения была весьма многочисленной. Подавляющее большинство этих слов ушло в прошлое, но некоторые сохранились. Небольшая часть этого материала затрагивается в настоящей статье.

1. Дора

Это название разновидности лодок встречается в архангельских говорах: *дóра* ‘небольшая плоскодонная лодка с широкой кормой’ [СРНГ, вып. 8, с. 130], *дóрка* ‘большая плоскодонная лодка с высокими бортами для выхода в море’ [АОС, вып. 11, с. 457, 462; СГРС, вып. 3, с. 253]. Оно используется современными писателями¹: в рассказах Ю. Казакова о жизни архангельских и мурманских рыбаков: ... *дора обходит с кормы*; у В. Голованова в повествовании на фоне Баренцева моря: *на доре... пройти морем до западного берега*. Художественная литература дает и свидетельство того, что слово встречается в Сибири, хотя в словарях сибирских говоров оно как будто отсутствует: *Мы плывем по Байкалу на старом рыбацком корыте с мотором, называется «дора»* (Г. Николаев)². Указаний на принадлежность лексической единицы традиционной, диалектной лексике Сибири приведенный текст не дает. Речь идет, скорее всего, о слове, принесенном в Сибирь (на Байкал) в XX в., вероятно, уже после войны новыми русскими поселенцами.

При ответе на вопрос о происхождении этого слова до сих пор был дан, насколько известно автору этих строк, лишь один ответ: оно расценено, правда, в виде предположения, как рефлекс праслав. **dora* ‘щель, трещина’, ‘яма’ [SP, t. 4, s. 111]. В этом случае название лодки *дора* было бы родственно рус. *драть* и близкой лексике. Однако сравнение названия лодки с праслав. **dora* и рус. *драть* явно страдает приблизительностью, во всяком случае оставляет место для других объяснений.

Скорее всего, рассматриваемое рус. *дóра* является проникшей в XX в. в русский язык, в том числе в диалектную речь, адаптацией широко известного по всему миру названия рыбацкой лодки, которое в неадаптированном виде выглядит по-русски как *допи*³. Источником заимствования послужило, видимо, англ. (США) *dory* (*dorey*) ‘морская плоскодонная гребная лодка’ неясного происхожде-

¹ Цит. по Национальному корпусу русского языка [НКРЯ].

² См. [НКРЯ].

³ <https://ru.wikipedia.org/wiki/Дори>.

ния. Это слово известно с XVIII в., получило распространение в середине XIX в. в Северной Атлантике при промысле трески. Сотни шхун выходили из портов Новой Англии (на северо-востоке США) в океан, неся на борту до 50 лодок *dori*. Далеко от берегов лодки спускали на воду, в каждую садились один-два рыбака, позднее те же лодки с уловом поднимали на борт шхун⁴. Из английского слово заимствовано также в нем. *Dory (Doriboot)*, франц. *doris* (< англ. *dories* мн.), норв., швед. *doris* и др. [ODEE, p. 285].

2. Бар

Слово *бар* засвидетельствовано в архангельских говорах в значениях 'глубокое место в море, где останавливается пароход' [СРНГ, вып. 2, с. 112] и 'стоянка морских судов в устье реки' [СГРС, вып. 1, с. 58]. В ЭССЯ [вып. 1, с. 160] оно отнесено к праслав. **barъ* 'топь, болото' наряду с рус. диал. *бар* 'болото, место, не пригодное для хозяйственных целей', укр. диал. *бар* 'сырое место между холмами' и др., но очень похоже на то, здесь имеет место лишь случайное сходство. Предложенное в ЭССЯ объяснение сомнительно. Рассматриваемый диалектизм, относящийся к устью реки, следует отождествить с известным географическим термином *бар* 'песчаная подводная отмель в устье реки, отгораживающая реку от моря'.

В русский язык этот термин, известный у нас с 1741 г. [СлРЯ XVIII, вып. 1, с. 139], пришел, видимо, через посредство англ. *bar* и/или швед. и норв. *bar* 'отмель, бар', далее из франц. *barre* 'мель у входа в порт, устье реки' < ст.-франц. *barre* 'преграда' [Фасмер, т. 1, с. 122]. Из французского через посредство англ. *bar* (эллипсис названия *bar-room* 'разновидность кабаре в американском стиле') в значении 'барьер перед стойкой, где подают выпивку' усвоено и рус. *бар* в значении 'стойка для выпивки и закуски; небольшой ресторан с такой стойкой'.

Сдвиг значения 'отмель, бар' > 'глубокое место в море', отраженный в диалектных словарях, обусловлен метонимией: морские суда, которые не могут пройти через речной *бар*, могут остановиться на ближайшем глубоком месте.

В диалектную речь поморов слово пришло от моряков дальнего плавания. Оно, естественно, использовалось и в плавании по северным морям, прилегающим к Сибири: *бар Индигирки* и под. Но сибирские диалектные словари этого географического термина как будто не знают.

3. Бинёт

Засвидетельствованное в говорах Беломорья слово *бинёт* значит 'парусная пристежка, прибавочная парусная полоса на лодьях' [Даль, т. 1, с. 87; СРНГ, вып. 2, с. 292]. В словаре Фасмера оно отсутствует. Речь идет, собственно, об узком парусе, который в хорошую погоду пристегивали к нижней части парусов для увеличения их площади.

По всей вероятности, рассматриваемое слово следует отождествлять с рус. уст. *боннет*, *бенет*, *банета*, *бонé* 'колпак', также 'маленький парус, приставляющийся снизу к большому' [СлРЯ XVIII, вып. 2, с. 109], которое происходит из франц. *bonnet*, уменьш. *bonnette* 'колпак, чепчик', известное и как название добавочного паруса. Но архангельский диалектизм, вероятно, усвоен не прямо из французского, откуда заимствованы также голл. *bonnet*, ср.-н.-нем. *bonnet*, *bonnit* в тех же значениях [NEW, p. 76]. Гласный первого слога в рус. форме *бинёт*, *бенет* можно объяснить посредством типа н.-нем. *Beneet*, *Pinnet* XVII в. [Kluge, 1911, S. 116] или похожей голландской формы.

⁴ http://www.barque.ru/projects/1976/marine_rowboat_dori.

Слово могло быть известно в Сибири, но подтверждений этому нет.

Франц. *bonnet* относится к семье романских слов недостаточно ясного происхождения, куда относятся также исп. *boneta* ‘добавочный парус’, итал. *boneta*. Рус. уст. *бонета* [Avery, 1981, p. 81] является одним из остатков русской морской терминологии итальянского происхождения, в отличие от германизма *бинёт*.

4.1. Беть, бетинг, битс

В «Житии» протопопа Аввакума, в повествовании о злоключениях, которые мученик-протопоп претерпел от воеводы Аф. Пашкова во время плавания по Ангаре, встречается слово *беть*, обозначающее часть судна. Оно появляется в следующем контексте: *И он велѣлъ меня в казенной дощеникъ оттащить: сковали руки и ноги и на беть кинули* 1673 [СлРЯ XI–XVII, вып. 1, с. 182]. Слово появляется и в сибирских памятниках XVIII в.: *дощаник... в ширину по бете полтрет[ь]и сажени* [Панин, 1991, с. 11].

Попутно следует заметить, что упомянутое Аввакумом название старинного судна *дощаникъ* (*дощеникъ*), которое было хорошо известно в Сибири, образовано с помощью суффикса *-ик* от др.-рус. *дъщаныи*, также *тищаныи* (*тищанъ*) ‘досчатый’ [Срз., т. 1, с. 763; т. 3, с. 1060], рус. *дощаной*, *досчаной* ‘сделанный из досок’ [Даль, т. 1, с. 476], *дощаньи* (*досч-, -ой*) ‘то же’ [СлРЯ XVIII, вып. 6, с. 247] – из праслав. **dъščanъ(jь)* ‘то же’ (от **dъska* ‘доска’), откуда и субстантивированное ст.-рус. *дощанъ* (*дъщанъ*, *дищанъ*, *тищанъ*, *чанъ* и др.) ‘чан, кадь, бочка’ [SP, т. 5, с. 170]. Словом *дощаник* обозначали также ящик, ларь, сколоченный из досок.

Упоминание слова *беть* у Аввакума оказывается наиболее старшей письменной фиксацией этого слова. Оно хорошо сохранилось в севернорусских говорах: *беть* ‘поперечная скрепа барок; бревно, которое кладется с борта на борт’ [Даль, т. 1, с. 85], ‘доска в средней части лодки в виде скамейки с отверстием в середине для закрепления мачты’ Южное Поморье, онеж., *бѣтова нашесть* ‘доска в средней части лодки, на которой укрепляется парус’ арх. [СРНГ, вып. 2, с. 284], *беть, -и* ‘массивная распорка в центре лодки с отверстием, в которое вставляется мачта’ арх., волог., *бѣдь, бѣть* ‘то же’ арх. [СГРС, вып. 1, с. 85, 111, 249], *беть* ‘поперечное крепление в лодке с отверстием для мачты’, ‘скамья в середине лодки’ низовья Печоры [СлНПеч, вып. 1, с. 32], *бѣтины* мн. ‘поперечные балки в середине лодки, служащие упором для ее бортов’ пск. [ПОС, вып. 1, с. 197].

На значительную степень адаптации слова (заимствованного, см. ниже) указывает его перенос из сферы судостроения в домостроительную: волог. *беть* ‘поперечное бревно – распорка в основании крыши подсобных помещений (гумна, овина, сарая)’, волог. *бѣти* мн. ‘настил из жердей под крышей гумна, овина, на котором обычно сушат горох’ [СГРС, вып. 1, с. 111].

Как видно уже по цитированному тексту из «Жития» Аввакума, слово *беть* было известно в Сибири, но, видимо, лишь на ранних стадиях русского освоения, в XVII–XVIII вв., позднее оно как будто не встречается.

Несмотря на то что самая ранняя фиксация слова *беть* относится лишь к XVII в., оно является, по всей видимости, одним из старых русских заимствований скандинавского происхождения, к которым принадлежат, в частности, существительные *варяг*, *берковец* ‘мера веса’ (только др.-рус.), *вѣтязь*, *вѣрвань* ‘жир рыб и морских животных’, *кнут*, *ларь*, *пуд*, *сельдь*, *ябедник*, *ябеда*.

Предполагается исходное др.-рус. **бѣть* < др.-сев. *biti* ‘палубная, поперечная балка’, ср. исл. *biti* ‘перекладина, балка на рыбацком судне, поддерживающая палубу’, в сходных значениях также др.-швед., др.-гутн. *biti* [Meуer, 1928, S. 142–144; Thörnqvist, 1948, S. 24–25, 112, 266; Фасмер, т. 1, с. 162]⁵. Рус. *беть* ‘распор-

⁵ См. также [Черных, т. 1, с. 88], где, однако, *беть* ошибочно дается в статье *бечевá*.

ка в центре лодки с отверстием, в которое вставляется мачта', совпадает по значению с древнесеверным сложением *siglubiti* 'поперечная балка, через которую на малых судах проходит мачта' (*sigla* 'мачта').

В отношении гласной первого слога в слове *беть* < др.-рус. **бѣть* приводят аналогии типа рус. *сельдь* < др.-рус. **сьлдь* < др.-сев. *sild*, *sild* [Thörnqvist, 1948, S. 24; 266; Фасмер, т. 3, с. 597].

Весьма поздняя старшая письменная фиксация слова *беть* (у Аввакума) скорее всего случайность. Терminus ante quem заимствования слова *беть* – XII в., при освоении Беломорья новгородскими колонистами, но не исключено и заимствование в более раннюю эпоху [Thörnqvist, 1948, S. 112]. Та же этимология, что и у рус. *беть*, также у саам. *bihitta* 'беть (в лодке)' [Ibid., S. 25].

Для географии слова существенно известное с XIV в. франц. *bitte* 'якорный битенг (тумба для швартовки судна)' скандинавского происхождения. Во французский язык слово попало от норманнов (тех же варягов), через Нормандию, из того же источника, что для рус. *беть*, т. е. из др.-сев. *biti*. Из французского слово попало на юг Европы: итал. *bitta*, исп. *bita* и др. [ML, S. 99].

Др.-сев. *biti* восходит к герм. **bit-*, с которым связаны корабельные термины н.-нем., голл. *beting*, уст. *beeting*, откуда нем. *beting*, швед. *beting*, норв. *beiting*, датск. *bedding*, из голландского – рус. *битенг* 'стойка, надолба; лежачий брус, врубленный в две бревенчатые стойки (бабки, кнехты), для закрепки снастей, особенно для якорного каната' [Даль, т. 1, с. 88], *битенг* 'брус на палубе, за который крепится якорный канат' 1724 [СлРЯ XVIII, вып. 2, с. 25–26]. Название палубной балки по метонимии перешло на кнехты или стойки для закрепления снастей.

Из нижненемецкого и голландского происходит также англ. *bits* мн. 'парные стойки, кнехты на палубе (для закрепления тросов)' [Meulen, 1909, p. 30–31; 1959, p. 16; Фасмер, т. 1, с. 169; ODEE, p. 97]. Уже из английского в XIX в. усвоено рус. *битс* 'стойка под палубой' [Даль, т. 1, с. 88], осмысленное в русском как форма единственного числа, подобно рус. *рельс* < англ. *rails* мн. и под.

Наряду с указанным *беть* в значении балки-скрепы на барках и дощаниках существует рус. *беть* 'род нижнего рея, на лодьях и шняках, растягивающего исподние углы паруса' арх. [Даль, т. 1, с. 85; СРНГ, вып. 2, с. 284]. Это слово, возможно, тоже из др.-сев. *biti*, но в незасвидетельствованном значении типа 'рея', ср. в отношении семантики др.-сев. *áss* 'балка', но также 'рея, служащая для растягивания паруса'. Эта рея использовалась при плавании в бейдевинд⁶ и называлась поэтому *beitiáss*, др.-швед. *bētās*. Е. Мейер допускала заимствование *беть* 'род реи' из др.-сев. **beit* или **beiti* 'рея, служащая для плавания в бейдевинд', которое в связанном виде содержится в слове *beitiáss* [Meyer, 1928, S. 143–144; Thörnqvist, 1948, S. 25–26].

Помимо *беть* в указанных значениях существует рус. *беть* в значении 'бейдевинд' арх., *красная беть* 'полный бейдевинд или почти полветра', *крутая беть* 'курс как можно ближе к ветру' арх. [Даль, вып. 1, с. 85], 'буря на море' арх. [СРНГ, вып. 2, с. 284]. Возможное тождество с названием реи подтверждается семантической параллелью в рус. *галс* 'курс судна относительно ветра' < 'канат для крепления нижних концов паруса' < голл. *hals* [Meyer, 1928, S. 143–144; Фасмер, т. 1, с. 389; Thörnqvist, 1948, S. 221–222].

⁶ Ср. рус. *бейдевинд* 'курс, путь, бег судна сколь можно ближе к ветру': *идти в бейдевинд* 'идти под парусами круто, вкруть' [Даль, т. 1, с. 80], 'курс корабля под углом к направлению ветра' 1751 [СлРЯ XVIII, вып. 1, с. 191] – из голл. *bij de wind* 'по ветру (идти под парусом)' [Meulen, 1909, p. 32–33; 1959, p. 17], ср. также н.-нем. *bi de(n)wind*, нем. *bei dem Wind*, датск., норв. *bidevind*, швед. *bidevind*, англ. *by the wind* 'по ветру (рядом с ветром)'.

4.2. Битис

Речь идет о названии одного из ветров на Байкале: *бѳитис*, *бѳитезь* ‘покачень, боковик (ветер)’ байк., ‘галфвинд, полветра, боковой ветер’ [Даль, т. 1, с. 88], *бѳитезь* ‘ветер, дующий над Байкалом под углом к его берегам’ ирк., *битись*, *битезь* байк. [СРНГ, вып. 2, с. 297]. Предполагается, что слово занесено в Сибирь носителями северно-русских говоров, но в самих этих говорах не сохранилось.

Слово явно заимствованное. Источник усматривается в упомянутом выше (см. 4.1) др.-сев. *beitiáss*, ср. др.-швед. *bēiās* ‘рея, служащая для растягивания паруса (при плавании в бейдевинд). Название реи, позволяющей за счет растягивания паруса плавать в бейдевинд, могло быть перенесено на сам ветер [Meyer, 1928, S. 143–144; Thörnqvist, 1948, S. 25–26; Фасмер, т. 1, с. 169]. Сомнения вызывает большой пространственно-временной разрыв между словом и его этимологом, не вполне понятна и фонетическая сторона.

5. Матка

В современном литературном языке хорошо известно слово *кѳмпас*, на профессиональном жаргоне моряков – *кѳмпас*. Последняя форма сохраняет старое ударение слова, заимствованного в Петровскую эпоху из голл. *kompás* [Meulen, 1909, p. 106; Unbegaun, 1957, p. 179], а не из итал. *compasso* ‘циркуль’, вопреки М. Фасмеру [Фасмер, т. 2, с. 305; ЭСРЯ МГУ, вып. 2/8, с. 239]. В русской терминологии галерного флота существовал реальный итальянизм *бѳуссола* < итал. *bussola* ‘компас’ [Avery, 1981, p. 82]. Для варианта *бѳуссоль* ‘геодезический прибор для определения азимутов; прибор у артиллеристов’, *бѳусоль* [Даль, с. 1, с. 145] предполагают посредство франц. (< итал.) *boussole* [Фасмер, т. 1, с. 251], возможно французское влияние на заимствование из итальянского.

Существовало вместе с тем народное название компаса, которое некогда относилось к этому прибору в его более раннем облике. Оно иногда встречается и в русской литературе, например, у П. И. Мельникова-Печерского (см. [НКРЯ]). Старинный компас, сохранявшийся у поморов до конца XIX в., был важной реалией их плаваний, в том числе плаваний на восток, откуда наличие слова в русских говорах крайнего Северо-Востока, не только в северно-русских: *матка* ‘компас (самодельный, у рыбаков и охотников)’ камч., сиб., Алеутские острова, Курилы, сев.-рус. [СРНГ, вып. 7, с. 32], *мáтка*, уменьш. *мáточка* ‘небольшой первобытного устройства компас у поморов’ арх. [Подвысоцкий, 1885, с. 88], *матка* ‘деревянный компас (у жителей побережья Белого моря)’: *две матки лодейные* 1666; *куплено на домовые лод<ь>и и на кочи четыре матки болиих в деревянных ставках* 1695 [СлРЯ XI–XVII, вып. 9, с. 46], *matka* ‘компас’ Холмогоры, 1618–1619 гг. [Ларин, 1959, с. 143, 237].

Упоминания компасов-маток (в том числе магнитных) в относящихся к поморам старорусских документах весьма многочисленны. Магнитная матка представляла собой коробочку, в центре которой на шпильке находилась намагниченная игла. О таких компасах говорится во многих архивных документах, относящихся к поморам. Например, в приходно-расходных книгах Соловецкого монастыря за 1645 г. сказано, что монастырь *купил лодейных восемь маток*. В 1678 г. для путешествия на лодье промышленника Семена Тарабакина Антониево-Сийский монастырь *купил лодейную матку-вставку для морского пути*. Компасы, по-видимому, изготавливались в Холмогорах, где начинался Мангазейский морской ход – путь морем на восток. Применять магнитный компас поморы начали весьма рано. *Матки* были на судах Ивана Ерастова, совершившего в 1636–1640 гг. поход на Индигирку, и на кочах Семена Дежнева, когда он в 1648 г. обогнул Чукотский полуостров и открыл пролив между Азией и Америкой [Корякин, Хребтов, 1994, с. 100].

С этим старинным названием компаса, по всей вероятности, связано и старое название Новой Земли – *Матка*, о чем писали еще в XIX в. А. Подвысоцкий в своем словаре архангельских говоров предполагал, что архипелаг назван *Маткой*, возможно, потому, что в такое дальнее плавание, как плавание до Новой Земли, «опасно плавать без матки» [Подвысоцкий, 1885, с. 88]. От уменьшительного *маточка* происходит название Новоземельского пролива *Маточкин Шар*⁷.

Неоднократно отмечалось, что наиболее вероятным этимологом рус. *матка* является фин., карел. *matka* ‘путь, дорога, путешествие, направление’. Скорее всего, исходным значением рус. *матка* ‘вид компаса’ и было ‘направление’. В пользу данной этимологии свидетельствует севернорусское выражение *матку держи на матеру* ‘держи курс на сушу’ [Кожеватова, 1997]. Согласно А. И. Попову, в случае с рус. *матка* < п.-фин. *matka* произошло не заимствование, а «присвоение» исконно русскому *матка* ‘мать’ новой семантики дополнительно к прежней [Попов, 1957, с. 60–61]. По существу, это народная этимология, но она действует в данном случае в условиях полного совпадения в звучании русского и карело-финского слова. От заимствованного слова образован дериват *маточник* ‘матка, компас’ (XVII в.), совпадающий с дериватом от исконного *матка* – *маточникъ* в значении ‘матрица, форма для отливки монет’ XVII в. [СлРЯ XI–XVII, вып. 4, с. 46]. *Маточникъ (матошникъ)* в качестве названия компаса в некоторой степени потеснил производящее *матка* [Unbegaun, 1957, p. 182].

Можно предположить, что заимствованное название матки-компаса (направления) – эвфемизм при обозначении жизненно важного для плавания по морю предмета, объекта, так как ошибка в ориентировании, выборе направления движения чревата гибелью.

Поморы, по всей вероятности, совершали дальние плавания (на Грумант-Шпицберген и Новую Землю) еще до знакомства с компасом с магнитной стрелкой. В плаваниях для ориентирования на море и определения направления движения они использовали деревянный компас и солнечные часы. Деревянный компас приходилось ориентировать также по господствующим ветрам (отсюда название *ветромер*). В центре компаса стоял штырь для определения линии «север – юг» по тени от солнца в полдень⁸. Принятие для слова *матка* ‘старинный компас’ исходного значения ‘направление’ применимо и к «домагнитной» истории реалии. Сложнее и обладает меньшей объяснительной силой этимология слова *матка* ‘компас’, предложенная Б. Унбегауном, которая подходит, по-видимому, только для магнитного компаса.

Согласно этому исследователю [Unbegaun, 1957, p. 180–181], рус. *матка* ‘компас’ усвоено при знакомстве поморов с астролябией западных мореплавателей. В этом случае примерно в конце XVI в. название коробки астролябии было перенесено (по внешнему сходству) на коробку компаса у поморов. Приходится допускать, что источник внешнего влияния утерян: название *матка* рассматривается как калька-заимствование из западноевропейского языка, в котором коробка астролябии обозначалась калькой лат. *mater*, букв. ‘мать’, которая, в свою очередь, является калькой араб. *umt*. Однако свидетельств раннего знакомства поморов с астролябией нет; источник влияния на русский гипотетичен.

Как будто нет данных, что к названию *матки* как магнитного компаса имеет отношение ст.-рус. *матица (матица желѣзная)* ‘магнит’, встречающееся в памяти-

⁷ Известно, что географический термин *шар* ‘пролив’ (в апеллятивной лексике, относящейся к Мангазейскому морскому ходу, в названиях проливов – *Маточкин Шар*, *Костин Шар* и проч.) происходит из субстратного источника, относящегося к вымершим финно-угорским языкам и родственного коми *шор* ‘ручей’. Коми *шар* ‘пролив (в среднем и нижнем течении Печоры)’, нен. *šār* ‘пролив’ < рус.

⁸ Подробнее об этом см.: http://shturman-tof.ru/Bibl/Bibl_1/Bibl_1_6.htm

никах письменности с XV в., а бытовавшее в них, возможно, и гораздо ранее [СлРЯ XI–XVII, вып. 9, с. 45].

6. Дыня

Речь идет о сибирском диалектном названии части лодки: *дыня* ‘ребро в дне лодки, куда крепятся шпангоуты’ ю.-краснояр. [ЮКС, с. 54], *дыни* мн. ‘отверстия в ребрах карбаса для стока воды в льяло’ арх. [СРНГ, вып. 8, с. 296]. Слово интересно своей фонетикой: оно продолжает дериват от праслав. **dъ(b)no* ‘дно’: из **dъnja* ‘то, что относится ко дну лодки’, с рефлексацией северно-псковского типа *-ъn’ja > -ыня* (о таком развитии см. [Николаев, 1990, с. 56]). Слово как будто не сохранилось (не засвидетельствовано) в великорусских говорах. При обычном развитии ожидалось бы **доня*. Значение ‘отверстия в ребрах карбаса...’ возникло по метонимии из ‘ребро в дне карбаса’.

* * *

Несколько заключительных замечаний. В трех статьях автора, посвященных сибирским и иным русским словам (в настоящей статье и в [Аникин, 2017; 2018]), относящимся к водному транспорту, были рассмотрены названия плавательных средств: 1) *коч*, 2) *бат*, 3) *ветка*, 4) *сойма*, 5) *буса*, 6) *барка*, 7) *камья*, 8) *халка*, 9) *добра*; названия ветров (также соответствующего курса парусного судна): 10) *битис*, 11) *бейдевинд*; частей судна или лодки: 12) *бинет*, 13) *бетъ*, 14) *дыня*, 15) *матка*; название вида подводного рельефа: 16) *бар*.

Часть этих слов может быть наследием севернорусской колонизации (1–5, 10, 13–15), большинство из них также наследием новгородской (2, 4, 5, 10, 13–15).

Коч и *сойма* обозначали суда, характерные прежде всего для арктического мореплавания, в том числе морского пути в Сибирь (Мангазейского морского хода), т. е. соотносились с самым северным путем в Сибирь (из трех основных). *Кочи* встречаются в документах, относящихся к Охотскому морю [Бурькин, 2006, с. 122].

Слова *бат*, *ветка* и *буса* – названия лодок-однодеревок, использовавшихся, вероятно, как вспомогательные средства передвижения. Слово *буса* получило распространение на Амуре, возможно, из-за того, что было перенесено на китайскую лодку, джонку.

На обследованном относительно небольшом материале как будто не прослеживаются явно (но на более широком материале, скорее всего, проявились бы) свидетельства единства происхождения таких транспортных средств, как лодка и сани, о чем не так давно писал А. Ф. Журавлев. Волочение лодки по суше аналогично волочению саней. Лингвистически это отражается в совпадении названий санного полоза и доски на дне лодки (рус. диал. *полоз* – болг. *плаз*), а также в этимологическом тождестве отдельных названий лодки и саней в разных языках, например тур. *кауик* ‘лодка’, диал. ‘сани’ [Журавлев, 2005, с. 293]. Ввиду слова *дыня* (см. п. 6) можно отметить рус. диал. *днице* как название «широкого полоза» по середине дна судна [СРНГ, вып. 8, с. 72].

Заслуживают внимания случаи переноса названий из сферы водного транспорта в домостроительную (*бетъ*), а также совпадения названий лодок-однодеревок и корыта для кормления скота (*бат*, *комяга*).

Список литературы

Аникин А. Е. О происхождении некоторых русских слов из сферы материальной культуры. I. Водный транспорт: «коч», «бат», «ветка» // Сибирский филологический журнал. 2017. № 3. С. 140–149.

Аникин А. Е. О происхождении некоторых русских слов из сферы материальной культуры. II. Водный транспорт: «сойма», «буса», «камья» («комьяга», «комляга», «коняги»), «барка», «халка» // Сибирский филологический журнал. 2018. № 3. С. 166–177.

АОС – Архангельский областной словарь. М., 1980–. Вып. 1–.

Бурыкин А. А. Историко-этнографические и историко-культурные аспекты изучения ономастического пространства региона. Очерки по топонимике и этнонимике Восточной Сибири. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / Вступ. ст. А. М. Бабкина. М.: ГИС, 1955. (Набрано и напеч. со 2-го изд. СПб.; М., 1880–1882)

Журавлев А. Ф. Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». М.: Индрик, 2005.

Кожеватова О. А. Заимствования в лексике говоров Русского Севера и проблема общего регионального лексического фонда: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 1997.

Корякин В. И., Хребтов А. А. От астролябии к навигационным приборам. СПб.: Судостроение, 1994.

Ларин Б. А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1959.

Николаев С. Л. К истории племенного диалекта кривичей // Советское славяноведение. 1990. № 4. С. 53–63.

Панин Л. Г. Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII–XVIII вв. Новосибирск: Наука, 1991.

Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: 2-е Отд-ние Акад. наук, 1885.

Попов А. И. Из истории лексики языков Восточной Европы. Л.: Изд-во ЛГУ, 1957.

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Л.; СПб.: Изд-во ЛГУ, 1967–. Вып. 1–.

РЭС – *Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007–. Вып. 1–.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2001–. Вып. 1–.

СлНПеч – Словарь русских говоров низовой Печоры. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. Т. 1; 2005. Т. 2.

СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975–. Вып. 1–.

СлРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII в. СПб.: Наука, 1984–. Вып. 1–.

Срз. – *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка: В 3 т. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей (Репродуцировано фотомеханическим способом по изд. 1893–1903 гг.).

СРНГ – Словарь русских народных говоров. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1965–. Вып. 1–.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева: В 4 т. 2-е изд. М.: Прогресс, 1986–1987.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского литературного языка. 3-е изд. М.: Рус. яз., 1999.

ЭСРЯ МГУ – Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н. М. Шанского. М., 1962–1982. Т. 1–2. Вып. 1–8.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1974–. Вып. 1–.

ЮКС – Словарь русских говоров южных районов Красноярского края. Красноярск: Красноярск. гос. пед. ин-т, 1968.

Avery R. Foreign Influence on the Nautical Terminology of Russian in the Eighteenth century // *Oxford Slavonic Papers*. 1981. Vol. 14. P. 73–92.

Kluge F. Seemannssprache. Wortgeschichtliches Handbuch deutscher Schifferausdrücke älterer und neuerer Zeit. Halle a. d. Saale: Verlag der Buchhandlung des Waisenhauses, 1911.

Meulen R. van der. De Hollandsche Zee- en Scheepstermen in het Russisch // *Verhandelingen der Koninklijke Akademie van Wetenschappen te Amsterdam*. Amsterdam, 1909. N. R. 10. № 2.

Meulen van der. Nederlandsche woorden in het Russisch (supplement op de Hollandsche Zee- en Scheepstermen in het Russisch) // *Verhandelingen der Koninklijke Akademie van Wetenschappen te Amsterdam*. Amsterdam, 1959. № 66/2.

Meyer E.-M. Einige nordgermanische Lehnwörter im Russischen // *Zeitschrift für slavische Philologie*. 1928. Bd. 5. S. 138–146.

ML – *Meyer-Lübke W.* Romanisches etymologisches Wörterbuch. 4 Aufl. Heidelberg: Winter, 1968.

NEW – *Vries J. de.* Nederlands etymologisch Woordenboek. Leiden, 1971.

ODEE – *Onions C. T.*, with the assistance of G. W. S. Friedrichsen and R. W. Burchfield. The Oxford dictionary of English etymology. Oxford: Clarendon Press, 1996.

SP – *Słownik prasłowiański*. Wrocław etc.: Wyd-wo PAN, 1974–2001. T. 1–8.

Thörnqvist C. Studien über die nordischen Lehnwörter im Russischen. Uppsala; Stockholm: Almqvist och Wiksell, 1948.

Unbegaun B. Le nom de la boussole en russe // *Slavistična Revija*. Ljubljana, 1957. T. 10. P. 179–184.

Список сокращенных названий языков, диалектов и говоров

англ. – английский; араб. – арабский; арх. – архангельский; байк. – байкальский; болг. – болгарский; волог. – вологодский; герм. – германский; голл. – голландский; датск. – датский; диал. – диалектный; др.-гутн. – древнегутнийский; др.-рус. – древнерусский; др.-сев. – древнесеверный; др.-швед. – древнешведский; ирк. – иркутский; исл. – исландский; исп. – испанский; итал. – итальянский; камч. – камчатский; карел. – карельский; лат. – латинский; нем. – немецкий; нен. – ненецкий; н.-нем. – нижненемецкий; норв. – норвежский; онеж. – онежский; праслав. – праславянский; пск. – псковский; п.-фин. – прибалтийско-финский; рус. – русский; саам. – саамский; сиб. – сибирский; ср.-н.-нем. – средне-нижненемецкий; ст.-рус. – старорусский; ст.-франц. – старофранцузский; тур. – турецкий; тюрк. – тюркский; укр. – украинский; фин. – финский; франц. – французский; швед. – шведский; ю.-краснояр. – южнокрасноярский.

A. E. Anikin

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation, alexandr_anikin@mail.ru*

From the history of Siberian and other Russian words related to water transport

The paper concludes the series of publications on the origin and history of Russian, as well as Russian-Siberian, words denoting ship (sea and river) and boats. The interest in this group of words is that they represent the objects of material culture that played a very significant role in the

Russian colonization of vast areas of the North and Siberia and outstanding geographical discoveries. The whole set of arguments was based on both linguistic data and data relating to the relevant realities (“Wörter und Sachen”).

This publication considers the names of not only ships and boats but also of their parts and the objects related to the ship (station) localization, the names of the winds (especially important for sailboats). The origin and main episodes of the historical geography of some Russian dialectal words are clarified: *дора* (*dora*) ‘type of flat-bottomed boat’, *бар* (*bar*) ‘place in the sea where the steamer stops’, *бинѐт* (*binét*) ‘attachment of the sail’, *бетъ* (*bet*) ‘the log that is laid across the boat’, *бѣтис*, *бѣтезь* (*bítis*, *bítez*) ‘a kind of wind on Baikal’, *матка* (*matka*) ‘the compass of an ancient type’, *дыня* (*dýnya*) ‘the edge in the bottom of the boat’ etc. Brief generalizing considerations are presented regarding a series of three papers as a whole. In particular, an attempt is made to clarify the legacy of which colonization the words considered in these articles are. The names *коч* (*koch*), *бат* (*bat*), *вѣтка* (*vétka*), *сойма* (*soyma*), *бѣса* (*búsa*), *бѣтис* (*bitis*), *бетъ* (*bet*), *дыня* (*dýnya*), *матка* (*matka*) are regarded as a legacy of North Russian colonization, at the same time, most of these words (*бат* (*bat*), *сойма* (*soyma*), *бѣса* (*búsa*), *бѣтис* (*bitis*), *бетъ* (*bet*), *дыня* (*dýnya*), *матка* (*matka*)) can be the legacy of Novgorod colonization. The names *коч* (*koch*) and *сойма* (*soyma*) denote ships that are characteristic primarily for Arctic navigation, including the sea route to Siberia (Mangazeya sea passage), i.e., they correspond to the Northern nautical route to Siberia.

Keywords: Russian vocabulary, names of boats, ships, and their parts, etymology, word geography.

DOI 10.17223/18137083/69/19

References

Anikin A. E. *Russkiy etimologicheskii slovar'* [Russian etymological Dictionary]. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi, 2007, iss. 1.

Anikin A. E. O proiskhozhdenii nekotorykh russkikh slov iz sfery material'noy kul'tury. I. Vodnyy transport: “koch”, “bat”, “vetka” [On the origin of some Russian Siberian words from the sphere of material culture. I. Water transport: “koch”, “bat”, “vetka”]. *Siberian Journal of Philology*. 2017, no. 3, pp. 140–149.

Anikin A. E. O proiskhozhdenii nekotorykh russkikh slov iz sfery material'noy kul'tury. II. Vodnyy transport: “soyma”, “busa”, “kam'ya” (“komyaga”, “komlyaga”, “konyagi”), “barka”, “khalka” [On the origin of some Russian Siberian words from the sphere of material culture. II. Water transport: “soyma”, “busa”, “kam'ya” (“kom'aga”, “komlyaga”, “konyagi”), “barka”, “khalka”]. *Siberian Journal of Philology*. 2018, no. 3, pp. 166–177.

Arkhangel'skiy oblastnoy slovar' [Arkhangelsk Regional Dictionary]. Moscow, 1980, iss. 1.

Avery R. Foreign Influence on the Nautical Terminology of Russian in the Eighteenth century. *Oxford Slavonic Papers*. 1981, vol. 14, pp. 73–92.

Burykin A. A. *Istoriko-etnograficheskiye i istoriko-kul'turnyye aspekty izucheniya onomasticheskogo prostranstva regiona. Ocherki po toponimike i etnonimike Vostochnoy Sibiri* [Historical-ethnographic, historical-cultural aspects of the study of onomastic space of the region. Essays on toponymy and ethnonymy of Eastern Siberia]. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie, 2006.

Chernykh P. Ya. *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of modern Russian literary language]. Moscow, Rus. yaz., 1999.

Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: V 4 t.* [An explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 vols]. Intr. art. by A. M. Babkin. Moscow, GIS, 1955. (Written and printed from the 2nd ed. St. Petersburg, Moscow, 1880–1882).

Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka [Etymological Dictionary of the Russian Language]. N. M. Shansky (Ed.). Moscow, 1962–1982, vol. 1–2, iss. 1–8.

Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov [Etymological dictionary of Slavic languages]. O. N. Trubachev (Ed.). Moscow, Nauka, 1974, iss. 1.

Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: V 4 t. 2-e izd.* [Etymological dictionary of the Russian language: In 4 vols, 2nd ed.]. Transl. from German and compl. by O. N. Trubachev. Moscow, Progress, 1986–1987.

- Kluge F. *Seemannssprache. Wortgeschichtliches Handbuch deutscher Schifferausdrücke älterer und neuerer Zeit*. Halle a. d. Saale, Verlag der Buchhandlung des Waisenhauses, 1911.
- Koryakin V. I., Khrebtov A. A. *Ot astrolyabii k navigatsionnym priboram* [From astrolabe to navigation devices]. Moscow, Sudostroenie, 1994.
- Kozhevatova O. *Zaimstvovaniya v leksike govorov Russkogo Severa i problema obshchego regional'nogo leksicheskogo fonda* [Loan-words in the vocabulary of the dialects of the Russian North and the problem of a common regional lexical fund]. Cand. philol. sci. diss. Ekaterinburg, USU, 1997.
- Larin B. A. *Russko-angliyskiy slovar'-dnevnik Richarda Dzhemsa (1618–1619 gg.)* [Russian-English Dictionary-diary of Richard James (1618–1619)]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1959.
- Meulen R., van der. De Hollandsche Zee- en Scheepstermen in het Russisch. In: *Verhandelingen der Koninklijke Akademie van Wetenschappen te Amsterdam*. Amsterdam, 1909, N. R. 10, no. 2.
- Meulen, van der. Nederlandsche woorden in het Russisch (supplement op de Hollandsche Zee- en Scheepstermen in het Russisch). In: *Verhandelingen der Koninklijke Akademie van Wetenschappen te Amsterdam*. Amsterdam, 1959, no. 66/2.
- Meyer E.-M. Einige nordgermanische Lehnwörter im Russischen. In: *Zeitschrift für slavische Philologie*. 1928, vol. 5, pp. 138–146.
- Meyer-Lübke W. *Romanisches etymologisches Wörterbuch*. 4 Aufl. Heidelberg, Winter, 1968.
- Nikolayev S. L. K istorii plemennogo dialekta krivichey [To the history of tribal dialect of Krivichi]. *Sovetskoe slavyanovedenie*. 1990, no. 4, pp. 54–63.
- Onions C. T., with the assistance of G. W. S. Friedrichsen and R. W. Burchfield. *The Oxford dictionary of English etymology*. Oxford, Clarendon press, 1996.
- Panin L. G. *Slovar' russkoy narodno-dialektnoy rechi v Sibiri 17–18 vv.* [The dictionary of Russian folk-dialectal speech in Siberia, 17th—18th centuries]. Novosibirsk, Nauka, 1991.
- Podvysotskiy A. *Slovar' oblastnogo arkhangel'skogo narechiya v yego bytovom i etnograficheskom primenenii* [Vocabulary of the Arkhangelsk dialect in its everyday and ethnographic application]. St. Petersburg, 2-e Otd. Akad. nauk, 1885.
- Popov A. I. *Iz istorii leksiki yazykov Vostochnoy Evropy* [From the history of the vocabulary of the languages of Eastern Europe]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1957.
- Pskovskiy oblastnoy slovar' s istoricheskimi dannymi* [The Pskov regional Dictionary with historical data]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1967, iss. 1.
- Slovar' govorov Russkogo Severa* [Dictionary of Russian North]. Ekaterinburg, USU Publ., 2001, iss. 1.
- Slovar' russkikh govorov nizoviy Pechory* [Dictionary of Russian dialects of lower Pechora]. Petersburg, SPbU Publ., 2003, vol. 1, 2005, vol. 2.
- Slovar' russkikh govorov yuzhnykh rayonov Krasnoyarskogo kraya* [Dictionary of Russian dialects of the southern regions of Krasnoyarsk Region]. Krasnoyarsk, KSPI Publ., 1968.
- Slovar' russkikh narodnykh govorov* [The dictionary of Russian folk dialects]. Moscow, Leningrad, 1965, iss. 1.
- Slovar' russkogo yazyka 18 v.* [The dictionary of the Russian language of 18th century]. St. Petersburg, Nauka, 1984, iss. 1.
- Slovar' russkogo yazyka 11–17vv.* [The dictionary of the Russian language of 11th–17th centuries]. Moscow, Nauka, 1975, iss. 1.
- Słownik prasłowiański*. Vols. 1–8. Wrocław etc., Wyd-wo PAN, 1974–2001.
- Sreznevskiy I. I. *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka: V 3 t.* [Materials for Old Russian Language dictionary: in 3 vols]. Moscow, Gos. izd-vo inostr. i nats. Slovaryey. (Reproduktirovano fotomekhanicheskim sposobom po izd. 1893–1903 gg. [Reproduced by photomechanical method according to 1893–1903]).
- Thörnqvist C. *Studien über die nordischen Lehnwörter im Russischen*. Uppsala, Stockholm, Almqvist och Wiksell, 1948.
- Unbegaun B. Le nom de la boussole en russe. In: *Slavistična Revija*. Ljubljana, 1957, vol. 10, pp. 179–184.
- Vries J. de. *Nederlands etymologisch Woordenboek*. Leiden, 1971.
- Zhuravlev A. F. *Yazyk i mif. Lingvisticheskiy kommentariy k trudu A. N. Afanas'yeva "Poeticheskiye vozzreniya slavyan na prirodu"* [Language and myth. Linguistic commentary on the work of A. N. Afanasyev "The poetic views of the Slavs on nature"]. Moscow, Indrik, 2005.

Б. Д. Цыренов¹, О. Шинэбаяр²

¹ *Институт монголоведения буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ*

² *Институт языка и литературы Академии наук Монголии, Улан-Батор*

**Опыт составления русско-бурятского технического словаря:
общий анализ***

На материале «Краткого русско-бурятского технического словаря» Д. Ирдынина, А. С. Кожевникова и В. И. Андреева (Верхнеудинск, 1933) рассматривается становление технической терминологии бурятского языка. Словник словаря составлен исходя из потребностей, возникших при строительстве паровозовагоноремонтного завода с привлечением к строительству большого количества бурят, которые в массе плохо владели русским языком. В его состав вошло сравнительно небольшое количество строительных и технических терминов, состоящих из одного слова или словосочетания. В части семантизации преобладает перевод терминов, но в то же время значительна доля толкований, описательных переводов, которые сочетаются с заимствованиями и переводами. Доля собственно заимствований невелика. Данный словарь стал первым опытом создания бурятского технического терминологического словаря.

Ключевые слова: бурятский язык, техническая терминология, словарь, перевод, толкование, заимствования.

Один из первых словарей бурятского языка – «Краткий русско-бурятский технический словарь» Д. Ирдынина, А. С. Кожевникова и В. И. Андреева (Верхнеудинск, 1933) привлекает интерес исследователей не только тем, что он имеет историческую ценность, но и с точки зрения становления и развития технической терминологии на бурятском языке. Цель данного исследования заключается в общем анализе данного словаря, выявлении способов дефиниции терминов. Исходя из указанной цели, ставится задача представить общую характеристику бурятского литературного языка в период создания словаря, изучить способы дефиниции терминов на бурятском языке, особенности деления значений слова.

Начало 1930-х гг. стало периодом становления нового бурятского литературного языка после отказа от старомонгольской письменности, обслуживавшей бурятский язык до 1931 г. На общей волне латинизации, прокатившейся по всему

* Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект XII.193.1.5 «Ментальность монгольских народов в зеркале языка», номер госрегистрации АААА-А17-117021310266-8 (“Mentality of the Mongolian peoples in the mirror of language”).

Цыренов Бабасан Доржиевич – доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, 630047, Россия; tsyrenovbabasan@mail.ru)

Шинэбаяр Очиртоогогийн – доктор филологических наук (PhD), заведующий сектором прикладной лингвистики Института языка и литературы Академии наук Монголии (пр. Жукова, 54а, Улан-Батор, 13330, Монголия; och.shinee@yahoo.com)

Советскому Союзу, региональные власти, научная общественность, в первую очередь лингвисты, по итогам серии конференций (1928, 1930, 1931 гг.) приняли решение о переходе на латинскую графику с применением некоторых диакритических знаков. В качестве живой разговорной основы был выбран халха-монгольский язык, который в скором времени был заменен селенгинским диалектом, распространенным в южной части Бурятии. Почти десятилетний период скоропалительных реформ литературного языка (1931–1939 гг.) определялся не только и не столько лингвистическими факторами, сколько идеологическими причинами. Этот отрезок бурного развития бурятского литературного языка заслуживает отдельного исследования, в данной же статье мы подвергнем анализу первый русско-бурятский технический словарь, изданный в 1933 г. в г. Верхнеудинске.

«Краткий русско-бурятский технический словарь» является вторым терминологическим словарем бурятского языка, после «Русско-монгольского терминологического словаря» (1928; 2-е изм. изд. 1930). Определение «русско-монгольский» объясняется тем, что языковеды Бурятского ученого комитета (Буручкама)¹ и республиканские власти в 1920-х гг. рассматривали бурят и их язык в тесной связи с Монголией и монгольским языком, поскольку в Монголии и Бурятии применялась общая старомонгольская письменность в качестве литературного языка. Тем не менее составителям «при установлении тех или иных терминов приходилось считаться и с диалектологическими особенностями монгольского языка, выражающими лексические и семантические различия бурятского и монгольского наречий»² [Русско-монгольский..., 1928, с. I–II].

В предисловии этого словаря написано: «Основное назначение словаря заключается в том, чтобы положить начало выработке и установлению единой терминологии на монгольском литературном языке, потребность в которой в связи с национально-культурным возрождением монгольских племен начинает чувствоваться весьма остро и в Бурятии и в Монголии» [Там же, с. II]. «Русско-монгольский терминологический словарь» в обоих изданиях при общей положительной оценке подвергся критике в отношении идеологии. Редактор словаря, Г. Ринчинэ, в одной из своих работ отмечает, что «оформление и идеологическое содержание терминов в указанных работах не везде выдержаны и избыточны многими дефектами»³ [Ринчинэ, 1931, с. 41].

Монголия, ставшая после революции 1921 г. независимым демократическим (социалистическим) государством, в целом стала следовать курсу Советского Союза. В плане государственного строительства, науки в новой Монголии огромную роль сыграла бурятская интеллигенция – ученые, политические и государственные деятели Ц. Жамцарано, Б. Барадин, Г. Цыбиков и ряд других. В их числе был и Бимбын Ринчен – будущий член Академии наук Монголии, лингвист с обширными знаниями во всех областях языкознания. Бурное научно-технологическое развитие Монгольской Народной Республики потребовало, соответственно, и выработки терминологии. Первое послереволюционное десятилетие (1920–1930-е гг.) характеризовалось тесным сотрудничеством монгольских и бурятских ученых, которые выстраивали общую языковую стратегию, об этом же свидетельствует и упомянутый выше терминологический словарь.

Развитие национальной монгольской терминологии связано с освобождением от трехсотлетнего маньчжурского ига: «Со времен маньчжурского ига до XX в. в официальном обороте господствовал маньчжурский язык, а в религиозной сфе-

¹ Ныне – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (ИМБТ СО РАН).

² В то время бытовало мнение, согласно которому бурятский и монгольский языки являются наречиями общего монгольского языка.

³ Орфография оригинала сохранена.

ре – тибетский язык. В прошлом веке (в XX в. – Б. Ц., О. Ш.) выросла роль науки, техники, технологий, а в 1920–30-е годы их развитие получило особенно быстрое развитие, что потребовало создания научно-технической терминологии на собственной национальной языковой основе. Это вызвало, в свою очередь, составление и издание терминологических словарей на монгольском языке» [Ринчен, 2015, с. 3].

В мемориальном издании «Бимбын Ринчен – член государственной терминологической комиссии», посвященном 110-летию ученого, отмечается его ведущая роль в монгольском терминотворчестве. До 1937 г. им были составлены несколько терминологических словарей: Русско-латинско-монгольский словарь названий растений (1932); Русско-монгольский математический словарь (1935); Русско-монгольский терминологический словарь по географии и климату (1935); Русско-монгольский химический словарь (1937); Русско-монгольский физический словарь (1937). Во всех этих словарях переводы терминов на монгольский язык передавались на старомонгольской письменности, тогда как бурятский язык в это время уже перешел на латиницу⁴. Упомянутые выше монгольские словари будут привлекаться для сравнительного анализа «Краткого русско-бурятского технического словаря» с целью выявления общих и отличительных черт.

Переход на латинскую графическую основу и создание нового литературного бурятского языка воспринималось как исключительно положительное явление, которое будет способствовать развитию бурятского языка в целом и терминологии в частности. Об этом в духе того времени воодушевленно заявляет Г. Ринчинэ в статье «К проблеме бурят-монгольской терминологии»: «На ряду с созданием ново-литературного языка на основе латинской графики в Бурят-Монголии во всей широте и глубине возникает актуальная проблема, проблема создания учебно-научной терминологии на новом б.-м. литературном языке.

В связи с переходом на латинскую, т. е. фонетическую графику, те графическо-технические трудности, которые очень часто тормозили создание терминологии при старо-монгольском алфавите вертикального направления, – теперь отброшены полностью»⁵ [Ринчинэ, 1931, с. 37].

Зарождение терминологической системы бурятского языка тесно связано с установлением и развитием собственно литературного языка. «История развития бурятской терминологии, отражающая процесс становления лексической нормы языка, свидетельствует о характере стабилизации самого литературного бурятского языка...» [Дарбеева, 1989, с. 20]. Терминологическая комиссия, созданная при Буручкеме, приложила максимум усилий для выработки «учебно-научной терминологии». Деятельность этой комиссии вылилась в создание анализируемого словаря, а также последующие «Русско-бурятский словарь географических терминов и названий с кратким толкованием» В. Л. Егорова [1934] и «Русско-бурятский терминологический словарь по языку и литературе» Б. Барадина [1935]. Очевидно, что терминология на новом литературном языке была доступна потребителю посредством словарей. Это был период наиболее активного терминотворчества и составления терминологических словарей бурятского языка: «...терминологические словари системного типа, посвященные исключительно специальной лексике, стали появляться с 30-х гг. XX в.» [Суперанская и др., 2008, с. 204]. В этом смысле бурятская терминологическая лексикография находилась в общем русле.

Бурятский язык в прошлом некорректно определяли как младописьменный, и это в корне неверно, так как буряты использовали в качестве литературного, общенационального языка старописьменный монгольский язык в несколько измененной форме. На этой модернизированной письменности были созданы

⁴ О процессе латинизации бурятского языка см.: [Базарова, 2006].

⁵ Сохранена орфография оригинала.

летописная, художественная литература, законодательные акты, велось делопроизводство. Тем не менее слова Ю. Д. Дешериева о терминотворчестве в младописьменных языках можно применить и в отношении бурятского языка, поскольку до указанного времени у бурят не было технической терминологии ввиду отсутствия промышленности как таковой. Ю. Д. Дешериев пишет: «Работа по созданию терминологии для языков младописьменных народов была развернута с первых же дней оформления их письменности. Поэтому период оформления письменности и есть по существу начало упорядочения и установления в языке общественно-политических, научных, технических и других терминов первой необходимости» [1968, с. 43].

В бурятском языке к началу 1930-х гг. уже существовала богатая и вполне устоявшаяся общественно-политическая терминология при отсутствии технической терминологии. Создание технической, научной терминологии как раз и удовлетворяло ту первую необходимость, поскольку «в словарном составе дореволюционного бурятского литературного языка научно-техническая терминология почти что отсутствовала» [Дондуков, 1970, с. 53]. Появление и развитие этого пласта терминов У.-Ж. Ш. Дондуков связывал с индустриализацией всей страны, в том числе и Бурятии.

Появление «Краткого русско-бурятского технического словаря» было, кроме всего прочего, обусловлено началом постройки в 1932 г. Верхнеудинского паровозовагоноремонтного завода. На обширную стройку были привлечены специалисты, строители со всей страны и местное население – буряты, которым предстояло пройти обучение и подготовку для работы на стройке. В предисловии к словарю сказано: «Одним из актуальнейших вопросов подготовки национальных кадров работников промышленного строительства Бурятии, несомненно, является вопрос создания технической литературы на бурят-монгольском языке.

Идя навстречу этой потребности, Институт Культуры (ГИК; правопреемник Буручкома. – Б. Ц., О. Ш.) кладет почин изданием маленького русско-бурятского словаря. Его задача – служить справочником по переводу обиходных терминов на бурят-монгольский язык, а также пособием при чтении технической литературы по промышленному строительству». Словник данного словаря был «составлен инженерами Г. С. Кожевниковым и В. И. Трипольским при непосредственном участии инженера В. И. Андреева, они же консультировали при переводе словника на бурят-монгольский язык. Автором-переводчиком бурят-монгольского текста является Д. Ирдынин (Ирдыниев. – Б. Ц., О. Ш.), редактором профессор Б. Бардин» [Ирдыниев и др., 1933, с. 2].

Графика

Для удобства понимания и корректного прочтения приводимых в статье примеров, позволим себе остановиться на особенностях графики, употреблявшейся в период издания словаря. С 1931 по 1936 г. в Бурятии, включавшей современные Усть-Ордынский и Агинский Бурятские округа Иркутской области и Забайкальского края соответственно, в качестве письменной основы бурятского литературного языка был принят латинский алфавит. При адаптации его применительно к бурятскому языку были исключены буквы **h**, **q**, **w**, **x**, но при этом добавлены буквы с диакритическими знаками: с седилью – **ç** для обозначения [ч] и **ş** для обозначения [ш], с горизонтальным штрихом (перечеркивание) – **z** для обозначения [ж], а также специальная буква **ö** для обозначения широкого огубленного краткого монофтонга мягкого ряда (в фонетической транскрипции – [ö]). Буква **u** обозначает узкий огубленный краткий монофтонг твердого ряда [u], а буква **y** – узкий огубленный краткий монофтонг мягкого ряда [ü] (в современной графике **y** и **y** соответственно). Буква **j** употребляется в функции йоты: *kojor* ‘два’. Долгота гласных выражается удвоением соответствующих букв, при этом сочетание **ee** в ис-

конно бурятских словах обозначает долгий [э], в заимствованиях манифестирует ударную **е**, например, **метр** – *meetr* (с. 21)⁶. Также полифонична буква **к** – в бурятских словах она обозначает [х], например *kara* – *xara* ‘черный’, а в заимствованных словах – собственно [к]: **каркас** – *karkaas*, *barilgiin gol kelkiee* (с. 17) (в совр. орфографии: *каркас*, *барилгын гол хэлхээ*) ‘главный скелет здания’. Мягкость согласных обозначается при помощи следующей за ними гласной **и**, например **клеить** – *niaaka* (с. 18) (в совр. орфографии: *няаха*). Ударные гласные в заимствованных словах обозначаются также удвоением соответствующей гласной, как, например, в слове *karkaas* ‘каркас’. Алфавит бурятского языка на момент составления словаря выглядел следующим образом: *Aa, Bb, Cc, Çç, Dd, Ee, Ff, Gg, Ii, Jj, Kk, Ll, Mm, Nn, Oo, Өө, Pp, Rr, Ss, Şş, Tt, Uu, Vv, Yy, Zz, Zz*.

Словарные статьи выстроены по алфавиту. Объем **словника**, по нашим подсчетам, составляет 1 581 ЗЕ. Считаем необходимым отметить, что при обозначении входа в данном словаре наиболее удачным представляется именно термин «заголовочная единица», поскольку некоторая часть ЗЕ – словосочетания, например: **минеральное топливо** – *modonii zuil bişe çuluu nuurse, mazuud, neeftiin tylişe* (с. 24) ‘не древесное, топливо из каменного угля, мазута, нефти’; **насаживать топор** – *syke ecedeni uglaka* (с. 26) ‘надеть топор на его рукоять’; **пробивать отверстие** – *nykelke, nebte nykelke* (с. 37) ‘дырять, дырять насквозь’; **труба водопроводная** – *usa jabuulka corgo* (с. 45) ‘труба для проводки воды’.

В предисловии не сказано, какой принцип применялся при отборе слов, поэтому мы можем лишь догадываться, что они были отобраны исходя из практики, т. е. названия тех материалов, оборудования, процессов, которые были актуальны при строительстве данного конкретного завода. Большинство ЗЕ представлено ординарными словами, в то же время встречается незначительное количество словосочетаний (39 единиц), некоторые из них приведены выше. Кроме вполне оправданных словосочетаний, например, названий типов оборудования, материалов: *бемское стекло* (с. 5), *голландская печь*, *голландская черепица* (с. 14), *зетовое железо* (с. 16) и др., встречаются свободные (нетерминологичные) словосочетания: *гладкая земля* (с. 10), *железная проволока* (с. 22), *прекращать работу* (с. 36), *узкая доска* (с. 46), *узкая комната* (с. 47) и др.

Некоторые ЗЕ заключены в кавычки, например, «*вприкол*» (с. 8), «*под лопатку*» (с. 34), «*вручную*» (с. 8), «*жирный*» (с. 14), «*пример*» (с. 36). Первая ЗЕ обозначает способ кладки камня, однако слово *виштунт* (с. 9) ‘способ соединения бревен или досок’, ничем с точки зрения образования не отличающееся от нее, или слово *вручную*, также обозначающее способ действия, производства работ, не заключены в кавычки. Если прилагательное *жирный* в переносном значении ‘(о бетоне) с большим количеством цемента’ по вполне понятной причине заключено в кавычки, то заключение в кавычки ЗЕ «**пример**» – *zişee* в прямом значении не находит объяснения. Кроме того, понятие, антонимичное «жирному», «тощий» в кавычки не заключено (с. 45).

За крайне редкими случаями нарушения алфавитного порядка ЗЕ, словник в целом подобран добротно, а содержание тематически выдержано, хотя в предисловии редакция ГИК оговаривается, что «справочник не лишен недочетов, вызванных как спешностью подготовки, так и новизной дела» [Ирдыниев, 1933, с. 2].

Дефиниция

В «Кратком русско-бурятском техническом словаре», исходя из содержания правой части словарной статьи, мы выделили 7 видов дефиниций. Преобладание

⁶ Здесь и далее в скобках указываются страницы рассматриваемого словаря, из которого приведены примеры.

переводных эквивалентов в дефинициях в данном словаре свидетельствует о том, что обиходные слова и народная терминологическая (ремесленная) лексика переходят разряд технической (научно-технической) терминологии. К ремесленной лексике относятся такие слова, как: *dəʒə* ‘наковальня’ (с. 26), *balta* ‘молот’ (с. 24), *сууҗе* ‘стамеска’ (с. 43), *əгəт* ‘сверло’ (с. 41), *gagnuuri*, *ʒireelte* ‘сварка’ (с. 41) и др. Вполне естественно, что при натуральном хозяйстве, которое существовало у бурят до Октябрьской революции, все эти инструменты использовались практически каждым бурятом в быту, но, тем не менее, эти слова имели статус терминов. Иначе говоря, они входили в неписанный корпус народной терминологии, ценность которой для общей лексикографии отмечал А. А. Юлдашев [1972, с. 87–88]. Таким образом, значительная часть обиходной и ремесленной (народной терминологической) лексики в данном словаре начала приобретать статус терминов, впервые образуя бурятскую техническую терминологию.

К отрицательным сторонам переводной дефиниции посредством имеющихся эквивалентов можно отнести то, что разные предметы или разные виды одного предмета обозначаются одним и тем же бурятским словом, например, **рубанок** (для общих работ) (с. 40) = **шерхебель** (рубанок для первичного грубого строгания) (с. 50) – *karuul*, но **фуганок** – *gar karuul* (с. 48) ‘ручной рубанок’; **выкапывать** (с. 9) = *kopatъ* (с. 19) – *maltaka*; **клеить** (с. 18) = **обклеить** (с. 28) = **склеивать** (с. 42) – *niaaka*; **газ** (с. 10) = **воздух** (с. 8) – *kii* и др. Во всех статьях, приведенных в качестве примеров, видимо, было необходимо давать уточняющие пояснения, что затягивало бы работу составителей, а это в условиях нехватки времени – важный аргумент. Есть и откровенно неправильные переводы, например **распорка** – *kangilalta* (с. 39). Д. Ирдыниев понял это слово как производное от «пороть» (шов, швейное изделие) – *хангилха* (*kangilka*), а не от «распирать», в этом случае нужно было бы перевести как *тэртэ* (*terte*) или *хүндэлэбишэ* (*kəndələbɨʃə*). Другой пример: **примерзать** – *kəldəkə* (с. 36), прямое значение глагола *kəldəkə* (хүлдэхэ) ‘замерзнуть (о живых существах, продуктах растительного происхождения)’, а «примерзать» в переводе – *няалдажа хүрэхэ* букв. ‘замерзнуть, приклеившись’. Таких примеров достаточно много, но формат статьи не позволяет перечислить их все.

Особенность анализируемого словаря составляет также обилие толкований, которые подчеркивают обучающий характер словаря. Если сравнивать близкие по времени издания и объему «Краткий русско-бурятский технический словарь» (1) и «Краткий русско-бурятский словарь» А. Н. Боржоновой (2), то выявляется, что в первом преобладают переводы более описательные, например: **колено** – (2) *əbədəg* ‘колено’ [Боржонова, 1932, с. 26], (1) *əbədəg*, *nugaraakai* (с. 19) ‘колени’ и ‘сгиб’; **тормоз** – (2) *toormos*, *saad* [Там же, с. 67] ‘тормоз, препятствие’, (1) *toormoz*, *jabaza baisan maʒiniigii kaduun bailgaka arga*, *saad* (с. 45) ‘тормоз, способ остановить движущуюся машину, препятствие’; **устраивать** – (2) *zokiooko*, *togtoniuulka* [Там же, с. 71] букв. ‘налаживать, устраивать, упорядочивать и устанавливать, стабилизировать’, (1) *zokiooko*, *baiguulka*, *kiike*, *zasaka* (с. 47) ‘налаживать, устраивать, упорядочивать, устанавливать’, ‘делать’, ‘исправлять, ремонтировать’. В последнем случае приведено максимально возможное количество подходящих эквивалентов, при этом в следующей статье «устраивать машину» приведен эквивалент *maʒina zokiooko* (с. 47). В данном случае, по всей видимости, имеется в виду ‘налаживать, настраивать машину’, а не ‘устанавливать, делать, исправлять или ремонтировать’.

Собственно толковательные эквиваленты составляют в словаре более десятой доли дефиниций, например: **барабан** – (2) *kengereg* [Боржонова, 1932, с. 6] и (1) *kyndiigi ərgəkə barilgiin mekaniizm*; *dundaa goltoi kojor ojooroos byтуу modon booʒko* (с. 4) ‘строительный механизм для подъема тяжестей; деревянная бочка со стержнем в центре и закрытая с двух торцов’. Во втором словаре приводится

эквивалент – только название музыкального инструмента, но не упоминается механизм, а в первом (терминологическом) – название механизма, буквальный перевод которого ‘строительный механизм для подъема тяжестей; деревянная бочка со стержнем в центре и закрытая с двух торцов’. Приведем дополнительно несколько примеров: **грохот** – *barilgiin keregseliin çuluu ilgadag sagçuur* (с. 12) ‘сито для разделения строительного камня’; **зубило** – *metaal төмөрийн зүйлхүүдийн сууцэ* (с. 16) ‘стамеска для металлических и железных предметов’; **калевка** – *guriba gargaka karuul* (с. 17) ‘рубанок для выстругивания борозды, нарезки’.

В словарной статье на ЗЕ «автогенная сварка» после перевода с заимствованием *avtogeen gagnuuri* в толковании дается подробное описание данного способа соединения металлов: *jөрийн гaгнuуриdа adali gалии кyçeer улaйлгaн ширееze гaгнaдaг бише, kabçamal kislorod (гаaz), гaгнaкa gesen гaзaр тiiшеe кандуулан табизa, тyнii кyçeer гaгнaдaгii иize neрelne* (с. 3) ‘сваривают не как при обычной сварке, разогревая металл до красна и сковывая вместе, а направляют струю кислорода (газа) на место сварки, способ сварки при помощи этого называют так’. Глаголы *шэрэ-эхэ (šireeke)* ‘проварить’ и *ганаха (gagnaka)* ‘паять, спаивать, припаивать, запаивать’ в бурятском языке, действительно, обозначают два разных способа соединения металла при высоких температурах, первый – это сварка ковкой, или кузнечная сварка, при которой разогревые до определенной температуры железные изделия сцеплялись между собой при воздействии молота и т. п., второй способ – это спаивание, соединение металлических изделий при помощи расплавленного металла (железа, олова, различных припоев из сплавов цветных металлов). Примечательно, что глаголы «паять» и «спаивать» (с. 32 и 43) переведены как *gagnaka* (в переводе слова «пайка» присутствуют образованные от обоих глаголов существительные *gagnalga* и *šireelge*), а словосочетание «сваривать железо» – с употреблением глаголов *gagnaka* и *šireeke*: *tөмөр гaгнaкa, ширееke* (с. 41). Ср.: в Бюллетене Государственной терминологической комиссии Монголии «автогенная сварка» переведена как *автоген ширээл*, что противоречит изложенному в рассматриваемом словаре. В период становления бурятской технической терминологии, по-видимому, смешение разных терминов, обозначающих разные по природе технологические процессы, было оправдано.

Довольно велика доля использования способов, связанных с заимствованием, при этом часто дается заимствование, а затем толкование, т. е. описательный перевод термина, например, **агрегат** – *agregaad, kolimog mašiniin toskuur* (с. 3) ‘агрегаад⁷, установка из смешанных машин’; **арка** – *aarka, modon ba çuluun kaniin bujuu кyургийн kojор тalaасanii koorondokiiги bytyylze kalasan tylkeger ongorkoi, yude niurga* (с. 3) ‘аарка, отверстие между двумя деревянными или каменными стенами или (над опорами) моста, перекрытое выгнутым, спина двери (дверного проема)’; **деформация** – *deformaasa, bejiini keb kubilka, gutaka* (с. 13) ‘деформааца, букв. форма тела меняться, портиться’; **домкрат** – *domkraat, kynde teeberiigii өргөкө zebseg (zokiootzo)* (с. 13) ‘домкраат, орудие (установка) для подъема тяжелых грузов’; **перпендикуляр** – *perpendikuliaar, nege şugamiigii egce көндөлөн garsan şugam* (с. 32) ‘перпендикуляар, букв. линия, выходящая строго поперек (из) другой линии’. Сравним перевод этих терминов в монгольских терминологических словарях: **агрегат** – *цогцолбор* [Бюллетень..., 1959, с. 3] ‘агрегат, комплекс’; **арка** – *гулдан хаалга* [Там же, с. 4] ‘арочная дверь’; **деформация** – *кебуяйику* [Ринчен, 2015, с. 217], *хэв гажих* [Бюллетень..., 1959, с. 16] букв. ‘изменение формы’; **домкрат** – *үргүгүл (domkrat)* [Ринчен, 2015, с. 218], *өргүүл* [Бюллетень..., 1959, с. 16] букв. ‘подъемник’; **перпендикуляр** – *инйү* [Ринчен, 2015, с. 28] ‘перпендикуляр’, *перпендикуляар* [Бюллетень..., 1959, с. 36]. Эквиваленты в мон-

⁷ Здесь и далее в примерах приводится транслитерация бурятских слов с использованием современной графики, а толкование переводится на русский язык.

гольских терминологических словарях отличаются большей точностью и краткостью, но, с другой стороны, «Краткий русско-бурятский технический словарь», составленный к постройке конкретного завода и с целью обучения первых строителей, технических работников из числа бурят, имел обучающую направленность, вследствие чего в нем много толкований, пояснений и описательных переводов терминов.

Мы не можем определить принципы выбора способов дефиниции и склонны думать, что и авторы – составители словаря не придерживались какого-либо принципа. Тем не менее при сравнении переводов некоторых терминов выявляются интересные моменты, например, «термометр» и «градусник» полные синонимы, разница лишь в том, что последний относится к разговорной речи, но в русско-бурятском техническом словаре они поданы по-разному: **термометр** – *termoometr, kaluun kyitenii kemzuur* (с. 44) ‘термоомер, измеритель жары и холода’, **градусник** – *graadus, kaluun kyitenii kemzuur* (с. 11) ‘градус, измеритель жары и холода’, т. е. в каждой статье собственное заимствование, но описательные переводы совершенно идентичны. Также интересен перевод слов «правило» и «правилка»: **правило** – *praviil, şugam* (с. 36) ‘правиил, линейка’ и **правилка** – *baga şugam, бага правиил, şugam* (с. 36) ‘маленькая линейка, маленькая правиил, линейка’. Во второй статье заимствование отходит на второй план, уступая исконно бурятскому *şugam* (шугам) ‘линейка’.

Собственно заимствования в данном словаре представлены в небольшом количестве. Среди них встречаются *брезент, ватерпас, вагон, индустриализация, инженер, карниз, километр, конструкция, метр, пружина, резина, скипидар, сорт, угольник, фонарь, шкаф, шуруп* и др. Все эти слова, естественно, включены в словарь в фонетически адаптированном виде или оформлены по бурятским словообразовательным моделям, например: **индустриализация** – *indyustrizyylge* (с. 16). Примечательно, что «ватерпас» в бурятском языке имеет эквивалент – *нюруубша*, наряду с фонетически адаптированным к бурятскому произношению заимствованием *тирнаас*.

Омонимия

В рассматриваемом словаре омонимия не выделена так, как принято в словарях: отдельной словарной статьей с нумерацией статей и т. п., но омонимы встречаются в составе словарных статей и оформляются тремя разными способами: 1) отделение омонимичных значений запятой и точкой с запятой; 2) нумерация омонимичных значений цифрой со скобкой (статья на ЗЕ **центральное отопление**; с. 49) и 3) нумерация числительными *negeni* ‘первое’, *nөгөөдөни* ‘второе’, букв. ‘следующее’ (статья на ЗЕ **транспортер**; с. 45). Первый способ количественно превосходит, например, **атмосфера** – *atmosfeera; delekein agaar, baidal; mekanikada – şingen bujuu kii makabuudiin daraciin kyce* ‘атмосфера; воздух планеты, состояние; в механике – сила давления жидких или газообразных веществ’ (с. 4), ср.: в «Словаре химических терминов» «атмосфера» переведено как *аҕар* ‘воздух’ [Ринчен, 2015, с. 127], в физическом терминологическом словаре выделены омонимы **атмосфера** «газообразная оболочка Земли, воздух» – *аҕар (atmosfeera)* и **атмосфера** (един. изм.) – *atmosfera* [Там же, с. 209]; **брусок** – *kairag; kaimal modo; biçikan byliуу* (с. 6) ‘точило; отесанная древесина; оселок’; **вал** – *oboо şoroi; goloороо ergildedeg maşiniin төкөрөөн kubi* (с. 6) ‘куча земли; круглая часть машины, вращающаяся вокруг своего центра’; **куб** – *kyub, tebker; usa bucalgaka togoo* (с. 21) ‘күүб, прямоугольное тело; котел для кипячения воды’; **масса** – *maassa; ylemze olon, olon төмөн* (с. 23) ‘маасса, исключительно много, множество’; **окраска** – *şirdelge; өнгө, zyse* (с. 29) ‘окрашивание; цвет, масть’; **оправа** – *bөкө juumaar bekizyylke jabadal; boolto, şakalta, çimeg* (с. 29) ‘укрепление крепким предметом; оправка, обжимка; украшение’ и т. д.

Деление значений ЗЕ. Иллюстрации

Термины, как известно, большей частью однозначны, тем не менее в рассматриваемом словаре встречаются ЗЕ с двумя и более значениями, например: **выключать** – *gargaka, sugalka, abka* (с. 9) ‘вынимать, выдергивать, брать’; **крошить** – *kerceke, zizelke* (с. 21) ‘нарезать, измельчать’; **крючек**⁸ – *goko, degee, kakuuli* (с. 21) ‘крюк (багор), крючок, удочка’; **плотность** – *nigta, çanga* (с. 33) ‘плотный (плотность), крепкий (крепость)’; **резьба** – *cabçalaa, siilelte* (с. 40) ‘зарубка, насечка’; **слой** – *yje, dabkar* (с. 42) ‘слой, ряд’; **фасад** – *niuur, mila, niuur tala, barilgiin niuur tala* (с. 47) ‘лицо, мила⁹, лицевая сторона, лицевая сторона постройки’ и т. д.

Данный словарь лишен лексикографических и иных иллюстраций (рисунков, чертежей, схем и т. п.), но в словарной статье на ЗЕ «тычок» имеются внутристрочные схематические рисунки, дающие представление о соотношении граней кирпича: **тычок** – *өрөөсөн нарин казуу* (тычок¹⁰, ложок¹¹) (с. 46) ‘одна (из пары) узкая сторона’. Здесь не упоминается кирпич, а в статье на ЗЕ «ложок» указано, что это одна из его граней: **ложок** – *kirpiicin uta казуу* (с. 22) ‘длинная сторона (грань) кирпича’, а в статье на ЗЕ «постель» написано: *kirpiice tabika суури* (с. 35) ‘место кладки (куда кладут) кирпич’, т. е. имеется в виду верхняя широкая грань кирпича, на которую следует класть следующий кирпич.

Лексикографических иллюстраций в традиционном понимании в данном словаре нет. Единственное, на что можно обратить внимание, это достаточно обширные объяснения (в скобках и без скобок) тех или иных терминов в нескольких статьях: **готическая** – *gotiin, şorogor yzyrtei barilganuudiigi gotiin majagaar barisan gelcedeg baina (Gooto geze yndesenii arad zon)*¹² (с. 11) ‘гойтиин, здания, построенные с острыми шпильями (острием), называют готическими (Название народа готы)’, **давление** – *daralta, tylkilte. Daralta, tylkilte gedeg fizikiin zama josonii nere yge* (с. 12) ‘давление, толкание. Давление, толкание есть название закона физики’; **материя** – *mateeri, bodos ed juuma, zyil. Baiguulamza, byteemze ba byrideliin kubi bolko bykii zyilnyyd, bykii jumanuud* (с. 23) ‘матезри, вещество, вещи и т. п. предметы. Все вещи и предметы, входящие в составы, структуры, устройства’ и т. д.

* * *

Рассмотренный «Краткий русско-бурятский технический словарь» является вторым словарем, изданным на бурятском литературном языке на латинской графической основе. Этому словарю предшествовал «Русско-монгольский терминологический словарь» (общественно-политические термины; на старомонгольской письменности). Составление технического и общественно-политического терминологических словарей было обусловлено временем. Малый объем, простейшая структура словаря в целом (макроструктура), структура словарной статьи (микроструктура) объясняются, прежде всего, его прикладным характером, тем не менее он лежит в основе развития бурятской терминологии и бурятской практической лексикографии.

Проведенное исследование позволило пролить свет на процессы формирования технических терминов бурятского языка. Материал, представленный в словаре, и его анализ позволяют в разрезе увидеть ситуацию в литературном языке, терминотворчестве в 1930-х гг. Изучение и введение в научный оборот этих явле-

⁸ Орфография источника сохранена.

⁹ Данное слово не обнаружено ни в одном из существующих словарей бурятского и других монгольских языков.

¹⁰ Нарисован квадрат.

¹¹ Нарисован прямоугольник.

¹² Здесь и в следующих двух примерах подчеркнуто нами. – Б. Ц., О. Ш.

ний важны для историко-лингвистических исследований бурятского и других монгольских языков.

Список литературы

Базарова В. В. Латинизация бурят-монгольской письменности в 1920–1930 гг. Улан-Удэ: ИПК ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2006. 238 с.

Барадин Б. Русско-бурятский терминологический словарь по языку и литературе с краткими объяснениями. Улан-Удэ: Бургиз, 1935. 195 с.

Боржонова А. Н. Краткий русско-бурятский словарь. Верхнеудинск, 1932. 79 с.

Дарбеева А. А. Историческая преемственность в терминологии бурятского языка // История и культура монголызычных народов: история и традиции: Тез. докл. и сообщ. Междунар. «круглого стола» монголоведов (Улан-Удэ, октябрь 1989 г.). Улан-Удэ, 1989. С. 19–22.

Дешериев Ю. Д. Советский опыт языкового строительства и развития литературных языков. Элиста, 1968. 80 с.

Дондуков У.-Ж. Ш. О развитии терминологии в бурятском языке. Улан-Удэ, 1970. 78 с.

Егоров В. Л. Русско-бурятский словарь географических терминов и названий с кратким толкованием / Под ред. Б. Барадина. Верхнеудинск: Бургосиздат, 1934. 99 с.

Ирдыниев Д., Кожевников А., Трипольский В. Краткий русско-бурятский технический словарь (строительных работ). Верхнеудинск, 1933. 51 с.

Ринчен Б. Нэр томьёоны толь бичиг [Терминологический словарь]. Улан-Батор, 2015. 432 с.

Ринчинэ Г. К проблеме бурятской терминологии // Вестник Ин-та культуры Бурят-Монгольской АССР. 1931. № 2–3. Ноябрь-декабрь. С. 37–43.

Русско-монгольский терминологический словарь / Под общ. ред. Г. Р. Ринчинэ, введ. Б. Барадина. 2-е изд., испр. Верхнеудинск, 1930. 198 с.

Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: Терминологическая деятельность. 3-е изд. М.: ЛКИ, 2008. 288 с.

Юлдашев А. А. Принципы составления русско-тюркских словарей. М.: Наука, 1972. 416 с.

Список сокращений

б.-м. – бурят-монгольский (язык); **ЗЕ** – заголовочная единица; **ГИК** – Государственный институт культуры; **совр.** – современный

B. D. Tsyrenov¹, O. Shinabayar²

¹ *Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, tsyrenovbabasan@mail.ru*

² *Institute of Language and Literature of the Academy of Sciences of Mongolia Ulan Bator, och.shinee@yahoo.com*

The experience of compiling the Russian-Buryat dictionary of technical terms: a general analysis

This paper analyzes the “A brief Russian-Buryat technical dictionary” compiled by D. Irdynin, A. S. Kozhevnikov, and V. I. Andreeva (Verkhneudinsk, 1933). It is the first experience of compiling a technical terminological dictionary and technical terms. The word list of the dictionary is arranged in alphabetical order. The number of entries is 1581 head unit. The word list included a relatively small number of construction and technical terms, consisting of a single

word or word-group. The principle of selecting words was due to the specificity of constructing the locomotive and wagon repair plant. Since the Buryats involved in the construction of the plant did not speak Russian well, the dictionary contains many interpretations and descriptive translations. The semantization of terms in this dictionary is represented to a greater extent by translation-equivalents. The terms are not only translated but also interpreted or translated in a descriptive way, with borrowings and combination of these methods applied. When translated, Buryat everyday vocabulary and folk terminology in this dictionary takes on the status of terms. In the absence of direct equivalents, the translator applies interpretation or descriptive translation. Extensive interpretation and a large descriptive translation were necessary not only to familiarize the Buryats with the new terminology but also to enable them to get the initial information on construction work with the help of the dictionary. In the dictionary, homonyms are not distinguished but are given in one dictionary entry. The homonymous values in the dictionary entry are separated by a comma or semicolon. The dictionary is devoid of lexicographic illustrations, but the dictionary article “tychok” includes schematic drawings of brick faces in the form of a square and a rectangle.

Keywords: Buryat language, technical terminology, dictionary, translation, interpretation, borrowing.

DOI 10.17223/18137083/69/20

References

- Bazarova V. V. *Latinizatsiya buryat-mongol'skoy pis'mennosti v 1920–1930 gg.* [Latinization of Buryat-Mongolian writing in 1920-1930]. Ulan-Ude, East Siberian State Institute of Culture Publ., 2006, 238 p.
- Baradin B. *Russko-buryatskiy terminologicheskiy slovar' po yazyku i literature s kratkimi ob'yasneniyami* [Russian-Buryat dictionary of terminology on language and literature with brief explanations]. Ulan-Ude, Burgiz, 1935, 195 p.
- Borzhonova A. N. *Kratkiy russko-buryatskiy slovar'* [Brief Russian-Buryat dictionary]. Verkhneudinsk, 1932, 79 p.
- Darbeyeva A. A. Istoricheskaya preymstvennost' v terminologii buryatskogo yazyka [Historical continuity in the terminology of the Buryat language]. In: *Istoriya i kul'tura mongoloyazychnykh narodov: istoriya i traditsii: Tez. dokl. i soobshch. Mezhdunar. "kruglogo stola" mongolovedov (Ulan-Ude, oktyabr' 1989 g.)* [History and culture of Mongolian-speaking peoples: history and traditions: Proc. of Intern. “Mongolian Studies Round Table” (Ulan-Ude, October 1989)]. Ulan-Ude, 1989, pp. 19–22.
- Desheriye Yu. D. *Sovetskiy opyt yazykovogo stroitel'stva i razvitiya literaturnykh yazykov* [Soviet experience of language construction and development of literary languages]. Elista, 1968, 80 p.
- Dondukov U.-Zh. Sh. *O razvitiy terminologii v buryatskom yazyke* [On the development of terminology in the Buryat language]. Ulan-Ude, 1970, 78 p.
- Egorov V. L. *Russko-buryatskiy slovar' geograficheskikh terminov i nazvaniy s kratkim tolkovaniyem / Pod red. B. Baradina.* Verkhneudinsk, Burgosizdat, 1934, 99 p.
- Irdyniyev D., Kozhevnikov A., Tripol'skiy V. *Kratkiy russko-buryatskiy tekhnicheskii slovar' (stroitel'nykh rabot)* [Brief Russian-Buryat technical dictionary (of construction works)]. Verkhneudinsk, 1933, 51 p.
- Rinchen B. *Terminologicheskiy slovar'* [Terminological dictionary]. Ulan-Bator, 2015, 432 p.
- Rinchine G. K probleme buryatskoy terminologii [To the problem of Buryat terminology]. *Vestnik Instituta kul'tury Buryat-Mongol'skoy ASSR.* 1931, no. 2–3, November-December, pp. 37–43.
- Russko-mongol'skiy terminologicheskiy slovar'* [Russian-Mongolian terminological dictionary]. G. R. Rinchine (Ed.), B. Baradin (Intr.). 2nd ed., rev. Verkhneudinsk, 1930, 198 p.
- Superanskaya A. V., Podol'skaya N. V., Vasil'yeva N. V. *Obshchaya terminologiya: Terminologicheskaya deyatel'nost'. 3-e izd.* [General terminology: Terminological activity. 3rd ed.]. Moscow, LKI, 2008, 288 p.
- Yuldashev A. A. *Printsipy sostavleniya russko-tyurkskiykh slovarey* [Principles of compiling Russian-Turkic dictionaries]. Moscow, Nauka, 1972, 416 p.

Е. В. Генералова

Санкт-Петербургский государственный университет

**Устойчивые сочетания,
связанные с понятийной оппозицией «прямое – кривое»,
в истории русского языка***

На материале исторических и диалектных словарей и картотек рассматривается функционирование устойчивых сочетаний, семасиологически (содержат лексемы с такими значениями) и ономасиологически (обозначают эти понятия) связанных с категориальной оппозицией «прямое – кривое». Языковой материал демонстрирует восприятие прямызни как абстрактного, непосредственного, положительно воспринимаемого качества, связанного с правдой, честностью, Богом и божественным, а кривизны – как конкретного, опосредованного, отрицательно оцениваемого свойства, интерпретируемого в связи с ложью, дьяволом, нечистой силой, ущербом, а также тяжелой работой.

Ключевые слова: русский язык, историческая лексикология, фразеология, устойчивое сочетание, понятийная оппозиция, культурная семантика.

Изучение функционирования устойчивых сочетаний (УС), связанных с категориальными, составляющими «сетку координат» модели мира понятиями, служит основой исследования познания этих свойств и выявления особенностей мировосприятия людей разных эпох. Пространственные понятия очень важны в славянской, в частности, в русской культуре; «ведущая роль пространственных характеристик в восточнославянской модели мира многократно продемонстрирована историко-культурными исследованиями и не менее доказательно закреплена в древнерусских языковых формах, унаследованных языком современным» [Лисицына, 1997, с. 132].

Понятия «прямое» и «кривое» являются значимыми для общечеловеческого менталитета, играют важную роль в практике познания, занимают существенное место в европейской и в славянской культуре. Лингвистическому выражению понятийной оппозиции «прямое – кривое» (ПК) посвящены работы Р. М. Цейтлин,

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 18-512-00005 «Воздействие языкового наследия Библии на фразеологические подсистемы русского и белорусского языков (историко-этимологический, структурный, функциональный, сопоставительный аспекты)».

Генералова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета (Университетская наб., 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия; elena-generalova@yandex.ru)

методами сравнительной лексикологии описывающей функционирование важнейших корневых групп с семантикой прямизны – кривизны в древнерусском, древнечешском и древнеболгарском языках [Цейтлин, 1990; 1996], статьи И. фон Леевен-Турновцовой о культурной семантике оппозиции [Leeuwen-Turnovcova, 1990; 1991; 1992], статья С. М. Толстой, рассматривающая культурную семантику славянского **kriv-* [Толстая, 1998], исследование Л. В. Соколовской, методами компонентного анализа описывающей семантику прилагательных с родосемей «пространство» [Соколовская, 1996].

В настоящей статье рассматриваются УС, связанные с понятийной оппозицией «прямое – кривое». Эта связь восстанавливается:

а) как семасиологическая: в состав оборота входят лексемы, обозначающие свойство прямого или кривого, использовавшиеся с такой семантикой в русском языке (*кривые сапоги; прямой угол; прямое имя* и др.);

б) ономасиологическая: семантикой УС является обозначение свойств прямизны или кривизны (*ноги колесом; прямой, как стрела* и др.).

Материалом исследования послужили данные исторических словарей и картотек, а также диалектных и фразеологических словарей.

Выделение УС в истории языка не всегда однозначно, прежде всего в связи с тем, что процесс фразеологизации носит диахронический характер. В настоящей статье используется широкое понятие «устойчивого сочетания», анализируется своего рода про-фразеологический фонд: сочетания разной степени семантической спаянности (от идиом до сочетаний на основе несвободной лексической сочетаемости), в том числе и составные наименования, которые многими исследователями выводятся за пределы собственно фразеологического фонда из-за отсутствия экспрессивного компонента и открытости таких рядов (часто с неограниченным числом компонентов). Составные наименования, которые могут быть интерпретированы как коллокации, т. е. сочетания, основанные на ограниченной взаимной сочетаемости ряда лексем, занимают фактически промежуточное положение между свободными словосочетаниями и фразеологизмами: «коллокации выходят за пределы исследования “чистой фразеологии”»; зачастую их целостность как единой номинации оказывается более значимым признаком, а под устойчивостью понимается скорее степень неслучайности совместной встречаемости слов» [Ягунова, Пивоварова, 2011].

Основным критерием выделения таких сочетаний в истории языка послужила устойчивость, т. е. частая встречаемость в историческом тексте (и, соответственно, воспроизводимость). Семантический сдвиг, наличие переноса, образа является возможным, но не обязательным фактором, так же как и экспрессивная функция оборота.

1. Устойчивые сочетания, семасиологически связанные с понятиями «прямое» и «кривое»

1.1. Фразеологизация основана на прямом и переносном значении лексем, связанных с оппозицией ПК. Среди УС, семасиологически связанных с понятийной оппозицией ПК, рассмотрим прежде всего сочетания, в основе устойчивости которых прямое значение входящих в него лексем.

Во-первых, это составные наименования, построенные по модели «имя прилагательное с семантикой ‘прямой / кривой’ + имя существительное». Значительное количество таких УС как в истории языка, так и в современном русском языке доказывает значимость признака прямизны / кривизны в человеческой практике. В истории языка большинство таких сочетаний фиксируется в памятниках русского языка XVII в., что объясняется не только количеством и характером памятников, дошедших от древнерусского и старорусского периодов, но и увеличением

количества лексики терминологического характера в русском языке XVII столетия в связи с бурным развитием ремесел и промышленности в России в этот период. В текстах XVII в. известны устойчивые сочетания *кривые башмаки (сапоги, обуви)* ‘обувь, сшитая по «кривой» колодке, для левой и правой ноги’: *А у кресел стояли на коврике башмаки его, кривые, бархатные, черные* (Посольство Толочанова, 1651 г.), *сапоги женские кривые и прямые* (Там. кн. Тихв. м., 1663 г.) [СлРЯ, т. 8, с. 55] и противоположные им *прямые башмаки (сапоги, обуви)* ‘обувь, сшитая по симметричной колодке, на одну ногу: *обувеи женских кривых и прямых красных* (Там. кн. Тихв. м., 1669 г.) [СлРЯ, т. 21, с. 29]. Эти сочетания не сохранились в литературном языке, однако хорошо известны в диалектах: см. воронежское *прямая колодка* ‘одна колодка на пару обуви’ [СРНГ, т. 33, с. 86], нижегородское *кривая колодка*, нижегор., самарское *кривые лапти* ‘мужские лапти, в отличие от «прямых» женских лаптей’ [СРНГ, т. 15, с. 245] и развитие образа – костромское *на кривую колодку сляпан (сработан)* ‘о неуживчивом человеке’ [Там же, с. 246].

Ряд составных наименований включает прилагательное *косой*, известное как обозначение кривизны с праславянского периода. Корню **-kos-* семантика кривизны свойственна в самый древний период: А. Е. Супрун указывает, что прилагательное **kosъ* в праславянском характеризовало особенности формы [Супрун, 1989, с. 211]. Это значение распространено практически во всех славянских языках: **kosъ(jь)* ‘кривой, изогнутый’ (македонский, чешский, словенский, польский, словацкий, древнерусский, русский, украинский, белорусский, верхнелужицкий, нижнелужицкий). Исследователи отмечают определенную близость значений основ *-крив-* и *-кос-*: «*кривой* и *косой* в пространственном значении выступают как частичные синонимы» [Толстая, 1998, с. 218], об известном синкретизме *-крив-* и *-кос-* пишет В. В. Колесов [1991, с. 41]; однако специфика семантики **-kos-* заключалась в том, что в праславянском **-kos-* обозначал кривизну как перекошенность, отклонение от симметрии (см. и значения древнейших сложений корня с основами, обозначающими части тела). В русском языке в XVI–XVII вв. употребление лексем с основой *-кос-* активизируется, причем основной семантикой становится не древнее значение ‘отклоняющийся от симметрии’, а значение ‘отклоняющийся от ортогональности’, появление которого связано с постепенным и более глубоким познанием признака прямизны / кривизны, накоплением тригонометрических знаний.

Ввиду специфичности обозначаемого вида кривизны, с прилагательным *косой* образуется самое большое (по сравнению с другими лексемами, связанными с оппозицией ПК) количество словосочетаний терминологического характера. В истории русского языка известны УС *косая городня, косая стена, косой острогъ* ‘изгородь, стена, забор, укрепление из наклонно поставленных жердей, бревен’ (ДАИ, 1629 г.; Арх. Гамеля, 1638 г.), *косая лестница* ‘прямая наклонная лестница (в отличие от винтовой)’ (Арх. Стр., 1634 г.) (интересно, что здесь *косой* противоположно по значению кривому, извитому), *косая вода* ‘невысокая, неравномерно спадающая полая вода’ (СГГД, 1653 г.), *косая сажень* ‘мера длины, приблизительно равная 216 см, измеряемая наискось от носка правой ноги до конца среднего пальца вытянутой руки’ противопоставлена *прямой сажени* ‘мера длины, равная 300 см’: *А сдѣлана башня о шти стѣнахъ, а стѣна, и съ углы по три сажени, стѣна прямыхъ сажень, а не косыхъ* (АМГ, 1638 г.) [СлРЯ, т. 21, с. 30], *косой пирогъ* ‘слоеный пирог, состоящий из блинов с начинкой, имеющий неправильную форму’ (Кн. расх. куш. Андр., 1698 г.), *косой воротъ* ‘стоячий воротник, застегивающийся сбоку’ (АФЗХ, ч. II, 1565 г.), *травья косые* ‘особый узор’ (Выходы ц. в. к., 1649 г.; 1659 г.), *косой дождь* ‘дождь, идущий не под прямым углом’ (Сим. Посл., XVII в.). УС с прилагательным *косой* известны и в диалектах: *косой платок* ‘косынка, треугольный платок’, *косой ветер* ‘боковой ветер’, *прямой / ко-*

сой парус ‘четырёхугольный / треугольный парус’ [Даль, т. 2, с. 174], *косой тын* [ПОС, т. 15, с. 318]. Тенденция к образованию таких устойчивых сочетаний прослеживается и в современном русском языке: см. *прямой / косой пробор* ‘проходящая посередине / наискось линия, образующаяся между расчесанными на две стороны волосами’ и др.

Большое количество терминологических сочетаний с *косой*, возможно, связано и с тем, что за счет достаточно специфической семантики, лежащей иногда на границе значений ‘прямой’ и ‘кривой’, в значении *-кос-* в меньшей степени, чем в значении *-крив-*, присутствует идея ненормативности, ущерба. Неслучайно прилагательное *косой* и производные в наименьшей степени развивают переносные значения в истории русского языка. Наклонное, имеющее скос, далеко не всегда неправильно, может быть и нормативным. Поэтому сочетания с прилагательным *косой* могут не противопоставляться сочетаниям с *прямой* или *правый*, а лишь называть какую-то реалию, уточняя, подчеркивая ее отличительный признак.

С постепенным познанием проявлений неоднородного признака кривизны и развитием знаний об углах связано и появление устойчивого сочетания *прямой угол* ‘угол, образованный пересечением перпендикулярных прямых’. Это сочетание терминологизируется с XVI в. (см. в аналогичных более ранних контекстах речь идет о правильности формы, но не об ортогональности: *прямья оуглы премъняюще* (о сотах пчел) (Гр. Наз. с толк. Ник. Ир., XIV в.) [СлРЯ, т. 21, с. 29]). К XVI в. восходит и сложение *прямоугольный*, образованное на базе данного УС.

Другой тип составных наименований, непосредственно связанных с обозначением признака прямизны / кривизны, включает существительное конкретного значения, обозначающее различные искривленные предметы и согласующееся с ними конкретизирующее их прилагательное: см. сочетания с лексемами *крюк* и *крючок*, *дуга* и *дужка*. Первая фиксация лексемы *крюкъ* (*крукъ*) относится к 1471 г. В памятниках XVI–XVII вв. для конкретизации значения слово *крюкъ* часто использовалось с различными выделяющими определениями в УС: *крюкъ удебный* ‘рыболовный крючок’, *крюкъ весовой* ‘весы’, *крюкъ сопцовый*, *сопѣжный* ‘упор для весла из комля с перпендикулярным ему корнем’ [СлРЯ, т. 8, с. 97–98] и др. (ср. современное *спусковой крючок*). Как обозначение предметов характерной формы известно и слово *дуга*. В древнейших памятниках слово фиксируется в устойчивом сочетании *дуга небесная* ‘радуга’, в деловых памятниках XVI–XVII вв. лексемы *дуга* и *дужка* известны в специальных УС *дуга котельная* ‘ручка для котла изогнутой формы’, *дуга (дужка) цренная (церенная, цыренная)* ‘приспособление, с помощью которого над варничной печью подвешивается большая сковорода для выпаривания соли’, *дуга кожушина* ‘выгнутая часть свода печи’ [СОРЯ, т. 6, с. 70–72].

Составные наименования, включающие существительные-обозначения предметов по признаку прямизны-кривизны, почти не образуются в подгруппе прямизны, что позволяет сделать предположение о восприятии признака кривизны как более конкретного. Это связано с объективной неоднородностью признака кривизны и разнотипностью его проявлений.

Устойчивые сочетания, которые образуются на основе переносных значений лексем, связанных с понятийной оппозицией ПК, фиксируются в большинстве своем позже, в национальный период развития языка (см. *кривить душой*, *кривое зеркало*, *прямая / косвенная речь*). В старорусском языке лексемы, связанные с понятием прямизны, последовательно развивают значения ‘честный, истинный’, в связи с чем возникают следующие УС: *и прямь и правдою (служить)*, *прямое имя* ‘настоящее, полное имя’ (*И ты меня спросила прямое ли имя Овдоця и я тебѣ сказала что прямое.* – МДБП, 1641 г.), *прямые деньги* ‘настоящие, офици-

ально принятые при расчетах средства оплаты, обращения' (*Я бы видяль, что прямые денги взять мошно*. – В-К III, 1645 г.) [КСОРЯ], *прямой царь* 'настоящий, истинный правитель, не самозванец' (*Войско ему отказаша: Так де присылают не цари, шишиморы. Коли де ты прямой царь, или воинь, и ты де поиди самъ и возми своею главою... а не грозами, и кров свою также пролей* – Аз. пов., 34, XVII в.) [КДРС].

Лексемы, связанные с понятийной оппозицией ПК, в истории языка достаточно рано и последовательно обнаруживают связь с понятиями 'Бог, божественное' и 'дьявол, нечистая сила'. Уже в древнерусском языке возникают устойчивые сочетания *правая вѣра* и *кривая вѣра*, на базе которых образуются соответствующие сложения для обозначения православия как истинной веры и ереси как отклонения от нее. Характерно, что для УС, фразеологизация которых основана на переносном значении лексем подгрупп ПК, можно говорить об общей сильной положительной / отрицательной коннотации. Как пишет Р. М. Цейтлин, «в основе – противопоставление добра (истинного, Бога), прямого, правдивого, справедливого, и зла (антипода Бога), кривого, неправдивого, несправедливого» [Цейтлин, 1996, с. 191].

1.2. Фразеологизация основана на метафорическом осмыслении словосочетания. Отдельную группу составляют сочетания, в которых переносное значение образуется на основе метафорического осмысления словосочетания в целом, т. е. фактически фразеологизмы в узком смысле. Здесь можно выделить следующие модели.

1.2.1. Прямизна / кривизна пути – правда / ложь, вранье. Ряд сочетаний исходно обозначает прямую, кратчайшую / кривую, объездную дорогу. Собственно, такие сочетания могут быть интерпретированы и как свободные, но нельзя не указать на частую совместную встречаемость лексем *прямой* (*прямохожий, прямоезжий*) *путь* и *кривая* (*окольная*) *дорога* (*дороженька*). Образ прямого пути оказывается очень важным в славянском восприятии *прямизны* и служит основой образования переносных значений сочетаний *прямым / кривым путем*, см.: *прямая дорога, прямой путь* 'о правильных и честных средствах достижения чего-л.; о честной жизни кого-л.'; *кривым путем* 'о непрямых, обходных средствах достижения чего-л.'. Именно образ прямого пути лежал в основе понятия *прямизны* в древности (ср. современное понятие о прямой линии в основе современного понятия о *прямизне*). Принципиальна гипотеза Р. М. Цейтлин о том, что изначально путь мыслился именно *прямым*, понятие пути как проложенной, ведущей, *прямой* (кратчайшей) дороги восходит к глубокой древности, что находит отражение и в этимологии ряда лексем со значением пути, дороги, тропы, прохода в индоевропейских языках, в том числе и славянских [Цейтлин, 1996, с. 141]. Положительная оценка прямого пути имеет место и в пословицах (*Бог дал путь, а чорт кинул крюк*), и в семантике лексем, связанных с обозначением собственно пути (см. *беспутный* 'не имеющий пути, дороги' > перен. 'безрассудный', 'легкомысленный', лексемы с корнем *-блуд-*, обозначающие отклонения от прямого пути в прямом и переносном смысле, и др.).

Ввиду метафоричности древних текстов, обусловленной библейской образностью, в ряде случаев трудно провести границу между прямой и переносной семантикой сочетаний, обозначающих *прямой / кривой путь*, см.: *Поиде по правьднууму пути и прѣложу стрѣпътная на правость и жестокъ въ пути гладькы* (Псалт. Чуд., XI в.) [СлРЯ, т. 18, с. 120]. На сложность подобных контекстов в связи с «возможностью двоякого толкования слова в контексте... разноплановостью понятийно-семантических категорий... причудливым совмещением абстрактных обобщений христианской догматики и реальных фактов, возможных в действительности» обращает внимание Н. Г. Михайловская как раз в связи с выяснением значения сочетания *правый путь* [Михайловская, 1968, с. 99]. Од-

нако восприятие прямого пути как правильного образа жизни, несомненно, имело место уже в древнейший период.

1.2.2. *Ехать на «кривой» лошади (с физическими недостатками) – полагаться на судьбу, случай.* Истории русских фразеологизмов *куда кривая вывезет (выведет, вынесет)* ‘так, как случится’, *кривая вывезет (вынесет)* ‘кому-л. повезет’, *на кривой не объедешь* (в пословицах) ‘не избежишь встречи (как судьбы)’ вызвала интерес многих исследователей. В «Историко-этимологическом словаре» А. К. Бириха, В. М. Мокиенко, Л. И. Степановой представлено пять версий происхождения этого выражения: исходная его форма может быть реконструирована как «на кривой лошади не объедешь» или «как на кривой козе не объедешь», лексема же *кривая* интерпретируется как ‘слепая и старая (лошадь)’; как ‘хромая (лошадь)’; в связи с кривыми, гнутыми оглоблями; в связи с окольным, кривым путем [Русская фразеология, с. 358]. Нам кажется убедительной версия В. М. Мокиенко, по которой *кривая* – ‘хромая лошадь’ [Мокиенко, 1998, с. 272–279], т. е. версия в связи с древней мифологической семантикой кривого как ущербного. В памятниках русского языка выражение не обнаруживается, фиксируется в письменных источниках только с XIX в.

1.2.3. *Кривизна мышц, искривленное выражение лица – ложь, неискренность.* В некоторых устойчивых сочетаниях, включающих прилагательные подгруппы кривизны, метафоризация возникает на основе осмысления соответствующего выражения лица, мимики, гримасы как выражения неискренности: *криво улыбаться, усмехаться* ‘улыбаться неискренно, принужденно’, *косая (кривая) улыбка, усмешка* ‘неискренняя, принужденная улыбка, усмешка, выражающие презрение, недовольство’, *косой взгляд* ‘подозрительное, недоверчивое; недовольное выражение лица’. В памятниках русского языка такие сочетания не фиксируются, возникая позже с появлением внимания к внутренней, эмоциональной жизни человека. Ср. в «Словаре русского языка XVIII в.» с пометой «входящее в употребление» указаны лексемы *кривляться* (значение ‘становиться кривым’, напротив, устаревает), *кривляние, кривляка* и УС *кривить рот, нос, губы* ‘делать гримасы’ [СРЯ 18 в., т. 11, с. 13]. Представляется, однако, что такая семантика может быть рассмотрена и в связи с древней, мифологической семантикой ущерба, присущей лексемам подгруппы кривизны: см. *Избави насъ, Боже, отъ лыса, коса, рыжа и кривоноса!* [Даль, т. 2, с. 194]. Д. К. Зеленин пишет: «У русских кое-где известно подставное имя для черта – *косой*. *Косой же возьми!* (брань). *Косой* означает в великорусских говорах также и врага, кто косо смотрит» [Зеленин, 1930, с. 96].

1.2.4. *Согнутая спина – тяжелый труд.* В памятниках русского языка донационального периода УС с такой семантикой неизвестны, однако в диалектах и в современном русском языке фиксируются обороты, в которых переносное значение ‘тяжело работать, трудиться’ возникает на основе характерной позы: *гнуть спину (хребет, горб)* ‘выполнять тяжелую работу, трудиться до изнеможения, без отдыха’ (ср. *горбатиться*), *работать не разгибая спины* ‘трудиться без отдыха’ (ср синонимичное *работать не покладая рук*) и др.

2. Устойчивые сочетания,

ономастиологически связанные с понятиями «прямое» и «кривое»

Большинство УС, обозначающих физическое свойство прямизны/кривизны, образуются на основе описания характерной формы или сравнения с предметом, имеющим такую форму.

В «Словаре фразеологических синонимов русского языка» в качестве синонимов к прилагательному *кривоногий* в современном русском языке указываются сочетания *ножки как кавычки, ноги колесом, ноги как дуги, ноги ижицей, ноги в разные стороны играют* [Бирих и др., 2009, с. 23]. В «Словаре сравнений рус-

ского языка» В. М. Мокиенко приводит сравнения со значениями 'прямой' и 'кривой', демонстрирующие образность восприятия этих качеств. Таких сравнений значительно больше в подгруппе прямизны: см. *прямой как (верстовой) столб, веха, жердь, кол, линейка, свеча, свечка, стрела, струна, струнка, шест; прям как дуга* [Мокиенко, 2003, с. 570], ср.: *кривой как полумесяц, как турецкий ятаган* [Там же, с. 545].

Механизм образования таких сочетаний близок адвербиализации в истории языка существительных с семантикой 'предмет характерной формы' в форме творительного падежа единственного числа в истории языка. См. появление в языке XVI–XVII вв. новых лексем *крюкомъ* 'в виде крюка, искривлённо': *И отъ того удара жилы и персты сволокло крюкомъ* (АХУ I, 1687 г.) [СлРЯ, т. 8, с. 98], *локтемъ* 'в виде локтя, с изгибом, излучиной': *А за рѣкою Боронеземъ на локтинѣ, что поворотила рѣка отъ Борцевой слободы къ монастырю локтемъ на берегу на дубъ* (Тамб. арх. XXV, 1664 г.) [СлРЯ, т. 8, с. 277], *изгибью* 'с извилами, извилисто': *Пала в реку Вычегду река Немь; протоку Неме реки 470 верст, текла изгибью криво* (Кн. Б. Чертежу (С), 1627 г.) [СлРЯ, т. 6, с. 135], *калачемъ* 'круто загнутые'; *коломъ* 'прямо, вертикально': *И коломъ поставльше веру леду древета велика* (Пролог, XV в.) [СлРЯ, т. 7, с. 231].

Такие наречия никогда не обозначали направление (ср. наречие *прямо*), только форму. Само их появление показывает процесс осмысления абстрактного физического свойства на основе конкретных представлений. В этом же русле находится и образование УС со значениями 'прямой/кривой' в современном языке на базе обозначения формы характерных предметов.

Таким образом, изучение УС, связанных с полем прямизны – кривизны, поясняет восприятие этих свойств, культурную семантику соответствующих понятий. Языковой материал демонстрирует, что прямизна воспринималась как абстрактное, непосредственное, однотипное (имеющее небольшое количество конкретных проявлений), положительно воспринимаемое качество, в основе которого в древности лежал образ прямого пути и которое было интерпретировано в связи с правдой, честностью, Богом и божественным, нормой, здоровьем, полноценностью, а кривизна – как конкретное, опосредованное, разнотипное отрицательно оцениваемое свойство, интерпретируемое в связи с ложью, дьяволом, нечистой силой, болезнью, ущербом, а также тяжелой работой.

Список литературы

Зеленин Д. К. Табу слов у народов восточной Европы и северной Азии // Сб. Музея антропологии и этнографии. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. Т. 9, вып. 2. С. 3–166.

Колесов В. В. Семантический синкретизм как категория языка // Вестн. Ленингр. гос. ун-та. Сер. 2. История. Языкознание. Литературоведение. 1991. № 2. С. 40–49.

Лисицына Т. А. Пространственные образы жизненного мира в языке науки и искусства XVIII века // Исторический источник: человек и пространство: Тез. докл. и сообщений науч. конф., Москва, 3–5 февраля 1997 г. М., 1997. С. 132–135.

Михайловская Н. Г. О тематическом употреблении некоторых синонимичных прилагательных в языке древнерусских памятников XI–XVII веков // Русская историческая лесикология: Сб. ст. / Под ред. С. Г. Бархударова. М.: Наука, 1968. С. 96–103.

Мокиенко В. М. От авося до ятя. Почему так говорят?: Справ. по русской идиоматике. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1998. 512 с.

Соколовская Л. В. История слов с корнем -лук- / -ляк- в русском языке XI–XX вв. (семантический аспект): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь: Перм. гос. ун-т, 1996. 16 с.

Супрун А. Е. Введение в славянскую филологию. Минск: Выш. шк., 1989. 432 с.

Толстая С. М. Культурная семантика славянского *křiv- // Слово и культура: Памяти Н. И. Толстого / Под ред. Т. А. Агапкиной, А. Ф. Журавлевой, С. М. Толстой. М.: Индрик, 1998. Т. 2. С. 215–230.

Цейтлин Р. М. Корневые лексико-семантические группы со значениями прямыны – кривизны в древних славянских языках // Старобългаристика. 1990. № 1. С. 91–105.

Цейтлин Р. М. Сравнительная лексикология славянских языков X/XI–XIV/XV вв. М.: Наука, 1996. 232 с.

Ягунова Е. В., Пивоварова Л. М. От коллокаций к конструкциям // Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы / Отв. ред. С. С. Сай. СПб., 2011. (Acta linguistica Petropolitana; Тр. ИЛИ РАН / Отв. ред. Н. Н. Казанский).

Leeuwen-Turnovcova I. Rechts und Links in Europa. Berlin, 1990. 280 S.

Leeuwen-Turnovcova I. Krumm und Drehen im Kulturparadigma der Ordnung // Znakolog. 1991. No. 3. S. 131–166.

Leeuwen-Turnovcova I. Warum ist das Recht gerade? // Zeitschrift für slavische Philologie. 1992. No. 51. S. 52–73.

Список словарей и картотек

Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь фразеологических синонимов русского языка / Под ред. В. М. Мокиенко. М.: АСТ-пресс Книга, 2009.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. 4-е изд., стереотип. М.: Рус. яз.: Медиа, 2007.

КДРС – Картотека древнерусского словаря (Институт русского языка им. В. В. Виноградова).

КСОРЯ – Картотека «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» (СПбГУ, Межкафедральный словарный кабинет им. проф. Б. А. Ларина).

Мокиенко В. М. Словарь сравнений русского языка. СПб.: Норинт, 2003.

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Т. 1–26. Л.; СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1967–.

СлРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1–30. М.: Наука, 1975–.

СОРЯ – Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Т. 1–7. СПб.: Наука. 2004–.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Т. 1–43. Л., СПб.: Наука. 1965–.

СРЯ 18 в. – Словарь русского языка XVIII века. Т. 1–20. Л.; СПб.: Наука, 1984–.

Русская фразеология – Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология: Историко-этимологический словарь. М.: АСТ: Астрель, 2005.

Список источников

Аз. пов. – Орлов А. Исторические и поэтические повести об Азове. Тексты. М., 1906.

АМГ – Акты Московского государства. СПб.: Изд-во Академии наук, 1890–1901.

Арх. Гамеля – Собрание Гамеля // ЛОИИ. Ф. Г75.

- Арх. Стр. – Архив П. М. Строева. Пг., 1915, 1917 // РИБ. Т. 32, 35.
- АФЗХ – Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. / Подгот. к печати Л. В. Черепнин, А. А. Зимин. Ч. I–II. М., 1951–1956.
- АХУ I – Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Ч. 1. (РИБ. Т. 12). СПб., 1890.
- В-К III – Вести-Куранты 1645–1646, 1648 гг. / Изд. подгот. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов; под ред. С. И. Коткова. М., 1980.
- Выходы ц. в. к. – Выходы государей царей и великих князей Михаила Феодоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича всея Руси самодержцев (1632–1682 гг.) / Сообщ. П. М. Строев. М., 1844.
- Гр. Наз. с толк. Ник. Ир. – 16 слов Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского // ГИМ. Син. № 954. Л. 1–213 [XIV в.].
- ДАИ – Дополнения к Актам историческим, собр. и изд. Археограф. комиссией. Т. 2–12. СПб., 1846–1875.
- Кн. Б. Чертежу (С) – Книга Большому Чертежу / Подгот. к печати и ред. К. Б. Сербиной. М.; Л., 1950.
- Кн. расх. куш. Андр. – Расходная книга Патриаршего приказа кушаньям, подававшимся патриарху Адриану и разного чина лицам с сентября 1698 по август 1699 г. / Под ред. А. А. Титова. СПб., 1890.
- МДБП – Московская деловая и бытовая письменность XVII в. / Изд. подгот. С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. М., 1968.
- Посольство Толочанова – Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию (1650–1652) / Документы издал и введением снабдил М. Полиевктов. Тифлис, 1926. (Международ. снош. Грузии с иноземн. странами; вып. 1).
- Псалт. Чуд. – Псалтырь с толкованиями Феодорита Кирского («Чудовская») // ГИМ. Чуд. 7. Л. 1–176. XI в. (Изд.: *Погорелов В.* Чудовская псалтырь XI в. СПб., 1910).
- СГГД – Собрание государственных грамот и договоров, хранящиеся в гос. Коллегии иностранных дел. М., 1813–1894.
- Сим. Посл. – Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX ст. / Собрал П. Симони // Сб. ОРЯС. СПб., 1899. Т. 66, № 7.
- Там. кн. Тихв. м. – Таможенные книги Успенского Тихвинского монастыря XVII в. // Рукоп. ЛОИИ. Ф. 132. Оп. 2.
- Тамб. Арх. – Изв. Тамбовской архивной ученой комиссии. Тамбов, 1888–1889.

E. V. Generalova

*Saint Petersburg University
Saint Petersburg, Russian Federation, elena-generalova@yandex.ru*

**Fixed word combinations dealing with the mental opposition “straight – curved”
in the history of the Russian language**

The paper deals with the fixed word combinations connected with the conceptual opposition “straight – curved” in semantic aspect (the fixed word combinations include the words used in Russian with semantic meaning of “straight” or “curved”), etymological aspect (the fixed word combinations originating from the concepts of “straight” or “curved”), and onomasiological aspect (the semantics of fixed word combinations is the designation of straightness or curvature properties). The research analyses the data of historical dictionaries, card files, and dialect and phraseological dictionaries. The collocations including the lexemes with the semantics of “straight” or “curved” in a direct sense are mainly compound names, nomenclature designations of objects. In the history of Russian language, the word combinations, the phraseologization of which is based on a figurative meaning of lexemes of “straightness and curvature,” realize

primarily the metaphoric models “straight / curved – truth / lie,” “straight / curved – God / devil,” “straight / curved – order, norm / disorder, deviation from the norm.” In a number of phraseological units, the figurative sense is based on the metaphorical understanding of the phrase as a whole. The fixed word combinations denoting the physical characteristics of “straightness / curvature” are formed based on the description of a specific form or comparison with an object having such a shape. The analysis shows that the straightness was perceived as an abstract, direct, homogeneous (having a small number of concrete manifestations), positively marked quality based on the image of a direct way in the ancient time, interpreted in connection with truth, honesty, God and divine. And the curvature was perceived as a concrete, mediated, polytypic negatively estimated quality, interpreted in connection with the lie, devil, evil, and also hard work.

Keywords: Russian language, historical lexicology, phraseology, fixed word combination, mental opposition, cultural semantics.

DOI 10.17223/18137083/69/21

References

- Kolesov V. V. Semanticheskiy sinkretizm kak kategoriya yazyka [Semantic syncretism as a category of language]. *Vestn. Leningr. gos. univ. Ser. 2. Istoriya. Yazykoznaniye. Literaturovedeniye*. Leningrad, no. 2, pp. 40–49.
- Leeuwen-Turnovcova I. Krumm und Drehen im Kulturparadigma der Ordnung. *Znakolog*. 1991, no. 3, pp. 131–166.
- Leeuwen-Turnovcova I. *Rechts und Links in Europa*. Berlin, 1990, 280 p.
- Leeuwen-Turnovcova I. Warum ist das Recht gerade? *Zeitschrift für slavische Philologie*. 1992, no. 51, pp. 52–73.
- Lisitsyna T. A. Prostranstvennyye obrazy zhiznennogo mira v yazyke nauki i iskusstva XVIII veka [Spatial images of the vital world in the language of science and art of the 18th century]. In: *Istoricheskiy istochnik: chelovek i prostranstvo: Tez. dokl. i soobshcheniy nauch. konf., Moskva, 3–5 fevralya 1997 g.* [Historical source: man and space: Proc. report and messages of scientific conf., Moscow, Febr. 3–5, 1997, Moscow]. Moscow, 1997, pp. 132–135.
- Mikhaylovskaya N. G. O tematicheskom upotreblenii nekotorykh sinonimichnykh prilagatel'nykh v yazyke drevnerusskikh pamyatnikov XI–XVII vekov [On the thematic use of some synonymous adjectives in the language of ancient Russian monuments of the 11–17th centuries]. In: *Russkaya istoricheskaya leksikologiya: Sb. st.* [Russian historical foresticology: Coll. of art.]. S. G. Barkhudarov (Ed.). Moscow, Nauka, 1968, pp. 96–103.
- Mokiyenko V. M. *Ot avosya do yatya. Pochemu tak govoryat?: Sprav. po russkoy idiomatike* [From Avos to Yat. Why do they say so?: Handbook of Russian idiomatics]. St. Petersburg, SPbU Publ., 1998, 512 p.
- Sokolovskaya L. V. *Istoriya slov s kornem -luk-/-lyak- v russkom yazyke XI–XX vv. (semanticheskiy aspekt)* [History of words with the root luk-/-lyak- in Russian of 11–20th centuries (semantic aspect)]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Perm, PSU, 1996, 16 p.
- Suprun A. E. *Vvedenie v slavyanskuyu filologiyu* [Introduction to Slavic Philology]. Minsk, Vysh. shk., 1989, 432 p.
- Tolstaya S. M. Kul'turnaya semantika slavyanskogo *kriv- [Cultural semantics of Slavic *kriv-]. In: *Slovo i kul'tura: Pamyati N. I. Tolstogo* [Word and culture: in memory of N. I. Tolstoy]. T. A. Agapkina, A. F. Zhuravlev, S. M. Tolstaya (Eds.). Moscow, Indrik, 1998, vol. 2, pp. 215–230.
- Tseytlin R. M. Kornevye leksiko-semanticheskie gruppy so znacheniyami pryamizny – krivizny v drevnikh slavyanskikh yazykakh [Root Lexico-Semantic Groups with Straight Values – Curvatures in the Ancient Slavic Languages]. *Paleobulgarica*. 1990, no. 1, pp. 91–105.
- Tseytlin R. M. *Sravnitel'naya leksikologiya slavyanskikh yazykov X/XI–XIV/XV vv.* [Comparative Lexicology of Slavic languages of 10/11–14/15th centuries]. Moscow, Nauka, 1996, 232 p.
- Yagunova E. V., Pivovarova L. M. Ot kollokatsiy k konstruktsiyam [From collocations to structures]. In: *Pusskiy yazyk: konstruktsionnyye i leksiko-semanticheskiye podkhody* [Russian language: constructional and lexico-semantic approaches]. S. S. Say (Ed.). St. Petersburg, 2011. (Acta linguistica Petropolitana; Tr. ILI RAN. N. N. Kazanskiy (Ed.)).

Zelenin D. K. Tabu slov u narodov vostochnoy Evropy i severnoy Azii [Tabu of words among the peoples of Eastern Europe and North Asia]. In: *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii* [Collection of Museum of Anthropology and Ethnography]. Leningrad, AN SSSR, 1930, vol. 9, iss. 2, pp. 3–166.

List of dictionaries and card files

Birikh A. K., Mokiyenko V. M., Stepanova L. I. *Slovar' frazeologicheskikh sinonimov russkogo yazyka* [Dictionary of Phraseological synonyms of Russian language]. V. M. Mokienko (Ed.). Moscow, AST-press Kniga, 2009.

Birikh A. K., Mokiyenko V. M., Stepanova L. I. *Russkaya frazeologiya: Istoriko-etimologicheskii slovar'* [Russian phraseology: Historical and etymological dictionary]. Moscow, AST, Astrel', 2005.

Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: V 4 t. 4-e izd., stereotip.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols. 4th ed., stereot.]. Moscow, Rus. yaz., Media, 2007.

Kartoteka Drevnerusskogo yazyka [Card file of the Dictionary of Old-Russian Language] (Inst. russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova).

Kartoteka "Slovara obikhodnogo russkogo yazyka Moskovskoy Rusi XVI–XVII vv." ["Card file "Dictionary of everyday Russian of the Moscow Russia of the 16–17th centuries"] (SPbGU, Mezkhafedra'lnyy Slovarnyy kabinet im. prof. B. A. Larina).

Mokienko V. M. *Slovar' sravneniy russkogo yazyka* [Dictionary of Comparisons of Russian language]. St. Petersburg, Norint, 2003.

Pskovskiy oblastnoy slovar' s istoricheskimi dannymi [Pskov Regional dictionary with historical data]. Vols 1–26. Leningrad, St. Petersburg, SPbU Publ., 1967–.

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of Russian of the 11–17th centuries]. Vols 1–30. Moscow, Nauka, 1975–.

Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian folk dialects]. Vols 1–43. Leningrad, St. Petersburg, Nauka, 1965–.

Slovar' obikhodnogo russkogo yazyka Moskovskoy Rusi XVI–XVII vv. [Dictionary of everyday Russian of the Moscow Russia of the 16–17th centuries]. Vols 1–7. St. Petersburg, Nauka, 2004–.

Slovar' russkogo yazyka XVIII veka [Dictionary of Russian of the 18th century]. Vols 1–20. Leningrad, St. Petersburg, Nauka, 1984–.

List of sources

16 slov Grigoriya Bogoslova s tolkovaniyami Nikity Irakliyskogo [16 words of Gregory the theologian, Nikita Gerakleyskiy interpretations]. GIM. Sin. No. 954. L. 1–213 [XIV v.].

Arkhiv P. M. Stroeva [Archive of P. M. Stroev]. Petrograd, 1915, 1917, RIB, vols 32, 35.

Akty Moskovskogo gosudarstva [Acts of Moscow State]. St. Petersburg, Izd. Akademii nauk, 1890–1901.

Akty feodal'nogo zemlevladieniya i khozyaystva XIV–XVI vv. [Acts of feudal land tenure and agriculture of the 14–16th centuries]. L. V. Cherepnin, A. A. Zimin (Prep. for print.). Pts. 1–2, Moscow, 1951–1956.

Akty Kholmogorskoy i Ustyuzhskoy eparkhiy. Ch. 1 [Acts of the Kholmogorsk and Ustyuzh Dioceses. Pt 1]. (RIB. Vol. 12). St. Petersburg, 1890.

Dopolneniya k Aktam istoricheskim, sobr. i izd. Arkheograf. komis. [Additions to the Historical Acts. Coll. and ed. by archaeological commission]. Vols 2–12. St. Petersburg, 1846–1875.

Izvestiya Tambovskoy arkhivnoy uchenoy komissii [News of Tambov archival scientific commission]. Tambov, 1888–1889.

Kniga Bol'shomu Chertezhu [The Book of the Great Drawing]. K. B. Serbina (Prep. for the print, ed.). Moscow, Leningrad, 1950.

Moskovskaya delovaya i bytovaya pis'mennost' XVII v. [Moscow business and consumer writing of 17th century]. S. I. Kotkov, A. S. Oreshnikov, I. S. Filippova (Comps). Moscow, 1968.

Orlov A. *Istoricheskiye i poeticheskiye povesti ob Azove. Teksty* [Historical and poetic stories of Azov. Texts]. Moscow, 1906.

Posol'stvo stol'nika Tolochanova i d'yaka Ievleva v Imeretiyu (1650–1652) [Embassy of Tolochanov and Ievlev in Imereti (1650–1652)]. M. Poliyevktov (Intr. Art., Ed.). Tiflis, 1926. (Mezhdunar. snosh. Gruzii s inozemn. stranami; iss. 1).

Psaltyr' s tolkovaniyami Fedorita Kirrskogo ("Chudovskaya") [Psalter with interpretations of the Fedorit Kirrskiy ("Chudovskaya")]. GIM. Chud. 7. L. 1–176. XI v. (Izd.: Pogorelov V. Chudovskaya psaltyr' XI v. St. Petersburg, 1910).

Raskhodnaya kniga Patriarshego prikaza kushan'yam, podavavshimsya patriarkhu Adrianu i raznogo china litsam s sent. 1698 po avg. 1699 g. [Book a shipment of the patriarchal order foods, served to Patriarch Adrian and rank individuals with Sept. 1698 on Aug. 1699 g]. A. A. Titov (Ed.). St. Petersburg, 1890.

Sobranie Gamelya [Gamel Collection]. LOII. F. G75.

Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khranyashcheesya v gos. kollegii inostrannykh del [Collection of public charters and treaties, stored in the State. College of Foreign Affairs]. Moscow, 1813–1894.

Starinnye sborniki russkikh poslovits, pogovorok, zagadok i proch. XVII–XIX st. [Old collections of Russian proverbs, sayings, riddles, etc. 17–19th centuries]. Collected by P. Simoni. Sb. ORYaS. St. Petersburg, 1899, vol. 66, no. 7.

Tamozhennye knigi Uspenskogo Tikhvinskogo monastyrya XVII v. [Customs books of the Dormition monastery of the 17th century]. Rukop. LOII. F. 132. Op. 2.

Vesti-Kuranty 1645–1646, 1648 gg. [Vesti-Kuranty 1645–1646, 1648]. N. I. Tarabasova, V. G. Dem'yanov (Prep. of the ed.), S. I. Kotkova (Ed.). Moscow, 1980.

Vykhody gosudarey tsarey i velikikh knyazey Mikhaila Feodorovicha, Aleksey Mikhailovicha, Fedora Alekseyevicha vseya Rusii samodержitsev (1632–1682 gg.) [Outputs of Kings and Princes of Russia Michael T., Alexei Mikhailovich, Fedor Alekseevich all autocrats of Russia (1632–1682)]. P. M. Stroeve (Rep.). Moscow, 1844.

А. Р. Тазранова

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

**О статусе некоторых усложненных
аналитических форм прошедшего времени
(на материале алтайского языка)***

Рассматриваются формы прошедшего времени алтайского языка. Основное внимание уделяется усложненным аналитическим конструкциям, где активное участие принимают два глагола движения: *кел* = 'приходить' и *бар* = 'уходить', которые, кроме основного своего значения, могут выступать в качестве служебных элементов, являясь директивными маркерами направления и локализации в роли второго компонента аналитических конструкций. Подробно анализируются значения и употребление стяженных форм и конструкций в динамике их развития. Показана полифункциональность данных финитных форм, определены релевантные значения, указаны особенности их употребления.

Ключевые слова: тюркские языки Сибири, алтайский язык, синтетические формы, аналитические формы, усложненные аналитические формы, аналитические конструкции, темпоральность, прошедшее время, финитные формы, аспектуальность, эвиденциальность.

Поле прошедшего времени в тюркских языках, в частности в алтайском, представлено большим количеством форм, по сравнению с полем настоящего и будущего. В разных описаниях временных форм алтайского языка прошедшее время представляют от 2-х до 8-ми форм (=ДЫ, =ГАН, =Й / АТАН, =(Ы)НТБІР; =ЫП *јат* + *ты*; =ЫП *тур*=ДЫ, =ГАН *эди*, =ЫП *тур*=ГАН *эди*, =Й / АТАН *эди*, =ГАН *бол*=ЗОН) [ГАЯ, 1869, с. 250–251; Дыренкова, 1940, с. 170–174; Баскаков, 1997, с. 182; ГСАЯ, 2017, с. 361–373].

Форма прошедшего времени на =ДЫ в разных фонетических вариантах имеется почти во всех тюркских языках, начиная на востоке с якутского, заканчивая на западе гагаузским. В грамматиках тюркских языков у данной формы отмечаются разные значения: 1) действие, совершенное в недавнем прошлом; 2) действие законченное и однократное; 3) действие, которое говорящий лично наблюдал или

* Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

Тазранова Алена Робертовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; atazranova@mail.ru)

которое он представляет себе так ясно (зримо, наглядно), как будто он был его очевидцем [Дмитриев, 1948, с. 140; Языки мира..., 1997, с. 29–31].

Этимология данной формы не совсем ясна. Н. А. Баскаков отмечает, что исторически форма на =ды является причастием и восходит к более древней и полной форме на =дыг [Баскаков, 1951, с. 205]. Другие ученые (О. Бётлингк, П. М. Мелиоранский, Н. К. Дмитриев, А. Н. Кононов и др.) предполагают, что форма на =ды произошла от именной формы. Однако конкретное решение этого вопроса остается открытым.

Многие исследователи считают, что форма на =ды является единственной изначально финитной формой в системе тюркских времен. М. Ердал отмечает, что форма прошедшего времени на =ды была формой претерита в древних тюркских языках [Erdal, 2004, p. 272], Tekin [1968, p. 188], В. М. Насилов [1963, с. 14] считают ее формой перфекта. На современном этапе во многих тюркских языках эта форма выражает семантику прошедшего очевидного или законченного недавно прошедшего времени, например, в тюркских языках южной Сибири.

В современном алтайском языке форма на =ды является полисемантической, которая в зависимости от контекста и семантики глагола может выражать разные значения времени, совмещенные со значениями эвиденциальности, модальности и аспектуальности. В связи с этим нет единого мнения относительно основного значения этой формы в алтайском языке, разные исследователи называют ее по-разному: «повествовательным прошедшим», «прошедшим 1-м», «достоверным», «объективным», «недавнепрошедшим», «настояще-прошедшим», «прошедшим определенным», «прошедшим категорическим», «прошедшим достоверным» [ГАЯ, 1869, с. 232; Дыренкова, 1940, с. 170; Баскаков, 1997, с. 182; ГСАЯ, 2017, с. 361–363].

У формы на =ды в современном алтайском языке можно выделить до 6-ти значений:

1) эвиденциальная семантика (засвидетельствованность действия); 2) предел процессуального действия; 3) законченность одноактного действия со значением прямой засвидетельствованности.

О частных случаях специфического употребления формы на =ды впервые упомянул Н. А. Баскаков [1958, с. 277–278], затем Л. Тенова [2005] и А. А. Озона и Н. Н. Федина [2018, с. 236]: 4) в значении адмонитива форма на =ды используется говорящим для предостережения субъекта от неприятных и нежелательных возможностей или действий. В некоторых случаях данная форма применяется в значении прохибитива, вернее адмонитива (выражает предостережение адресату относительно возможных негативных последствий), например, *бала жыгылды* ‘как бы ребенок не упал’; *сүт төгүлди* ‘как бы молоко не пролилось’; 5) с вопросительной частицей =ба форма на =ды при повторении в положительном и отрицательном аспектах обозначает неуверенность или сомнение в совершении действия, т. е. выражается эпистемическая модальность (дубитатив); 6) семантику авертива (обозначение намечавшейся, но нереализованной ситуации в прошлом). Такая семантика выражается формой на =ды только в отрицательном аспекте: =ба=ды, чалканский =ва=ды с сирконстантом *арай ла* [Там же, с. 237]: *Арай ла азып калбадым* ‘Чуть не заблудился’.

В тюркских языках Сибири, за исключением якутского, а также в большинстве тюркских языках кыпчакской группы форма на =ГAn выполняет функцию перфекта и прошедшего неопределенного времени. В. М. Насилов отметил, что в древнеуйгурском языке форма на =ГAn выступала как глагольное имя и была нейтральной в отношении значения времени. Временное значение данной формы обуславливалось контекстом [Насилов, 1963, с. 64], поэтому форма на =ГAn, по мнению Б. Ч. Ооржак, втянулась в систему времени позже [Ооржак, 2014, с. 18].

эди, перифрастическая форма плюсквамперфекта на =ГАН бол=гон [ГСАЯ, 2017, с. 354–377].

Н. А. Баскаков и авторы «Грамматики современного алтайского языка» в систему прошедшего времени включают усложненные аналитические формы, которые, на наш взгляд, находятся на периферии поля времени и являются, прежде всего, аспектуально-темпорально-модальными формами или конструкциями, которые лишь дополняют парадигму глагола.

Если рассматривать подобные формы или конструкции в системе времени, то мы должны обратить внимание на такие застывшие усложненные аналитические конструкции, как *бр=аат / бар=аат / барат / барадат* (от < *бар=ын јат (+ ат)*); *бр=аат=ты / бар=ат=ты* (от < *бар=Ын јат + ты*); *кл=еет / кел=ет / кел-ед=ет* (от < *кел=ип јат (+ ат)*); *кл=еет=ти / кел=ет=ти* (от < *кел=ип јат + ты*); *браткан / брааткан / бараткан* (от < *бар=ын јат + кан*), *клеткен / клееткен / келеткен* от (от < *кел=ип јат + кан*), последняя аналогична хакасской форме на =чатхан с аспектуальным оттенком «наличие процесса действия в определенный момент прошлого», т. е. имперфект. Подобные конструкции сочетаются в большинстве случаев с глаголами движения как в прямом значении, так и в переносном, т. е. со всеми глаголами, которые, имеют динамику изменения.

Нужно отметить, что в современном алтайском языке такие конструкции употребляются как в полной форме (*Тv=n + барып јат=*), так и в стяженной *Тv=брат / браат +* разные временные формы, ср:

- 1) *Туку кижи барып јат – Туку кижи браат* ‘Вон идет человек’;
- 2) *Күн ажып барып јат=ты – Күн ажып браат=ты* ‘Солнце заходило’;
- 3) *Мирзабек эр болуп барып јаткан – Мирзабек эр болуп бараткан / брааткан* ‘Мирзабек мужает’;
- 4) *Күн ажарга барып јаткан – Күн ажарга бааткан / брааткан* ‘Солнце садится’.

Во всех конструкциях темпоральное значение сопряжено с семантикой эвиденциальности, о специфике и нюансах рассматриваемых форм речь пойдет ниже, так как стяженные формы формируют новые конструкции, занимающие периферию временной системы, даже в сравниваемых примерах в п. 2–4 употребительнее стяженные конструкции.

Вышеперечисленные стяженные аналитические конструкции (далее АК) очень частотны в художественных текстах начиная с 1970-х гг.. Но ни в учебниках по алтайскому языку, ни в последней грамматике мы не находим информации об этих формах. Сталкиваясь с подобными формами, носители языка испытывают затруднения при морфологическом членении, хотя процесс синтеза глагольных АК на материале тюркских языков Сибири, в частности алтайского, считается привычным, и в то же время интенсивным явлением, за исключением тувинского, якутского языков (они менее подвержены данному процессу).

В данном случае произошло слияние элементов конструкции в единую фонетическую словоформу. На данном этапе внутренняя структура конструкции прозрачна, и мы без затруднения можем определить, какие компоненты АК подверглись ассимилятивному процессу и какой вспомогательный глагол в данном случае участвует в процессе стяжения. В основе данных инновационных модификаций звукового облика АК лежат явления десемантизации входящих в их состав глагольных форм.

По семантике АК могут передавать разные значения, где переплетены аспектуально-темпоральные, аспектуально-модальные или три значения – модальное, аспектуальное и темпоральное. Как справедливо заметила Л. А. Шамина, согласно правилам семантического согласования, действующим в высказывании, значение АК в целом не равно сумме значений составляющих ее компонентов. В связи с невыводимостью общего значения АК из суммы ее частей говорят о десеманти-

зации одного из компонентов АК – вспомогательного глагола [Шамина, 2010, с. 65–66]. С этим процессом связан также процесс грамматикализации, которому подвергается конструкция в целом, а не только лексемы, выражающие грамматическое значение конструкции [Жирмунский, 1965, с. 8–9; Майсак, 2005, с. 24].

В алтайском языке в аналитических конструкциях активное участие принимают два глагола движения: *кел=* ‘приходить’ и *бар=* ‘уходить’, которые, кроме того, могут выступать в качестве служебных элементов, являясь директивными маркерами направления и локализации в роли второго компонента в усложненных АК.

Эти два глагола в некоторых случаях сами подвергаются процессу редукции в грамматикализованных АК, т. е. выпадению инлаутных гласных *-а* и *-е*, что, видимо, обусловлено их безударным положением, когда ударение принимает стяженная форма от вспомогательного глагола *јат=* (*кл=* > *кел=* и *бр=* > *бар=*). Скорее всего, за счет выпадения и сокращения длительности словоформ удлиняются основы глаголов *бар=* < *бра=* и *кел=* < *кле=*, попадая в ударную позицию (*кле=* и *бра=*): *башта=п браат* ‘возглавляет’, где первым компонентом является знаменательный глагол *башта=* ‘возглавлять’ в деепричастной форме на *=ып*, вторым – вспомогательный глагол движения *бар=* ‘уходить’ в редуцированной форме, третьим – стяженный вспомогательный глагол бытия *јат=* ‘лежать’ в нулевой форме настоящего времени. Точно по такому пути редукции и стяжения функционирует форма *клеет*. В обоих случаях ударение принимают смещенные гласные. Одновременно встречаются нестяженные формы типа (*бараат* и *келеет*).

Нужно заметить, что формы *барат* / *браат* и *келет* / *клеет* встречаются как самостоятельный член предложения (3)–(5), так и в усложненных в двухкомпонентных (по сути трехкомпонентных) конструкциях (6)–(9). Они сочетаются с временными формами настоящего и прошедшего времени, могут выступать в качестве финитной формы, в роли определения перед существительным в форме на *=кан*, *=ар* и *=атан*, выражая признак предмета по действию, состоянию, отвечая на вопрос *кандый* ‘какой’ (10), могут встречаться в зависимой предикативной единице (17)–(20), принимая деепричастные и причастные формы (см. таблицу).

Стяженные аналитические конструкции
с глаголами *бар=* ‘уходить’ и *кел=* ‘приходить’ в алтайском языке
Lengthy analytical constructions
with the verbs *bar =* ‘leave’ and *kel =* ‘come’ in the Altai language

Tv=(ы)п + бар= ‘уходить’ + AUX(јат)=	Tv=(ы)п + кел= ‘приходить’ + AUX(јат)=
Tv=(ы)п + бараат / брат / барат	Tv=(ы)п + келеет / клеет / келет
Tv=(ы)п + барадыры / браадыры	Tv=(ы)п + келедири / клеедири
Tv=(ы)п + баратты / браатты / братты	Tv=(ы)п + келетти / клеетти / клетти
Tv=(ы)п + барататан / браататан	Tv=(ы)п + келететен / клеететен
Tv=арга бар + все перечисленные формы	

(3) – Ээ, кызыл лак биске клееткен болуп? (Каинчин, с. 80)

Ээ кызыл лак бис=ке кле-ет=кен (> кел=ип јат=кан)
Ээ красный лак мы=DATприходить=CV-AUX: лежать=PP
бол=уп
быть=CV

‘– Ээ, видимо, красный лак [машина красного цвета] едет как бы к нам?’

- (4) *Онон артпаска, эки колхозчы ээчий клееттилер.* (Кокышев, с. 259)

о-нон арт=пас=ка эки колхозчы ээчий
он-GEN отставать=NEG/PrP=DAT два колхозник друг за другом
клее-ет-ти-лер (< кел=ип јат=ты=лар)

(AUX: приходиться=Cv1 AUX: лежать=PAST=1PL)

‘Чтобы от него не отставать, два колхозника шли за ним.’

- (5) – *Юрий Сергеевич, бистин черү анаар не бараткан?* (Шолохов, 45)

Юрий Сергеевич бис=тин черү анаар не
Юрий Сергеевич мы=GEN армия туда зачем
бар-ат-кан

идти-AUX: лежать-PP

‘Юрий Сергеевич, почему наша армия туда идет?’

- (6) *Ужып калган эки будын сүүртеп алала, энмектеп клеедири...* (Кокышев, 251)

ужы=п кал=ган эки буд=ы-н
обморозить=CV AUX: оставаться=PP два нога=POSS.3-ACC

сүүрте=п ал=ала энмекте=п

тащить=CV AUX: брать=CV ползать=CV

клеедири (> кел=ип ја-дыр=ы)

приходить=CV AUX: лежать-PRES=3SG

‘[Дьергелей] ползёт, таща обмороженные обе ноги...’

(Действие происходит в присутствии говорящего в МР конкретного настоящего времени.)

- (7) *Бөксө трактордын алдында јол баштап браат.* (Каинчин, 81)

Бөксө трактор=дын алдында јол
Бексе трактор=GEN POSTP дорога

башта=п браат (> бар=ып јат)

указывать=CV AUX: уходить=CV-AUX: лежать

‘Бексе перед трактором указывает дорогу.’

- (8) *Карануйда јолды таап болбой, аттарыска иженип браатыс.* (Суразаков, 43)

Карануй=да јол=ды таа=п бол=бой
темнота=LOC дорога=ACC находить=CV MOD. быть=CV.NEG

ат=тар=ыс=ка ижен=ип бра-ат=ыс (< бар=ып јат=ыс)

конь=PL=POSS.1PL=DAT надеяться=CV ехать=CV-AUX: лежать=1PL

‘В темноте [мы] не смогли найти дорогу, ехали, надеясь на своих лошадей.’

- (9) *Тозын, кумак, керек десе оок-оок таштар Сүүнер=дин јүзин токтомыр јогынан ачыда шыбалап браадат.* (Каинчин, 76)

тозын кумак керек десе оок-оок таш=тар
пыль песок надо CONJ мелкий-мелкий камень=PL

Сүүнер=дин јүз=и-н токтомыр јогынан

Сююнер=GEN лицо=POSS.3-ACC спокойствие без

ачыда шыбала=п бра-ад=ат (< бар=ып јад=ат)

больно кидать=CV уходить=CV-AUX: лежать=PRES

‘Пыль, песок и даже мелкие-мелкие камни безостановочно и больно закидывали лицо Сююнера.’

- (10) *Удура јүзүрип клееткен Јергелей эмди де онын көзине көрүнип тургандый билдирет.* (Кокышев, 252)

удура јүгүр=ип клее-ет=кен (< кел=ип јат=кан)

навстречу бежать=CV (AUX: приходиться=CV AUX: лежать=PP)

Јергелей эмди де о-нын көз=ин=е

Дьергелей сейчас PTCL он-GEN глаза=POSS/3=DAT

көр=ун=ип тур=ган=дый билдир=ет

видеть=REFL=CV AUX: стоять=PP=COP касаться=PRES

‘Кажется, и теперь перед глазами мерещится навстречу бегущая Дьергелей.’

- (11) *Браадын алалараар.* (Каинчин, 76)
 браадын (< бар=ып јад=ып) ал-ал=ар=аар
 идти=CV-AUX: лежать=CV взять-AUX: брать=PrP=2PL
 ‘Возьмете, когда поедете.’
- (12) *А бу клеедин, Окпыр-эшке киргем.* (Каинчин, с. 76)
 а бу клее-ед=ип (<келип јадып) Окпыр-эшке
 CONJ это приходит=CV-AUX: лежать=CV Окпыр-DAT
 кир=гем
 заходить=PP.1SG
 ‘А когда [я] ехал, заехал к Опырам.’
- (13) *Ужып калган эки будын сүүртеп алала, энмектеп клеедерде, Јергелейдин ый-сыгыды јер-алтайдын түбине өдүн тургандый болгон.* (Кокышев, с. 251)
 ужы=п кал=ган эки буд=ы=н
 замерзать=CV AUX: оставаться=PP два нога=POSS.3=ACC
 сүүрте=п ал=ала энмекте=п кле-ед=ер=де
 тащить=CV AUX: брать=CV ползать=CV AUX: приходит-AUX=PrP=LOC
 Јергелей=дин ый-сыгыд=ы јер-алтай=дын
 Дьргелей=GEN плач-вой=POSS.3 земля-алтай=GEN
 түб=и=н=е өд=үп тур=ган=дый бол=гон
 дно=POSS.3=INFX=DAT проникать=CV AUX: стоять=PP=COP быть=PP
 ‘Когда [она] ползла, таща обмороженные обе ноги, казалось, что плач Дьргелей проникает сквозь землю.’
- (14) *Ол сумалла кожо јыгылып браадала, је, карын, оны ээчиде чыгып клееткен Эпишкеге согулала, түзелип алды.* (Каинчин, с. 78)
 ол сумал=ла кожо јыгыл=ып бра-ад=ала (<бар=ып јад=ала)
 он баул=INSTR вместе падать=CV уходить-CV-AUX: лежать=CV
 је карын оны ээчиде чыг=ып
 но слава Богу он.ACC за подниматься=CV
 клееткен (< кел=ип јат=кан) Эпишке=ге согул=ала
 приходит=CV-AUX: лежать=PP Эпишке=DAT удариться=CV
 түзел=ип ал=ды
 выпрямиться=CV AUX: брать=PAST
 ‘Он падал вместе с баулом, но, к счастью, ударившись об Эпишке, которая шла за ним, выстоял.’

В составе АК глаголы *кел=* и *бар=* сочетаются в большинстве случаев с глаголами движения как в прямом значении (*Айлына јууктап браатты* ‘Приблизился к своему дому’), так и в переносном (*Јажы јетенге јууктап браат* ‘Скоро ему будет 70 лет (букв. его возраст приближается к 70-ти лет)’; *Акыр, бис кайдаар барааткан албаты?* (Суркашев, с. 180) ‘Народ, куда мы катимся?’). В алтайских текстах частотны случаи употребления таких форм с глаголами действия, природного явления и состояния в сочетании с *бар=*. В таких конструкциях главное значение вспомогательных элементов – это начало какого-то процесса, который находится в стадии развития, но еще не завершился, в них прослеживается семантика эвиденциальности. Проиллюстрируем сказанное примерами (15)–(25).

- (15) *Тогузонго јет барат.* (Адаров, с. 408)
 Тогузон=го јет бар=ат (бар=ып јат)
 Девяносто=DAT достигать уходить=CV AUX: лежать
 ‘Скоро [ему] будет девяносто’.

- (16) *Кайлык балдар, кайлык билелер алтай жоннын ортозында жылдаг жылга там ла көптөн бараат.* (Суркашев, с. 178)

Кайлык	балдар	кайлык	биле=лер	алтай
Метис	ребенок.PL	смешанный	семья=PL	алтайский
жон=нын	ортозында	жыл=дан	жыл=га	там ла
народ=GEN	POSTP	год=ABL	год=DAT	еще PTCL

көптө=п бар=а-ат (> бар=ып јат)
увеличиваться=CV уходить=CV AUX: лежать
'Дети в смешанных семьях, межнациональные семьи увеличиваются среди алтайцев из года в год.'

- (17) *Алтай тилибис чоокырланып бараат...* (Суркашев, с. 183)

Алтай	тил=ибис	чоокырлан=ып	бараат (бар=ып јат)
Алтайский	язык=POSS.1PL	становится пестрым=CV	уходить=CV AUX: лежать

'Наш алтайский язык становится пестрым.'

- (18) *И.та-тай, бойы аймап-төөрип баратканын бодобос.* (Адаров, с. 580)

И.та-тай	бой=ы	аймап-төөр=ип
Фу-фу	сам=POSS.3	дуреть-стареть=CV

бар-ат=кан=ы-н (бар=ып јат=кан=ы-н) бодо=бос
уходить=CV AUX: лежать=PP=POSS.3-ACC знать=NEG.PRP
'Фу-у-у, сам даже не понимает, что сам дурее-старее.'

- (19) *Мирзабек ойгонып келзе, тан јангы ла бозорып, адып клееткен эмтир.* (Адаров, с. 558)

Мирзабек	ойгон=ып	кел=зе	тан	јангы
Мирзабек	проспать=CV	AUX: приходиться=COND	утро	только
ла	бозор=ып	ад=ып	клееткен (кел=ип јат=кан)	
PTCL	светлеть=CV	наступать=CV	приходиться=CV AUX: лежать=PP	

эмтир
оказывается
'Когда Мирзабек проснулся, оказывается, утро только-только начало светлеть и наступать.'

- (20) *Сагыжыс кирип бараат ошкош.* (Суркашев, с. 186)

сагыж=ыс	кир=ип	бараат (бар=ып јат)	ошкош
ум=POSS.1PL	заходить=CV	уходить=CV AUX: лежать	кажется

'Кажется, [мы] только начали понимать.'

- (21) *Бу Мирзабек тен эр бол бараткан туру не!* (Адаров, с. 601)

бу	Мирзабек	тен	эр	бол
этот	Мирзабек	прямо	мужчина	быть
	бараткан (бар=ып јат=кан)	туру	не	
	уходить=CV AUX: лежать=PP	MOD	PTCL	

'Этот Мирзабек становится, оказывается, мужчиной!'

- (22) *Јелбеген керегинде чөрчөктөр ундылып бараат.* (Суркашев, с. 187)

Јелбеген ¹	керегинде	чөрчөк=төр	ундыл=ып
Дьелбеген	POSTP	сказка=PL	забываться=CV

бараат (бар=ып јат)
уходить=CV AUX: лежать
'Забываются сказки о Дьелбегене.'

¹ Јелбеген – миф. Сказочный многоголовый людоед.

(23) *Тузы божос брааткан болор деген.* (Адаров, с. 554)

туз=ы божо=п брааткан (бар=ып јат=кан)
соль=POSS.3 заканчиваться=CV уходить=CV AUX: лежать=PP
болор де=ген
наверное сказать=PP
'Сказал, что у них, наверное, заканчивается соль.'

(24) *Күн ажарга бараткан.* (Адаров, с. 476)

Күн аж=арга бар-ат=кан (бар=ып јат=кан)
Солнце заходить=INF уходить=CV AUX: лежать=PP
'Солнце собирается заходить.'

(25) *Кураан тажыш деп неме жүрегисти бош алып брат.* (Каинчин, с. 77)

Кураан тажыш деп неме жүрег=ис=ти
Ягненок таскание CONJ вещь сердце=POSS.1PL=ACC
бош ал=ып браат (< бар=ып јат)
совсем брат=CV уходить=CV-AUX: лежать
'Занятие таскать ягнят начало совсем надоедать (букв. сердце наше начал брат).'

В стяженных грамматикализованных конструкциях глаголы *бар=* и *кел=*, выступая в сочетании с глаголами движения основного глагола в составе АК (частично сохраняя свои основные номинативные значения 'приходить' и 'уходить'), десемантизируются, при этом вносят дополнительные характеристики, указывающие на направленность действия к или от субъекта. Во всех конструкциях и формах *бар=* и *кел=* не выражают аспектуальную характеристику цессатива (результативности), как в нестяженных АК: ср. *јед=ип кел=ди* 'приехал, прибыл' – цессатив; *јед=ип клеет=ти* 'приближается' – протекание основного действия в пределах данного отрезка времени в прошлом на глазах у говорящего, т. е. с темпоральным значением комбинируется семантика эвиденциальности.

В современном алтайском языке, кроме формы *=АдЫрЫ=* / *=ААт* с двумя названными глаголами движения, на данном этапе нами обнаружены 2 стяженные грамматикализованные формы, образованные от ВГ *бар=*, *кел=* + *јат=*: это формы *бАр=Ат=ты* и *бАр=Ат=кАн*. Структурную схему можно представить следующим образом:

1. $Tv=п + V=_{б(а)р=/к(е)л=}-(Cv1)-AUX_{↓(j)At} + =ты +$ аффиксы лица.

Эти конструкции *бАр=Ат=ты* и *бАр=Ат=кАн* являются трехкомпонентными конструкциями, в результате стяжения двух вспомогательных глаголов *бар=* 'уходить' / *кел=* 'приходить' и *јат=* 'лежать' образовалась двухкомпонентная АК со значением прошедшего времени, соотношенным с тем моментом речи, обозначающим действие-процесс, происходящее у говорящего на глазах, связана с определенностью. Формально можно было бы считать ее стянутой формой настоящего-конкретного времени на *=адыры* / *аат* (см. выше), но это не совсем так, поскольку в одной словоформе не может быть двух форм времени, т. е. *=ат* и *=ды*. Основное значение формы *бАр=Ат=ты* – прошедшее данного времени (момента). Более удачной представляется следующая характеристика: 'ситуация осуществилась до точки отсчета и сохраняет свою релевантность к этой точке', которая употребляется только в отношении глаголов движения *бар=* и *кел=*.

Представляется, что и здесь следует говорить именно о начальной стадии грамматикализации таких конструкций.

- (26) *Жолой кандык казып, кызылгат терип бараттыс.* (Ередеев, с. 308)

Жолой кандык каз=ып кызылгат тер=ип
 по дороге кандык копать=CV кислица собирать=CV
 бар-ат=ты=с (бар=ып јат=ты=с)
 уходить=CV AUX: лежать=PAST=1PL
 ‘По дороге [мы] собирали кандык, кислицу.’

- (27) *Калтар ат јолды тѳмѳн топылдада базып братты.* (Адаров, с. 74)

калтар ат јол=ды тѳмѳн топылдада баз=ып
 мухортый лошадь дорога=ACC вниз с топотом идти=CV
 братты (бар=ып јат=ты)
 уходить=CV-AUX: лежать=PAST
 ‘Мухортый конь шѳл с топотом вниз по дороге’.

- (28) *Ол бѳкѳйип, букаларды армакчынынгы учыла согуп братты.* (Шолохов, 45)

ол бѳкѳйи=п бука=лар=ды армакчы=нынгы уч=ы=ла
 он нагибаться=CV бык=PL=ACC веревка=GEN конец=POSS.3=INSTR
 сог=уп бр-ат-ты (бар=ып јат=ты)
 бить=CV AUX: идти=CV AUX: лежать=PAST
 ‘Он, нагнувшись, бил кончиком кнута быков.’
 (В тот момент, когда говорящий видел.)

В том его виде, как представлено в примерах (26)–(28), АК используются для представления ситуации, находящейся в процессе развития, длительной или продолжающейся на протяжении некоторого периода времени в прошлом.

Конструкции, употребляясь в форме на $бАр=Ат-тЫ$, обозначают постепенное развитие ситуации в настоящем или прошлом – постепенное приближение к пределу в случае предельных глаголов либо постепенное увеличение каких-либо параметров ситуации по сравнению с предшествующим моментом в случае с непредельными глаголами.

2. $Tv_{бар= / кел=}$ - $\downarrow(Cv1)$ -AUX $_{↓(г)ат}$ + кан + аффикс лица.

Данная стяженная конструкция в форме на $бАр=Ат-кАн$ является более частотной по сравнению с формой $бАр=Ат-тЫ$.

- (29) *Ол эмдиге ле атту јортуп брааткандый.* (Кокышев, с. 275)

ол эмдиге ле ат=ту јорт=уп
 он до сих пор PTCL конь=POSSV ездить верхом=CV
 бра-ат-кан=дый (< бар=ып јат=кан=дый)
 (AUX: идти=CV AUX: лежать=PP1=COP)
 ‘Как будто он до сих пор едет верхом.’

- (30) *Мен бойымнан качып бараткам...* (Каинчин, с. 241)

мен бой=ым=нан кач=ып
 я сам=POSS.1Sg=ABL убежать=CV
 бар-ат=ка-м (< бар=ып јат=ка-м)
 (AUX: идти=CV AUX: лежать=PP-1SG)
 ‘Я убегаю сам от себя.’

- (31) *Бѳрѳлердин ѳни там ла јууктап клееткендий.* (Кокышев, с. 269)

бѳрѳлер=дин ѳн=и там ла јуукта=п
 волк=PL=GEN голос=POSS.3 еще CONJ приближаться=CV
 кле-ет=кен=дий (< кел=ип јат=кан=дый)
 (AUX: приходиться=CV AUX: лежать=PP=COP)
 ‘Голоса волков как будто все приближаются.’

(32) *Дьргелей удур яӱгӱрип клеткен...* (Кокышев, с. 251)

Дьргелей удур яӱгӱр=ип клеткен (> келип јат=кан)
Дьргелей навстречу бежать=CV приходит=CV AUX: лежать=PP
'Дьргелей бежит навстречу.'

Если первая конструкция со стяженной формой *бар=Ат-тЫ* применяется в значении прошедшего времени конкретного момента, то конструкция *бар=Ат-кАн* употребляется в значении настоящего времени данного момента, переплетаясь с аспектуальным значением дуративности и указывая на наличие процесса действия в определенный момент настоящего.

3. $Tv_{бар= / кел= - \downarrow (Cv1) - AUX_{\downarrow(j)ат + атан + аффикс лица}}$.

С формой *=АтАн* подобные конструкции встречаются не так часто, основное значение – обычное незаконченное действие в момент речи в прошлом.

(33) *...сууалгыш тӱӱн чала јантыгынан яӱгӱрип браадатан.* (Телесов, с. 3)

сууалгыш тӱӱн чала јантыгы=ы=нан яӱгӱр=ип
водоем POSTP чуть кособокий=POSS.3=ABL бежать=CV
бра-ад-атан (бар=ып јад=атан)
AUX: уходить=CV-AUX: лежать=PP
'[Он] бежал (обычно, всегда) к водоему чуть наклонившись на бок.'

Таким образом, на данном этапе описанные конструкции алтайского языка находятся на периферии системы времени, дополняя парадигму глагола, они имеют различные ступени своего фонетического развития и редукции, от наиболее фонетически полной формы до максимально-стяженной формы $Tv=n + барып јат=ты < баратты < братты$; $Tv=n + келип јат=ты < келетти < клетти$; $Tv=n + бар=ып јат=кан < бараткан < брааткан < браткан$; $Tv=n + кел=ип јат + кан < келеткен < клеткен / клеткен$.

В рассмотренных усложненных аналитических конструкциях, если первый лексический глагол является глаголом движения в форме деепричастия на *=(Ы)п*, то стяженный ВГ (*бар=* и *кел=* с еще одним вспомогательным глаголом бытия *јат=*) в форме настоящего и прошедшего времени, модифицируя семантику основного глагола, вносит дополнительные характеристики способа действия – ориентация движения относительно субъекта: *кел=* 'приходить', выражающий направленность действия в сторону говорящего, и *бар=* 'уходить', указывающий на направленность действия от говорящего. Если первый лексический, основной глагол не является глаголом движения, то вспомогательный элемент *кел=* указывает на развитие действия от прошлого к настоящему, а *бар=* – на развитие действия от настоящего момента к будущему.

Главное отличие усложненных аналитических конструкций рассмотренного типа в отличие от нестяженных конструкций состоит, в том, что *бар=* и *кел=* в составе АК не выражают аспектуальную характеристику цессатива.

Список литературы

Баскаков Н. А. Причастие на =ды / =ты в тюркских языках // Тр. Московского института востоковедения. М., 1951. № 6. С. 205–217.

Баскаков Н. А. Алтайский язык. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 113 с.

Баскаков Н. А. Алтайский язык // Языки народов СССР. М., 1997. Т. 2: Тюркские языки. 540 с.

ГАЯ – Грамматика алтайского языка. Составлена членами Алтайской духовной миссии. Казань, 1869. 291 с.

ГСАЯ – Грамматика современного алтайского языка. Морфология. Горно-Алтайск, 2017. 575 с.

- Дмитриев Н. К.* Грамматика башкирского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 607 с.
- Дыренкова Н. П.* Грамматика ойротского языка. М.; Л., 1940. 302 с.
- Жирмунский В. М.* Об аналитических конструкциях // Аналитические конструкции в языках различных типов. М.; Л., 1965. С. 5–57.
- Майсак Т. А.* Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М., 2005. 480 с.
- Насилов Д. М.* Структура времен индикатива в древнеуйгурском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1963.
- Озонова А. А., Федина Н. Н.* Временные формы алтайского и чалканского языков // Сложность языков сибирского ареала в диахронно-типологической перспективе. Новосибирск: Гео, 2018. С. 228–254.
- Ооржак Б. Ч.* Временная система тувинского языка. М.: Языки славянской культуры, 2014. 185 с.
- Тазранова А. Р.* Бивербальные конструкции с бытийными глаголами в алтайском языке. Новосибирск, 2005. 226 с.
- Тенова Л. Б.* Прошедшее время глагола в современном алтайском языке // Проблемы и методы современной лингвистики: Сб. науч. тр. М., 2005. Вып. 1. С. 49–53.
- Шамина Л. А.* Аналитические грамматические формы и конструкции в функциях сказуемого в тувинском языке. Новосибирск, 2010. 239 с.
- Erdal M.* A grammar of Old Turkic. Leiden, Boston, Köln, 2004. P. 272.
- Tekin T.* A grammar of Orkhon Turkic. Uralic and Altaic series. Bloomington, 1968. Vol. 6. 188 p.

Список источников

- Адаров – *А. Адаров.* Өлүмнин чанкыр кужы. Горно-Алтайск, 2002.
- Ередеев – *А. Ередеев.* Сургалдын. Горно-Алтайск, 2009.
- Каинчин – *Ж. Каинчин.* Үстүбисте үч сүмер. Горно-Алтайск, 2003;
- Каинчин – *Ж. Каинчин.* Аттарыс жангыс чакыда. Горно-Алтайск, 1974
- Кокышев – *Л. Кокышев.* Чөлдөрдин чечеги. Горно-Алтайск, 1968;
- Суразаков – *С. Суразаков.* Кайчы. Горно-Алтайск, 1967.
- Суркашев – *Б. Суркашев.* Чике Таман ажыра. Горно-Алтайск, 2009.
- Телесов – *К. Төлөсөв.* Турналар деген коожонгым. Горно-Алтайск, 1981
- Шолохов – *М. Шолохов.* Көдүрилген солок. Горно-Алтайск, 1989.

Список условных обозначений грамматических значений в глоссах

ABL – аблатив, **ACC** – аккузатив, **AUX** – вспомогательный глагол, **CONJ** – союз, **COP** – уподобительный падеж, **CV** – деепричастные формы, **GEN** – генетив, **DAT** – датив, **INFIX** – инфикс, **INSTR** – орудный падеж, **IMP** – императив, **LOC** – локатив, **MOD** – модальное слово, **NEG** – отрицание, **PAST** – форма на =ды прошедшего времени, **PI** – множественное число, **POSS** – посессив, **POSSV** – аффикс обладания, **POSTP** – послелог, **PP** – причастная форма, **PRES** – форма настоящего времени, **PrP** – причастие будущего времени на =ар, **PTCL** – частица, **REFL** – возвратный залог, **SG** – единственное число, **Tv** – основа глагола, = – морфемный шов при наложении морфов; / – разграничитель значений в комплексной морфеме; **V** – глагол.

A. R. Tazranova

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation, atazranova@mail.ru*

**On the status of certain complicated analytical forms of past tense
(the Altai language data)**

In the history of description of Altai tense forms, the past tense is represented by a wide range, from 2 to 8 forms (=dy, =gan, =y / AtAn, =(Y)ptYr, =yp d'at + ty; =yp + tur=dy, =GAN ädi, =Yp tur=gan ädi, =y / AtAn ädi, =GAN bol=gon). Therefore, the area of the past tense in the Altai language is broader than that of the present tense and future tense.

The paper offers a description and analysis of analytical forms of Altai past tense. Special attention is paid to complicated analytical constructions consisting of 3 components, with the first being a full verb in the form of an adverbial participle with =(Y)p, and the second – a contraction of two motion verbs: *kel*= ‘to come’ и *bar*= ‘to leave’, which, apart from their main meanings, can also serve as function elements, namely, as directive markers of direction and localization (as second elements of analytical constructions). The third element is a contracted auxiliary verb *jam*= ‘to lie’ (*br*=aat / *bar*=aat / *barat* / *baradat* (from < *bar*=yp d'at (+at)); *br*=aat=ty / *bar*=at=ty (from < *bar*=Yp d'at + ty); *kl*=eet / *kel*=et / *kel-ed*=et (from < *kel*=ip d'at (+at)); *kl*=eet=ti / *kel*=et=ti (from < *kel*=ip d'at + ty); *bratkan* / *braatkan* / *baratkan* (from < *bar*=yp d'at + kan), *kletken* / *kleetken* / *keletken* (from < *kel*=ip d'at + kan).

In the forms presented, one may observe a unification of construction elements into a single phonetic word form. At this stage, the inner structure is transparent, and it is easy to see which elements of the analytical construction are assimilated, and which auxiliary verb participates in the process of contraction. Desemantization of verb forms serves as the basis for these innovatory modifications of phonetic appearances of analytical constructions. A detailed analysis of meanings and usage of contracted forms and constructions in the context of their evolution is provided. The author demonstrates the polyfunctionality of these finite forms, defines their relevant meanings, and indicates certain aspects of their usage. Such constructions are thought to belong still to the periphery of the tense field and can be currently described as aspectual-temporal-modal forms or constructions that merely complement the verb paradigm.

Keywords: Turkic languages of Siberia, the Altai language, synthetic forms, analytical forms, complicated analytical forms, analytical constructions, temporality, past tense, finite forms, aspectuality, evidentiality.

DOI 10.17223/18137083/69/22

References

- Baskakov N. A. *Prichastie na =dy / =ty v tyurkskikh yazykakh* [Participle on =dy / =ty in Turkic languages]. In: *Trudy Moskovskogo instituta vostokovedeniya* [Proceedings of the Moscow Institute of Oriental Studies]. Moscow, 1951, no. 6, pp. 205–217.
- Baskakov N. A. *Altayskiy yazyk* [Altai language]. Moscow, AN SSSR Publ., 1958, 113 p.
- Baskakov N. A. *Altayskiy yazyk* [Altai language]. In: *Yazyki narodov SSSR. T. 2. Tyurkskie yazyki* [Languages of the peoples of the USSR. Vol. 2 : Turkic languages]. Moscow, 1997, 540 p.
- Grammatika altayskogo yazyka* [Altai grammar]. Compiled by members of Altai Orthodox Mission. Kazan, 1869, 291 p.
- Grammatika sovremennogo altayskogo yazyka. Morfologiya* [Modern Altai grammar. Morphology]. Gorno-Altaysk, 2017, 575 p.
- Dmitriev N. K. *Grammatika bashkirskogo yazyka* [Bashkir grammar]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1948, 607 p.
- Dyrenkova N. P. *Grammatika oyrotskogo yazyka* [Oyrot grammar]. Moscow, Leningrad, 1941, 302 p.
- Erdal M. *A grammar of Old Turkic*. Leiden, Boston, Köln, 2004, 272 p..
- Maysak T. A. *Tipologiya grammatikalizatsii konstruktivnykh s glagolami dvizheniya i glagolami pozitsii* [Typology of grammaticalization of structures with verbs of motion and verbs of position]. Moscow, 2005, 480 p.
- Nasilov D. M. *Struktura vremen indikativa v drevneyugurskom yazyke* [Structure of the indicative tenses in the ancient Uyghur language]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Moscow, 1963.

Ozonova A. A., Fedina N. N. *Vremennye formy altayskogo i chalkanskogo yazykov* [Tense forms of Altai and Chalkan languages]. In: *Slozhnost' yazykov sibirskogo areala v diakhronno-tipologicheskoy perspective* [The complexity of the Siberian languages in diachronic-typological perspective]. Novosibirsk, Geo, 2018, pp. 228–254.

Oorzhak B. Ch. *Vremennaya sistema tuvinskogo yazyka* [The tense system of the Tuvan language]. Moscow, LRC Publishing House, 2014, 185 p.

Tazranova A. R. *Biverbal'nye konstruksii s bytiynymi glagolami v altayskom yazyke* [Biverbal constructions in auxiliary existence verbs in Altai language]. Novosibirsk, 2005, 226 p.

Tenova L. B. *Proshedshee vremya glagola v sovremennom altayskom yazyke* [The past tense of the verb in the modern Altai language]. In: *Problemy i metody sovremennoy lingvistiki: Sb. nauch. tr.* [Problems and methods of modern linguistics: coll. of sci. works]. Moscow, 2005, iss. 1, pp. 49–53.

Shamina L. A. *Analiticheskie grammaticheskie formy i konstruksii v funktsii skazuemogo v tuvinskom yazyke* [Analytical grammatical forms and constructions in the function of a predicate in the Tuvan language]. Novosibirsk, 2010, 239 p.

Tekin T. *A grammar of Orkhon Turkic. Uralic and Altaic series*. Bloomington, 1968, vol. 6, p. 188.

Zhirmunskiy V. M. *Ob analiticheskikh konstruksiyakh* [On analytical constructions]. In: *Analiticheskie konstruksii v yazykakh razlichnykh tipov* [Analytical constructions in languages of various types]. Moscow, Leningrad, 1965, pp. 5–57.

Н. Б. Кошкарёва

*Институт филологии СО РАН, Новосибирск
Новосибирский государственный университет*

Акциональные предложения в хантыйском и ненецком языках: семантика и пути метафоризации

Проводится классификация семантических типов акциональных предложений на основе специфики объектной позиции: предложения креативной и деструктивной семантики, в которых описывается созидание нового или разрушение существующего объекта, с одной стороны, и предложения, в которых описывается воздействие на объект, приводящее или не приводящее к его трансформации, с другой. Выявляются элементарные смыслы каузации и аспектуальности (фазисности), накладывающиеся на пропозиции бытия или состояния, благодаря чему формируется акциональное значение конструкции. Прослеживаются пути метафоризации акциональной структуры, на основе которой выделяются синтаксические синонимы, омонимы и полисеманты.

Ключевые слова: хантыйский язык, ненецкий язык, элементарное простое предложение, типовая синтаксическая структура, акциональные предложения, субъектно-объектные отношения, синтаксическая метафора, синонимия, полисемия, омонимия.

Акциональными мы называем элементарные простые предложения, в основе которых лежит акциональная пропозиция, описывающая разного рода воздействие субъекта на объект без его перемещения в пространстве.

Опираясь на данные, представленные в работах В. Н. Соловар по хантыйскому языку [1989; 2002; 2009; и др.] и М. В. Баркаловой по ненецкому языку [2004], а также на собственные полевые материалы, проведем сопоставление предложений акциональной семантики в двух уральских языках Сибири – хантыйском (казымский и сургутский диалекты) и ненецком (лесной и тундровый диалекты).

Целью данной статьи является установление соотношения между планом выражения и планом содержания акциональных предложений как знаков языка, а также определение возможностей развития системы переносных значений в рамках типовой синтаксической структуры $N_{\text{НОМ}}^{\text{AG}} N_{\text{АСС}}^{\text{OBJ}} V_f^{\text{ACT}}$. Таким образом, объектом данной статьи является план содержания акциональной конструкции.

Кошкарёва Наталья Борисовна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; koshkar_nb@mail.ru); заведующая кафедрой общего и русского языкознания Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия)

Структура и семантика акциональных предложений

Акциональные предложения описывают ситуацию типа «кто воздействует на что», их планом содержания является акциональная пропозиция, в состав которой входят три обязательных компонента:

- субъект-агнс – одушевленный предмет, инициирующий действие и контролирующий его протекание, целенаправленно осуществляющий воздействие на объект;
- объект непосредственного воздействия: одушевленный (пациенс), неодушевленный (объектив), объект созидания (креатив), объект разрушения (деструктив), объект, изменяющий или не изменяющий свои свойства и качества в процессе воздействия (трансформатив);
- глагольный предикат, обозначающий разные типы воздействия [Шмелева, 1988; Всеволодова, 2000].

План выражения в самом общем представлении описывается моделью $N_{\text{НОМ}}^{\text{AG}} N_{\text{ACC}}^{\text{OBJ}} V_f^{\text{ACT}}$. В рамках данной статьи мы оставляем в стороне возможности структурного варьирования каждой позиции и объем парадигмы акциональных предложений, останавливаясь только на плане содержания.

Модель элементарного простого предложения как «идеального» синтаксического знака отражает взаимную обусловленность плана выражения и плана содержания: в языке существуют изосемические структуры, предназначенные для выражения определенного смысла, план выражения и план содержания которых соответствуют друг другу. Изосемическим средством репрезентации акциональной пропозиции является указанная модель $N_{\text{НОМ}}^{\text{AG}} N_{\text{ACC}}^{\text{OBJ}} V_f^{\text{ACT}}$.

Позиция агенса $N_{\text{НОМ}}^{\text{AG}}$ замещается именами существительными или их субститутами в форме именительного падежа. Чаще всего это обозначения лица, но семантическую роль субъекта может играть также *сила* – стихия или предмет, при этом целенаправленность действия исключается, что осмысливается как стихийность. Одним из параметров, по которому определяется специфика изучаемых языков, является возможность / невозможность употребления в позиции субъекта имен, называющих природные явления, стихии, а следовательно, семантические ограничения, накладываемые тем или иным языком на возможность заполнения данной позиции. Так, для разрешения конфликта между структурой предложения, предполагающей целенаправленное воздействие, и семантикой субъекта, воздействие которого на предмет носит нецеленаправленный характер, в хантыйском языке используются грамматические средства, формирующие специфическую парадигму предложения: форма местно-творительного падежа субъекта при страдательном залоге глагольного сказуемого.

В позиции объекта $N_{\text{ACC}}^{\text{OBJ}}$ стоят неодушевленные или одушевленные имена, называющие предметы воздействия или манипуляции. Возможности их падежного оформления зависят от грамматического строя каждого языка и диалекта. Поскольку уральские языки относятся к языкам номинативно-аккузативного строя, субъектная и объектная позиции прототипически оформляются именительным и винительным падежами соответственно. Однако и в ненецком, и в хантыйском языке здесь возможно падежное варьирование именительного и винительного падежей: винительный падеж в обоих языках обязателен, если объект воздействия назван личным местоимением. Если объект воздействия выражен именем существительным, то в хантыйском языке используется форма исключительно именительного падежа, так как винительный падеж в системе именного склонения отсутствует. В ненецком выбор между именительным и винительным падежами осуществляется в зависимости от определенности / неопределенности объекта, а также актуального членения предложения. Кроме того, объект может выражаться формами других косвенных падежей, если находится в реме.

Позицию предиката V_f^{ACT} занимают глаголы акциональной семантики, обозначающие креативное (созидательное), деструктивное (разрушительное), трансформационное воздействие на объект, т. е. появление, повреждение, разрушение объекта в результате воздействия, а также воздействие с последующим качественным изменением объекта или без него. Возможности варьирования предикатной позиции определяются наличием в хантыйском и ненецком языках рядов личных глагольных показателей, которые называются субъектным и объектным (субъектно-объектным) спряжением. В хантыйском языке высокочастотны предложения, в которых глагольное сказуемое стоит в форме страдательного залога. Все варианты грамматического оформления глагола регулируются закономерностями актуального членения, которое в хантыйском и ненецком языках получает морфологическое выражение, охватывающее, помимо форм глагола, падежные варианты выражения субъекта и объекта.

Роль инструмента в состав обязательных компонентов не включается, так как эта роль может свободно сочетаться с любыми типами пропозиций, ср. *рубить дрова топором* – акциональное предложение, *приехать из деревни в город поездом* – бытийно-пространственное предложение с семантикой движения. Наличие / отсутствие инструмента не является определяющим при разграничении пропозиций разных типов. Кроме того, за позицией инструмента можно усматривать элементарный акциональный смысл, выраженный в свернутом виде: в предложении типа *Отец рубит дрова топором* представлено два элементарных смысла: «кто делает что» (первая акциональная пропозиция, выраженная развернуто) + «кто использует что» (вторая акциональная пропозиция, выраженная в свернутом виде). Соответственно, такие высказывания являются не элементарными языковыми единицами, а единицами речи и представляют собой компрессию двух акциональных пропозиций, между которыми устанавливаются иерархические отношения: одна из них, главенствующая, выражена изосемически – при помощи глагольного предиката и актантов в изосемических формах, вторая, подчиненная, предстает в редуцированном виде.

Таким образом, конструкция $N^{AG}_{NOM} N^{OBJ}_{ACC} V_f^{ACT}$ является каноническим средством репрезентации акциональной пропозиции, поскольку план выражения и план содержания находятся в полном соответствии друг с другом: каждая семантическая роль выражается изосемическими морфологическими формами. Однако в речи происходят разнообразные отклонения от этого образца, которые затрагивают и план выражения, и план содержания, формируя синтаксические полисеманты, синонимы и омонимы.

Семантические типы акциональных предложений

Прототипическим значением акциональных предложений является воздействие на объект, которое осуществляется в **физической** сфере. Мы выделяем два семантических типа в зависимости от статуса объекта в процессе совершения действия:

1) действие, направленное на создание или уничтожение объекта. В такой ситуации существование объекта ограничено периодом либо до начала действия, либо после его окончания;

2) действие, направленное на объект, который существовал до начала воздействия и продолжает существовать после его окончания, при этом воздействие может сопровождаться изменением его качеств и свойств или проходить без трансформации объекта.

1. Предложения, в которых описывается действие, направленное на создание или уничтожение объекта, делятся на две разновидности – креативного и деструктивного действия.

а) В предложениях с семантикой **креативного действия** сообщается о создании нового объекта, не существовавшего до начала осуществления действия.

хант. каз.

Ma jiləp jernas wańśəsłəm.

ma jiləp jernas=∅ wańśəs=λ=əm
я.NOM новый платье=NOM **кроить**=PR=SUBJ.1SG
'Я новое платье крою.'

хант. сург.

it lüw jāγ juk qāt əntə wärλət. [Csepregi, 1998, с. 58]

it lüw jāγ juk qāt əntə wär=λ=ət
теперь PTCL люди дерево дом NEG **делать**=PR=SUBJ.3PL
'Теперь же люди деревянные дома не строят.'

нен. лесн. аган.

Tata, mä "mäi" telmajam, šaišmäi" nišujam tjakutaxant.

tata mä="ta=∅=й"
ладно чум=DEST=NOM.SG=POSS.1DU.SG
телга=жа=м шай=га=∅=й"
поставить=AOR=OBJ.1SG.SG чай=DEST=NOM.SG=POSS.1DU.SG
пили=жа=м тяку=га=хан=т
сварить=AOR=OBJ.1SG.SG отсутствовать=PrP=DAT.SG=2SG
'Ладно, я чум нам поставлю, чай нам сварю, пока ты отсутствуешь.'

б) В предложениях с семантикой **деструктивного воздействия** описывается ситуация, направленная на разрушение ранее существовавшего предмета, который в результате воздействия либо перестает существовать совсем, либо утрачивает идентифицирующие его качества и свойства.

хант. каз.

Mōj arat teləŋ kqrt lüw pāratəs.

mōj arat teləŋ kqrt=∅ lüw
сколько полный поселок=NOM он.NOM
pārat=əs=∅
уничтожить=PAST=SUBJ.3SG
'Сколько поселков, полных [людей], он уничтожил.'

нен. лесн. пур.

Ĵatmiantuŋ Puči Pyřjalki kašamaŋtuŋ niŋmytuŋ kata.

Ĵatmiantuŋ Puči Pyřjalki kašama=м=туŋ
поэтому Пучи Пырерка парень=ACC.SG=POSS.3PL.SG
ни=мы=туŋ **ката**=∅
NEG=PP=3PL **убить**=CONNNEG
'Поэтому Пучи Пырерку не убили.'

План содержания предложений креативного и деструктивного действия можно разложить далее на более мелкие составляющие, которые сопоставляются с семантикой в структуре лексического значения слова. Тогда ситуация создания или разрушения объекта предстает как ситуация каузации его бытия или небытия: «кто-то построил / разрушил дом» = «кто-то сделал так, что дом начал или перестал существовать». Аргументом в пользу того, чтобы рассматривать акциональные предложения как самостоятельные единицы языка, а не производные единицы речи,

является грамматикализация отношения создания и разрушения в форме определенной конструкции, которую сопровождает сдвиг в семантике. Ситуация существования того или иного предмета преломляется в фазисном отношении: речь идет о начале или конце существования, а не о бытии или небытии как таковом. Семантически предложения такого типа можно трактовать как аспектуально-каузативные варианты бытийных предложений: «(где-то) существует нечто» – это собственно пропозитивный бытийный смысл, на который накладывается каузативное и припропозитивное аспектуальное значение: [кто-то сделал так, что]^{CAUS} дом [начал или перестал]^{ASP} существовать».

Наличие регулярно воспроизводимых структур указывает на то, что данный тип субъектно-объектного отношения получает устойчивые лексические и грамматические способы выражения: в языке существует множество глаголов, в семантике которых инкорпорирован набор каузативных и аспектуальных сем, формирующих в итоге значение акционального воздействия.

2. Предложения, обозначающие действие, направленное на объект, который существовал до начала воздействия и продолжает существовать после его окончания, также делятся на две семантические разновидности – предложения со значением воздействия на объект, которое не приводит к изменению его качеств и свойств, а также предложения со значением трансформации объекта.

а) Акциональные предложения, объект которых **не изменяет** своих свойств в процессе воздействия, можно охарактеризовать как результат каузации нового состояния.

хант. каз.

Nǎŋ χэрэн нѳхтәсен.

пǎŋ

χэр=эн=∅

нѳхтә=s=en

ты.NOM

лодка=POSS.2SG.SG=NOM

шемельнуть=PAST=OBJ.2SG.SG

‘Ты лодку шевельнул.’

[Ты сделал так, что]^{CAUS} [лодка шевельнулась, т. е. перешла из состояния покоя в состояние колебания, стала колебаться]ST.

нен. лесн. пур.

Пучиꞑ Пыляꞑки касамам џайтаптаꞑата.

Пучи=∅=ꞑ

Пыляꞑки

касама=м

Пучи=NOM.SG=POSS.2SG.SG

Пырерка

парень=ACC.SG

џайтапта=џа=та

освободить=AOR=OBJ.3SG.SG

‘Пучи освободил парня Пырерку.’

[Пучи сделал так, что]^{CAUS} [парень Пырерка освободился, т. е. стал свободным]ST.

б) Предложения со значением **трансформации объекта** обозначают такие ситуации, в которых в результате воздействия объект изменяет свои качества или свойства.

хант. каз.

Ма нѳрџәлам кǎšмәлләм.

ма нѳрџәлам

кǎšмәл=л=әм

я

кожаные тапочки=POSS.1SG.DU

пропитать дымом=PR=SUBJ.1SG

‘Я свои кожаные тапочки пропитаю дымом.’

[Я сделаю так, что]^{CAUS} [тапочки пропитаются дымом]ST.

нен. лесн. пур.

Чухпейу панытей хы"нипчиуат.

чухпейу паны=ге=Ø=й
весь одежда=DIM=NOM.SG=POSS.1SG.SG

хы"нипчи=жа=т

промочить=AOR=SUBJ.1SG

‘Всю одежду я промочил.’

[Я сделал так, что]^{CAUS} [одежда вымокла, т. е. стала мокрой]ST.

Предложения со значением трансформации также представляют собой комплекс каузативно-аспектуальных смыслов, которые сопровождают статальную пропозицию: [кто-то делает так, что]^{CAUS} [объект воздействия переходит из одного состояния в другое]ST.

Типологически важным является вопрос о том, какие еще пропозиции, кроме бытийных и статальных, могут сопровождаться аналогичными семантическими комплексами и грамматикализироваться в виде акционального предложения. Так, в русском языке предложение типа *Мать побелила печку* представляет собой результат компрессии каузативно-аспектуальных смыслов, которые накладываются на пропозицию характеристики: [мать сделала так, что]^{CAUS} [печка стала белой]^{CHAR}. Этот вопрос тесно связан с возможностями языка «упаковывать» элементарные смыслы в лексическом значении глагольного предиката. В русском языке есть глаголы, обозначающие каузацию нового признака типа *побелить* ‘сделать белым’, *ослабить* ‘сделать слабым’ и др. В других языках то же самое значение может передаваться либо грамматически – каузативными или понудительными формами глагола, либо синтаксически – специальными синтаксическими конструкциями.

Строго говоря, акциональные предложения не являются элементарными единицами языка, так как их значение можно представить в виде комплекса внешних смыслов каузации и аспектуальности (фазисности) по отношению к базовым пропозициям бытия, состояния или характеристики. Система семантических типов акциональных предложений в хантыйском и ненецком языках строится на основании противопоставления друг другу двух типов пропозиций – бытийной и статальной, на которые накладываются одинаковые по отношению к этим пропозициям внешние смыслы, а именно каузация (наличие внешнего субъекта, способствующего появлению, осуществлению, становлению какого-либо явления или признака) и аспектуальный смысл фазисности (начала или прекращения данного явления, переход из прежнего состояния в новое).

Пути метафоризации акциональной модели

При реализации акциональной модели в других сферах – социальной, психической и интеллектуальной – происходит метафоризация конструкции.

Для описания варьирования плана содержания используется понятие *типовой синтаксической структуры* как устойчивого построения с широкой абстрактной семантикой. Единство структуры при различиях в семантике позволяет проследить пути формирования производных значений и возможности выражения неэлементарных смыслов в пределах одной и той же конструкции.

В **социальной** сфере на базе акциональной конструкции формируется семантический вариант со значением обладания. Позицию предиката в хантыйском языке занимает многозначный глагол *тайты* ‘иметь’.

хант. каз.

Ma wǫχ änt täjläm.

ma wǫχ=∅ änt täj=λ=əm
я.NOM деньги=NOM не иметь=PR=SUBJ.1SG

Букв.: Я деньги не имею.

‘У меня нет денег.’

В отличие от хантыйского, который относится к типу *habeo*-языков, в ненецком отношении обладания передаются на основе бытийной конструкции с глаголом *танясь* ‘иметься’:

Ѓынкочар таня. [Ненецкий фольклор, 1960, с. 38]

Ѓын=ко=ча=∅=р таня=∅
лучк=DIM=DIM=NOM.SG=POSS.2SG.SG иметься=SUBJ.3SG

Букв.: Твой лучок имеется.

‘У тебя есть лучок.’

Соответственно, перенос акционального значения в сферу социальных отношений в ненецком языке не происходит. При формальном сходстве хантыйских и ненецких акциональных конструкций наблюдается различие в системе переносных значений.

В хантыйском языке развитие значения акциональной конструкции с глаголом ‘иметь’ идет далее по пути выражения социальных отношений родства и свойства, далее – значения характеристики:

хант. сург.

Kat ńǝvrǝm=χǝn tǝj=χǝn.

кат ńǝvrǝm=χǝn=∅ tǝj=χǝn
два ребенок=DU=NOM иметь=SUBJ.3DU

Букв.: Двух детей имеют.

‘[У них двоих] двое детей.’

хант. каз.

Χǝŋraǝn waś tijǝŋ ńǝl täjǝl.

χǝŋraǝn=ɛn waś tijǝŋ ńǝl=∅
дятел=POSS.2SG.SG узкий острое=ADJ нос=NOM

tǝjǝl=ǝl=∅
иметь=PR=SUBJ.3SG

Букв.: Дятел узкий острый нос имеет.

‘У дятла узкий острый нос.’

При выражении значения характеристики происходит перестройка конструкции, в ее составе появляется обязательное определение перед именем, называющим объект «обладания». Субъект и объект при этом находятся в отношениях части и целого, обозначают одно и то же лицо, т. е. выражаются отношения неотторжимого «обладания». Данная конструкция является средством рематизации признака и синонимична изосемическим конструкциям со значением характеристики типа **N_{НОМ} ADJ соп**, ср.:

хант. каз.

śi iken ńǝlǝl śi χǝti wǝŋ wǝlmal.

śi ik=ɛn ńǝlǝl=ǝl=∅
этот мужчина=POSS.2SG.SG нос=POSS.3SG.SG=NOM

śi χǝti wǝŋ wǝl=m=al
настолько большой быть=PP=3SG

‘Нос этого мужчины такой большой был, оказывается.’

В позиции предиката акциональной конструкции может стоять глагол речевого воздействия, например:

хант. каз.

ma ši ikən ūwətsem.

ma ši ik=ɛn=∅

я.NOM этот мужчина=POSS.2SG.SG=NOM

ūwət=s=ɛm

окликнуть=PAST=OBJ.1SG.SG

‘Я этого мужчину окликнул.’

В **психической** и **интеллектуальной** сферах значение непосредственного физического воздействия утрачивается, имена в позиции объекта могут обозначать не материальные, а идеальные предметы. Например, глаголы интеллектуального креативного действия в качестве объекта созидания предполагают идеальные сущности: *сочинить сценарий*, *выдумать историю* и др. Если же объектом остается материальный предмет, то глагол называет такое действие, при осуществлении которого объект вовлекается в его сферу, но непосредственно им не затрагивается.

Предложения со значением восприятия и ментального действия отличаются от предложений акционального воздействия в физической сфере по характеру выражения каждого из трех обязательных компонентов пропозиции:

1) тип субъектного актанта. В модели воздействия на объект позицию субъекта занимает агенс – одушевленное лицо, сознательно производящее некоторое действие и контролирующее его. В предложениях восприятия семантическая роль субъекта – экспериенцер, который не инициирует возникающую ситуацию и не может контролировать ее протекание;

2) тип объектного актанта. Объект в составе акциональной модели обозначает такой предмет, который подвергается прямому воздействию со стороны агенса. Экспериенцер же не в состоянии влиять на объект своего восприятия непосредственно, объект находится в сфере внимания экспериенцера, но не подвергается с его стороны прямому воздействию;

3) ЛСГ глаголов-предикатов. В рассматриваемых типах предложений функционируют глаголы других ЛСГ – ментального действия и восприятия.

Приведем примеры реализации акциональной типовой синтаксической структуры в **психической** сфере при глаголах зрительного, звукового, чувственного восприятия:

хант. каз.

Рбл sūɣɛmŋ ma χājəp šiwaləsəm.

рбл sūɣ=ɛm=ɛn

ловушка угол=POSS.1SG.SG=LOC

ma

я.NOM

χājəp=∅

кулик=NOM

šiwaləs=s=ɛm

заметить=PAST=SUBJ.1SG

‘Возле ловушки я кулика заметил.’ (зрительное восприятие)

хант. каз.

Мблти ерэл χрлмэс.

мблти ерэл=∅

какой-то запах=NOM

χрлмэс=s=∅

почувствовать=PAST=SUBJ.3SG

‘Какой-то запах почувствовал.’ (чувственное восприятие)

нен. лесн. пур.

Тайна тонлэй мятудим маньнахау.

тайна

тонлэй

мяту=уди=м

мань=на=хау

там травяной

чум=DIM=ACC.SG

увидеть=AOR=SUBJ.3DU

‘Там увидели травяной чумик.’ (зрительное восприятие)

нен. лесн. пур.

*Пучи уаикайлы Нум няшейна Пыляджи уаикиу лыхамта нымты, пишта лы-
хэхкум.*

Пучи	уашкай=∅=л=ы	Нум	няшейна
Пучи	парень=NOM.SG=POSS.2SG.SG=PRGM	небо	от
Пыляджи	уашки=у	лыха=м=та	
Пырерка	парень=GEN.SG	хохот=ACC.SG=POSS.3SG.SG	
нымты =∅	пиш=та	лыхэх=ку=м	
слышать =SUBJ.3SG	смех=POSS.3SG	хохот=DIM=ACC.SG	

‘А парень Пучи слышит в стороне неба хохот Пырерки, громкий хохот.’ (слуховое восприятие)

Примеры реализации акциональной типовой синтаксической конструкции в интеллектуальной сфере при глаголах ментальной деятельности:

хант. каз.

Tām χātλ ma nɔptem χūwat änt jöremäləm.

tām	χātλ=∅	ma	nɔpt=em	χūwat
этот	день=NOM	я.NOM	век=POSS.1SG.SG	в течение
änt	jöremä =λ=em			
не	забыть =PR=OBJ.1SG.SG			

‘Этот день я всю свою жизнь не забуду.’

хант. каз.

Näj mänti möj wɔlen?

näj	mänti	möj	wɔ=λ=en
ты.NOM	я.ACC	что	знать=PR=OBJ.2SG.SG

‘Ты разве меня знаешь?’

хант. сург.

[it jəmat jəm loγəsγən wosmən mon(t)em-nat.] lüw mant toγəmtäl, ma lüwat toγəmtäləm.

lüw	mant	toγəmt =əλ=∅	ma	lüwat
он.NOM	я.ACC	понимать =PR=SUBJ.3SG	я.NOM	он.ACC
toγəmtä =λ=əm				
понимать =PR=SUBJ.1SG				

‘[Теперь мы с младшим братом стали хорошими друзьями.] Он меня понимает, я его понимаю.’ [Sosa, 2017, p. 180]

нен. лесн. аган.

Чуки нешам мань техежаам.

чуки	неша=м	мань	техежа=ам
этот	человек=ACC.SG	я.NOM.SG	не знать=OBJ.1SG.SG

‘Этого человека я не знаю.’

нен. лесн. аган.

Куна уамэхана кукэхана шийй куна чешихапчинауан.

куна	уамэ=хана	кукэхана	шийй	куна
где	что=LOC.SG	когда	меня	где

чешихапчина=уа=н
вспомнить=AOR=SUBJ.2SG

‘Когда-нибудь, может, меня вспомнишь.’

Несмотря на структурную простоту подобных высказываний, модусные глаголы формируют неэлементарные простые предложения, в которых имя в позиции

объекта репрезентирует свернутую пропозицию. В предложении *Ты разве меня знаешь?* личное местоимение *меня* является ярлыком для свернутой пропозиции, ср.: *Ты разве знаешь, кто я такой?* Аналогично и во всех остальных случаях: в предложении *Этот день я всю свою жизнь не забуду* подразумевается, что говорящий не забудет события, которые произошли в этот день, и т. п.

Особенностью всех подобных предложений является возможность заполнения позиции объекта предикатным актантом. Так возникают полипредикативные реализации типовых синтаксических структур, в которых номинализованная глагольная форма в винительном или именительном падеже занимает позицию актанта при глаголе, а конструкция передает модус-диктумные отношения.

В главной части употребляются глаголы тех же самых ЛСГ, что и в простых предложениях, они управляют предикатным актантом со сказуемым, выраженным инфинитивной формой глагола – причастием или именем действия, которое может иметь собственный субъект.

В хантыйском языке причастная форма показателем падежа не оформляется, так как в системе именного склонения нет формы винительного падежа, конструкция сохраняет свой изначальный вид:

хант. каз.

Лйw jöxətmal ma wantsem.

лйw	jöxət=m=al=∅	ma	want=s=em
он	приехать=PP=3SG=NOM	я	видеть=PAST=OBJ.1SG.SG

‘Я видел, [что] он приехал.’

хант. каз.

Nin jöxəttan ma änt wöjtsem.

nin	jöxət=t=an=∅	ma	änt	wöjt=s=em
вы двое	приехать=PrP=2DU=NOM	я	не	знать=PAST=OBJ.1SG

‘Я не знал, [что] вы приезжаете.’

В ненецком языке возможны варианты оформления зависимой части винительным и именительным падежами, тем самым воспроизводится падежное варьирование в оформлении объектной позиции, как в простом предложении. Выбор падежа определяется семантическими факторами:

Нен. тундр.

Сюдбя нэвамд, нылека нэвамд тандая' савовна манэтава".

сюдбя	нэ=ва=м=д	нылека	нэ=ва=м=д
великан	быть=VN=ACC=2SG	чудовище	быть=VN=ACC=2SG
тандая'	савовна	манэтава"	
тогда	хорошенько	посмотрим	

‘Вот тогда как следует и посмотрим, [действительно ли] ты великан, [действительно ли] ты чудовище.’

Нен. тундр.

Лэхэ' няхар" ню тыто' танявамдо' хуна сяхахугарт вада нида хомбю".

Лэхэ='	няхар"	ню	ты=го'
Лэхэ=GEN	три	ребенок	олень=POSS.3PL.PL
таня=ва=м=до'		хуна сяхахугарт	вада ни=да
имеется=VN=ACC=3PL		никогда	слово NEG=OBJ.3SG.SG

хомбю="
найти=CONNEX

‘Три сына Лэхэ о том, что есть у них олени, никогда словом не обмолвятся’ (букв.: [о том, что] у них имеются олени, никогда слово не находится).

нен. тундр.

Вавтора"мар тенед. [Терещенко, 1965, с. 649]

вавтора="ма=Ø=р

тене=д

обещать=VN=NOM=2Sg

помнить=IMP.OBJ.2Sg

Букв.: [Что] ты обещал, помни.

‘Помни то, что ты обещал (помни свое обещание).’

Перенос из физической сферы в психическую и интеллектуальную служит основой для усложнения смысла конструкции и ее переходу в модус-диктумные неэлементарные высказывания.

Итак, семантическое ядро акциональных предложений составляют отношения целенаправленного воздействия на объект со стороны активного, контролирующего ситуацию субъекта. Воздействие осуществляется в физической сфере и представляет собой каузацию бытия или небытия предмета, а также каузацию перехода из одного состояния в другое. В соответствии с этим выделяется два семантических типа акциональных предложений – креативного и деструктивного действия, с одной стороны, и трансформации объекта или ее отсутствия, с другой. Несмотря на то что по своей природе такие отношения неэлементарны, целесообразно выделять модель элементарного простого акционального предложения $N_{\text{NOM}}^{\text{AG}} N_{\text{ACC}}^{\text{OBJ}} V_f^{\text{ACT}}$ как элемент синтаксического яруса языка, так как в рассматриваемых языках комплекс каузально-аспектуальных отношений, которые накладываются на элементарные смыслы бытия и состояния, лексикализованы и представлены обширным классом глагольных предикатов. Это означает важность для языка данного типа отношений, оформленных определенным образом и противопоставленных бытийно-пространственным, статальным, характеризующим и реляционным предложениям по набору семантических ролей, способов их выражения, объему и параметрам синтаксической парадигмы. Значение целенаправленного воздействия на объект в физической сфере является изосемическим для конструкции $N_{\text{NOM}}^{\text{AG}} N_{\text{ACC}}^{\text{OBJ}} V_f^{\text{ACT}}$, на базе которой развиваются переносные значения. Прослеживаются следующие линии метафорических переносов, исходной точкой которых является физическая сфера:

1) переносные значения, в результате которых на основе типовой синтаксической структуры $N_{\text{NOM}}^{\text{AG}} N_{\text{ACC}}^{\text{OBJ}} V_f^{\text{ACT}}$ формируется система полисемантов – элементарных простых предложений с семантикой, производной от исходной:

- предложения со значением обладания, направление переноса: физическая сфера → социальная сфера (только для хантыйского языка); переносное значение определяется семантикой предиката *tǎjti* ‘иметь’, при котором активная роль агенса снижается, обладание не предполагает непосредственного воздействия на объект;

- предложения характеристики с глаголом *tǎjti* ‘иметь’; направление переноса: воздействие в физической сфере → характеристика в физической сфере; при партитивных субъектно-объектных отношениях происходит перестройка синтаксической структуры предложения, в которой появляется обязательная позиция определения при объекте; такие предложения являются экспрессивными синтаксическими синонимами предложений характеристики с предикатом, выраженным именем прилагательным;

2) перенос значения из физической сферы в психическую и интеллектуальную, при котором формируются синтаксические омонимы – неэлементарные простые и полипредикативные конструкции с модус-диктумными отношениями. Позиция объекта при модусном предикате замещается либо именами абстрактной семантики, либо словами, служащими ярлыками свернутых пропозиций, либо предикативными актантами. Критерием отнесения данных предложений к омонимам является неэлементарность их плана содержания.

При единстве плана выражения высказывания со структурой $N^{AG}_{NOM} N^{OBJ}_{ACC} V_f^{ACT}$ могут передавать разные типы отношений, что позволяет поставить вопрос о системных отношениях на синтаксическом ярусе языка – синонимии, омонимии и полисемии.

Список литературы

Баркалова М. В. Функционально-семантическая классификация глагольных моделей ненецкого языка // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 2004. Вып. 14. С. 171–217.

Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник. М.: Изд-во МГУ, 2000.

Ненецкий фольклор. М., 1960.

Соловар В. Н. Модели простых предложений хантыйского языка с двухместными предикатами // Предложение в языках севера Сибири. Новосибирск, 1989. С. 47–55.

Соловар В. Н. Модели элементарных простых предложений с прямым объектом в хантыйском языке // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 2002. Вып. 8. С. 58–67.

Соловар В. Н. Парадигма простого предложения в хантыйском языке. Новосибирск: Любава, 2009. 250 с.

Шмелева Т. В. Семантический синтаксис. Красноярск, 1988.

Csepregi M. Szurguti osztják chrestomathia. Studia Uralo-Altaica. Suppl. 6. Szeged, 1998.

Sosa S. Functions of Morphosyntactic Alternations, and Information Flow in Surgut Khanty Discourse: Doctoral Dissertation. Helsinki, 2017. 254 p.

Список условных обозначений грамматических значений в глоссах

∅ – позиция нулевого аффикса; **ACC** – аффикс винительного падежа; **ACT** – акциональная семантика; **ADJ** – аффикс имени прилагательного; **N^{AG}** – агенс (семантическая роль); **AOR** – аспектальный аффикс аористного типа; **ASP** – аспектальный смысл; **CAUS** – каузативный смысл; **CHAR** – значение характеристики; **CONNNEG** – аффикс коннегатива; **cop** – глагол-связка; **DAT** – аффикс дательного падежа; **DEST** – лично-предназначительный аффикс; **DIM** – уменьшительно-ласкательный аффикс; **DU** – аффикс двойственного числа; **HAB** – аспектальный суффикс хабицуалиса (обычного действия); **IMP** – аффикс повелительного наклонения; **N** – имя существительное; **NEG** – отрицательный глагол; **NOM** – показатель именительного падежа; **N^{OBJ}** – объект (семантическая роль); **OBJ** – аффикс объектного спряжения глагола; **PAST** – аффикс прошедшего времени; **PL** – аффикс множественного числа; **POSS** – лично-притяжательный аффикс; **PP** – причастие прошедшего времени; **PR** – аффикс настоящего времени; **PRGM** – прагматический суффикс; **PrP** – причастие настоящего-будущего времени; **SG** – аффикс единственного числа; **ST** – стательная семантика; **SUBJ** – аффикс субъектного спряжения глагола; **V_f^{ACT}** – акциональный глагол (глагол с семантикой креативного, деструктивного, трансформационного воздействия на объект, обозначающий появление, повреждение, разрушение объекта в результате воздействия, воздействие с последующим качественным изменением объекта или без него); **VN** – имя действия

Список условных обозначений языков и диалектов

аган.	–	аганский говор сургутского диалекта хантыйского языка
каз.	–	казымский диалект хантыйского языка
лесн.	–	лесной диалект ненецкого языка (лесной ненецкий язык)
нен.	–	ненецкий язык
пур.	–	пуровский говор лесного диалекта ненецкого языка
сург.	–	сургутский диалект хантыйского языка
тундр.	–	тундровый диалект ненецкого языка
хант.	–	хантыйский язык

N. B. Koshkareva

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation; koshkar_nb@mail.ru*

Actional sentences in the Khanty and Nenets languages: semantics and metaphorization ways

The semantic core of actional sentences is the relationship of purposeful influence on the object by the active, controlling subject. The impact is carried out in the physical sphere and represents the causation of the existence or non-existence of the object, as well as the causation of the transition from one state to another. Hence, there are two semantic types of actional sentences – creative and destructive action, on the one hand, and the transformation of the object, on the other. The complex of causal-aspectual relations is superimposed on the elementary meanings of existence and state. The following lines of metaphorical transfers are identified, with the physical sphere being the starting point:

1) figurative values, resulting in a system of polysemants – elementary simple sentences with semantics derived from the original one – based on actional typical syntactic structure:

- sentences of possession; the transfer direction: physical sphere → social sphere (only for the Khanty language); the figurative meaning is determined by the semantics of the predicate *tǎjti* ‘to have’, in which the active role of the agent is reduced, possession does not imply a direct impact on the object;

- characterization sentences with the verb *tǎjti* ‘to have’; the transfer direction: impact in the physical sphere → characterization in the physical sphere; in partitive subject-object relations, there is one more obligatory component – an adjective accompanying the object position; such sentences are expressive syntactic synonyms of characterization sentences with an adjectival predicate;

2) the transfer of meaning from the physical sphere to the mental and intellectual ones, with syntactic homonyms being formed – non-elementary simple and polypredicative constructions with modus-dictum relations (constructions with sentential predicates). The position of the object is replaced either by the names of abstract semantics, or by words representing the reduced propositions, or by predicative actants. The criterion for classifying these sentences as homonyms is their non-elementary semantics.

Keywords: Khanty language, Nenets language, elementary simple sentence, syntax of the model structure, actional sentences, the subject-object relationship, syntactic metaphor, synonymy, polysemy, homonymy.

DOI 10.17223/18137083/69/23

References

Barkalova M. V. Funktsional’no-semanticheskaya klassifikatsiya glagol’nykh modeley nenetskogo yazyka [Functional-semantic classification of verbal models of the Nenets language]. *Yazyki korennykh narodov Sibiri*. Novosibirsk, 2004, iss. 14, pp. 171–217.

- Csepregi M. *Szurguti osztják chrestomathia* [Reference book of the Surgut dialect of the Khanty language]. *Studia Uralo-Altaica. Suppl.* 6, Szeged, 1998.
- Nenetskiy fol'klor* [Nenets folklore]. Moscow, 1960.
- Shmeleva T. V. *Semanticheskiiy sintaksis* [Semantic syntax]. Krasnoyarsk, 1988.
- Solovar V. N. Modeli prostykh predlozheniy khantyyskogo yazyka s dvukhmestnymi predikatami [Models of simple sentences of the Khanty language with transitive predicates]. In: *Predlozhenie v yazykah severa Sibiri* [A sentence in the languages of the north of Siberia]. Novosibirsk, 1989, pp. 47–55.
- Solovar V. N. Modeli elementarnykh prostykh predlozheniy s pryamym ob'yektom v khantyyskom yazyke [Models of elementary simple sentences with direct object in Khanty language]. *Yazyki korennykh narodov Sibiri*. Novosibirsk, 2002, iss. 8, pp. 58–67.
- Solovar V. N. *Paradigma prostogo predlozheniya v khantyyskom yazyke* [The paradigm of a simple sentence in the Khanty language]. Novosibirsk, Lyubava, 2009, 250 p.
- Sosa S. *Functions of morphosyntactic alternations, and information flow in Surgut Khanty discourse: Doctoral dissertation*. Helsinki, 2017, 254 p.
- Vsevolodova M. V. *Teoriya funktsional'no-kommunikativnogo sintaksisa: Fragment prikladnoy (pedagogicheskoy) modeli yazyka: Uchebnik* [Theory of functional-communication syntax: Fragment of applied (pedagogical) model of language: Textbook]. Moscow, MSU Publ., 2000.

А. А. Озонова

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

Заместительные конструкции в алтайском языке

Статья посвящена описанию синтаксических конструкций, выражающих заместительные отношения, в алтайском языке. Выделяются два семантических типа конструкций: собственно заместительные и заместительно-предпочтительные. В собственно заместительных конструкциях передается несоответствие главного действия ожиданиям говорящего, в заместительно-предпочтительных конструкциях – предпочтение главного действия зависимому. Несоответствие выявляется через сопоставление двух действий. Причастно-последовательная конструкция с послелогом *ордына* 'вместо' выражает первый тип отношений, четыре деепричастные конструкции с формой на =ганча – второй тип отношений.

Ключевые слова: тюркские языки, алтайский язык, синтаксис, сложное предложение, семантические отношения в сложном предложении, заместительные конструкции, заместительно-предпочтительные конструкции, отношения сопоставления, замещения и предпочтения.

В отечественной лингвистике заместительные конструкции и выражаемые ими отношения на материале разных языков рассматриваются как отношения сопоставительного типа [Русская грамматика 1980; Предикативное склонение причастий..., 1984; Шамина, 2001; Тыбыкова и др., 2013; Скрибник, Даржаева, 2016]. В заместительных конструкциях «сопоставляются два действия или состояния с точки зрения предпочтительности одного другому» [Русская грамматика, 1980, с. 490]. Некоторые же исследователи заместительные отношения считают разновидностью отношений обусловленности типа «целесолагание» [Оркина, 2000], другие определяют их как переходное, связующее звено «между сопоставительными отношениями и отношениями обусловленности» [Буркова, 2003, с. 158].

На основе анализа материала алтайского языка мы выделяем собственно заместительные и заместительно-предпочтительные конструкции. В собственно заместительных конструкциях выражается несоответствие действия в главной части ожиданиям говорящего. Несоответствие выявляется через сопоставление двух действий. В заместительно-предпочтительных конструкциях передается предпочтение действия в главной части действию в зависимой части.

Собственно заместительные отношения выражает монофинитная причастно-последовательная конструкция с послелогом *ордына* 'вместо':

(Tv=ap=дын *ордына*), (ГПЕ) 'вместо того чтобы А, Б'.

Озонова Айяна Алексеевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; ajanao@mail.ru)

Заместительно-предпочтительные отношения выражают конструкции с деепричастием на =ганча в роли зависимого сказуемого:

- (Tv=ганча), (ГПЕ) ‘чем А, Б’
 (Tv=ганча), (Tv=за артык) ‘чем А, лучше Б’
 (Tv=ганча), (Tv=за торт) ‘чем А, лучше Б’.
 (Tv=ганча), (Tv=база торт) ‘чем А, лучше не Б’

1. Собственно заместительная конструкция

Причастно-последложная конструкция с последлогом *ордына* ‘вместо’

Причастно-последложная конструкция с последлогом *ордына* ‘вместо’ оформляет зависимое сказуемое, главное сказуемое принимает только показатели индикатива. В нашей картотеке нет ни одного примера оформления главного сказуемого не индикативными формами (императива, оптатива или конъюнктива). На невозможность выражения сказуемого главной части заместительной конструкции с последлогом *ордына* формами повелительного или сослагательного наклонений отмечают также А. Т. Тыбыкова, М. И. Черемисина, Л. Н. Тыбыкова [2013, с. 201]. Конструкция всегда моносубъектна. Последлог *ордына* ‘вместо’ сочетается с причастием настоящего-будущего времени на =ар в форме притяжательного падежа: =ардын *ордына*.

Поскольку сказуемое главной части выражено индикативом, событие главной части реально осуществленное или осуществляемое. Событие в зависимой части предстает как потенциальное, которое с точки зрения говорящего более ожидаемая альтернатива для исполнителя действия. Потенциальное событие зависимой части является ожидаемым, закономерным в сложившихся обстоятельствах, а реальное событие главной части – неожиданным, не соответствующим ожиданиям или норме.

В примере (1) зависимая часть с заместительным последлогом *ордына* ‘вместо’ передает типическую эмоциональную реакцию на определенные стимулы, в примерах (2), (3) – общественные нормы поведения, в примере (4) – принятые в отдельном социуме правила поведения. В этих бипредикативных конструкциях из двух возможных ситуаций осуществлена ситуация, представленная в главной части, которая не соответствует норме или системе ожиданий говорящего.

- (1) *Мен Байкалдын бу сөстөрине сүүнердин ордына, та ненин де учун ачынын турадым.* (Шинжин 1983, с. 75)

мен=Ø	Байкал=дын	бу	сөс=төр=ин=е
я=NOM	Байкал=GEN	этот	слово=Pl=POSS.3=DAT
сүүн=ер=дин	ордына	та	ненин де учун
радоваться=PrP=GEN	вместо	PTCL	почему-то
ачын=ып	тур=ад=ым		
сердиться=CV	AUX: стоять=PRES=1SG		

‘Я вместо того чтобы радоваться этим словам Байкала, почему-то сержусь.’

- (2) *Жакшы иштеердин ордына, керижип, улустын санаа-күүнин үрөп жадыгар.* (Палкин 2006, с. 126)

жакшы	иште=ер=дин	ордына	кериж=ип
хороший	работать=PrP=GEN	вместо	ругаться=CV
улус=тын	санаа-күүн=и=н	үрө=п	яд=ыгар
люди=GEN	настроение=POSS.3=ACC	портить=CV	AUX: лежать=2PL

‘[Вы] вместо того чтобы хорошо работать, ругаетесь, портите настроение людям.’

- (3) *Ол амыралтага чыгып, тегин отураддын ордына, «Народный партияда», Эл Курултайда база беш жыл иштеди.* (АЧ)

ол	амыралта=га	чыг=ып	тегин	отур=ар=дын	ордына
он	пенсия=DAT	выходить=CV	просто	сидеть=PrP=GEN	вместо
народный	партия=да		Эл Курултай=да		база
народный	партия=LOC		Эл.Курултай=LOC		еще
беш	жыл	иште=ди			
пять	лет	работать=PAST			

‘Он, выйдя на пенсию, вместо того чтобы сидеть без дела, еще пять лет работал в «Народной партии», Эл Курултае.’

- (4) *Балдар темиккени аайынча чыгып, стройго турардын ордына, бастыразы көзнөк жаар болдылар.* (Тоенов 1984, с. 15)

балдар=Ø	темик=кен=и=Ø		аайынча	чыг=ып
дети=NOM	привыкать=PP=POSS.3=NOM		POSTP	выходить=CV
строй=го	тур=ар=дын	ордына		бастыразы
строй=DAT	стоять=PrP=GEN	вместо		все
көзнөк=Ø	жаар	бол=ды=лар		
окно=NOM	POSTP	быть=PAST=3PL		

‘Дети, вместо того чтобы по обыкновению встать в строй, все ринулись к окну.’

В следующих двух примерах, которые встретились у одного и того же автора, послелог *ордына* сочетается с причастной формой настоящего-будущего времени =ар в форме не притяжательного, а неопределенного падежа. Это не типичные для алтайского языка примеры и являются скорее исключением, чем нормой.

- (5) *...сен дезе болужар ордына бу жерди өдө берер.* (Маскина 2002, с. 45)

сен=Ø	дезе	болуж=ар	ордына	бу	жер=ди
ты=NOM	PTCL	помогать=PrP	вместо	этот	земля=ACC
өд=ө		бер=ер			
проходить=CV		AUX: дать=PrP			

‘...а ты, вместо того чтобы помочь, проходишь мимо.’

- (6) *Амыраар ордына жүреги токынабай, деремне дөөн базар.* (Маскина 2002, с. 64)

амыра=ар	ордына	жүрег=и=Ø	токына=бай
отдыхать=PrP	вместо	сердце=POSS.3=NOM	успокаиваться=CV.NEG
деремне=Ø	дөөн	баз=ар	
деревня=NOM	POSTP	ходить=PrP	

‘Вместо того чтобы отдохнуть, [она] не успокаиваясь идет в деревню.’

В алтайском языке, как и во многих других тюркских языках, сказуемое всегда принимает показатели 1-го и 2-го лица, если даже субъект выражен лексически. В примере (5) субъект выражен лексически местоимением *сен* ‘ты’, а сказуемое не оформлено показателем 2 л. ед. ч.

Пример (6) интересен тем, что субъект как целое не назван, на него указывает possessивный аффикс 3 л. существительного, называющего часть тела *жүреги* ‘ее сердце’. Такие конструкции М. И. Черемисина считает разноподлежащими реализациями моносубъектных конструкций.

Заместительная конструкция с *ордына* встречается и в других тюркских языках Южной Сибири: тув. *Tv=ar/=ның орнунга* ‘вместо того чтобы’ [Шамина 2001, с. 192–193], *Tv=ar орнунга* ‘вместо того чтобы’, хак. *Tv=ar орнына*, а также в бурятском *Tv=x=ын орондо* ‘вместо того чтобы’ [Скрибник, Даржаева 2016, с. 263–280]. Во всех этих языках, как и в алтайском, заместительный послелог *орондо / орнунга / орнына / ордына* ‘вместо того чтобы’ сочетается с причастием будущего времени в неопределенном или / и притяжательном падеже.

2. Заместительно-предпочтительные конструкции

В алтайском языке четыре конструкции с деепричастием на =ганча передают заместительно-предпочтительные отношения. Они выражают предпочтительность одной ситуации другой.

2.1. Деепричастная конструкция (Tv=ганча), (ГПЕ) ‘чем А, Б’

Деепричастие на =ганча выражает целый ряд обстоятельственных значений, которые реализуются в разных морфологических и синтаксических окружениях, что дает основание исследователям выделять несколько омонимичных форм. Так, авторы коллективной монографии «Синтаксис осложненного предложения в алтайском языке» [Тыбыкова и др., 2013] для современного алтайского языка выделяют три омонимичные формы: сопроводительное деепричастие на =ганча 1, деепричастие временного ограничения действия (события) другим действием (событием) на =ганча 2, заместительно-предпочтительно-сопоставительное деепричастие на =ганча 3. По мнению исследователей, они отличаются не только семантикой, но и своими морфолого-синтаксическими свойствами «-ганча-1 и -ганча-3 неспрягаемы, они образуют только моносубъектные фразы, -ганча-2 факультативно спрягается и является вариативно-субъектным» [Там же, 2013, с. 116].

Деепричастие на =ганча оформляет зависимое сказуемое моносубъектных конструкций, в которых из двух возможностей действие главной части дается как предпочтительное. Как показывает пример (7), форма на =ганча спрягается.

- (7) *Калаптанбазан, экем, кулдардын чадырында жатканчанг, ак өргөддө отырарын, жалчы болуп иштегенчен, алам-өчөктө жүрерин.* (Шодоев 1983, с. 69)

калаптан=ба=за=н	экем	кул=дар=дын	
сопротивляться=NEG=COND=2SG	милый	раб=PL=GEN	
чадыр=ын=да	жат=канча=н	ак	өргөддө
юрта=POSS.3=LOC	жить=CV=2SG	белый	дворец=LOC
отыр=ар=ын	жалчы=Ø	бол=уп	иште=генче=н
сидеть=PrP=2SG	слуга=NOM	быть=CV	работать=CV=2SG
алам-өчөк=тө	жүр=ер=ин		
достаток=LOC	жить=PrP=2SG		

‘Не сопротивляйся, милая, чем жить [тебе] в юрте рабов, будешь сидеть в белом дворце, чем работать [тебе] слугой, будешь жить в достатке.’

- (8) *Коп жайганча, иштеер керек.* (Палкин 2006, с. 38)

коп=Ø	жай=ганча	иште=ер	керек
сплетни=NOM	распространять=CV	работать=PrP	MOD

‘Чем сплетни распространять, надо работать.’

Сказуемое главной части может принимать форму императива 2 л. и 3 л., реже 1 л. Во 2-м лице конструкция выражает побуждение, рекомендацию совершить действие в главной части, вместо действия в зависимой части (9), (10).

- (9) *Тегин калыраганча, атка бар.*

тегин	калыра=ганча	ат=ка	бар=Ø
зря	болтать=CV	конь=DAT	идти=IMP.2SG

‘Чем зря болтать, иди за конем.’

- (10) *Баштактанганча, мылчага суу тажыгар.*

слер=Ø	баштактан=ганча	мылча=га	суу=Ø
вы=NOM	баловаться=CV	баня=DAT	вода=NOM

тажыгар
таскать=IMP.2Pl

‘Чем баловаться, таскайте воду в баню.’

В 3-м лице императива выбранное (предпочтительное) действие соответствует желанию говорящего (11).

- (11) *Олјого киргенче, агару каным Алтайыма шинзин.* (Шодоев 1983, с. 147)

олјо=го кир=генче агару кан=ым=Ø
 плен=DAT войти=CV святой кровь=POSS.1SG=NOM
 Алтай=ым=а шин=зин
 Алтай=POSS.1SG=DAT впитываться=IMP.3

‘Чем в плен попасть, пусть моя святая кровь прольется на моем Алтае.’

В следующих примерах главное сказуемое оформлено показателем 1 л. ед. ч. (12) и мн. ч. (13) императива. В примере (12) представлено решение говорящего реализовать главное действие, которое является предпочтительным. В примере (13) дано «предпочтение с приглашением к реализации».

- (12) *Дарчынын алдына тизеленип мўргигенче, ада-оббөкөниг жангы учун жуу жарлайдым.* (Шодоев 1983, с. 69)

Дарчы=нын алдына тизелен=ип
 PN=GEN перед становится.на.колени=CV
 мўрги=генче ада-оббөкө=нин жан=ы=Ø учун
 молиться=CV предки=GEN закон=POSS.3=NOM POSTP
 жуу=Ø жарла=йд=ым
 война=NOM объявлять=PRES=1SG

‘Чем перед Дарчы, становясь на колени, молиться, объявляю войну за законы предков.’

- (13) *Жангыскан басканча, жаба коштой базаак, кыс.* (Укачин 1985, с. 10)

жангыскан бас=канча жаба коштой баз=аак кыс=Ø
 один ходить=CV вместе рядом ходить=IMP.1PL девушка=NOM

‘Чем одному идти, давай вместе пойдем, девушка.’

Деепричастная конструкция с формой на =ганча широко используется в словицах и поговорках (14).

- (14) *Капка толо саа болгончо, калбакка толо аш болзын.*

кап=ка толо саа=Ø бол=гончо
 мешок=DAT полный шелуха=NOM быть=CV
 калбак=ка толо аш=Ø бол=зын
 ложка=DAT полный зерно=NOM быть=IMP.3

‘Чем полный мешок шелухи будет, пусть полная ложка зерна будет.’

В следующем примере сказуемое главной части оформлено условной аналитической формой =ган болзо, которая в финитной позиции выражает семантику желания. В зависимой части описывается реальное негативно оцениваемое положение дел, а в главной – положительно оцениваемый, но упущенный выбор. Модальное слово *кайдар* усиливает семантику сожаления по поводу упущенной возможности.

- (15) *Лайыла тойлоп, жырган жүргенче, беш те бугул өлөң эдип салган болзом кайдар.* (Палкин 2006, с. 157)

жай=ы=ла тойло=п жырга=п
 лето=POSS.3=INSTR ходить.на.свадьбу=CV праздновать=CV
 жүр=генче беш=Ø те бугул=Ø өлөң=Ø
 ходить=CV пять=NOM PTCL копна=NOM сено=NOM
 эд=ип сал=ган бол=зо=м кайдар
 делать=CV AUX: класть=PP AUX: быть=COND=1SG MOD

‘Чем все лето ходить на свадьбы, праздновать, поставил бы я хотя бы пять копен сена.’

Упущенная возможность реализации предпочтительного действия выражается в предложениях с главным сказуемым, выраженным аналитической конструкцией *Tv=ap керек болгон* ‘надо было что-л.’.

(16) *Амырап барганча, кузуктар керек болгон.*

амыра=п бар=ганча кузукта=р керек бол=гон
отдыхать=CV идти=CV шишковать=PrP MOD быть=PP
‘Чем ехать отдыхать, надо было шишковать.’

2.2. Деепричастная конструкция (*Tv=ганча*), (*Tv=за артык*) ‘чем А, лучше Б’

В конструкции (*Tv=ганча*), (*Tv=за артык*) ‘чем А, лучше Б’ отвергаемая ситуация представлена деепричастием на *=ганча*, предпочтительная ситуация оформлена как условная, главная часть – предикат положительной оценки *артык* ‘лучше’. Н. Д. Арутюнова называет такие предложения предложениями «операционального предпочтения» [1999, с. 252].

(17) *Сениле куучындашканча, бу Жееренкеле куучындашсам артык.* (Каинчин 1984, с. 34)

сен=иле куучындаш=канча бу Жееренке=ле
ты=INSTR разговаривать=CV этот PN=INSTR
куучындаш=са=м артык
разговаривать=COND=1SG лучше
‘Чем с тобой разговаривать, лучше буду разговаривать с этим Деееренке.’

2.3. Деепричастная конструкция (*Tv=ганча*), (*Tv=за торт*) ‘чем А, лучше Б’

Следующая конструкция (*Tv=ганча*), (*Tv=за торт*) ‘чем А, лучше Б’ формально отличается от предыдущей предикатом в главной части. По употребительности конструкция с *торт* ‘лучше’ более частотна и активна, чем конструкция с *артык* ‘лучше’.

(18) *Бу мынайып шыралаганча, буга салынып ёлзё то-орт, торт!* (Кокышев 2010, с. 35)

бу мынайып шырала=ганча буу=га
этот так мучиться=CV веревка=DAT
сал=ын=ып ёл=зё то-орт торт
класть=REFL=CV умирать=COND лучше лучше
‘Чем так мучиться, лучше повеситься.’

2.4. Деепричастная конструкция (*Tv=ганча*), (*Tv=база торт*) ‘чем А, лучше не Б’

Не менее частотен отрицательный вариант конструкции: (*Tv=ганча*), (*Tv=база торт*) ‘чем А, лучше не Б’. Отрицательное действие в главной части более предпочтительно, чем зависимое действие.

(19) *Тантыбар=ла табарышканча, унчукпаза торт.* (Палкин 2006, с. 134)

Тантыбар=ла табар=ыш=канча унчук=па=за торт
Тантыбар=INSTR сталкивать=RECIP=CV молвить=NEG=COND лучше
‘Чем с Тантыбаром сталкиваться, лучше не говорить.’

- (20) *Баш ла бол, оны көргөнчө – көрбөзө торт.* (Укачин 1985, с. 91)
 баш=Ø ла бол=Ø о-ны
 голова=NOM PTCL AUX: быть=IMP.2SG он-ACC
 көр=гөнчө көр=бө=зө торт
 видеть=CV видеть=NEG=COND лучше
 ‘О боже, чем это видеть, лучше не видеть.’
- (21) *Ийт-та-тай, укканча укпаза торт.* (Палкин 2006, с. 149)
 Ийт-та-тай ук=канча ук=па=за торт
 INTERJ слышать=CV слышать=NEG=COND лучше
 ‘Фу-у, чем слышать, лучше не слышать.’

* * *

Таким образом, в алтайском языке заместительные отношения выражаются причастно-последложной конструкцией с послелогом *ордына* ‘вместо’ и деепричастными конструкциями с формой на =ганча. В причастно-последложной конструкции констатируется, что реализованная ситуация в главной части не соответствует системе ожиданий говорящего. В деепричастных же конструкциях из двух возможных ситуаций, как предпочтительная оценивается ситуация в главной части. Деепричастные конструкции являются оценочными, что усиливается словами с оценочной семантикой *артык* ‘лучше’ и *торт* ‘лучше’. Главное сказуемое причастно-последложной конструкции с *ордына* может быть выражено только формой индикатива, в отличие от конструкции с деепричастием на =ганча, для которой помимо индикатива, характерно использование императива, конъюнктива и других модальных форм.

Список литературы

- Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.
- Буркова С. И.* Заместительные конструкции в ненецком языке // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 2003. Вып. 11. С. 137–161.
- Оркина Л. Н.* Аспектуально-темпоральная характеристика высказываний с семантикой обусловленности в современном русском языке: Автореф. дис. ...д-ра филол. наук. СПб., 2000.
- Предикативное склонение причастий в алтайских языках / М. И. Черемисина, Л. М. Бродская, Л. М. Горелова и др. Новосибирск: Наука, 1984. 191 с.
- Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. Т. 2: Синтаксис.
- Скрибник Е. К., Даржаева Н. Б.* Бурятские конструкции сопоставления-предпочтения // Сибирский филологический журнал. 2016. № 3. С. 263–280.
- Тыбыкова А. Т., Черемисина М. И., Тыбыкова Л. Н.* Синтаксис осложненного предложения в алтайском языке. Горно-Алтайск: РИО Горно-Алт. ун-та, 2013. 268 с.
- Шамина Л. А.* Полипредикативные синтетические предложения в тувинском языке. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 250 с.

Список текстовых источников

- АЧ – республиканская газета «Алтайдын чолмоны»
 Тоенов 1984 – В. Тоенов. Кайынгаш. Горно-Алтайск, 1984.
 Каинчин 1984 – J. Каинчин. Айлыбыс жангыс өзбөктө. Горно-Алтайск, 1984.
 Маскина 2002 – J. Маскина. Јүрүмнин журуктары. Горно-Алтайск, 2002.
 Шодоев 1983 – И. Шодоев. Кызаланду жылдар. Горно-Алтайск, 1983.

- Кокышев 2010 – Л. Кокышев. Туулардын уулы. Горно-Алтайск, 2010.
 Палкин 2006 – Э. Палкин. Алан. Горно-Алтайск, 2006.
 Укачин 1985 – Б. Укачин. Туулар, туулар ла бойы артар. Горно-Алтайск, 1985.
 Шинжин 1983 – Т. Шинжин. Кырлык суулардын кожоны. Горно-Алтайск, 1983.

Список условных обозначений

1PI, 2PI, 3PL – личные аффиксы 1, 2, 3-го лица множественного числа; **1SG, 2SG, 3SG** – личные аффиксы 1, 2, 3-го лица единственного числа; **ACC** – винительный падеж; **AUX** – вспомогательный глагол; **COND** – условное наклонение; **CV** – форма деепричастия; **DAT** – дательный падеж; **GEN** – притяжательный (родительный) падеж; **IMP** – повелительное наклонение; **INSTR** – орудный падеж; **INTERJ** – междометие; **LOC** – местный падеж; **NEG** – отрицательная форма глагола, причастия, деепричастия; **CV.NEG.** – отрицательное деепричастие на =бай; **MOD** – модальное слово; **NOM** – неопределенный падеж; **PAST** – форма прошедшего времени на =ды; **PL** – множественное число; **PN** – имя собственное; **POSS** – аффикс принадлежности; **POSTP** – послелог; **PP** – форма причастия прошедшего времени на =ган; **PrP** – форма причастия настоящего-будущего времени на =ар; **PTCL** – частица; **RECIP** – взаимно-совместный залог; **REFL** – возвратный залог; **SG** – единственное число; **Tv** – основа глагола; **Ø** – нулевая морфема; знак равенства – морфемный шов при словоизменительных и формообразовательных аффиксах; тире – морфемный шов при наложении морфов.

A. A. Ozonova

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
 Novosibirsk, Russian Federation, ajanao@mail.ru*

Constructions denoting alternatives and preferences in the Altai language

The paper is devoted to the description of the syntactic constructions denoting alternatives in the Altai language. Two semantic types of such constructions are distinguished: constructions denoting alternatives and constructions denoting preferences. In the alternative denoting constructions, the action in the main clause does not correspond to the speaker's expectations; in the preference denoting constructions, the action in the main clause is preferable compared to the action in the subordinate clause. The contrast is revealed through the comparison of two actions. The participial-postpositional construction with the postposition *ордына* 'instead' is used for the first type, and the four adverbial participial constructions with the form with =ганча denote the second type. Three of these constructions contain three components, with the rejected situation being represented by the =ганча adverbial participle, and the preferred situation as a conditional one; the main clause is a positive predicate *артык* 'better' or *торт* 'better.' In contrast to the participial-postpositional construction with the postposition *ордына*, these constructions contain the evaluating components. The predicate of the main clause with *ордына* may only function as an indicative, and the predicate of the main clause of the construction with =ганча may be used in indicative, imperative, conjunctive, and other modal forms.

Keywords: Turkic languages, Altai language, complex sentence, semantic relations in complex sentence, denoting alternatives constructions, preferences constructions, alternatives (suggestions and rejections).

DOI 10.17223/18137083/69/24

References

- Arutyunova N. D. *Tipy yazykovykh znacheniy. Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of linguistic meanings. Evaluation. Event. Fact]. Moscow, Nauka, 1988.
- Burkova S. I. Zamestitel'nye konstruksii v nenetskom yazyke [Replacement constructions in the Nenets language]. *Yazyki korennykh narodov Sibiri*. Novosibirsk, 2003, iss. 11, pp. 137–161.
- Cheremisina M. I., Brodskaya L. M., Gorelova L. M., et al. *Predikativnoe sklonenie prichastiy v altaiskikh yazykakh* [Predicative declension of participles in Altai languages]. Novosibirsk, Nauka, 1984, 191 p.
- Orkina L. N. *Aspektual'no-temporal'naya kharakteristika vyskazyvaniy s semantikoy obuslovlennosti v sovremennom russkom yazyke* [Aspectual-temporal characteristic of sentences with the semantics of conditioning in modern Russian]. Abstract of Dr. philol. sci. diss. St. Petersburg, 2000.
- Russkaya grammatika. T. 2. Sintaksis* [Russian Grammar. Vol. 2. Syntax]. N. Yu. Shvedova (Ed.). Moscow, Nauka, 1980.
- Shamina L. A. *Polipredikativnyye sinteticheskiye predlozheniya v tuvinskom yazyke* [Polypredicative synthetic sentences in the Tuva language]. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf, 2001, 250 p.
- Skribnik E. K., Darzhayeva N. B. *Buryatskie konstruksii sopostavleniya-predpochteniya* [Buryat constructions denoting alternatives and preferences]. *Siberian Journal of Philology*. 2016, no. 3, pp. 263–280.
- Tybykova A. T., Cheremisina M. I., Tybykova L. N. *Sintaksis oslozhnennogo predlozheniya v altayskom yazyke* [Syntax of a complicated sentence in the Altai language]. Gorno-Altaysk, RIO Gorno-Alt. univ., 2013, 268 p.

УДК 821.161.1Идиот7Достоевский.07
DOI 10.17223/18137083/69/25

О. Е. Осовский

Мордовский государственный педагогический институт, Саранск

**Живопись в слове: экфразистические стратегии
в романе Ф. М. Достоевского «Идиот»**

Рецензия на книгу:

**Перлина Н. М. Тексты-картины и экфразисы
в романе Ф. М. Достоевского «Идиот»
СПб.: Алетей, 2017. 288 с.**

Рассматривается монография американского литературоведа Н. Перлиной, посвященная художественной специфике представления живописных полотен и визуализированных сцен в романе Ф. М. Достоевского «Идиот». Автор, проводя краткий экскурс в историю понятия «экфразис» и осмысления его места в риторике, семиотике и теории литературы и современной коммуникации, определяет задачи и приемы введения живописного полотна, фотографии и иных объектов в текст словесного произведения. По ее мысли, экфразисы виденных Ф. М. Достоевским картин играют важную роль в общем замысле, поэтике, самой структуре «Идиота», организуя отдельные эпизоды и даже сюжетные линии романа, придавая особую символику его образам.

Ключевые слова: экфразис, живая картина, визуализация, роман Ф. М. Достоевского «Идиот», «реализм в высшем смысле».

Российским литературоведам американский славист Нина Перлина известна прежде всего как автор биографии О. М. Фрейденберг и многочисленных статей о русской литературе XIX в., Н. В. Гоголе, Ф. М. Достоевском, наследии М. М. Бахтина¹. Интерес к научной концепции О. М. Фрейденберг и европейской античности, русской классике и карнавально-смеховому миру славянского фольклора, идеям М. М. Бахтина и современной западной теории во многом определяет подходы автора в рецензируемой книге.

¹ О вкладе ученого см. посвященный ей юбилейный сборник: Indiana Slavic Studies. Volume 18: From Petersburg to Bloomington: Studies Presented in Honor of Nina Perlina. Bloomington, Indiana: Slavica Publishers, 2012. 376 p.

Осовский Олег Ефимович – доктор филологических наук, научный сотрудник кафедры лингвистики и перевода факультета иностранных языков Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева (ул. Студенческая, 13а, Саранск, 430027, Россия; osovskiy_oleg@mail.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2019. № 4
© О. Е. Осовский, 2019

Нельзя сказать, что рассматриваемая проблема является однозначно новой и не исследованной. Литература об экфразисе насчитывает десятки томов, сотни статей, впрочем, исследовательница и не претендует на теоретическую новизну заявленной темы, четко обозначая круг авторов, чья интерпретация экфразиса созвучна ее пониманию этого непростого явления. Следует отметить, что для Н. Перлиной характерна довольно редко, увы, встречающаяся в наше время научная корректность в обращении с текстами коллег. Оттого прилагаемая к книге библиография может служить своего рода путеводителем и по современной теории экфразиса (от Н. Баргинской до О. Коваля, Д. Токарева и др.), и по проблеме экфрастичности у Ф. М. Достоевского (Е. Новикова, Т. Касаткина, К. Степанян и др.). Н. Перлина почти минимизирует стоящую перед книгой задачу, предполагая лишь дополнить уже сказанное разбором конкретного произведения: «Среди работ по экфразису <...> мне не удалось найти ни одной монографии, в которой бы рассматривался вопрос о роли экфразиса в одном конкретном романе. Это укрепило меня в решении написать об экфразисе в романе Достоевского “Идиот”» (с. 5–6).

Именно этим обусловлено обращение автора к историко- и теоретико-литературному аспектам экфразиса. Опираясь на известные работы Н. Брагинской, она прослеживает историю интерпретации этого явления от поздней античности, прежде всего Филострата Старшего, до новых литературных эпох. Нельзя не заметить определенную субъективность в подходе автора, из всего многообразия имен теоретиков нарративного экфразиса выбравшей О. М. Фрейденберг, однако для развития научного сюжета этот выбор оказывается оправданным. «С установлением границы между субъектом и объектом речи, появление просителя, обращающегося к милости божества, его мольба-обращение превращалась в “косвенный рассказ” о перенесенных претерпеваниях, – пишет она вслед за автором «Поэтики сюжета и жанра». – “*Sta, Viator!*”, – в этой афористической формуле античной эпитафии-эпиграммы содержится эмбрион и экфразиса, и рассказа-наррации» (с. 15). Само сближение экфразиса с иными формами наррации в процессе становления повествовательных жанров примечательно: в дальнейшем оно позволит Н. Перлиной использовать максимально широкое понимание экфразиса как способа воспроизведения в литературном тексте не только живописного полотна, гравюры и других объектов искусства, но и любой «живой картины», массовой сцены, диалога или воспоминания, имеющих оттенок «срежиссированности». Именно поэтому в «теоретическом экскурсе» представлено довольно подробное обоснование экфразиса не только как «косвенного рассказа», но и как «конструктивной модели повествования», а глубокое знание работ М. М. Бахтина позволяет ей не без оснований определить экфразис как одно из проявлений бахтинского «чужого слова» и согласиться с формулой «диалогического экфразиса». «Непосредственный или воображаемый контакт с созерцаемым объектом искусства, всегда внутренне диалогичный по смысловому наполнению, – поясняет она, – лежит в основе экфразиса» (с. 18).

Экскурс в теорию подкрепляется выразительными историко-литературными примерами. Так, подтверждением широкого поля возможностей, открываемого для писателя диалогизмом экфразиса, служит отчасти пародийная, отчасти травестийная интерпретация в «Идиоте» образов и сюжетов и их визуального контекста из «Дамы с камелиями» А. Дюма-сына. Проникновение в теоретический раздел конкретного материала более чем оправдывает себя: читатель сразу получает возможность от «сухой» теории перейти к конкретике текста. Подобная диалогическая связь присутствует и в ситуации перехода от «практики» к «теории», и в следующем разделе, размышляя о специфике экфразиса в связи с фотографи-

ческим портретом Настасьи Филипповны, Н. Перлина обращается к семиотике фотографии Р. Барта.

Естественно, что основное внимание литературовед уделяет тому, как и для чего возникают словесные образы тех или иных картин, известных сюжетов в романном пространстве. В четко структурированной монографии этому посвящены пять разделов, в которых последовательно анализируются различные формы и форматы представления экфразисов и текстов картин в «Идиоте»: «Встречи с лицами и портретами», «Картины смертной казни и разговоры о вере», «Сервантес – Достоевский, Мышкин – Дон Кихот», «Треугольник Настасья Филипповна – Мышкин – Аглая: Картины борьбы душевных сил», «Косвенные рассказы-экфразисы четвертой части романа».

Погружаясь в детали биографии писателя, представленные в его переписке, воспоминаниях А. Г. Достоевской и других современников, исследовательница убедительно реконструирует его отношение к тем самым полотнам, экфразисы которых так по-разному воспроизведены на страницах романа. Каждая из виденных Ф. М. Достоевским картин становится своего рода ключом к соответствующим частям «Идиота»: это и «Три сестры» и «Мистическое обручение святой Екатерины» Дж. Пальма Веккьо, и «Христос в могиле» Г. Гольбейна-младшего, и «Усекновение главы Иоанна Крестителя» Г. Фриса. Обращаясь к картине, писатель не просто вступает в творческий диалог с художником и создает атмосферу фрагмента, эпизода или главы, но и обозначает некий модус разворачивающегося повествования – от насмешливо-иронического до бесконечно трагического. Так, веселая юность трех очень живых героинь Дж. Пальма Веккьо отзывается в известном портрете Александры, Аделаиды и Аглаи Епанчиных: «Все три девицы Епанчины были барышни здоровые, цветущие, рослые, с удивительными плечами, с мощною грудью, с сильными, почти как у мужчин, руками» (с. 36). Картина Г. Гольбейна становится во многом определяющей для важнейших разговоров о боге и смерти, которые ведут Мышкин, Рогожин, Ипполит и другие персонажи. Впечатление, произведенное этой картиной, по воспоминаниям жены, на Ф. М. Достоевского, передано многим героям, и не случайно копия этого полотна оказывается в доме Рогожина. «Мистическое обручение святой Екатерины», по мнению Н. Перлиной, может быть интерпретировано как иллюстрация истории Аглаи Епанчиной и представлено в романе рядом «мини-экфразисов», соответствующих конкретным событиям в жизни героини.

Подчеркнем еще раз, что характерное для исследовательницы расширительное толкование экфразиса в значительной степени облегчает ей визуализированную интерпретацию фигуры главного героя. Сформулированная писателем задача показать явление «положительно прекрасного лица» решается соединением в князе Мышкине черт Христа и Дон-Кихота: «Как создатель романа о положительно прекрасном лице, автор апеллирует к ответным чувствам и восприятию читателя, таким образом, установка на экфразис оказывается заданной по отношению и к создаваемому, и к созданному тексту» (с. 159). При этом Н. Перлина имеет в виду не конкретные картины, связанные с Христом или героем Сервантеса, но общую сюжетную канву и логику поступков князя, обретающих под пером писателя почти иконическую выразительность.

В заключение предположу, что в книге обозначен путь, которым на смену «дагеротипному реализму» натуральной школы и ее прямых последователей приходит «реализм в высшем смысле». Нет сомнений, что исследовательнице удалось показать одну из важнейших особенностей писательского видения Ф. М. Достоевского. Более того, очевидно, что эти черты имеют место и в других его произведениях, и предложенный американским славистом подход мог бы найти про-

должение в анализе ранней прозы писателя, повестей и рассказов зрелого периода, других романов.

O. E. Osovskiy

*Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evseviev
Saransk, Russian Federation, osovskiy_oleg@mail.ru*

Painting with the word: ekphrasis strategies in F. M. Dostoevsky's "Idiot"

Book review:

Perlina N. M. Teksty-kartiny i ekfrazisy v romane F. M. Dostoyevskogo "Idiot" (Texts-pictures and ekphrasis in F. M. Dostoevsky's "Idiot"). St. Petersburg, Aleteyya, 2017, 288 p.

The reviewed monograph of American slavist Nina Perlina demonstrates the role of ekphrasis in Dostoevsky's novel and different ways to present old masters' paintings. The specific nature of Dostoevsky's realistic talent makes it necessary to give a detailed review of the ekphrasis theory and its Russian sources. The history of the ancient ekphrasis in the works of O. Freidenberg and N. Braginskaya helps the author to create her understanding of the phenomenon and its visual potential for the modern narrative practice. One of the most important points of N. Perlina's ekphrastic theory is the idea of ekphrastic dialogism based on the views of Mikhail Bakhtin and presented in the forms of "reported narration" and a "constructive narrative model."

Different forms and formats of Dostoevsky's realization of the ekphrastic strategies are analyzed in five successive chapters: "Meetings with faces and portraits", "Death penalty pictures and talks about the Faith", "Cervantes – Dostoevsky, Myshkin – Don Quixote", "The triangle Nastasya Filippovna – Myshkin – Aglaya: Pictures of the inner struggle", "The reported ekphrastic narrations in the fourth part of the novel". N. Perlina gives the detail description of the iconographic history of the paintings and the nuances of Dostoevsky's visits to the museums of Basel and Dresden and his reception of the works by G. Palma Vecchio, H. Holbein, H. Fries. The paintings play a significant role in the iconical, ideological, symbolical, religious structure of the novel, helping to reveal the profound meaning of the episodes with the most tensed collisions of the characters.

Keywords: ekphrasis, live picture, visualization, F. M. Dostoevsky's "Idiot," "realism in the highest sense".

DOI 10.17223/18137083/69/25

О. А. Фарафонова

Новосибирский государственный педагогический университет

**Всероссийская научная конференция
«Вторые Чумаковские чтения. Текст – автор – писатель»
(Новосибирск, 12–13 апреля 2019 года)**

В обзоре Всероссийской научной конференции «Вторые Чумаковские чтения. Текст – автор – писатель» даны краткий перечень основных тематических направлений конференции и резюме докладов. Ежегодная конференция посвящена памяти профессора Юрия Николаевича Чумакова.

Ключевые слова: текст, автор, писатель, травелог, рецепция, метатекст.

12–13 апреля 2019 г. в Новосибирском государственном педагогическом университете состоялась Всероссийская научная конференция «Вторые Чумаковские чтения. Текст – автор – писатель». Тематика конференции заинтересовала литературоведов, лингвистов, философов, историков из Новосибирска, Москвы, Екатеринбурга, Краснодара, Томска, Красноярска, Перми, Кемерово, Ханты-Мансийска.

Общая проблематика конференции определялась исследованием произведений художественной и документальной (мемуары, травелоги) литературы в трех аспектах: «“Биографический автор” и биография писателя», «Эксплицитный и имплицитный автор» и «Автор / писатель как персонаж».

Конференцию открыла **Э. И. Худошина** (Новосибирск) с презентацией второго издания книги Ю. Н. Чумакова «В сторону лирического сюжета», в которое вошли ранее не публиковавшиеся материалы. Элеонора Илларионовна рассказала о Ю. Н. Чумакове как человеке и ученом, о его особом отношении к жизни и литературе, прокомментировала концепцию и структуру книги.

Большая группа докладов была прочитана в рамках первого тематического направления работы конференции. Так, в докладе **Л. И. Журовой** (Новосибирск) «Функционирование глосс и маргиналий в рукописной традиции сочинений Максима Грека» были предложены подходы к решению проблемы определения роли автора и книжников в составлении глосс и маргиналий на основе текстологического анализа рукописей XVI–XVII вв. На материале сочинений Максима Грека было показано развитие традиции глоссирования в трудах ученого монаха.

Фарафонова Оксана Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (ул. Вилюйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия; oxana.faroks@yandex.ru)

О. А. Фарафонова (Новосибирск) в докладе «Нарративные стратегии в “Странствователе по суше и морям” Е. П. Ковалевского» показала взаимосвязь жанровых интенций и нарративных стратегий автора-повествователя. Доклад **Н. В. Константиновой** (Новосибирск) был посвящен процессу самоопределения писателя-путешественника в нарративной структуре произведения «путевой прозы» И. А. Гончарова «Фрегат Паллада».

А. Е. Козлов (Новосибирск) в докладе «Два Н. Д.: к вопросу о репутации “писателя без биографии”», обращаясь к биографии, амплуа и ролевым моделям Н. Д. Ахшарумова, продемонстрировал взаимодействие нескольких стратегий, направленных как на захват литературного поля, так и на своеобразный отказ от борьбы за лидерство.

Доклад **Э. М. Жиликовой** и **И. О. Волкова** (Томск) «И. С. Тургенев – читатель Г. Филдинга (по материалам библиотеки писателя)» был посвящен описанию и анализу помет И. С. Тургенева на страницах романа Г. Филдинга «История Тома Джонса, найдёныша». **К. К. Павлович** (Томск) представила доклад «А. В. Никитенко – читатель романа И. А. Гончарова “Обломов”». Автор обратила внимание на то, что на подаренном профессору издании присутствует дарственная надпись автора романа и многочисленные пометы самого Никитенко, проясняющие его эстетическую позицию в осмыслении историко-литературной ситуации 1840–1860-х гг.

А. А. Пономарева (Новосибирск) в докладе «Сюжет “начинающая писательница-провинциалка – известный литератор” в русской литературе середины XIX в.» на основе переписки Н. Д. Хвошинской и др. определила типологические черты положения, в котором оказывалась провинциалка, решившая начать литературную карьеру. **Т. И. Печерская** (Новосибирск) прочитала доклад «Анонимное цитирование как форма авторского присутствия в тексте: игра в Гоголя (повесть Достоевского “Двойник”», в котором проанализировала формы присутствия гоголевского текста в повести Достоевского. Исследователь высказала гипотезу, согласно которой ключом к повествовательному коду является своего рода центон, образованный из комбинации фрагментов гоголевских текстов.

Доклад исследователей из Кемерово **А. Н. Калашниковой** и **Е. Ю. Поселеновой** был посвящен анализу значения рецептивного поля позднего мировоззрения Л. Н. Толстого в аспекте формирования целостного представления о творчестве писателя.

Биографический герой пьесы А. Миллера «После грехопадения» всесторонне проанализирован в докладе **Л. А. Назаровой** (Екатеринбург). Сопоставлению биографии и литературной маски Н. А. Лухмановой (1841–1907) посвящен доклад молодого ученого **Т. В. Левицкой** (Москва). Феномен авторской провинции раскрыт в докладе **А. А. Гуськовой** (Москва), объектом исследования в котором стала книга «Южнорусское Овчарово» Лоры Белоиван.

Не меньший интерес участников конференции вызвало направление «Автор / писатель как персонаж». В контексте этой темы были представлены доклады **Т. В. Михайловой**, **А. В. Михайлова** (Красноярск) «Олег Куваев: автор и его персонажи»; **Д. Н. Поляруш** (Ханты-Мансийск) «Прагматические аспекты нарратива в экспериментальном романе Ф. М. Достоевского “Униженные и оскорбленные”».

Метафорам чтения в творчестве Владимира Сорокина был посвящен доклад **О. Н. Турышевой** (Екатеринбург). В докладе **Е. А. Полевой** (Томск) представлен анализ аллегорий чтения и письма в романе Лены Элтанг «Побег куманики». Тенденция современной литературы «писатель-классик как герой» была проанализирована в докладе **Н. А. Агеевой** (Новосибирск) на материале произведений Т. Толстой «Сюжет» и Б. Штерна «Второе июля четвертого года». **Н. А. Муратова** (Новосибирск) посвятила свой доклад анализу рефлексии мотивов классиче-

ских произведений русской литературы в современной драматургии на примере пьесы О. Шишкина «Анна Каренина II». В докладе **И. М. Искендривой** (Москва) внимание было сосредоточено на особенностях соотношения автора и персонажа в романе А. и Б. Стругацких «Хромая судьба». **Е. В. Харитонова** (Екатеринбург) представила доклад, посвященный анализу субъектной организации, повествовательных стратегий, специфики нарратива и соотношений «автор – персонаж – читатель» в книге иер. Сергия Круглова «Про отца Филофила». Подробному анализу соотношения героя – писателя – корректора – издателя в художественной структуре романа В. Набокова «Просвечивающие предметы» был посвящен доклад **Е. Г. Николаевой** (Новосибирск). Доклад **С. Г. Дюкина** (Пермь) «П. Эстерхази, Д. Конрад и И. Кертес: ликвидация политического в венгерской художественной литературе» представил венгерскую прозу постсоциалистической эпохи с точки зрения тенденции ментальной дискредитации *политического* как определенной семантической совокупности.

В контексте направления «Эксплицитный / имплицитный автор» были прочитаны не менее интересные доклады. Так, в докладе **В. В. Мароши** (Новосибирск) поставлена проблема актуализации демиургической этимологии имени И. А. Гончарова в изображении персонажей и сюжетной линии романа «Обрыв». Соотнося сборники писательских рефлексий 1930 и 2018 гг. (под редакцией Е. Замятина и П. Крусанова соответственно), **И. В. Кузнецов** (Новосибирск) отметил, что принцип теургии, проектируемый эстетикой модерна, будучи опробован в опыте и рефлексиях писателей XX в., сделался рабочим правилом в литературе начала XXI столетия. **Н. А. Ермакова** (Новосибирск) на обширном материале русской лирики XIX в. проследила развитие темы бессонницы в контексте тенденций дедуктивной и индуктивной поэтики. **Е. В. Капинос** (Новосибирск) продемонстрировала тонкий анализ специфики поэтического конструктивизма в сборнике С. Третьякова «Железная пауза» (1919). Анализ мотивы «музыкальной агрессии» в лирике Б. Поплавского был посвящен доклад **Е. В. Тырышкиной** (Новосибирск). Лирический сюжет поэтического микроцикла «Весна» Б. Пастернака стал объектом пристального внимания в докладе **К. В. Абрамовой** (Новосибирск). Метапоэтический план темы Орфея в русской прозе постсимволизма был продемонстрирован **Г. А. Жиличевой** (Новосибирск). В докладе **Ю. В. Шатина** (Новосибирск) «Поэтика необычного в свете теории аргументации (Л. Кэрролл, А. Милл, А. Введенский)» было показано, как в художественных текстах аргументированные ошибки, описанные теоретиками риторики, теряют статус атомарных высказываний и образуют глубокий нарратологический смысл.

В завершение конференции участники обменялись впечатлениями по поводу услышанного за два дня ее работы и выразили надежду на дальнейшее развитие проекта «Чумаковские чтения» и расширение научного сотрудничества.

O. A. Farafonova

*Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation, oxana.faroks@yandex.ru*

**All-Russian scientific conference with international participation
“The Second Chumakov Readings. The Text – the Writer – the Reader”
(Novosibirsk, April 12–13, 2019)**

The review of the All-Russian Scientific Conference “The Second Chumakov Readings. The Text – the Writer – the Reader” gives a brief list of the main thematic areas of the conference and

a summary of the reports. The annual conference is dedicated to the memory of Professor Yury Nikolaevich Chumakov. The topic of the Second Chumakov Readings attracted the attention of Russian and foreign literary scholars and philosophers. The conference began with a speech by E. I. Khudoshina, who presented the second edition of the book by Yu. N. Chumakov "In the direction of the lyrical plot." The main subject of the conference was studying works of fiction and documentary (memoirs, travelogues) literature in three aspects: "Biographical author" and biography of a writer," "Explicit and implicit author" and "Author / writer as a character." At the end of the conference, the participants shared their impressions on the conference ideas and expressed hope for further development of the "Chumakov Readings" project and enhancement of scientific cooperation.

Keywords: text, author, writer, travelogue, reception, metatext.

DOI 10.17223/18137083/69/26